

Булгар -

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

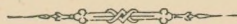
ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

20. 52

7. 32

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

130268

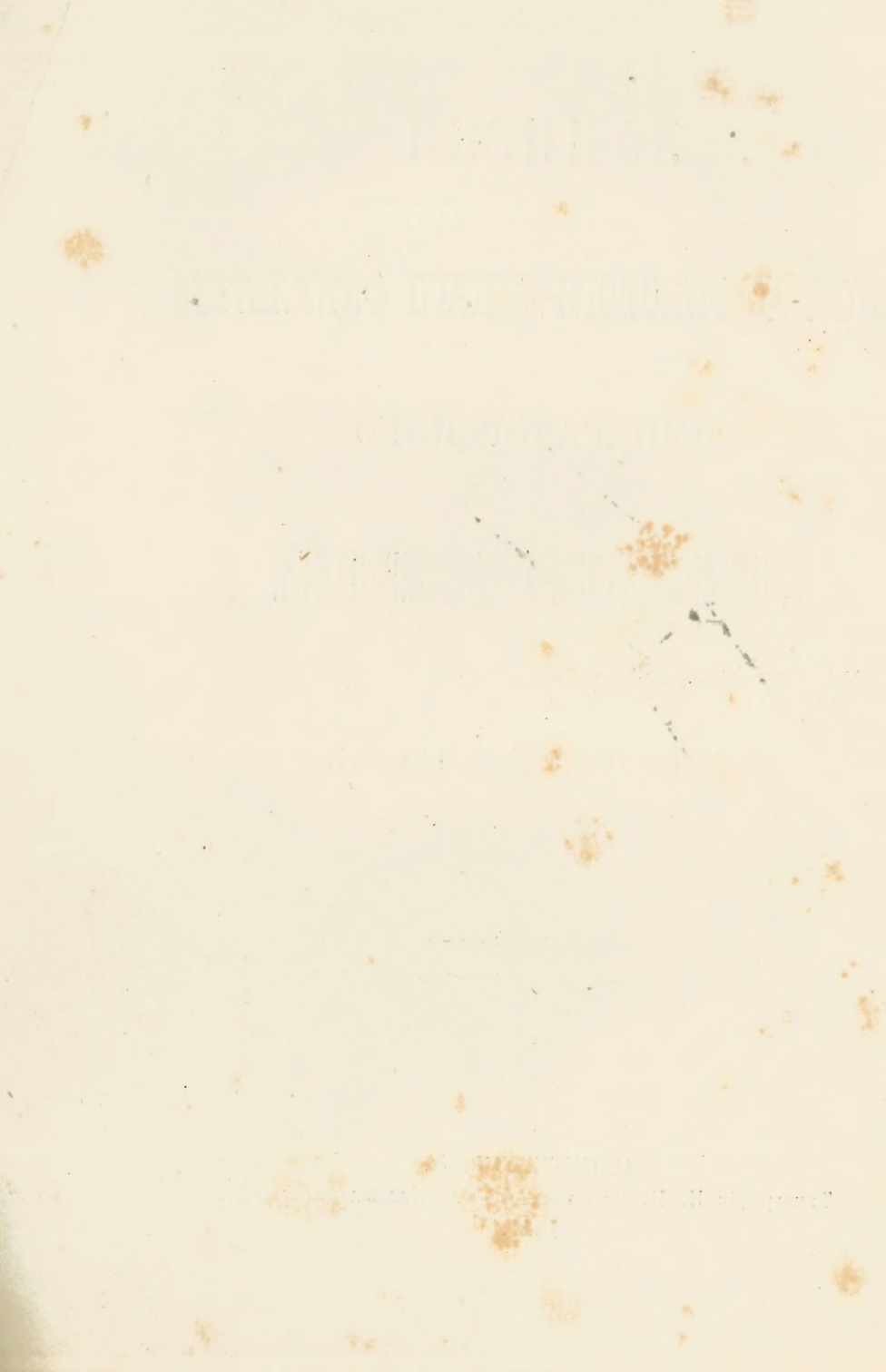
ПАМЯТИ

учителя и друга

↓

Н. В. КРУШЕВСКАГО

авторъ.

С. Буличъ.

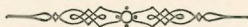
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ

СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ

РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Ч А С Т Ъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1893.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работа эта первоначально была задумана въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Авторъ предполагалъ дать, какъ вступительныя главы, общій очеркъ процесса заимствованія, обзоръ литературы вопроса о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ, краткую общую характеристику церковнославянскаго языка поздняго періода (того періода по преимуществу, въ который, благодаря книгопечатанію, влияние церковнославянскаго на устный и особенно письменный, литературный языкъ должно было сказываться болѣе сильно), и затѣмъ представить полную картину отношеній, созданныхъ въ русскомъ языкѣ заимствованіемъ церковнославянскихъ элементовъ.

При этомъ авторъ имѣлъ и имѣетъ въ виду изученіе процесса заимствованія вообще, какъ одного изъ весьма важныхъ факторовъ развитія языка, значеніе котораго теперь все болѣе и болѣе признается въ наукѣ о языкѣ. Точка зрѣнія, съ которой предполагалось и предполагается разсматривать церковнославянскія заимствованія въ этой работѣ— общесравнительная, имѣющая цѣлью выяснить не только фактическія отношенія вопроса, но и сдѣлать изъ нихъ извѣстные общіе выводы, важные въ методологическомъ отношеніи. Такъ какъ главный матеріалъ былъ уже ранѣе собранъ, то авторъ рассчитывалъ вскорѣ же приступить собственно къ его разработкѣ. Но, пытаясь установить характеристическія черты церковнославянскаго языка позднѣйшаго періода, авторъ скоро убѣдился въ необходимости самостоятельнаго изслѣдованія въ этой области, въ виду крайней скудости и недостаточности матеріала, имѣвшагося по этой части въ научной нашей литературѣ *). Вслѣдствіе этого

*) Почти единственная попытка обработки этого матеріала—Грамматика славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго. Спб. М. О. Вольфъ. 2-е измѣненное изданіе 1867, 5-е безъ перемѣнъ 1887.

предполагавшійся сжатый очеркъ церковнославянскаго языка разросся до такихъ размѣровъ, что автору пришлось разбить всю работу на двѣ части, изъ которыхъ первая и повергается теперь на судъ компетентныхъ цѣнителей. Вторая часть уже будетъ разсматривать самыя церковнославянскія заимствованія въ фонетическомъ, морфологическомъ и семаіологическомъ отношеніяхъ. Выступая въ первый разъ съ болѣе обширной работой, авторъ вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую признательность лицамъ и учрежденіямъ, такъ или иначе помогавшимъ ему въ настоящей работѣ: прежде всего учителю своему, извѣстному языковѣду-слависту, профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, лекціямъ, научнымъ бесѣдамъ и совѣтамъ котораго авторъ много обязанъ первымъ пробужденіемъ научнаго интереса къ области явленій языка и своимъ дальнѣйшимъ научнымъ развитіемъ; другому учителю своему, бывшему профессору Казанскаго Университета М. П. Петровскому, который самымъ радушнымъ образомъ предоставлялъ автору многія рѣдкія старопечатныя книги своей прекрасной библіотеки; приватъ-доценту С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку, благодаря любезности котораго авторъ могъ пользоваться также нѣкоторыми рѣдкими старопечатными книгами Русскаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, и Императорскому С.-Петербургскому Университету, давшему средства для печатанія этой работы. Авторъ не можетъ здѣсь благодарить еще одного своего учителя (которому онъ, быть можетъ, болѣе всего обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ), потому что его уже нѣтъ въ живыхъ. Памяти этого преждевременно и трагически погибшаго для науки талантливаго ученаго посвящается настоящая работа, тема которой указана была автору покойнымъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Введеніе. О процесѣ заимствованія въ языкѣ	1— 56
Глава I. Обзоръ литературы вопроса	57—129
Глава II. Церковнославянскій языкъ:	
§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій	130—131
§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.	
1. Вокализмъ. Живое произношеніе	131—145
2. Церковнославянскій консонантизмъ	135—156
§ 3. Морфологическія особенности церковнославянскаго языка. А. Склоненіе. Отличія, обусловленныя из- мѣненіями фонетическими спонтанеическими	156—159
Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими ком- бинаторными	159—162
§ 4. Общая характеристика церковнославянскаго скло- ненія	162—163
§ 5. Склоненіе бывшихъ основъ на еі- (і-)	163—169
§ 6. Склоненіе бывшихъ м. и ср. р. основъ на соглас- ный п-	169—175
§ 7. Склоненіе первичной основы на п- ДѢНЬ	175—176
§ 8. Склоненіе бывшихъ основъ на ег-	176—178
§ 9. Склоненіе бывшихъ основъ на ес-	178—182
§ 10. Склоненіе бывшихъ основъ на пт-	182—184
§ 11. Склоненіе бывшихъ основъ на ѱ-	184—186
§ 12. Склоненіе бывшихъ основъ м. р. на еи- (и-)	186—190
§ 13. Склоненіе бывшихъ основъ на а̄-, ј̄а-	190—205
§ 14. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на о-	205—227
§ 15. Склоненіе бывшихъ основъ м. и ср. р. на јо-	227—246
§ 16. Именā прилагательныя и причастія простыя	246—251
§ 17. Мѣстоименія	251—288
§ 18. Имена прилагательныя и причастія сложныя	288—303

	Стр.
§ 19. Степени сравненія	303—305
§ 20. Имена числительныя	305—310
§ 21. Б. Глаголь. Личныя окончанія первичныя	310—319
Личныя окончанія вторичныя	319—324
§ 22. Образованіе глагольныхъ формъ	324—325
Повелительное наклоненіе	325—334
Причастіе настоящаго времени дѣйств. и страдат.	
залоговъ	334—349
§ 23. Аористъ и имперфектъ	349—373
§ 24. Причастія прошедшаго времени дѣйств. и страд.	
залоговъ	373—385
§ 25. Перифрастическія выраженія	385—396
§ 26. Страдательный залогъ	396—398
§ 27. Неопредѣленное наклоненіе и сущиць	398—399
Заключеніе	399—406

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая работа посвящена изслѣдованію лексическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ элементовъ, вошедшихъ въ русскій литературный и народный (насколько это было возможно прослѣдить) языкъ изъ церковно-славянскаго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ очень близкой совмѣстной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственной задачѣ настоящаго изслѣдованія, намъ кажется не лишнимъ разсмотрѣть явленіе языковаго заимствованія вообще и выяснитъ понятіе о немъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія языка.

Какъ мы увидимъ ниже, заимствованіе увеличиваетъ лексическое богатство языка, служитъ источникомъ новыхъ корней, суффиксовъ и префиксовъ, даже грамматическихъ формъ, имѣетъ весьма важное значеніе для семасіологическаго развитія и является вполне неизбѣжнымъ слѣдствіемъ какъ наличныхъ, такъ и уже не существующихъ историческихъ, культурныхъ и социальныхъ условій, а также и общихъ свойствъ человѣческой природы вообще.

Между тѣмъ, до послѣдняго времени лингвисты очень мало обращали и обращаютъ вниманія на данное явленіе, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ по своему значенію въ жизни языка. Въ наиболѣе извѣстныхъ трудахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ методологіи языковѣдѣнія и принадлежащихъ Дельбрюку, Витнею, М. Мюллеру ¹⁾, вопросъ о заимствованіи

¹⁾ Delbrück, B. Einleitung in das Sprachstudium. Первое изд. Leipzig 1880, второе 1884.

совершенно или почти совершенно обходится молчаніемъ. Даже въ лучшей, наиболѣе обстоятельной работѣ этого рода, — *Principien der Sprachgeschichte* Пауля, глава, посвященная вопросу о заимствованіи, явилась только во второмъ изданіи (Halle 1886), а въ первомъ (1880), кромѣ весьма немногочисленныхъ и разбросанныхъ, случайныхъ замѣчаній, о заимствованіи не было и рѣчи.

Работы Маценауера, Миклошича, Брюкнера, Вейзе и Шухардта ¹⁾ являются въ современной научной литературѣ почти единственными крупными работами, посвященными изслѣдованію занимающаго насъ явленія въ области индо-европейскихъ языковъ. Да и большинство этихъ работъ имѣетъ характеръ главнымъ образомъ словарный (работа Маценауера, большинство работъ Миклошича) и воздерживается отъ какихъ-либо выводовъ и обобщеній. Только въ работахъ Вейзе и Шухардта встрѣчаемъ стремленіе проникнуть въ самую сущность даннаго явленія, изучить и представить его характерныя черты.

Whitney. W. D. Die Sprachwissenschaft. Нѣмецкая обработка Jolly. München 1874.

M. Müller. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. 1-я и 2-я серия въ обработкѣ Böttger'a (Leipzig 1875, 1870).

¹⁾ Matzenauer Ant. Cizí slova ve slovanskýchъ řečech. V Brně 1870.

Miklosich. F. Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Wien. 1870.

» » » » Magyarischen » 1872.

» » » » in den Mundarten der Zigeuner 1872.

» » » » im Rumunischen. Wien. 1862.

» » » » Albanischen » 1870.

» Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien. 1867.

» » türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen. Wien. 1885.

» » romanischen Elemente im Albanischen 1871.

» » christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien

1875.

Brückner. A. Litu-slavische Studien. I. Theil. Die slavischen Fremdwörter im Litauschen. Weimar. 1887.

Weise. Fr. O. Dr. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 8°. VIII. 544. 1882.

Schuchardt. H. Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Graz. 1885. 4o 140.

Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890.

Краткій очеркъ относящейся сюда литературы см. у О. Шрадера въ его Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 102—110.

Нѣкоторые прежніе ученые, какъ, напримѣръ, Гейзе ¹⁾, были даже склонны смотрѣть на заимствованіе, какъ на факторъ разрушительнаго свойства, влекущій за собой паденіе языка и полное его преобразование, какъ на порчу языка. Такъ, примѣсью чуждыхъ элементовъ Гейзе объясняетъ переходъ языковъ изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, образованіе такъ называемыхъ „производныхъ“ языковъ (abgeleitete Sprachen) изъ „основныхъ“ (Stammsprachen) и т. д. ²⁾

Въ настоящее время этотъ взглядъ не раздѣляется ни однимъ серьезнымъ ученымъ ³⁾, тѣмъ болѣе, что и во взглядахъ на то, что считалось прежде паденіемъ языка, произошелъ коренной переворотъ.

Тѣмъ не менѣе, въ образованныхъ слояхъ общества, у многихъ литераторовъ и даже филологовъ подобныя взгляды на заимствованіе не рѣдкость. Обыкновенно такіе взгляды находятся въ связи съ преувеличеннымъ и ложно понимаемымъ патріотиз-

1) System der Sprachwissenschaft. Berlin. 1856. § 84 и слѣд.

2) § 84. Основные языки—языки первичной формаціи. Въ нихъ запасъ словъ не перемѣшанъ съ преобладающими чужими элементами, и грамматическая система развита по «собственному» принципу образованія. Ихъ развитію не мѣшала никакая «чуждая сила», и они «даже въ своихъ послѣднихъ стадіяхъ постоянно способны къ образованію и развитію изъ собственной физической силы».

Производные языки — языки вторичной формаціи, образовавшіеся изъ основныхъ «черезъ совершенное разложеніе стараго языковаго матеріала или преобладающее вліяніе новаго, чуждаго элемента и переобразованные по новому принципу, слѣдовательно основанные на окончательномъ разрушеніи и переобразованіи природнаго организма основнаго языка».

Какъ примѣръ Гейзе приводитъ романскіе языки.

§ 88. Древне-греческій языкъ умеръ медленной смертью, послѣ того какъ онъ совершенно выродился вмѣстѣ съ паденіемъ древне-греческаго народнаго духа. Греческая имперія была часто опустошаема походами чуждыхъ племенъ, и наконецъ греки были тяжко угнетены владычествомъ турокъ. Такимъ образомъ организмъ ихъ языка при падающей силѣ народнаго духа и проникновеніи въ него многочисленныхъ чуждыхъ элементовъ долженъ былъ окончательно разрушиться. Ср. также §§ 86, 87, 93, 94.

³⁾ Асколи, правда, въ своихъ «Глоттологическихъ письмахъ» (Нѣм. изданіе п. з. Sprachwissenschaftliche Briefe. Leipzig. 1887. Первое письмо) проводитъ похожій взглядъ на образованіе французскихъ фонетическихъ особенностей подъ вліяніемъ кельтскаго произношенія, но взглядъ этотъ пока еще почти никѣмъ изъ романистовъ не раздѣляется.

момъ съ одной стороны и смутнымъ представленіемъ о жизни языка съ другой.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно современное движеніе противъ заимствованныхъ словъ въ Германіи, исходящее часто изъ административныхъ и оффиціозныхъ сферъ (одинъ изъ главныхъ дѣятелей—директоръ почтъ Стефанъ, введшій въ употребленіе массу нѣмецкихъ неологизмовъ въ своемъ вѣдомствѣ. Железнодорожные термины иностраннаго происхожденія, также мало-по-малу замѣняются новыми нѣмецкими, причемъ замѣна эта происходитъ оффиціальнымъ путемъ, а не предоставлена жизни и времени) и нерѣдко приводящее къ комичнымъ эпизодамъ ¹⁾.

Причиной подобныхъ отрицательныхъ взглядовъ на языковое заимствованіе является непониманіе или незнаніе того, что дѣйствительный прогрессъ языка въ семасіологическомъ отношеніи заключается въ приближеніи къ возможно полному и совершенному соотвѣтствію понятій и ихъ звуковыхъ символовъ—словъ.

Состояніе языка, при которомъ достигается болѣе точное выраженіе понятій словами, безспорно, есть состояніе болѣе совершенное. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, въ ряду прочихъ факторовъ, доставляющихъ языку средства для этого болѣе точнаго выраженія идеи словомъ, (заимствованіе занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Если Гейзе утверждалъ, что языковое смѣшеніе губительно и влечетъ за собой полное паденіе языка, то Максъ Мюллеръ, наоборотъ, отрицаетъ существованіе смѣшанныхъ языковъ (*Mischsprachen*) ²⁾, противъ чего въ послѣднее время возстаетъ Шу-

¹⁾ Въ родѣ, напримѣръ, торжества шовинистской нѣмецкой печати по поводу замѣны въ заголовкѣ канцелярскихъ бланковъ дворцоваго правленія (новой императрицы Викторіи Августы) слова *Cabinet* (*французскаго* происхожденія) словомъ *Dienst* (природнымъ нѣмецкимъ).

Торжествовавшіе упустили при этомъ совѣмъ изъ виду, что и въ новой редакціи: «*Dienst Ihrer Majestät Kaiserin und Königin...*» все-таки остаются еще два чужеземца: *Majestät* вполне недавняго происхожденія (и опять-таки латино-французскаго—*Majesté*) и *Kaiserin* болѣе давняго (греческаго).

²⁾ «Кельтъ можетъ стать англичаниномъ, кельтская и саксонская кровь могутъ смѣшаться..., но языки не смѣшиваются никогда». *Vorlesungen über die Wissenschaft d. Sprache* bearbeitet von Böttger. I. Serie. Dritte Auflage. Leipzig. 1875, стр. 90.

хардтъ ¹⁾, утверждающій съ неизмѣримо бѣльшимъ на то основаніемъ, что нѣтъ ни одного языка, который не былъ бы „смѣшаннымъ“. Хотя М. Мюллеръ имѣлъ въ виду только невозможность смѣшенія въ морфологическомъ отношеніи, невозможность скрещенія двухъ различныхъ типовъ языковаго строенія, но и въ этомъ отношеніи его отрицаніе слишкомъ рѣзко и опровергается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ фактовъ, приводимыхъ, между прочимъ, и Шухардтомъ.

Явленіе языковаго заимствованія представляетъ особый интересъ для изученія и въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, ни въ одномъ изъ прочихъ явленій жизни языка не проявляется такъ рѣзко социальная основа и природа послѣдняго. Ни одно изъ другихъ языковыхъ явленій не имѣетъ такихъ тѣсныхъ и многочисленныхъ связей съ разными факторами общественной жизни, и поэтому также ни одно изъ языковыхъ явленій не представляетъ (взятое во всемъ своемъ объемѣ) такой сложности и разнообразія, смѣющихся надъ попыткой изслѣдователя уложить относящіеся сюда факты въ какую-нибудь простую и ясную систему.

Разъ признавъ вмѣстѣ съ Паулемъ ²⁾ социальную природу языка и его явленій, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать за человѣческимъ обществомъ и право сознательнаго воздѣйствія на эту сторону общественной жизни, какъ и на любую другую, т. е. право сознательнаго вмѣшательства въ жизнь языка, какое въ дѣйствительности всегда имѣло мѣсто ³⁾, хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому съ объективной, научной точки зрѣнія, стремленія нѣмецкихъ и иныхъ пуристовъ языка, направленные къ замѣнѣ иностранныхъ лексическихъ элементовъ собственными, природными, не представляютъ ничего нелѣпаго, разъ эти стремленія не переступаютъ извѣстныхъ границъ и осуществляются болѣе или менѣе рационально, т. е. согласно съ требованіями здраваго смысла и характерными особенностями даннаго языка

¹⁾ Slavo-deutsches und slavo-italienisches. Стр. 5.

²⁾ Principien der Sprachgeschichte. Zweite Aufl. Halle. 1886. Einleitung, стр. 1 и слѣд.

³⁾ Особенно въ языкѣ литературномъ и поэтическомъ.

Во всякомъ случаѣ коррективомъ подобныхъ сознательныхъ стремленій (какъ и въ другихъ соціальныхъ явленіяхъ) является прочая инертная масса общества, которой и принадлежитъ здѣсь рѣшающая роль.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ разсмотрѣнію разныхъ категорій заимствованія.

Уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія, такъ какъ, начиная говорить (хотя бы и на родномъ языкѣ) и говоря, мы не создаемъ сами почти ничего новаго, а только заимствуемъ готовый языковой матеріалъ отъ окружающихъ насъ ¹⁾ или воспроизводимъ его по наличнымъ, готовымъ образцамъ, созданнымъ опять-таки не нами самими.

Языкъ каждаго отдѣльнаго индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному народу, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный языкъ, до извѣстной степени отличный отъ языка каждаго другаго индивидуума, принадлежащаго къ тому же народу. Каждый такой индивидуальный языкъ представляетъ извѣстныя особенности не только въ звуковомъ, фізіологическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, морфологическомъ и синтактическомъ.

Единственной силой, которая удерживаетъ эти индивидуальныя языки въ границахъ наибольшаго взаимнаго сходства, указывающаго на ихъ принадлежность къ одной языковой единицѣ, является постоянный процессъ заимствованія, имѣющій мѣсто всякій разъ, какъ только встрѣчаются хотя бы два индивидуума.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ Шухардтомъ, признающимъ вопросъ о заимствованіи самымъ важнымъ вопросомъ въ наукѣ о языкѣ ²⁾.

Но разницы между языками отдѣльныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, настолько незначительны, взаимное заимствованіе и коррегированіе языка въ звуковомъ и прочихъ отношеніяхъ происходитъ такъ постоянно, что различеніе заимствованныхъ и природныхъ элементовъ въ этихъ

¹⁾ Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches etc. стр. 6 и Paul. Principien d. Sprachg. 2-e изд. стр. 37, 89.

²⁾ Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 3.

индивидуальныхъ языкахъ не только не представляется необходимымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ просто невозможно. Съ другой стороны подобное заимствованіе вполнѣ неизбежно и неразрывно связано съ самой природой, сущностью языка, подразумѣвается вездѣ и всегда само собой.

Потому этотъ родъ заимствованія, который можно назвать „однопочвеннымъ“ (въ этнографическомъ и хронологическомъ смыслѣ) или „одноязычнымъ“, можетъ быть смѣло оставленъ въ сторонѣ безъ ущерба для научнаго изслѣдованія.

Другіе результаты получаются, когда въ соприкосновеніе приходятъ не такіе схожіе между собою языки, какъ индивидуальные языки двухъ представителей одного и того же народа, а языки, разнящіеся другъ отъ друга въ большей или меньшей степени. Это соприкосновеніе не такъ неизбежно, какъ соприкосновеніе индивидуальныхъ говоровъ, принадлежащихъ одной языковой единицѣ; оно можетъ быть и не быть и находится въ зависимости отъ извѣстныхъ условий.

Заимствованіе, какъ слѣдствіе такого соприкосновенія, также не неизбежно, и необходимы опять извѣстныя условія для того, чтобы оно могло произойти.

Этотъ родъ заимствованія, который, въ противоположность разсмотрѣнному выше, можно было бы назвать „разнопочвеннымъ“ или „иноязычнымъ“, имѣетъ своимъ результатомъ большее или меньшее усвоеніе чуждаго языковаго матеріала, представляющаго извѣстныя отличія отъ природнаго. Усвоеніе это можетъ заходить такъ далеко, что въ концѣ-концовъ чуждый языковой матеріалъ вытѣсняетъ совершенно природный и заступаетъ его мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей въ языковомъ отношеніи одного народа другому, за которой мало-по-малу слѣдуетъ полная ассимиляція и въ другихъ отношеніяхъ.

Остатки прежняго, природнаго языка могутъ сохраниться въ видѣ областныхъ словъ или провинціализмовъ и въ новомъ добровольно принятомъ или силою навязанномъ языкѣ, но они ничѣмъ не будутъ разниться отъ обыкновенныхъ иноязычныхъ за-

имствованій и будутъ находиться къ новому языку именно въ отношеніи этихъ послѣднихъ.

Таковы, напримѣръ, областныя слова финскаго и тюркскаго происхожденія въ русскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда заселенныхъ инородческими финскими или тюркскими племенами, таковы славянскіе провинціализмы въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) говорахъ и т. д.

При соприкосновеніи разнящихся другъ отъ друга языковъ могутъ быть слѣдующіе случаи ¹⁾:

а) языки совсѣмъ не родственны другъ другу;

б) языки родственны другъ другу, т. е. представляютъ собой: 1) языки, происшедшіе отъ одного общаго уже совсѣмъ исчезнувшаго или мертваго проязыка, каковы языки индо-европейскіе, славянскіе, германскіе, романскіе и т. д., 2) нарѣчія или говоры одного живаго языка;

с) въ соприкосновеніе приходятъ не два разныхъ языка, а двѣ разныхъ стадіи развитія одного и того же языка. Заимствование происходитъ здѣсь въ предѣлахъ одной и той же языковой единицы, но заимствуемые элементы принадлежатъ болѣе древнему состоянію даннаго языка и потому представляютъ извѣстныя отличія. Само собою разумѣется, что подобное заимствование можетъ имѣть мѣсто только въ языкахъ, уже обладающихъ письменностью, и происходитъ при посредствѣ этой послѣдней, т. е. носитъ характеръ исключительно книжный.

Заимствование иноязычное отсюда можетъ быть двоякое: изустное, какъ слѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія двухъ народовъ, говорящихъ разными языками, и книжное, совершающееся при помощи письменности.

Заимствование изустное восходитъ къ самымъ отдаленнымъ историческимъ (и безъ сомнѣнія и доисторическимъ) временамъ и является слѣдствіемъ извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ условій: географическаго сосѣдства, торговыхъ сношеній, путешествій, переселеній и колонизацій, завоеваній и т. д. Условія эти имѣютъ большую или меньшую силу сообразно различнымъ историче-

¹⁾ Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte. 2 изд., стр. 337.

скимъ эпохамъ. Такъ, для образованія смѣшанныхъ языковъ (въ родѣ англійскаго), основанныхъ на заимствованіи, завоеваніе уже не играетъ такой важной роли въ настоящее время, какъ, напримѣръ, въ эпоху завоеванія Англійи норманнами или Галліи, Испаніи и Дакии римлянами. Въ свою очередь, торговныя сношенія и путешествія имѣютъ въ наше время неизмѣримо большее значеніе для заимствованія, чѣмъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, что находится въ связи съ широкимъ развитіемъ средствъ сношенія, благодаря которому явилась возможность непосредственнаго заимствованія изъ самыхъ отдаленныхъ (въ географическомъ смыслѣ) языковъ (ср., напримѣръ, англійское tea, заимствованное изъ китайскаго, фр. и англ. tapoca—южно-американскаго происхожденія, р. арарутъ=англ. arrow-root и т. д.).

Заимствованіе книжное, совершающееся при посредствѣ письменности, можетъ имѣть мѣсто только при извѣстной степени культурнаго и умственнаго развитія даннаго народа, слѣдовательно въ эпохи уже болѣе къ намъ близкія. Кромѣ того, оно является прежде всего въ языкѣ книжномъ, письменномъ, и живое употребленіе (въ устной рѣчи) заимствованные элементы получаютъ только у общественныхъ классовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ письменности, т. е. въ классахъ грамотномъ, образованномъ и ученомъ, говорящихъ языкомъ книжнымъ или очень близкимъ къ книжному.

Отъ этихъ классовъ заимствованные элементы уже переходятъ къ другимъ, вовсе не имѣющимъ отношенія къ письменности или имѣющимъ его въ гораздо меньшей степени, и часто тогда, когда образованные классы давно уже утратили ихъ (ср. р. оказія, для близиру и т. д.).

Какъ изустное, такъ и книжное заимствованіе могутъ происходить непосредственно изъ одного языка въ другой или при посредствѣ какого-либо другаго и даже нѣсколькихъ другихъ языковъ. Примѣромъ такого посредственнаго заимствованія (книжнаго) въ русскомъ языкѣ могутъ служить, напримѣръ, многіе церковныя термины греческаго происхожденія, попавшіе въ русскій при посредствѣ церковно-славянскаго и т. п.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствованіе чужихъ словъ обусловливается заимствованіемъ новыхъ понятій, т. е. имѣть ближайшей причиной культурное заимствованіе. Т. о. заимствованіе здѣсь является слѣдствіемъ развитія или роста культуры даннаго народа и вытекаетъ изъ необходимости давать обозначеніе понятіямъ, дотолѣ неизвѣстнымъ.

Образчикомъ подобныхъ заимствованій съ культурнымъ заимствованіемъ въ основѣ могутъ служить:

астрономическая терминологія индусовъ, заимствованная вмѣстѣ съ астрономическими понятіями у грековъ и имѣющая поэтому греческое происхожденіе:

anaphā = ἀναφή	jūka = ζυγόν
âkokera = αἰγόκερος	tāvuri = τᾶυρος
âpoklima = ἀπόκλιμα	tauksika = τοξότης
âra = ἄρης	panapharâ = ἐπαναφορά
kendra = κέντρον	pâthēna = παρθένος
trikona = τρίγωνος	liptâ = λεπτή
kaurpia = σκορπίος	sunaphâ = συναφή
jâmitra = διάμετρος	heli = ἥλιος, horâ = ὥρα и т. д. ¹⁾

Французская морская терминологія, заимствованная частью у норманновъ, частью у голландцевъ и имѣющая потому германское происхожденіе:

affréter — фрахтовать (стѣн. frêht, голл. vracht)
âgrès = снасти (голл. gereide, gerei)
bâbord = бакбортъ (лѣвая сторона судна, голл. bakboord)
bitte = битенгъ (стойка, нѣм. Bätingsholz, англ. bit)
bomerie = бодмерея (голл. bodemerij)
bosseman = боцманъ (голл. bootsman)
bouline, стѣфранц. boline = булинь (голл. boe-lijne, англ. bowline)
cahute = каюта (стѣфр. chahute и cahutte = голл. kajuit)
cane, стѣфр. canot = челнокъ (голл. kaan, новон. Kahn)

¹⁾ Ср. Weber. A. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache des Griechischen. Monatsberichte d. Königl. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. 1871. 7 Dec., и его же Indische Studien, т. II, стр. 254, 261.

chaloupe = шлюпка (г. sloep, англ. sloop, шв. slup)

èbe = отливъ (голл. ebbe)

стфр. esturman = штурманъ (голл. stuurman, arc. steórman,
a. steersman)

стфр. estiere = руль (arc. steóre)

étai = штагъ (голл. staede, staye, англ. stag)

пикард. étrain = берегъ (голл., нѣм. strand)

falaise, стфр. falise = скала (ствим. felisâ)

fibot = англ. fly-boat (родъ судна)

haubans, стфр. hobenes = ванты (голл. hobant вм. hoofdbant)

havre, стфр. havene = гавань (arc. häffen, дрсканд. höfn)

hune = марсъ (дрсакс. hûn, ср.голл. hûne) и т. д.

Сюда же принадлежатъ и названія четырехъ странъ свѣта:
nord, sud, est, ouest и т. д.

Французская военная терминологія заимствована у сосѣднихъ германскихъ племенъ (франковъ, аллемановъ и т. д.), поставившихъ главный контингентъ старо-французской арміи:

bivac (biwacht), boulevard (bolwerk), guerre (ствн. werra), halt (halt), hampe — рукоятка (handhaba), havre-sac (habersack) и т. д. ¹⁾

Такими же примѣрами могутъ служить: общеевропейская музыкальная терминологія, имѣющая итальянское происхождение и объясняющаяся преобладающимъ одно время вліяніемъ итальянцевъ на исторію музыки (XVI, XVII и половина XVIII-го вѣка), русская морская терминологія, цѣликомъ заимствованная вмѣстѣ съ мореплаваніемъ и кораблестроеніемъ у голландцевъ и частью англичанъ, многіе нѣмецкіе коммерческіе термины итальянскаго происхожденія ²⁾, русская (и вообще славянская) и готская христіанская терминологіи ³⁾, заимствованныя вмѣстѣ съ христіан-

¹⁾ См. Diez. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Морскіе романскіе термины также у O. Schrader'a. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Erster Theil. Jena, 1886. стр. 51—52.

²⁾ Agio, bankerott, bilanz, börse (ит. borsa, въ концѣ концовъ сводящееся къ греческ. βόρσα), brutto, conto, corrent, disconto, dito, franco, loco, per (предлогъ: per August и т. д.), porto, risico и т. д.

³⁾ Русская: акаѳистъ, амвонъ, аналой, анаѳема, ангель, антиминосъ, ан-

ствомъ у грековъ, русская модная терминологія французскаго происхожденія ¹⁾ и т. д.

По такимъ болѣе или менѣе прочнымъ и многочисленнымъ слѣдамъ, которые оставляютъ въ языкахъ сношенія народовъ между собою и ихъ вліяніе другъ на друга, можно возстановить до извѣстной степени исторію ихъ умственнаго и культурнаго развитія. Такой рядъ заимствованныхъ словъ ²⁾, какъ ирійск. *múg*, дрвн. *múga*, *múgi*, словинск. *mír*, малор. муръ, польск. *mur*, р. муровать, лит. *múgas*, алб. *mur*, берущій свое начало изъ лат. *murus*, показываетъ, откуда получили данные народы каменностроительное искусство.

О культурномъ заимствованіи свидѣлствуютъ также: лат. *mina* = греч. *μνά* = еврейск., ассир. *maneh*, *mana*, откуда египетское *mn* и ведійское *maná*, сводящіяся всѣ вмѣстѣ къ аккад.

тифонъ, антихристъ, апокалиписъ, апостоль, артосъ, архангелъ, архидіаконъ, архимандритъ, архи-пастырь, архіепископъ, архіерей, далматика, демественный, дискосъ, діаконъ, евангелистъ, евангеліе, евхаристія, еkkлeciacъ, еkkлeciapxъ, ексархъ, ектенія, елей, епархія, епархъ, епископъ, епитимія, епитрахиль, ересь, еретикъ, есимоны, игумень, игуменья, идоль, икона, ирмологій, ирмосъ, іерархія, іерархъ, іерей, іеродиаконъ, іеромонахъ, кадило, канонъ, катавасія, катехизисъ, каедрa, каеисма, каеолическій, кивотъ, кимваль, киновія, клирикъ, клиросъ, кондакъ и т. д.

Готская: *aikklesjo*, *aipiskaupi*, *aipiskaupus*, *aipistaule*, *aggilus*, *aivaggeli*, *aivaggelista*, *aivaggeljo*, *aivхаристіа*, *alev*, *anařaima*, *apaustaulei*, *apaustaulus*, *arkaggilus*, *daimonareis*, *diabaulus*, *diakonus*, *hairaisis*, *hyssopo*, *nardus*, *paintekuste*, *parakletus*, *paraskaive*, *paupura*, *praizbytairi*, *praufetes*, *psalma*, *synagoge* и т. д.

¹⁾ Абажуръ, антука, аграмантъ, (*les agréments*), бандо, бильеду, біе, бланжевый (*blanche*), блонды, блуза, бордюръ, бортъ, ботфорты, бра, браслетъ, брошь, будуаръ, букля, букетъ, вальсъ, визитъ, воланъ, вуаль, газъ, гардеробъ, гарнитюръ (гарнитуръ уже черезъ посредство нѣмецкаго), грезетъ (*grisette*), гроденаппъ, гродетуръ, декольте, драдедамъ, жабо, жилетъ, жирандоль, кабинетъ, кабриолетъ, кадрили, камзолъ, камлотъ, канане, канва, канделябрь, канитель, капишонъ, капоть, кенкетъ, коленкоръ, колье, корсажъ, корсетъ, костюмъ, кринолинъ, куафѣръ, куафюра, кушетка, ландо, лансе, левантинъ, люстра, люстринъ, мантилья, манто, медальонъ, модистка, моаре, неглиже, палевый цвѣтъ (*jaune paille*), пальто, панталоны, панье, папильотки, плиссе, портмоне, портфель, портшезъ, пудра, рандеву, ридикюль, рояль, салонъ, сервизъ, сертукъ (или сюртукъ), солитеръ, софá (французское удареніе), тафтá (*taffetas*), трипъ, тротуаръ, трюмó, туалетъ, тупей, фалбала, фарсѣ, фасадъ, фасонъ, фазтонъ (изъ греч.), фаянсъ и т. д.

²⁾ O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883, стр. 204, 2 изд. 1890. 206.

mana ¹⁾; санскр. *dināga*, заимствованное изъ греч. *δηνάριον*, откуда происходят и стел. *динарь*, серб. *динар*, слов. *denag*, ит. *denago* или *danago*, рум. *denariu* ²⁾; скр. *dramma*, сводящееся къ греч. *δραχμή*, откуда гот. *drasna*, стел. *драхмл*, серб. *драм*, рум. *drahmă*, тур. *dirhém*, *dirém*, болг. *диремли* (уже изъ турецкаго источника), алб. *derhem* (тоже изъ турецкаго), курд. *dirhem* ³⁾. Лат. *pondus* является источникомъ для гот. и др. сканд. *pund*, англо-сакс. *pund*, англ. *round*, дресакс. *pund*, дрвн. *pfunt* и т. д.; русское *фунтъ* = нѣм. *pfund*, а *пудъ* представляетъ болѣе древнюю форму заимствованія или изъ латинскаго, или изъ германскаго еще до передвиженія согласныхъ; къ этой же семьѣ принадлежатъ польск. *prudek* и серб. *фунта* ⁴⁾. Интересными образчиками такого рода культурныхъ заимствованій являются имена для большихъ чиселъ въ языкахъ аборигеновъ Тихаго океана, заимствованныя изъ европейскихъ языковъ (гл. образомъ англійскаго) вмѣстѣ съ чуждыми до тѣхъ поръ представленіями. Такъ на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ 1000 = *mila*, на Таити и Гавайскихъ 100 = *hanepi* (*hundred*) и *tausani* (*thousand*) и т. д. ⁵⁾.

Мы могли бы привести цѣлыя страницы подобныхъ примѣровъ, но и приведеннаго уже достаточно, чтобы показать значеніе заимствованныхъ словъ какъ для лингвиста, такъ и для историка культуры.

Но культурное заимствованіе не всегда лежитъ въ основѣ языковаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда, несравненно болѣе рѣдкихъ) мы встрѣчаемъ языковое заимствованіе, за которымъ не скрывается никакого культурнаго. Такъ, на примѣръ, въ англійскомъ языкѣ встрѣчаемъ параллельныя „классическія“ (романскаго происхожденія, заимствованныя) и „тевтонскія“ (природныя, гер-

¹⁾ O. Schrader. *Linguistisch-historische Forschungen*, стр. 126. H. Zimmer. *Altindisches Leben*. 1879, стр. 51.

²⁾ O. Schrader. *Linguist. histor. Forsch.*, стр. 136, а также Weber. *A. Indische Beiträge zur Aussprache d. Griechischen*.

³⁾ O. Schrader. *Linguist. hist. Forsch.*, стр. 136.

⁴⁾ Ср. тамъ же стр. 158.

⁵⁾ L. Geiger. *Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft*. Stuttgart. 1868. I Bd., стр. 286.

манскаго корня) слова, обозначающія первично одно и то же вполне обыкновенное и известное понятие ¹⁾.

Примѣрами могутъ служить:

ox || beef (boeuf), calf || veal (veau), swine || pork, sheep || mutton, holy || sacred, heavenly || celestial, deed || act, action, dale || vale, to heal || to cure, freedom || liberty и т. д.

Здѣсь разница значеній уже вторична и развилась очевидно впоследствии уже на англійской почвѣ, приуроченная къ лексическому параллелизму, которымъ языкъ воспользовался для семантической дифференціаціи.

Часто заимствуются названія безнравственныхъ людей или учреждений, хотя это обыкновенно совсѣмъ не значитъ, чтобы заимствующему народу были неизвѣстны соответствующія понятія. Такъ финикійское pillegesh заимствуется въ греческій въ видѣ *πλληγής* (откуда лат. *relex*), хотя рядомъ и имѣлось природное греческое слово *πορνικός*, перешедшее въ свою очередь въ армянскій въ видѣ *pornik*.

Изъ лат. *meretrix* происходитъ ирійск. *meretech* (сюда же относится и русская Мелектриса Кирбитьевна, обязанная своимъ происхожденіемъ итальянскому *meretrice*, которое переводчикъ старинной повѣсти принялъ за собственное имя). У финновъ имѣются даже три заимствованныхъ названія для даннаго понятія: *huoga*—шв. *hora*, *portto* (дреканд. *portkona*) и *kurva* (заимствованное изъ русскаго) ²⁾.

Извѣстно также, что, при сношеніяхъ различныхъ народовъ между собою, скорѣе и легче всего усваиваются ругательныя и неприличныя слова, хотя не найдется народа, который не имѣлъ бы въ своемъ словарѣ большаго или меньшаго ихъ запаса. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ имѣть въ виду сравнительную частоту употребленія известныхъ словъ въ низшихъ общественныхъ классахъ, а также большую, сравнительно съ прочими словами, энергію, съ которой они произносятся.

¹⁾ Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Первое изд. стр. 203 — 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

²⁾ Ibidem стр. 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

Въ языкахъ литературныхъ заимствованіе чуждыхъ языковыхъ элементовъ часто является необходимымъ для приданія описанію или разсказу большей точности или живости, смотря по тому, какая цѣль имѣется въ данномъ случаѣ: научная или художественная (такъ называемый „мѣстный колоритъ“) ¹⁾.

Кромѣ необходимости, въ заимствованіи играетъ также роль извѣстная аффектація, мода, манерность ²⁾. Этимъ объясняется смѣшеніе природной рѣчи съ отдѣльными словами и цѣлыми предложеніями чужаго языка, каковое имѣеть, на примѣръ, мѣсто въ языкѣ европейской аристократіи относительно французскаго языка.

Но культурное вліяніе и здѣсь, такъ или иначе, всегда является сопутствующимъ факторомъ.

Въ подобныхъ случаяхъ чужая культура, а отсюда и чужой языкъ, имѣютъ большую цѣну и привлекательность, чѣмъ свои собственные ³⁾.

Заимствованія этого рода имѣютъ обыкновенно очень эфемерный характеръ, будучи часто вызываемы прихотью минуты, случаемъ, но извѣстная часть ихъ все-таки сохраняется и держится иногда еще въ языкѣ низшихъ классовъ общества, въ то время, какъ классы, первично заимствовавшіе, давно уже ихъ утратили.

Такъ, народный русскій языкъ сохранилъ выраженіе „для близиру“ (для виду, на показъ, = фр. plaisir, съ народнымъ словопроизводствомъ отъ „близь, близкій“), совсѣмъ уже не встрѣчающееся въ языкѣ образованныхъ классовъ. Такой же случай имѣетелъ въ народн. *оказія* (фр. occasion). Въ народной пѣснѣ до сихъ поръ поется объ „аломъ гризетѣ“, давно уже позабытомъ въ высшихъ слояхъ. Извѣстно, что разговорный языкъ русскаго образованнаго общества прошлаго столѣтія изобиловалъ массой преимущественно французскихъ словъ, изъ которыхъ въ употребленіи уцѣлѣла сравнительно незначительная часть.

Нѣкоторыя слова сохранились только въ простонародномъ языкѣ, какъ вышенаведенные примѣры. Въ нѣмецкихъ народныхъ гово-

¹⁾ Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte, 2 Aufl., стр. 340.

²⁾ Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches und slawo-italienisches., стр. 81.

³⁾ Ср. Paul. Principien, стр. 339—340.

рахъ до сихъ поръ употребительно *adrett* (изящный, ловкій) — франц. *adroit*, исчезнувшему уже изъ языка высшихъ классовъ и т. д.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ заимствованіе является слѣдствіемъ культурнаго общенія народовъ между собою, то отсюда само собой вытекаетъ предположеніе, что съ развитіемъ международныхъ сношеній должно увеличиваться и количество заимствованныхъ словъ въ соответственныхъ языкахъ. Дѣйствительно, въ новѣйшихъ культурныхъ языкахъ мы встрѣчаемъ несравненно болѣе заимствованныхъ словъ, чѣмъ въ древнихъ, а также и современныхъ некультурныхъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы заимствованіе не имѣло мѣста въ древнихъ языкахъ или было въ размѣрахъ, едва заслуживающихъ вниманія, какъ склонны были думать ученые старой школы въ родѣ Гейзе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наши свѣдѣнія о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ индо-европейскими языками, весьма недостаточны. Мы можемъ опредѣлить только заимствованія, сдѣланные уже въ эпоху историческую, послѣ раздѣленія индо-европейскаго праязыка на отдѣльные языки; заимствованія же, сдѣланные этимъ праязыкомъ въ эпоху доисторическую, до раздѣленія и переселенія племенъ, наука пока не въ состояніи выдѣлить изъ общаго лексическаго состава индо-европейскихъ языковъ и, вѣроятно, никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать это.

Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что многія или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ словъ, считаемыхъ общеарійскими, природными словами, были заимствованы въ праязыкѣ отъ сосѣднихъ народовъ ¹⁾. Многія заимствованія, сдѣланные уже въ отдѣль-

¹⁾ Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 1-е изд., стр. 161: «уже а priori вѣроятно, что во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ имѣется подъ индогерманской одеждой извѣстный запасъ словъ, который никогда нельзя будетъ свести къ общему индогерманскому доисторическому періоду, по той простой причинѣ, что онъ происходитъ отъ языковъ доиндогерманскихъ и не индогерманскихъ. Выдѣлить подобныя слова въ какомъ-либо объемѣ, при почти совершенномъ отсутствіи свѣдѣній относительно этихъ доиндогерманскихъ языковъ, будетъ, конечно, всегда невозможно».

K. Brugmann. «Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indog.

ныхъ языкахъ въ доисторическую и даже въ историческую эпоху, нельзя выдѣлать по неимѣнію для этого средствъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже.

Кромѣ чисто апріористическихъ соображеній о возможности заимствованій въ доисторическія эпохи, мы имѣемъ и цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, подтверждающихъ вѣроятность этихъ соображеній по аналогіи.

Такъ, на примѣръ, въ греческомъ языкѣ имѣется извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ семитическихъ языковъ (еврейскаго, финикійскаго, арамейскаго и т. д.).

Проф. А. Мюллеръ ¹⁾ насчитываетъ въ старомъ греческомъ немного болѣе сотни словъ, которыя обыкновенно принято считать за имѣющія семитическое происхожденіе. Изъ этого количества онъ выдѣляетъ около тридцати, несомнѣнно семитическихъ. Въ позднѣйшемъ греческомъ имѣется также извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго.

Особенно сильно вліяніе греческаго языка на латинскій, въ которомъ имѣется большое количество словъ, перешедшихъ изъ греческаго. Число этихъ заимствованій въ *Index graecorum* vo-

Sprachen» (Techmer. Internationale Zeitschrift für die allgem. Sprachwissenschaft. Bd. I. H. 1. стр. 250), говорить по этому поводу: «...мы вовсе не знаемъ, какъ часто въ доисторическія времена одинъ языкъ заимствованъ отъ сосѣднихъ языковъ. Если принять во вниманіе, какъ часто имѣли мѣсто заимствованія словъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ историческія времена, то очень мало вѣроятно, чтобы въ доисторическія времена имѣлись только такія немногочисленные перенесенія словъ, какія можно было до сихъ поръ выдѣлать при помощи звуковыхъ законовъ или какъ-нибудь иначе». Далѣе: «потому, вѣроятно, что въ собраніяхъ словъ, долженствующихъ доказывать ближайшую связь двухъ сосѣднихъ языковъ, попадаетъ не одно сопоставленіе, которое слѣдовало бы оставить, такъ какъ данное слово на одной сторонѣ является заимствованнымъ».

Ср. также L. Geiger. Urspr. d. Sprache u. d. Vernunft т. I, стр. 298: «заимствованія имѣли мѣсто въ чудовищныхъ (ungeheuer) размѣрахъ; и именно слова переходили изъ одного языка въ другой частью пѣликомъ со своими звуками, частью только со своимъ понятіемъ въ переведенномъ видѣ...» Ниже: «эти явленія не ограничиваются одними новыми языками и не касаются однихъ только единичныхъ матеріальныхъ понятій: они появляются уже въ первобытныя времена и въ примѣненіи къ понятіямъ, которыя мы должны считать за основныя...»

¹⁾ Semitische Lehnworte im älteren Griechisch (Bezenb. Beitr. z. K. d. idg. Spr. 1877. Bd. I).

cabulorum in linguam latinam translatorum Saalfeld'a (Berlini MDCCCLXIV) доходить приблизительно до 1.800; въ изслѣдованіи же Вейзе ¹⁾ перечень ихъ занимаетъ 218 страницъ въ большую восьмую, что, по среднему разсчету по тридцать три слова на страницу, составляетъ болѣе 7.000 словъ (7.200). Сверхъ того въ греческомъ имѣется также небольшое количество заимствованій изъ санскрита, которыхъ А. Веберъ насчитываетъ девятнадцать, хотя изъ этого числа кое-что придется исключить, какъ не вполне достовѣрное ²⁾.

О санскритскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка мы говорили уже выше. Кромѣ того въ санскритѣ съ большой вѣроятностью предполагаютъ извѣстное количество словъ, взятыхъ изъ дравилическихъ языковъ, а въ новыхъ индійскихъ языкахъ эти заимствованія и очень замѣтны. Если мы вспомнимъ еще, что каждый изъ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языковъ представляетъ массу словъ, встрѣчающихся только въ немъ одномъ и не подтверждаемыхъ другими родственными языками, такъ что корни ихъ не могутъ быть опредѣлены, что имѣется значительное количество специально индійскихъ, специально греческихъ, специально латинскихъ, германскихъ, славянскихъ и т. д. словъ, если вспомнимъ, кромѣ того, сколько совершенно неизвѣстныхъ и темныхъ въ исторіи народовъ исчезло, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, то намъ сдѣлается яснымъ, что заимствованіе въ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языкахъ могло быть въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это принято было думать.

Заимствованіе изъ другаго языка можетъ быть двухъ родовъ: предметомъ заимствованія могутъ быть цѣлыя слова или части словъ (суффиксы, префиксы, въ ограниченныхъ размѣрахъ даже флективные окончанія), причемъ до извѣстной (правда, весьма ограниченной) степени возможно даже усвоеніе чужихъ звуковъ, т. е. предметомъ заимствованія является чужой, языковой мате-

¹⁾ Weise. Die griechischen Wörter im Latein. Gekrönte Preisschrift. Leipzig. Hirzel. 1882, gr. 8o VIII + 546 стр. Также п. з. Preisschriften der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. Bd. XXIII.

²⁾ A. Weber. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache d. Griechischen. Monatsberichte d. Berliner Akademie. December 1871.

риаль, заимствуется внѣшняя форма слова. Затѣмъ можетъ быть другой случай, когда слово по своему матеріалу, по звукамъ, корню и прочимъ морфологическимъ частямъ (суффиксамъ, префиксамъ и т. д.) является вполне природнымъ и ничѣмъ не отличается своего иностраннаго происхожденія, которое обнаруживается только при сравненіи его внутренняго строенія (или принципа его строенія) со строеніемъ соответствующаго иностраннаго слова.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ чужой внутренней формы слова (того, что Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ *innere Sprachform*), съ заимствованіемъ духовнаго, не матеріальнаго характера. Къ подобнаго рода заимствованіямъ относятся такъ называемые германизмы, галлицизмы, полонизмы и т. д. т. е. буквальные переводы или перенесенія чужихъ оборотовъ рѣчи цѣлыхъ фразъ или ходячихъ формулъ.

Примѣрами подобнаго заимствованія могутъ служить;

р. выгладѣть = нѣм. *aussehen*, откуда также ведутъ свое начало чешское *vuhlížeti*, польск. *wyglądać* и серб. *изгледати*.

р. вліяніе, п. *wpływ*, ч. *vpluv*, также сводящіяся къ нѣмецкому *Einfluss*, которое, въ свою очередь, восходитъ къ лат. *influentia* (фр. *influence*, англ. *influence*, ит. *influenza*) и т. д.

р. предметъ (слово, сдѣланное въ прошломъ вѣкѣ), которое какъ и польск. *przedmiot* (вѣроятно служившее образцомъ для русскаго), обязано своимъ происхожденіемъ не совсѣмъ точному переводу нѣм. *Objekt* (лат. *objectus*, къ которому сводится и нѣм. *Gegenstand*).

р. обстоятельство = нѣм. *Umstand*, = лат. *circumstantia* (фр. *circonstance* и т. д.).

нѣм. *barmherzig* (р. милосердый) = лат. *misericors* и т. д.

ит. *prelezione* (студенческій терминъ у австрійскихъ итальянцевъ) = *Vorlesung* ¹⁾.

Польско-русское *podobny na słońce* (похожій на солнце) вл. р. *do słońca*.

¹⁾ Schuchardt. Slawo-deutsches..., стр. 25.

австрійско-нѣмецкое: sich spielen (подъ вліяніемъ словинскаго igrati se, польск. bawić się),

„ sich weiben, sich mannen (Gottscheever Mundart: слов. ženiti se, možiti se) ¹⁾.

словино-нѣмецкое: sich lernen (učiti se) ²⁾.

Польско-нѣмецкое: sich beleidigen (obrazić się: Schuchardt, Slawo-deutsches. 110).

Словинское: mi gre dobro (es geht mir gut. Ibidem 96).

Словинское: in den Städten sind alle Häuse gebaut, такъ какъ zidati значитъ и *bauen*, и *mauern* (ibidem).

Въ Силезіи и сѣверной Богеміи, также въ венгерскихъ горахъ: bleibt in Gottes Namen—ч. zůstávejte s Pánem Bohem— н. zostańcie z Panem Bogiem (ibidem).

Польско-нѣмецкое: die Klage austragen (wynieść skargę. Ibidem).

Примѣры подобныхъ перенесеній при предлогахъ:

польск. chorować na zęby вызываетъ польско-нѣмецкое auf den Zähnen krank sein (ibidem, 115).

„ na drugi dzień—ankommen auf den andern Tag (ibidem).

Словинское: auf den Hof des Königs gehen (подъ вліяніемъ— на kraljev dvor. Ibidem).

Чешско-нѣмецкое: auf die Messe (na mši); auf Bier gehen (na pivo); auf Kaffee geladen (na kafe).

Польско-нѣмецкое: er ist mit ihr geschieden (z nią rozłączony. Ibidem стр. 116), zum Widersehen—do widzenia (стр. 117) и т. д.

Подобныхъ перенесеній внутренней формы слова мы найдемъ много и въ болѣе отдаленныя времена:

стел. АГГЕЛО-ГЛАСЬНЪ	(ἀγγελό-	АГГЕЛО-ВНДЬНЪ	} (ἀγγελοειδής)
	φωνος)	„ ЗРАУНЪ	
АГГЕЛО-ЛЪПЬНЪ	(ἀγγελοπρηής)	„ ОБРАЗЬНЪ	

¹⁾ Ibidem, стр. 109.

²⁾ Ibidem.

БАГРОНОСЬНЪ (πορφυροφόρος)	» -ПЛАКАТИ (εὐπλοεῖν)
БАГРЪНО - ПОСТААНЪ (πορφυρό- στρωτος)	» -РОДЬНЪ (εὐγενής)
» -РОДЬНЪ (πορφυρογέννη- τος, -φυτος)	» -СЛОВНТИ (εὐλογεῖν)
БАЛЪВАНОТВОРИЕННИЕ (ἀγαματο- ποιΐα)	БОГАТО-ЛЮБЕНЪ (φιλοπλούσιος)
БАСНО-ДЪВАННИЕ (μυθοποιΐα)	БОГО-БЛАЖЕНЪ (θεομακάριος)
» СЛОВНТИ (μυθολογεῖν)	» -БОРЬНЪ (θεομάχος)
» СЛОВНІЕ (μυθολογία)	» -ЛЪПЪ (θεοπρεπής)
БЕЗАКОННІЕ (ἀνομία)	» -СЛОВНІЕ (θεολογία)
БЕЗАКОНЬНЪ (ἄνομος)	БРАКО-КРАДЬЦА (γαμοκλόπος)
БЕЗАКОНЬНОВАТИ (ἀνομιῖν)	БРАТО-ЛЮБЬСТВЕНІЕ (φιλαδελφία)
БЕЗБОГЪ, -БОЖЬНЪ (ἄθεος)	БРЪМЕНО-НОСЬЦЪ (ἄχθοφόρος)
БЕЗБОЖЬСТВО, -БОЖНІЕ (ἀθεΐα)	БОГІЕ-СЛОВНІЕ (μωρολογία) и т. д.
БЕЗБОЖИЗНІЕ (ἀφοβία)	БРЪ-БОЛЬСТВО (ὑπερβολή)
БЕЗБЪДЫНЪ (ἀκίνδυνος)	БРЪ-ДАННІЕ (προδοσία)
БЕЗВНІМЬНЪ (ἀναίτιος)	БРЪ-ДАТЕЛЬ (προδότης)
БЕЗВОДНІЕ (ἀνδρία)	БРЪДН-ТЕУА (πρόδρομος)
БЕЗГЛАСНІЕ (ἄφονία)	БРЪДЪ-ВЕСТИ (προάγειν)
БЕЗГОДНІЕ (ἄωρία)	» -ГРДНІЕ (προάστειον)
БЕЗДОУШНІЕ (ἀψυχία)	» -МЫСЛНІЕ (προθυμία)
БЕЗДЪТНІЕ (ἀτεχνία) и т. д.	» -НАПИСАННІЕ (praescriptio)
БЛАГОВНДЬНЪ (ἐυειδής)	БРЪДЪ-ОБРАЖЕННІЕ (πρόσχημα)
» ВОННІЕ (ἐυωδία)	БРЪДЪ-СЪДАТЕЛЬ (praeses)
БЛАГО-ВЪСТВЕНІЕ	» -СЪДАТИ (praesidere)
» -ВЪСТЬ } (εὐαγγέλιον)	СЛОВОУАСТЫЦЪ (αὐτοκράτωρ)
» -ГЛАГОЛЬНЪ (εὐλαος)	САМОТВОРЕЦЪ (αὐτοποιός)
» -ГЛАСНІЕ (εὐφονία)	СЪВОЙННЪКЪ } (сустраτιώτης)
» -ДАВЬЦЪ (ἀγαθοδότης)	СЪВОННЪ } (сустраτιώτης)
» -ДЪТЕЛЬ (εὐεργέτης) и т. д.	СЪВЪСТЬ, СЪВЪДЪ (συνείδησις, conscientia)
	СЪГЛАСНІЕ (συμφωνία, concertus)
	СЪПРЪЖЪ (σύνζυγος, conjux) и т. д.

Къ этой же категоріи заимствованій принадлежатъ такіе галлицизмы и германизмы, какъ: разъ я беру съ едѣлатъ то и то — я едѣлаю = une fois, que je m'en charge..., дѣлатъ кого-либо несчастнымъ (faire quelqu'un malheureux), считаться съ чѣмъ-

побудь (tenir compte de quelque chose или sich rechnen mit), рассчитывать на кого или что (compter sur), имѣть жестокость, проходить молчаніемъ, хранить молчаніе (silentium servare), предпослать что чему, имѣть что побудь противъ, быть слишкомъ добрымъ или умнымъ, чтобы..., имѣть что сказать или возразить, раздѣлять чьи либо чувства или мысли, трогательный (touchant), немислимый (undenkbar), сосредоточить (concentrer), начитанный (belesen), начитанность (Belesenheit), развитіе (développement или Entwicklung), утонченный (raffiné), осмотрительный (umsichtig), предусмотрительный (vorsichtig) и т. д.

Въ началѣ своего употребленія займствованное слово принадлежитъ языку только немногихъ индивидуумовъ и отъ нихъ передается путемъ заимствованія „одноязычнаго“ или „однопочвеннаго“ (см. выше стр. 7) все большому и большому кругу говорящихъ тѣмъ же языкомъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи исторія такого слова та же, что и всякаго новаго слова. Распространеніе извѣстнаго заимствованія находится также въ зависимости отъ того, какому кругу идей оно принадлежитъ: извѣстныя слова остаются надолго и часто навсегда въ тѣсномъ кругу тѣхъ или другихъ спеціалистовъ, не выходя за его предѣлы, причемъ и въ этомъ тѣсномъ кругу онѣ распространяются постепенно, другія сейчасъ же или скоро по своемъ заимствованіи становятся достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества или и всего народа.

Займствуясь въ извѣстный языкъ, чужое слово подвергается дѣйствию звуковыхъ и морфологическихъ законовъ, имѣющихъ силу въ языкѣ въ данное время, и принимаетъ вслѣдствіе этого извѣстныя фонетическія и морфологическія особенности, характеристичныя для заимствующаго языка. Такъ какъ между звуками любыхъ двухъ языковъ всегда имѣется болѣе или менѣе значительная разница, дающая себя чувствовать въ произношеніи даже вполне бѣгло владѣющихъ чужимъ языкомъ, и такъ какъ вполне точное воспроизведеніе чужихъ звуковъ требуетъ спеціальнаго упражненія въ этомъ, то при заимствованіи всегда происходитъ

¹⁾ Ср. Paul. Principien 2. стр. 340.

подстановка природныхъ, привычныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого постояннаго условія заимствование отдѣльныхъ чужихъ звуковъ является невозможнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое заимствование, повидимому, имѣетъ мѣсто, какъ, наприимѣръ, въ русскихъ словахъ

благодать (blʹgʹadátʹ)
съ Богомъ (zbógm),

заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, или

графъ, филенка (Füllung), фонетика,

идущихъ изъ нѣмецкаго и греческаго (звуки γ и f въ независимомъ положеніи первично чужды русскому языку), заимствованные звуки уже имѣются въ звуковой системѣ даннаго языка.

Такъ заднеязычный звонкій спирантъ γ имѣется и въ природныхъ русскихъ словахъ:

когда, всегда, иногда (kãrdá, fs'ærdá, jbnãrdá),

гдѣ онъ вполне законенъ фонетически и обязанъ своимъ появленіемъ (изъ звонкаго заднеязычнаго взрывнаго *ɣ*) фонетической диссимиляціи. Звукъ *ɸ* (f) также имѣется въ природныхъ русскихъ словахъ и является результатомъ комбинаторнаго измѣненія зубно-губнаго спиранта *v* (v) въ глухой въ концѣ словъ или передъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ:

головъ (gálóf), Петровъ (p'ætróf), готовъ (gátóf) и т. д.

всѣ (fs'æ), готовься (gátóf's'â), въ свой... (fsvój), мутовка

(mutófkã) и т. д.

Заимствование звуковъ, совершенно чуждыхъ звуковой системѣ заимствующаго языка, никогда не имѣетъ мѣста. Такъ фр. *gobe ronde* переходитъ въ русскій въ видѣ *роброндъ*, гдѣ носовой гласный уже замѣненъ сочетаніемъ гласнаго съ подходящимъ носовымъ согласнымъ, т. е. *н*. Такой же случай представляетъ *вензель* = польск. *weziel*.

Но, получая такимъ образомъ извѣстную, если можно такъ выразиться, окраску, присущую тому или другому языку въ моментъ заимствования въ него даннаго слова и соединяющую его въ одну общую семью съ другими, природными словами, заим-

¹⁾ Ср. Paul. Principien. 2. стр. 340—341.

ствованное слово все же остается чуждо принявшему его языку по своему звуковому составу и строению или по истории своих составных частей, хотя бы это и трудно было замѣтить съ перваго взгляда.

Возьмемъ, на примѣръ, русское слово „телефонъ“, заимствованное изъ „международнаго“ греческаго языка (о такихъ международныхъ языкахъ см. ниже), употребляемаго для различныхъ научныхъ и техническихъ терминовъ. Это слово произносится русскими:

t'yl'æfón,

тогда какъ нѣмецъ, заимствовавшій также это слово, произноситъ его иначе—

tæl'æfón (Telefon),

причемъ, разумѣется, всѣ гласные и согласные звуки будутъ въ большей или меньшей степени отличаться отъ соотвѣтствующихъ русскихъ. Итальянецъ заимствуетъ это слово въ видѣ:

telefónio

опять съ извѣстной разницей въ звукахъ отъ нѣмецкой и русской формъ. Кроме того и въ морфологическомъ отношеніи это слово принимаетъ въ его языкѣ другой видъ. Французъ опять иначе заимствуетъ это слово, а именно какъ *téléphon*, и т. д.

Въ языкахъ съ опредѣленной, неподвижной системой ударенія заимствованное слово принимаетъ и новое ударение:

ит.	fenéstra	переходитъ въ	нѣмецкомъ въ	Fenster.
лат.	feniculum	”	”	” Fenchel
”	flagellum	”	”	” Flegel
”	forestum	”	”	” Forst
”	cerefolium	”	”	” Kerbel
”	catena	”	”	” Kette
”	cerasum	”	”	” Kirsche
”	magister	”	”	” Meister
”	monachus	”	”	” Mönch
”	monasterium	”	”	” Münster
”	moneta	”	”	” Münze
греч.	πεντεκόστη	”	”	” Pfingsten

лат. predicare	”	”	”	”	predigen
” signare	”	”	”	”	segnen
” tractarius	”	”	”	”	Trichter
” vocatus	”	”	”	”	Vogt и т. д.

Въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, заимствованныя слова имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ: *kościół* (*castellum*), *bassarunek* (*Besserung*), *ladunek* (*Ladung*) и т. д.

Во французскомъ удареніе будетъ на послѣднемъ слогѣ и т. д.

Въ старомъ англійскомъ въ собственныхъ именахъ:

A'bimeleh, *A'chaia*, *A'ndreas*, *A'pollinus*, и т. д.

Въ неизмѣненныхъ заимствованіяхъ: *básilisca*, *crístallus*, *ístoria*, *káendas* и т. д.

Въ другихъ случаяхъ: *seren* = *sarenum*, *cuscene* = *coquina*, *eumen* = *cumīnum*, *mynet* = *monēta*, *mynster* = *monasterium* и т. д. *brēfian* = *breviare*, *offrian* = *offerre*, *pinsian* = *pensare*, *prōfian* = *probare* и т. д. ¹⁾.

Если чужое слово и принимаетъ окраску заимствующаго языка, чуждое его происхожденіе не можетъ быть окончательно замаскировано. Такъ, въ вышеприведенномъ русскомъ словѣ

t'ы'ѣfón

звукъ *f* въ подобномъ положеніи (въ серединѣ слова и въ началѣ слога) чуждъ русскому языку, самые корни, давшіе это сложеніе, отсутствуютъ въ русскомъ языкѣ и, наоборотъ, природны въ греческомъ. Если звукъ *f* и природенъ нѣмецкому языку, за то корни *tele* и *phon* такъ же, какъ и въ русскомъ, не имѣютъ нѣмецкихъ родичей, не связаны никакими ассоціаціями съ природными нѣмецкими словами и потому не могутъ быть понятны тому, кто не знаетъ по гречески. То же должно сказать, *mutatis mutandis*, и объ итальянской или французской формѣ даннаго слова.

Такимъ образомъ, критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетиче-

¹⁾ Ср. *Pogatscher*, Alois. *Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnworte im Altenglischen*. Strassburg. 1888, стр. 17, 18, 19.

скихъ, морфологическихъ и даже семасіологическихъ особенностяхъ. Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенію или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчащему его звуковымъ и прочимъ законамъ ¹⁾.

Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, какъ заимствованныя въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго

градъ, страна, гладъ, хладъ и т. д.,

противорѣчитъ фонетическимъ законамъ русскаго языка сочетаніе *-ра-*, *-ла-*, соответствующее основно-славянскому *-ог-*, *-ол-*, литовскому *-аг-*, *-ал-*, и вмѣсто котораго мы ожидали бы *-оро-*, *-оло-*, имѣющееся въ природныхъ русскихъ словахъ:

городъ, сторона, голодъ, холодъ и т. д.

Въ словахъ: *среда*, *древесный*, *прибрежный* и т. д. встрѣчаемъ слогъ *-ре-* (стел. и цел. *-ръ-*), который соответствуетъ основно-славянскому *-ег-*, дающему *-ере-* въ природныхъ русскихъ формахъ: *серѣда*, *серѣдка*, *дерево*, *берегъ* и т. д.

Изъ этого противорѣчія мы заключаемъ, что данныя слова не природны въ русскомъ языкѣ и попали въ него изъ церковно-славянскаго. Между тѣмъ, еслибы эти же самыя слова были заимствованы изъ церковно-славянскаго въ сербскій или чешскій языки, мы не имѣли бы возможности выдѣлить ихъ изъ природнаго лексическаго состава этихъ языковъ, такъ какъ эти послѣдніе раздѣляютъ данныя фонетическія особенности со старо-славянскимъ и его книжнымъ видоизмѣненіемъ—церковно-славянскимъ языкомъ.

Можетъ быть также случай, что слово заимствуется въ языкъ до наступленія извѣстнаго звуковаго процесса и, подвергаясь его дѣйствию, измѣняется настолько, что отличить его отъ природныхъ словъ бываетъ трудно или просто невозможно. При этомъ, конечно, чѣмъ раньше было заимствовано слово, тѣмъ большому числу звуковыхъ процессовъ оно подвергается. Отсюда и проис-

¹⁾ O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883. стр. 201: «нашъ единственный вѣрный критерій того, имѣемъ ли мы дѣло съ тождествомъ, основаннымъ на праязыковомъ родствѣ, или съ заимствованіемъ, сводится къ правильности или неправильности звуковыхъ отношеній, отличающихъ другъ друга въ извѣстномъ рядѣ словъ».

ходить упомянутая уже нами трудность выдѣленія заимствованій, сдѣланныхъ языками въ доисторическую пору ¹⁾.

Такъ латинское *tūs, tūris* (оиміамъ), заимствованное изъ греческаго *θύος, θύε(σ)ος* еще до наступленія процесса такъ назыв. ротацизма въ латинскомъ, подверглось этому процессу, какъ любое природное латинское слово. Такимъ образомъ, это слово нельзя было бы отличить отъ природныхъ, если бы въ немъ не замѣчалось еще неправильное соотвѣтствіе лат. *t* греческому *θ*. Въ другихъ случаяхъ въ родѣ лат. *mālum* || гр. *μήλον* и т. п., совсѣмъ нѣтъ указаній на ихъ чуждое происхожденіе ¹⁾.

При отсутствіи всякихъ внѣшнихъ признаковъ иноязычнаго происхожденія критеріемъ можетъ служить (далеко не всегда) значеніе слова. Этотъ семасіологическій критерій, однако, можетъ быть примѣняемъ только съ большою осторожностью въ виду того, что семасіологія до сихъ поръ пока представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ и въ то же время наименѣе разработанныхъ отдѣловъ науки о языкѣ. Приложение этого критерія допускаютъ болѣе всего слова, заимствованныя изъ близко родственныхъ языковъ и имѣющія въ данномъ языкѣ параллельныя природныя слова. Въ подобныхъ случаяхъ слова заимствованныя часто имѣютъ значеніе болѣе широкое и отвлеченное въ сравненіи съ параллельными природными, имѣющими болѣе узкое и конкретное значеніе. Ср., напримѣръ, французскія параллели:

acheter || *accepter* (*acceptare*)

chef || *cap* (*caput*)

champ || *camp* (*campus*)

chevalier || *cavalier*

¹⁾ Ср. I. Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872, стр. 25: «Отдѣлить слова, которыя были заимствованы (такъ какъ входившіе во взаимный обмѣнъ языки стояли тогда еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ историческія времена) до вступленія въ дѣйствіе звуковыхъ законовъ, дающихъ позднѣе критерій заимствованія, или слова, формы которыхъ согласуются съ звуковыми особенностями обонхъ данныхъ языковъ, отъ первично родственныхъ мы до сихъ поръ еще не въ состояніи». Ср. также V. Hehn. Italien. ³ (1887) стр. 171.

²⁾ Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 204.

devin || divin (divinus)
 frêle || fragile (fragilis)
 noël || natal (natalis)
 peser || penser (pensare)
 sevrer || séparer (separare) и т. д.

Подобныя же русскія параллели:

голова || глава, сторона || страна, огородить || оградить,
 солодовый || сладкій и т. д.

рожать || рождать, свѣтить || о-свѣщать и т. д.

Примѣромъ такого случая, гдѣ значеніе помогаетъ намъ узнать заимствованное слово, или, точнѣе, заимствованное значеніе, могутъ служить такія русскія параллели, какъ мужъ (conjug), жена (uxor) || мужъ (vir, homo), жена (femina).

Первыя значенія этихъ словъ принадлежать словамъ природно-русскимъ (или во всякомъ случаѣ усвоеннымъ весьма рано), вторыя словамъ, заимствованнымъ изъ церковно-славянскаго въ позднѣйшее время. Каждая пара при полномъ отсутствіи фонетическихъ признаковъ совпала съ другой совершенно, такъ что въ дѣйствительности мы имѣемъ только единичныя слова *мужъ*, *жена*, имѣющія, каждое, два значенія.

Для нашего языковаго чутья слова эти въ значеніи vir, femina имѣютъ такой же высокопарный оттѣнокъ, какъ *глава*, *брада*, *брегъ* и др. подобныя, несомнѣнно церковно-славянскія слова.

И дѣйствительно, мужъ = vir, жена = femina народному языку совсѣмъ чужды и дома только въ книжномъ языкѣ. Аналогичный случай представляетъ собой индостанское (урду) Dev, имѣющее также два значенія: природное — *богъ* и усвоенное изъ персидскаго (Div или Dev) — *дьяволъ*¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя открыть непосредственнаго источника заимствованія, хотя оно и совершилось на нашихъ глазахъ. Такъ, напримѣръ, приведенное уже выше русское слово *телефонъ*, несомнѣнно заимствованное, не природное, попало въ русскій языкъ

¹⁾ Ср. Grünbanm. /Mischsprachen und Sprachmischungen. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

весьма недавно, но непосредственного источника, изъ котораго оно взято, мы не можемъ указать. Даже въ томъ случаѣ, если бы мы прослѣдили по разнымъ періодическимъ, техническимъ и общимъ изданіямъ исторію распространенія этого слова и нашли бы мѣсто, гдѣ оно употреблено впервые, все же едва ли оказалось бы возможнымъ доискаться, изъ какого собственно современнаго языка слово было взято. По своимъ составнымъ частямъ слово это несомнѣнно греческаго происхожденія, но очевидно не могло быть заимствовано изъ греческаго, тѣмъ болѣе, что въ древно-греческомъ языкѣ оно отсутствуетъ, а въ ново-греческомъ не можетъ быть первичнымъ въ силу условій культурныхъ ¹⁾. Самая форма слова не вполне сохраняетъ характерныя черты греческаго словообразованія, такъ какъ въ греческомъ мы ожидали бы *τελέφωνος*. Во французскомъ мы имѣемъ *téléphon*, въ англійскомъ *telephon*, въ нѣмецкомъ *Telephon* и т. д. Который изъ этихъ языковъ послужилъ источникомъ для русскаго слова, сказать на основаніи одного фонетическаго критерія невозможно.

Въ сущности открытіе непосредственнаго источника заимствованія въ данномъ и подобныхъ случаяхъ не имѣло бы даже почти никакого значенія въ смыслѣ языковомъ. Такъ, упомянутый только что терминъ возникъ вмѣстѣ съ понятіемъ въ Америкѣ, но былъ чужимъ и заимствованнымъ еще на этой своей родинѣ. Гораздо важнѣе для насъ первичный источникъ даннаго слова, взятаго изъ „международнаго“, какъ мы можемъ назвать его, греческаго языка. Въ наукѣ и техникѣ мы встрѣчаемъ массу подобныхъ терминовъ греческаго и латинскаго происхожденія, употребляющихся болѣе или менѣе одинаково у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта масса съ каждымъ годомъ увеличивается новыми подобными же образованіями.

Въ своей совокупности термины ²⁾ эти образуютъ настоящій всеобщій или международный языкъ, имѣющій также діалектиче-

¹⁾ Слово *téléphonie* во французскомъ встрѣчается задолго до изобрѣтенія телефона у Вердиюва (*Soirées de l'orchestre* 1853. Paris. P. 324).

²⁾ Ср. объ ученыхъ латинскихъ и греческихъ словахъ французскаго языка А. Darmesteter. *De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française et des lois qui la régissent*. Paris 1877. Часть II, главы XI—XVI.

скія различія (ср. фр. *téléphon*, ит. *telefonio*, русск. *т'лэфон* и т. д.), какъ и любой живой языкъ. Правда, кругъ идей, выражаемыхъ этимъ языкомъ, сравнительно ограниченъ, равно какъ и его употребленіе (преимущественно книжное), но языкъ этотъ постоянно растетъ и развивается, а кругъ его употребленія расширяется вмѣстѣ съ успѣхами науки и цивилизаціи. Польза, приносимая подобнымъ международнымъ языкомъ, очевидна и въ дѣйствительности перевѣшиваетъ далеко пользу, которую могутъ принести различные искусственные суррогаты, въ родѣ *volapuka*, *rasilingua*, *langue internationale nèo-latine* и т. д.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно своеобразнымъ явленіемъ, свойственнымъ исключительно новѣйшимъ временамъ и не имѣющимъ себѣ предшественниковъ въ древней исторіи человѣчества.

Претерпѣвъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе (подстановка природныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ) въ самый моментъ заимствованія, чужое слово продолжаетъ подвергаться различнымъ измѣненіямъ и по своему принятіи въ другой языкъ. Чуждое по своему морфологическому составу, не связанное семантическими и прочими ассоціаціями съ другими словами и поэтому непонятное, оно измѣняется легко и разнообразно. Измѣненія его являются или слѣдствіемъ недослышки, причемъ слово воспринимается другимъ иначе, чѣмъ было произнесено, или слѣдствіемъ недостаточно твердаго запоминанія говорящимъ, причемъ слово измѣняется опять въ его устахъ.

Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣйствія какъ для такъ-называемыхъ „спорадическихъ“ звуковыхъ измѣненій такъ и для народнаго словопроизводства, играющаго при этомъ очень выдающуюся роль. Примѣромъ подобныхъ „спорадическихъ“ измѣненій могутъ служить, на примѣръ:

обще-русское *тминь* (*t'm'in*) = гр. *κρόμμινον*, евр. *kummin*, лат. *cuminum*, стел. **кюминъ**, польское *kmin*. Благодаря полной этимологической обособленности этого слова, не имѣющаго въ русскомъ никакихъ родственныхъ словъ, по которымъ можно было бы исправить его произношеніе, произношеніе народа (говорящаго

въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: *тислый*, *диря*, *тинть* и т. д., вмѣсто *кислый*, *гиря*, *кипѣть*) перешло и къ образованнымъ классамъ. Образованный русскій никогда не станетъ говорить *тислый*, *тинть* и т. д., такъ какъ его поддерживаетъ письменный, книжный языкъ, но говорить и писать *тминъ*; онъ никогда не скажетъ *андель* (án'd'yl) вмѣсто *ангель* (ἄγγελος), потому что въ его языкѣ, находящемся подъ влiяніемъ книжнаго и церковнаго языка, имѣется болѣе „правильная“ форма, у многихъ поддерживаемая еще знаніемъ греческаго или латинскаго слова. Но онъ такъ же, какъ и масса, говоритъ и пишетъ *крендель* (kr'én'd'yl'), такъ какъ происхожденіе этого слова изъ нѣмецкаго Kringel ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ неизвѣстно, или никогда не приходитъ въ голову. Аналогичное измѣненіе *к* въ *т* находимъ въ давнишнемъ заимствованіи *витязь*, стел. *внѣзъ*, серб. *витез*, ч. *vitěz*, п. *zwycięzca*, вл. *vicaz*, =сканд. (исл.) *vikingr*, агс. *wicing*. Фамилія *Акатъевъ* = *Акакіевъ* и народное имя *Авдотья* вмѣсто *Евдокія* (гр. *Εὐδοκία*) такъ же пишутся, какъ и произносятся народомъ, произношенію котораго слѣдуетъ въ данныхъ случаяхъ и образованный человѣкъ, если не желаетъ придавать своей рѣчи характеръ неестественной, манерной изысканности.

Образчиками подобныхъ книжныхъ и народныхъ параллельныхъ формъ одного и того же заимствованнаго слова могутъ также служить нѣмецкія:

Corporal || Kaporal, Sergeant || Scharsant, Gensd'armes || Schandarre, genovieren || rennefiren и т. д. ¹⁾.

Въ приведенныхъ русскихъ случаяхъ измѣненіе *к*, *г* въ *т*, *д* произошло въ устахъ народа, гдѣ оно не имѣетъ „спорадическаго“ характера, а охватываетъ всѣ однородные звуки въ опредѣленныхъ условіяхъ; затѣмъ народныя формы этихъ заимствованій были въ другой разъ заимствованы въ языкъ образованныхъ классовъ, гдѣ ихъ соотвѣтствіе *к*—*т*, *г*—*д* уже является „спорадическимъ“, т. е. не имѣетъ никакой фонетической причины и,

¹⁾ См. Gaul. Principien d. Sprachgeschichte ² стр. 343.

слѣдовательно, совершенно чуждо звуковому составу книжнаго языка.

Съ другой стороны фонетическія измѣненія въ заимствованныхъ словахъ наступаютъ вообще скорѣе, чѣмъ въ природныхъ, что объясняется опять уже упомянутымъ отсутствіемъ ассоціативныхъ связей съ другими словами языка, лексической ихъ обособленностью. Такъ, напримѣръ, слово *портулакъ* превращается въ устахъ народа въ *протулакъ* (přtúlák, а въ сильно „акающихъ“ говорахъ přátulák), *портунѣя* въ *протунѣя*, хотя природное слово *портотомня* обыкновенно не претерпѣваетъ такого метатезиса въ виду связи съ *порты*, *портки* ¹⁾).

Здѣсь фонетическій процессъ весьма тѣсно соприкасается съ другимъ факторомъ, играющимъ весьма важную роль въ обезличиваніи иностранныхъ словъ и ихъ приурочиваніи къ заимствующему языку, — съ народнымъ словопроизводствомъ (являющимся однимъ изъ видовъ морфологической ассимиляціи или такъ называемой аналогіи). Такъ, форма *протулакъ* имѣетъ уже болѣе „русскій“ видъ, чѣмъ *портулакъ*, такъ какъ здѣсь уже возможно безсознательное этимологическое разложеніе слова на части *про-* и *-тулакъ*, изъ которыхъ первая совпадаетъ съ природнымъ предлогомъ *про-*, а вторая объединяется въ одну морфологическую группу со словами типа *кулакъ*, *буракъ*, *дуракъ* и т. д. Подобный же „метатезисъ“ имѣетъ въ народной формѣ *протунѣя* вмѣсто книжной *портунѣя*, болѣе близкой къ своему французскому источнику (*porte-épée*); здѣсь опять привходитъ элементъ народнаго словопроизводства, разлагающаго слово какъ бы на *про-* и *-тунѣя*, гдѣ чувствуется звуковая близость къ основѣ *тун-*, *тупой* и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ трудно сказать, что собственно является ближайшей причиной измѣненія внѣшней формы слова — фонетическій ли процессъ такъ называемаго метатезиса, или безсознательное стремленіе „осмыслить“ чужое слово, т. е. придать ему болѣе русскій, привычный видъ.

¹⁾ Впрочемъ, въ Дополненіи къ Областному Великорусскому Словарию находимъ и формы: *протомоя*, *протомывка*.

Примѣровъ подобныхъ измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ народнаго словопроизводства и морфологической ассимиляціи, мы найдемъ массу во всѣхъ языкахъ.

Такъ, на примѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ: Armbrust (какъ бы Arm и Brust) явилось изъ средне-латинскаго arbalista, arcubalista ¹⁾; въ словѣ Pilgrim (дрвн. piligrim, взятое изъ средне-лат. peregrinus) окончаніе -grim вм. -grin обязано своимъ *m* морфологической ассимиляціи къ такимъ природнымъ собственнымъ именамъ, какъ Isegrim и т. д. ²⁾; латинское pyrethron (греч. πύρεθρον—растеніе жигунецъ) изъ ср.-нѣмецкаго birtron превращается въ Bertram, какъ бы собственное имя ³⁾; латинское betonica (отсюда срвнѣм. batônje) въ Bathengel (также растеніе) ⁴⁾; Karfunkel = лат. carbunculus (срвн. Karbunkel), какъ бы отъ глагола funkeln ⁵⁾; названіе цвѣта bleu mourant превращается въ Blümerant (уподобленіе къ Blume—цвѣтокъ) ⁶⁾; французское новообразование (книжное) similor (похожій на золото) въ устахъ книжнообразованныхъ и знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ принимаетъ форму semilor (полузолото) ⁷⁾. Нѣмецкое Felleisen = срвн. velis, заимствованному изъ фр. valise. Слово осмыслено, какъ бы состояло изъ Fell и Eisen (Kluge. Etym. Wbuch d. d. Spr.). Особенно богатъ такими фактами народный языкъ, гдѣ изъ radikal дѣлается rattekahl, изъ horribel — harübel, изъ famos — fermos и даже vermost, изъ justement—just am End и т. д. ⁸⁾; Stearinlichter превращаются въ Sternlichter, а unguentum Neapolitanum въ umgewendter Napoleon; pneumatische Post (новинка въ Берлинѣ) осмысляется въ neumodische Post (газета Post. 1887. № 120 B. B. Zur Sprachreinigung) и т. д.

¹⁾ См. F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch d. deutsch. Sprache. 4 изд. 1889, стр. 11.

²⁾ См. Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie. 3 изд. Heilbronn. 1878. стр. 167.

³⁾ Kluge. Ibidem, стр. 26. Andresen. Ibid., стр. 156.

⁴⁾ Kluge. Ibid. стр. 21. Andresen. Ibid, стр. 158.

⁵⁾ Andresen. Ibidem, стр. 160.

⁶⁾ Ibidem, стр. 190.

⁷⁾ Ibidem, стр. 160.

⁸⁾ Ibidem, стр. 75.

Весьма часты подобныя измѣненія въ географическихъ именахъ: славянскія Branibor и Mezibor, превращаются въ Brandenburg и Merseburg (Andresen. Ueber d. Volksetymologie, стр. 110); ниже-лужицкія Selésna (железная) въ Sellessen ¹⁾, Hussoka (высокая), вѣроятно черезъ болѣе древнюю форму Wysoka въ Weis-sagk ²⁾ подъ вліяніемъ weiss; Luboras въ Lieberose ³⁾; кельтское Vitodurum въ дрвн. Winturdûra, а это въ Winterthur, латинское Claudii forum въ Klagenfurt, Venustus mons въ Finstermünz и т. д. ⁴⁾.

Въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) народныхъ говорахъ Kalinkenbeere (заимствованіе изъ польскаго kalinka, русск. калина) превращаются въ Kalkbeere (Kalk известка) и Kapinchenbeere (кроличьи ягоды) ⁵⁾.

Французскими примѣрами могутъ быть:

Beaupré, заимствованное изъ голландскаго Bugsprit (какъ бы beau + pré) ⁶⁾; choucroute, заимствованное изъ нѣмецкаго Sauerkraut или, вѣрнѣе, изъ діалектическаго Sürkrüt и осмысленное, какъ бы состояло изъ chou и croûte ⁷⁾, ridicule изъ réticule (лат. reticulum) подъ вліяніемъ прилагательнаго ridicule (лат. ridiculus).

Солдаты ландвера (Landwehr) въ послѣднюю франко-прусскую войну назывались langues vertes ⁸⁾. Sanglier не имѣетъ ничего общаго съ sang и имѣетъ въ основѣ лат. singulus (болѣе позднее, книжное заимствованіе есть singulier), vendredi ничего общаго съ vendre (= Veneris dies) и т. д.

Русскими подобными примѣрами могутъ служить: *расшива* (Reiseschiff) какъ бы отъ *раз-+шить*; *филленка* (нѣм. Füllung) съ такимъ же суффиксомъ, какъ *дъвченка*, *коровенка* и т. д.

¹⁾ См. Buttman. Die deutschen Ortsnamen. Berlin. 1856, стр. 104. Zwahr. I. G. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch, Spremberg. 1847, стр. 320.

²⁾ Buttman. стр. 74. Zwahr, стр. 126.

³⁾ Buttman, стр. 91. Zwahr. стр. 194.

⁴⁾ Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie, стр. 113.

⁵⁾ Schuchardt. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches, стр. 65.

⁶⁾ Andresen, стр. 28.

⁷⁾ Ibidem, стр. 27.

⁸⁾ Ibidem, стр. 31.

(морфологическая ассимиляция); *рынду-бей* (морской терминъ = англ. ring the bell); *битенъ* (морской терминъ) въ арханг. говорѣ превращается въ *битвенъ*, *битвенница*; *некрутъ*, народное вмѣсто *рекрутъ*, какъ бы не+крутъ въ *крутить*, *крутой* и т. д. *карасинъ* вмѣсто *керосинъ* (народное словопроизводство отъ *карась*); *рубль* едва ли имѣетъ что общее съ *рубить* и одинаковымъ образомъ можетъ быть заимствованіемъ съ Востока (*рупія*); діалект. *докоманно*, *докомонно*, *докоманный* (основательно, точно, подлинно), въ основѣ которыхъ очевидно лежитъ иностранное слово „документъ“ и, можетъ быть, „документально“, превращаются въ *доконно*, *доконный* подъ вліяніемъ *доконъ* = до+конъ (ср. *удоконъ* = договоръ: Каз. губ.); *конвой* превращается въ *конбой*, (какъ бы конъ и бой¹); *рубка* (каюта на палубѣ) = англ. *goof*, голл. *goef*, и опять не имѣетъ ничего общаго съ *рубить*; *налой* = греч. ἀναλόγειον чувствуется какъ на+лой; *выбленка* = нѣмецкому *Webeling* чувствуется какъ бы словомъ, сложеннымъ съ предлогомъ *вы-*; *высокосный* = лат. *bissextilis* разлагается какъ бы на *высокій* и *косный*; *Царское село* есть первоначально *Сарское село* (финское *Saari*); *крылосъ* = гр. κλῆρος или лат. *clerus* и съ *крыломъ* не имѣетъ никакой связи; народное *великѣтный* = деликатный (*délicat*); *куролесить* также является результатомъ народнаго словопроизводства, которая изъ двухъ этимологій этого темнаго слова (*κῦριε-ἔλεισον* или *χοράλλης*) и не была бы настоящей²); *кипарисъ* (*κισπάρισσος*) измѣняется въ *капарисъ* или *купарисъ* (Духовные Стихи). *Известка* (діалектическое *извяска* какъ бы изъ+вязкій) не заключаетъ въ себѣ никакого предлога *изъ* и заимствовано изъ греческаго ἀσβέστης, ближайшимъ рефлексомъ котораго является форма *известъ*, какъ бы разлагающаяся на изъ+вѣсть.

Островъ Голодай около Петербурга и Гороховая улица въ немъ

¹) Оп. Обл. Слов.

²) Ср. однако Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Загадка № 2105. идутъ лѣсомъ, поютъ куролесомъ, несутъ деревянный пирогъ съ мясомъ (похороны), или: шли плотники лѣсомъ, пѣли куролесомъ, несли пирогъ съ мясомъ (№ 24695).

по преданію получили свои названія отъ нѣкогда тамъ обитавшихъ англичанина Holyday и нѣмца Гарраха ¹⁾. Солдаты пере-дѣлываютъ фамилію своего генерала *Бистрома* въ *Быстрова* ²⁾. Изъ иностранныхъ фамилій: Пагенкампфъ, Косъ фонъ Даленъ, Гамильтонъ, Левенштейнъ, получаютъ русскія: Поганковъ ³⁾, Козодавлевъ ⁴⁾, Хомутовъ, Левшинъ ⁵⁾.

Въ духовныхъ стихахъ Волотоманъ превращается въ Володимира, Володимира съ одной стороны и Малодумора съ другой.

Солдатъ, записывая народное чтеніе о землетрясеніяхъ, превращаетъ Лиссабонъ въ Лисадонъ и т. д. ⁶⁾.

Польское *kościół* есть заимствованіе изъ латинскаго — *castellum*, приуроченное впоследствіи къ природному *kość*, *bawełna* (какъ бы *ba + wełna*, гдѣ сдѣлана понятной хотя бы вторая часть) = нѣм. *Baumwolle*.

Obstalować = нѣм. *bestellen*; *makótra* (малорусск. *макитра*, будто для терки маку) = греч. *μάχτρα*; собственное имя *Στέφανος* заимствуется въ видѣ *Szczepan*, лат. *cortex* превращается въ *korek*; *Liebstöckel* въ *lubistek* (какъ бы отъ *lubić*) и т. д. ⁷⁾.

Измѣненія заимствованныхъ словъ подъ влияніемъ народнаго словопроизводства имѣли мѣсто и въ древнихъ языкахъ:

Такъ индійскія рѣчки являются у греческихъ писателей въ такомъ видѣ:

Grāvati = *Ἰδραώτης*; *Vipāc* = *Ἰφασίς*, *Ἰπανίς*, *Βίπασίς*, *Βιβασίς* ⁸⁾; *Vitastā* = *Ἰδάσπης*, *Hiranyabāhu* = *Ἐρανοβάας*.

Зендское *huperetu* превращается въ *Εὐφράτης* и т. д. У Птоломея (*Geogr.* 7. 1) *Chandravati* обращается въ *Σανδράβατις*, а у

¹⁾ См. Карновичъ. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи. 1886, стр. 86 и 42.

²⁾ *Ibidem*, стр. 41.

³⁾ *Ibidem*, стр. 42.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 236.

⁵⁾ *Ibidem*, стр. 65.

⁶⁾ Ср. также другіе аналогичные примѣры въ статьѣ М. Савинова. Народная этимологія на почвѣ языка русскаго. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1889, т. XXI, стр. 13—58.

⁷⁾ Ср. *Karłowicz. Słownik ludowy. Kraków. 1878. Passim.*

⁸⁾ *Zimmer. Altindisches Leben. Berlin. 1879, стр. 11*

Диодора Сиц. (17. 93) Chandraguptas и Chandramas въ Σανδράκοπτος и Σανδράμης.

Арамейское dikela заимствуется въ греческій въ видѣ δάκτυλος; еврейское shikomāh въ видѣ συκάμινος, συκόμορος, συκοωφέα; санскритское pundarikas въ видѣ πάνθηρ, египетское chennuh (извѣстная мѣра) превращается въ σχῶνος и т. д. ¹⁾; латинское saxifraga въ σαρξίφαγος (пожирающій мясо).

Въ заимствованныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаемъ то же явление: Оивы (Θῆβαι) = егип. t. are, финикійскій городъ на островѣ Кипрѣ—Chamath превращается въ Ἀμαθοῦς (т. е. песчаный городъ отъ ἄμαθος, ἄμμος—песокъ, пыль); финикійскій же богъ Мелехъ или Молохъ послужилъ источникомъ для Зевса Μελίχιος (сладостный); егип. Naḡ re chrat (Гарь—дитя, ребенокъ) превращается въ Ἀρποκράτης и т. д. ²⁾.

Въ греческихъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ латинскаго:

Βίβλος вмѣсто Bibulus, Ἀσόλλιος вмѣсто Asellius (какъ бы отъ σολάω), Νουμήτωρ вмѣсто Numitor (какъ бы Νοῦς+μήτωρ, какъ Φιλομήτωρ и т. п.), Λεύκουλλος, Λεύκιος, Λευκανία = Lucullus, Lucius, Lucania, Δολαβέλλας, откуда Δολοβέλλας (какъ бы отъ δόλος) вмѣсто Dolabella и т. д.

Латинскій языкъ заимствовалъ греч. γλυκὸρρίζα въ видѣ liquiritia (сп. liqueure), μηλόφυλλον въ видѣ millefolium, ὀρείχαλκον въ видѣ aurichalcum ³⁾, ὀψώνιον въ видѣ obsonium (какъ бы ob+sono), ἐγγυθήκη въ видѣ incitega ⁴⁾ и т. д.

Въ собственныхъ именахъ: Agrigentum = гр. Ἀκράγας (уподобленіе къ аger), Maleventum = гр. μαλώεις и т. д. ⁵⁾.

Подвергаясь подобнымъ измѣненіямъ какъ фонетическаго, такъ и морфологическаго свойства, заимствованное слово въ концѣ-концовъ перестаетъ чувствоваться чуждымъ и въ представленіи огром-

¹⁾ См. Weise. O. Wortentlehnung und Wortschöpfung. Steinthal. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XIII, стр. 244.

²⁾ Ibidem, стр. 243.

³⁾ Weise, O. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 1882, стр. 73.

⁴⁾ Ibidem, стр. 69.

⁵⁾ Ibidem, стр. 68.

наго большинства говорящих ничѣмъ не разнится отъ всякаго другаго роднаго, природнаго слова. Въ связи съ этимъ обыкновенно принято различать двѣ категоріи заимствованій: слова усвоенныя или заимствованныя въ тѣсномъ смыслѣ (въ нѣмецкой лингвистической терминологіи *Lehnwörter*) и слова чужія или иностранныя (*Fremdwörter*).

Въ первой категоріи учеными принято относить заимствования, утратившія свой иностранный видъ въ силу фонетическихъ или морфологическихъ причинъ и уже не чувствуемыя иностранными; если мы обратимъ вниманіе на ихъ исторію, то найдемъ въ большинствѣ случаевъ, что они вошли въ языкъ во времена, болѣе или менѣе отдаленныя. Таковы, напримѣръ, русскія слова:

анись, буква, бутылка, витязь, жаловать, жалованье, известка, кадка, кадило, казна, князь, комната, корабль, лошадь, наканунъ, палаты, плита, попь, поститься, пушка (дрвн. *buhsa* изъ греческаго *ποξίς*), рубль, сапогъ, стекло, суббота, таможня, тминъ, хлѣбъ, царь, церковь, школа, якорь и т. д.

Нѣмецкія: Abenteuer (срвн. *âventiure* = фр. *aventure*), Abt (срвн. *abt*, *abbet*, дрвн. *abbat* = среднелат. *abbas*, *abbat-*), Almosen (дрвн. *alamuosan*, *alamōsan* = греч. *ἐλεημοσύνη*), Anker (дрвн. *anchar* = лат. *ancora*), Armbrust (срвн. *armbrust* = ср. лат. *arballista*, *arcubalista*), Arzt (дрвн. *arzat*, срвн. *arzât*, *arzet* = срлат. *archiater* = греч. *ἀρχίατρος*), Banner (фр. *bannière*), Bibel (гр. лат. *biblia*), Bischof (дрвн. *biscof*, срвн. *bischof* = *ἐπίσκοπος*), Brief (дрвн. и срвн. *brief* = лат. *brevis*), Brille (срвн. *barille*, *berille*, *brille* = лат. гр. *beryllus*), Butter (срвн. *buter* = срлат. *butyrum* = греч. *βούτυρον*), Dattel (срвн. *datel* = итал. *dattilo* = греч. *δάκτυλος*), dichten (срвн. *tihten*, дрвн. *tihtōn* = лат. *dictare*), Drache (срвн. *trache*, дрвн. *trahho* = лат. *draco*), Essig (л. *acētum*), Estrich (срлат. *astricus*), Fenster (срвн. *venster*, дрвн. *venster* = лат. *fenestra*), Fieber (срвн. *vieber*, дрвн. *fiabar* = лат. *febris*), Flaum (срвн. *phlûme*, дрвн. *pflûma* = лат. *plûma*), Forst (срвн. *vorst*, *forest*, дрвн. *forst* = срлат. *foresta*), Insel (срвн. *insel* = лат. *insula*), Kaiser (срвн. *keiser*, дрвн. *keisar* = *caesar*), Kammer (срвн. *kamer*, дрвн. *chamara* = лат. *camara* = гр. *καμάρα*),

Kelch (срвн. *kēlch*, дрвн. *chēlih*, *kēlih* = лат. *calix*), Kerker (срвн. *karkæge*, *kērkæge*, дрвн. *karkāri* = лат. *carcer*), Kette (срвн. *kēten* = лат. *catena*), kirche (срвн. *kirche*, дрвн. *chirihha* = греч. *χωριακόν*), Münster (срвн. *münster*, дрвн. *munustiri* = лат. гр. *monastērium*), Münze (срвн. *münze*, дрвн. *munizza* = лат. *monēta*), pfeifen (срвн. *pfifen* = лат. *pipare*), Pferd (срлат. *paraverēdus*, *parifredus*), Pfingsten (срвн. *pīngsten* = гр. *πεντεκοστή*), Pfersich (срвн. *pfērsich* = лат. *persicum*), Pflanze (срвн. *pflanze*, дрвн. *pflanza* = лат. *planta*), Pflaster (срвн. *pflaster*, дрвн. *pflastar* = греч. *ἔμπλαστρον*), Pflaume (срвн. *pfūme* = лат. *prūnum*), Pforte (срвн. *pforte*, дрвн. *pforta* = лат. *porta*), Pfund (срвн. дрвн. *pfunt* = лат. *pondo*), Pilz (срвн. *būlez*, дрвн. *buliz* = лат. *bōlētus*), Segen (срвн. *sēgen*, дрвн. *sēgan* = лат. *signum*), Siegel (срвн. *sigel* = *sigillum*), Stiefel (срвн. *stivel*, *stivāl* = ит. *stivāle* = срлат. *aestivale*), Vogt (срвн. *vogt*, дрвн. *fogat* = срлат. *vocātus*) и т. д.

Латинскія: *caduceus* = гр. *κηρυκεῖον*, *κηρύκιον*; *canistrum* = *κἀναστρον*; *catapulta* = *καταπέλτης*; *eupressus* = *κοπάρισσος*; *funda* = **σφονδα*, *σφενδόνη*; *obsonium* = *ὀψώνιον*; *obsono* = *ὀψωνεῖω*; *incitaga* = *ἐγγυθήκη*; *liquiritia* = *γλοκὺρρίζα* и т. д.

Греческія: *βάλσαμον* (евр. *béshém*), *βύσσος* (евр. *buths*), *δέλτος* (евр. *délét*), *μᾶ* (евр. *mánéh*), *νάβλας* и *νάουλας* (евр. *nébél*), *παλλακίς* (*pillegesh*), *σικάμινος* (*shikomáh*) и т. д.

Во всёхъ этихъ случаяхъ только ученому лингвисту ясно ихъ чужеземное происхожденіе; для природнаго же русскаго, нѣмца, римлянина, грека они не представляютъ (или не представляли) ничего чуждаго.

Ко второй категоріи относятся слова, чуждое происхожденіе которыхъ чувствуется уже и не лингвистомъ; время ихъ заимствованія въ языкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не такъ отдаленно, какъ у словъ предшествовавшей категоріи. Благодаря послѣднему обстоятельству, они не успѣли еще сильно измѣниться, такъ что ихъ иностранное происхожденіе ничѣмъ не замаскировано.

Примѣрами подобныхъ заимствованій могутъ служить рус-

скія слова: *аббатъ, аберація, авансцена, автографъ, адвокатъ, администраторъ, адресъ, адъютантъ, акцентъ, акціонеръ*, и безчисленное множество подобныхъ словъ, доходящее въ (очень плохихъ и вполнѣ ненаучныхъ) словаряхъ иностранныхъ словъ русскаго языка до 40, 75 и болѣе тысячъ. Словарь иностранныхъ словъ нѣмецкаго языка Лооґа насчитываетъ до 90,000 такого рода заимствованій. Другіе языки не менѣе богаты заимствованиями этой категоріи.

Это раздѣленіе заимствованій на двѣ категоріи—словъ усвоенныхъ и чужихъ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, а именно критеріемъ здѣсь служатъ не какіе-либо внутренніе или внѣшніе признаки рассматриваемаго слова, а субъективное чувство изслѣдователя. Мы напрасно стали бы искать у лингвистовъ, какъ современныхъ, такъ и принадлежащихъ прошедшему времени, иного, болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ даваемое Шлейхеромъ въ его книгѣ „*Deutsche Sprache*“ (1874. 3 изд., стр. 115—116):

„Тупость нашего языковаго чутья доходитъ до такихъ размѣровъ, что мы по большей части совсѣмъ не чувствуемъ чуждыми слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ въ раннія эпохи; эти болѣе древнія составныя части (языка) мы называемъ „усвоенными словами“ (*Lehnworte*) въ противоположность новымъ, еще не акклиматизировавшимся и производящимъ на cadaго чуждое впечатлѣніе „чужимъ словамъ“ (*Fremdworte*).

Пауль въ главѣ своихъ *Principien der Sprachgeschichte*, посвященной заимствованію, совсѣмъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о дѣленіи заимствованій на только что помянутыя категоріи ¹⁾. Профессоръ Тоблеръ въ брошюрѣ „*Die Fremden Wörter in der Deutschen Sprache* (Basel 1872, 56 стр.)“ даетъ опредѣленіе „усвоенныхъ“ словъ, ничѣмъ не разнящееся отъ опредѣленія Шлейхера. По его словамъ они... „уже довольно рано проникли въ языкъ, вслѣдствіе этого уже пустили въ немъ достаточно

¹⁾ Попытка установить болѣе точное понятіе «чужаго» слова (*Fremdwort*) была сдѣлана нѣкимъ *Strackerjan*омъ въ статьѣ *Ueber das Bürgerrecht der Fremdwörter in d. deutschen Sprache* (*Vietor. Zeitschrift für Orthographie* 1880. I Bd. стр. 40 и сл., 67 и сл., 86 и слѣд.), но неудачно.

прочные корни, какъ бы получили права гражданства, *натурализовались* или *націонализовались*, слѣдовательно большую частью почти потеряли отпечатокъ своего иностраннаго происхожденія, такъ что только историческое языкознаніе, а не общее языковое чутье приносить съ собой сознаніе ихъ происхожденія“ (стр. 12).

Благодаря неопредѣленности критерія, во многихъ случаяхъ неизбѣжно должны возникать колебанія и сомнѣнія относительно принадлежности слова къ той или другой категоріи.

Трудность рѣшенія, возникающая при этомъ, увеличивается тѣмъ, что дѣйствительно имѣется переходный классъ словъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой категоріи ¹⁾.

Такое слово, напримѣръ, какъ *струбицынка* или *струбицынга* (*Schraubenzwinge*), не можетъ быть причислено ко второй категоріи „чужихъ“ или „иностранныхъ“ словъ, такъ какъ уже далеко отошло отъ своего источника, а къ первой категоріи его трудно отнести въ виду его непонятности и дикости для русскаго уха. Если первая его половина—*струб-* и совпадаетъ съ сложной основой *с+руб-* (народное *струб-*), то вторая—*ынка* не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ русскомъ языкѣ. Поэтому образованному и необразованному русскому, который никогда не видалъ столярнаго инструмента, носящаго приведенное названіе, оно такъ же мало скажетъ, какъ любое слово чуждаго и незнакомаго языка. Также затруднительна классификація такихъ случаевъ, какъ напримѣръ, *алтынъ*, *амбаръ*, *арканъ*, *кафтанъ*, *казакъ*, *курганъ* (тюркскія слова) или *баржа*, *дьяконъ*, *куполъ*, *роза-* (болѣе народная форма—*розанъ*) и т. д. ²⁾, которые представляютъ собой совсѣмъ или почти не измѣненные иностранныя слова. Всѣ эти слова народъ, не колеблясь ни мало, признаетъ своими природными, исконными словами. Какъ иллюстрацію къ

¹⁾ Ср. о трудности различенія въ подобныхъ случаяхъ то, что говорить одинъ изъ изслѣдователей заимствованныхъ словъ—Эбель въ рецензій на книгу Köhne. Werthung der Fremdwörter in d. deutschen Sprache (Kuhn's Zeitschrift Bd. II. 1853).

²⁾ Фр. *barge*, лат. греч. *διάκονος*, фр. *coupole* или нѣм. *Kuppel*, лат. *rosa*, фр. *rose*, или нѣм. *Rose*.

этому, мы позволимъ себѣ привести небольшой анекдотъ изъ исторіи нашей Академіи Наукъ, слышанный нами отъ академика О. Н. Бётлинга: одинъ изъ академиковъ, авторъ „Общесравнительной грамматики русскаго языка“, давно уже умершій, бывшій противъ иностраннаго слова „шрифты“, желалъ замѣнить его (на листѣ съ образчиками „шрифтовъ“ академической типографіи) славянскимъ словомъ „письмена“, что, въ свою очередь, казалось фактору типографіи неудобнымъ и совсѣмъ неподходящимъ. Тогда этотъ послѣдній нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, предложивъ замѣнить спорное слово кореннымъ, по его мнѣнію, русскимъ словомъ *литеры*, точнѣ передающимъ понятіе иностраннаго *шрифты* и происходящимъ по его глубокому убѣжденію отъ русскаго глагола *лечь*.

Въ виду ненадежности принятаго субъективнаго критерія для различенія словъ заимствованныхъ отъ словъ чужихъ и отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ и рѣзкихъ границъ между этими двумя категоріями, намъ кажется необходимымъ искать объясненія чуждому характеру извѣстныхъ заимствованныхъ словъ не въ болѣе недавнемъ перенесеніи ихъ въ языкъ ¹⁾, а въ какихъ-либо другихъ условіяхъ. Мы видѣли, что есть слова, заимствованныя давно, совсѣмъ не измѣнившіяся (какъ приведенныя выше тюркскія) и все же не производящія чуждаго впечатлѣнія, тогда какъ рядомъ съ ними есть слова, принятые недавно, уже измѣнившіяся и все же остающіяся непривычными и дикими (какъ *струбцынка*, напимѣръ). Въ то же время отрицать разницу во впечатлѣніи, производимомъ на насъ, положимъ, словами *казна* или *князь* съ одной стороны и словами *параллаксъ* или *дифференціация* съ другой, также не представляется возможнымъ.

Чуждое впечатлѣніе, производимое на насъ „иностранными“ словами, находится въ зависимости отъ трехъ причинъ: непонятности ихъ *корней*, не имѣющихъ родичей въ принявшемъ ихъ языкѣ, ихъ обособленнаго положенія, находящагося въ связи съ этимъ, и ихъ болѣе рѣдкаго употребленія. Изъ этихъ трехъ при-

¹⁾ Какъ это дѣлаютъ Шлейхеръ и Тоблеръ въ приведенныхъ выше цитатахъ (стр. 40—41) изъ ихъ сочиненій.

чинъ, несомнѣнно самую главную роль играетъ послѣдняя, а самую незначительную первая (ср. *казакъ*, *курганъ* или *дьяконъ*, *куполъ* и т. д.). Такія слова, какъ *абerrация*, *экваторъ*, *параллаксъ* и т. д. (я нарочно беру рѣдко употребляемыя слова), не имѣютъ родичей и не связаны, слѣдовательно, съ другими словами психическими ассоціями, которыя у природныхъ словъ или у словъ весьма давно заимствованныхъ въ высшей степени разнообразны и многочисленны. Если мы возьмемъ, на примѣръ, слово *экваторъ*, то въ памяти нашей ему отзовется прежде всего слово *экваторіальный*, затѣмъ, можетъ быть, слово *Эквадоръ*, имя южно-американской республики, уже болѣе отдаленное и связанное съ первыми непосредственной ассоціей сходства и болѣе слабымъ представленіемъ, что республика эта находится около экватора (ассоціація смежности). У знающаго же латинскій языкъ семья эта примкнетъ къ *aequus*, *aequalis*, *aequare* и т. п., которыя дадутъ ему основное значеніе для всѣхъ вышеприведенныхъ словъ. Подобныхъ связей у слова *параллаксъ* будетъ гораздо меньше (прежде всего будетъ чувствоваться только связь префикса *пара-* съ другими словами, гдѣ онъ встрѣчается) и т. д. Частота употребленія всѣхъ этихъ словъ очень незначительна и будетъ колебаться сообразно съ родомъ занятій говорящаго: такъ, географъ или астрономъ чаще будетъ встрѣчаться съ подобными терминами и употреблять ихъ, чѣмъ, на примѣръ, средній образованный человѣкъ, музыкантъ и т. д.

Если мы возьмемъ другое, болѣе употребительное иностранное слово, на примѣръ, *сцена*, то сейчасъ же замѣтимъ, что оно производитъ болѣе „русское“, привычное впечатлѣніе, чѣмъ, положимъ, *параллаксъ* или *абerrация*. Причинами этого будутъ: во-первыхъ, случайное звуковое совпаденіе съ нѣкоторыми русскими словами (какъ бы съ +цѣна). Звуковыя сочетанія слова вполне обычны въ русскомъ и могли бы принадлежать коренному русскому слову. Кромѣ того, хотя слово это также не имѣетъ многочисленныхъ родичей (*сцена*, *сценической*), но за то гораздо чаще употребляется и потому привычнѣе, чѣмъ приведенныя выше слова.

Если для сравненія мы обратимся къ какой нибудь природ-

ной семьѣ словъ, какъ, на примѣръ, *свѣтъ*- (свѣт-ать, свѣт-ить, свѣчка, свѣтлый, свѣтелка, свѣтець, о-свѣщать, про-свѣщать, освѣтительный, освѣщеніе, просвѣтитель и т. д.) и прослѣдимъ внутри ея всѣ родственныя связи, то увидимъ, какъ онѣ разнообразны и многочисленны въ сравненіи съ подобными же связями какого-нибудь иностраннаго слова. Частота употребленія также будетъ несравненно выше, чѣмъ у самаго употребительнаго иностраннаго слова. Благодаря этимъ многочисленнымъ родственнымъ связямъ, въ основаніи которыхъ лежитъ психическій законъ ассоціаціи идей, и частому употребленію, каждое слово приведенной семьи намъ привычно и не можетъ поражать своимъ страннымъ видомъ, какъ поражаютъ, положимъ, *абберрація* и *параллаксъ*. Между тѣмъ корень *свѣтъ*- въ сущности нисколько не понятнѣе для насъ, чѣмъ корни этихъ иностранныхъ словъ, такъ какъ общее понятіе, имъ означаемое, составляется только изъ всей совокупности видовыхъ, частныхъ понятій, означаемыхъ отдѣльными членами данной этимологической и семасіологической семьи. Уничтожьте всѣ другіе члены этой семьи, оставивъ только слово *свѣтъ*, и оно перестанетъ быть понятнымъ, какъ любое иностранное или русское слово, слышимое впервые и одинокое въ нашей памяти.

Отсюда видна относительность понятій, соединяемыхъ съ терминами *чужое* и *заимствованное* слово. Мы видимъ, что время заимствованія и измѣненія, претерпѣнныя словомъ въ принявшемъ его языкѣ, не имѣютъ въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія. Семасіологическая обособленность можетъ быть также наблюдаема въ одинаковой степени у природныхъ и чужихъ словъ. Наиболее важнымъ факторомъ является т. о. частота употребленія, которая можетъ совершенно замѣнять отсутствіе родственныхъ этимологическихъ и семасіологическихъ связей, вполне парализовать чуждое впечатлѣніе, производимое извѣстнымъ словомъ, хотя бы и сохранившимъ вполне свою иностранную структуру, и придать ему совершенно привычный, знакомый видъ.

Пока не будутъ вполне изучены и сведены къ болѣе или менѣе точнымъ формуламъ ассоціативныя связи между членами

отдѣльныхъ семасіологическихъ и этимологическихъ группъ или гнѣздъ и опредѣлена частота употребленія этихъ членовъ, до тѣхъ поръ дѣленіе заимствованій на двѣ общепринятія категоріи *усвоенныхъ* и *чужихъ* словъ всегда будетъ страдать субъективизмомъ и неизбѣжнымъ отсутствіемъ научной точности.

Безспорно, принадлежность заимствованнаго слова къ той или другой категоріи находится въ извѣстной зависимости отъ времени его заимствованія. Мы имѣемъ несомнѣнныя основанія ожидать, что многія изъ словъ, принадлежащихъ теперь къ категоріи чужихъ или иностранныхъ словъ, благодаря разнымъ фонетическимъ и морфологическимъ измѣненіямъ, утратятъ свой иностранный видъ и перейдутъ въ категорію усвоенныхъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и слова этой послѣдней категоріи въ началѣ своей жизни въ заимствовавшемъ ихъ языкѣ должны были чувствоваться чуждыми, иностранными словами, пока не подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ или не стали общеупотребительными. Но было бы ошибочно придавать и времени слишкомъ большое значеніе: такъ, напримѣръ, слово *солдатъ*, ведущее свое начало изъ XVII столѣтія, не раньше, чувствуется совсѣмъ привычнымъ, своимъ словомъ, а какое-нибудь *архіепископъ* или *епитрахиль*, несравненно старѣйшія, до сихъ поръ не усвоились.

И въ процессѣ усвоенія словъ опять, какъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, главная роль принадлежитъ распространенности извѣстнаго понятія и отвѣчающаго ему слова и частотѣ употребленія, которая находится въ прямой зависимости уже отъ условій, лежащихъ внѣ самого языка, и именно отъ условій культурныхъ. *Амбаръ, сцена, генералъ, солдатъ, дьяконъ*—понятія въ силу культурныхъ условій общераспространенныя, тогда какъ понятія *параллаксъ, дифференціація, интегралъ* и т. д. понятія въ силу тѣхъ же условій малораспространенныя. Т. о. при опредѣленіи, къ какой категоріи должно быть отнесено извѣстное заимствованіе, рѣшающее значеніе должны играть не внѣшніе признаки слова, а его внутренніе (значеніе), а также соображенія культурно-историческаго свойства.

Займствованію подлежатъ не только отдѣльныя слова, но и служебныя части рѣчи—суффиксы и префиксы.

Процессъ займствованія этихъ послѣднихъ сводится къ займствованію отдѣльныхъ словъ, въ составѣ основъ которыхъ находятся данныя служебныя части рѣчи. Отъ этихъ отдѣльныхъ словъ суффиксъ или префиксъ переходитъ къ другимъ словамъ при посредствѣ морфологической ассимиляціи (такъ называемой аналогіи).

Такъ, напримѣръ, польскій суффиксъ *-unek* (=нѣмецкому *-ung*) въ словахъ *rosunek*, *podarunek*, *sprawunek* и т. д. обязанъ своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ такимъ, какъ: *bassarunek* (*Besserung*), *gatunek* (*Gattung*), *kie-runek* (*Kehrunng*), *ladunek* (*Ladung*), *rachunek* (*Rechnung*), *ratunek* (*Rettung*), *werbunek* (*Werbung*) и т. д., гдѣ онъ былъ взятъ цѣликомъ вмѣстѣ со словами. Отъ этихъ послѣднихъ случаевъ, гдѣ и корни словъ нѣмецкіе, суффиксъ *-unek* перешелъ и къ чисто славянскимъ словамъ.

Аналогичное явленіе представляютъ такія нѣмецкія слова, какъ *Contrahege*, *Renommege*, *Blamage*, имѣющія французскій видъ, но не встрѣчающіяся въ самомъ французскомъ и образованныя по типу другихъ образованій съ этимъ суффиксомъ *-age*, которыя дѣйствительно были займствованы изъ французскаго.

Суффиксъ *-ard* (=нѣм. *-hard* или *-hart*) во французскихъ *bavard* или *bâtard* перешелъ отъ такихъ займствованныхъ словъ, какъ *hagard* (англ. *haggard*, нѣм. *hagart*), *écard* (дрвн. *scarti*, дреканд. *skard*), *renard* (*Reinhart*) и т. д.

Такого же (германскаго) происхожденія итальянскій суффиксъ *-ardo* въ *falsardo* (рядомъ съ *falsario*), *leggiardo* и т. д.

Русскій суффиксъ *-тѣй* въ словѣ *грамотѣй* есть видоизмѣненіе греческаго *-τεος* въ *γραμματεος*.

По аналогіи къ этой формѣ и такимъ, какъ *злотѣй*, возникаютъ новыя въ родѣ *богатѣй*, *зажитей*.

Займствованныя слова съ греческимъ суффиксомъ *-инъ* (*-ινος*) въ родѣ *антипиринъ*, *нафталинъ*, *хининъ* и т. д. вызываютъ въ мало образованной средѣ аналогичныя образованія: *мозо-*

линъ, одобринъ, свободинъ, антимолинъ (жидкость противъ моли) и т. д.

Русскій префиксъ *пре-* въ словахъ: *преглупый, прекрасный, преумный, претрудный, преурацкій, премилый* и т. д., перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, какъ *преблагій, превратный, превъчный, преблаженный* и т. д.

Греческій префиксъ *архи-* въ русскихъ словахъ: *архиплутъ, архибестія* (архипастырь было уже въ церковно-славянскомъ) перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, — *архидерей, архидіаконъ, архіепископъ* и т. д. Образованія съ префиксомъ *ἀντι-* въ родѣ *антихристъ* и т. д., вызываютъ формы въ родѣ *анти-воръ*.

Такой же случай перенесенія греческой основы *прото-*, играющей роль префикса, имѣемъ въ словахъ: *протобестія, протоканалія*, гдѣ вторыя части сложений тоже заимствованы (*bestia*—изъ латинскаго, а *canaille*—изъ французскаго), при чемъ образцами служили такія заимствования изъ греческаго, какъ *протодіаконъ, протопресвитеръ, протопопъ, протоіерей* и т. д.

Въ *распротоканалія* имѣемъ еще сложение основы *прото-* съ русскимъ префиксомъ *рас-* или *раз-*. Изъ этихъ примѣровъ видно съ достаточной ясностью, что чужой суффиксъ или префиксъ чувствуется такой же составной частью рѣчи и также способенъ къ новообразованіямъ, какъ и любой природный.

Префиксъ *наи-* въ русскихъ книжныхъ формахъ превосходной степени также заимствованъ изъ польскаго языка.

На флективные окончанія также распространяется заимствование, хотя это и отрицалось нѣкоторыми учеными, напримѣръ, Максомъ Мюллеромъ¹⁾). Хотя заимствования въ этой области языка сравнительно рѣже, чѣмъ въ другихъ, но все же найдется не мало примѣровъ, опровергающихъ взглядъ Макса Мюллера.

Такъ въ индо-португальскомъ смѣшанномъ языкѣ (*Manglore*)

¹⁾ Ср. M. Müller. Ueber deutsche Schattirung romanischer Worte. Kuhn's Zeitschrift т. V.

имѣется такой родительный единственнаго числа: *hombre's casa* вмѣсто *casa de ombre*, для котораго послужило образчикомъ англійское *the man's house* ¹⁾).

Въ подобныхъ случаяхъ въ языкѣ обыкновенно имѣется уже извѣстная поддержка въ видѣ какой-нибудь похожей на заимствованную морфологической особенности, которая и облегчаетъ распространение заимствованной. Такъ, напримѣръ, англійское *-s* множественнаго числа, обыкновенно принято объяснять изъ англосаксонскаго *-as*, но на самомъ дѣлѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ французскому *-s*. Нѣмецкія формы такъ называемаго „*schlechten Plurals*“: *Albums, Leutnants, Rouleaus, Neins, Fräuleins, Vergissmeinnichts* и т. д., сводятся къ французскимъ формамъ: *albums, lieutenants* и т. д., но облегчены существованіемъ ниже-нѣмецкаго *-s* ²⁾).

Точно такимъ же образомъ польскія формы именительнаго множественнаго на *-a* у именъ существительныхъ мужескаго рода: *okreśta, urzęda, kłopota* и т. д., вызванныя иностранными (главнымъ образомъ латинскими первично *neutra*), какъ *talenta, interesa, pakta, testamenta, dokumenta, akta, examina, projekta* и т. д., съ другой стороны имѣютъ сильную поддержку въ формахъ, какъ *bracia, księża, szlachta* и т. д. Сверхъ того чисто славянское *-a* имѣется и въ именительномъ множественнаго существительныхъ средняго рода, какъ *dzieła, miasta* и т. д.

Въ русскомъ языкѣ мы можемъ указать на формы фамилій — Мертваго, Веселаго, Живаго, Бѣлаго и т. д. (рядомъ съ формами: Хитрово, Доброво, Дурново, Благово), гдѣ *-аго* обязано своимъ происхожденіемъ или церковно-славянскому *-аго*, орфографическому окончанію родительнаго падежа ед. числа, или *-аго* тѣхъ русскихъ говоровъ, которые сохранили еще такое окончаніе ³⁾).

¹⁾ Schuchardt. H. Slawo-deutsches, стр. 8.

²⁾ Schuchardt. Ibidem.

³⁾ Если *-аго* этихъ фамилій церковно-славянскаго происхожденія, то оно обязано своимъ существованіемъ рабскому чтенію написанной по образцу церковно-славянской графики и непонятной формы, которая уже не чувствовалась какъ родит. падежъ. Тогда мы имѣли бы здѣсь одинъ изъ случаевъ вліянія письма, графики на языкъ и заимствование черезъ посредство письменности.

Во всякомъ случаѣ формы и въ родѣ *Мертвію*, и въ родѣ *Благовѣ* уже вовсе не чувствуются родительными падежами ед. числа, о чемъ говорить и ихъ своеобразная акцентуація, совершенно обособляющая ихъ отъ обыкновенныхъ формъ родительнаго падежа ед. числа (только форма *Живію* представляетъ „правильное“ удареніе).

Въ особенно счастливыя условія поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ, на примѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т. д.

Заимствованныя изъ такихъ родственныхъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріалъ для семасіологическаго развитія.

При условіи родства между заимствующимъ и дающимъ языками весьма легко возникаютъ параллели словъ съ родственнымъ значеніемъ, ничѣмъ, кромѣ своей исторіи, не отличающіяся отъ параллелей, развившихся на той же языковой почвѣ, но уже другимъ, фонетическимъ путемъ.

Небольшія отличія одного изъ словъ такой пары отъ другаго служатъ признаками, къ которымъ языкъ приурочиваетъ семасіологическую разницу.

Такимъ образомъ рядомъ съ варіаціей корней, вызванной фонетическими (а также и морфологическими) процессами, возникаетъ варіація, представляющая собой результатъ заимствованія.

Такъ, рядомъ съ русскими природными словами: *голова*, *городить*, *сторона* имѣются заимствованныя изъ церковно-славянскаго *глава*, *о-градить*, *страна*, имѣющія значенія, отличныя отъ природно-русскихъ. Мало того, по образцу такихъ параллелей, могутъ возникать новыя формы, уже не имѣющія ничего общаго съ церковно-славянскимъ.

Такъ отношенія: *голова* || *глава*, *борода* || *брада*, *ворота* || *врата*, *золото* || *злато* и т. д. вызываютъ къ формѣ *калоша* (слово, заимствованное изъ французскаго или нѣмецкаго *galosche*), которая чувствуется въ силу неопредѣленности неударенныхъ русскихъ гласныхъ (сравни *sâgókâ* сорока и *kâlôšâ* калоша) какъ бы полногласной формой, параллельную шутиливую форму *клáша*, имѣющую болѣе высокопарный и торжественный (въ силу ассоціацій, соединенныхъ съ церковью и ея языкомъ) оттѣнокъ значенія, таковой же, какъ и у вторыхъ членовъ вышеприведенныхъ параллелей.

Подобныя же семасіологическія разницы мы имѣемъ также въ парахъ: *горожанинъ* || *гражданинъ*; *городить* || *о-граждать*; *свѣтить* || *о-свѣщать*; *рожать* || *рождать* и т. д.

Ниже мы вернемся къ этимъ отношеніямъ въ русскомъ языкѣ и подробно рассмотримъ ихъ. Приведенныхъ же примѣровъ достаточно, чтобы показать значеніе заимствованія какъ фактора, увеличивающаго вариацию корней, столь важную для семасіологическаго развитія языка. По отношенію къ разницѣ значеній, приведенныя параллели совершенно одинаковы съ параллелями, возникшими другимъ путемъ (помощью фонетическаго измѣненія однихъ формъ и морфологическаго возстановленія первичнаго звука въ другихъ при посредствѣ уподобленія къ формамъ, въ силу извѣстныхъ условій не измѣнившимся): *обвязать* || *обязать*, *кануть* || *кануть*, *ибнуть* || *инуть* и т. д.

Какъ въ примѣрахъ вышеприведенныхъ семасіологическія разницы были приурочены къ разницамъ, вызваннымъ заимствованиемъ, такъ здѣсь оттѣнки значенія связаны съ разницами, являющимися результатами фонетическаго измѣненія.

Такія параллели, основанныя на заимствованіи, имѣются во многихъ языкахъ. Подобныя французскія пары были уже приведены выше (стр. 27—28). Только роль церковно-славянскаго въ нихъ занималъ латинскій.

Одинаковыя параллели могутъ возникать путемъ заимствования одного и того же слова въ различныя эпохи. Такъ, мы имѣемъ въ нѣмецкомъ:

Vogt || Advocat (лат. vocatus и advocatus)

Brille || Beryll (лат. beryllus)

Tafel || Tabelle (лат. tabella)

Meister || Magister (лат. magister)

predigen || prädicieren (лат. praedicare)

prüfen || probieren (лат. probare)

dichten || dictieren (лат. dictare) и т. д. ¹⁾.

Въ рускомъ имѣемъ параллельныя формы *цезарь* || *царь, викингъ* || *витязь* и т. д.

Языкъ поступаетъ и съ этими параллелями такъ же, какъ съ другими, возникшими фонетическимъ путемъ, и пользуется ими для семасіологической дифференціаціи. Въ параллеляхъ: нѣмецкое причастіе *erleuchtet* (морфологическая ассимиляція къ неопредѣленному наклоненію *erleuchten*) || болѣе древняя форма причастія *Erlaucht; durchgeleuchtet* (подъ вліяніемъ *durchleuchten*) || *Durchlaucht* разница значеній приурочена къ вариации корня, вызванной фонетическимъ процессомъ съ одной стороны и возстановленіемъ первичнаго вида корня подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ онъ сохранился законнымъ образомъ, съ другой (ср. приведенныя выше русскія параллели: *каннуть* || *кануть, ибнуть* || *инуть* и т. д., стр. 51).

Возможенъ еще одинъ родъ параллелей, когда заимствованное слово не вытѣняетъ исконнаго однозначащаго, и оба продолжаютъ существовать рядомъ, при чемъ значенія ихъ дифференцируются. Такова нѣмецкая параллель: *Ross* рядомъ съ *Pferd* (первое слово исконное, второе латинскаго происхожденія), совершенно тождественная по семасіологическому отношенію съ русской *конь* || *лошадь* (первое исконное, второе татарское). Здѣсь съ исконными словами соединяется высокопарный отгѣнокъ значенія, а заимствованное, напротивъ, имѣетъ обыденное значеніе.

Перечислить всѣ возможныя проявленія процесса заимствованія и приурочить ихъ къ извѣстнымъ систематическимъ рам-

¹⁾ Подробно о нѣмецкихъ параллеляхъ: Andresen. K. G. *Wortspaltungen* auf dem Gebiete der neuhochdeutschen Schrift- und Verkehrssprache. Zeitschr. f. deutsche Philol. 1890. 265—286.

камъ довольно затруднительно въ виду разнообразія и обширности матеріала. Главныя существенныя категоріи указаны нами выше.

Судьба заимствованныхъ словъ также весьма разнообразна и представляетъ часто значительный интересъ (главнымъ образомъ въ виду ихъ историко-культурнаго значенія). Часто слово идетъ изъ глубокой древности (какъ, на примѣръ, приведенное уже выше *μῦα*, русское мина, сводящееся къ аккадійскому *mina*), часто попадаетъ къ отдаленнѣйшимъ народамъ, переходя отъ одного къ другому. Таково, на примѣръ, нѣмецкое слово *Butter*. Въ нѣмецкій оно попало изъ латинскаго (*butyrum*), взявшаго его отъ Грековъ (*βούτυρον*), въ языкѣ которыхъ оно было опять чужимъ, такъ какъ, по свидѣтельству Гиппократа, есть скиское слово. Греческая форма обнаруживаетъ несомнѣнное участіе народнаго словопроизводства, какъ бы отъ *βῶς*—быкъ и *τύρος* (родственное славянское слово *тварогъ*)—сыръ.

Русское *тминъ* (польское *kmin*, старославянское *кюминъ*) сводится къ греческому *κάρμινον*, источникомъ котораго является еврейское *kummin*¹⁾.

Арамейское *dikela* переходитъ въ греческій въ видѣ *δάκτυλος*, откуда ведетъ свое начало латинское *dactylus*, развивающееся въ итальянское *dattilo*, а это послѣднее переходитъ въ нѣмецкій въ видѣ *Dattel*.

Русское *хлѣбъ* сводится къ готскому *hlaihs*, изъ котораго оно заимствовано еще въ общеславянскій языкъ, а въ латинскомъ *clibanus* (печь для хлѣбовъ. Ср. также лат. *libum*, родъ пирога, блина), имѣемъ родственное готскому слово, заимствованное изъ греческаго *κλίβανος* (также хлѣбная печь).

Русское *сакъ* заимствовано изъ нѣмецкаго *Sack* или французскаго *sac* (также заимствовано изъ нѣмецкаго), сводящихся къ латинскому *saccus*; въ основѣ же этого послѣдняго лежитъ греческое *σάκος*, взятое въ свою очередь изъ еврейскаго *sāq*.

Обще-европейское *эликсиръ* (какъ бы отъ лат. *elixare*) за-

¹⁾ Въ русскомъ имѣются и діалектическія формы, болѣе близкія къ первоначальному источнику: *кюминъ*, *кминъ*.

имствовано изъ арабскаго el-ixir, а это сводится къ греческому ζήριον (сухое лекарство) ¹⁾.

Французское tambour и итальянское tamburino происходят также изъ арабскаго, который въ свою очередь взялъ свое слово изъ греческаго τύμπανον ²⁾ и т. д.

Часто слово, заимствованное однимъ языкомъ изъ другого, возвращается черезъ извѣстный промежутокъ времени опять въ свой родной языкъ. Такъ, въ Лайбахѣ (въ Австрiи) говорятъ: er sieht kumern aus. Kumern первично есть нѣмецкое kümmerlich, заимствованное въ этомъ видѣ словинцами у нѣмцевъ, которые въ свою очередь взяли свое слово, но уже въ измѣненной формѣ, обратно ³⁾.

Нѣмецкое Banner или Panier заимствовано изъ французскаго bannière, а послѣднее принято объяснять изъ германской основы, заключающейся въ готскомъ bandwa, bandwó=знакъ ⁴⁾. Новонѣмецкое Liste заимствовано изъ французскаго liste, итальянскаго lista, а эти сводятся къ верхненѣмецкому Leiste (срвн. liste) ⁵⁾.

Нѣмецкiя Lotto и Lotterie, заимствованныя изъ романскихъ языковъ (итальянскаго и французскаго), въ этихъ послѣднихъ также не первичны и сводятся къ готскому hlauts (жребiй); нѣмецкое же galoppiren взято изъ французскаго galoper, а это=дрвн. ḡahlouf; Busch = итал. bosco, а это заимствовано изъ дрвн. būwisc; нѣмецкое Rang = франц. gangue, а это=дрвн. hring; Tanz взято изъ итальянскаго danza, а это изъ дрвн. dansón. Fauteuil, Bouquet, Garde взяты обратно въ нѣмецкiй изъ французскаго, который въ свою очередь еще раньше взялъ ихъ изъ нѣмецкаго: Faltstuhl, Busch, Warte и т. д.

¹⁾ См. L. Geiger. Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft. 1871. Т. I, стр. 287.

²⁾ Ibidem, стр. 288 и слѣд.

³⁾ Schuchardt. H. Slawo-deutsches... стр. 70.

⁴⁾ Kluge. Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4 изд., 1889, стр. 18.

⁵⁾ Ibidem. стр. 214. Этимологiя Гейгера (изъ русскаго *листъ*) неправдоподобна.

Въ народныхъ восточно-прусскихъ говорахъ (въ Силезіи) встрѣчаемъ слово *komigke*, заимствованное изъ польскаго (*komógka*), которое въ свою очередь является заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (*Kammet*), нѣмецкая же форма есть заимствование изъ латинскаго (*camega*), который взялъ это слово изъ греческаго (*καμάρα*).

Подобно каждому другому слову, заимствованныя слова въ концѣ концовъ также выходятъ изъ употребленія, причемъ они замѣняются или новыми заимствованиями, или природными словами ¹⁾. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же „выживаніемъ“ заимствованныхъ словъ, подобное которому мы встрѣчаемъ и въ исторіи природныхъ словъ.

Иногда причина этого выживанія лежитъ внѣ языка—въ выживаніи культурномъ, когда самыя понятія исчезаютъ, замѣняясь новыми, иногда въ самомъ языкѣ, хотя и не поддается опредѣленію. Примѣрами перваго рода выживанія могутъ служить, на примѣръ, мало употребительныя, а частью и совѣмъ вышедшія изъ употребленія, заимствованныя слова: *бостонъ* (карточная игра), *галера* (гребное судно), *гаубица* (родъ пушки), *гродетуръ* (матерія), *дилижансъ*, *монимаска* (танецъ), *роброндъ* (нарядъ) и т. д.

Примѣрами втораго рода—исчезновение такихъ эфемерныхъ заимствованій, какъ, на примѣръ, заимствования Петровскихъ временъ — *викторія*, *фортеція*, *конфузія*, *сатисфакція* и т. д. или нѣмецкія — *durchflorieren*, *überparlieren*, *gepruefieren*, *unterordinieren* и т. д., по образцу которыхъ возникали уже: *schimpfieren*, *bildieren*, *schallieren*, *wandellieren* и т. д.

Причины выживанія подобныхъ заимствованій такъ же трудно поддаются опредѣленію, какъ причины выживанія, на примѣръ, латинскаго *caput* или *os* въ романскихъ языкахъ и замѣны ихъ словами *testa* и *bucca*, или нѣмецкаго *Haupt*, вмѣсто котораго говорится теперь *Kopf* и т. д. Исслѣдователь, какъ кажется, можетъ только констатировать данное явленіе и этимъ и удовольствоваться.

¹⁾ Ср. Grünbaum. *Mischsprachen und Sprachmischungen*. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

Синтаксисъ также не остается свободнымъ отъ вліянія чужихъ языковъ. Случаи проявленія этого вліянія имѣютъ въ общемъ значительное сходство съ уже разсмотрѣнными случаями перенесенія чужой внутренней формы слова. Но часты случаи, когда переносится уже синтаксическая структура. Примѣромъ могутъ служить такіе обороты, какъ *accusativus* и *nominativus cum infinitivo* въ русскомъ языкѣ, напримѣръ:

- „Учинилъ слышными быть повсюду мои рыданія“
 (Третьяковскій. Ызда въ Островъ Любви).
 „Тебя душа моя быть чаеть“ (Державинъ. Ода Богъ).
 „... Имъ печатный всякій листъ быть кажется святымъ“
 (И. Дмитриевъ. Сатира „Чужой Толкъ“).

или въ церковнославянскомъ:

- кого ма глаголють ѹелокѹцы быти, Сѹа ѹелокѹческаго
 (М. XVI. 13).
 кѹ же кого ма глаголете быти (Ibidem. 15).

Дательный самостоятельный, перенесенный изъ церковно-славянскаго, у нѣкоторыхъ писателей прошлаго столѣтія, какъ, напримѣръ, „Преставшу Годофреду вѣщати, шумъ плесканій далъ знати“ и т. д. (Михаилъ Поповъ. Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“. 1772).

Такіе галлицизмы, какъ Пушкинское: „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ (Выстрѣлъ) и т. д.

Въ этомъ отношеніи замѣчается во всѣхъ новыхъ языкахъ стремленіе къ извѣстному однообразію, сглаживаніе характерныхъ особенностей и появленіе извѣстныхъ международныхъ синтаксическихъ оборотовъ. Это явленіе въ славянскихъ языкахъ имѣетъ въ виду Миклошичъ, когда говоритъ ¹⁾:

„Способъ выраженія, аналогичный таковому европейскихъ языковъ, отгѣсняетъ постоянно на задній планъ своеобразный славянскій, — явленіе, которое можно наблюдать также и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо извѣстный, если можно

1) Vergleichende Grammatik der Slaw. Sprachen. Bd. IV. Syntax, стр. 740.

такъ выразиться, новоевропеизмъ стремится какъ бы объединить въ одинъ языкъ языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто не обращаетъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ извѣстному единообразію, тотъ никогда не будетъ въ состояніи объяснить себѣ постепенное преобразование славянскихъ языковъ. Не все въ языкахъ происходитъ извнутри“.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы вопроса.

Первой по времени грамматикой русскаго языка (точнѣ великорусскаго нарѣчія, и именно московскаго говора) является грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа, вышедшая въ Оксфордѣ въ 1696 году подъ заглавіемъ: *Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam* и т. д. (8°. VI+97 стр.).

Раньше появившіяся грамматики Лаврентія Зизанія ¹⁾ и Мелетія Смотрицкаго ²⁾, не говоря уже о еще болѣ раннихъ, Виленской (1586 г.) и Львовской (1591 г.) ³⁾, имѣли въ виду только „славенскій“ или церковнославянскій языкъ. Русскіе элементы, принятые составителями за чисто славянскіе и безсознательно введенные въ установленныя въ этихъ попыткахъ грамматическія системы, обязаны своимъ происхожденіемъ не великорусскому нарѣчію, а малорусскому. Кромѣ того дѣло не обходится здѣсь и безъ обычныхъ полонизмовъ. Яснаго представленія объ особенностяхъ русскаго и церковнославянскаго языка и звуковой разницѣ между ними здѣсь нечего и искать.

¹⁾ Грамматика Гловѣнска сѣставленна Лаврѣнтіемъ Зизаніемъ. Вильно 1596.

²⁾ Первое изданіе 1619 г. въ Эвю (близъ Вильны), въ Москвѣ въ 1648 г. слѣдующее (для Москвы первое).

³⁾ См. о нихъ П. Житецкаго. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Часть первая. Кіевъ. 1889. 8°. стр. IV+162+102; стр. 17.

Такъ, Мелетій Смотрицкій (Московское изданіе л. 50) считаетъ формы **вижю** и **молоую** церковнославянскими. На л. 55 встрѣчаемъ также формы **вожю**, **хожю**, приведенныя, какъ церковно-славянскія. Поэтому мы оставимъ эти грамматикѣ въ сторонѣ.

Болѣе точное представленіе объ отличіяхъ русскаго отъ церковно-славянскаго мы находимъ въ „Лексиконѣ Славеноросскомъ“ Памвы Беринды (Кіевъ. 1627. Второе изданіе въ типографіи Кутейнскаго монастыря вышло въ 1653) ¹⁾. Но и онъ имѣетъ болѣе значеніе для малорусскаго, чѣмъ для русскаго языка, такъ какъ составитель руководился первымъ, какъ лучше ему извѣстнымъ. Кромѣ того языкъ лексикона кишитъ полонизмами не только въ „росской“, но даже и въ „славенской“ части.

Тѣмъ не менѣе нельзя отказать составителю въ извѣстномъ языковомъ чутьѣ; такъ, онъ ставитъ рядомъ со „славенскими“ неполногласными формами:

браздѣ, брію брѣду, бремя, вашестранъ, влажѹ, влекуся, врагъ врата, возгласъ, главѣ, гласъ, дрѣвянъ, загражденіе, заграждаю, злато, кладязь, крастель, млатобіецъ, мракъ и т. д., „росскія“ полногласныя:

борознѣ, голю бѣроду, бѣремя, звѣшеи стороны, отволѣжю, волокѹся, вѣрогъ, воротѣ, оголошеніе, голова, гѣлосъ, дрѣвянный, загороженье, загорѣжю, зѣлото, колѣдезь, коростѣль, бѹчій (sic!) мѣлотомъ, морѣкъ и т. д.

Но рядомъ съ этими правильно представленными случаями встрѣчаемъ въ „славенскомъ“ отдѣлѣ формы: *олошу* = жалобно плачу и *колоколъ* = цимбаль, дзвонокъ (п. dzwonek).

¹⁾ Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ, озаглавленнымъ. **ЛѢКЦИОНЪ**, славеноросскій. именъ толькованіе, Всесѣстныѣ **Щѣмъ** **Кѹ**: Пѣмвою бериндою Прѣтосингелѣ **Фрѣ**: Іерѣали мского, **Згрѣ** маженый. **И** Заповоленѣ старшій, Первей в **Кѹнѣ**: с: **Рѣ**: Лавры Печерскіа Кіевскіа. **И** теперѣ зъ **Тѣ**пографіи **Общжителнаго** Монастыра: **КУТѢЙНСКАГО**. Тѣчаніемъ тождѣ Обитѣли **Інокѣ**, **Тѣ**помъ издасѣ. **Вѣ**то: **Ѱ** Рѣтвѣ **Хѣ**ѣ, а **Х**нг. **И**ца **Септѣ**: **и**и **днѣ**. Лист. **тѣ**д (324).

Правильно также понимает Памва соответствіе „славенскихъ“ *и, жд*, „росскимъ“ *и, ж* въ такихъ сопоставленіяхъ:

вижду = вижу, възмущаю = замучую, загражденіе = загороженіе, заграждаю — загорожую, междá = межа, нощеваю (!) = ночую, помощъ = помочъ и т. д.

Но рядомъ съ этими сопоставленіями встрѣчаемъ въ качествѣ „славенскихъ“ формъ — *жажемъ* = хотъ, *приблужаю*, *единорождъ* = единорóжець (*unicognis*) и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ „славенское“ *будущій* передано на „росскомъ“ формами *грядущій* и *прійдущій*, *немоцный* передано уже полонизмомъ *немоцный* и т. д. Такіе же полонизмы передаютъ „славенское“ *власть*: влада, звѣрхность, моць (п. *władza, zwiegnochść, moc*).

Памва правильно считаетъ форму *предаша* „славенской“, но передаетъ ее полонизмомъ *полційм*, гдѣ понято только соответствіе временъ.

Правильно также различеніе „славенскаго“ предлога *разъ* отъ „росскаго“ *роз*: *разный* = *рбзный*, *разіаніе* = *розлітье*, *рízумъ* = *рбзумъ*. Послѣдній примѣръ можетъ быть также и полонизмомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ мы должны начать нашъ обзоръ литературы собственно съ помянутой выше грамматикѣ Лудольфа, который является первымъ ученымъ, отличавшимъ великорусскій языкъ отъ церковно-славянскаго и обратившимъ вниманіе на ихъ разницу въ написанной имъ первой грамматикѣ живаго великорусскаго языка. На стр. 2-й мы находимъ у него слѣдующія общія замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и ихъ значеніи въ обыденной и общественной жизни московскаго государства.

¹⁾ Ср. также то, что говоритъ Житецкій о словарѣ Памвы: Очеркъ литератур. исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1889. стр. 37—51. Такой же характеръ, какъ Лексиконъ П. Беринды, имѣетъ и «Словарь книжной малорусской рѣчи» (рукопись XVII в.), изданный въ приложеніи къ названному только что труду. Предшественникомъ подобныхъ словарей является «Лексисъ сирѣчь реченія въкратцѣ събранны и изсловенскаго языка, на прости Русскій діалектъ истолкованы», приложенный къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (1596).

Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, rerum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior cæteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant. Unicus tantum liber vulgari dialecto impressus est, qui **уложение** uloschenie vocatur et corpus Juris Russici repræsentat; licet constructiones nonnullae Slavonicam grammaticam potius quam communem modum loquendi sequantur“.

Ниже говорится о Симеонѣ Полоцкомѣ, что онъ въ своихъ переводахъ и сочиненіяхъ „quantum potuit difficilioribus vocabulis Slavonicis abstinuit, quo à pluribus legi et percipi posset, Interim tamen omnia sunt Slavonica et multo vulgo ignota. Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola linguâ Slavonicâ expedit, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non exstant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adeone apud illos dicitur loquendum est Russice et scribendum est Slavonice. Quanquam autem plerique Russi, qui Idiotæ videri nolunt, vocabula scribere solent, non ut efferuntur, sed sicuti secundum grammaticam Slavonicam scriberi deberent; v. g. scribunt **сегодня** segodnia hodie, cum tamen pronuncient **севодни** sevodni“.

Ниже, на стр. 4—5, находимъ весьма подробныя и точныя для своего времени замѣчанія о различіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ: „sequuntur observationes nonnullae circa differentiam Russicae dialectus a lingua Slavonica.

а Slavonicum duas consonantes sequens mutatur in duo о.

Slav.		Russ.
глава	caput	голова

градъ	urbs	городъ
гладъ	fames	голодъ

ε Slavonicum à Russis saepe mutatur in ο

Slav.		Russ.
ѣдникъ	unus	одинъ
ѣсень	autumnus	осень
ѣсеръ	lacus	осеръ (sic!)

In declinationibus Slavonicae linguae consonantes nominativi in nonnullis casibus mutantur, sed in Russica dialectu retinentur v. g. рука manus in dativo et ablat. singulari facit **рукѣ**, in lingua Russica vero **рукѣ**. Sic à **языкъ** lingua est nominativus pluralis **языцы**. Russice vero **языки**. Similiter quoque in declinatione nominum Slavonicorum г in з et ж, х in с nonnunquam mutatur.

ϕ Slavonicum à Russis frequenter mutatur in χ.

Slav.		Russ.
ночь	nox	ноуъ
немоць	morbis	немоуъ
хочеть	vult	хочетъ

In adjectivis Slavonicis genitivus singularis masculini et neutri desinit in го sed in lingua Russica in во.

	Slav.		Russ.
à такон	talis	такого	таково
ѣдникъ	unus	ѣдннаго (sic!)	одново

In verbis Slavonicis praeteritum desinit in х, sed in verbis Russicis in л:

любихъ	amavi	любилъ.
---------------	-------	----------------

Praepositiones nonnullae aliter construuntur in lingua Russicâ quam in Slavonicâ

Slav.	междѣ	русскими	людми
Russ.	междѣ	русскихъ	люден Inter Russos.

Interdum quoque vocabula prorsus differunt.

Slav.		Russ.
глаголю	loquor	говорю

рѣкъ	dixit	сказалъ
днѣсь (sic!)	hodie	сегоднѣ
вѣнѣ	semper	всегда, всегдѣ (sic!)
истина	veritas	правда
тѣнѣ	gratis	даромъ

На стр. 15. „Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quae ipsis Slavonia tradita fuit. ut. **Боже помилуй** miserere Deus“.

На стр. 16: „Quod autem in lingua Slavonica к ante в mutatur in џ. hoc Russi non observant. Dicunt enim **онъ держи** въ своѣ рѣкъ tenet in manu sua, cum Slavonice dicendum esset **ръкъ**“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается довольно разносторонняя характеристика русскаго языка въ отличіе отъ церковнославянскаго, для своего времени замѣчательная. Лудольфъ впервые обращаетъ вниманіе на русское полногласіе, на соотвѣтствіе начального о старославянскому ѳ; на русское ч на мѣстѣ старославянскаго шт=тj, кт, гт, т. е. на главныя фонетическія отличія русскаго языка. Пропущено только соотвѣтствіе русскаго жс и старославянскаго жд. Въ области морфологіи отъ вниманія Лудольфа не ускользнуло въ русскомъ распространіе (путемъ морфологической ассимиляціи) основъ безъ „смягченія“ заднеязычныхъ и на падежи, гдѣ это „смягченіе“ имѣется въ старославянскомъ („Russice vero **изъмки**“ и т. д.). Указано также на различіе окончаній родительнаго падежа мѣстоименнаго склоненія въ русскомъ и старославянскомъ, на отсутствіе въ русскомъ звательнаго падежа, на неимѣніе аориста и замѣну его новой, вторичной формой.

Лудольфъ обращаетъ вниманіе и на синтаксическія разницы въ управленіи падежей извѣстными предлогами, хотя и ошибочно въ данномъ случаѣ, а также и на нѣкоторыя лексическія особенности. Имъ первымъ отмѣчено присутствіе церковнославянскаго элемента въ русскомъ языкѣ и вліяніе его на русскую орфогра-

фію (разница между написаніемъ и произношеніемъ слова сегодня) и разграничены языки: книжный (церковнославянскій) и устный, разговорный (собственно русскій).

Въ предисловіи Добровскаго къ грамматикѣ русскаго языка Пухмайера (*Lehrgebäude der russischen Sprache* 1820) приводятся нѣкоторые руссизмы, встрѣчающіеся въ грамматикахъ и букваряхъ начала XVIII-го вѣка. Такіе руссизмы имѣются у Копіевича въ его „Славенороссійской Грамматикѣ“¹⁾, въ букварѣ на трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, изданномъ въ Москѣ въ 1701 г. (4⁰), затѣмъ въ „Лексиконѣ Трехъязычномъ“ Ѳедора Поликарпова (Москва 1704. 4⁰), но они проскальзываютъ здѣсь случайно, сознательнаго желанія разграничить русскіе элементы отъ старославянскихъ или церковнославянскихъ здѣсь нѣтъ, а потому мы ограничимся только упоминаніемъ.

Слѣдующимъ по времени сочиненіемъ, касающимся того же вопроса, является вторая гимназическая программа ректора одной изъ Берлинскихъ гимназій Іоанна Леонарда Фриша (1666—1743), вышедшая въ Берлинѣ въ 1727-мъ году подъ заглавіемъ: „*Historiam linguae Slavonicae continuat quatuor capitibus I. De origine Characteris Cyrillici speciatim, II. De cultura Linguae Slavonicae, beneficio hujus Characteris III. De Typis novis Slavonico-Moscoviticis. IV. De Dialecto Russica, tanquam filia Linguae Slavonicae etc...*“

Въ четвертой главѣ этой программы отличается русскій языкъ отъ церковнославянскаго и приводятся его характерныя особенности. Но наблюденія Фриша не представляютъ почти ничего существенно новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано было о данномъ предметѣ Лудольфомъ.

Въ началѣ главы читаемъ: „*Dialectus Russica matri suae, linguae Slavonicae in paucis dissimilis est. Retinent etiam Russi*“

¹⁾ Руководеніе въ Грамматыку (*Manuductio in Grammaticam*), Во Славенороссійскую (*in slavonico Rosseanam*), или Московскаго (*seu Moscoviticam*), но употребленію (*in usum*) учащихъ (*discentium*) языка (*linguam*) Московскаго (*Moscoviticom*). Per Eliam Kopijewitz v. d. m. Adorna anno 1706. 8°. Pag. 80.

Linguae Slavonicam in rebus Theologicis & Ecclesiasticis & quicumque etiam in Politicis purius scribere volunt, amant & imitantur eam^a.

Дальше приводятся слѣдующія четыре отличія русскаго языка отъ церковно-славянскаго:

„Differt vero Dialectus Russica à Lingua Slavonica quae apud Russos^b floret. 1) In verborum quorundam pronunciatione, permutando quasdam vocales et consonantes. Exempli causa pro Slavonico edin dicunt & scribunt odin, pro Segodne, Sewodne; pro togo, towo. &c.

2) Inter Consonantes concurrentes, imprimis quarum posterior est r, interponunt vocalem ut: pro brada dicunt boroda; pro grad, gorod; pro strana, storona.

3) Propria sua vocabula habet per omnes partes Orationis, e. c. pro as (ego) dicunt ja; pro glagoliti, goworiti.

4) In declinationibus & conjugationibus, non habent, exempli causa, numerum Dnalem, nam hunc magistri Graecissantes Russicis Scholis obstruserunt (!!). In Conjugationibus e. c. tantum tria tempora habent Praesens, Praeteritum & Futurum, & Futurum circumscribunt verbo auxiliari budu sive stanu & Infinitivo, sicut nos verbo werden, pro quo Slavonice praepositio vos vel alia Praesenti praeponitur, ut, pro budu liuwiti (sic!) Slavonice scribitur woslubliu (amabo, ich werde lieben)^c.

Въ описаніи фонетическихъ особенностей русскаго языка встрѣчаемъ только нѣкоторые новые примѣры, за то въ смыслѣ полноты и точности, а также обилія примѣровъ Фришъ много уступаетъ своему предшественнику, и его замѣчанія представляются весьма поверхностными. Въ отношеніи морфологическихъ особенностей Фришъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя черты, не упомянутыя Лудольфомъ,—на отсутствіе двойственнаго числа и меньшее количество временъ, а также на имѣющееся въ русскомъ „будущее составное“.

Нѣкоторыя замѣчанія о различіи языковъ церковнославянскаго и русскаго и о литературномъ употребленіи ихъ, сообразно съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, находимъ у В. К.

Тредьяковскаго въ предисловіи къ переводу его „Вѣзда въ островъ Любви“ (Спб. 1730): „На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную (книгу) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской, у насъ есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія книга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоряди вѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ РѢЧЕТОЦЕМЪ хотѣлъ себя показывать“¹⁾.

Несмотря на высказанное здѣсь намѣреніе писать „почти самымъ простымъ Рускимъ языкомъ“, мы находимъ въ языкѣ перевода большое количество славянизмовъ. Таковы, напримѣръ, неполногласныя формы: *бремя* (стр. 654), *гласъ* (ibidem), *странны* (стр. 655), *брегъ* (656), *зракъ* (657), *драгая* (660), *младость* (661), *велегласно* (663), *прахъ* (664), *древеса* (671), *престаютъ* (672), *благосердна* (675), *дражайшимъ* (691), *премъни* (696), *неизглатать* (702), *престать* (704), *градъ* (709), *премънила* (711), *краткое время* (713) и т. д., хотя рядомъ имѣются: *отъ берегу* (657), *оборотившися* (666), *перестань* (674), *холодность* (703), *города* род. ед. ч. (704), *беззвороту* (713), *вороты* (ibid.), *перестань* (674) и т. д.

Также шатко употребленіе Тредьяковскимъ формъ съ *щ*, *жд*. вмѣсто русскихъ *ч*, *ж*: *пещера* (670), *немошь* (688), *немоуше* (672), *привлещи* (710), *ношь* (724), *вщищени* (725), *ты-*

¹⁾ Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторровъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ типогр. Имп. Акад. Наукъ 1819, т. III, стр. 649—650.

сящи (715), зажещи (716), помощи (неопред. накл. 727), нощи (716), хошу (701), возмощи (673) и т. д. рядомъ съ: хочешъ (712), тысячу (720), тысячу (721), свѣчи (710) и т. д. *провождаемъ* (665), *провождать* (703), *такожде* (653) и т. д. рядомъ съ *нахожу* (653), *такожь* (654) и т. д.

Встрѣчаются также морфологическіе славянизмы: род. пад. *любве* (708), род. пад. *превеликія* (725), *горяція* (710), творит. множественнаго *рѣчьми учтивы* (658), третье лицо ед. ч. *имать* (658) и т. д. лексическія заимствованія въ родѣ *сице* (685), *понеже* (693), *выну* (696), *вотще* (612), *паки* (709), *эло* (714) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Тредьяковскій имѣлъ смутное представленіе о „самомъ простомъ Русскомъ языкѣ“; элементы церковнославянскіе и природно-русскіе, для различенія которыхъ у него не было никакого критерія, мѣшались въ его языковомъ запасѣ и казались ему совершенно равноправными.

Свой взглядъ на отношеніе русскаго и „славенскаго“ языковъ Тредьяковскій выразилъ еще въ „Разговорѣ о правописаніи“, написанномъ въ 1747 г.: „Вся разность, которая находится у нашего съ славенскимъ, касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности, тѣмъ, что состоитъ она либо въ нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ; либо въ отмѣнныхъ весьма немногихъ словахъ, какъ за славенское *ашче*, у насъ *ежемъ*; либо въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ, какъ вмѣсто *глава*, *голова*, вмѣсто *пити*, *пить*, вмѣсто *млеко*, *молоко*. Но такая разность не мѣшаетъ нисколько, быть нашему языку однимъ и тѣмъ же съ славенскимъ ¹⁾“. При такомъ пониманіи отношеній между русскимъ и церковнославянскимъ неудивительно, если попытка Тредьяковского писать „простымъ Русскимъ языкомъ“ вышла неудачной.

Въ грамматикѣ, приписываемой Ададурову и изданной въ видѣ приложенія къ нѣмецко-латинско-русскому словарю Вейсманна ²⁾ подъ заглавіемъ „*Anfangsgründe der Russischen Spra-*

¹⁾ Сочиненія. Изд. Смирдина, т. III, стр. 203.

²⁾ Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Grün-

che“, различаются во флексіи формы русскія и славянскія, причѣмъ указывается и на особенности образованія тѣхъ и другихъ.

Вотъ относящіяся сюда мѣста:

Глава II (стр. 11). Объ образованіи русскихъ степеней сравненія: „Die Slavonier zahlen dergleichen Gradus drey, als den Positivum, Comparativum und Superlativum. Jenen den Comparativum formiren sie vom Positivum dadurch, dass sie dessen Endung *ыи* oder *ии* das *ш* vorhersetzen und das *ы* in *і* verwandeln, als *честныи* in *Comparativum*, *честнѣиши*. Diesen den Superlativum, formiren sie gleichfalls vom Positivum, wenn sie dessen Endigung in *ѣиши* verwandeln, als *честныи* Superlativum *честнѣиши*, worüber eine Slavonische Grammatic weitläufiger handelt. In der Russischen Sprache aber lassen die Adjectiva keine Comparativum Gradum zu, dahingegen haben sie desto mehrere Superlativa“... и ниже: „Es lassen sich aber die Superlativa in der Russischen Sprache auf dreyerley Art formiren. Die erste Art kömmt darinnen mit der Slavonier Superlativum Gradu überein, dass man die Terminationem des Positivi in *ѣиши* verändert, als: *святѣиши*, heilig, *святѣиши*, heiligst, *честныи* ehrlich, *честнѣиши*, u. s. w“.

Рядомъ съ очевидными ошибками здѣсь замѣчается все же до извѣстной степени указаніе если не на славянское происхожденіе превосходной степени на *-ѣиши*, то на ея отношеніе къ славянской сравнительной степени.

На стр. 13-й говорится объ отсутствіи въ русскомъ языкѣ двойственнаго числа: Die Slavonier haben auch noch den in der griechischen Sprache gewöhnlichen Dualen, der nur zwo Sachen allein anzeigt, aber in der Russischen Sprache ist dieser nicht gebräuchlich.

На той же 13-й страницѣ, въ III главѣ объ образованіи звательнаго падежа единственнаго числа: 1) Der Vocativus in

den der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскія и рускія Лехконъ кунно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при императорской академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey. 1731.

beyden Numeris dem Nominatio gleich sey. Ausgenommen in denjenigen Wörtern, die pur Slavonisch, oder in welchen die Russen die Slavonier nachahmen wollen. Dann alsdenn ist der Vocativus von dem Nominatio jezuweilen unterschieden, als: пастырю an statt пастырь, жено an statt жена, Христе, an statt Христосъ, боже an statt богъ, человекѣ an statt человекъ u. s. w. Звательный на -е признается здѣсь церковнославянскаго происхожденія.

На стр. 23-й находимъ замѣчанія о двоякомъ склоненіи словъ *матерь* и *дочерь*: матерью, дочерью || матерію, дочерію; матерями, дочерями || матерьми, дочерьми: „Es kommt aber diese irreguläre Flexion daher, weil beyde Slavonische Wörter sind, und in derselben Sprache den Nominativum auf *матерь* und *дочерь* formiren. Согласиться однако съ этими замѣчаніями нельзя, въ виду хотя бы того, что *дочерь* не можетъ быть славянскою формою, затѣмъ того, что именительные падежи *матерь*, *дочерь* чужды старославянскому языку. Въ данныхъ случаяхъ, имѣется просто сохраненіе первичной основы на г-.

На стр. 24-й говорится о переходѣ *i* въ *e* передъ *j* въ русскомъ и о сохраненіи его въ церковнославянскомъ, что позволяетъ считать формы, сохранившія это *i*, за церковнославянскія: „Diejenigen Wörter bey welchen gemeldet *й* contracto das *ï* vorherstehet, sind Slavonischen Ursprungs, und verwechseln dieses *ï* in der Russischen Sprache mit e, als: вработій, Russisch, воробей der Sperling. Серпій, Russisch, Серпей, Sergius u. s. w.“.

На стр. 26-й „окончаніе“ Instr. plur. -іями существительныхъ съ суффиксомъ -іе признается природнымъ русскимъ и наоборотъ окончанія -іи и -ьми заимствованными изъ церковнославянскаго: „Es ist hier (въ книгѣ) sowohl in dem Schemate als in denen Paradigmatibus der Instrumentalis des Pluralis von denen Nahmen so auf *іе* ausgehen auf іями flectiret worden, welches vielleicht Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten (писавшему, очевидно, были извѣстны таковыя) möchte anstössig seyn, indem sie gewohnt sind selbigen mit іи oder ъми zu exprimiren. Allein da nunmehr aller Slavonismus vornehmlich eine

solche Art zu decliniren aus der Russischen Sprache exuliret, und einen gresslichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erregt, so wird man auch nicht verdenken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist“. Разумѣтся, русскаго въ „окончаниі“ *-іями* только одно *-ами*, заимствованное отъ основъ ж. рода на *-ā*; сохраненіе *i* въ этой формѣ, какъ и въ суффиксѣ *-іе*, есть черта церковнославянская.

На страницѣ 27-й находимъ слѣдующее о склоненіи слова Господь, заимствованнаго изъ церковнославянскаго: „Господь der Herr, ist Slawonisch, und wird irregulair decliniret. Der Singularis davon wird in der Russischen Sprache allzeit für den Heyland Christum genommen, und wird folglich also decliniret: Nom. Господь. Gen. Господа, Dat. Господу, oder Господеви, Acc. Господа, Voc. Господи, Instr. Господемъ. Нар: Господѣ. Der Pluralis Numerus von diesem Worte, ist in der Russischen Sprache, allwo es als ein Nomen Proprium genommen wird, nicht gebräuchlich. Daher wenn es ja in Pluralis vorkommt, solches erstlich Slawonisch ist und denn auch nicht mehr von Bedeutung ist als das teutsche Herr. Es wird aber folgender Maassen von den Slavoniern in Plurali decliniret: Nom. und Voc. господіе, Gen. господей, Dat. господемъ, Acc. господы, Instr. господами und господы, Нар. господѣхъ.

Какъ ни отрывочны и ни поверхностны (подчасъ ошибочны) эти замѣчанія, но они заслуживаютъ быть приведенными въ виду ихъ историческаго значенія, такъ какъ являются первой попыткой (въ грамматикѣ, составленной русскимъ и изданной въ Россіи) различенія въ составѣ русскаго языка чуждыхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго элементовъ. Составитель грамматики однако обращаетъ преимущественное вниманіе на грамматическія формы въ противоположность Лудольфу, у котораго находимъ, главнымъ образомъ, противоположеніе русскихъ формъ церковнославянскимъ въ фонетическомъ отношеніи. Такъ въ грамматикѣ Ададунова говорится объ образованіи сравнительной и превосходной степеней, объ отсутствіи въ русскомъ двойственнаго

числа, звательнаго падежа, о склоненіи *мать* и *дочь*, объ окончаніи творительнаго падежа множ. числа *-ями* у существительныхъ съ окончаніемъ *-ie* и о склоненіи слова Господь; фонетическаго характера только одно замѣчаніе о сохраненіи *i* передъ *j* въ церковнославянскомъ и переходѣ его въ русскомъ въ *e*.

Въ слѣдующей по времени грамматикѣ русскаго языка Грѣнинга (на шведскомъ языкѣ) ¹⁾, представляющей во многомъ замѣтное сходство съ грамматикой, приписываемой Ададурову, не находимъ никакихъ почти прямыхъ указаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ составѣ русскаго языка.

Болѣе подробныя, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше работахъ, указанія находимъ у М. В. Ломоносова въ его разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ“ (1755) ²⁾ и особенно въ его „россійской грамматикѣ“ (тоже 1755) ³⁾.

Въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“ находимъ впервые въ русской литературѣ указанія на разницу словъ народныхъ (природныхъ, первично-русскихъ) и заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ семасіологическомъ отношеніи. Послѣ нѣсколькихъ вводящихъ замѣчаній о развитіи языка въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ народа, о значеніи перевода Священнаго Писанія съ греческаго на славянскій для обогащенія послѣдняго, а также о важности употребленія природныхъ языковъ въ качествѣ языковъ церкви, Ломоносовъ указываетъ на существованіе трехъ „степеней“ „россійскаго языка“ — высокой, посредственной и низкой. Эти три степени находятся въ связи съ употребленіемъ книгъ церковныхъ, а ближайшій ихъ источникъ „три рода реченій російскаго языка“. Къ первому изъ этихъ родовъ Ломоносовъ относитъ слова, общія языкамъ церковнославянскому и русскому: „которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у

¹⁾ Thet år Grammatica Russica, Eller Grundelig Handlending Til Ryska Språket-Utgifwen Af Michael Groening, Koongl. Translator. Stockholm. 1750.

²⁾ Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Ломоносова. Изданіе Александра Смирдина Спб. 1847, т. I.

³⁾ Ibidem. Т. III. также Ученыя Записки Втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1856. Кн. III, стр. 1—150. №№ параграфовъ приведены у насъ по послѣднему изданію.

россиянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ, слава, рука, мыль, почитаю*“. При этомъ слова первично-русскія и заимствованныя изъ церковнославянскаго Ломоносовымъ другъ отъ друга не различаются, и въ этотъ его первый классъ попадаютъ и первично-русскія, какъ *рука*, и заимствованныя, какъ *Богъ, почитаю*. Ко второму классу Ломоносовъ относитъ рѣже употребляемыя, но понятныя каждому грамотному русскому: „кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всемъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣтъ* и симъ подобныя“. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Ломоносовъ относилъ къ этому, второму, классу тѣ заимствованія изъ церковнославянскаго, которыя вошли въ книжный, литературный языкъ. Наконецъ, къ третьему роду „относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнные слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ“.

Хотя примѣры „реченій третьяго рода“ Ломоносовымъ были выбраны несовсѣмъ удачно (при тогдашнемъ состояніи науки Ломоносовъ не могъ знать, что **говорити** встрѣчается въ Супрасльской рукописи и другихъ, позднѣйшихъ памятникахъ, **который** въ Остромировомъ Евангеліи, **лише** тамъ же и въ Сборникѣ 1076 года), но ясно, что онъ относилъ сюда слова природно-русскія, не заимствованныя изъ церковнославянскаго.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ попыткой извѣстнаго разграниченія словъ первично-русскихъ и словъ церковнославянскихъ, классификаціи русскаго лексическаго матеріала сообразно его употребленію и происхожденію. Разграниченіе это далеко не точно; Ломоносовъ основываетъ его не на данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ (употребленіе или неупотребленіе въ церковныхъ книгахъ).

Цѣль, преслѣдовавшаяся имъ въ данномъ случаѣ, не имѣла ни-

чего общаго съ научными задачами и была чисто практическая— способствовать установленію русской стилистики. Этимъ, конечно, и объясняется случайность основаній классификаціи, такъ какъ для ея цѣли было достаточно и такихъ основаній. На большемъ или меньшемъ употребленіи перечисленныхъ выше трехъ родовъ реченій Ломоносовъ и основываетъ свое извѣстное дѣленіе „штиля“ на три рода: высокій, посредственный и низкій. „Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, россиянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ... Средній штиль состоятъ долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость... Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода то есть которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій... Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію“.

Тутъ же указывается значеніе заимствованій изъ церковнославянскаго языка для обогащенія русскаго языка: „польза наша, что мы приобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ“, а также объясняется возвышенный оттѣнокъ въ значеніи словъ, взятыхъ изъ церковнославянскаго языка: „по важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особенное почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо украсить“.

Относительно присутствія въ русскомъ языкѣ церковнославянскихъ элементовъ находимъ довольно много отдѣльныхъ указаній, касающихся и фонетическихъ, и морфологическихъ особенностей этихъ заимствованій, въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова.

Такъ вліяніемъ церковнославянскаго, точнѣе церковнаго произношенія объясняется здѣсь (§ 99) присутствіе звонкаго задне-

язычнаго спиранта *γ* (малорусское *ι*) въ формахъ *Бога, богомъ...*, *господь, мисль, благо* и производныхъ отъ нихъ *государь, государство, разглашаю, благодать, благословляю* и т. д., въ такихъ говорахъ русскаго языка, которые во всёхъ первичныхъ, не заимствованныхъ словахъ имѣютъ звонкій заднеязычный взрывной *г*.

Въ § 168-мъ указывается на разницу окончаній р. п. у словъ первично русскихъ и книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго. У первыхъ по Ломоносову гораздо чаще имѣется окончаніе *-у*: *размаху, часу, взгляду, визгу, грузу* рядомъ съ *трепета, возраста; розоваго духу, прошлогодняго дому, птичьяго голосу* рядомъ со *Святаго духа, человѣческаго дома, Архангельскаго гласа* и т. д. (ср. также § 167).

Въ § 185-мъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ „высокомъ штиль, гдѣ Россійскій языкъ къ Славенскому клонится“, преобладаетъ окончаніе предложнаго падежа на *-н*: *очищенное въ горнѣ злато, жить въ домѣ Бога Вышняго, въ потѣ лица* и т. д. рядомъ съ: *въ горну, въ поту* и т. д.

Въ § 210-мъ говорится о невозможности сравнительной и превосходной степеней на *-шій* (какъ *свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій* у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго) отъ русскихъ первичныхъ („низкихъ“), какъ *прытчайшій, препрытчайшій* и т. д.

Въ § 338-мъ относительно окончанія причастія настоящаго на *-щій* замѣчается, что оно можетъ встрѣчаться только у такихъ глаголовъ, которые „отъ Словенскихъ какъ въ произношеніи, такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ“. Наоборотъ подобныя причастія „весьма не надлежитъ производить отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значать“.

Еще яснѣе это формулировано въ § 435-мъ, гдѣ говорится, что причастія на *-щій* производятся отъ глаголовъ славянскаго происхожденія — *внѣчающій, пишушій, питающій* и „весьма не пристойны произведенныя отъ простыхъ Россійскихъ, которые у Славянъ неизвѣстны — *говоряшій, чавкающій*“. Это послѣднее замѣчаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что для современ-

наго языковаго чутья послѣднія формы нисколько не странны или дики. Что здѣсь причиной—чрезмѣрный ли пуризмъ и ригоризмъ Ломоносова или бѣльшее распространеніе даннаго окончанія въ современномъ языкѣ, сказать трудно. Теперь формы причастія на *-ицій* возможны у любого глагола.

Въ связи съ этими §§ находится и § 351-й, въ которомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что „дѣепричастія на *-ици* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Словенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *-я* употребительнѣе у Словенскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ, лутче сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше употребить *держая*, нежели *держаючи*“. Современное языковое чутье разсудить нѣсколько иначе и склонится и въ первомъ случаѣ къ формѣ „*толкая*“; форма же „*держаючи*“ для него совершенно невозможна.

Въ § 437-мъ идетъ рѣчь о причастіяхъ прошедшаго времени на *-иій* у глаголовъ съ суффиксомъ *-ну-* (*-нж-*), какъ „двигнувшій“ и т. д. Л. замѣчаетъ, что они возможны тоже не у всѣхъ глаголовъ, а только у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, „у Славенскихъ“; русскіе же глаголы это окончаніе „принять не всегда могутъ“, такъ что формы *брякнувшій*, *нырнувшій* и т. д. для уха Л—а кажутся „весьма противными“, между тѣмъ какъ для современнаго онѣ уже вполнѣ привычны.

Въ § 439-мъ окончаніе причастія настоящаго страдательнаго *-мый* Ломоносовъ также допускаетъ только у „глаголовъ Россійскихъ у Славянъ въ употребленіи бывшихъ“, напр. *вѣнчаемый*, *пишемый*, *питаемый*, *подаемый*, *видимый*, *носимый*. (Современному языковому чутью, напротивъ, совершенно чужды формы, какъ *пишемый*, *подаемый*). Онѣ считаетъ ихъ болѣе умѣстными въ „риторическихъ и стихотворческихъ сочиненіяхъ, нежели въ простомъ штилѣ или въ просторѣчїи“. Наоборотъ, „отъ россійскихъ глаголовъ, у Славянъ въ употребленіи не бывшихъ, произведенныя, напр. *трогаемый*, *качаемый*, *мараемый*, весьма дики и слуху несносны“. Относительно послѣднихъ формъ современный

литературный языкъ гораздо болѣе снисходителенъ, чѣмъ былъ Ломоносовъ.

Въ §§ 441 и 442 разграничиваются два окончанія причастій прошедшихъ страдательныхъ на *-ый* и *-ой*, Первое Ломоносовъ считаетъ (основательно) болѣе подходящимъ у глаголовъ „отъ Славенскихъ происшедшихъ“, а вторые у „простыхъ російскихъ“.

Въ § 443-мъ замѣчается, что „славенскіе глаголы“ не имѣютъ причастій „давнопрошедшихъ страдательныхъ“, встрѣчающихся только у „російскихъ глаголовъ“, какъ напр. *смотрявъ*, *-а*, *-о*.

Въ § 445-мъ находимъ замѣчаніе, что причастія отъ „возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ“ глаголовъ съ *-ся* болѣе свойственны „глаголамъ Славянамъ извѣстнымъ“.

Въ § 448-мъ указывается, что, если „причастія отъ обыкновенныхъ Російскихъ неупотребительны, можно... взять изъ Славенскаго языка...“ Напримѣръ: „*колдующій, дерущійся*, не принимаются; но вмѣсто ихъ служить могутъ; *волишествующій, воюющій*“. Современное языковое чутье и къ этимъ формамъ относится совсѣмъ иначе. Ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ его.

Такимъ образомъ и замѣчанія Ломоносова имѣютъ главнымъ образомъ морфологическій характеръ; только одно касается фонетической особенности, обязанной своимъ происхожденіемъ церковнославянскому языку (спирантное произношеніе *ъ* въ нѣкоторыхъ словахъ), остальные всѣ касаются морфологіи, причемъ особое вниманіе обращено на образованіе причастій и дѣепричастій (въ десяти параграфахъ), два замѣчанія посвящены окончаніямъ склоненій и одно образованію сравнительной степени. Попытки установить какіе либо отличительные признаки церковнославянскихъ словъ и формулировать различіе русскаго отъ церковнославянскаго въ фонетическомъ отношеніи мы не находимъ.

Въ трудахъ по русской грамматикѣ, вышедшихъ послѣ появленія грамматики Ломоносова, не находимъ никакихъ особенно новыхъ замѣчаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся съ простымъ повтореніемъ того, что уже было сказано Ломо-

носовымъ. Такъ, грамматика Шлёцера, писавшаяся и частію вышедшая (только первые листы) въ промежутокъ времени между 1762-мъ и 1766 годомъ ¹⁾ и для своего времени въ извѣстныхъ отношеніяхъ примѣчательная, не представляетъ по занимающему насъ вопросу ничего новаго сравнительно съ грамматикой Ломоносова: § 3, п. 2, § 66, п. III и § 67, п. 3, гдѣ говорится о произношеніи *г* въ словѣ *Богъ* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ являются пересказомъ соответствующихъ §§ грамматики Ломоносова, причемъ даже взяты тѣ самые примѣры. Такъ же мало находимъ мы указаній въ другихъ явившихся послѣ выхода въ свѣтъ грамматики Ломоносова работахъ этого рода, въ ряду коихъ болѣе другихъ выдаются грамматики Барсова и Соколова ²⁾.

Больше находимъ вниманія къ занимающимъ насъ отношеніямъ въ академической грамматикѣ, вышедшей въ 1802 г. ³⁾, хотя и она немного прибавляетъ новаго къ наблюденіямъ Ломоносова. Такъ, въ § 18-мъ находимъ утвержденіе, что „буква Г произносится двоякимъ образомъ, т. е. иногда какъ *g*, а иногда какъ *h* латинское, а именно:

1) Въ словахъ, заимствованныхъ изъ Славенскаго языка и высокому слогу свойственныхъ, соответствуетъ по большей части въ произношеніи буквѣ *h*, на примѣръ: *глаза*, *погасаю*, *вознѣцаю*, *господствую*, *гортань*, *гугнивый* (въ наше время, по крайней мѣрѣ въ произношеніи большинства, всѣ эти случаи имѣютъ взрывное *г* = лат. *g*): напротивъ того въ общемъ языкѣ употребленіи выговаривается по большей части подобно буквѣ *g*, напр.: *галка*, *гвоздь*, *глодать*, *гну*, *грабли*, *грыжа*“.

¹⁾ Напечатана вновь въ Сборникѣ статей, изданныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Т. XIII. Спб. 1875.

²⁾ *Барсовъ*, А. Краткія правила російской грамматики, собранныя изъ разныхъ Російскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Московскаго Университета. Москва. 1771 г. 8°. Слѣд. изд. 1782, 1786, 1797, 1802 гг. *Соколовъ* П. Начальныя основанія Російской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества. Спб. 1788. 8°, VI+147 стр. Послѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808 годовъ.

³⁾ Російская грамматика, сочиненная Императорскою Російскою Академіей. Спб. 1802 г. 8° IV+355 стр. Второе изданіе въ 1809 г. и слѣдующія въ 1819, 1827 годахъ. Мы пользовались вторымъ.

Остальные замѣчанія посвящены только морфологическимъ особенностямъ. Такъ, въ § 79-мъ говорится, что „звательный падежь обоихъ чиселъ подобенъ именительному, исключая слѣдующія слова: *Богъ, Боже; Господь, Господи; Христосъ, Христе; Исусъ, Исусе; отецъ, отче; владыка, владыко; творецъ, творче; сынъ, сыне; дѣва, дѣво; дщерь, дщи; мать, мати; царь, царю; утѣшитель, утѣшителю*: но такое окончаніе падежей звательныхъ прилечествуется слогу Славенскому и можетъ иногда по приличію быть употребляемо въ слогѣ важномъ“.

Въ § 177-мъ (примѣчаніе) идетъ рѣчь о заимствованныхъ изъ „славенскаго“ именахъ числительныхъ: „Въ важныхъ предметахъ, такъ же въ слогѣ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ употребляются лучше имена числительныя, по Славенскому правописанію пишемыя, какъ то: *единый, первый, надесять, вторый, надесять, третій, надесять, двадесать, двадесатый, тридесать, тридесатый* и проч. поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ вторый на десять*, нежели *двѣнадцатый*; *Людовикъ пятый на десять*, нежели *пятнадцатый* и проч.“. Замѣчаніе это въ настоящее время утратило значеніе.

Въ § 240-мъ находимъ замѣчаніе относительно употребленія вмѣсто повелительнаго наклоненія „настоящаго или будущаго времени наклоненія изъявительнаго съ частицею *да*, на примѣръ: *да иду, да идешь, да идетъ, да идемъ, да будетъ, да станетъ* и проч. Но поелику такое повелительнаго наклоненія выраженіе свойственно языку Славенскому; то оно употребляется въ высокомъ только стилѣ“.

Въ § 245-мъ (примѣчаніе III) говорится почти то же о русскихъ дѣепричастіяхъ, что у Ломоносова въ § 351-мъ (см. выше стр. 74-я): „...замѣтить должно, что дѣепричастія глаголовъ собственно Россійскому языку принадлежащихъ, пристойнѣе оканчивать на *чи*, напротивъ того глаголы, изъ Славенскаго языка заимствованные, въ дѣепричастіи настоящаго времени лучше употребляются на *а* или *я*, на примѣръ: лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*; но напротивъ того лучше сказать *держая*, нежели *держаючи*; *держа*, нежели *держючи* и проч. 1).“

1) О перемѣнѣ, совершившейся въ языковомъ чутьѣ нашего времени, ср. сказанное выше на стр. 74-й о такомъ же мнѣніи Ломоносова.

Въ § 249-мъ, Примѣч. II. Относительно времени настоящаго страдательнаго залога, какъ *есмь любимъ, бываю любимъ* и пр. говорится: „Вообще же замѣтить надлежитъ, что такое страдательнаго залога настоящее время развѣ въ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ слогѣ бываетъ употребительно. Въ другихъ же случаяхъ вмѣсто онаго употребляется или глаголъ возвратный съ приличнымъ страдательному залогу падежемъ, или глаголъ дѣйствительный; наприм.: вмѣсто *я есмь, ты еси именуемъ, зовомъ*, или *мы есмы, вы есте именуемы, зовомы*, говорится: *именуюся, именуешься* или *меня, тебя именуютъ, зовутъ*; *именуемъ, именуется*, или *насъ, васъ именуютъ*; такъ же вмѣсто *море есть волнуемо вътрюмъ*, говорится *море волнуется вътрюмъ*.

Въ § 259-мъ (примѣчаніе) говорится почти то же о причастіяхъ, что замѣчаетъ Ломоносовъ въ §§ 338-мъ и 435-мъ (см. выше стр. 73): „Вообще замѣтить должно, 1) что причастія, а наипаче настоящаго времени, по большей части употребляются въ высокомъ слогѣ, слѣдовательно отъ простыхъ глаголовъ, каковы суть, *вялю, топчу, барышничая* и проч. причастія не употребляются, а вмѣсто оныхъ глаголы употребляются въ изъявительномъ наклоненіи съ мѣстоименіемъ *который* или *кой*.

Наконецъ въ § 265-мъ (примѣчаніе 3-е) находимъ замѣчаніе о дѣепричастіяхъ прошедшаго времени, которыя: „сугубое имѣющія окончаніе т. е. на *ши* и сокращено на *ъ* съ предъидущею согласною буквою, имѣютъ неодинаковое употребленіе. Первое можетъ быть употребляемо въ слогѣ важномъ и въ просторѣчїи, напротивъ того другое, какъ напримѣръ: *возставъ, воздѣвъ, убоявся, прошедъ* и проч. болѣе приличествуетъ слогу высокому“.

Академическій словарь, вышедшій въ 1789—1794 гг. подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской“ (шесть частей in 4⁰) въ своемъ отношеніи къ лексическому матеріалу церковнославянскаго происхожденія слѣдовалъ по стопамъ Ломоносова. Предисловіе къ словарю, говоря о значеніи „славенскаго“ языка для русскаго, почти буквально повторяетъ цѣлыя мѣста изъ знаменитаго разсужденія Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россій-

скомъ языкѣ“. Составители словаря ¹⁾ такъ же, какъ и Ломоносовъ, не особенно строго отличали русскіе элементы отъ старославянскихъ.

По общераспространенному взгляду XVIII и начала XIX вв., языки „славенскій“ и русскій считаются почти одинаковыми. Поэтому русскій языкъ часто называется „славенороссійскимъ“ — терминъ неясный и употреблявшійся въ разныхъ значеніяхъ: „славенороссійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣеть, хотя, впрочемъ, великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ Славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованія, а другія и новый смыслъ получили (Словарь Акад. Росс. 1789, ч. I, стр. VI)“. Въ то же время „языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ“ свою цѣлость, такъ что „народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣсть, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ (тамъ же, стр. VII)“. Несмотря на это, составители словаря признаютъ „неоспоримую истину“, что „языкъ россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ, что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представить себѣ великое пространство россійскаго обладанія, соеѣдственныхъ и въ нутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ“... „Таковое состояніе языка славенороссійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностью (тамъ же, стр. VIII)“. Т. о. здѣсь какъ бы различаются эти два языка. Въ началѣ же предисловія говорится только о „Славенороссійскомъ“ языкѣ: „Академія поставила себѣ долгомъ сочиненіе Словаря или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго рода вѣщаній въ языкѣ Славенороссійскомъ употребительныхъ (стр. V)“. Нѣсколько ниже: „разсѣянное обиліе языка Славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древ-

¹⁾ См. исторію его у Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII и послѣдній 1887 г., стр. 1-я и слѣд.

нихъ, такъ и новѣйшихъ писателей было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи... но сіе самое обиліе, въ единой составъ приведенное, облегчить каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка Славенороссійскаго (стр. VI)“. И только затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе „Славенороссійскаго“ языка, приведенное выше. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ словарѣ церковнославянскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ выдѣлены вполне удачно. Признаки, которыми руководствовались при этомъ составители словаря, состояли въ слѣдующемъ: 1) критерій лексико-семасіологическій: а) внѣшнее различіе словъ въ томъ и другомъ языкѣ, означающихъ тождественныя понятія (синонимія); б) различіе значеній при внѣшнемъ тожествѣ славянскаго и русскаго слова (гомонимія); 2) критерій морфологическій: особенности морфологическаго строенія—употребленіе тѣхъ или другихъ суффиксовъ и т. п. словообразовательныхъ элементовъ; 3) критерій фонетическій: различіе звуковыхъ законовъ въ томъ и другомъ языкѣ (полногласіе и отсутствіе его, русское о || стел. ѣ, начальное русск. о || стел. ю, русское ч, ж || стел. шт, жд).

1) а. Примѣры отличенія славянскихъ и русскихъ синонимовъ: „якорь, пославенски кѣтва (ч. VI, стр. 1044)“; „ротъ—пославенски Уста (?! ч. V, стр. 168)“.

б. Примѣры различенія славяно-русскихъ гомонимовъ: „квасъ—въ славенскомъ значить то же, что закваска, умал. закваска: „малъ квасъ все смѣшеніе квасить“ (Гал. V, 9). Въ обыкнов. рос. язык. квасъ значить: Напитокъ кислый... (ч. III, стр. 495).

2) Примѣры примѣненія морфологическаго критерія. Различіе суффиксальное: Скороходъ — Пославенски же Скороходецъ (ч. III, 221); Пѣтухъ — Пославенски Пѣтель (IV. 1256); Осель—Послав. осля (IV. 646) и т. д.

3) Примѣненіе фонетическаго критерія. А) Полногласіе: „Лакоть—славенск.; просто же локоть (III. 1135); Власъ — Слав. въ общемъ же языка употр. Волось (I. 760); Класъ—Слав. просто же Колось (III. 591); Бразда—Слав. въ общемъ же языка

употребл.—Борозда (I. 312); Стражъ — Слав.; просто же: Сто-
рожь (V. 866)“ и т. д.

Б) Русское о || стел. ы: „нюю—Слав.; просто же Ною (IV.
573); мою—Послав.: мяю (IV. 282)“ и т. д.

В) Сохраненіе въ славянскомъ і = ъ и исчезновеніе его въ
русскомъ: „Вію—Послав.; въ обынов. же разговорѣ сокращенно...
Бью (I. 172); Копіе—славенск.; просто же копье (III. 801)“ и т. д.

Г) Славянское жд, шт || русск. ж, ч: „Невѣжда—Славянск.;
просто же Невѣжа (I. 974); вижду—Слав.; просто же: Вижу
(I. 675); ночь—Пославенски: Ноць (IV. 555); Моць—Слав.;
просто же Мочь (IV. 206); хощу—Славенск.; просто же Хочу
(VI. 577)“ и т. д.

Такимъ образомъ составители словаря знали главныя фонети-
ческія отличія русскаго языка отъ старославянскаго, хотя и не
всегда примѣняли это знаніе, какъ это видно будетъ изъ нижепри-
веденныхъ примѣровъ. То же слѣдуетъ сказать и о ихъ примѣне-
ніи лексическаго и морфологическаго критеріевъ. Такъ находимъ:

1) Ротъ—Послав.: Уста (?) т. V. 168; Трактирь—Пославен-
ски: Гостинница „Приведе его въ гостинницу“ (Лук. X. 34).

2) Сиротскій—Пославенски: Сиротній (V. 458).

3) Предпріемлю — Слав. просто же: Предпринимаю (II. 99); обра-
щаю, -ши, -тихъ, -ащати—Славенск.; просто же: Обращаю, -ешь, -иль,
-ать (I. 895). Благовременно—Въ слав. же языкѣ: Благовременнѣ
(I. 926); Издалече и Издалеча—Славенск. (?); просто же Изда-
лека (II. 460); Высоко—Слав.; просто же Высоко (I. 950) и т. д.

Большое количество примѣровъ см. у Сухомлинова (Исторія
Россійской Академіи. Вып. VIII. 1887, стр. 76—86).

Относительно ударенія приводимыхъ въ словарь формъ нахо-
димъ опредѣленное указаніе въ Предисловіи (I, стр. XIII): „раз-
личное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Акаде-
мія тщилася соображать по выговору въ столицахъ употребляемому,
наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не
будутъ открыты точныя и на сіе правила“. Какъ видно, впрочемъ,
изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, составители не могли иногда
разобраться въ томъ, какая акцентуація должна быть признана

русской и какая славянской, тѣмъ болѣе, что и акцентуація славянскихъ книгъ въ концѣ концовъ почти вся русская.

Второе изданіе „Словаря“ (Спб. 1806—1822 въ шести же частяхъ), уже безъ предисловія, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ перваго, и все сказанное выше имѣетъ силу и въ отношеніи его.

Грамматики, выходившія въ послѣдующіе года, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ практическія, школьныя цѣли, мало самостоятельны, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и его обработки и могутъ быть пройдены молчаніемъ. Направленіе обще-грамматическое“, нашедшее себѣ на Западѣ выраженіе въ работахъ De Brosse's'a, Court de Gébelin'a, ученыхъ des Port Royal, Beauzée, Silvestre'a de Sasy, Malmesbury, Ногне Тооке'a, Августа Фридриха Бернгарди и др., и проникавшее мало по малу и къ намъ, было также мало благоприятно для разысканій фактическаго характера, такъ что изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ трудахъ этого рода, представителями котораго у насъ являлись грамматики Орнатовскаго и Тимковскаго ¹⁾.

Первый даже слабо различаетъ русскій языкъ отъ старославянскаго. Такъ на стр. 23 онъ заявляетъ, что будетъ „до нѣкотораго времени разсматривать исторію его (Славяно-россійскаго языка) вмѣстѣ, не раздѣляя на нарѣчія: Славянское и Русское“. Сверхъ этого находимъ у него слѣдующія замѣчанія по данному предмету: на стр. 30-й утверждается, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „коренной Славянскій языкъ совершенно вышелъ изъ разговорнаго употребленія (!); и знаніе его начало почитаться удѣломъ однихъ ученыхъ; а Уложеніе царя Алексія Михайловича было написано на общенародномъ Россійскомъ языкѣ, исключая немногія Славянскія выраженія“. На стр. 90-й говорится, что *мать* и *дочь* въ косвенныхъ падежахъ склоняются по образцу Славянскихъ *матерь* и *дщерь*, (что однако не должно значить, что эти формы заимствованы изъ

¹⁾ Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ, сочиненное Иваномъ Орнатовскимъ. Харьковъ. 1810. 8° (311 стр.).

Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Соч. Ильи Тимковскаго. Харьковъ. 1811 г. 8° (310 стр.).

церковнославянскаго). На стр. 91-й находимъ замѣчаніе, что звательный падежъ на -е „приличествуетъ собственно слогу Славено-Россійскому“, затѣмъ на стр. 103-й утверждается, что „въ важныхъ предметахъ, также въ слогѣ высокомъ и близкомъ къ Славенскому употребляются лучше числительныя Славенскія“. На стр. 182-й замѣчается, что глаголы „собственно Славенскіе давнопрошедшаго (т. е. многократнаго вида) не имѣютъ“. Какъ видно, замѣчанія эти не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ грамматиками Ломоносова и Россійской Академіи; напротивъ, проходятъ молчаніемъ многое въ нихъ встрѣчающееся. Находимъ у Орнатовскаго и неудачныя „правила“, какъ напр. на стр. 189, гдѣ глаголы въ родѣ *блуждаю* признаются русскими: „кончающіеся на *жу*, кои въ Славенскомъ кончатся на *жду*, *у* перемѣняютъ на *даю*. Напримѣръ *блуж-у блуж-даю* (отъ слав. *блужеду*), *нуж-у принуждаю*, *суж-у разсуж-даю*“. Всѣ эти замѣчанія касаются морфологій; только на стр. 245-й находимъ замѣтку синтаксическаго свойства: „глаголь *воскреснуть* принимаетъ родительный съ предлогомъ *изъ*..... Иногда же по свойству языка Славенскаго вмѣсто предлога *изъ* употребляется съ предлогомъ *отъ*, напр. *воскреснуть отъ гроба*“.

Тимковскій также не дѣлаетъ большаго различія между церковнославянскимъ и русскимъ, устанавливая существованіе „Славенороссійскаго“ языка. При этомъ однако, хотя онъ и утверждаетъ, что „Россійскій удержалъ силу Славенскаго въ существѣ и высшемъ употребленіи своемъ (стр. 50)“, но находитъ между ними и нѣкоторыя „разности“, заключающіяся:

- „а) въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ;
- б) въ прибавкѣ или выпущеніи буквъ и слоговъ и въ грамматическихъ перемѣнахъ словъ; въ немъ также двойственное число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени оставлены. На прим.: *градъ городъ; древа, дрѣвеса, дерева, деревья; нощю, ночью; князи, князья; врази, враги; чту, читаю; предѣлъ, предѣловъ; предѣлы, предѣлами; на чадѣхъ, на чадахъ; мя, меня; ся, себя; идоста, идоша,*

шли; ходихомъ, мы ходили; явитимся, явиться мнѣ; краснѣ, краше; позднѣ, позже.

в) Въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова прежнія оставлены, новыя отъ Славенскихъ корней произведены, новыя окончанія въ словопроизведеніи приняты; иныхъ словъ значеніе перемѣнилось.

г) Въ словосопряженіи и управленіи, напр. *солнце сіяетъ свѣтъ свой; радоватися о Господь* и т. д.

д) Въ слогѣ. Рѣчь возвышенная, а найпаче письменный высокій слогъ придерживаются болѣе словъ, словопроизведенія, словосопряженія и выговора Славенскаго, не удаляясь впрочемъ къ обветшалому употребленію“.

Несмотря на свою голословность, не подкрѣпленную достаточнымъ количествомъ примѣровъ, эти замѣчанія являются довольно самостоятельной и опредѣленной попыткой формулировать „разности“, имѣющіяся между русскимъ и церковнославянскимъ языками. Но отсутствіе примѣровъ (только пункты б) и г) снабжены ими), а также несорѣшъ удачный ихъ выборъ (форма *враги* тоже славянская; *чту* и *читаю* могутъ одинаково хорошо принадлежать обоимъ языкамъ; формы *краснѣ* и *позднѣ* совершенно возможны и въ русскомъ) лишаютъ эту попытку почти всякаго положительнаго значенія.

Изъ грамматикъ, появившихся за это время на иностранныхъ языкахъ и принадлежащихъ иноземнымъ ученымъ, можно остановиться на трудахъ Фатера¹⁾ и Пухмайера²⁾.

У перваго находимъ довольно обстоятельное замѣчаніе о разныхъ произношеніяхъ русскаго языка, сообразно содержанію и матеріалу рѣчи: „Was die Aussprache betrifft: so muss man die ge-

1) Vater (Ioh. Sever.). Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre. Leipzig 1808. 8° (XL+160 стр.). 2-te vermehrte und umgearbeitete Auflage. Ibidem. 1814. 8° (XII нenum. +276).

2) Puchmayer (Ant. Jar.) Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des H. Abbé Dobrowsky. Prag. 1820. 8° (XLI+28 стр.).

wöhnliche Aussprache des Russischen von der feyerlicheren bey dem Vortrage öffentlicher Reden auch selbst der Rollen hoher Personen auf dem Theater oder bey dem Slawonischen, welches die Kirchensprache ist, wohl unterscheiden. Diese feyerlichere Rede weiss von der Aussprache des *r* durch *w*, und den mancherley nachher anzugebenden Veränderungen des *e* in *jo*, des *o* in ein *oa* u. s. w. nichts, sondern spricht *a*, *e*, *o* wie wir (стр. 4).

На слѣдующей (пятой) страницѣ замѣчается о произношеніи *z*, которое „... in vielen, besonders Slawonischen und gottesdienstlichen Wörtern ganz in *h* übergeht, z. B. благословляю blahoslowl'aju (ich segne), und so auch in den Wörtern господъ hospod (Herr), государъ hosudar (Herr), in den Casibus von Богъ (Gott) z. B. Bora boha (Gottes).

На стр. 15—16 говорится о выговорѣ „дифтонга“ *-ей*: „Doch muss man auch den Laut dieser Diphthongen ja aus dem Munde der Nationalen auffassen, und dabey wiederum den Unterschied der Slawonischen und der beym Umgange Gebildeter gewöhnlichen Aussprache wahrnehmen; Slawonisch verhält z. B. bey *iï* das *ï* ganz in *ï*, sie flissen zusammen und der Laut hört fast auf Diphthong zu seyn, aber dasselbe *iï* lautet in der gewöhnlichen Russischen Aussprache, wenn es unbetont ist nach *в*, *н*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, wie *e^j* z. B. срѣдній sredne^j dageden wenn es hinter andern Buchstaben unbetont ist z. B. высокій wie a^j und wenn es betont ist, wie bey какій wie *o^j*.

Мы не можемъ уже судить, насколько доступно было Фатеру изученіе русскаго произношенія. Судя по нѣкоторымъ промахамъ (господъ = hospod, государъ = hosudar) въ транскрипціи русскихъ словъ, можно думать, что русское произношеніе не было имъ твердо усвоено. Тѣмъ не менѣе, разница выговора обыкновеннаго, разговорнаго и церковнаго, книжнаго обратила на себя его вниманіе; какъ на особенности послѣдняго онъ указываетъ на спирантное произношеніе *z*, на сохраненіе удареннаго *é* (въ русскомъ = „ë“) и ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ. Какъ понимать замѣчаніе Фатера, приведенное у насъ въ концѣ, сказать трудно. Неясно, хочеть ли онъ сказать, что въ церковномъ выговорѣ произносилось

не *йй*, а *и* (какъ въ малорусскомъ *солодки*), что въ наше время уже не имѣтъ мѣста, или только обратить вниманіе на то, что церковному *йй* (-j въ -ij и такъ будетъ слышенъ весьма слабо) соотвѣтствуютъ въ народномъ языкѣ *-ей* въ неударенномъ слогѣ и *-дй* подъ удареніемъ. Этими замѣчаніями ограничивается все, что Фатеръ считалъ необходимымъ указать по данному предмету. Случаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы отличать церковнославянскіе элементы отъ русскихъ, но не сдѣлалъ этого, очень много, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ слѣдующему по времени иностранному изслѣдователю русскаго языка — Пухмайеру. Предисловіе къ грамматикѣ послѣдняго, написанное Іосифомъ Добровскимъ, заключаетъ въ себѣ обзоръ русскихъ грамматикъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ грамматики Лудольфа. (*Vorrede. Literatur der russischen Sprachlehren*).

Добровскій начинаетъ съ указанія руссизмовъ въ памятникахъ древней русской письменности (считая съ XIII-го вѣка, въ лѣтописяхъ Нестора и другихъ хронистовъ, въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ), которыя въ общемъ все-таки по его мнѣнію написаны славянскимъ языкомъ. Примѣры, приводимые имъ, распадаются на слѣдующія категоріи: полногласныя русскія формы, рядомъ съ неполногласными, предлогъ *вы* вмѣсто *изъ*, начальное *о* вмѣсто *е*. Затѣмъ слѣдуетъ попытка прослѣдить постепенное проникновеніе русскаго природнаго элемента въ письменность и грамматики, пока онъ не вытѣсняетъ окончательно церковнославянскій и въ той, и другой области. При этомъ онъ пользуется приведенными у насъ выше свидѣтельствами Лудольфа и Фриша объ употребленіи двухъ языковъ въ Московскомъ государствѣ, перечисляетъ нѣсколько старопечатныхъ изданій (библія Фр. Скорины, Несвижскій Катехизисъ 1562 года, грамматика Мелетія Смотрицкаго и т. д.), гдѣ болѣе или менѣе даетъ себя чувствовать русскій разговорный языкъ, и разбираетъ въ отношеніи языка отрывокъ изъ „поученія избранна“, написанныхъ „wenigstens 100 Jahre vor Peter dem ersten“, на обычномъ южнорусскомъ, сильно полонизированномъ, книжномъ языкѣ. Въ точное изслѣдованіе и классификацію матеріала Добровскій не пускается и ограничивается общими замѣчаніями

историко-литературного и библиографическаго характера. Въ части, принадлежащей Пухмайеру и заключающей въ себѣ собственно грамматику, находимъ въ большинствѣ случаевъ обычные замѣчания, извѣстные намъ изъ предшествующихъ работъ. Такъ на стр. 6-й говорится, что произносится „in der feyerlihen Rede und der feinen Aussprache“ какъ *h*: бѳга, Gottes, Вога; государь, Monarch, hosudár“. На стр. 8-й указывается, что „простыя“ дит нерѣдко переходятъ въ *жд* и *щ* („besonders in hohem Style“). Какъ примѣры приведены формы: *суждѹ, суждѣнъ, рассууждѹю, умерщвлѹю, умерщвлѣнъ, умерщвлѹю, прещѹ, рѹщѹ*. Это замѣчание о *жд* и *щ* вообще встрѣчается рѣдко у предшественниковъ Пухмайера, такъ что оно можетъ быть отмѣчено. На стр. 123-й замѣчается о славянскихъ числительныхъ типа „вторыйнадесять“ и т. д., что они употребляются „bloss im hohen Style bey den Namen der Regenten, und bey den Monatstagen“. На стр. 178-й признаются „славянскими“ дѣепричастія на *-я*: „Я ist mehr slawenische, ючи mehr russische Form“. На стр. 207-й говорится объ основахъ на *-es* (при этомъ невѣрно утверждается, что въ славянскомъ вѣь имена средняго рода способны имѣть этотъ „аугментъ“ *es*) и прибавляется, что „im hohen Style und bey Dichtern hat dieses Augment noch seinen Werth“. Относительно остатковъ, въ которыхъ эта основа сохранилась, необходимо замѣтить, что изъ трехъ такихъ остатковъ, приводимыхъ Пухмайеромъ: *небесѹ, чудесѹ, тѣлесѹ*, современный живой и разговорный языкъ сохранилъ только двѣ первыя; формы же *очесѹ* и *тѣлесѹ*, приводимыя также, совсѣмъ не встрѣчаются. На той же 207-й страницѣ говорится, что звательный, какъ самостоятельный падежъ, свойственъ только библіи и церковнымъ книгамъ и „ist bey einigen Wörtern ins Russische übergegangen“. Пухмайеръ приводитъ слѣдующіе примѣры: Бѳже, Гѳбноди, Хрѳсте (sic!), Исѹсе, ѳтче, владыко, учителю, человекѣ, жѣно¹⁾. На стр. 208-й признается *-ю* въ *мудростѹю* окончаніемъ „славянскимъ“, которому въ русскомъ соотвѣтствуетъ *-ю*. На стр. 211-й говорится, что окончаніе род. пад. ед. ч. у именъ существитель-

¹⁾ Ср. также стр. 259, § 47.

ныхъ мужск. рода -а свойственно „mehr dem hohen Style, das у aber dem gemeinen Leben eigen“. Въ поясненіе приводятся примѣры: „Духъ hat дѹха, wenn es Geist, дѹху, wenn es Geruch bedeutet. So auch долгъ, Gen. долга der Pflicht, долгу der Schuld. На стр. 222-й формы *уль, онь* признаются славянскими, русскія же формы будутъ *уолю, оюнь*. Объясненіе русскихъ формъ тѣмъ, что „der Russe verbindet nie zwey Consonanten zu eine Sylbe, ohne einen Vocal dazwischen zu setzen“, должно быть, конечно, въ наше время оставлено. На стр. 125-й утверждается, что „der weibliche Genetiv ыя, ія gehört dem hohen Style zu“. На стр. 235-й находимъ указаніе, что нѣкоторые глаголы принимаютъ „den slawenischen Ausgang in вень: крою—закровѣнь (sic!) мюю—измовѣнь (sic!)“. На стр. 236-й говорится, что глаголы на -дуть (-дуть?) принимаютъ въ первомъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени *жду* вм. *жу* „besonders im hohen Style“: судить-суждѹ, суждѣнь, суждѣніе“.

Мало успѣха замѣтно и въ грамматикѣ Греча ¹⁾, который вовсе не былъ ученымъ филологомъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній свидѣтельствуютъ о не совѣмъ точномъ представленіи, которое онъ имѣлъ объ отношеніяхъ церковнославянскаго къ русскому, другія не новы.

Въ § 51-мъ читаемъ: „Введеніе въ Россію Христіанской Вѣры Греческаго исповѣданія имѣло важное вліяніе на тогдашній Русскій языкъ. Вѣроятно, что многія выраженія и обороты Ц. Славянскаго нарѣчія, заимствованныя непосредственно изъ языка Греческаго, были чужды и дики Россіянамъ того времени. Мало по малу, слыша безпрестанно языкъ сей при отправленіи службы Божіей, они привыкли къ его особеннымъ свойствамъ, и наконецъ стали почитать сіе пріобрѣтеніе всегдашнимъ своимъ достоинствомъ. Нѣкоторые писатели того времени употребляли въ своихъ сочиненіяхъ, какъ выше сказано, языкъ Церковный; другіе писали на Русскомъ, но всегда болѣе или менѣе сбивались на первый, такъ что весьма трудно опредѣлить тогдашнія границы ихъ нарѣчій“. Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ долженъ быть

¹⁾ Пространная Русская грамматика, изданная Н. Гречемъ. Спб. Ч. I. 1827 г. 8°. XVI+386 стр. Второе изд. исправленное. Спб. 1830. 8°. XVI+408.

признанъ въ общемъ вѣрнымъ. Тѣмъ страннѣе читать у Греча замѣчанія въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Въ концѣ XVII столѣтія собственно Русскій языкъ началъ освобождаться отъ оковъ Польскихъ (!) и, очищаясь отъ чуждой примѣси, заимствовалъ сильныя и краснорѣчивыя выраженія изъ языка богослужебнаго“ (§ 53. въ концѣ).

„Вообще Русскій языкъ заключаетъ въ себѣ слова слѣдующаго происхожденія: 1) Славянскія, свойственныя ему вмѣстѣ съ Церковнымъ: оныя составляютъ бѣльшее число. Нѣкоторыя изъ нихъ при переходѣ въ Русскій языкъ (!) поизмѣнились, напр. глава, голова; мравій, муравей; яко, какъ; азъ, язь, нынѣ я и т. д.“.

Другія замѣчанія болѣе вѣрны, но мало новы; такъ въ § 131. 5 находимъ слѣдующее: „Т превращается (!) въ измѣненіяхъ словъ, непосредственно и безъ перемѣны заимствованныхъ изъ Церковно-славянскаго языка, и въ щ; напริมѣръ: обратить, обрашу“.

Въ § 239. 2. „Зват. надежъ въ обоихъ числахъ сходенъ съ именительнымъ. Изъ сего исключаются имена, заимствованныя непосредственно изъ Ц. Слав. языка: они имѣютъ въ семъ падежѣ особенное окончаніе, напрімѣръ: Господи, Боже, мати, Владыко, Христе, Сыне, отче и проч.“.

Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ Гречъ совсѣмъ не различаетъ слова заимствованныя отъ русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у него совсѣмъ невѣрные выводы и утвержденія. Такъ въ § 244. 3. говорится, что „имена *мать* и *дочь* принимаютъ въ косвенныхъ падежахъ единственнаго и во всѣхъ падежахъ множественнаго окончаніе Церковно-Славянское (матерь, дщерь) матери, дочери, матерью, дочерью“. Между тѣмъ въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ просто сохраненіе первичной основы. Въ томъ же §, 4-е. утверждается, что слово *дитя* въ единственномъ числѣ склоняется какъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: Род. Дат. Предл. дитяти, Тв. дитятемъ (!). Множ. числа И. дѣти, Р. дѣтей и т. д.“.

Въ § 290, примѣч. 98 находимъ невѣрное утвержденіе, что „окончаніе *-ья* или *-ія*, въ род. пад. ед. числа ж. рода, встрѣ-

чается только въ слогѣ высокомъ, принимающемъ формы Слав. языка (напримѣръ: *добродѣтели Великія Государыни*)⁴ между тѣмъ, какъ это окончаніе вполнѣ обыкновенно въ былинномъ и пѣсенномъ языкѣ, гдѣ его нельзя объяснить церковнославянскимъ вліяніемъ.

Въ § 374-мъ читаемъ: „окончаніе *-ть...* превращается (!) въ *чь* (влечь), а при непосредственномъ заимствованіи глагола изъ Ц. Слав. въ *-иць* (влещь)“.

Въ § 419-мъ перечисляются недостаточные глаголы, заимствованные изъ церковнославянскаго, въ числѣ которыхъ однако находятся нѣкоторые, едва ли могущіе считаться заимствованіями: *блести, влечь, лобзати, лонзати; дерзати, единити, жаждать, здравити, зиждити, зياتи, звяцати, зрѣти, карати, колебати, личити, коснити, лобзати, мерцати, мнити, непщевати, крестити, реци, ристати, рѣяти (?), стѣнити, стѣтити, творити (затворити?), тязати, ухати, хранити, царити, цѣлити, чяяти (?).* Ниже за то приводится много глаголовъ также „недостаточныхъ“, но безъ обозначенія ихъ заимствованія, какъ напримѣръ: *алничати, бѣдствовать, блистати, владѣти, вредити, касатися, расти, тицтися* и т. д.

Замѣчанія, заключающія въ „Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ“¹⁾ Греча же, слишкомъ ничтожны, чтобы стоило ихъ приводить.

Ближайшими по времени трудами являются краткая и полная грамматики Востокова²⁾. Однако, несмотря на выдающіяся дарованія и знанія автора, несмотря на то, что Востоковъ первый далъ въ свое время научную характеристику старославянскаго языка въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“³⁾, мы

¹⁾ Часть 1—2-я. Спб. 1840 г., 8° (VI. 336+404 стр.).

²⁾ Сокращенная Русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составленная А. Востоковымъ. Спб. 8°. 207 стр. Последующія изданія: 1833, 1835, 1837 (этимъ мы пользовались), 1839 и т. д.

Русская грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб. 1831. 8° XXIV+408. Последующія изданія: 1835 (мы пользовались этимъ), 1838, 1839, 1842 и т. д.

³⁾ Труды Московскаго Общества Любителей Словесности 1820, т. XIX, а также Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Издавъ по порученію 2-го отдѣленія Академіи Наукъ И. Срезневскій. Спб 1865. 8°. LXXXIII + 216+114: стр. 1—27.

встрѣчаемъ въ этихъ грамматикахъ слишкомъ мало по интересующему насъ предмету въ сравненіи съ тѣмъ, чего слѣдовало бы ожидать. Происходило ли это дѣйствительно отъ той осторожности, о которой говоритъ Срезневскій въ своемъ предисловіи къ изданію Филологическихъ Наблюденій (стр. XLIX: „Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать маловидное мѣсто языку простонародному и языку древне-Славенскому“ и т. д.), или отъ низкой оцѣнки Востоковымъ церковнославянскихъ элементовъ относительно ихъ значенія въ общемъ составѣ языка, а можетъ быть и отъ какихъ либо другихъ причинъ, мы не будемъ разбирать, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса представляется намъ едва ли возможнымъ въ наше отдаленное больше, чѣмъ на полвѣка, время.

Въ „Сокращенной Грамматикѣ“ находимъ слѣдующія замѣчанія:

Стр. 34. 5. „Притяжательныя *божій, вражій*, во всѣхъ надежахъ и въ окончаніяхъ женскаго и средняго рода имѣютъ *і* вмѣсто *ь*: *божія, вражія, божіихъ* и пр. Такъ и числительное *третій*, въ важной рѣчи можетъ склоняться *третіаго*, вмѣсто *третьаго* и проч.“.

На стр. 66-й читаемъ, что предъ окончаніями изъявительнаго наклоненія „въ глаголахъ изъ церковнаго языка заимствованныхъ... (измѣняется)... также и *д* на *жд*, а *т* на *щ*: *страдать, -жду, клеветать, -щу*“.

На стр. 68-й находимъ аналогичное замѣчаніе, что въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ съ основами на *г* и *к*, „заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, *ч* замѣняется буквою *щ*, а *ь* буквою *и*; напр. *рещи, реку; пецишь, пекусь*“.

На стр. 78-й говорится, что многократнаго вида „не имѣютъ заимствованные изъ церковныхъ книгъ и въ важной рѣчи употребляемые глаголы, первообразные и производные. Таковы суть: *вѣщаю, дерзаю, желаю, караю, касаюсь, лишаю, глаголю, жажду, стражду, клевету, ропщу, вопію, творю, томлю* и многіе другіе“.

Въ „Полной Грамматикѣ“ немногимъ больше замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго на русскій. На стр. 7. 4

говорится, что слова „съ суффиксами *ййца, дца* заимствованы изъ Церковнословенскаго языка“. На стр. 22. З. указывается, что звательные падежи: *Боже! Господи! Иисусе Христе! Владыко! Отче!* также заимствованы „изъ церковнаго Словенскаго языка“.

На стр. 39-й II а) замѣчается, что „заимствованныя изъ старинныхъ книгъ имена народовъ *Варягъ, Срацинъ*, сохраняютъ въ родительномъ множ. числа сіе же окончаніе, напр. *родомъ изъ Варягъ, изъ Срацинъ*“.

На стр. 114-й. VII. г. указывается на измѣненіе *г, к* въ неопредѣленномъ наклоненіи въ *ч*, которое „въ глаголахъ, заимствованныхъ изъ Церковнославенскаго языка, замѣняется буквою *щ*, напр. *реши, реку: пешишь, пекушь* (то же замѣчаніе, что на стр. 68-й краткой редакціи).

На стр. 144. 1. говорится, что „предлогъ *воз* (вз) въ языкѣ важномъ и въ Церковнословенскомъ имѣтъ ту же силу, какую имѣтъ *за* въ обыкновенномъ языкѣ и въ просторѣчій... напр. *воспылатъ, вострепетать*...“

На стр. 352-й находимъ замѣчаніе о согласномъ *г*, который „по двоякому произношенію своему (*g* и *h*) принадлежитъ также къ буквамъ, выражающимъ по два звука. Второй изъ сихъ звуковъ имѣтъ буква *г* не только... въ иностранныхъ словахъ; напр. *Гамбургъ, Богарне*: но въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ, особенно важной рѣчи принадлежащихъ; напр. *Гласъ Господа Бога*, выражено бы было Латинскими буквами: *Hlas Hospoda Boga*, а не *Glas Gospoda Boga*“. Относительно сказаннаго здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ произносятся и съ взрывнымъ *г* (лат. *g*). Такъ *Богарне* многіе (даже знающіе французскій языкъ) выговариваютъ не со спирантнымъ *г*, а съ взрывнымъ *г*, тоже должно сказать и о примѣрѣ *Гласъ*, гдѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, передъ слѣдующимъ за *г* согласнымъ, спирантное произношеніе не имѣтъ мѣста.

На стр. 360-й находимъ еще одно замѣчаніе о существительныхъ *вѣдѣніе, свѣдѣніе, мнѣніе, прѣніе*, которыя Востоковъ признаетъ „произведенными отъ глаголовъ Церковнаго Словенскаго языка: *свѣдѣти, свѣдѣти* и т. д.“.

Изъ приведенныхъ замѣчаній нетрудно убѣдиться, что Востоковъ, хотя и понималъ хорошо взаимныя отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ, однако отвелъ церковнославянскому вліянію очень немного мѣста въ своихъ грамматикахъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ и теперь весьма цѣнныхъ.

Мало обращаетъ вниманія на это вліяніе и Калайдовичъ въ своей грамматикѣ ¹⁾, вышедшей три года спустя послѣ появленія въ свѣтъ грамматики Востокова. И у него находимъ въ общемъ все тѣ же замѣчанія, что въ грамматикахъ его предшественниковъ. Такъ на стр. 8-й *г* названо „твердымъ дыханіемъ“ („въ словѣ *Господь*, а въ Малороссійскомъ всегда“); на стр. 30-й читаемъ, что „въ нѣкоторыхъ страдательныхъ причастіяхъ, изъ Славянскаго языка взятыхъ, удерживается двойное *и* вездѣ, кромѣ муж. рода, напр. *вдохновенный, вдохновенъ, вдохновенна, вдохновенно, вдохновенны* (замѣчаніе новое и принадлежащее Калайдовичу).

На стр. 32-й замѣчается, что звательный падежъ „окончаніемъ своимъ одинаковъ съ именительнымъ, но слова *Господь, Богъ, Исусъ, Христосъ* почти всегда удерживаютъ Славянскія окончанія: *Господи! Боже! Исусе! Христе!* На стр. 39. 3. „окончаніе *-я*“ вмѣсто *-ія* признается „разговорнымъ“: „Имена на *-ія* оканчиваются въ дат. и предложномъ падежахъ единств. числа на *-и*, напр. *молнія, молнии, о молни, судія, суди, о суди*. Но если окончаніе *ія* замѣняется разговорнымъ *я*, то слѣдуетъ общему правилу, напр. *судья, судь, о судь*“. На стр. 40. 3 находимъ примыкающее къ этому замѣчанію, что „творительный единственнаго *-ію*, можетъ сократиться въ *-ю*“, причемъ однако не сказано, что первая форма имѣетъ книжный оттънокъ и поддерживается церковнославянскимъ. Также ничего не говоритъ объ этомъ Калайдовичъ и на стр. 41. 3, гдѣ идетъ рѣчь объ именительномъ падежѣ на *-іе, -ье* и предложномъ на *-и, -и, -ь*, равно какъ на стр. 42. 5, гдѣ замѣчается, что „имена

¹⁾ Грамматика языка русскаго. Часть I, познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Теодоровича). Москва. 1834. 8°. 102 + X + 2 нумерованныхъ.

на *-ie*, перемѣняются на *-ій*“ въ род. пад. множ. числа: *оружіе, оружій* и т. д.

На стр. 43. 4. род. п. ед. ч. женскихъ прилагательныхъ на *-ья, -ія* признается Славянскимъ. На стр. 65. 5. указывается, что „прошедшее страдательное причастіе на *тый*, въ высокомъ слогѣ имѣеть и другое окончаніе, Славянское на *овѣнный* (спрягаемое *овѣнѣ*), напр. *отрѣну, отрѣнутый* и *отриновѣнный*. На стр. 68. 5 признаются Славянскими обороты въ родѣ: „*да научусь творить удобное Тебѣ*“. На стр. 87-й указывается, что „усиливательное нарѣчіе *пре* можно найти только въ Славянскихъ гласныхъ, напр. *превосхожу, пребуду*; а въ другихъ, *пре* есть предлогъ, одного значенія съ предлогомъ *пере*“. Наконецъ на стр. 102. 6. говорится о глаголахъ, измѣняющихъ „окончаніе перваго лица наст. вр. ед. ч. *-шу*“ на *-тишь* во второмъ лицѣ и присовокупляется, что „почти всѣ сіи глаголы Славянскаго окончанія *шу*, въ Русскомъ имѣють соотвѣтственное окончаніе *чу*“.

Нѣкоторыя замѣчанія о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ затѣмъ въ работахъ кіевского профессора Максимовича. Въ его „Критико-историческомъ изслѣдованіи о русскомъ языкѣ“¹⁾ элементы церковнославянскій и природный разграничиваются другъ отъ друга въ общемъ очень ясно и вѣрно. Указывается на русскую первичность полногласія въ противоположность распространенному тогда мнѣнію о первичности старославянскихъ *рл, лл, рѣ, лѣ*; въ связи съ этимъ обращается вниманіе на параллелизмъ формъ предлога *разѣ* и *розѣ*, и приведены примѣры, хотя все формулировано нѣсколько неясно и сбивчиво. Ниже находимъ указаніе на книжное происхожденіе русскихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ предлогъ *изѣ* (*избратъ, исходѣ, изнать* рядомъ съ *выборѣ, vybratъ, выходѣ, вынать* стр. 14). На стр. 22-й указывается, что, хотя „въ великорусскомъ языкѣ и господствуютъ вообще примѣты Югозападныхъ, но иногда (?) сіе зависить отъ позднѣйшаго вліянія Церковнославянскаго языка“.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1838, т. XVII. № 3. Стр. 531—562. Отд. оттискъ. Спб. 1838. 8°. Стр. 33. См. также Собраніе Сочиненій, т. III. 1880. Кіевъ (Цифры страницъ, цитируемыя въ текстѣ, относятся именно къ послѣднему изданію).

Въ вышедшей въ слѣдующемъ году „Исторіи древней русской словесности“¹⁾ находимъ также частыя замѣчанія по интересующему насъ предмету. Въ VI-й главѣ, трактующей о русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западнославянскимъ, въ отдѣлѣ „о полногласіи Русскаго языка“ (стр. 419 — 425) указываются различныя заимствованія изъ церковно-славянскаго (стр. 422, примѣчаніе 1). Церковнославянскому языку и его вліянію на русскій посвящена вся VIII глава (стр. 440 — 449), озаглавленная: „О письменномъ употребленіи церковнословенскаго языка въ древней Руси и о вліяніи сего языка на народъ русскій“. Здѣсь (въ примѣчаніи первомъ на стр. 441) приводятся примѣры природно-русскихъ формъ въ памятникахъ древней русской письменности. Критеріемъ для ихъ отличенія служатъ Максимовичу слѣдующія звуковыя соотвѣтствія: р. *оро, ере, оло* || стсл. *ра, рѣ, ла, лѣ*; р. *ж* и *ч* || стсл. *жд, шт*. Второй отдѣлъ этой главы „Вліяніе Церковно-словенскаго языка на народный русскій“ указываетъ на условія, способствовавшія смѣшенію этихъ двухъ языковъ и на значеніе заимствованныхъ элементовъ для лексическаго и семасіологическаго богатства русскаго языка. Несмотря на отсутствіе матеріальныхъ данныхъ (примѣровъ) и вполнѣ общій характеръ изложенія, этотъ отдѣлъ представляетъ очень полную общую картину даннаго вопроса и заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у духовенства, которое привыкало къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удобнѣе было Ц. Словенскому языку смѣшиваться съ народной Русскою рѣчью и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русскою рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало по малу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и просто-народнымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣ-

¹⁾ Кіевъ, 1839. 8°. 226, а также Собр. Сочин. Т. III. стр. 346—472.

ненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходять въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и выраженіями Библейскими, которые приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

„Итакъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя бы и соплеменной. Живою силою своею она воспринятымъ стихіямъ даетъ собственный образъ, передѣляетъ ихъ на свой ладъ.

„Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико. Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напримѣръ о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы — *злато*, *тракъ*, *пракъ*, *мако* и проч.

„По мѣрѣ того, какъ усвоались намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую оттѣнку или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; инныя получили другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣняемы изъ нашего языка словами Церковно-Словенскими.

„Нерѣдко и сами Русскіе, какъ бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку (?) измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя слова. Такъ напримѣръ (?!), слово *крестить*, — по древнему правописанію *крѣстить*, — въ Великорусскомъ простонародіи говорится — *кстить* (Причемъ тутъ „примѣненіе“ къ церковнославянскому языку и какимъ образомъ могъ онъ служить въ данномъ случаѣ, непонятно).

„Такимъ то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ, — не только общепринятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ, — произошла та же двойкость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ, — то же смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и то же слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того же корня, одни образованы по чисто Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской.

„При такой двойкости формъ одного и того же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенный тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священно-книжнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ *шлемъ* и *шеломъ*“.

Такой полной картины занимающаго насъ явленія мы не встрѣчаемъ ни у одного предшественника Максимовича. За исключеніемъ одного абзаца (о глаголѣ *крестить* = *кстить*), весь отрывокъ является результатомъ яснаго научнаго мышленія, основаннаго на извѣстномъ знаніи предмета, тонкой наблюдательности и свѣтломъ умѣ.

Больше всѣхъ другихъ своихъ предшественниковъ, Максимовичъ обращаетъ вниманіе на семасіологическую сторону вопроса, указываетъ категорически на существованіе славяно-русскихъ и лексико-сематическихъ параллелей и опредѣляетъ отгѣнокъ значенія, принадлежащій членамъ этихъ параллелей. Замѣчаніе о формахъ *шлемъ* и *шеломъ* свидѣтельствуетъ уже о такой тонкости наблюденія,

которую мы тщетно искали бы раньше. Въ другихъ, позднѣйшихъ своихъ трудахъ Максимовичъ еще не разъ затрогиваетъ данный вопросъ, хотя новаго послѣ вышеприведенныхъ примѣровъ въ нихъ найдется мало. Чтобы не разбивать вниманія читателя, мы приведемъ выдержки изъ нихъ здѣсь же, хотя они и принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени.

Въ „Начаткахъ русской филологіи“ (1845 г. „Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою“, Кіевъ) объясняется (Собр. Сочин., т. III, стр. 67) уменьшеніе случаевъ „первороднаго полногласія“ (Максимовичъ, какъ извѣстно, считалъ полногласныя русскія формы болѣе древними и первичными, чѣмъ формы другихъ славянскихъ языковъ) „вліяніемъ церковнаго языка на языкъ Руси въ христіанскую пору ея жизни“.

„Въ главѣ „объ отношеніи церковнославянскаго ¹⁾ языка къ русскому“, Максимовичъ совершенно основательно полемизируетъ съ Шишковымъ, Калайдовичемъ, Давыдовымъ и Павскимъ, доказывавшими тожество старославянскаго и старорусскаго языка. Взглядъ Максимовича на взаимное отношеніе этихъ языковъ является вообще во многихъ отношеніяхъ вполне здравымъ и основательнымъ, составляя этимъ выдающееся исключеніе среди современной ему русской научной литературы. Рядомъ съ вѣрнымъ мы находимъ, разумѣется, также не мало произвольныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ и недоказуемыхъ допущеній и предположеній, что впрочемъ является вполне естественнымъ при тогдашнемъ состояніи науки не только у насъ, но и на Западѣ. О вліяніи церковнославянскаго на русскій говорится въ общихъ чертахъ въ § 45 (стр. 78 — 79) и между прочимъ такъ: „въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній русскій языкъ. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполне прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковно-

¹⁾ Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются (см. ниже, гл. II, § 1).

славянскіе, которыхъ прежде не было на Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по старой, народной формѣ, и по новой, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ церковнаго языка у Руси, и его слова въ русскомъ языкѣ имѣють обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣ же слова народной формы. Языкъ русскій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, приобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ“. Объясненія „двойственности полногласныхъ и сокращенныхъ формъ“ въ рускомъ языкѣ церковнославянскимъ вліяніемъ находимъ на стр. 81 — 82, 97 (Собр. Сочин. т. III), гдѣ признаются церковнославянскими формы *сладкій, преставилсѣ, хранить, храмъ, предѣ, шлемъ* и на стр. 102; на стр. 120 и 121 указывается на церковнославянское происхожденіе предлоговъ *разъ* (разумъ) и *изъ*. Позже, въ 1856-мъ году въ Филологическихъ Письмахъ къ Погодину ¹⁾ Максимовичъ опять возвращается къ вопросу о языкѣ нашей древней письменности, высказываясь опять въ одномъ мѣстѣ (Сочин. Т. III, стр. 188) противъ мнѣнія Срезневскаго (о которомъ см. ниже), о тождествѣ старославянскаго и старорусскаго и выдѣляя русскіе природные элементы изъ памятниковъ X—XIII вѣка (письмо IV, стр. 199 и слѣд.). Критеріемъ при этомъ выдѣленіи Максимовичу служатъ; полногласіе, начальное *о-* (*осень, одинъ...*) *ж* и *ч* вмѣсто *жд* и *шт* (*по нужи, межи вами, утвержаю... хочу, ночь...*). На стр. 228, 229, 234 и др. (Сочин. Т. III) замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (напр. *разно* || *розно* и т. д.). Въ отвѣтныхъ письмахъ Погодину ²⁾, равно какъ въ Новыхъ

¹⁾ Русская Бесѣда 1856, № 3, стр. 78 — 139 или Сочиненія, Т. III, стр. 183—243.

²⁾ Русская Бесѣда 1857, № 2, стр. 80—104 или Сочиненія, Т. III; стр. 244—272.

Письмахъ къ Погодину о старобытности Малорусскаго нарѣчія ¹⁾ встрѣчаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній мимоходомъ, не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ приведенными выше образчиками.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ наша филологическая научная литература начинаетъ нѣсколько оживляться. Мѣсто обыкновенныхъ школьныхъ грамматикъ, какими были цитированныя выше работы Ломоносова, Академіи, Орнатовскаго, Тимковскаго, Греча, Востокова, Калайдовича и т. д., начинаютъ занимать монографіи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ исторіи русскаго языка. Сюда принадлежатъ уже указанныя выше работы Максимовича, Буслаева ²⁾, Аксакова и другихъ, къ разсмотрѣнію которыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи мы теперь и переходимъ. Буслаевъ касается вопроса о присутствіи церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ народномъ и литературномъ языкѣ лишь слегка, мимоходомъ. На стр. 168-й читаемъ: „... съ распространеніемъ Христіанства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницею, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковнославянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется“.

Далѣе, на стр. 220-й находимъ слѣдующее о смѣшеніи двухъ стихій — церковнославянской и русской: „вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссизмовъ. Отдѣливъ же языкъ отъ русскаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія (дальше слѣдуютъ цитаты изъ

¹⁾ Газета «День» 1863, №№ 8, 10, 15, 16. Отдѣльно 16^о, стр. 70 и Сочин. Т. III, стр. 273—311.

²⁾ О преподаваніи отечественнаго языка. Сочиненіе Фёдора Буслаева и т. д. Москва 1844. Часть I и II-я. 8^о. VI+335, III+375.

„Россійской Грамматики“ Ломоносова, приведенныя у насъ выше)“. Затѣмъ Буслаевъ разсматриваетъ архаизмы, сначала дѣйствительные, потомъ церковнославянскіе, которые слѣдовало бы отнести къ варваризмамъ, но, какъ мы уже видѣли выше, Буслаевъ дѣлаетъ уступку обычаю и привычкѣ и продолжаетъ считать славянизмы архаизмами. Ихъ исторіи посвящено шесть страницъ въ книгѣ почтеннаго ученаго (стр. 303—309). Мы не встрѣчаемъ здѣсь попытки дать хоть какой нибудь критерій для отличенія славянскихъ заимствованій отъ русскаго природнаго матеріала. Буслаевъ указываетъ только, что „какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ, постоянно попадаются русскія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы“, и затѣмъ начинаетъ перечень ихъ по различнымъ памятникамъ русской словесности. Перечень этотъ начинается съ „Древнихъ Русскихъ Стихотвореній“. Указаны здѣсь славянизмы въ области фонетики: „звуки: е вм. о: *единъ*, я вм. ѣ: *ясти*, щ вм. ч: *хощетъ*, и пр.“ (стр. 303), въ области морфологій: „Склоненія: ед. им. мати (373). ед. род. женск. со тыя горы со высокія (210); только ты дай мнѣ загонъ земли, „непаханья и неоранья“ (5). Цс. зват. вм. имен., и Цс. винительн.“ и т. д. (стр. 303). „Спряженія: неокончат. наклоненіе, весьма часто на -и: стали пити, ясти, прохладжати 154. сужено поняти, „подъ златъ вѣнецъ стати, „законъ Божій пріяти, „дѣтей сводити 397. прошедш. описат. еще имали были свои добрые кони 404. а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ *ibid.* Цс. безличн.: не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить 163“ и т. д.; въ области лексическаго заимствованія: „Архаизмы въ частицахъ: и паче мнѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбилися, „а Княгинѣ наипаче того 5 почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платьѣ снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своя 109. и буде же я васъ побью 78 и т. д.“

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь выдержекъ изъ книги Буслаева, его уступка привычкѣ считать славянизмы только архаизмами сказалась смѣшеніемъ воедино разнороднаго матеріала.

Рядомъ съ дѣйствительными славянизмами приводятся и формы, могущія одинаково хорошо принадлежать старому русскому языку, какъ родит. падежи *со тья горы, со высокiя*, неопредѣл. наклоненіе на *-ти*, прошедшее описательное *поухамъ были* или частицы въ родѣ *почто, буде* и т. д.

Далѣе находимъ у Буслаева примѣры славянизмовъ, подобранные изъ разныхъ писателей: Ломоносова, Жуковскаго, Мерзлякова, Пушкина, Карамзина (Исторія Государства Россійскаго), причемъ опять (особенно у послѣдняго) настоящіе славянизмы приводятся рядомъ съ особенностями старорусскими и просто народными, какъ эпитеты—*сабли свѣтлыя*, тавтологіи—*возитъ навозъ или судить и рядить землю*, обычные выраженія—*отъ мала до велика* и т. д., какъ народное слово приведено даже *прохлада* (стр. 307). Точное разграниченіе и классификація матеріала просто и не входили въ задачи Буслаева, желавшаго только показать, какъ можно утилизировать имѣвшійся уже тогда матеріалъ при обученіи отечественному языку. Глава „Исторія архаизмовъ“ заключается слѣдующимъ общимъ выводомъ относительно ихъ роли въ литературномъ языкѣ въ разныя времена: „если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью“.

Несмотря на свою поверхностность и недодѣланность, указанныя замѣчанія Буслаева являются интересными, какъ первая попытка прослѣдить исторически судьбу и значеніе славянизмовъ въ русскомъ народномъ и особенно литературномъ языкѣ.

Хотя, со времени появленія въ свѣтъ книги Буслаева, прошло уже 47 лѣтъ, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ни одного труда, который разработалъ бы лишь отчасти набросанный имъ здѣсь планъ.

Въ появившемся спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ книги Буслаева, извѣстномъ изслѣдованіи Аксакова „Ломоносовъ въ

исторіи русской литературы и русскаго языка“¹⁾ идетъ весьма часто рѣчь о церковнославянскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому. Правда, разсужденія Аксакова страдаютъ извѣстной абстрактностью, оторванностью отъ реальныхъ фактовъ языка, но до него никто еще не посвящалъ такъ много вниманія данному вопросу въ смыслѣ его общаго, національнаго, литературнаго и психическаго значенія. Цѣль Аксакова была показать постепенное образованіе современнаго русскаго. главнымъ образомъ литературнаго, языка путемъ проникновенія народныхъ элементовъ въ книжный церковнославянскій языкъ; всю исторію русскаго литературнаго языка, которой посвящена большая часть книги, онъ разсматриваетъ какъ извѣстный подготовительный періодъ; дѣятельность Ломоносова завершаетъ этотъ періодъ и придаетъ русскому языку ту окончательную форму и отдѣлку, которая даетъ ему право считаться самостоятельнымъ, самобытнымъ цѣлымъ. Но научныя убѣжденія Аксакова были слишкомъ неопредѣленны, ему недоставало строгой филологической выправки и систематическихъ знаній. Поэтому мы наталкиваемся у него на необъяснимыя противорѣчія. Самая цѣль Аксакова была совершенно противоположна нашей цѣли — показать значеніе славянизмовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Указать руководящія взгляды Аксакова на отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ не совѣмъ легко; такъ разбросано ихъ изложеніе, изобилующее, какъ мы уже сказали, слишкомъ оторванными отъ реальной основы разсужденіями. На стр. 40-й Аксаковъ указываетъ, что „церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкѣ церковно-Славянскомъ (въ примѣчаніи Аксаковъ отказывается входить въ изслѣдованіе, „къ какому собственно нарѣчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги“; онъ утверждаетъ только, „что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе“, и надѣется доказать это отчасти въ послѣд-

¹⁾ Москва. 1846. 8°. 517 стр. + IV нenumерованныхъ

ствіи), языкѣ не нашемъ, который сталъ такимъ образомъ сокровищницей святыни религіи, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нея, гремѣвшій для нея въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него, — и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ¹⁾; всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное (?) языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимоидущихъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нуждъ и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его затѣй и намѣреній (слѣдуетъ сравненіе съ прекрасными, но недоступными небесами)⁴ и т. д. Немного дальше: „По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. е. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено присутствіемъ безконечнаго божества и т. д.“ Мы нарочно дѣлаемъ эту длинную цитату, могущую служить образчикомъ разсужденій Аксакова. Дальше, на стр. 43-й находимъ нѣсколько болѣе опредѣленное замѣчаніе о смѣшеніи элементовъ природнаго и церковнославянскаго: „Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовной письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь

¹⁾ Аксаковъ упускаетъ здѣсь совсѣмъ изъ виду тѣ глубокія измѣненія, которыми съ теченіемъ времени подвергся старославянскій языкъ подъ вліяніемъ народныхъ языковъ—новоболгарскаго, сербскаго, русскаго.

пестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъ бы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и соплеменныхъ, языковъ. Или же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вмѣшиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ“. Едва ли однако это замѣчаніе можно признать основательнымъ во всемъ его значеніи; несомнѣнно, что извѣстные славянизмы укоренились и пріобрѣли права гражданства въ разговорномъ языкѣ еще очень давно, такъ что никакъ не могли считаться и чувствоваться „какъ бы цитатами“. Взглядъ Аксакова, выраженный въ приведенной выше выдержкѣ о родственности, понятности, но недоступности церковнославянскаго языка, повторяется въ его книгѣ весьма часто. То же, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, читаемъ на стр. 75, 247—248, 393 и т. д. На стр. 76-й и слѣд. находимъ разсмотрѣніе случаевъ, въ которыхъ употреблялись языки церковный и природный, имѣющее значеніе главнымъ образомъ историко-литературное. Указывается, что „на языкѣ церковномъ выразилась вся религиозная письменность“, все религиозное содержаніе, все, что входило въ область церкви: Евангеліе и другія священныя книги, писанія святыхъотцовъ, благочестивыя поученія и размышленія, а также и лѣтописи, ибо и онѣ входили „въ міръ религиознаго созерцанія“ и были „проникнуты духомъ церкви“. Только „иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь (въ лѣтописи), языкъ на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе“... „Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше (см. цитату изъ стр. 43-й) и, надѣмся, объяснили это“ (стр. 77). На стр. 79-й находимъ опять приведенное уже выше мнѣніе о различіи русскаго и старославянскаго языковъ: „языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога (на церковный и народный), были два разные языка или два разныхя нарѣчія, если называть

такъ языки одной вѣтви“. Аксаковъ опять уклоняется далѣе отъ рѣшенія вопроса, какому именно славянскому народу принадлежалъ языкъ церкви (едва ли онъ и имѣлъ тогда какое нибудь опредѣленное мнѣніе по этому предмету), и переходитъ къ доказательству различія старославянскаго отъ русскаго, насколько это кажется ему нужнымъ. Это доказательство, однако, очень неопредѣленно и голословно. Аксаковъ утверждаетъ только: „языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою, это видно съ перваго взгляда и при поверхностномъ вниманіи“ (стр. 79—80). Представленіе отличительныхъ признаковъ дѣйствительно весьма „поверхностно“: „разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на различіе этихъ двухъ языковъ“. Примѣрами служитъ Аксакову: *плечо, рамо; очи, глаза*. Такая „двойственность“, по мнѣнію Аксакова, „говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Русскіе говорили въ старину по-церковно-Славянски“. Приведенныя выдержки характеризуютъ научные приемы Аксакова. „Прежде всего“ онъ беретъ за самый ненадежный и несущественный признакъ—лексическое различіе, по его убѣжденію говорящее „прямо“ въ пользу различія и народовъ, и языковъ. Напротивъ, единственный надежный критерій—фонетическій, оставляется имъ безъ вниманія: „Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго (!) различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова*, *брада* и *борода*—разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится (!); достаточно просто одного очевиднаго признанія этого различія“ (стр. 80—81). Больше вниманія посвящаетъ Аксаковъ различіямъ морфологическимъ, опять критерію не вполне надежному, что онъ признаетъ и самъ, находя отношенія „болѣе измѣняемыми, болѣе неопредѣленными и потому болѣе подверженными сомнѣнію“ (стр. 81). Но и здѣсь приемы Аксакова страдаютъ недостаткомъ настоящей научной строгости. Онъ сравниваетъ формы старославянскія съ формами новорусскими и приходитъ на этомъ

основаніи къ убѣжденію объ исконномъ различіи русскаго отъ старославянскаго, забывая, что между тѣми и другими формами лежитъ по меньшей мѣрѣ тысяча лѣтъ. „Настоящій Русскій языкъ“ Аксаковъ ищетъ только въ пѣсняхъ и въ сказкахъ; попытки поискать его въ памятникахъ нашей древней письменности у него не находимъ, да онъ и не былъ въ состояніи разобраться въ матеріалѣ, даваемомъ ими. Такимъ образомъ, если его выводъ о различіи русскаго и старославянскаго языковъ и вѣренъ, то это совершенно случайно, и результатъ этотъ полученъ помимо приводимыхъ доводовъ. Какъ однако ни поверхностно представленіе о различіяхъ между этими двумя языками, находимое нами у Аксакова, но все-таки оно у него было. Поэтому въ высшей степени неожиданнымъ является встрѣчаемое нами на стр. 119-й утвержденіе, что Остромирово Евангеліе представляетъ собой самый чистый старославянскій языкъ: „чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встрѣчаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссицизмовъ. Евангеліе Остромирово представляетъ намъ церковно-Славянскій языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполнѣ мы говорили, всѣ хранятся тамъ“. Но сейчасъ же, однако, Аксаковъ замѣчаетъ, что „и Евангеліе Остромирово представляетъ иногда исключенія изъ правилъ языка, въ немъ являющіяся, — ошибки, если смѣтъ такъ сказать (!!); это были можетъ быть видоизмѣненія, можетъ быть, вслѣдствіе особыхъ правилъ и основаній“. Единственный „русицизмъ“ находитъ Аксаковъ только въ припискѣ къ Остромирову Евангелію: „здѣсь вдругъ встрѣчается намъ употребленіе, несвойственное духу языка Остромирова Евангелія, употребленіе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангеліи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленіе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношеніи къ церковно-Славянскому“ (стр. 120). Но указанная особенность

никакъ не можетъ считаться исключительно русской, такъ что въ данномъ случаѣ А—въ опять сдѣлалъ ошибку. Также ошибочно утверженіе (стр. 126), что „форма именительнаго падежа въ винительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться (въ разсматриваемыхъ А—вымъ памятникахъ)“. А—въ былъ введенъ въ заблужденіе такими случаями, какъ былинное „голова рубить“ и т. д., и распространилъ понятіе и на основы мужскаго рода (стр. 124). Такихъ ошибокъ можно указать у А—ва массу, но уже приведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ мало было у него строгой школы и основательнаго знанія предмета. Аксаковъ только намѣтилъ себѣ планъ широкаго историческаго изученія отношеній между обоими языками—письменнымъ—старо-или церковнославянскимъ и народнымъ—русскимъ. Для выполненія этого плана ему не хватило научныхъ средствъ. Оттого положительная часть разсужденія Аксакова имѣетъ только значеніе и цѣнность конспекта, черноваго наброска, сдѣланнаго изслѣдователемъ для собственнаго употребленія, но такъ и не приведеннаго въ исполненіе. Задуманъ этотъ планъ широко и смѣло, но онъ превышалъ силы исполнителя и въ силу условій времени, и въ силу недостаточности и беспорядочности его познаній. Планъ, начертанный Буслаевымъ въ его книгѣ „Объ обученіи отечественному языку“, (см. выше стр. 102) слѣдовательно такъ и остался не выполненнымъ, хотя задачи Аксакова были очень близки къ задачамъ этого плана.

Годомъ раньше книги Аксакова вышло другое разсужденіе „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ М. Н. Каткова¹⁾. Работа эта, представляющая для своего времени не мало дѣльных замѣчаній и мыслей, по занимающему насъ вопросу даетъ скудный матеріалъ. Нѣкоторые утвержденія представляютъ положительный шагъ назадъ не только относительно Востокова или Буслаева, но даже сравнительно со взглядами грамматикъ прошлаго вѣка. Такъ на стр. 111-й читаемъ: „Въ общепринятой нынѣ Русской рѣчи дружно бытуютъ обѣ формы (полногласная и неполногласная), изъ которыхъ одна называется обыкновенно Славянскою и принимается

¹⁾ Москва. 1845. 8°. 257 стр.+11.

за одинъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ нарѣчіемъ Церковнымъ; другая же почитается за исконную коренную форму Русскую“; тѣмъ не менѣ Каткову „кажется, что обѣ формы испоконъ вѣка бытовали въ Русскомъ и равно ему принадлежать“. На стр. 216-й читаемъ также: „у насъ еще доселѣ (не надо забывать, что это писано 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Востоковскаго „Разсужденія о древнеславянскомъ языкѣ“, дававшего вполне достовѣрныя средства для отличенія формъ славянскихъ отъ русскихъ) не найдено мѣрила для различія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго (были у Каткова предшественники, лучше, чѣмъ онъ, различавшіе однимъ языковымъ чутьемъ). Послѣднее такъ сопротивилось съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту“. Ниже мы читаемъ: „почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи... непременно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, по Русскому же“.

Впослѣдствіи, черезъ 40 лѣтъ, при совѣмъ иномъ уже положеніи славянской филологіи вообще и русской въ частности, это неясное представленіе о границахъ и отличіяхъ русскаго и старославянскаго (или „Церковнаго“ по Каткову) языковъ сказалось въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей (1885 г., № 93) по поводу юбилея Славянскихъ Первоучителей, гдѣ поддерживалось самымъ категорическимъ образомъ мнѣніе, едва ли могущее найти себѣ представителя между современными учеными, что языкъ перваго славянскаго перевода Священнаго Писанія былъ не что иное, какъ древнерусскій языкъ ¹⁾. Подобный взглядъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ 1856 году въ статьѣ о Пушкинѣ (Рус-

¹⁾ Мы не сомнѣваемся, что языкъ этотъ (языкъ Перевода Св. книгъ) былъ первоначальный славянскій, еще не раздѣлившійся на діалекты, хотя заключавшій въ себѣ всѣ сѣмена ихъ, какъ языкъ гомерическій слитно заключалъ въ себѣ элементы еще не обособившихся діалектовъ греческихъ (?). И ниже: «славянскій языкъ есть также русскій, только въ его древнѣйшемъ состояніи. Всѣ древніе памятники нашей письменности писаны на этомъ языкѣ; славянскій языкъ есть славянорусскій и т. д.

скій Вѣстникъ 1856, № 2) Катковъ вполне основательно и въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія, разграничивалъ церковно-славянскій языкъ, языкъ древней русской письменности, отъ народнаго и говорилъ, что по его „убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства“ (стр. 320) ¹⁾.

Замѣчаній, которыя можно признать вѣрными, у Каткова немного. Такъ на стр. 48-й находимъ замѣчаніе о принадлежности разнымъ языкамъ окончаній прилагательныхъ *-ий* и *-ей*: „извѣстно въ нашемъ языкѣ колебаніе голоса (!) между *e* и *i*. Оба эти элемента сходятся въ посредствующемъ *ѣ* -ѣ. Мѣстоименіе *съ*, опредѣляясь, становится въ Церковно-Славянскомъ *сій*, въ Русскомъ—*сей*. Ср. Церковно-Славянскія и нынѣ употребляемыя формы — *Василій*, *бывшій* и пр. со Старо-Русскими *Василей*, *бывшей* и пр.“.

На стр. 97—98 читаемъ: „*жд* не только удержалось въ Церковномъ нарѣчій, но и перешло отчасти въ общепринятое Русское“. Ниже: „общепринятое Русское нарѣчіе допустило (!) звукъ (!) *щ* въ большей части (?) случаевъ, гдѣ его оказываетъ Церковное“. Общій очеркъ исторіи образованія народнаго и книжнаго русскаго языка въ связи съ исторіей видоизмѣненія старославянскаго въ новый церковнославянскій (языкъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ) находимъ у И. И. Срезневскаго въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ ²⁾. Указаній на факты языка здѣсь немного (два, три лексическихъ заимствованія—*понеже*, *поелику*, *щ* и *жд* смѣ-

¹⁾ «То, что теперь называемъ мы русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковнославянское. Не менѣе извѣстно, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго... едва ли кто видитъ теперь въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства». Ниже на стр. 323: «русскій языкъ не состоитъ ни въ простонародной, ни въ церковнославянской рѣчи, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ».

²⁾ Гл. VI, стр. 92—102 отдѣльнаго изданія (Спб. 1850. 8°, стр. 210); гл. VI, стр. 152—162 перваго изданія (Акты въ Императорскомъ С.-Петербург. Университетѣ 1849 г. 8°).

сто *ч* и *ж* и *ре, ле* вмѣсто *ере, оло*). Между прочимъ Срезневскій исходитъ изъ едва ли вѣрнаго и во всякомъ случаѣ трудно доказуемаго положенія, что древнѣй русскій языкъ былъ гораздо ближе къ старославянскому, чѣмъ все остальные славянскія нарѣчія „и по составу, и по строю“. Между тѣмъ достаточно указать хотя бы на такія коренныя отличія, какъ разница между старославянскими и русскими соотвѣтствіями первичныхъ сочетаній *Vocalis + cons. liquida* (разница, отсутствующая въ чешскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ) или первичныхъ *tj, dj* (отсутствующая въ болгарскомъ), чтобы поколебать это положеніе. Въ связи съ этой мыслью Срезневскій утверждаетъ, что „отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности, элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда... не проникалъ въ него... элементъ Греческій“. Едва ли также кто согласится съ Срезневскимъ, что первой причиной удаленія языка письменнаго отъ народнаго были нѣкоторыя „уклоненія отъ правилъ общеславянской стройности языка, обязанныя своимъ происхожденіемъ греческому вліянію и касавшіяся сначала только слога, а потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія“. Ниже однако встрѣчаемъ оговорку, хотя и неясную по смыслу, благодаря отсутствію примѣровъ: „впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое“.

Болѣе всего матеріала встрѣчаемъ у Буслаева въ его Исторической грамматикѣ русскаго языка ¹⁾, хотя освѣщеніе его далеко не всегда правильно. Такъ, въ § 10 (стр. 14) находимъ замѣчаніе о формахъ *прежній* и *преждній*: „по закону смягченія *д* въ *жд* и въ *ж*, *преждній* (отъ слова *предъ*) есть форма церковнославянская, въ отличіе отъ русской — *прежній* (NB): а *преже* (NB) и *перезе* формы русскія вмѣсто церковнославянской *прежде*, усвоенной современнымъ употребленіемъ, по вліянію языка книжнаго

¹⁾ Первое изданіе: Москва 1858. 8°; второе, съ вполне передѣланной первой частью, Москва 1863. 8°, 259+374, третье М. 1868, четвертое М. 1875 и т. д. Мы пользовались вторымъ изданіемъ.

(§ 36)“. Въ приведенной выдержкѣ невѣрно опредѣленіе формъ *прежній* и *преже* какъ русскихъ формъ. Форма *прежній* легко можетъ быть дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ формы *преждній* въ силу исчезновенія *д* между согласными (ср. *поздній*, *праздній*, которыя произносятся *роз'п'ѣ*, *ргазп'ѣ*), такъ что *ж* въ этомъ словѣ не есть еще непременно русское соотвѣтствіе первичнаго *дж* и одинаково можетъ быть результатомъ вторичнаго фонетическаго процесса (исчезновеніе одного изъ членовъ согласной группы). Кромѣ того мы находимъ въ этомъ словѣ, вмѣсто ожидаемой русской вокализации *пере-*, старославянскую форму плавнаго сочетанія *пре* (*прѣ*), имѣющуюся и въ *преже*. Послѣдняя форма представляетъ какъ бы компромиссъ между славянской и русской формами: *жд* замѣнено здѣсь *ж*, а *пре-* осталось.

Въ слѣдующемъ § 11-мъ (стр. 15) встрѣчаемъ аналогичное замѣчаніе о параллелизмѣ формъ *между* и *межъ*, изъ которыхъ первая признается Буслаевымъ за церковнославянскую. Общія замѣчанія объ отличіи русскаго языка отъ церковнославянскаго и отношеніи нашихъ писателей: Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и Крылова къ славянизмамъ находимъ въ § 17 (п. 4, стр. 23).

Параллелизмъ предлоговъ *раз-* и *роз-*, имѣющійся только въ литературномъ или книжномъ русскомъ языкѣ, не понятъ Буслаевымъ (§ 24. 2, стр. 29). Вмѣсто того, чтобы искать ему объясненія въ заимствованіи первой формы изъ церковнославянскаго, онъ даетъ фонетическое объясненіе, выводя *о* формы *роз-* изъ *а* формы *раз-* и признаетъ первую за вторичную, что совершенно невѣрно. Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому же § (стр. 29) также невѣрно объясненіе формъ *ровный* и *розный* рядомъ съ формами *равный* и *разный*. Хотя еще Максимовичъ (см. выше, стр. 94) объяснялъ подобныя формы совершенно правильно, Буслаевъ видитъ здѣсь опять фонетическое явленіе и выводитъ *о* русскихъ формъ изъ *а* славянскихъ: „а переходитъ въ *о* въ словахъ...“ Кромѣ того здѣсь находимъ также смѣшеніе разнороднаго матеріала; такъ формы *дубрава* и *дуброва* принадлежатъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ формы *равный* и *ровный* или *разъ* и *розъ*.

Въ § 29. 4 (стр. 51), посвященномъ явленію такъ наз. русскаго полногласія, встрѣчаемъ довольно полное, хотя нѣсколько сбивчиво и неясно формулированное представленіе взаимныхъ отношеній между церковнославянскими заимствованными, неполногласными и природными русскими, полногласными формами. Буслаевъ различаетъ въ книжномъ и литературномъ русскомъ языкѣ три категоріи: 1) церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскіихъ: *владѣть*, *прежде* и т. д., 2) русскія формы, употребляемыя вмѣсто церковнославянскихъ (?!): *корова*, *ворона* и т. д., 3) параллельныя полногласныя и неполногласныя формы („и тѣ и другія“): *пламя* и *полая*, *младшій* и *моложе*. Въ этомъ дѣленіи удивляетъ своей ненадобностью и нелогичностью вторая категорія; выраженіе „вмѣсто церковнославянскихъ“ заставляетъ предполагать, что Буслаевъ считаетъ русскія формы *корова*, *ворона* вторичными и ожидалъ бы видѣть на ихъ мѣстѣ церковнославянскія. Между тѣмъ онѣ искони были въ русскомъ языкѣ и совсѣмъ не появлялись „вмѣсто“ какихъ либо формъ. Очевидно, категорія эта придумана только для симметріи.

Ниже находимъ попытки установить критерій для отличенія русскихъ формъ отъ славянскихъ. Главный наиболѣе надежный и положительный критерій — сравнительно-фонетическій оставленъ совсѣмъ безъ вниманія. Буслаевъ принимаетъ только два признака: 1) значеніе, напр. *норовъ* и *нравъ*, *порожній* и *празднѣй*... и 2) употребленіе „въ рѣчи книжной и витѣватой: *берегъ*, *глава*“ ... и въ „разговорной: *берегъ*, *голова*“. Указывается также на значеніе этихъ заимствованій въ семасіологическомъ отношеніи: „слова нравственнаго значенія, напр. *брѣмя*, *владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имѣющія значеніе вещественное и употребляемыя въ ежедневной рѣчи, напр. *воробей*, *горохъ*, *корова* и проч., удержали форму русскую. Въ привѣтствіяхъ: „*здравствуйте*“, „*здравія* желаю“ и „*здорово* живешь“, употребляется и та и другая форма, для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи“.

Въ слѣдующемъ, пятомъ пунктѣ (стр. 51—52) указывается на постепенное исчезновеніе неполногласныхъ славянскихъ формъ

изъ русскаго литературнаго языка: „въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ долго господствовали формы церковнославянскія, каковы *брегъ, глава, младъ* и проч., но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя чисто русскія“.

Въ шестомъ пунктѣ (стр. 52) указывается на присутствіе неполногласныхъ формъ въ народномъ языкѣ, которыя однако Буслеевымъ принимаются за „остатки старины“ (а не заимствованія?): „.... нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Напр., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: „злато-серебро“, „младъ ясенъ соколъ“, „я млада-младенька“ — „молодой-младой Солодовниковъ“. Рыбн. I. 86“.

На стр. 61-й въ § 32 признаются остатками церковнаго языка, болѣе употребительными въ книжной рѣчи, формы *одьяніе, даяніе*. Признакомъ ихъ чуждаго происхожденія для Буслеева служить „вставное для благозвучія“ *ј*, которое онъ считаетъ явленіемъ только церковнославянскимъ, тогда какъ въ русскомъ должно бы ожидать вмѣсто *ј*—*в*. Но съ этимъ трудно согласиться въ виду природныхъ русскихъ формъ со „вставнымъ“ *ј*, какъ *впять, спять, таять* и т. д. Тѣмъ не менѣе формы *одьяніе* и *даяніе* должны быть признаны церковнославянскими, но на основаніи суффикса *-ніе*, вмѣсто котораго въ русскомъ языкѣ должно бы быть *-нье*.

Не совсѣмъ вѣрно также противопоставленіе формы *вострый*, какъ исключительно народной, будто бы книжной формѣ *острый*, а также утвержденіе, что *вострый* „преимущественно имѣетъ значеніе вещественное (а *воструха, вострушка?*), а *острый*—нравственное“ (тамъ-же § 32. 2. стр. 61).

Церковнославянскія формы съ *жд* и *шт*, вмѣсто русскихъ *ж* и *ч*, разсматриваются въ § 36 (стр. 67 и слѣд.). Указывается въ началѣ § на необходимость „при изученіи русскаго языка.... вникать въ отличіе смягченныхъ формъ русскихъ отъ церковнославянскихъ, въ отличіе, проникающее весь составъ того и другаго языка; такъ напр. въ образованіи прилагательныхъ: *надежн-ый, нужн-ый, прежн-ый* (а не *надеж-дн-ый, нуж-дн-ый, прежд-н-ый*) отъ русскихъ формъ: *надежа, нужда, прежде* (ср. относительно

послѣдней формы сказанное выше на стр. 112); въ образованіи дѣепричастій: русское окончаніе дѣепричастій настоящаго времени, на *-чи*, соотвѣтствуетъ цел. причастию наст. времени женскаго рода, на *-чи*; напр. *творачи*, *дѣлаючи* и проч. “.

Далѣе довольно подробно разсматриваются формы церковно-славянскія и русскія, сообразно ихъ распредѣленію по различнымъ эпохамъ и памятникамъ русской письменности, а также разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ: въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ приводятся примѣры русскихъ *ж* и *ч* въ Остромировомъ Евангеліи и другихъ памятникахъ русской рецензіи. При этомъ обращается вниманіе на присутствіе въ этихъ памятникахъ такихъ формъ, которыя въ настоящее время въ книжномъ или литературномъ языкѣ вытѣснены совсѣмъ церковнославянскими, какъ напримѣръ *вожь* вм. *вождь*, *перезе* вм. *прежде*, *межю* и *межу* вм. *между*, *нужа* вм. *нужда*, *жажа* вм. *жажда*, *въчати*, *объчати*, вм. *въщати*, *объщати* и проч.

Въ пунктѣ 3-мъ (стр. 69) указывается на тотъ фактъ, что „областное просторѣчіе, въ отношеніи къ смягченію зубныхъ въ шипящія, стоитъ ближе къ языку древнерусскихъ памятниковъ, нежели къ современному книжному; напр. *межу* или *межи*, *перезе* или *перѣжъ*, *нужа*, *собча*, вм. *между*, *прежде*, *нужда*, *сообща*.”

Въ пунктѣ 4-мъ (стр. 69) указывается на присутствіе и въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ формъ съ русскими рефлексами *дж*. Форма *чуждый*, представляющая собой компромиссъ между русской формой *чужой* и старославянской *штоудь*, даетъ поводъ Буслаеву находить, что „какъ церковнославянскій, такъ и русскій законъ смягченія иногда оказываются даже въ одномъ и томъ же словѣ“ (!) и что *д* здѣсь „смягчилось въ *жд*, по церковнославянскому закону, а *т* въ *ч* по русскому“. Въ дѣйствительности же, какъ форма *чуждый*, такъ и приводимая Буслаевымъ форма изъ Остромирова Евангелія *цюужни* обязаны своимъ происхожденіемъ недоведенной до конца передѣлкѣ старославянской формы *штоудни* на русскій ладъ. Такія неполныя передѣлки не рѣдкость

въ нашихъ древнихъ памятникахъ (*млажэйшнн* вм. *моложайшій* или *млаждэйшнн*).

Въ пятомъ пунктѣ (стр. 69—70) обращается вниманіе на присутствіе въ составѣ современнаго литературнаго языка параллельныхъ формъ съ церковнославянскими и съ русскими соотвѣтствіями первичнымъ *dj*, *tj*.

Буслаевъ дѣлитъ относящійся сюда матеріаль на такія же три категоріи, какія мы видѣли выше, когда дѣло шло о формахъ полногласныхъ и неполногласныхъ. Къ первой категоріи онъ относитъ церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ; напр. *прежде* вм. *преже* (должно бы быть *перезе*), *между* вм. *межу*, *вѣжди* вм. *вѣжи*, *нужда* вм. *нужа*, *вѣцать* вм. *вѣчать*, *смущеніе* вм. *смученіе*; *общій*, *община* вм. народныхъ *обчій*, *община*. Замѣчая при этомъ, что „впрочемъ въ просторѣчии, напр., въ пск-твер. говорится и *обчій* и *общій*, *общу́ха*, купленное что либо съобща, арханг. *общитъся*—соединяться, сообщаться“, Буслаевъ, однако, ни слова не говоритъ о томъ, какими онъ считаетъ эти формы—природными или заимствованными изъ церковнославянскаго. Вторая категорія Буслаева—русскія соотвѣтствія вмѣсто церковнославянскихъ (напр. *вижу* вм. *вижду*, *клажа* вм. *кладжа*, *кража* вм. *кражда*, *хочу* вм. *хошу*, *отвѣчать* вм. *отвѣцать* и проч.) такъ же излишня, какъ и разсмотрѣнная выше (стр. 113) категорія полногласныхъ формъ вмѣсто неполногласныхъ, и создана только для симметріи, а не изъ научной необходимости. Къ третьей категоріи Буслаевъ относитъ параллели формъ церковнославянскихъ и русскихъ, напр. *между* и *межъ*, *тождество* и *тожество*, *невѣжда* и *невѣжа*, *чуждый* („форма полурусская“, замѣчаетъ Буслаевъ) и *чужой*, *со-кращать* и *у-корачивать*, *помощь* и *помочь* и пр.

Такъ же, какъ выше при разсмотрѣніи полногласныхъ и неполногласныхъ формъ, Буслаевъ устанавливаетъ отличительные признаки заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ: „смягченныя формы церковнославянскія большею частью отличаются, въ образованномъ языкѣ, отъ русскихъ, какъ 1) по значенію; напр. *гражданинъ* и *горожанинъ*, *невѣжда* и *невѣжа*; такъ и 2) по употребленію: принадлежа языку книжному, онъ болѣе

приличны рѣчи искусственной; напр. *въщать, услаждать, чуждый, поглощая* (при русской формѣ: *прогложу*) и проч. Впрочемъ многія формы стали достояніемъ языка образованнаго вообще; какъ напр. *жажда, нужда, между*; причастія на *-щій*; напр. *дѣлающій, говорящій* и др.“.

Выборъ признаковъ, а также и распредѣленіе матеріала сообразно имъ, страдаютъ здѣсь тѣмъ же недостаткомъ, который мы нашли выше въ формулировкѣ Буслева различій между природными полногласными и заимствованными неполногласными формами (стр. 112), — неточностью и сбивчивостью. Такъ оставленъ совершенно безъ вниманія критерій фонетическій; формы *въщать, услаждать, чуждый* и т. д. отличаются не однимъ употребленіемъ отъ соотвѣтствующихъ природныхъ формъ, а также и значеніемъ.

Въ примѣчаніи четвертомъ (стр. 70) неправильно приведено слово *дождь*, въ которомъ будто бы „д смягчается въ ж и ч“ (!).

Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 70—71) утверждается, что смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго“. Приводимые примѣры однако всѣ объясняются, хотя и не непосредственнымъ заимствованіемъ, но все же уподобляющимъ вліяніемъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ; *жд* въ арханг. *урождаетъ*, псковск. тверск. пенз. *забиждать*, тверск. *поваждать*, сибирск. *прихождане, неурождаетъ*, рязанскомъ *обижда, обиждать* вовсе не фонетическаго происхожденія и является результатомъ морфологической ассимиляціи (аналогіи). Ничего общаго съ церковнославянскимъ не имѣетъ „особенно любопытный остатокъ ранняго церковнославянскаго смягченія *жд* вм. *жж* въ олон. *прѣждяль, прождяль* и т. д. Рыбниковъ. II. 253. 255“, такъ какъ написанія Рыбникова представляютъ собою только несовершенную попытку передать средствами обыкновеннаго русскаго алфавита усиленное палатальное произношеніе сочетанія согласныхъ *ж'* и *з'* (*ж'д'ж'*).

Въ § 37. В (стр. 71) находимъ невѣрное утвержденіе, что „на второй ступени смягченія, *т* переходитъ въ *ц*; напр. *запрещать*“, такъ какъ форма эта заимствована изъ церковнославянскаго. Перечисленными замѣчаніями исчерпывается матеріалъ, находимый нами

въ первой главѣ грамматики г. Буслаева, трактующей о „звукахъ и соответствующихъ имъ букввахъ“. Вторая глава, посвященная „образованію словъ“, даетъ также не мало матеріала, не всегда однако правильно освѣщеннаго. Такъ слишкомъ категорично признание церковнославянскими звуковъ *-ес-* въ основахъ косвенныхъ падежей отъ *тѣло*, *слово* (§ 44. 1. 2. стр. 89), потому что присутствие основъ на *ес-* въ русскомъ языкѣ несомнѣнно въ виду формъ въ родѣ *колѣса*, *колѣсный* и т. д., если и вѣрно, что основы *тѣло*, *слово*, *чудо*, *небо*, въ ихъ полномъ видѣ чужды русскому языку, такъ какъ очень рано совпали съ основами ср. рода на *о-*.

Въ § 55. 1. (стр. 104—105), трактующемъ о причастіяхъ, указывается на церковнославянское происхождение ихъ суффикса *-цій*, которому въ русскомъ народномъ языкѣ должно отвѣчать *-чий*. Но въ примѣчаніи 1-мъ къ этому § (стр. 105) утверждается (совершенно невѣрно), что, рядомъ съ прилагательными на *-чий*, „народный языкъ сохранилъ значительное число со звукомъ *щ* вм. *ч*, напр. *завидуцій*, *загребуцій*, *распадуцій*, *некладуцій*, *трепуцій*, *умируцій*, *бдѣюцій*, *бдоуцій*, *бодуцій*, *забыдацій*, *забудуцій* и т. д.“.

Во второмъ отдѣлѣ этого §, пунктъ 1 (стр. 106) находимъ замѣчаніе о формахъ причастія прошедшаго *надшій* и *навшій*, изъ которыхъ первая признается церковнославянскою.

Церковнославянское происхождение признаетъ Буслаевъ и за причастіями настоящаго времени страдательнаго залога (стр. 108. Примѣч. 5): „причастія наст. страд. залога собственно принадлежатъ церковнославянскому языку, и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣчіе даетъ имъ видъ прилагательныхъ“.

Въ § 60-мъ (стр. 126) находимъ различеніе окончаній *-ье* и *-іе*; первое Буслаевъ признаетъ природнымъ русскимъ, а второе церковнославянскимъ, усвоеннымъ въ книжной рѣчи.

Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому § (въ концѣ, стр. 127) рекомендуется отличать отъ народныхъ формъ въ родѣ *замужье*, *набѣдье*, *полусотье* и т. д. „неорганическія, позднѣйшія, составленныя въ духовныхъ стихахъ съ видимою цѣлью поддѣлаться подъ

книжный ладъ; напр. *словіе, желміе*, вм, слово, желчь. Кал. I. 72. V. 203“.

Въ § 62 п. 4 (стр. 130) признаются церковнославянскими прилагательныя *древесный, словесный, тѣлесный*: „образовавшись отъ церковнослав. формъ, эти прилагательныя отличаются въ нашемъ языкѣ отгѣнкомъ книжной рѣчи“. Далѣе Вуслаевъ указываетъ на невозможность произведенія такихъ прилагательныхъ отъ русскихъ формъ, напр. *деревесный*, и приводятся соотвѣтствующія, чисто-русскія, природныя прилагательныя: *деревянный, словный* (откуда *словно*), *небный, чудный*.

Въ § 63-мъ (пунктъ 5, стр. 133—134) указывается на ограниченіе числа „уменьшительныхъ“, „ласкательныхъ“, „увеличительныхъ“ и „унизительныхъ“ именъ въ книжной рѣчи въ силу ея приближенія „къ складу церковнославянскаго языка“.

„Приставка“ *пре-*, употребляемая, между прочимъ, для образованія превосходной степени: *пре-умный, пре-добрый* и т. д., о которой идетъ рѣчь въ § 69. Б. (стр. 143)—церковнославянскаго происхожденія, но Вуслаевъ объ этомъ не говоритъ ничего.

Въ § 69, III. (стр. 147) признаются „остаткомъ“ (что не точно) церковнославянскаго языка и свойственными рѣчи книжной и образованной такія формы превосходной степени, какъ *умный-ишій, дражайшій, кратчайшій, младшій*.

Въ § 72, II. (стр. 154) не выдѣлено изъ другихъ нарѣчій, „замѣчательныхъ потому, что или сохранили въ своемъ составѣ древнѣйшія формы, или же, отъ давняго употребленія, такъ исказились, что въ нынѣшней ихъ формѣ едва замѣтны слѣды настоящаго, первоначальнаго ихъ состава“—нарѣчіе *ократить*, хотя и замѣчено, что оно имѣетъ церковнославянское смягченіе *к* въ *ц*. Немного ниже (стр. 155) встрѣчаемъ также въ числѣ другихъ русскихъ нарѣчій *впрядь* безъ оговорки, что оно церковнославянскаго происхожденія. То же должно сказать относительно „внезапу“ (стр. 155) или *предъ, прежде* (§ 73 стр. 157), *едва, развѣ* (стр. 158), *единожды, дважды, трижды* (§ 74, 159).

Въ § 76 (стр. 161) отдѣляются формы предлоговъ *пре-, предъ, чрезъ*, какъ церковнославянскія, отъ русскихъ: *пере-, передъ, че-*

резъ. Во второмъ пунктѣ а) этого § (162 стр.) указывается на церковнославянское происхожденіе префикса *из-* въ значеніи *р. вы-*: „церковнославянскія формы, вошедшія въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ церковнославянскимъ оттѣнкомъ отъ чисто русскихъ формъ; напр. *избранный* и *выбранный*, *изложить* и *выложить*, *излить* и *вылить* и проч.“. Указано также на разницу въ значеніи природнаго *изъ*, напр. въ формахъ *износить*, *извести*. Въ пунктѣ б) находимъ также правильное представленіе взаимнаго отношенія между предлогами *розъ* и *разъ*, изъ которыхъ послѣдній признается церковнославянскимъ. Но рядомъ съ этимъ не объяснено правописаніе *раз-* въ формахъ: *разбирать*, *раздирать*, *разливать*, *разумѣть*, которыя Буслаевъ признаетъ „равно принадлежащими какъ русскому, такъ и церковнославянскому языку“ (что не совѣмъ вѣрно).

Въ пунктѣ 3-мъ этого § (стр. 163) указано на книжное происхожденіе предлога *со-* и на принадлежность народному языку параллельной формы *су-*, но невѣрно мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *сутулый*, *сукотый*, *супоросый* и т. д., книжная рѣчь удержала церковнославянскую форму *сж-*, *су-*. Церковнославянскимъ *су-* можетъ быть признано только въ немногихъ формахъ въ родѣ *супругъ*, *сумракъ*, въ другихъ же случаяхъ оно обыкновенно природно (какъ напр. народныя *сусудъ*, *сустыкъ*, *суполока* и т. д.).

Въ § 77. Примѣч. 5 (стр. 166) перечисляются союзы, употребляющіеся въ книжной рѣчи: *бо*, *да* (въ повелительномъ значеніи), *зана*, *ибо*, *поелику*, *понеже* и т. д.

Въ § 81, 6 (стр. 174) находимъ замѣчаніе, что „въ современномъ книжномъ языкѣ болѣе употребляются церковнославянскія сложныя реченія, переведенныя съ греческаго и реченія, составленныя по образцу ихъ въ позднѣйшія времена“. Выше въ примѣчаніи 7-мъ (стр. 173) приводятся примѣры такихъ сложеній новѣйшаго происхожденія, созданныхъ по образцу церковнославянскихъ Жуковскимъ въ переводѣ Одиссея.

Какъ видно, не все замѣчанія, отмѣченныя нами во второй главѣ Буслаева, посвящены словообразованію въ тѣсномъ смыслѣ;

нѣкоторыя (о предлогахъ *изъ* и *вы-*, *розъ* и *разъ*) затрагиваютъ область семасіологии, или фонетики (о предлогахъ *пре-*, *предъ*, *чрезъ* и т. д.).

Въ третьей главѣ книги г. Буслаева, заключающей въ себѣ ученіе объ измѣненіи словъ, находимъ гораздо менѣе матеріала, чѣмъ въ предшествующихъ двухъ. Формы церковнославянскія здѣсь далеко не всегда отличаются отъ русскихъ, и новаго, сравнительно со своими предшественниками, Буслаевъ даетъ немного.

Въ § 96 с) (стр. 227) указывается, что „въ витіевой рѣчи наши писатели позволяютъ себѣ употребленіе нѣкоторыхъ церк.-сл. окончаній. Напр. склоненіе съ суффиксомъ *-ес-*: *словеса* вм. *слова*: у Пушкина: „и полныя святыни словеса“ IX. 172; двойств. число *крыль* (вм. *крылья*) неоднократно у Жуковского“.

Въ § 97-мъ (стр. 229) говорится о двойномъ склоненіи слова *кольно*, но не указано, что склоненіе *колтна*, *колтнъ* книжнаго происхожденія.

Въ § 101-мъ (стр. 246) находимъ замѣчаніе объ употребленіи краткой формы именъ прилагательныхъ и причастій: „нашъ книжный языкъ пользуется краткими формами, какъ церковнослав. языка, такъ и древнерусскаго и областнаго. Старинные писатели весьма богаты этими формами (слѣдуютъ примѣры изъ Оды на взятіе Хотина Ломоносова: „*Молдавски* горы“, „*чужи* поля“, „*перо злато*“ и т. д.); ниже: „писатели позднѣйшіе употребляютъ эти формы, или въ рѣчи витіевой; напр. Пушкинъ въ Борисъ Годуновъ: „къ его одру, Царю едино зримый, явился мужъ необычайно *свѣтелъ*“ (I. 278) или же въ рѣчи разговорной, пользуясь нѣкоторыми народными выраженіями; напр. „до *бѣла* дня“.

Въ § 102, п. 3 (стр. 247) указывается на церковнославянское происхожденіе окончанія род. пад. ед. числа прилагательныхъ женск. рода *-ья*, *-ія*, которое „встрѣчается и у позднѣйшихъ писателей въ книжномъ, тяжеломъ слогѣ, и даже иногда рядомъ съ окончаніемъ собственно русскимъ; напр. у Жуковского „блещетъ куполь *соборныя*, *величественныя* церкви“; „онъ *слабыя*, земной руки созданье“ 2, 196, 213.

Въ § 103-мъ (стр. 248) встрѣчаемъ указаніе на „сокращеніе“

окончания прилагательныхъ *-ий* въ русскомъ разговорномъ языкѣ и сохраненіе его въ цѣлости въ языкѣ книжномъ: „сокращеніемъ звука *и* на *ь* отличается собственно русское склоненіе отъ церковнославянскаго: потому реченія, употребляющіяся въ разговорномъ языкѣ, имѣютъ *ь* вм. *и*. Напр. *рыбій рыба рыба, рыбаю, рыбей, рыбы* и проч. (вм. *рыбія, рыбіе, рыбіяю, и* проч.)“.

Приведенными замѣчаніями ограничивается все, что можно найти у Буслаева относительно морфологическихъ элементовъ церковнославянскаго происхожденія, перешедшихъ въ русскій книжный и разговорный языкъ. Въ ряду этихъ заимствованій Буслаевымъ пропущено очень много, даже сравнительно съ грамматикой Ломоносова.

Замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго языка на синтаксическій строй современнаго русскаго языка, какъ и слѣдовало ожидать по сущности самаго предмета, находимъ еще меньше.

Въ § 136 п. 2. (часть II, стр. 40) указывается на сохраненіе глагола вспомогательнаго подѣ вліяніемъ строя церковнославянскаго рѣчи: „въ книжной рѣчи, равно какъ и въ церковномъ языкѣ, удерживается *есть* и *суть*: напр. „Грамматика есть наука“, „Грамматика и Ариѳметика суть науки“ (§ 202 [стр. 161]: „въ книжной рѣчи хотя и допускаются всѣ формы настоящаго времени: *есмя, еси* и проч.; но въ разговорной употребляется только *есть* напр., *есть леже, есть городъ*, въ которомъ...“).

Въ § 146-мъ (стр. 51—52 второй части) находимъ очеркъ взаимныхъ отношеній между синонимами разнаго (русскаго природнаго и церковнославянскаго) происхожденія: „Отъ собственныхъ синонимовъ должно отличать такія слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ и томъ же значеніи, но различаются по своему происхожденію, а именно:

„1) Слова русскія и церковнославянскія, или русскія общепотребительныя, книжныя—и народныя, областныя,—напр. *лобъ* и *чело*, *глаза* и *очи*, *щеки* и *ланиты*, *шея* и *выя*, *недѣля* и *седьмица*, *отдохнуть* и *опочить* и мн. друг. (въ примѣчаніи 1-мъ приводятся примѣры изъ древнерусскихъ памятниковъ).

„2) Различныя формы одного и того же слова, или русскія,

напр. *берегъ, вѣтрь, золото, серебро, одежда* (sic! Должно бы быть *одежа*) и друг., или соотвѣтствующія имъ церковнославянскія: *брегъ: вѣтрь, злато, сребро, одежда* и друг.

„Такой разнообразный запасъ словъ въ нашемъ языкѣ служитъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи; какъ-то:

„а) Въ рѣчи книжной, витѣватой, употребляются слова и формы церковнославянскія, каковы: *брегъ, чело, глаголъ, усоншій* и проч., въ отличіе отъ рѣчи разговорной, которой свойственны слова чисто русскія, каковы: *берегъ, лобъ, слово, умершій* и проч.

„Примѣчаніе 2. Впрочемъ, въ народной рѣчи употребляются и слова общія съ церковнославянскимъ, напр. *очи, уста* и друг.“

Въ § 156-мъ (стр. 76—77) указывается на общій законъ семасіологическаго развитія языковъ — переходъ отъ конкретнаго значенія къ абстрактному, на появленіе абстрактнаго представленія въ церковнославянскомъ языкѣ, откуда оно перешло и въ современный литературный языкъ: „Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частью и въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

„Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностію первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи, оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ.

„Возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго, отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у Славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія.

„Отвлеченность церковнославянскаго языка зависитъ: 1) частью отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ; напр. *вѣра, надежда, терпѣніе, смиреніе, уповать* и пр.; 2) частью отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго

языка; напр. *іерей*, *діаконъ*, *митурія*, *ангелъ* (но вѣдь эти понятія конкретны?!) и др.; и наконецъ 3) большею частію отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста; *благочестіе* (*εὐσέβεια*), *благородіе* (*εὐγένεια*), *благодущіе* (*εὐφροσύνη*) и проч.

„Направленіе, данное нашему языку церковнославянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы; потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерусскихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

„Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственнаго развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія, и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ, и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ“.

Въ слѣдующемъ, 157-мъ § (стр. 77—78) между прочимъ: „господство отвлеченнаго мышленія надъ этимологическою формою и надъ живымъ представленіемъ, выражаемымъ въ словѣ, оказало свое дѣйствіе на словосочиненіе преимущественно въ томъ, что подвело подъ одинаковыя общія правила множество частныхъ случаевъ, которыя нѣкогда, по богатству стариннаго языка, представляли значительное разнообразіе. Такъ, напр., разнообразное значеніе и употребленіе залоговъ древнѣйшаго глагола подведены теперь подъ болѣе общія правила, по которымъ глаголь не такъ уже свободно можетъ переходить изъ одного залога въ другой, какъ это было въ старину (§ 176). Вмѣстѣ съ этимъ самое управленіе глаголовъ, нѣкогда весьма разнообразное, подведено теперь къ большому единству (§ 256). Равномѣрно и согласованіе словъ, нынѣ принимаемое въ рѣчи книжной, гораздо однообразнѣе и стѣснительнѣе для свободы языка, нежели согласованіе древняго и народнаго синтаксиса“. (Далѣе указывается еще на иностранное вліяніе: „русская

рѣчь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководствам нѣмецкой грамматики“)... „Впрочемъ единообразіе и отвлеченность, возникшія въ языкѣ позднѣйшемъ, и преимущественно въ книжномъ, постоянно встрѣчаются въ нашей рѣчи съ формами древнѣйшими, живыми и разнообразными, доселѣ господствующими въ устахъ народа“.

Въ § 199-мъ, примѣч. 3 (стр. 151) находимъ замѣчаніе объ употребленіи причастій и дѣепричастій многократнаго вида въ литературномъ языкѣ: „причастія и дѣепричастія многократнаго, въ образованной, книжной рѣчи, мало употребительны; но въ народной—*пѣваючи, подаючи* и нѣкоторыя другія дѣепричастія употребляются“.

Въ § 204-мъ (стр. 167) указывается, что „мѣстоименіе *оный* употребляется только въ книжномъ языкѣ“.

Въ § 213, прим. 3 (стр. 181): „*многий, многая, многое*, было весьма обыкновенно въ церковносл., откуда заимствовано и въ нашу книжную рѣчь. Напр. *многая правда, многое благо* и т. п. Въ разговорномъ же языкѣ оно употребляется въ единственномъ числѣ, только въ именит. и винит. пад. средняго рода, и притомъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. Что же касается до множ. числа *многіе, многихъ* и т. д., то хтя эти формы въ рѣчи употребительнѣе косвенныхъ падежей ед. числа, но принадлежатъ болѣе языку образованному, нежели просторѣчію. *Многий, многая* и пр., нынѣ могутъ быть употреблены только въ рѣчи витіеватой; напр. у Пушкина „присмотрѣна имъ *многая* неправда“ 5. 18“.

Въ § 243 г.) (стр. 245): „эпитетъ, выраженный только однимъ существительнымъ въ родительномъ падежѣ, безъ опредѣленія, принадлежитъ рѣчи книжной и слогу витіеватому. Напр. *мужъ совѣта, народы Сѣвера*“.

Въ § 244. 5 находимъ замѣчаніе о дательномъ самостоятельномъ, который считается Буслаевымъ принадлежащимъ только церковному. Попытки нѣкоторыхъ писателей (Буслаевъ приводитъ примѣры изъ Ломоносова и Жуковского) ввести этотъ оборотъ въ книжную рѣчь признаются тщетными.

Въ § 254-мъ (стр. 288—289) между прочимъ идетъ рѣчь о

двойкомъ управленіи „глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами *до-, из-, от-, с-* и съ нѣкоторыми другими“. Буслаевъ отмѣчаетъ при нихъ древнѣйшее и позднѣйшее управленія. „По древнѣйшему они требуютъ родительнаго безъ предлога, но позднѣйшему—съ предлогами *до, изъ, отъ, съ...* Это древнѣйшее словосочиненіе сохранилось какъ въ языкѣ разговорномъ, такъ и у писателей, отъ Кантемира и Ломоносова до нашихъ временъ; но при немъ постоянно встрѣчается уже и позднѣйшее; напр. *отрещись чего* и *отъ чего, достигнуть чего* и *до чего* и т. п.“.

Въ § 256. п. 3 (стр. 295 и слѣд.), гдѣ разсматриваются управленія различныхъ глаголовъ, встрѣчаемъ между прочимъ замѣчанія относительно слѣдующихъ глаголовъ: *внимать* съ дат. лица и винит. вещи, *клеветать*—кого, *насладиться*—чѣмъ въ разговорномъ языкѣ—и *чего* въ книжномъ, *презирать, пренебрегать, принадлежать, удовлетворить, удостоить*.

Въ § 258. II (стр. 304) находимъ замѣчаніе, имѣющее связь съ приведеннымъ выше изъ § 243 г.): „иногда, вмѣсто глагольнаго управленія, писатели употребляютъ именное: напр. *любовь славы* (вм. *къ славу*), *воспоминаніе прошлыхъ дней* (вм. *о прошлыхъ дняхъ*)... Это нововведеніе чуждо народной рѣчи“.

Далеко не всѣ приведенныя здѣсь замѣчанія Буслаева относятся къ области синтаксиса въ собственномъ смыслѣ. §§ 146, 156 и 157 имѣютъ своимъ предметомъ семасіологическія отношенія, возникшія подъ вліяніемъ церковнославянскаго языка, §§ 199, 204 и 213 указываютъ на лексическія или морфологическія заимствованія. Вліянію церковнославянскаго языка на синтаксисъ русскаго языка въ собственномъ смыслѣ посвящены только немногочисленныя и небольшія по объему замѣчанія въ §§ 136, 243, 244, 254, 256 и 258.

Какъ бы то ни было, грамматика Буслаева представляетъ наиболѣе полную разработку занимающаго насъ вопроса въ русской филологической литературѣ до начала 70-хъ годовъ. Да и послѣ вплоть до настоящаго времени мы не встрѣчаемъ, за однимъ исключеніемъ, ничего, что бы могло остановить на себѣ вниманіе. Направление, господствовавшее въ нашей отечественной филологіи въ

теченіє послѣднихъ 25 лѣтъ, носило главнымъ образомъ характеръ палеографическій. Наши филологи посвящали свои силы главнымъ образомъ изданію и описанію памятниковъ древней русской и славянской письменности; изслѣдованій собственно грамматическихъ за этотъ періодъ мы находимъ сравнительно немного, и они частью касались слишкомъ спеціальныхъ и мелкихъ вопросовъ, частью разрабатывали такіе отдѣлы науки, которые лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ занимающаго насъ вопроса.

Въ литературѣ русской научной грамматики съ начала 70-хъ годовъ мы встрѣчаемъ только одну, весьма сжатую, но отличающуюся точностью и полнотой, обработку изслѣдуемыхъ нами отношений, принадлежащую извѣстному слависту И. А. Бодуэну де Куртене. Уступая Буслаеву въ количествѣ матеріала (что является вполне естественнымъ въ виду цѣли труда, въ которомъ мы находимъ эту обработку), характеристика проф. Бодуэна де Куртене стоитъ гораздо выше въ отношеніи научныхъ строгости и точности. Мы позволимъ себѣ привести эту характеристику цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что при всей ея содержательности, она очень невелика по объему.

И. А. Бодуэнъ де Куртене. Подробная программа лекцій въ 1876—1877 учебномъ году. „Глава 8¹⁾“. Вліяніе старословянской (церковнословянской) письменности на фонетическую сторону русскаго языка. Старословянской элементъ в русской фонетикѣ:

Вліяніе на *произношеніе*.

γ (звонкое *x*) рядомъ с *ι* (звонкое *κ*). Вліяніе кіевское и вообще малорусское.

é (*æ'*) (=стсл. *є, ѣ*) вм. *ó*.

ij, ij (*uj*) вм. *éj* (*æ'j*) *ej* (*æ'j*) и т. д.

Вліяніе на *звуковой состав*. Замѣна русскихъ развѣтвленій звуковъ и сочетаній звуковъ старословянскими.

шч (*щ*): *ш, жд*: *д* (*шч, жд* вм. *ч, жс*); *жд*: *жж* (*жд* вм. *жжж* или *ждж*).

Слоги *ра, ла, ре* (*р'е, р'æ*), *ле* (*л'е, л'æ*) вм. русскаго полногласія (*оро, оло, ере, оло* или *еле*).

¹⁾ Казань. В университетской типографіи 1878. 8°. 92 стр. Стр. 62—63.

Различіе значенія тѣх же словъ в русской и старословянской формѣ.

Форма, внѣшній видъ извѣстнаго слова, усвоенный из старословянскаго, в противоположность настоящей русской формѣ. Между прочим, это доказывается удареніемъ формъ (не говоря в нѣкоторыхъ случаяхъ о значеніи): *врѣб-врѣба* вм. *врѣба* и т. п. (ср. *виноград* и т. п.).

Суффиксы и окончанія, усвоенные из старословянскаго, рядомъ с тѣми же суффиксами и окончаніями в чисто русскомъ видѣ (или с разнымъ значеніем, или же с тѣм же значеніем).

Суффиксѣ *-ъ-ѣ (-іе)* р. съ его русскою формою *-'јѣ (-ѣ)*.

Суффиксѣ причастій и прилагательныхъ отрицательныхъ: *-ущи-, -аши-* р. с *-уч-, -ач-*.

Старословянское вліяніе только на *письменность*, хотя отчасти тоже и на произношеніе (ср. главу 2-ю).

Nom. s. m. adj. pron. *-ый, -ій*.

Gen. s. m. n. adj. pron. *-аго, -яго, -ого, -его*.

Nom. pl. f. n. adj. *-ья, -ія*.

Gen. s. f. *ея* (произнос. *јѣјѣ*)⁴.

Какъ видно уже изъ самаго заглавія главы, главное вниманіе здѣсь обращено на сторону фонетическую, затронуты также элементы словообразовательные и морфологическіе, указаны слѣды вліянія церковнославянскаго правописанія на русское, а также послѣдствія принятія въ русскій языкъ старославянскихъ элементовъ въ отношеніи семасіологическомъ.

Оставлена совсѣмъ безъ вниманія только одна синтаксическая сторона нашего вопроса.

Послѣдней характеристикой мы заканчиваемъ обзоръ литературы вопроса.

Подводя итогъ всему вышерассмотрѣнному, приходится признать отсутствіе сколько нибудь дѣйствительной полной разработки нашего вопроса. Мы имѣли дѣло или съ отрывочными, отдѣльными замѣчаніями, разсѣянными по болѣе или менѣе научнымъ грамматикамъ русскаго языка, или съ конспектообразными набросками (какъ послѣдняя характеристика), а также съ полнымъ отсутствіемъ работъ, посвященныхъ нашему предмету исключительно;

все, что можно было найти въ нашей и иностранной филологической литературѣ, почти не уменьшаетъ работы изслѣдователю даннаго вопроса, не облегчая ему даже собираніе относящагося сюда матеріала.

Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія. Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ литературнымъ матеріаломъ.

Г Л А В А П.

Церковнославянскій языкъ.

§ 1. Языки старославянскій и церковнославянскій. Въ продолженіи всего послѣдующаго изслѣдованія понятія церковнославянскаго и старославянскаго строго отличены другъ отъ друга. Подъ первымъ здѣсь разумѣется языкъ русскихъ богослужебныхъ печатныхъ книгъ, представляющій позднѣйшее, подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, видоизмѣненіе такъ называемаго старославянскаго языка, Въ основѣ этого, главнымъ образомъ, книжнаго языка лежитъ языкъ старославянскихъ памятниковъ, такъ называемой „русской“ рецензіи, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ проникшейся сильно новыми, русскими элементами, принявшій многія фонетическія и морфологическія русскія особенности и утратившій многія старославянскія.

Что нужно подразумѣвать подъ старославянскимъ языкомъ, вопросъ для цѣли даннаго изслѣдованія достаточно второстепенный. Но во избѣжаніе недоразумѣній необходимо пояснить, что подъ этимъ терминомъ здѣсь разумѣется языкъ перваго славянскаго перевода Св. Писанія, ближайшимъ родичемъ или потомкомъ котораго, какъ свидѣлствуютъ неоспоримыя языковыя данныя, можетъ быть признанъ только современный болгарскій языкъ, каковы бы ни были измѣненія, постигшія его въ теченіе вѣковой его исторіи.

Едва ли разрѣшимый вопросъ о томъ, какой собственно народъ говорилъ этимъ языкомъ, въ сущности не имѣетъ большаго значенія для лингвиста, въ виду общеизвѣстнаго факта, что понятія языка

и народа (т. е. понятія лингвистическое и этнографическое) не совпадаютъ одно съ другимъ. Достаточно напомнить только, что напр. значительныя части русскаго населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ финскому или другимъ племенамъ, хотя языкъ ихъ уже довольно давно русскій, т. е. индоевропейскій. Не имѣетъ также особаго значенія для лингвиста и вопросъ о томъ, гдѣ жилъ народъ, говорившій „старославянскимъ“ языкомъ—въ Панноніи, Болгаріи, Македоніи или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Его дѣло только констатировать совпаденіе извѣстныхъ „старославянскихъ“ языковыхъ особенностей (прежде всего фонетическихъ) съ таковыми же новоболгарскими и отсутствіе такого совпаденія въ языкахъ „старославянскомъ“ и „новословинскомъ“ (Altslovenisch и Neuslovenisch Миклошича). Отыскивать родину даннаго языка—дѣло историка, но отнюдь не лингвиста, который со своей стороны даетъ первому извѣстныя неоспоримыя лингвистическія данныя. Мы полагаемъ, что эти замѣчанія достаточно опредѣляютъ наше отношеніе къ вопросу о родинѣ или происхожденіи „старославянскаго“ языка, и переходимъ къ ближайшему предмету нашего изслѣдованія.

§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.

1. *Вокализмъ. Живое произношеніе.* Какъ языкъ до извѣстной степени живой, т. е. произносимый, церковнославянскій языкъ встрѣчается главнымъ образомъ и прежде всего въ православной церкви во время богослуженія; внѣ церкви несравненно рѣже, но во всякомъ случаѣ всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ церковью, богослуженіемъ или религіей вообще.

Сообразно съ мѣстомъ употребленія, мы можемъ установить три вида современнаго церковнославянскаго произношенія: два „церковныхъ“ или „богослужебныхъ“—1) чтеніе священника или дьякона (евангеліе, ектеніи и т. д.) 2) чтеніе дьячка (апостоль, часы и т. д.) и одинъ, если можно такъ выразиться, „мірской“, внѣцерковный (произношеніе текстовъ св. Писанія и различныхъ церковнославянскихъ отрывковъ внѣ церкви).

Первые два вида въ высшей степени искусственны и съ обыч-

нымъ способомъ русскаго произношенія не имѣютъ ничего общаго. Послѣдній, „мирской“, обыкновенно не отличается ничѣмъ особымъ отъ обычнаго живаго русскаго произношенія, и потому въ разсмотрѣніе его мы не будемъ входить.

Первые два вида представляютъ между собой рѣзкія противоположности. Одинъ видъ (чтеніе священника и дьякона)—протяжнаго и торжественнаго характера, является потенцированной рѣчью, переходною ступенью отъ обычнаго говора къ пѣнью и болѣе близокъ ко второму, чѣмъ къ первому, такъ что можетъ быть нотированъ совершенно опредѣленными музыкальными нотами (обычная рѣчь не всегда поддается точной музыкальной нотации въ силу извѣстной неопредѣленности, фальшивости представляемыхъ ей музыкальныхъ интерваловъ); второй — есть преувеличенная скороговорка, при которой неударенные гласные и даже цѣлые слоги почти совершенно проглатываются, такъ что произносимыя слова принимаютъ почти неузнаваемый видъ.

Такъ извѣстное предложеніе „Господи, помилуй!“, повторенное нѣсколько разъ сряду, принимаетъ въ этомъ произношеніи видъ, который можетъ быть выраженъ фонетической транскрипціей приблизительно такимъ образомъ:

$$\begin{array}{l} \gamma\acute{o}sp\ddot{r}d'\ddot{r}pm'lo'spm'lo'spm'lo's.... r\ddot{p}m'iloj \text{ или даже} \\ \gamma\acute{o}spml\acute{o}spml\acute{o}s.... pm'iloj \end{array}$$

Этотъ второй видъ церковнаго или богослужебнаго чтенія или произношенія церковнославянскаго языка (чтеніе дьячка) мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ онъ представляетъ собой, такъ сказать, утрировку обычныхъ отношеній великорусскаго вокализма, въ которой слова такъ быстро скользятъ мимо ушей слушателя, что допустить возможность перехода церковнославянскихъ элементовъ, какъ фонетическихъ, такъ и лексическихъ, въ живой русскій языкъ именно этимъ путемъ, едва ли позволительно.

Поэтому мы представимъ общую картину церковнославянскаго произношенія, основываясь только на первомъ видѣ богослужебнаго чтенія (дьякона или священника). Какъ было уже замѣчено

выше, этотъ способъ произношенія есть родъ потенцированной декламации, псалмодіи, которая можетъ быть нотирована музыкально и имѣеть извѣстное число неизмѣнныхъ музыкальныхъ формулъ или напѣвовъ.

Принятые въ нашемъ богослуженіи традиціонные способы чтенія передаются изустно отъ одного поколѣнія къ другому, и есть основаніе полагать, что они ведутъ свое начало, если и не отъ первыхъ временъ христіанства на Руси, то во всякомъ случаѣ изъ сѣдой старины. Какой нибудь нотаціи этихъ способовъ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, и изученіе ихъ происходитъ исключительно путемъ практическаго перениманія. Подробное изслѣдованіе особенностей нашего богослужебнаго чтенія на распѣвъ въ музыкальномъ отношеніи завело бы насъ слишкомъ далеко и лежитъ за предѣлами цѣли настоящаго изслѣдованія. Для этой цѣли, однако, указаніе на этотъ особый способъ чтенія является необходимымъ, такъ какъ отъ него зависятъ характерныя особенности церковнославянскаго вокализма, отличнаго въ своемъ принципѣ отъ русскаго, какимъ этотъ послѣдній является въ обыкновенномъ, непринужденномъ говорѣ. Всего вѣроятнѣе, что церковнославянскіе (особенно фонетическіе) элементы переходили (при устномъ, не книжномъ, заимствованіи) въ русскій языкъ именно при помощи этого протяжнаго чтенія на распѣвъ, которое особенно запечатлѣвало въ памяти слушателей извѣстныя формы или фонетическія особенности языка. Съ этимъ способомъ чтенія связаны извѣстныя характерныя черты церковнославянской звуковой системы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Какъ необходимое слѣдствіе музыкальной декламации, чтенія на распѣвъ, мы должны отмѣтить вполне опредѣленное, ясное произношеніе всѣхъ гласныхъ, при которыхъ отсутствуетъ рѣзкая разница между гласными ударенными и неударенными, свойственная обыкновенно русскому произношенію ¹⁾. Другимъ факторомъ,

¹⁾ Представленіе этихъ отношеній можно найти въ работахъ: В. Богородицкаго. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань 1884. 8°. стр. 144 и Бодуэна де Куртене. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Воронежъ 1882. 8°. стр. 88+VI.

Благодаря особому принципу слогаобразованія, обусловленному музыкальнымъ характеромъ чтенія, церковнославянскій вокализмъ не представляетъ такихъ чередованій гласныхъ въ зависимости отъ ихъ мѣста въ словѣ относительно удареннаго слога, какія мы имѣемъ въ обычной русской рѣчи.

Гласные ударенные отъ неударенныхъ отличаются только бѣльшей энергіей произношенія (а также часто и долготой), но и въ этомъ отношеніи разница между ними не такъ сильна, какъ между русскими гласными.

Качественно церковнославянскіе гласные не отличаются существенно отъ общерусскихъ гласныхъ, такъ что церковнославянскіе *а* (а, ѡ, ѡа), *е* (ѣ, е), *о*, *и* (ѣ, ѡу, ѡ), *у* (ы), *ѣ* (и, і) ничѣмъ не разнятся въ отношеніи фізіологической артикуляціи отъ соответствующихъ русскихъ, что вполне естественно, такъ какъ церковнославянскій и въ церкви произносимъ русскими же, которые могутъ подставлять только свои звуки, привычные имъ съ дѣтства.

Въ свою очередь церковное чтеніе на распѣвъ съ яснымъ отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ производитъ вліяніе на обычное произношеніе лицъ, читающихъ такимъ образомъ, такъ что у весьма многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовнаго званія, можно встрѣтить произношеніе гласныхъ, отличное отъ общепринятаго (московскаго) и называемое въ просторѣчьи говоромъ на „о“. Въ числѣ прочихъ отличительныхъ признаковъ типа „семинариста“, извѣстнаго изъ жизни и литературы, непременно присутствуетъ и это произношеніе.

Въ извѣстныхъ случаяхъ подобное „оканье“ можетъ объясняться также принадлежностью говорящаго къ такъ называемымъ „окающимъ“ говорамъ, но съ другой стороны нельзя отрицать и существованія извѣстной, такъ сказать, „семинарской“ манеры произношенія, по которой въ обществѣ узнаютъ „семинариста“. Манера эта въ сущности и заключается въ болѣе равномерномъ слогаобразованіи и связанномъ съ нимъ ясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ.

Едва ли можно сводить ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ, характеризующее церковнославянскій вокализмъ, къ особен-

ностямъ произношенія малорусскаго, подобно тому, какъ это дѣлается относительно спирантнаго γ (г), вмѣсто общерусскаго g. Во всякомъ случаѣ, если и допустить малорусское происхождение яснаго произношенія гласныхъ, необходимо будетъ признать, что музыкальный характеръ церковнаго чтенія главнымъ образомъ способствовалъ сохраненію этой особенности, и она, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно при отсутствіи такого сохраняющаго фактора.

Можно указать только одинъ случай, свидѣтельствующій о неясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ: ѡскоменѣтса (Гер. XXXI. 30. Остр. библ. ѡ̀скоминѣтса, Первопеч. ѡ̀ско̀минѣтса) рядомъ съ ѡ̀ско̀минишасѣ (ibidem 29. Остр. ѡ̀ско̀минишасѣ, Первоп. ѡ̀ско̀минишасѣ), хотя, вѣроятно, и онъ объясняется опечаткой.

Обращаясь къ историческимъ отношеніямъ церковнославянскаго вокализма, мы находимъ, что онѣ сильно видоизмѣнены русскимъ вліяніемъ.

Носовые гласные исчезли, какъ и въ русскомъ: ж измѣнилось въ и; ѡ—въ а (которому предшествуютъ согласные палатальные или происшедшіе путемъ палатализаціи). Такимъ образомъ гласный ж, какъ и въ русскомъ, совпалъ съ гласнымъ оу, и для обозначенія обоихъ этихъ, первично различныхъ, гласныхъ церковнославянская графика имѣетъ только знаки Ѹ или оу (слогъ ж=j+a измѣнился въ ю, обозначаемое посредствомъ ю).

Изъ нихъ Ѹ употребляется въ современной церковнославянской графикѣ въ срединѣ и концѣ слова, а оу въ началѣ: пѸть (М. III. 3), рѣзѸ (М. III. 4), но оучѣ (Лук. V. 17) — приемъ чисто внѣшній. Въ Острожской библіи оу употреблялось и въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ: юудѣнска (1 Макк. XIV. л. 14; Нов. Юудѣйска), саоуль (1 Царств. XXXI. л. 139 об. Нов. Сауль) и т. д. Первопечатная Московская библія въ этомъ отношеніи согласуется съ Новой.

Примѣры. Въ корнѣ: пѸть (М. III. 3), вѸди (М. II. 13), свѸдетса (М. II. 15. XXI. 4), зѸвъ (М. V. 38), лѸкавагѸ (М. VI. 13), мѸжъ (М. I. 91), смѸтисѣ (М. II. 3) и т. д.

Въ окончаніи: Асс. s. f. пшеницѸ (М. III. 12), въ хрѸминѸ

(М. II. 11), смърнѣ (М. II. 11), ризѣ (М. III. 4), въ зѣмлю (М. II. 20) и т. д.

Junstr. s. f. водою (М. III. 11), радостію (М. II. 10), вѣлією (М. II. 10), Ижією (ibid.) ноцію (М. II. 14) и т. д.

Въ окончаніи 3 л. множ. ч.: сѣть (М. II. 18), ѣмѣтъ (М. XXVI. 4), вѣзмѣтъ (М. IV. 6), вѣдѣтъ (М. IV. 3), ѣжденѣтъ (М. V. 11) и т. д.

Въ окончаніи 1 л. ед. ч.: послѣ (М. XXIII. 34), глѣ (М. III. 9), крещѣю (М. III. 11) и т. д.

Въ окончаніи 3 л. imperfecti.: слѣжѣхѣ (М. IV. 11), крѣщѣхѣса (М. III. 6) и т. д.

Въ суффиксѣ -нж-: воздвѣгнѣти (М. III. 9), и т. д.

Такъ же точно исчезъ гласный ѡ, перешедшій, какъ въ русскомъ, въ гласный а, передъ которымъ обыкновенно (за исключеніемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаевъ) имѣется палатальный согласный.

Но если церковнославянская графика утратила знакъ ѡ, то знакъ ѡ она сохранила, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуютъ ж, ш, ч, ц: всѡко (М. III. 10), свѡѣ (М. III. 6), ѣскреннѡго (М. V. 43), наречѣтѡ (М. II. 23), сѣдѡщѣи (М. IV. 16), проповѣдѡ (М. IV. 23), ѣсцѣлѡѡ (ibidem); но: жѡтва (М. XXIV. 32), чѡда (М. X. 21), зачѡло (М. I. 1), зачѡтъ (Л. I. 24), ѡдѣѡша (М. XXVII. 28), ѣзомѡша (М. II. 20), ѣдѡша (М. II. 9), рѣкѡша (М. II. 5), вѣдѣша (Мр. II. 9), ѡтрѡчѡ (М. II. 9), ѡтрѡчѡти (М. II. 8), ѡучѡ (Лук. V. 17) и т. д.

Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ встрѣчается еще часто ѡ на концѣ словъ послѣ ш, хотя и рядомъ съ а: прѣидѡшѡ но рѣкѡша, ѣдѡшѡ, но ѡтрѡчѡ (М. II) и т. д.

Изрѣдка и въ Новой встрѣчаются написанія въ родѣ ѡѣжа (Ис. XXXIII. 23).

Что знакъ ѡ не обозначалъ никакого другаго звука, кромѣ а (въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣлаго слога ja, напр. проповѣдѡ М. IV. 23), свидѣтельствуютъ, напримѣръ, такія написанія, какъ: g. s. кораблѡ (М. V. 2. старослав. корабля), цѣѡ (М. II. 1. стел. царя), гдѣ ѡ обозначаетъ несомнѣнное а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ.

Орфографическое употребленіе ѣ и га, выработавшееся въ церковнославянской графическѣ, не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительныхъ фонетическихъ особенностяхъ языка и является такимъ образомъ пріемомъ вполне искусственнымъ, служащимъ для различенія гомонимовъ на письмѣ, почему мы и оставимъ его безъ вниманія.

Такъ же, какъ и въ русскомъ, исчезли на концѣ словъ и слоговъ гласные ѣ и ѣ.

Первый исчезъ безслѣдно: зѣвъ М. V. 38. (зир), заповѣдѣхъ Л. I. 6 (заров'ед'ах), вшѣдшѣ Л. I. 9 (стел. въшьдшоу), вшѣдъ Л. I. 28 (стел. въшьдъ), дщицѣ Л. I. 63 (стел. дъшитицъ), дщереѣ Л. I. 5. стел. дъштерѣ) видѣвши Л. I. 29 (стел. видѣкъши), свѣдѣтъ М. I. 22 (стел. свѣждѣтъ), пославъ М. II. 8, послѣдъ М. XXIII. 34 (стел. посьлѣж), ѣзнемѣтъ Л. I. 37, ктѣ М. III. 7 (стел. кѣто), и т. д. На концѣ словъ онъ является только знакомъ непалатальности предшествующаго согласнаго.

Встрѣчаются даже написанія: ктѣмѣ М. V. 13, ѣхже М. VI. 8. Результатомъ исчезновенія ѣ являются формы и написанія, совершенно невозможныя въ стслав., какъ ѣзхѣша (Ис. LI. 12 Остр. и Первop. посѣхѣша), ѣздетъ (Гезек. XXI. 7 Остр. ѣзѣше, Первop. какъ въ Новой).

Второй исчезъ, въ извѣстныхъ случаяхъ сообщивъ палатальность предшествующему согласному: въ этихъ случаяхъ ѣ имѣется и есть только знакъ помянутой палатальности: пѣтъ М. III. 3, ѣсмѣ М. XXVII. 43, дѣбрь Л. III. 5, ѣсть М. XXVI. 66, кадѣльнагѣ Л. I. 11, М. XXVIII. 12, гѣрькѣ М. XXVI. 75, Написанія: прѣсѣлникѣ Быт. XXIII. 4, сѣлѣи ѣв. 19, вѣлѣлникѣ М. IX. 3, довѣлни Л. III. 14, довѣлны М. XXVIII. 12, весьма часты и объясняются, вѣроятно, такъ же, какъ и современные неграмотныя написанія этого рода: палатальность л' казалась такой ничтожной звуковой разницей, что обозначеніе ея представлялось излишнимъ.

Тамъ, гдѣ извѣстный палатальный согласный находился передъ гомоорганнымъ согласнымъ, палатальность его исчезла (какъ и въ русскомъ), и знакъ ѣ въ такихъ случаяхъ опускается: тѣснѣ М. VII. 14, ѣзвѣстнѣ М. II. 8, прѣведнѣхъ Л. I. 17, днѣ

Л. I. 23, сокращённымъ, пѣніемъ Л. IV. 18, невѣрными М. XXIV. 51 и т. д. (стел. тѣсьнѣ, нзъвѣстьно, дѣннѣ и т. д.).

Послѣ ч передъ слѣдующимъ согласнымъ ѣ также опускается¹⁾: зачѣши Л. I. 31.

Всѣ эти написанія встрѣчаемъ уже въ Острожской библии.

Послѣ губныхъ внутри слова передъ согласными и въ концѣ слова ѣ также не пишется, или замѣняется знакомъ ѣ, что совпадаетъ съ исчезновеніемъ палатализации въ этихъ случаяхъ и въ русскомъ языкѣ (русскіе губные вообще мало склонны къ палатализации).

пшеницѣ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же), всѣ М. I. 22 (Остр. всѣ, Первоп. какъ въ Новой), собравъ М. II. 4 (Остр. събравъ, Первоп. какъ въ Новой), мзда М. V. 12 (Остр. мзда, Первоп. какъ въ Новой), слѣпца М. XV. 14 (Остр. слѣпца, Первоп. какъ въ Нов.), гѣмнѣ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. (стел. пышеница, всѣ, събравъ, мзда и т. д.).

Гласный ѣ измѣняется въ о, какъ въ русскомъ, въ закрытомъ слогѣ:

а) внутри слова между согласными: на сѣмницѣхъ М. IV. 23, крѣвь М. XXVI. 28, дѣждь М. VII. 25, сѣлъ М. V. 11 и т. д. (стел. сѣмниште, дѣждь, сѣлъ); такъ уже и въ Острожской библии.

б) въ префиксахъ въз- и сѣ, сложныхъ съ различными словами: возвѣстѣте М. II. 8, на востѣцѣхъ М. II. 2, воззвѣхъ М. II. 15, воздвѣгнѣти М. III. 9, възмѣтъ М. IV. 6 и т. д. (стел. възвѣстѣте; на вѣстоцѣхъ и т. д.); въ Острожской библии възвѣстѣте, вѣстоцѣхъ, възвѣ, възвѣгнѣти, но възмѣтъ. Первопечатная согласуется съ Новой.

в) въ предлогахъ въ, къ передъ словами, начинающимися съ нѣсколькихъ согласныхъ:

во странѣ (М. II. 12), во днѣ (М. II. 1), во чрѣвѣ (М. I. 23) во вѣхъхъ (М. II. 16), во тѣхъ (Матѣ. VIII. 12). Но рядомъ въ

¹⁾ Согласный ѣ (ч) въ русскомъ всегда палаталенъ, и потому обозначеніе его палатальности посредствомъ ѣ представлялось излишнимъ. Непалатального параллельного согласного не имѣется, и различіе, имѣющее мѣсто въ другихъ случаяхъ, здѣсь не имѣло практическаго значенія.

хра́минъ (М. II. 11), въ слѣдъ (М. VIII. 1). Остр. въ странѣ, въ днѣ, въ чревъ, въ всѣхъ, въ тмѣ, Первоп. какъ въ Новой. Встрѣчаются и вторичные случаи о=ъ передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова: ѡзо оустъ (М. IV. 4. Остр. ѡзь оустъ, Первоп. ѡзоустъ) и т. д.

Написанія съ о на мѣстѣ старославянскаго ѣ принадлежатъ сравнительно новѣйшему времени. Въ богослужебныхъ и вообще церковнославянскихъ книгахъ XVI-го вѣка еще находимъ написанія съ з въ такихъ случаяхъ, которые имѣютъ въ современномъ русскомъ и церковнославянскомъ уже о или отсутствіе всякаго гласнаго. Такъ въ заглавіи грамматики Лаврентія Зизанія (1596) находимъ написаніе сзоставленна. Въ Острожской библии 1581 г. часты написанія съ з: сзвѣды, сзвершеніе, вззвѣстити, сзгласно (стр. 1-я Предисловія Константина, воеводы Острожскаго), сзврзшеніе, сзвыше взздавайте (стр. 2), но свѣрою; сзтвори, сзверѣтсѧ, сзбрасѧ (Бытія I), но сзстѧвы (ibid.) и т. д.

Но въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ уже книги съ правописаніемъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнящимся отъ правописанія современныхъ богослужебныхъ книгъ. Таковы напр. Грамматика Мелетія Смотрицкаго (Московское изданіе 1648 г.) или московская перепечатка Острожской библии (1663 г.), гдѣ имѣемъ уже свѣдый, совершеніе, воззвѣстити, согласно, взздавайте, сотвори, совѣрѣтсѧ, совбрасѧ и т. д.

Своего фонетическаго значенія, конечно, з въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно и писалось, уже не имѣло.

Поэтому нельзя придавать точнаго значенія свидѣтельству Смотрицкаго, у котораго читаемъ: „з, егда в' средѣ полагается, тогда слоъ краткій составляетъ; яко, съ человекѣи. егда же на концѣ, тогда не составляетъ слога, но гласъ дебело вѣщати творить; яко, человекъ, законъ“ (М. Смотрицкій. Грамматика. Московское изданіе 1648-го года, л. 54). Тѣ случаи, въ которыхъ ѣ писалось, представляютъ собой просто удержаніе традиціонныхъ написаній, встрѣчаемыхъ въ болѣе древнихъ памятникахъ.

Тѣ же отношенія, что и въ русскомъ, представляетъ исто-

рія гласнаго ь, измѣняющагося въ закрытомъ слогѣ въ є: внутри словъ между согласными:

а) въ корнѣхъ: вѣсь М. II. 3, шѣдз, шѣдше М. II. 8, дѣврѣ Л. III. 5, стезѣ Л. III. 4, дѣнми М. XXVII. 40 и т. д.; Остр. пѣше, шѣ, дѣврѣ, стезѣ, днѣми; Первоп. шѣдз, шѣдше, дѣврѣ, стезѣ, дѣнми.

б) въ суффиксахъ: вѣнѣцъ М. XXVII. 29, младѣнѣцъ Л. I. 41, пѣтѣмъ М. II. 12, двѣремъ Мр. I. 33, сѣгнѣмъ М. III. 11, празднѣнъ М. XII. 44, протѣвѣнъ М. XIV. 24 и т. д. Такъ уже въ Острожской библии.

Въ концѣ словъ ь является, какъ и въ русскомъ, только показателемъ палатальности предшествующаго согласнаго: „ь же, выну на концѣ полагается, и тонкимъ гласомъ вѣщается. яко, конь, кость (Мелетій Смотрицкій. Грамматика. Л. 54)“.

Вокализация плавныхъ сочетаній ръ, лъ, рь, ль представляетъ тѣ же особенности, какія находимъ въ русскомъ языкѣ.

Сочетаніе ръ=ор: гѣрлицѣ Л. II. 24 (Остр. такъ же), на тѣржицѣхъ М. XI. 16 (Остр. такъ же). XXIII. 7 (Остр. трѣжѣцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Сочетаніе лъ=ол: вѣлны Мр. IV. 37, должнѣкѣмъ М. VI. 12, дѣлги *ibidem*, исполнѣти М. V. 17, вѣлцы М. VII. 15, волкѣмъ М. X. 16, молчѣхъ Мр. III. 4, надѣлзѣ Мр. XII. 40, молвѣ М. XXVI. 5 и т. д. Остр. влны, (Первоп. вѣлны) дѣлгы, дѣлжнѣкомъ, исполнѣти, влцы (Первоп. какъ въ Новой), влкѣмъ (Первоп. волкѣмъ) млчѣхъ (Первоп. какъ въ Новой), мѣлвѣ (Первоп. какъ въ Новой).

Сочетаніе рь=ер: шѣврѣше М. II. 11, сѣрѣ Мр. IV. 29, пѣрвенѣ М. I. 25, совершенѣ М. V. 48, сопѣрнѣкомъ М. V. 25, чѣрна М. V. 36, оумѣртѣмъ М. II. 15, чѣртѣ М. V. 18 и т. д.

Остр. шѣврѣше, срѣпѣ, пѣрвенѣ, сѣврѣшенѣ, сопѣрнѣкомъ, чѣрна, оумѣртѣ, чрѣта; Первоп. такъ же, какъ въ Новой: ер на мѣстѣ старосл. рь.

Но если старославянскія сочетанія плавныхъ съ з, ь были замѣнены въ церковнославянскомъ русскими соотвѣтствіями, то сочетанія рл, лл, ръ, ль остались нетронутыми. Хотя полногласныя

русскія формы встрѣчаются довольно часто на мѣстѣ старославянскихъ неполногласныхъ уже въ наиболѣе древнихъ старославянскихъ памятникахъ русской рецензій, но съ теченіемъ времени онѣ исчезаютъ почти совершенно, что представляетъ своеобразное явленіе въ виду правильной подстановки русскихъ соотвѣтствій на мѣсто сочетаній рѣ, рь, ѡ, ѡ.

Приводить церковнославянскіе примѣры сочетаній ра, ла является излишнимъ въ виду ихъ обыкновенности.

Формы полногласныя, заимствованныя изъ русскаго, встрѣчаются, но крайне рѣдко. Такъ на весь Новый Заветъ мы имѣемъ только два случая:

кѡнь вѡронѣ Апокал. VI. 5 (Остр. и Первоп. такъ же)
 молотѣща Тимѡе. V. 18 (Остр. и Первоп. вѡрхѣща)
 молотѣѣ (3 Ездры IV. 32 Остр. и Первоп. другой текстъ: пожатіе), но млаченіе (ibid. 30), 3. s. Аог. ѡзмлати (Руѡѣ II. 17), почерѣднѡ (1 Паралип. IX. 33 Остр. и Первоп. другой текстъ).

Что касается сочетаній рѣ, ѡ, то необходимо отмѣтить извѣстную особенность ихъ передачи въ церковнославянской графикѣ, находящуюся въ зависимости отъ особенностей русской фонетики.

Какъ извѣстно, русскія соотвѣтствія основославянскихъ *e* и *e* совпали въ современномъ языкѣ совершенно. Такъ какъ это совпаденіе произошло уже довольно рано ¹⁾, то и въ церковнославянскомъ произношеніи разница между *ѣ* и *е* уже не могла быть соблюдаема, хотя иногда въ Остр. библіи и встрѣчаемъ написанія какъ пѣсѡ (Ис. XLVIII. 19 Нов. и Первоп. пѣсѡкъ), пѣсѣѣ (М. VII. 26. Нов. и Первоп. пѣсѣѣ). Слѣдствіемъ этого безразличнаго произношенія являются написанія: мрѣжи М. IV. 18, прѣданѣ М. IV. 12, стрѣжѣхѣ М. XXVII. 36, прѣткнѣши М. IV. 6, врѣгѣ М. VIII. 32, врѣмѣ М. XI. 30, прѣшѣлѣ М. VIII. 34, прѣжде М. I. 18, прѣселѣнѣ М. I. 17, ѡвлѣчѣсѣ М. VI. 29,

¹⁾ Приблизительно въ концѣ XII-го вѣка, къ началу XIII в. (Ср. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб. 1891 г. Изд. 2-е, стр. 68—69.

дрѣво М. III. 10, чреслѣхъ М. III. 4 и т. д. Подобныя написанія находимъ уже въ Острожской библии 1581 г.: дрѣво (Бытія II), препомсаніа (ibid.), посреѣѣ (ibid.), вредѣ (Исходъ гл. VI), потревишиса (Исходъ гл. IX) и т. д. рядомъ съ оумрѣти (Перем. XXXVIII. 26. Нов. оумрѣти, Первоп. оумрети) и пожрѣти (I. Цств. I. 3. 21. Нов. жрѣти, пожрѣти, Первоп. пожрѣти).

Но: грѣхѣвъ М. XXVI. 28, срѣтеніе М. XXV. 1, крѣпокъ М. XIV. 30, ѡврътаетъ М. VII. 8 и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, е послѣдовательно пишется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порядокъ Liquida+Vocalis вториченъ, и въ русскомъ имѣется „полногласіе“, отвѣчающее праязыковому Vocalis+Liquida. Въ случаяхъ же, гдѣ сочетанія рѣ, лѣ сохранили праязыковой порядокъ звуковъ—Liquida+Vocalis, мы встрѣчаемъ въ церковнославянскомъ послѣдовательно ѣ.

Эта особенность церковнославянской графики перешла и въ русское правописаніе.

Исключеній изъ этой послѣдовательности немного, и мы коснемся ихъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи церковнославянскихъ элементовъ въ русской графикѣ.

Послѣдовательное проведеніе написаній съ е во всѣхъ случаяхъ съ первичнымъ порядкомъ Vocalis+Liquida объясняется, конечно, только тѣмъ, что писавшіе имѣли надежное руководство въ русскихъ полногласныхъ формахъ.

Какого нибудь фонетическаго значенія такія написанія, разумѣется, не имѣли. Какъ аналогичный фактъ можно привести, напримѣръ, извѣстное явленіе, что поляку легче научиться употреблять въ русскомъ письмѣ букву ъ, чѣмъ русскому, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ имѣетъ возможность сообразоваться съ формами своего языка, въ которомъ первичныя \bar{e} и e имѣютъ различныя соотвѣтствія -а (-іа) и е.

Какъ другую характерную черту церковнославянскаго вокализма мы должны еще отмѣтить сохраненіе \acute{e} передъ слѣдующимъ непалатальнымъ (твердымъ) согласнымъ, тогда какъ въ русскомъ это \acute{e} измѣнилось въ \grave{o} . Напримѣръ:

цслав. тѣплъ || русск. тёплый (t'æpl̩ || t'õpl̩j)

цслав. слѣзы || русск. слѣзы и т. д. (slæ'zy || sl'õzy).

Эта особенность съ известной вѣроятностью можетъ быть отнесена на счетъ малорусскаго произношенія, хотя одинаково возможно, что она вытекаетъ изъ вполне въ данномъ случаѣ естественнаго стремленія сохранить въ точности „букву“. Единственный примѣръ $\acute{o} = \acute{e}$: цѣгла (Ис. XXXIII. 23. Остр. и Первоп. другой текстъ).

Различеніе въ новой печатной церковнославянской орфографіи между \acute{e} и \acute{o} , встрѣчающееся уже въ Первопечатной библии (въ Острожской одно \acute{e}), такой же внѣшній приемъ, какъ и рассмотрѣнное выше употребленіе ŷ , oу , ѡ и ѡа , и фонетическаго значенія не имѣетъ.

Характерная особенность старо-славянскаго вокализма — сохраненіе i (= ь) передъ слѣдующимъ j — въ церковнославянскомъ удерживается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и часто вытѣснена влияніемъ русскаго языка. Такъ мы имѣемъ формы:

дній... и нѣцій... М. IV. 1, мній М. V. 19, двѣрій М. XXVIII. 2, сѣлій Мр. IV. 32, дній Л. II. 21, согрѣшеній М. VI. 15, свиній М. VIII. 30, пов. пій Быт. XXIV. 18.

Но рядомъ: г. рl. дѣтѣй М. XV. 38, мѣжѣй М. XV. 38, XIV. 21, господѣй М. XV. 27, заповѣдѣй М. V. 19, пѣтѣй М. XXII. 9, дщѣрей Л. I. 5, людѣй Л. II. 31, свинѣй Л. VIII. 32, пастырей Л. II. 18, ѡ дній сѣдѣй (4 Цств. XXIII. 22), висерей М. XIII. 45. Кромѣ того въ причастіи рождѣйсѡ М. II. 2, прилагательномъ оутрей М. VI. 34, и въ мѣстоименіи сѣй Л. II. 34, Мр. XII. 7, 10. но сій Мр. XII. 16 и т. д.

Въ Острожской библии въ большинствѣ случаевъ находимъ: i : дѣтѣи мѣжѣи (bis), господѣи, заповѣдѣи, пѣтѣи, дщѣрейи, людѣи, свинѣи, пастырейи, ѡднѣи сѣдѣи, рождѣйсѡ, оутрейи (какъ въ Остром. Еванг.), сѣи и т. д. Первопечатная занимаетъ среднее мѣсто: дѣтѣй, мѣжѣй, (bis), заповѣдѣй, рождѣйсѡ, сѣй, но господѣй, пѣтѣй, дщѣрей, людѣй, свинѣй, пастырей, оутрей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда i передъ слѣдующимъ j въ русскомъ исчезаетъ, въ церковнославянскомъ оно сохраняется: оубѣѣши М. V. 21 || русск. убьешь (ub'jós), чѣѡ Быт. XXIV. 23 || русск. чья и т. д.

Какъ въ русскомъ, зѣ послѣ заднеязычныхъ г к х замѣнилось и въ церковнославянскомъ посредствомъ и (Прим. см. ниже на стр. 145—46, 160).

Перечисленными особенностями исчерпываются характерныя черты церковнославянскаго вокализма сравнительно съ русскимъ и старославянскимъ.

2. *Церковнославянскій консонантизмъ* въ своихъ современныхъ особенностяхъ представляетъ нѣкоторыя характерныя черты русскаго.

Прежде всего необходимо отмѣтить такую же точно палатализацию согласныхъ передъ палатальными гласными, какъ и въ русскомъ.

Передъ гласными *e* (обознач. *є* и *ѣ*) и *i* (*и*, *і*) почти всѣ согласные (за исключеніемъ ж, ш, ц) произносятся палатально, какъ въ русскомъ. Кромѣ этого рода палатальности, находящейся въ зависимости отъ наличныхъ, дѣйствующихъ и теперь причинъ (вліяніе палатальнаго гласнаго), имѣются и случаи палатальности унаслѣдованной, являющейся результатомъ условій, теперь уже не существующихъ.

Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ палатальность согласныхъ передъ гласнымъ *a* (обозначаемымъ посредствомъ *ѡ*, *ѡа*, *а*) объясняется, какъ и въ русскомъ, исторически — вліяніемъ нѣкогда существовавшаго на его мѣстѣ палатальнаго носоваго гласнаго *e* (*ѡ*).

Палатальность согласныхъ, имѣющаяся въ извѣстныхъ случаяхъ передъ *и* (*ю*), объясняется вліяніемъ *j*, въ настоящее время уже исчезнувшаго.

Такимъ образомъ отношенія церковнославянской палатализации согласныхъ въ общемъ одинаковы съ отношеніями русской.

Какъ въ русскомъ, область палатализации расширяется привлеченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ к г х передъ *зи*, которое переходитъ въ *и*:

Асс. рl. пророки М. II. 23 (Остр. еще прѣроки, Первоп. прѣски), сапоги М. III. 11 (Остр. и Первоп. такъ же), дрѣги М. V. 47 (Остр. дрѣгы, Первоп., какъ въ Новой), мѡгки М. XI. 8 (Остр. мѡѣкы, Первоп. мѡѣкки), мѡѣхи вѣтѣхи (Остр. мѡѣхы вѣтѣхы, Первоп.

какъ въ Новой), Мр. II. 22, пекійса М. IV. 27 (Остр. пекіиса, Первоп., какъ въ Новой) и т. д.

Какъ въ большинствѣ русскихъ говоровъ согласные ж, ш, ц, непалатальны и вообще къ палатализаціи неспособны, что вызываетъ такія написанія: ѡшѣдшымъ (М. II. 13. Остр. ѡшѣшим, Первоп. какъ въ Новой), влѣзшымъ (М. XIV. 32. Остр. и Первоп. двойств. число), вѣшъ (Мр. XII. 29. Остр. вашъ, Первоп. какъ въ Новой), нѣшъ (М. VI. 9. Остр. и Первоп. такъ же), бѣвшымъ (М. XI. 21. 23. Остр. бѣвшася, Первоп. какъ въ Новой), вѣшымъ М. XI. 29. Остр. вѣшимъ, Первоп. какъ въ Новой), нѣшымъ (М. VI. 12. Остр. нѣшій, Первоп. какъ въ Новой), бѣвшымъ Мр. XVI. 10. Остр. бѣвшимъ, Первоп. какъ въ Новой), ѡспрошъ (Л. I. 63. Остр. ѡспрошъ, Первоп. какъ въ Новой), оужы (Instr. pl. Мр. V. 4. Остр. южи, Первоп. оужи), оуѣцы (М. V. 30. Остр. оуѣци, Первоп. какъ въ Новой), въ сѣдцы (М. XII. 40. Остр. сѣдци, Первоп. сѣдцы, Л. II. 19. Остр. и Первоп. сѣцы, тамъ же 51: Остр. сѣци, Первоп. сѣцы), прѣведницы (М. XXV. 46. Остр. прѣвѣници, Первоп. какъ въ Новой), пецѣтеса (М. VI. 25. Остр. пецѣтеса, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Рядомъ имѣются и написанія, сохранившія старославянское н: мѣншихъ (М. XXV. 40, 45. Остр. мѣнихъ, Первоп. какъ въ Новой), N. s. f. оуѣждши (Мр. VI. 22. Остр. оуѣжши, Первоп. какъ въ Новой), N. pl. лѣчши (М. VI. 26. Остр. и Первоп. такъ же), N. s. f. бѣлши (М. VI. 25. Остр. бѣлши. Первоп. какъ въ Новой), оуѣшю (Л. IV. 21. Остр. оуѣшю, Первоп. какъ въ Новой), слѣшите (М. X. 27. Остр. и Первоп. такъ же), мрѣжи (М. IV. 18, 20, 21. Остр. очевидная опечатка мѣржю, мрѣжася, мрѣжю, Первоп. Асс. pl. мѣжи и мѣжы (Суд. VIII. 16. мрѣжю, мрѣжа, мрѣжю), 17. Остр. мѣжа, Первоп. мѣжа, мѣжы), N. pl. мѣтѣжи (Мр. XIII. 8. Остр. и Первоп. такъ же), оужики (Л. I. 58. N. pl. Остр. оужики, Первоп. какъ въ Новой), вѣжихъ (М. IV. 4. Остр. и Первоп. такъ же), вѣжи (М. II. 13. Остр. вѣжи, Первоп. какъ въ Новой), возлѣжъ (Л. IV. 40. Остр. взлѣжъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Случаевъ написанія ю послѣ ж, ш въ Новой Библии не встрѣчается, хотя они не рѣдки въ Острожской и Первопечатной: мрѣжю (М. 18, 21. Остр. и Первоп.), сѣжю (Перем. XL. 10. Первоп., въ Остр.—8), но сѣжѣ (Апок. XVIII. 7.), вѣжѣ (Иоа. XX. 24.). Ср. также написанія въ родѣ: взпросиша (Остр. М. XII. 10. Нов. и Первоп.—а), ѣдоша (Остр. М. XII. 15. Первоп. и Нов.—а), рядомъ однако съ сзтвориша и т. д. *ibid.* 14).

Такія написанія, какъ влѣзшимъ, бѣвшимъ в т. д. (см. выше), вызвали въ свою очередь написанія: нѣчимъ (М. XXVI. 9. Остр. нѣчимъ, Первоп. какъ въ Новой), сплѣчимъ (М. XXVIII. 13. Остр. сплѣчимъ, Первоп. сплѣчимъ), сѣдѣчимъ, возглашѣчимъ (М. XI. 16. Остр. сѣдѣчимъ, возглашѣчимъ, Первоп. какъ въ Новой), плѣчимъ, рыдѣчимъ (Мр. XVI. 10. Остр. и Первоп. плѣчимъ, рыдѣчимъ), волѣчимъ (Л. IV. 40. Остр. волѣчимъ, Первоп. волѣчимъ) и т. д. Кромѣ стремленія провести однообразіе въ правописаніи ы послѣ „шипящихъ“, здѣсь очевидно имѣлось и уподобляющее вліяніе такихъ, вполне законныхъ фонетически, написаній, какъ, напримѣръ, дѣчимъ, дѣчимъ и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, ы послѣ щ является лишь въ Новой библии, въ Острожской мы имѣемъ б. ч. и. Первопечатная занимаетъ среднее положеніе между обѣими.

Едва ли можно думать, чтобы подобныя написанія были вызваны произношеніемъ (въ современномъ церковномъ произношеніи, какъ и въ русскомъ ч палатально(=ѣ'), и щ=щ'ѣ'). Въ другихъ формахъ мы встрѣчаемъ правильное и: Асс. du. нѣчи М. XII. 40, N. s. f. ѣмѣчи М. I. 18, G. pl. нѣчий М. IV. 1. и т. д.

Съ другой стороны послѣ ч мы чрезвычайно рѣдко встрѣчаемъ ы, что навѣрное случилось бы чаще, если бы ч означало собой согласный непалатальный. О палатальности ч свидѣлствуютъ также частые случаи ю послѣ ч, вмѣсто ѣ, имѣющіеся въ Острожской и Первопечатной библияхъ: чѣжи (Ефес. II. 12), чѣжимъ (Дѣян. XVII. 18) и т. д. Въ Новой послѣдовательно проведено ѣ. Случаи такого ы послѣ ч объясняются ассимиляціей на письмѣ къ другимъ формамъ, гдѣ ы было законо, напр. N. pl. f. прѣчимъ (М. XXV. 11. Остр. прѣчаа, Первоп. прѣчимъ) подъ вліяніемъ мѣчимъ и т. п.

формъ (тамъ же), D. рl. прѣчимъ (Мр. XVI. 13. Остр. и Первop. прѣчимъ) подѣ влiянiемъ такихъ, какъ мѣдримъ; мечи (Асс. рl. Ис. XLII. 2. Остр. мечà, Первop. мечи) подѣ влiянiемъ такихъ какъ равы и т. д. Такъ какъ въ сочетанiи ц (š'ě) ѣ очевидно ничѣмъ не отличалось отъ ѣ независимаго, то есть основанiе думать, что написанiя съ ы послѣ ц въ родѣ вышеприведенныхъ (нищымъ и т. д.), суть только слѣдствiя морфологической ассимиляци (аналогii), попытка провести на письмѣ вездѣ одинъ орфографической приѣмъ, причѣмъ уподобляющими типами были формы, подобныя мѣдримъ, влѣзшимъ и т. д.

Историческiя же отношенiя церковнославянской палатализаци сохраняютъ характерныя старославянскiя черты. Такъ сохранилось такъ называемое „переходное смягченiе“ заднеязычныхъ гк х въ з ц с, имѣющее мѣсто въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ старославянскомъ: бѣзн (Исходъ XX. 3), прѣрѣцы (Луки XVI. 16) и т. д.

Старославянскiя соотвѣствiя первичныхъ *tj, dj (kt, gt, χt)* сохранились также, хотя и съ измѣненнымъ произношенiемъ.

Случаевъ замѣны церковнославянскихъ ц и жд русскими соотвѣствiями ч и ж немного. Примѣрами могутъ служить: сѣжѣ (Перем. XL. 10. Остр. сѣжѣ, Первop. сѣжю), прѣжнiи (Тов. VI. 15. Остр. и Первop. друг. текстъ), нѣжнаго (Прем. Солом. XVI. 3. Остр. и Первop. такъ же), оутвержѣнiи (Амосъ IV. 13. Остр. и Первop. оутвержѣтъ), юницѣ рѣжѣ Числ. XIX. 2. (Остр. и Первop. такъ же), благонадѣженъ (Притчи XIX. 18. Остр. и Первop. друг. текстъ), говѣжа (Лев. VII. 23. Остр. и Первop. такъ же), оутвержѣ (Лев. XVII. 10. Остр. и Первop. друг. текстъ), стѣжѣю (Второзак. XXVIII, 22. Остр. и Первop. друг. текстъ), сѣжѣ (Апок. XVIII. 7. Остр. и Первop. такъ же), вѣжѣ (I. XX. 25. Остр. и Первop. такъ же), процѣженое (Амосъ VI. 6. Остр. цѣженое, Первop. цѣженое), конь рѣжѣ (Апок. VI. 4. Остр. и Первop. такъ же), возбѣжѣ (I. XI. 11. Остр. и Первop. возбѣжѣ), влѣженiе (1 Коринѣ. V. 1. Остр. и Первop. такъ же), влѣженiи (Римл. I. 29. Остр. влѣженiи, Первop. какъ въ Новѣй), пощѣжѣ (Гова VI. 10. Остр. непощѣжѣ, Первop. не по-

стыжѣса), постыжѣса (2 Коринѳ. X. 8. Остр. постыжѣса. Первоя. какъ въ Новой), такоже (Галат. IV. 3. Остр. такоже, Первоя. какъ въ Новой), ѡбнадѣживаеаъ (4 Цств. XVIII. 30. Остр. и Первоя. другой текстъ), невѣжство (Ефес. IV. 18. Остр. невѣжство, Первоя. какъ въ Новой), нѣжнѣше (Филип. I. 24. Остр. и Первоя. такъ же), невѣжствѣющимъ (Евр. V. 2. Остр. невѣжствѣющихъ, Первоя. невѣжствѣющихъ), невѣжествѣиныхъ (Евр. IX. 7. Остр. и Первоя. другой текстъ) и наоборотъ въ Новой библіи вхождахъ (Евр. IX. 6. Остр. вхожахъ, Первоя. ѡхождахъ), стыжѣса (2 Тимоѳ. I. 12. Остр. и Первоя. постыжѣса), тожде (М. V. 46. Остр. тоже, Первоя. какъ въ Новой), такожде (М. V. 47. Остр. такоже, Первоя. какъ въ Новой) и т. д. жд=зж также не всегда сохраняется. Часто находимъ формы съ возстановленнымъ ж: ѡженѣтъ (Л. XI. 49. Остр. ѡженѣтъ, Первоя. какъ въ Новой), возжелѣхъ (Л. XXII. 15. Остр. възжелѣхъ, Первоя. вожелѣхъ), ѡженѣ (I. VI. 37. Остр. ѡженѣ, Первоя. какъ въ Новой), возжелѣющихъ (2. Коринѳ. IX. 14. Остр. възжелѣющимъ, Первоя. вожелѣющимъ), разжизаюса (ibid. XI. 29. Остр. разжизаюса, Первоя. разжизаюса), ѡженѣ (Галат. IV. 30. Остр. и Первопеч. такъ же) и т. д., но прѣждивѣши (Л. X. 35. Остр. такъ же, Первоя. прѣждивѣши), ѡженѣтъ (I. X. 4. Остр. такъ же; Первоя. ѡженѣтъ), ѡживѣ (Дѣянїя Ап. XXI. 24. Остр. и Первоя. такъ же), раждѣнїа (Апок. XVIII. 18. Остр. раждѣнїа, Первоя. какъ въ Новой), разжегѣсте (Ис. L. 11. Остр. раждѣгѣсте, Первоя. разжегѣсте), хотя рядомъ раждизаеае (тамъ же. Остр. и Первоя. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, Острожская библія нѣсколько лучше сохраняетъ первичныя старославянскїя отношенїя, тогда какъ Первопечатная въ этомъ отношенїи приближается къ Новой, исправленной. Смѣшанную форму ѡженѣ находимъ I. Сир. VII. 28. (Остр. ѡженѣ, Первоя. какъ въ Новой). Случай замѣны цслав. щ посредствомъ русскаго ч рѣже; большая часть ихъ приходится на различныя формы прилагательнаго *чуждый*: чждѣхъ (Дѣянїя XVII. 18. Остр. чожѣмъ, Первоя. чожѣмъ), чждѣмъ (Римл. XIV. 4. Остр. чожѣмъ, Первоя. чожѣ-

дѣмѸ), чѸжди (Ефес. II. 12. Остр. и Первоп. чюжи), чѸжыѡ (Быт. XXXI. 15. Остр. и Первоп. чѸжди), чѸжихѸ (М. XVII. 26. Остр. чѸжихѸ, Первоп. чѸждихѸ), млачѣнїе (Лев. XXVI. 5. Остр. млаченїе. Первоп. какъ въ Новой), плечѣ (1 Цств. IX. 24. Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡзверчѸ (1 Цств. XI. 2. Остр. и Первоп. такъ же), оѸкрочѣши (Псал. 88. 10. Остр. оѸкротиши, Первоп. какъ въ Новой), ѡзмлачѣнны (Іерем. LI. 33. Остр. млаченїѡ, Первоп. млачѣнїѡ), млачѣше (Суд. VI. 11. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

Что касается произношенїя согласныхъ сочетанїй жд и ц, то оно разнится отъ новоболгарскаго и, вѣроятно, и старославянскаго. Въ то время какъ въ новоболгарскомъ ц=št и жд=žd, церковнославянское ц въ общераспространенномъ произношенїи =š'č' во всѣхъ случаяхъ, а жд только передъ непалатальными гласными имѣетъ то же звуковое значенїе, что въ новоболгарскомъ (žd); передъ палатальными же оно является звонкой параллелью ц и произносится какъ ž'ž' (въ произношенїи тѣхъ лицъ, которыя и въ русскомъ имѣютъ š'č', не (š̄))=ждж. На чемъ основано такое произношенїе? Тредьяковскїй въ своемъ „Разговорѣ о правописанїи“¹⁾, указывая на различїе нашего выговора отъ южнославянскаго (*илліріческихъ славянъ*), говоритъ о произношенїи ц: „я не знаю, отъ кого мы сперва научились произносить ея за (шц), развѣ токмо отъ малороссїанъ“.

Какъ ни вѣроятно вообще вліяніе малорусскаго выговора на традиціонный церковнославянскїй, но въ данномъ случаѣ ссылка на малорусскїй намъ ничего не объясняетъ. И въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ, будетъ на мѣстѣ первичнаго tj—ц, а ш(=шч) вмѣсто этого сочетанїя только и можетъ быть церковнославянскаго происхожденїя.

Намъ кажется, что для объясненїя церковнославянскаго произношенїя ц (стел. шт) = шч должно исходить отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ старославянское шт является корреспонден-

¹⁾ Александръ Смирдинъ. Полное Собранїе Сочиненїй Русскихъ Авторовъ. Сочиненїя Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ Типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1849, т. III, стр. 136.

томъ первичнаго сочетанія *skj*, напр. *вѣрѣните*, *влагалиште*, *жнлните* и т. д. и которыя, въ виду русскихъ *городнице*, *логовнице*, *топорнице* и т. д. легко могли принять произношеніе *щ=шч*. Также должны были, навѣрное, имѣть значеніе въ этомъ случаѣ русскія формы: *пушу*, *прошу* и т. д., гдѣ сочетаніе *шч* объясняется изъ **пустју* = **пущу* = **пушчу* и т. д., а также *ишу*, *трешу* и т. д., гдѣ *шч* = опять *skj*. (Въ старославянскомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ *шт*). Въ виду соответствія старославянскаго и церковнославянскаго *знаковъ щ* (*шт*) русскимъ сочетаніямъ *звуковъ шч* въ вышеприведенныхъ случаяхъ, знакъ *щ* легко могъ получить звуковое значеніе сочетанія *шч* и въ такихъ случаяхъ, какъ *свѣща*, *пѣща*, *вращати* и т. д., *нощь*, *лѣщь*, *рещи* и т. д., гдѣ русскій языкъ представляетъ уже совсѣмъ другой рефлексъ первичныхъ *tj*, *kt*, *gt*, а именно *ч*.

Въ пользу вторичности произношенія *щ* передъ непалатальными гласными какъ *шч* (не *шт*) говоритъ и то обстоятельство, что *жд* сохранило передъ ними свое первичное звуковое значеніе. Не безъ вліянія на звуковое значеніе этихъ графическихъ *знаковъ* осталось, конечно, и то, что въ церковнославянской графикѣ сочетаніе *шт* давно уже вывелось изъ употребленія и уступило мѣсто лигатурѣ *щ*, составныя части которой замаскированы и не кидаются въ глаза, тогда какъ сочетаніе *жд* своей ясностью не давало никакого повода къ недоразумѣнію.

Если и допустить, что знакъ *щ* первично обозначалъ сочетаніе *звуковъ št* и передъ непалатальными, и передъ палатальными гласными, и только впослѣдствіи *št* передъ палатальными измѣнилось въ *šč'* (ср. колебанія въ русскихъ говорахъ между формами *шти* и *щи*), все же придется признать, что распространеніе произношенія *šč'* и на *щ* передъ непалатальными гласными есть явленіе вторичное и обязанное своимъ происхожденіемъ, во-первыхъ, сбивчивости самой лигатуры *щ*, во-вторыхъ, бессознательной подстановкѣ имѣвшагося въ языкѣ сочетанія *šč'*, которое въ извѣстныхъ случаяхъ совпадало со старославянскимъ *шт*, во всѣ случаи, гдѣ писалось въ церковнославянскомъ *щ*.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ вліянія графики на

фонетическую сторону языка, которое в свою очередь опиралось на известные звуковыя особенности.

Въ то время какъ *щ* во всѣхъ случаяхъ имѣетъ звуковое значеніе *š'č'*, *жд* выражаетъ собой три сочетанія согласныхъ: *žd* передъ гласными непалатальными и *ž'z'* или *žd'* передъ гласными палатальными. Первое и послѣднее произношеніе *жд* (*žd* и *žd'*) являются результатами строгаго соблюденія „буквы“, точнаго чтенія написаннаго. Такъ какъ графическое обозначеніе было совершенно опредѣленно, то первичное звуковое значеніе *жд* (если руководиться новоболгарскимъ) сохранилось въ церковнославянскомъ произношеніи и изъ него перешло и въ русскій языкъ. Для того, чтобы найти исходный пунктъ для произношенія *жд* = *ž'z'* (передъ палатальными гласными), должно, мнѣ кажется, обратиться къ случаямъ русскаго *ž'z'*, возникшаго на русской почвѣ изъ сочетаній *zđj* и *zg' - (i)*, *zgj*, каковы, напримѣръ: *дождь* (*dóš'č'*, *dáž'z'á*), *нѣжнатъ* (*jěž'z'át'*), *можжитъ* (*máž'z'ít'*) и т. д. и которымъ въ старославянскомъ (и церковнославянскомъ) должны отвѣчать формы съ *жд*. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи эти довольно рѣдки, и подходящихъ церковнославянскихъ формъ съ *жд* сохранилось еще меньше, такъ что вѣроятность такого объясненія не особенно велика. Возможно еще предположеніе, что *ž'z'* въ заимствованныхъ изъ цел. словахъ развилось уже на русской почвѣ изъ *žd'* такъ, какъ развилось *ци* изъ *шти* (*š'č'í* || *št'í*). Въ самомъ дѣлѣ въ говорѣ нѣкоторыхъ можно слышать *подожди* какъ *рдáž'z'í*, или *ждешь*, какъ *ž'z'óš*. Но съ другой стороны необходимо замѣтить, что произношеніе *жд* передъ палатальными гласными въ церковнославянскихъ словахъ какъ *ž'z'* (напр. *гъž'z'æstvó* = рождество) встрѣчается въ говорѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя произносятъ *жд* въ *подожди* и тому подобныхъ формахъ какъ *žd'*. Мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, особенно въ виду почти полного отсутствія дѣйствительно научной разработки русскіхъ говоровъ въ фонетическомъ отношеніи, которая могла бы пролить свѣтъ на нѣкоторые побочные вопросы. Произношеніе *щ* = *š'č'* и *жд* (передъ палатальными гласны-

ми) = ž'ž' въ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго словахъ, разумѣется, имѣеть мѣсто только въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которымъ свойственны эти сочетанія согласныхъ. Въ говорахъ, гдѣ, вмѣсто *ши* (š'č') и *ждж* (ž'ž') встрѣчаемъ *ши* (š) *жж* (ž), имѣется безразлично *р'ішā* (*пишиа* = цслав. пица) и *гбшā* (*рошиа* = русск. *роща*), *р'іѣ жж* (*прежже* = цел. прѣжде, стсл. прѣжде) и *вбжу* (русск. *вожжи*). Возможно, что произношеніе жд какъ ж'ж' (*ждж*) отразилось въ такихъ написаніяхъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ *вжжельша* (Евангеліе Моск. Типогр. Библ. № 6. XII — XIII в. Соболевскій. Очерки изъ исторіи русск. языка. Ч. I. Кіевъ 1884. Стр. 16), *ижжчю*, *дожжч*, *вжжчизаеть* (Галицкое Евангеліе Имп. Публ. Библиот. 1266—1301 г. Тамъ же. Стр. 25) и т. д.

Въ этомъ *жж* надо видѣть попытку изобразить наличными средствами графики сочетаніе ж'ж' (*ждж*, польск. *żdż*). Особенно часто встрѣчаются такіа написанія въ южно-русскихъ памятникахъ (Ср. цитированное сочиненіе, стр. 110 и Владимірова, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890. Passim). Кромѣ южно-русскихъ памятниковъ, подобныа написанія имѣются и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ рукописяхъ, а именно въ Псалтыри 1296 г. *двжжчвнымъ* и въ Прологѣ XIII в. — *привожжчю* (Archiv für Slav. Philologie. VII. 70). Встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ написанія съ *жж*, въ родѣ *дожжя*, *приважжя* и т. д. (Соболевскій. Очерки и т. д. стр. 126) представляются загадочными (ср. цитир. сочиненіе, стр. 153).

Изрѣдка находимъ написанія съ ю послѣ жд, свидѣтельствующія о палатальномъ его произношеніи въ извѣстныхъ случаяхъ: *надождю* (I. s. Praes. Ам. IV. 7. Нов. и Первопеч.; Остр. *надождŷ*), *ѡдождю* (Исх. XVI. 4. Остр. *ѡдождŷ*, Первоп. *ѡдождю*; Лезек. XXXVIII. 22. Остр. *ѡдождŷ*, Первоп. какъ въ Новой), хотя рядомъ встрѣчаемъ *ѡсŷждŷ* (Лезек. XXXVIII. 22) и т. д. Вліяло здѣсь очевидно русское произношеніе: *сужж* = *sužju*, — *дождю* = *dāžžju*. Такъ какъ въ первой формѣ ж непалатально въ русскомъ, то и въ церковнославянскомъ находимъ — ŷ, тогда какъ

формы *дождь, дождя, дождю* представляютъ сочетаніе палатальных согласныхъ *ж'з'*. Палатальность эта передана въ церковносл. написаніи съ—ю.

Другой особенностью церковнославянскаго консонантизма, отличающей его отъ русскаго, а также, вѣроятно, и старославянскаго, является и произношеніе *г* какъ заднеязычнаго спиранта (*γ*), а не какъ эксплозива (*g*, какъ въ русскомъ). Съ которыхъ поръ произносится такимъ образомъ *г*, сказать трудно, за немѣнимъ какихъ-либо данныхъ. Мелетій Смотрицкій въ своей грамматикѣ помѣщаетъ *г* не въ разрядъ *полгласныхъ*, которыя „болѣе гласѣтъ“ (*ж, з, л, м, н, р, с, ц, ч, ш, щ, ѓ, ѱ*), а въ разрядъ *безгласныхъ* (*Mutae*). Но его классификація звуковъ не можетъ дать никакихъ указаній въ виду того, что въ томъ же разрядѣ „безгласныхъ“ мы находимъ и несомнѣнные спиранты, какъ *ф, х*, в т. д.: „безгласна соуть в в г д к п т ф х ѳ“ (л. ѱ). Въ другомъ мѣстѣ онъ причисляетъ *г* вмѣстѣ съ *з ф ѓ ѱ ѳ* къ буквамъ „страннымъ“, которыя „ѿ грѣковъ привзѣта“, не упоминая однако о многихъ другихъ знакахъ также греческаго происхожденія.

Такимъ образомъ никакихъ полезныхъ указаній въ этомъ отношеніи Смотрицкій не можетъ дать; зато у Лавр. Зизанія въ глоссаріи, приложенномъ къ грамматикѣ, находимъ глоссу: *ѣгда—вгда*, которая указываетъ на противоположеніе имъ церковнославянскаго *г=γ* (звонкій заднеязычный спирантъ) польскому *g* (звонкій заднеязычный взрывной), заимствованному въ данной частицѣ и въ югозападный русскій языкъ. Отсюда можно заключать, что въ концѣ XVI в. (разумеется и раньше) церковнославянское *г*, по крайней мѣрѣ въ югозападной Руси, означало собой звонкій заднеязычный спирантъ, имѣющійся и донинѣ въ традиціонной церковнославянской звуковой системѣ. Спирантное произношеніе *г*, перешедшее, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ русскій языкъ, отражается и въ языкѣ многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовенства. Такое произношеніе встрѣчается довольно часто у означенныхъ лицъ, хотя бы по мѣсту своего рожденія они и принадлежали къ такимъ великорусскимъ говорамъ, въ которыхъ этотъ спирантъ въ независимомъ положеніи

вовсе не встрѣчается. Есть основаніе думать, что эта особенность малорусскаго происхожденія, какъ это было уже предполагемо и другими учеными ¹⁾). Хотя профессоръ Ягичъ въ своемъ разборѣ русской грамматики г. Вогородицкаго (Jagic. Archiv f. sl. Philologie Bd. XI. 1888, стр. 458) и отрицаетъ возможность малорусскаго вліянія на церковнославянское произношеніе, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ, въ виду весьма правдоподобныхъ соображеній историческаго характера. Главнымъ аргументомъ противъ возможности такого вліянія проф. Ягичъ выставляетъ сильное нежеланіе малорусскихъ грамматиковъ признавать какое-либо соприкосновеніе малорусскаго и церковнославянскаго: „dass die neuere Kirchenslavische Sprache unter grossem Einflusse gerade der Kleinrussischen sich herausgebildet habe, das wird man nicht nachweisen können. Perhorresciren ja doch selbst in neuester Zeit manche Kleinrussische Grammatiker jeden Contact mit dem kirchenslavischen. Das würden sie kaum thun, wenn sie in der üblichen kirchenslavischen Sprache viele kleinrussische Anklänge finden zu können hofften“. Между тѣмъ, если мы взвѣсимъ тѣ общеизвѣстные факты, что все относящееся до обрядности, до богослуженія и т. д. сохраняется съ большимъ постоянствомъ и точностью (преданностью традиціонной буквѣ), что русская церковь имѣла свою колыбель въ Кіевѣ и оттуда распространилась по всей Руси, что въ XVII вѣкѣ мы опять встрѣчаемся въ исторіи русскаго просвѣщенія съ сильнымъ приливомъ въ Москву югозападныхъ, кіевскихъ ученыхъ (которые, между прочимъ, имѣли немало дѣла и съ богослужебными книгами, а также учили въ школахъ для духовенства), то предположеніе о возможности малорусскаго вліянія на традиціонное церковнославянское произношеніе пріобрѣтаетъ вполне правдоподобный характеръ. Объяснить иначе, какъ изъ малорусскаго, спирантное произношеніе цел. г (=γ) не представляется возможнымъ. Какъ другой остатокъ малорусскаго вліянія можно разсматривать (съ меньшей вѣроятностью) упомянутое выше (стр. 143) сохраненіе удареннаго *é* передъ слѣдующимъ непалатальнымъ согласнымъ.

¹⁾ Ср. Бодуэнъ де-Куртенэ. Подробная Программа Лекцій. 1878 г. Стр. 62.

Изъ другихъ особенностей церковнославянскаго консонантизма можно указать на возникновеніе (въ силу исчезновенія **ѣ** и **ь** въ открытыхъ слогахъ) невозможныхъ для старославянскаго сочетаній согласныхъ, которыя еще поддерживаются (точнѣе возстановляются) чутьемъ этимологическаго состава слова. Таковы случаи: **зсх** — **йзсхѡша** (Перем. XXIII. 10. Остр. **йѣшена ѡѣ**, Первоп. **йѣшѣна ѡѣсть**), **зжг** — **возжгѡ** (Перем. XXI. 14. Остр. **взжгѡ**, Первоп. **вожгѡ**, *ibid.* L. 32. Остр. **взжгѡ**, Первоп. **вожгѡ**), **зжж** (**zz'z'?**) — **разжжѣный** (Пезек. XX. 47. Остр. и Первоп. **ражджѣный**). Точно такъ же возстановляется сочетаніе **зш**: **возшѡмѣша** (Перем. XXXI. 36. Остр. **взшѡмѣша**, Первоп. **вошѡмѣша**) и т. д. Слѣдовъ діалектическаго вліянія на фонетику церковнославянскаго языка немного: образчиками могутъ служить случаи **ч** вмѣсто **ц**, встрѣчающіеся изрѣдка, напр. **чепѣй** (Суд. VIII. 26. Остр. и Первоп. **грѣвенз**) **чѣпи**, **чѣпѡчки** (Исх. XXVIII. 24. 25 Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Особенности эти внесены уже въ текстъ Новой Библии, какъ видно изъ примѣровъ.

Морфологическія особенности церковнославянскаго языка.
А. Склоненіе.

§ 3. Характерныя особенности церковнославянскаго склоненія, отличающія его отъ старославянскаго и часто совпадающія съ особенностями русскаго, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: а) особенности, являющіяся слѣдствіемъ различныхъ фонетическихъ измѣненій спонтанеическихъ и комбинаторныхъ, свойственныхъ русскому языку и перенесенныхъ въ церковнославянскій; б) особенности, обусловленныя чисто морфологическими процессами (морфологической ассимиляціей или аналогіей).

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими спонтанеическими.

Въ ряду особенностей первой категоріи отмѣтимъ измѣненія старославянскихъ формъ влѣдствіе измѣненія краткихъ гласныхъ **ѣ** и **ь**, одинаковаго съ русскимъ:

Творит. ед. числа на **о-мъ** вмѣсто стел. **ѣ-мь** у основъ на **и** : **дѡмомъ** Мат. XXIV. 45. **сыномъ** (Мелет. Смотрицкій л. 113) и т. д.; съ другой стороны формы эти однако совпа-

даютъ съ соотвѣтствующими формами основъ на о-, гдѣ о первично, и могли быть вызваны вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Творит. ед. числа на е-мъ вмѣсто стел. ѡ-мъ у основъ на і- или на согласный: Ѡгнѣмъ (М. III. 11), пѣтѣмъ (М. VIII. 28), ѡменѣмъ (М. VII. 22), невесѣмъ М. XXIII. 22 и т. д. Дат. и твор. двойств. ч.: ѡменема (М. Смотр. л. 115), ѡтрочѣтема (ibid. л. 114). Дательный и предложный множ. у тѣхъ же основъ: болѣземъ М. XXIV. 8, двѣремъ Мр. I. 33. пѣтѣмъ (Ис. LV. 3), словесѣмъ (Л. I. 20) и т. д. двѣрѣхъ (М. XXIV. 33), ѡслехъ (Л. II. 7. 12), пѣтѣхъ (Ис. XLII. 24), ѡменехъ (Дѣянія XVIII. 15) и т. д. ¹⁾

Измѣненіе краткаго гласнаго ѡ, видоизмѣняющее обликъ старославянскихъ формъ, имѣетъ мѣсто еще въ родительномъ множ. основъ на -і муж. и женскаго рода: лактѣй Быт. VI. 15. звѣрѣй ів. 19. пѣтѣй (М. XXII. 9), заповѣдей (М. V. 19) русск. *путьей, костей*, стел. *пжтъй, пжтнй; костъй, костнй*.

Также въ родит. множ. основъ на ѡ -: церквѣй II. Коринѣ. VIII. 19. Апок. I. 20. (р. церквѣй, стел. *крѣкѣй, крѣкнй*), основъ на г -: дщѣрей Л. I. 5, которыя идутъ въ церковнославянскомъ по типу основъ на і- (русск. *дочерей*, стел. *дъштеръ*).

Случаи съ сохраненіемъ старославянскаго н=ѡ имѣются рядомъ съ приведенными формами: днй (Л. XIII. 14) и днѣй (М. XI. 12). См. другіе примѣры выше: стр. 144).

Въ образованіи нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ могла играть роль и морфологическая ассимиляція къ соотвѣтствующимъ формамъ другихъ основъ. Кромѣ основъ на о-, которыя, какъ было сказано, могли повліять на склоненіе основъ на и-, на формы въ родѣ тв. Ѡгнѣмъ, дат. мн. пѣтѣмъ, могли вліять формы основъ на јо-, гдѣ -ю-мъ и -ю-мъ являлись вполне законными въ смыслѣ фонетическомъ.

Измѣненіе носовыхъ гласныхъ ж, л въ простое и, а (съ

¹⁾ Написанія съ -ѣхъ, встрѣчающіяся также у этихъ основъ, объясняются морфологической ассимиляціей на письмѣ къ соотвѣтствующимъ формамъ основъ на о- (См. ниже § 12-й въ концѣ).

предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ) отразилось также въ церковнославянскомъ склоненіи на различныхъ окончаніяхъ, въ составѣ которыхъ имѣлся тотъ или другой изъ этихъ гласныхъ.

Въ винительномъ падежѣ ед. ч. бывшихъ основъ муж. и женск. рода на *ā-* и *jā-*, вмѣсто старославянскаго *ж*, находимъ *-и*, какъ въ русскомъ (*Ѹ, ю*): странѸ М. II. 11, зѣмлю М. II. 20, юношѸ Дѣянія Ап. XXIII, 17, 18, сѸдію Д. Ап. VII. 27 и т. д.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. тѣхъ же основъ, а также основъ ж. р. на *ī-*, *i-* и на *г-*: водою М. III. 11. крѣвію Римл. V. 9 мѣрїю М. II. 11 и т. д. вмѣсто старославянскаго *ж* имѣется *-ју* (*ю*).

Въ именительномъ и винительномъ падежѣ ср. р. на *п-* (*еп-*, *мен-*), *пѣ-*, вмѣсто старослав. *ж*, имѣется, какъ въ русскомъ *-а* или *-а* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ), обозначаемое посредствомъ *ѡ* и *а*: ѡмѡ М. I. 21, 25, врѣмѡ М. II. 7, ѡтрочѡ М. II. 9, 11 и т. д.

Въ отглагольныхъ именахъ прилагательныхъ (причастіяхъ) вмѣсто старосл. *-ж*, *-ж* такъ же, какъ въ русскомъ, имѣется *а*, *-а* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ) или *-ја*, обозначаемыя посредствомъ *ѡ* или *а*: просѡй, ищѡй М. VII. 8. глѡбѡ М. I. 19, исцѣлѡ М. IV. 23, оучѡ Л. V. 17, лежѡ I. XI. 41, скачѡ Д. Ап. III. 8.

Въ мѣстоименномъ склоненіи; у основъ на *о-*: въ родит. падежѣ ед. ч. ж. р. мѣстоименія указательнаго *тѡ*, *та*, *то*: тоѡ (стел. тоѡ) Л. VI. 49. тѡѡ книги Евр. IX. 19; въ винит. падежѣ ед. числа того же рода: тѡю Иерем. XXV. 12. Быт. III. 17. (Московская библія 1663 — тѡ, стел. тѡ); въ творит. падежѣ ед. числа тою (стел. тоѡж).

Во множественномъ числѣ: винит. ж. р. тѡѡ (стел. тѡ) I. X. 16, тотъ же падежъ м. р. тѡѡ (стел. тѡ) Апок. IX. 6.

Въ винит. падежѣ ед. ч. мѣстоименія личнаго: мѡ, тѡ (стел. мѡ, тѡ) Иоа. II. 48; въ творительномъ ед. ч. мнѡю Иоа. VIII. 29 (стел. мѡнож), тоѡю (стел. тоѡнож) Иоа. IV. 27.

У основъ на *јо-*: въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. указатель-

наго мѣстоименія стел. н, ѡ, ѳ; ѣ̀ (стел. ѳѡ) М. I. 19, притяжательныхъ мѣстоименій: моѣ̀ (стел. моѳѡ) I. VIII. 43, твоѣ̀ М. I. 20, своѣ̀ М. X. 10. вашѣ̀ Д. Ап. III. 22.

Въ винит. падежѣ ед. ч. ж. рода: ю̀ (стел. ѳ) М. IX. 22. I. 19, мою̀ (моѳ) I. VI. 54, твою̀ I. IV. 42, свою̀ М. I. 24.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. ѳю̀ (стел. ѳѳ) I. XVII. 26, нѳю̀ I. XI. 51, свѳю̀ Д. Ап. III. 12 и т. д.

Во множественномъ числѣ: въ именительномъ и винительномъ ж. р. ѡ̀ (стел. ѳ) Апок. XII. 4. на̀ша̀ I. X. 24. мо̀ (стел. моѳ) I. X. 27, сво̀ I. XIII. 12. Д. Ап. V. 18, тво̀ М. V. 33. и т. д., въ винительномъ множ. муж. рода указат. мѣстоименія стел. н; ѡ, ѳ; ѣ̀ (стел. ѳ) Апок. XIII. 7. мѣстоименій притяжательныхъ: ва̀ша̀ М. V. 44, сво̀ М. I. 21, мо̀ М. II. 6. и т. д.

Въ склоненіи мѣстоименій стел. вѳь и съ, первично основъ на і-: въ родит., винит. и творит. ед. ч. ж. рода: всѐ Апок. XVI. 14, сѐ ibid. XVII. 7 (стел. вѳеѳ, сеѳ), всю̀ (стел. вѳѳ) Д. II. 1. сію̀ (стел. снѳ) Иоа. II. 19, всѐю̀ (стел. вѳеѳ) Мр. XII. 33, сѐю̀ (стел. сеѳ). Во множественномъ числѣ: въ именит. и винит. ж. рода и винит. м. рода: вс̀ (стел. вѳѳ) Д. Апост. II. 47, сі̀ (стел. снѳ) Д. Апост. III. 24.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ: въ род. п. ед. ч. ж. р. смѣртны̀ (стел. смьртныѳ) Д. Ап. II. 24; въ винит. пад. ед. ч. ж. р. деснѳю̀ (стел. деснѳѳ) Д. Ап. III. 7; въ тв. п. ед. ч. ж. р. чнѳтою̀ (стел. чнѳтоѳ) М. XXVII. 59; въ имен. и винит. падежахъ мн. ч. ж. р. и винит. мн. муж. р.: дѳьбры̀, слѳь (стел. дѳьбрыѳ) М. XIII. 48.

Въ винит. пад. ед. ч. ж. р. основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кромѳшню̀ (стел. кромѳшныѳѳ) М. VIII. 12; въ творит. п. ед. ч. ж. р. домѳшнѳю̀ (стел. домѳшныѳѳ) I. Коринѳ. XVI. 19, въ именит. и винит. мн. ч. ж. р. и винит. муж. ннѳры̀ (стел. вѳшныѳѳ) М. XXVI. 11.

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими комбинаторными. Свойственное русскому языку

измѣненіе *и* послѣ заднеязычныхъ согласныхъ *г, к, х* въ *и* отразилось также и на окончаніяхъ церковнославянскихъ. Таѣъ въ вин. множ. бывшихъ основъ муж. р. на *о*- имѣемъ: мѣхи вѣтхи (стел. мѣхы ветъхы) М. IX. 17, Мр. II. 12, грѣхѣи (стел. грѣхы) М. IX. 6, прѣрѣки (старослав. пророкы) М. V. 12, книжники (стел. кнѣжнѣники) М. II. 4 и т. д. То же имѣется въ творительномъ падежѣ данныхъ основъ, во множ. числѣ: ѡбрѣки Л. III. 14, грѣшники М. IX. 11. оученики М. IX. 10; пастѣхѣи Быт. XII. 7; въ родительномъ падежѣ ед. ч. и именит., винит., звательномъ множественнаго у бывшихъ основъ муж. и ж. рода на *а*:- асс. рl. владыки М. X. 18, g. s. рѣки Апок. VIII. 4 (стел. владыкы, рѣкы), рѣки N. рl. Быт. XVI. 12.

Въ N. A. рl. прилагательныхъ краткой формы ж. р.: мѣлки М. XI. 8; въ опредѣленномъ склоненіи: N. s. m. великій Апок. VI. 4., Instr. s. великимъ Апок. XIV. 7., G. f. великіа Апок. XVII. 1, Dat. рl. зѣмскимъ Апок. XVII. 5 и т. д.

Неспособность согласныхъ *ц* и *ш* палатализироваться, свойственная русскому языку, вызываетъ измѣненіе слѣдующаго за ними и въ *ы*: N. рl. вѣлы хѣщницы М. VII. 5 (Остр. вѣщы хѣщницы, Первop. какъ въ Новой), оученицы, оучѣцы М. IX. 14 (Остр. оученицы, оученицы, Первop. оучѣцы), Асс. рl. сощы М. IX. 23 (Остр. сощѣ. Первop. сощѣ), члѣщы М. XVI. 13 (Остр. и Первop. члѣщы), A. рl. щвы М. X. 16 (Остр. щѣ, Первop. щвы), пѣщы М. X. 29 (Остр. пѣщы, Первop. какъ въ Новой), дѣщы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14. Остр. дѣщы, Первop. дѣщы), ѣщы (Дѣян. V. 10. Остр. ѣщы, Первop. -ы) и т. д.

Этой же неспособностью *ц, ш, ж* къ палатализаціи объясняются написанія: Асс. s. N. sing. ѡщ М. XI. 27 (Остр. щѣ, Первop. щѣ), род. множ. концѣщ М. XII. 42 (Остр. и Первop. концѣщ), старѣщ М. XV. 2 (Остр. старѣщ, Первop. какъ въ Новой), N. s. слѣщ М. XV. 14 (Остр. слѣщ, Первop. какъ въ Новой), G. рl. рѣщ М. XV. 34 (Остр. рѣщ, Первop. какъ въ Новой), дѣщ (Прем. Сол. III. 13, Быт. XLVI. 22. 25, Остр. и Первop. такъ же), кѣщ (Исх. XXVI. 14. Остр.

и Первоп. творит. надежь), ѱношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Въ появленіи приведенныхъ написаній играло также навѣрное извѣстную роль уподобленіе на письмѣ къ однороднымъ формамъ, гдѣ ы или з были исполнѣ законны.

Въ ряду прочихъ фонетическихъ измѣненій, замѣчаемыхъ въ области окончаній церковнославянскаго склоненія, укажемъ на замѣну въ церковнославянскомъ старославянскаго окончанія твор. и пред. п. ед. ч. -мь (именнаго и мѣстоименнаго склоненія) окончаніемъ -мъ, т. е. просто -т, вмѣсто ожидаемаго -т' (какъ въ русскомъ). Эта утрата палатальности объясняется тѣмъ, что русскіе губные согласные вообще мало склонны къ палатализаціи и въ нѣкоторыхъ говорахъ ее совершенно утратили на концѣ словъ (въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ krof вм. krof' = кровь, ostáf вм. ostáf' = оставъ и т. д.).

Уже въ Острожской библии имѣется окончаніе -мъ, если не во всѣхъ случаяхъ, то въ огромномъ большинствѣ: нимъ, глѣмъ бѣмъ твоимъ, насилѣмъ, твоѣмъ, нанѣмъже и т. д. Второзаконіе, гл. XXIV. дѣомъ, срѣцемъ, пѣспѣдомъ, нѣнемъ, ѡлтарѣмъ, сопѣрникомъ своѣмъ и т. д. Матѹ. гл. V.

Въ первопечатной Московской библии замѣчается то же самое явленіе. Что касается грамматики Мелетія Смотрицкаго, то у него въ парадигмахъ вездѣ почти находимъ еще окончаніе -мь: клеврѣтомъ (л. 105), воиномъ (л. 106), юродомъ (107), дрѣвомъ (108), дрѹгомъ (109), прорѡкомъ (л. 109 на обор.), грѣхѡмъ (110), чванѣмъ (л. 111 на об.), сыномъ (113), отрочѣтемъ (114 на обор.), ѱменемъ (115), словесѣмъ (116), рѣмляниномъ (117), братомъ (118 на об.), пастыремъ (123), мѣтежемъ (124), свидѣтелемъ (124 на обор.), ходѣтемъ (125 на обор.), ѱереемъ (126), мрѣвѣемъ (ibid. на оборотѣ), знѡемъ (127 на обор.), крагоуемъ (128), любодѣемъ (128 на обор.), древодѣлемъ (129) и т. д., но ѱромомъ (106), ѡтцѣмъ (111), сѣрдцемъ (112 на об.), дѡмомъ (118), дрѹгомъ (120) и т. д.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ: м. и ср. тѣмъ стѣмъ (133, 134 на обор.), м. и ср. благѣмъ благомъ (135, 136),

м. р. ницимь (137), м. р. снѡвнимь (140) и т. д., но ср. р. тѣмъ снѡвнимъ (141 на обор.), м. и ср. р. тѣмъ вѣжимъ (142, 143) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, правила относительно употребленія М. Смотрицкимъ окончаній -мъ и -мь (т. е. -*m* и -*m'*) установить нельзя.

Окончаніе -мъ (-*m*) однако встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ -мь (-*m'*) и чаще у именъ прилагательныхъ ср. рода, чѣмъ у таковыхъ же мужескаго.

Едва ли, впрочемъ, можно видѣть въ этомъ употребленіи -мъ и -мь попытку (хотя бы и не проведенную послѣдовательно), дифференцировать на письмѣ схожія формы разныхъ родовъ.

Въ мѣстоименномъ склоненіи наоборотъ гораздо чаще имѣется -мъ: м. р. всѣмь (152), но ср. р. всѣмъ (на обор.), м. и ср. р. предложн. только всѣмъ (ibid.), м. и ср. р. ѡвоимъ, ѡвоемъ (152 на обор. и ѡвоимъ, ѡвоемъ 153), м. и ср. творит. ѣдинѣмь (154, 155), но предл. ѣдиноу мъ или ѣдинѣмъ въ обоихъ родахъ и т. д.

Въ текстѣ, напротивъ, находимъ почти исключительно -мъ: желаніемъ (2), оученіемъ (3), витійствомъ (4), ѡгнемъ (ibid.), невесемъ (5 на оборотѣ), оумомъ (6), ѡбразомъ (7), прехожденіемъ, показаніемъ (7 на оборотѣ), трудомъ (9), молчаніемъ (9 на обор.), естествомъ (10), родомъ (ibid.) и т. д., но лицемъ (11), простымъ ѡбичаемъ ѿ кроткимъ гласомъ (тамъ же на обор.), четцемъ (тамъ же), тонкимъ гласомъ (листъ 54) и т. д.

Во всякомъ случаѣ эти написанія свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что въ живомъ произношеніи писавшаго имѣлось только окончаніе -*m* (-мъ), написанія же съ -мь фонетическаго значенія очевидно вовсе не имѣли и должны быть сведены просто къ остаткамъ старославянскоѣ графיקи, если не къ типографскимъ погрѣшностямъ (въ извѣстныхъ случаяхъ).

§ 4. Въ исторіи церковнославянскаго склоненія играла важную роль морфологическая ассимиляція (аналогія), проявленія которой часто совершенно одинаковы съ проявленіями ея въ русскомъ склоненіи. Какъ и русское склоненіе, церковнославянское утратило различеніе многихъ первичныхъ основъ, еще имѣвшееся

въ старославянскомъ. Образованія, первично чуждыя извѣстнымъ основамъ и вызванныя морфологической ассимиляціей къ другимъ типамъ, встрѣчаются и въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, такъ что многія изъ новообразованій церковнославянскаго склоненія ведутъ свое начало издалека, только они болѣе распространились и упрочились въ языкѣ церковныхъ печатныхъ книгъ.

Лучше всего сохранилось склоненіе болѣе многочисленныхъ основъ муж. и ср. рода, соответствующихъ первичнымъ на о-, јо-, ж. р. на ā-, jā-, еі- (і-). Прочія основы болѣе или менѣе тѣсно применили къ тѣмъ или другимъ изъ только-что названныхъ, послужившимъ уподобляющими типами.

§ 5. Такъ почти совсѣмъ исчезло самостоятельное склоненіе бывшихъ основъ м. р. на еі- (і-), которыя примкнули къ основамъ того же рода на јо-.

У Смотрицкаго первичныя основы на еі- (і-): поуть, ѡгнь, оугль, дрекѡль, горѡтань приводятся вмѣстѣ съ несомнѣнными основами на јо-: какъ вѡплъ, клѣчь и т. д. и склоняются по образцу матѣжь—основы на јо- (л. 124 на обор.). Въ еванг. Матѡ. XXIII. 33 находимъ родит. падежь ед. ч. ѡгнѡ, лѡктѡ (3 Цств. VII. 35. Такъ уже въ Остр.) и т. д. дат. ед. ѡгнѡ (Иезек. XXI. 32. Остр. ѡгну, Первоп. ѡгнѡ). Склоненіе слова Господь, приведенное у Смотрицкаго (л. 132), сохранило въ единств. числѣ только одну несомнѣнную форму основъ на і-, звательный падежь—Гѡи (См. также М. XVШ. 26 и т. д.). Творительный ед. гѡсмъ (Л. II. 22 Гѡсмъ, Остр. гѡмъ, Первоп. какъ въ Новой) одинаково можетъ принадлежать и основамъ на јо- (съ ѷ, равнымъ -јо-), и основамъ на еі- (со вторичнымъ ѷ, развившимся изъ ѷ). Сверхъ того вполне возможна форма творит. единственнаго Гѡспѡмъ по типу основъ на о-, свойственная и современному русскому языку.

Родительный, дательный и предложный падежи единств. числа идутъ по типу основъ на о-: гѡа (Исаи II. 12. Остр. гѡа, Первоп. какъ въ Новой), гѡѡ (ibid. XIX. 20. Остр. гѡи, Первоп. гѡви), гѡѡ (Псал. XXXI. 11). Дательный встрѣчается и съ весьма

распространеннымъ окончаніемъ -єви, получившимся изъ окончанія -ови, заимствованнаго отъ основъ на еи- (и-): гѣви, гѣєви (Л. I. 17, II. 23, М. XXII. 44. Остр. гѣи. Первоп. гѣви), ѡгнѣви (Лезек. XV. 6. Остр. ѡгнѣви, Первоп. ѡгнѣви) и т. д. Въмѣсто винит. падежа, какъ у всѣхъ именъ существительныхъ, означающихъ одушевленныхъ существъ, находимъ форму родит. падежа по типу основъ на о-: гѣа (Псал. СII. 1. Остр. гѣ, Первоп. какъ въ Новой).

Что касается двойственнаго числа, то, въ виду его неупотребительности, мы ограничимся приведеніемъ формъ изъ грамматики Смотрицкаго. Хотя онѣ и не могутъ считаться достовѣрными, все же извѣстное значеніе у нихъ есть, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ отношеніи къ нимъ хотя бы и искусственнаго языковаго чутья. Мы находимъ первичную форму только для твор. и дат. двойств.: гѣєма или гѣѣма. Первая—тѣма гѣєма стоитъ у Смотрицкаго для дат. пад., вторая тѣма гѣѣма для творительнаго. Эта дифференціація, разумѣется, ни на чемъ реальномъ не основана и принадлежитъ къ числу вообще очень частыхъ у Смотрицкаго педантичныхъ и произвольныхъ измышленій. Такая дифференціація твор. и дат. дв. ч., приуроченная къ параллелизму окончаній—ѣма и -єма, проведена у Смотрицкаго во всѣхъ основахъ муж. и женск. рода на і- и јо- (съ -ѣ въ именит. единственнаго). Для И. В. З. и Р. и Пр. двойственнаго Смотрицкій беретъ формы отъ основъ на о-: гѣспода, гѣѣ. Ср. также: двѣ лѣктаѣ (Числ. XI, 31. Остр. и Первоп. еще правильно лѣкти).

Множественное число сохранило лучше первичное склоненіе основъ на і-, хотя рядомъ съ правильными формами и здѣсь встрѣчается не мало новообразованій. Именительный падежъ идетъ правильно: гѣспѣдіє (Ефес. гл. VI. 9 какъ зват. падежъ, Дѣян. Апост. IV. 34. Остр. и Первоп. такъ же). Винительный падежъ въ Новой библии = род. множ. гѣспѣдій (1 Тимоѡ. VI. 1). Въ Острожской и Первопечатной находимъ форму, образованную по типу бывшихъ основъ на о-: гѣсподѣи въ Остр. и гѣсподы въ Первопечатной. Родительный, дательный и предложный множе-

ственного разнятся отъ ожидаемыхъ старославянскихъ формъ только переходомъ ъ въ є, свойственнымъ русскому и церковнославянскому. Въ родительномъ однако встрѣчается и старинная форма: господій (Псал. СХХІІ. 2, Остр. господін, Первоп., гдїй. 1 Тимоѳ. VI. 1. Остр. винит. пад.), рядомъ съ господей (Псал. СХХХV. 3. Остр. дат. мн. господемъ, Первоп. господей. Второзак. X. 17. Остр. дат. гмъ. Первоп. господемъ), дат. множ. имѣть также двѣ формы — „правильную“ господемъ (Ам. IV. 1. Остр. господемъ, Первоп. господемъ. Посл. къ Титу II, 9. Остр. какъ въ Новой), рядомъ съ господіамъ (Тов. II. 12, 13, 14. Остр. и Первопеч. другой текстъ), которая представляетъ собой образование отъ основы именит. пад. множ. ч. господіе (чувствовавшася какъ собирательная форма) съ морфологической ассимиляціей къ основамъ женск. рода на ā-. Предложный падежъ, приведенный у Смотрицкаго (л. 132 на обор.), — гóсподєхъ отвѣчаетъ стел. формѣ *господьхъ. Относительно дательнаго падежа надо еще замѣтить, что его форма совпадаетъ также съ дат. множ. основъ на jо-, гдѣ — емъ (стел. -немъ) имѣетъ другое происхождение (є = jо). Для творительнаго множественнаго имѣется нѣсколько формъ: правильная гóсподми (Смотр. л. 132 на обор.), гóсподы (ibidem) по типу основъ на о- и господіамъ (Маккав. кн. I, гл. IX. 25 ¹), образованная такъ же, какъ и вышеприведенная форма дат. множ. господіамъ, подъ двойнымъ вліяніемъ формы именит. множ. и основъ на ā-.

Склоненіе основъ гортань и пѣть сохранилось безъ особыхъ измѣненій. У Смотрицкаго находимъ замѣчаніе (л. 131 на оборотѣ), что поѣть въ родит. ед. и винит. множ. имѣетъ пѣти, каковая форма, „чистѣе, нежели пѣтѣ“.

Лучше всего сохранилось ед. число, не представляющее уклоненій отъ старославянской нормы. Род. пад. гортани (Іова XX.

¹) Въ Острожской библинъ вмѣсто этой формы находимъ творит. множ. господін, превращенный въ Первопечатной въ господій (р. множ.). Эта форма есть образование по типу основъ на jо-, съ суффиксомъ -нїе, какъ стел. знаменни. По аналогіи съ людми (Луки VIII. 48) можно было бы также ожидать и формы *господми.

13), дат. ед. также (Псал. XXI. 16, Иезек. III. 26), пѣти (Матѳ. XXII. 16), вин. гортань (Притчи V. 3), предл. гортани (Пѣснь Пѣсней II. 3. Пс. CXLIX. 6), пѣти (Матѳ. XXI. 19), тв. гортанѣмъ (Пс. CXLIII. 15. Остр. и Первоп. такъ же), пѣтѣмъ (съ $\epsilon = \text{ь}$, но совпадающимъ и съ $\epsilon = \text{jo}$ основъ на jo-) Матѳ. XXI. 32 (Остр. пѣтѣмъ, Первоп. какъ въ Новой). Множ. число, кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, также не представляетъ особыхъ отклоненій отъ старославянскаго. Именит. множ. имѣетъ правильную форму отъ основъ на i-: пѣтїѣ (Ис. XXXIII. 8, LV. 8, Остр. пѣтїѣ, Первоп. пѣтїѣ). Родит. имѣетъ пѣтїѣй (Матѳ. XXII. 9, Ис. LV. 9, Остр. пѣтїи, Первоп. пѣтїи и пѣтїѣй). Дат. пѣтѣмъ (Исаия LV. 3, Остр. пѣтѣмъ, Первоп. пѣтѣмъ), гдѣ $\epsilon = \text{ь}$, но совпадаетъ также съ ϵ основъ на jo- ($= \text{jo}$). Винит. пѣти (Ис. LV. 7, 11, Остр. и Первоп. такъ же), твор. пѣтми (Ис. LVII. 10. Остр. и Первоп. такъ же), людми (Второз. X. 11, Суд. I. 16. Остр. люми, Первоп. какъ въ Новой), пѣтми (Второз. XXVIII. 7, Остр. пѣти, Первоп. пѣти, какъ выше твор. мн. госпѣди), предложный пѣтѣхъ (Ис. XLII. 24. Второзак. VIII. 6, Остр. и Первоп. вин. множ.). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ, напр. р. мн. тѣстѣвъ (Тов. XIV. 13. Остр. др. текстъ) по типу основъ на eu- и т. д.

Основы женскаго рода на i- (ei-) въ единственномъ числѣ не представляютъ почти никакихъ уклоненій отъ старославянскаго склоненія, если не принимать въ расчетъ фонетическихъ измѣненій, характеризующихъ церковнославянскій (исчезновеніе ь , переходъ ж въ ѝ и т. д.). Въ именительномъ единственнаго встрѣчаемъ написанія въ родѣ лѣжъ¹⁾ (Іоан. VIII. 44, Остр. лѣ, Первоп. какъ въ Новой), невозможныя въ старославянскомъ и свидѣтельствующія о томъ, что согласные ж и ш, какъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ, произносились непалатально. Въ формахъ д. ед. ѣсѣѣри (Есѣ. V. 6. VIII. 1. Остр. ѣсѣѣри, Первоп. какъ въ Новой), рѣѣ (Руѣ. I. 15. Остр. рѣѣ, Первоп.

¹⁾ Встрѣчается и форма лжѣ (Іов. XVI. 8. Остр. и Первоп. такъ же. I. Спр. XX. 24. Остр. лжа, Первоп. лжѣ, образованная по типу основъ на а —

какъ въ Новой) имѣемъ примѣръ морфологической ассимиляціи къ основамъ на *ā*-. Рядомъ однако *Ěсѡири* (Эсѡ. II. 12. Остр. и Первоп. такъ же). Встрѣчается и родительный по типу основъ на *ā*-. *Рѡфы* (Р. IV. 5. Остр. *рѡѡъ*, Первоп. *рѡѡь* — винит. ед.). Въ винит. падежѣ ед. ч. отъ этой же основы имѣемъ форму, образованную по типу основъ на *ā*-. *лжѡ* (*ibidem*. Остр. *лжѡ*, Первоп. какъ въ Новой). Такія образования, однако очень рѣдки. Единственное общее уклоненіе отъ старосл. имѣется въ звательн. падежѣ единств. числа, гдѣ вмѣсто формы, схожей съ родит., дат., предложн. (напр. стел. *кости*) имѣемъ образование по типу основъ ж. р. на *jā*-. *Ěсѡири* (Эсѡ. V. 1. 2. Остр. *ěсѡириъ*, Первоп. какъ въ Новой), *радосте* (Филипп. IV. 1, Остр. и Первоп. *радость*), *пѡмоще* (Великое Повечеріе. Молитва Богородицѣ), *крѣпосте* (Псал. XVII. 2. Остр. *крѣпости*, Первоп. какъ въ Новой). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что зват. на *-ε* принадлежить уже позднѣйшему языку; въ Острожской библ. находимъ или старинный звательный, или форму именит. падежа. Первопечатная, какъ всегда, занимаетъ среднее мѣсто. Въ творительномъ имѣется только позднѣйшая форма съ долгимъ *ī* (*-ію*), вмѣсто старославянскаго *-ь* (*-ьж*) и русскаго *о* (нуль гласнаго) — *’ju* (*-ью*): *трѡстію* (Мр. XV. 19. Остр. *трѡстью*, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Двойственное число не представляетъ уклоненій. И. В. 3. чѣсти (Іерем. XXXIV. 18 на двѣ...), *скрижѡли* (Второз. IX. 10. 15), Р. Пр. *зѡповѣдію* (М. XXII. 40). Дат. и Твор. должны бы имѣть *-εма*, гдѣ *ε* = *ь* (стел. *костьма*): у М. Смотрицкаго имѣемъ произвольную дифференціацію окончаній *-εма* и *-ьма* (въ сущности *-εма* и *’-ма*): дат. *зѡповѣдема* и твор. *зѡповѣдьма* (л. *ѣк* на обор.). У Зизанія *нощѣма*, *кѡстѣма* (л. 28 на об.).

Множественное число. И. В. правильно: *волѣзни* (М. VIII. 17). У основъ съ послѣднимъ согласнымъ „шипящимъ“ въ написаніи встрѣчается уподобленіе къ основамъ на твердый согласный: *вѣщи* (3. Ездры IV. 21; винит. мн. Остр. *вѣщи*, Первоп. *вѣщи*). Род. также правильно, но съ *ε* = стел. *ь*: *нощѣй* (Быт. VII. 12. 17, Остр. *нощѣи*, Первоп. *нощѣй* и *нощѣи*), *зѡповѣдей* (М.

V. 19), двѣрѣй (Неем. VI. 1); въ Острожской библии еще заповѣди, двѣрин, въ Первопечатной уже заповѣдей, двѣрѣй. Тѣмъ не менѣе и въ современныхъ церковныхъ книгахъ формы съ *i* не исчезли: двѣрѣй (М. XXVIII. 2), заповѣдѣй (Мр. XII. У Зизанія нѣщій, кѣстѣй, рядомъ съ нѣщей, кѣстей (л. 28 на об.). Дат. правильно, но съ ϵ = стел. ъ: двѣремъ (Мр. I. 35, Остр. и Первоп. такъ же), волѣнемъ (Матѣ. XXIV. 8, Остр. волѣнемъ, Первоп. волѣнемъ), бѣнемъ (1. Тим. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. бѣнемъ). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ ж. р., напр. вѣтвямъ (Исх. XXV. 35, Остр. вѣтвемъ, Первоп. вѣтвемъ), лжамъ (Притчи XXIV. 2, Остр. и Первоп. такъ же). Творительный представляетъ два написанія съ ъ (-ьми) и безъ него (-ми): въ нѣкоторыхъ изданіяхъ ¹⁾ печальми (Л. XXI. 34, Остр. печальми, Первоп. печальми), страстьми (М. IV. 24, Остр. страстьми, Первоп. страстьми), въ другихъ ²⁾ печальми, страстми, вѣтвми (Исх. XXV. 35, Остр. и Первоп. двойств. ч. вѣтвѣма), волѣзми (3. Ездры VIII. 30, Остр. и Первоп. другой текстъ), и т. д., но частьми (Лев. IV. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Зависѣло ли это отъ того или другого произношенія, сказать, конечно, трудно. Вѣроятнѣе всего здѣсь просто опущеніе знака ъ, который представлялся излишнимъ для обозначенія палатальнаго отгѣнка *л', т', в'*, и безъ того неизбѣжнаго. Образование по типу бывшихъ основъ на *а*-имѣемъ въ формѣ: мышамы (1 Цств. VI. 1, Остр. мѣхамы).

Предложный множественнаго представляетъ два написанія: правильное ϵ -ѣхъ, гдѣ ϵ = стел. ъ и ϵ -ѣхъ, обязанное своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію соответствующаго падежа основъ м. р. на о-: персеѣхъ (Апок. XV. 6, Остр. персеѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), юдолѣхъ (1 Паралип. XII. 15, Остр. ѣ долѣ, Первоп. въ долѣхъ), вѣсеѣхъ (Мр. VI. 36, Остр. вѣсеѣхъ, Первоп. вѣсеѣхъ), рядомъ съ ѣслеѣхъ (Л. II. 7. 12. 16, Остр.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи, изданномъ въ Москвѣ, въ 1838, in 4°. Январь.

²⁾ Такъ въ изданіи Библии. Москва 1879 г. Ноябрь. Мал. 8, которымъ мы пользовались для поваго періода.

ѡслѣхъ, Первоп. ѡслѣхъ и ѡслѣхъ), скорѣхъ (2. Солун. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. скорѣхъ), сластѣхъ (Посл., Іак. IV. 3, Остр. сластѣхъ, Первоп. сластѣхъ), заповѣдѣхъ (Л. I. 6, Остр. такъ же, Первоп. -ѣхъ), вѣтвѣхъ (М. XIII. 32, Остр. вѣтвѣхъ, Первоп. вѣтвѣхъ), двѣрѣхъ (М. XXIV. 33, Остр. такъ же, Первоп. двѣрѣхъ), вѣщѣхъ (Л. I. 1, Остр. такъ же, Первоп. вѣщѣхъ), напѣстѣхъ (1 Петр. I. 6, Остр. напѣстѣ, Первоп. напѣстѣхъ) и т. д. У Зизанія находимъ только формы съ -ехъ: нѡщѣхъ, кѡстѣхъ (л. 28 на обор.). Фонетическаго значенія (въ печатномъ церковнославянскомъ) такая двойственность написаній, разумѣется, не имѣла. Въ Острожской Библии чаще формы на -ехъ, въ Первопечатной на -ѣхъ. Новая Библия ближе къ Острожской.

Изрѣдка попадаются и формы, вызванныя вліяніемъ бывшихъ основъ ж. р. на а-: лжѡхъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. такъ же), двѣрѡхъ (3 Царствъ VI. 34, Остр. и Первоп. друг. текстъ), влагостахъ (Осія III. 5, Остр. и Первоп. блгостахъ), въ Остр. б. вѣщѡ (3 Ездры IV. Первоп. вѣщѣхъ: Нов. другой текстъ) и т. д.

§ 6. Болѣе измѣненій претерпѣло склоненіе бывшихъ основъ на согласный. Какъ и у основъ на і- (ei-) уподобляющими типами здѣсь являются основы на jо-.

У бывшихъ первичныхъ основъ м. р. на п- исчезъ почти совершенно древній именительный п. ед. ч. (какъ стсл. камъ), вмѣсто котораго находимъ новѣйшее образованіе отъ основы косвенныхъ падежей (съ -еп-) по типу основъ на jо- или на і- (камень). Остатокъ древняго именит. падежа—плѡмы (Іова XLI. 12, II. пѣсней VIII. 6, Остр. и Первоп. плѡмы), но плѡмень (2 Макк. I. 32. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), камень (Ис. V. 28, Остр. и Первоп. такъ же).

Смотрицкій причисляетъ эти основы къ своему четвертому склоненію (съ именит. ед. на -ь), главный контингентъ котораго составляютъ первичныя основы на jо- (л. 123 на обор.). Но на л. 131 (на обор.) онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „вся (?) на ь кончающаяся склоненія сего имена чистѣе родительныи единственныи сходити творять на є, нежели на ѡ. яко, корень, ко-

рене. степѣнь, степѣне. камень, не. дѣнь, днѣ. пламень, пламене. и прочая“.

Образчики стараго род. ед. на -ε: кóрене (М. XIII. 21), пламене (3 Ездры XIII. 10), камѣне (Мр. XV. 46, Исх. XVII. 6), гачмѣне (Аггея II. 17) и т. д.

Имѣющіяся рядомъ формы камѣниѧ (Быт. XXVIII. 11, Апок. XVIII. 12, Остр. каменіа, Первоп. какъ въ Новой), корѣниѧ (М. XIII. 6, Остр. кореніѧ, Первоп. корѣниѧ), кремѣниѧ (Гова VIII. 17, Остр. камѣниа, Первоп. камѣниѧ) и т. д. вызваны такими собирательными, какъ листіе и т. д. (первичныя основы на jo-). Имѣются и формы р. п., образованныя по общему типу основъ на jo-: гачмѣнаѧ (Быт. XXVI. 12, Остр. гачменю, Первоп. гачмѣню дат., Иезек. XIII. 19. Остр. гачмѣнны), камѣнаѧ (3. Ездры I. 20, Остр. друг. текстъ), пламенѧ (Остр. б., Первоп. пламене, Новая Сгноѧ. II. пѣсен. VIII. 6). Эти послѣднія формы внесены уже въ Новый текстъ, а въ текстъ Остр. библіи не встрѣчаются.

Въ дательномъ единственнаго числа правильная форма камѣни въ Библии встрѣчается только два раза (Исх. Сир. XXII. 1, Иерем. II. 27). Въмѣсто нея болѣе употребительны формы: камѣню (Суд. XX. 45, 47, Остр. камыкъѧ, Первоп. камыкъѧ, Прем. Сол. VII. 9, Остр. камѣни, Первоп. какъ въ Новой), образованная по типу основъ на jo-, и камѣневи (Луки IV. 3, такъ уже въ Остр.), по типу основъ на eu- (u-). У Смотрицкаго, кромѣ этихъ трехъ формъ, встрѣчаемъ еще четвертую форму камѣнию (также Апок. VI. 16, Остр. и Первоп. такъ же. Аввак. II. 19, Остр. и Первоп. камыкъѧ), по типу собирательныхъ.

Винит. падежъ камень (М. XXVII. 60, Исх. XVII. 6, Остр. такъ же).

Звательный падежъ, образованный по типу основъ на jo-, камѣню находимъ во 2-й книгѣ Царствъ XXII. 2 (Остр. и Первоп. камѣнь). Предложный падежъ совершенно утратилъ древнюю форму (стел. **камѣне**) и представляетъ образованія по типу основъ на i- (частыя и въ старославянскомъ): камѣни (М. XXVII. 60; XXI. 44; XXII. 2), кóрени (М. III. 10). Имѣется и случай обра-

зованія по типу бывшихъ основъ на о-: *ѡчмѣнѣ* (Поиль I. 11, Остр. *ѡчмѣни*, Первоп. уже какъ въ Новой). Творительный имѣется чаще по типу собирательныхъ: *кѡменѣмъ* (Ис. Сир. XLVI. 6, М. XXIII. 37, Мр. V. 5. Такъ уже въ Острожской б.).

Рядомъ имѣется и форма *кѡменѣмъ*, отвѣчающая старосл. *каменьмъ* (Ис. Сир. XXIX. 13, Плачь Иерем. III, 16, Остр. и Первоп. такъ же). И. В. Зв. двойств. ч. идетъ по типу основъ на ю-: *кѡменѡ* (Исх. XXVIII. 9. 12, Остр. и Первоп. *кѡмени*, *кѡменѡ*).

Именительный множественнаго представляетъ двѣ формы: по типу основъ на ю-: *плѡмени* (Прем. Солом. XVШ. 5, Остр. и Первоп. родит. ед.) и по типу основъ на і-: *кѡменіе сотрѡшасѡ* (Наумъ I. 6. Остр. *кѡменіе сѡтрѣсѡ*, Первоп. *кѡменіе сотрѣсѡ*).

Старинный именительный множественнаго на -ѣ, который и въ дѣйствительно старославянскихъ памятникахъ уже отсутствуетъ, не встрѣчается и въ церковнославянскомъ.

Родительный множественнаго представляетъ двѣ формы; обѣ по типу основъ на і-: *кѡменей* (Юдиѡъ I. 2, Остр. *кѡменіи*, Первоп. *кѡменій*, Второзак. XXIV. 6, Остр. друг. текстъ, 3-я кн. Царствъ VII. 9, Остр. друг. текстъ) и *кѡменій* (Исх. XXIV. 4. 1 кн. Цств. XVII. 40) съ обычной мѣной старослав. и и русско-церковнославянскаго -ѣ=ї (ѣ); *корѣній* (Премудр. Солом. VII. 20, Остр. *кѡрѣніи*, Первоп. *кѡрѣній* и т. д.

Дат. *кѡменѣмъ* (Иезек. VI. 3, Остр. и Первоп. друг. текстъ) одинаково можетъ отвѣчать дат. мн. первичныхъ основъ на ю- (какъ *конѣмъ*), первичныхъ на і- (какъ *пѣтѣмъ*) и первичныхъ на ц- (какъ *каменьмъ*). У Смотрицкаго есть еще форма *кѡменіемъ* (листъ 132, на обор.), образованная по типу такихъ основъ ср. р. на ю-, какъ стел. *знаменіе*.

Винительный множественнаго представляетъ преимущественно одну форму, отвѣчающую первичной старославянской, но тождественную и съ винительнымъ множ. основъ на і-: *кѡмени*: (Исх. XXXV. 27; Иерем. XLIII. 9). Въ книжномъ, церковнославянскомъ языкѣ эта форма совпадала и съ именит. винит. надежомъ основъ муж. рода на ю- (какъ напр. царѣ: Прем. I. с. Сирах. XLVIII.

б, с, Остр. и Первоп. ѿб), представляющимъ въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи къ винительному множ. основъ м. р. на о- (какъ рабы и т. д.). Рядомъ имѣются и собирательныя формы: корѣниа (Ис. Сир. X. 18, Остр. вин. ед. корѣнь), каменіа или каменіа (Ис. LIV. 12, Остр. вин. ед. камыкз).

Творительный падежъ имѣетъ собирательную форму (первичныя основы на jо- ср. р.): каменіи (Ис. Сир. XLV. 13. Остр. и Первоп. такъ же; старосл. каменьми). У Смотрицкаго есть и форма каменьми (л. 132 на обор.). Форма предложнаго множ. ч. каменеуъ (2-е Коринѳ. III. 7, Остр. предл. единств., Второзак. XXVII. 3, Остр. камыцеуъ, Первоп. -ѣуъ, Иерем. XVIII. 3 и т. д., Остр. другой текстъ), подобно дат. множ., одинаково можетъ отвѣчать первичной стел. формѣ каменюхъ или представлять собой образованіе по типу основъ на і-.

Форма каменіауъ (Исх. VII. 19, Остр. друг. текстъ, Иерем. XIV. 6, Остр. скаля, Второз. XXVII. 8, 1; Остр. камыць; 1. Цств. XIII. 6 и т. д., Остр. такъ же, Первоп. каменіауъ), развившаяся очевидно изъ каменіиуъ (отъ собирательной основы ср. р. на jо-), представляетъ собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-, jā-. У Смотрицкаго есть и третья форма: каменіеуъ (л. 132 на обор.), являющаяся плодомъ смѣшенія основъ собирательныхъ на jо- съ церковнославянскими основами, отвѣчающими первичнымъ на і- (пѣтѣуъ=стел. пѣтьхъ).

Основы средняго рода на п-, какъ нма, сохранили свое склоненіе лучше въ единственномъ числѣ. Встрѣчается правильный родительный падежъ: ѣмене (Матѳ. XXIV. 9, Первоп. такъ же, Остр. ѣмени, XIX. 29, Остр. и Первоп. ѣмени), рамене (Ис. X. 27, Остр. и Первоп. такъ же), времене (М. XXVI. 16, Остр. времене, Первоп. такъ же, Луки IV. 13, Неем. II. 6, Остр. времени, Первоп. какъ въ Новой), писмене (Римл. VII. 6, Остр. и Первоп. писмени), сѣмене (М. XXII. 25, Остр. сѣмене, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Рядомъ имѣется болѣе рѣдкая форма по типу основъ на і-: времени (Апок. XII. 14, Остр. времени, Первоп. какъ въ Новой), какъ въ современномъ

русскомъ, ѣмени (ѣмени Остр. библ. М. XXIV. 9; въ Первопечатной и современныхъ книгахъ именѣ). Въ Остр. и Первоп. эта форма, какъ видно изъ цитатъ, чаще встрѣчается, чѣмъ въ Новой, гдѣ она замѣнена болѣе древнею, вѣроятно, вполне сознательно.

Дательный правильно: ѣмени (1 Парал. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), плѣмени (Апок. XIV. 6, Остр. племени, Первоп. плѣмени) и т. д.; по типу основъ ср. р. на о-: ра́мъ (Числ. XVIII, 18, Остр. другой текстъ: ра́мо и. ед.). У Зизанія вре́мени по типу основъ на јо- и вре́мени (л. 30). Какъ и въ родит. ед., Остр. и Первопеч. библія представляютъ чаще вторичную форму (по типу основъ на јо-), въ Новой замѣненную болѣе древней.

Творительный можетъ отвѣчать и первичной формѣ на -ьмь, и формѣ основъ на јо- (-ьмь): ѣменемъ = стел. нменемъ (М. XXVII. 57, Остр. и Первоп. такъ же, Л. I. 59, Остр. ѣменемъ), сѣменемъ (Апок. XII. 17, Остр. сѣменемъ, Первоп. какъ въ Новой). У Смотрицаго ѣменемъ (л. 115).

Предложный по типу основъ на јо- или основъ на і-: ѣмени (I. X. 25, Остр. ѣмени), вре́мени (М. XXV. 19, Остр. вре́мени).

Въ двойственномъ числѣ: И. В. 3. ра́мъ (Л. XV. 5, Быт. IX. 23, Остр. ра́мъ, Первоп. какъ въ Нов.) по типу основъ ср. р. на о- или ж. р. на а-. Встрѣчаются и образования по типу основъ м. р. на о-: ѡба ра́мена (Исх. XXVIII. 12, Остр. и Первоп. ѡбъ ра́мъ), два племена (I. H. XIV. 4). Остр. пле́мени. Въмѣсто формы двойств. числа, встрѣчается и форма винит. пад. множ. ч. по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Быт. XLIX. 15, Остр. ра́мъ, Первоп. ра́мъ). Другія формы дв. числа также часто замѣняются формами множ., нпр. предложный: двѣ ра́менахъ (Исх. XXVIII. 12, 21; Остр. и Первоп. ра́мъ; винит. на ра́мъ по типу основъ на о-).

Дательный: двѣ племенѣмъ (I. Нав. XIV. 3, Остр. двема́ племѣнѣ, Первоп. двѣма́ племенѣмъ). У Зизанія И. В. 3. вре́менѣ = имен. множ., Р. II. вре́менѣ, Д. Тв. вре́менема и вре́менѣма (по типу основъ на і- (л. 30).

Во множественномъ числѣ именит. и винительный падежи правильно: вре́мена (М. XXIII. 4, Остр. времена), ра́мена (Суд. XVI. 3, Остр. двойств.: ра́мѣ). Винит. множественнаго есть и по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Исх. XII. 34, Остр. такъ же).

Родительный множ. правильно: йме́нз (Апок. XVII. 3, Остр. такъ же), племе́нз (Апок. V. 9, Остр. племенз), вре́менз (ibid. XVIII. 12, Остр. временз), также и съ другимъ ударениемъ сѣменз (М. XIII. 32, Остр. сѣменз, Первоп. сѣменз), ра́менз (1 Цств. X. 23, Остр. друг. текстъ, Ис. X. 27, Остр. друг. текстъ).

Дательный множественнаго представляетъ нѣсколько формъ: „правильную“ пле́менѣмз (Ис. XIX. 13, Остр. пле́менѣмз, Первоп. пле́менѣмз), которая отвѣчаетъ стел. пле́менѣмъ и совпадаетъ также съ формой д. мн. ч. отъ основъ ср. и м. р. на jо-; встрѣчается и другая акцентуація — пле́менѣмз (1 Царствъ X. 19, Остр. пле́менѣмз, Первоп. какъ въ Новой), подобная акцентуаціи русскихъ формъ. Рядомъ имѣются формы, образованныя по типу основъ на о-: йменѣмз (Быт. XXV. 13, Остр. ймени, Первоп. ймени — ед. число), пле́менѣмз (1 Парал. XXVII. 23, Остр. друг. текстъ), вре́менѣмз (М. XVI. 3, Остр. временѣмз, Первоп. временѣмз), которыя свойственны Новой библіи, а также и формы по типу основъ на а̄-: пле́менѣмз (1. Цств. X. 21, Остр. друг. текстъ, Второз. XVI. 18, Остр. пле́менѣмз, Первоп. пле́менѣмз), йменѣмз (Быт. XXVI. 18, Остр. другой текстъ; Исх. XXVIII. 21, Остр. йменѣ, Первоп. йменѣмз). У Зизанія только вре́менѣмз (л. 30 на об.).

Творительный множ. числа: „правильная“ форма — вре́менѣи (1 Тимоѳ. II. 6, Остр. вре́мены, Первоп. какъ въ Новой), пле́менѣи (Второз. XXXIII. 5, Остр. им. множ.); рядомъ съ ними по типу основъ на а̄-: вре́менѣми (3. Цств. XI. 28, Остр. другой текстъ), зна́менѣми (1. Маккав. VII. 45, Остр. твор. мн. зна́менѣи). У Зизанія вре́менѣи по типу основъ на о- и вре́менѣми (л. 30 на об.), по типу основъ на і- или на и-.

Предложный мн. представляетъ въ сущности два окончанія:

-ʼах, которое передается въ цел. графигѣ какъ -εχъ и -ῑχъ (первое „правильно“, или явилось по типу основъ на i-, гдѣ ъ измѣнилось въ ε, второе по типу основъ на o- мн. и ср. р.) и -ахъ (-аχъ), отъ основъ на ā-: племенеχъ (Второзак. I, 13, Остр. племенеχъ, Первop. племенеχъ), йменеχъ (Дѣянiя. XVIII. 15, Остр. йменеχъ, Первop. йменеχъ), раменеχъ (Гезек. XII. 6, Остр. вин. дв. рамѣ) и времеёхъ (1. Солун. V. 1, Остр. времеенеχъ, Первop. какъ въ Новой), племеёхъ (Апок. X. 11, Остр. племеенеχъ, Первop. племенеχъ, Суд. XX. 10, Остр. племенеχъ, Первop. какъ въ Новой), раменаχъ (Исх. XXVIII. 21, на двѣ...: 2. Парал. XXXV. 3, Остр. двойств. ч.), временаχъ (Ис. Сир. XXXIX. 38, Остр. вин. ед.). У Зиванiя временаχъ (л. 30 на об.).

§ 7. Склоненiе первичной основы на согласный п-, дѣнь (стел. днь). Родительный единств. ч.: двѣ формы — правильная днѣ (стел. днье): М. XI. 23, XXVI. 29, XXV. 13, XXIV. 38 и т. д. и по типу основъ на jo-: днѣ (Эккл. VII. 2, Остр. днѣ, Первop. какъ въ Новой).

Дательный правильно—днѣ (стел. дньн): Пс. XVIII. 3 (Остр. днѣ); по типу основъ на jo-: днѣ (Дѣянiя II. 20, Иерем. XXXIII. 20, Такъ уже въ Остр. Библии: днѣю), полднѣ (2 Парал. XXXII. 30, Такъ уже въ Остр.); по типу основъ на u-: днѣви (М. VI. 34, Остр. такъ же: днѣви, Первop. какъ въ Новой).

Винительный: дѣнь (стел. дньн): М. XI. 24, XXVI. 17, XXIV. 50 (Остр. днѣ, Первop. какъ въ Новой).

Творительный: днѣмъ (Иерем. XXXIII. 25, Остр. днѣмъ, Первop. какъ въ Новой, стел. дньмь), совпадаетъ и съ творит. падежомъ основъ на jo- и на i-.

Предложный падежъ, рядомъ съ болѣе частой формой по типу основъ на i- —днѣ (М. XXIV. 36, Мрк. XIII. 32, Остр. днѣ, Первop. какъ въ Новой), представляетъ и болѣе древнюю форму днѣ (стел. днье): воднѣ (Остр. библ. Иоа. XI. 9, также въ Первop. воднѣ. Въ новыхъ изданiяхъ уже днѣ), въ полднѣ (Суд. V. 10, Остр. друг. текстъ, Пѣснь Пѣсн. I. 6, Остр. полднѣ, Первop. какъ въ Новой, Ис. Сир. XXXIV. 16, Остр. полднѣ, Первop.

какъ въ Новой), но полѣдни (Софон. II. 4, Остр. друг. текстъ: месамврю).

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: днѣ (на двѣ дни, Исх. XVI. 29, Остр. дѣни, стел. дѣни). Р. Пр. двою днѣ (М. XXVI. 2, Иоа. IV. 43, Остр. днѣю, Первоп. какъ въ Новой) по типу основъ на jо- и днѣю (Мр. XIV. 1, Остр. днѣю, Первоп. какъ въ Новой), по типу основъ на i-: стел. дѣноу. Другіе падежи не встрѣчаются.

Множественное число. Въ именит. п. только позднѣйшая форма по типу основъ на i-: днѣе (стел. дѣне): М. XXIV. 22, Л. II. 6, Остр. днѣе, Первоп. днѣе.

Родительный п. по типу основъ на i-: днѣи (М. IV. 2, XXIV. 29, Остр. дѣни, Первоп. днѣи, Мр. XIII. 20, Остр. дѣни, Первоп. днѣи, Л. XIII. 14 и т. д. Остр. дѣни, Первоп. днѣи), съ сохраненіемъ (или восстановленіемъ) старославянскаго *i=ъ* и днѣи (Дѣян. XXI. 26, Остр. дат. мн. Быт. VII. 12, 17, XXIV. 55, Остр. дѣни, Первоп. днѣи) съ русскимъ *e* (стел. дѣнь).

Дательный мн. отвѣчаетъ стел. дѣньмз:—днѣмз (Зах. VIII. 11, Осія II. 15, Остр. дѣмз, Первоп. днѣмз).

Винительный: днѣ (стел. дѣни): М. XXIV. 19, II. 1 (Остр. дѣни, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: дѣнми (стел. дѣньми); Иоа XV. 10 (Остр. и Первоп. дѣнми), М. XXVI. 61 (Остр. дѣнми, Первоп. дѣнми).

Предложный: днѣхъ (стел. дѣньхз): М. XXVII. 63 (Остр. днѣхз, Первоп. днѣхз), XVII. 1, (Остр. днѣхз, Первоп. какъ въ Новой), Мр. I. 9 (Остр. днѣхз, Первоп. днѣхз), Л. II. 36 (Остр. днѣхъ, Первоп. днѣхз).

§ 8. Въ склоненіи основъ на г- лучше сохранилось единственное число. Именительный ед. мѣти, какъ въ старославянскомъ (Л. XII. 53, Мр. III. 31—35, Остр. мѣти) и мѣтеръ (М. Смотрицкій л. 121 на обор.), днѣрѣ (Тов. VII. 8, Остр. днѣи, Первоп. днѣи)—образованія отъ основы косвенныхъ падежей, но днѣи (М. IX. 18, Остр. днѣи, Л. II. 36, Остр. днѣи). У Зизанія мѣти (л. 38), но днѣрѣ (л. 39) подъ вліяніемъ западно-русск. произношенія, не знающаго *r'*.

Родительный, какъ въ старославянскомъ: мѣтере (М. XV. 6, Остр. такъ же, Первоп. мѣрь вин. ед. Быт. XXIV. 67, Остр. и Первоп. мѣри по типу основъ на i-), дѣере (Суд. XI. 34, Мр. VII. 26, Остр. и Первоп. такъ же): стел. матерѣ.

Дательный также „правильно“: мѣтери (2 Парал. XXV. 1, М. I. 18, Остр. мѣри), дѣери (М. XXI. 5, Остр. такъ же): стел. матерн.

Винительный только мѣтерь (М. XIX. 29, Остр. и Первоп. мѣтере, II. 13, 14, 21, Остр. и Первоп. мѣре М. X. 35. 37, Остр. мѣре, Первоп. мѣрь), дѣерь (М. X. 35. 37, Остр. и Первоп. дѣере): стел. матерь. Въ Остр. имѣются еще стел. формы в. ед. мѣтере, дѣере (Л. XII. 53). Въ Первоп. уже мѣтерь, дѣерь, какъ въ Новой). У Зизанія мѣтеръ вмѣсто матерь подѣ влияніемъ западнорусскаго произношенія.

Творительный: мѣтерию (М. II. 11, Остр. такъ же), дѣерию (Гезек. XLIV. 25, Остр. вин. ед. дѣере): стел. матернж.

Предложный: мѣтери (М. Смотр. л. 121 на обор.) и по типу основъ на а-: дѣерьъ (Зах. II. 7, Остр. дѣере. Первоп. уже дѣерьъ): стел. матерн.

Звательный: мѣти (М. Смотр. л. 121 на обор.), дѣи (Суд. XI. 35, Остр. такъ же), какъ въ старославянскомъ—мѣти.

Формы двойственного числа, приводимыя Смотрицкимъ (л. 121 на обор.), построены очевидно имъ самимъ по разнымъ типамъ: И. В. З. мѣтеръ (стел. *матерн), по типу основъ на а-; Р. П. мѣтерию (стел. *матероу), дѣерию (1 Цств. XIV. 49, Остр. и Первоп. дѣерию), вмѣсто предполагаемой стел. формы *матероу, по типу основъ на i-; Д. мѣтерема и Тв. мѣтерьма съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей одного окончанія на два; въ основѣ второй могла лежать старосл. предполагаемая форма *матерьма, совпадающая и съ соотвѣтствующей формой бывшихъ основъ на i- У Зизанія И. В. Зв. мѣтеръ, Р. мѣтерию, Д. Т. мѣтерема (л. 38); дѣеръ, дѣерию, дѣерема (л. 39).

Множественное число. И. В. Зв. мѣтери (Смотрицкій л. 121 на обор.), дѣери (Быт. XXVII. 8, Остр. дѣери; Суд. III. 6.

Иезек. XIV. 16, Остр. дцѣри): стсл. матерн. У Зизанія мѣтерн (л. 38), но дцѣрѣ (л. 39).

Родительный падежь только по типу основъ на i-: мѣтерей (Плачь Иер. II. 12. Остр. и Первоп. родит. ед. мѣре), матерей и мѣтерій (Смотрицкій; л. 121 на обор.), дцѣрей (Л. I. 5, Суд. I. 27, Иезек. XIV. 18): стсл. матерь. (Въ Острожской библии еще дцѣръз—Иезек. XIV. 18, но дцѣрин Л. I. 5. Въ Первопеч. дцѣрій Л. I. 5 и дцѣрей Иезек. XIV. 18). У Зизанія мѣтерѣ (sic) и мѣтерій (л. 38), но дцѣрей (л. 39).

Дательный мѣтеремз (Плачь Иерем. II. 12, Остр. мѣремз, Первоп. мѣремз, у Смотрицкаго матеремз съ акцентуаціей, подобной русской: л. 121, на обор.), дцѣремз (Исх. II. 20, Остр. и Первоп. такъ же) отвѣчаетъ старосл. формѣ матерьмъ. У Зизанія мѣремз (л. 38), но дцѣрѣ по типу бывшихъ основъ на ā- и дцѣрѣ (л. 39).

Творительный мѣтерьми (Смотрицкій л. 122) также отвѣчаетъ стслав. формѣ. У Зизанія мѣтерьми (л. 38), но дцѣрѣми рядомъ съ дцѣрми (л. 39): стсл. матерьми.

Предложный мѣтерехз (Смотрицкій л. 122), дцѣрехз (1. Цств. XXX. 6, Остр. и Первоп. другой текстъ) также восходитъ къ стсл. формѣ (матерьхз). У Зизанія мѣтерѣхъ по типу основъ на ā- (л. 38), дцѣрѣхз (л. 39).

§ 9. Склоненіе основъ на es-сохранило въ большинствѣ падежей свой старославянскій видъ. Рядомъ довольно часты различныя образованія вторичнаго происхожденія, объясняющіяся морфологической ассимиляціей, прежде всего къ первичнымъ основамъ ср. р. на o-, а также и къ первичнымъ основамъ на ā-.

Единственное число. Именит. падежь; правильныя формы: тѣло (I. XX. 12), коло (Пе. LXXXII. 14, Остр. коло, Иезек. X. 9. 10, Остр. кóло). Рядомъ встрѣчаются образованія отъ основы косвенныхъ падежей: колесò (Экклес. XI. 6. Въ Острожской и Первопечатной библияхъ еще кóло). У Смотрицкаго (л. 116 на обор.) приводятся также формы небесò, чудесò, тѣлесò, оудесò, ðчесò, оушесò, дренесò и т. д., построенныя имъ чисто теоре-

тически, но съ оговоркой, что въ И. В. З. вмѣсто нихъ употребляются формы: нѣво, чюдо и т. д.: стел. нево.

Родительный п.; правильныя формы: тѣлесѣ (М. XXVII. 58. Остр. тѣлесѣ), невесѣ (М. XXIV. 29, XXI. 25, Остр. нѣсѣ), словесѣ (М. XXII. 46. V. 32, Остр. такъ-же), Ѡчесѣ (М. VII. 4. 5, Остр. Ѡчесѣ), оушесѣ (Исх. XXIX. 20, Остр. оушесѣ), колесѣ (Ис. XXIX. 5. Остр. винит. множ. по типу основъ муж. р. на о- или на и- кóлы). Рядомъ образованія по типу основъ ср. рода на о-: тѣла (Іоа. II. 21. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ), оу́ха (Іерем. XXXIV. 14. Такъ въ Остр. и Первоп.). У Л. Зизанія рядомъ нѣва и невесе (л. 29 на обор.): стел. невесѣ.

Дательный п. правильно: словесѣ (Пе. CV. 12, 24, Остр. словеси, словесѣ), невесѣ (Дѣян. III. 21, Остр. нѣси). У Л. Зизанія нѣвѣ, по типу бывшихъ основъ на о- (л. 29 на обор.), а рядомъ нѣси и нѣѣ (предл. вм. дат.): стел. некесѣ.

Винительный п.: тѣло (М. XXVII. 58).

Творительный „правильно“: невесѣмъ (М. XXIII. 22, стел. невесемъ); рядомъ по типу бывшихъ основъ на о-: слóвомъ (М. XXII. 15. Такъ уже въ Остр. и Первоп. библіяхъ), Ѡкомъ (М. XVII. 9. Остр. и Первоп. Ѡкомъ), нѣвомъ (М. V. 34, Остр. нѣвомъ, (Іак. V. 12, Остр. нѣомъ), дрѣвомъ (3 Цств. VI. 10, Остр. и Первоп. уже такъ-же), у Л. Зизанія нѣвомъ и невесѣмъ (л. 29 на обор.). Какъ видно изъ цитатъ, образованія по типу основъ на о- встрѣчаются уже въ Остр. б. тамъ же, гдѣ и въ Новой.

Предложный идетъ большею частію по типу основъ на i- вмѣсто стел. на -е (невесе); тѣлесѣ (2 Петра I. 13, Остр. такъ-же), колесѣ (Пе. LXXVI. 19. Остр. вколеси, Первоп. какъ въ Новой, Іезек. X, Остр. вѣколеси, Первоп. какъ въ новой), невесѣ (М. XXVIII. 18, Остр. нѣси), Ѡчесѣ (Луки VI. 41, 42, Остр. Ѡчеси, Ѡчесѣ, Первоп. Ѡчесѣ); по типу бывшихъ основъ ср. р. на о-: во Ѡцѣ (Матѣ. III 3, 4, Остр. также Ѡцѣ, Ѡцѣ).

Двойственное число представляетъ очень скудное количество примѣровъ. И. В. З. образованы по типу основъ ж. р. на а-: двѣ Ѡцѣ

(винит. п. М. XVIII. 9, Остр. и Первоп. ѝѣѣ), по типу основъ на i-: Ѡчи (вин. п. Ис. I. 15, Остр. и Первоп. также Ѡчи). У Смотрицкаго имѣется имѣ построенная форма словеса (л. 116), тождественная съ им. множ. числа.

Соотвѣтствій старославянскимъ формамъ, какъ тѣлесъ, не встрѣчается. Формы, попадающіяся въ Остр. и Первоп., какъ ѡѣѣ ѡстѣѣ (Исх. XXIX. 13, Лев. IX. 10. ѡстѣси) въ Новой библіи замѣнены другими: Ѡѣѣ пѡчки. У Л. Зизанія вм. И. В. Зв. дв. ч. находимъ только форму им. множ. нѣса (л. 29 на об.).

Родительный и предложный: во оушю (1 Цств. XV. 14, Остр. въ оушю, Первоп. воушю) по типу основъ на i-, Ѡчию (р. п. Тов. X. 5, Остр. и Первоп. очю). Только у Смотрицкаго (л. 116) находимъ форму, отвѣчающую старославянской: словесаѡ.

Дательный и творительный: Ѡчима (твор. I. Цств. I. 18). оушима (твор. М. XIII. 15) какъ въ старославянскомъ по типу основъ на i-. У Смотрицкаго находимъ дифференціацію (разумѣется, чисто теоретическую и произвольную): для дат. словесама, что можетъ отвѣчать старосл. словесама или также стел. полема, для твор. же форму, образованную по типу основъ на ā— и въ библейскомъ текстѣ не встрѣчающуюся: словесама (л. 116). У Зизанія по типу основъ на o-: нѣсома (л. 29 на об.).

Множественное число; именительный и винительный п.; правильныя формы: дресеса (Иезек. XXXI. 9, 14, Остр. такъ же, но дрѣва *ibid.* 15, Нов. дресеса), тѣлеса (М. XXVII. 52), колѣса (Иез. X. 9, 12, 16, 19; Остр. кѡлеса, колѣса, колеса, Первоп. колѣса, колѣса), словеса (М. XXVI. 1), чѡдеса (М. XXIV. 24), оушеса (1 Цар. III. 17), Ѡчеса (Мр. XIV. 40): стел. тѣлеса. Рядомъ формы, образованныя по типу основъ ср. р. на o- и встрѣчающіяся уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой: дрѣва (Исх. IX. 25, Остр. и Первоп. ед. число дрѣво, Ис. XIV. 8, Остр. друг. текстъ, Суд. IX. 8; Остр. дрѣва, Первоп. какъ въ Новой). У Зизанія нѣа и нѣса (л. 30); по типу основъ муж. р. на o-: оушы (1 Цств. XI. 4), гдѣ морфологическая ассимиляція сказывается только въ написаніи съ ѡ- (въ Острожской и Первопечатной библіяхъ находимъ здѣсь обычное написаніе оуши, по

типу И. В. Зв. дв. ч. основъ на i-). Встрѣчаются и собира- тельныя формы: дрѣвіе (Мр. VIII. 24. Такъ уже въ Остр. б.).

Родительный падежъ правильно: словѣсъ (М. X. 14), колѣсъ (Іез. X. 2, 6, 9, 12, Остр. колесъ, колѣсъ, колѣсъ, Первоп. колѣсъ), небѣсъ (М. XXIV. 31), тѣлѣсъ (Апок. XVIII. 13), дрѣвѣсъ (Апок. VII. 3), оушѣсъ (Исх. XXIX. 20). У Визанія по типу основъ на o-: нѣъ и правильно нѣсъ (л. 30): стел. тѣлѣсъ.

Въ дательномъ падежѣ преобладаютъ формы правильныя: словѣсъмъ (1 Тимоѳ. VI. 3, Остр. словесемъ, Первоп. какъ въ Новой, стел. словесымъ), ѡчесѣмъ (1 Цств. II. 33, Остр. друг. текеть), чѣдѣсъмъ (Дѣян. IV. 30, Остр. другой текеть). Рядомъ встрѣчаются формы, образованныя по типу основъ на ā-: колѣсамъ (Іезек. X. 12, Остр. имен. мн.), а также и по типу вторичныхъ формъ дат. множ. основъ ср. р. на o-, которыя въ свою очередь обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-,—дрѣвѣмъ (Суд. IX. 15. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библияхъ). У Визанія по типу основъ на o- и на ā-: нѣсъѡ и нѣсамъ (л. 30).

Творительный представляетъ старинную форму: словѣсы (Римл. XVI. 18, Остр. такъ же). Рядомъ формы съ полной основой косвенныхъ падежей, но съ окончаніемъ по типу основъ ж. р. на ā-: дрѣвѣсамы (Іезек. XXXI. 18, Остр. р. мн. дрѣвѣсъ), словѣсамы (Притчи VI. 2. Въ Остр. и Первоп. оустьнамы). Имѣются и образованія по типу основъ ср. р. на o-: дрѣвы (3 Цств. IX. 11, Остр. такъ же), колы (Острожская и Первопечатная библии Ис. XXIX. 5, въ Новой р. ед. колесѣ); а также образованія по типу основъ на ā- отъ основы им. ед.: дрѣвѣми (Суд. IX. 9, 11. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XLI. 26, Остр. друг. текеть). У Визанія нѣсы и нѣмами (л. 30): стел. тѣлѣсы.

Предложный падежъ; „правильное“ написаніе окончанія этого падежа -ѣхъ, отвѣчающее старославянскому -ьхъ (тѣлѣсьхъ), встрѣчается только въ Острожской библии: словѣсѣхъ (1. Маккав. IX. 37, Л. IV. 22), но словѣсъхъ Мр. X. 24, дрѣвѣсъхъ Іез. XXXI. 18; въ Первопечатной и современныхъ находимъ графическую ассимиляцію къ основамъ м. и ср. р. на o-: словѣсъхъ (Л. IV.

22), дрѣвесѣхъ (I. Нав. гл. X. 26), оушесѣхъ (Быт. XXXV. 4), чудесѣхъ (Остр. чудесѣхъ. 2 Корин. XII. 12). У Смотрицкаго также словесѣхъ (л. 117 на обор.). Звуковое значеніе окончаній -ехъ и -ѣхъ, конечно, совершенно уже одинаково въ печатномъ церковнославянскомъ. Рядомъ съ этими формами находимъ образованія по типу основъ ж. р. на ā- отъ основы косвенныхъ падежей: оушесѣхъ (2. Цств. XVIII. 12. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ... во оуши...); сверхъ того имѣются образованія отъ основы им. пад. ед. ч. по типу основъ ср. р. на o-: дрѣвѣхъ (Суд. VI. 26. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Иезек. XV. 6, Остр. дрѣвесѣхъ, Первоп. дрѣвесѣхъ), а также по типу основъ ж. р. на ā-: дрѣвахъ (3 Цств. V. 8, Остр. другой текстъ) и дрѣвахъ (I. Нав. X. 26, Остр. другой текстъ). У Зизанія (вмѣсто дат.): нѣсѣхъ и нѣсѣхъ (л. 30).

§ 10. Приблизительно подобныя отношенія представляетъ склоненіе основъ на nt-, сохранившее многія старинныя формы.

Единственное число. Именит. и винит. п. Ѡтрочѣ (М. II. 9. 11. XVIII. 4), съ а=стел. м (такъ уже въ Острожской б.), Ѡслѣ, жрѣбѣ (М. XXI. 2, Остр. Ѡслѣ, жрѣбѣ, Первоп. Ѡслѣ, жрѣбѣ), Ѡвчѣ (М. XII. 11, Остр. Ѡвчѣ, Первоп. Ѡвчѣ): стел. **отроуха**.

Родительный падежъ правильно: Ѡтрочѣте (М. II. 13, 20, Остр. Ѡтрочѣте), Ѡвчѣте (М. XII. 12, Остр. Ѡвчѣте), козлѣте (Л. XV. 29, Остр. козлѣте): стел. **отроухате**.

Дательный падежъ правильно: Ѡтрочѣти (2 Цств. XII. 21): стел. **отроухати**. У Зизанія также Ѡтрочѣтию, по типу бывшихъ основъ на jo-, (л. 29 на об.), рядомъ съ правильной формой.

Творительный также отвѣчаетъ старосл. формѣ: Ѡтрочѣтемъ (Быт. XXI. 20), съ а=стел. м. Такое правописаніе уже въ Остр. б.: Ѡтрочѣтемъ. У Смотрицкаго Ѡтрочѣтемь (л. 114 на обор.)=стел. **отроухатемь**. Окончаніе -емъ совпадаетъ и со стел. окончаніемъ основъ на jo-: **-емь**.

Предложный: Ѡтрочѣти (М. II. 8, Л. II. 17, Остр. Ѡтрочѣти) по типу основъ на i-: стел. **отроухате**.

Двойственное число можетъ быть представлено только въ фор-

махъ, приведенныхъ у Смотрицкаго. И. В. Зв. у него образованъ по типу основъ м. р. на о-: ѡтрочѣта (л. 114 на обор.): стел. **отроуаѣ**. Р. П. правильно: ѡтрочѣтѣ: стел. **отроуаѣѡу**.

Дательный и творительный съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей; для перваго правильная форма ѡтрочѣтема (стел. **отроуаѣма**), которая въ церковнославянскомъ совпадаетъ также съ Д. Т. отъ основъ на јо- (какъ стел. **полема**), а для втораго форма ѡтрочѣтама, образованная по типу основъ на ā-. Такія же формы находимъ у Зизанія (л. 29 на об.), за исключеніемъ дат. и творит. ѡтрочѣтома по типу основъ на ѡ-.

Множественное число. Им. В. Зв. правильно: Ѡслѣта (1 Цств. IX. 5, Остр. ѡслѣта), у Смотрицкаго ѡтрочѣта (стел. **отроуаѣта**). Существительное дѣтя идетъ по типу основъ на і-, какъ въ русскомъ: Им. дѣти (М. XVШ. 3), Вин. дѣти (Мр. X. 13); такъ уже въ Острожской бібліи (дѣти).

Родительный правильно: Ѡтрочѣтѣ (Мр. IX. 37), телѣтѣ (1 Цств. VI. 7): стел. **отроуаѣ**. По типу основъ на і-: дѣтѣй (вмѣсто винит. п. Мр. X. 14, Остр. дѣтѣи; Первопеч. уже дѣтѣй).

Дательный правильно у Смотрицкаго (л. 114 на обор.): ѡтрочѣтема (стел. **отроуаѣма**), каковая форма совпадаетъ также съ дат. мн. отъ основъ м. и ср. р. на јо-. Кромѣ того имѣются формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о-: Ѡслѣтѡма (Суд. XIX. 19, 21. Такъ уже въ Остр. бібліи) и по типу основъ на і- или на јо-, какъ: дѣтема (Быт. XLV. 19. Такъ уже въ Остр. б.—дѣтема). У Зизанія ѡтрочѣтѣ и ѡтрочѣтѣ по типу основъ на ѡ- и на ā- (л. 30).

Творительный п. у Смотрицкаго правильно: ѡтрочѣты (л. 114, стел. **отроуаѣты**). У Зизанія ѡтрочѣты и ѡтрочѣтама по типу основъ на ā- (листъ 30).

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: правильное — 'ѣх, передаваемое въ цсл. графикѣ то -ѣхъ (стел. -ѣхъ), то -ѣхъ (графическое уподобленіе къ основамъ на ѡ-) и -ѣхъ (-ѣхъ), представляющее собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-: Ѡслѣтѣхъ (1 Цств. X. 2), рядомъ съ Ѡслѣтѣхъ (1 Цств. IX. 20. Въ Острожской ѡслѣтѣхъ, въ Первопечатной

уже ѡслѣтѣхъ). У Смотрицакаго: ѡтрочѣтѣхъ (стел. **отроуатѣхъ**). Рядомъ по типу основъ на ā-: ѡслѣтахъ (Суд. V. 10. Такъ уже въ Остр. и Первопечатн. библіяхъ). У Визанія ѡтрочѣтахъ и ѡтрочѣтѣхъ (л. 30).

§ 11. Основы на ī- сохранили только въ нѣкоторыхъ формахъ свое первичное склоненіе. Въ другихъ же замѣчается вліяніе основъ на i-.

Единственное число. Именительный п. въ большинствѣ случаевъ утратилъ первичную форму съ -ы (стел. -ы) и представляетъ собой обыкновенно тождественное съ винит. ед. образование отъ основы косвенныхъ падежей по типу основъ на i-: ѡтровои (Руѡб I. 15. Въ Остр. и Первоп. ѡтрь, — образование по типу основъ на i-), свекрѡвь (Руѡб II. 18. Въ Остр. свѣкры, въ Первоп. свекры), крѡвь (М. XXIII. 35. XXVII. 25. Такъ уже въ Остр. б.), любѡвь (Эвкл. IX. 6. Такъ уже въ Остр.), смѡкви (Пѣсьн Пѣсен. II. 13; въ Остр. смѣшанная форма смѡквы=смѡкви + смокви). Старинный именительный сохранился въ слѣдующихъ случаяхъ: любви (1 Кор. XIII. 4, М. XXIV. 12, Остр. такъ же), свекры (Л. XII. 53, Остр. такъ же въ противоположность вин. ед. свекрѡвь—тамъ же), неплѡды (Л. I. 7, Остр. такъ же).

Родительный падежъ правильно: крѡве (стел. **крѣве** М. XXIII. 35), любвѣ (стел. **любѣве** Л. XI. 42. Острожск. и Первопечатн. б. Въ Новой б. любѡвь вин. пад.), ѡтровои (Руѡб I. 15, Остр. такъ же), црѣкве (М. XXIV. 1, стел. **црѣкѣве**). Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ встрѣчается также форма именит. ед. вмѣсто родит.: Остр. възслѣдъ свѣкры (Первоп. свекры) своѣ (Руѡб I. 14. Въ Новой друг. текстъ). Форма эта свидѣтельствуетъ о томъ, что именит. п. уже пересталъ чувствоваться таковымъ, такъ какъ въ языкѣ писавшаго былъ уже вытѣсненъ новообразованіемъ. Въ Острожской б. еще встрѣчается р. п. по типу основъ на i-: крѡви (3 Цств. XVIII. 28). Въ Первоп. и Новой уже исправлено крѡве.

Дательный правильно: цѣркви (1 Кор. I. 2, стел. **црѣкѣви**), свекрѡви (Руѡб II. 18).

Винительный п.; правильныя формы: црѣковъ (М. XXI. 23,

Остр. такъ же), кровъ (М. XXVII. 4, Остр. кровъ, Первоп. какъ въ Новой), свекрѡвь (Л. XII. 53, Остр. такъ же), любѡвь (2 Петр. I. 7. 1, Иоа. III. 1, Остр. такъ же), неплодовъ (Пс. CXII. 9, Остр. р. ед. неплодове, Первоп. какъ въ Новой): стел. цръкъвь, крѡвь и т. д. Форма именит. п. вмѣсто винит.: любѡви творѣти (Апок. II. 14, Остр. любви), что встрѣчается уже въ древнѣйшихъ стел. памятникахъ.

Творительный п. правильно: цѣрковію (М. XXIII. 16), кровію (Римл. V. 9), свекрѡвію (Руѡв II. 11), любѡвію (1 Кор. XVI. 14): стел. цръкъвнж, крѡвнж и т. д.

Предложный п. утратилъ древнюю форму (стел. цръкъвѣ) и пошелъ по типу основъ на i-: любѡви (1 Иоа. IV. 16. 18. Такъ уже въ Остр. б.), цѣркви (М. XXVI. 55. XXI. 14), въ кровѣ (М. XXIII. 30, Остр. крови, Первоп. кровѣ, Иезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѣ), рядомъ въ кровѣ (Иезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѣ).

Множественное ч. Именительный п. правильно: смѡкви (Іер. XXIV. 3, 5, Іоиль II. 22, Остр. смѡкви, смѡкви, Первоп. какъ въ Новой), цѣркви (Римл. XVI. 4, Остр. цѣкви): стел. цръкъвн.

Родительный п., по типу основъ на i-: смѡквиѣ (Іер. XXIV. 1, Остр. смѡквиѣ, Первоп. смѡквиѣ, Ис. XXXVIII. 21, Остр. смѡквиѣ, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ: смѡквиѣ (ibid. 2, Остр. винит. мн. смѡкви), кровѣѣ (2 Цѣв. XVI. 7, 8, Остр. ед. ч. кровѣѣ), цѣквиѣ (2 Кор. VIII. 19, Остр. р. ед. цѣкви). Чередованіе i и e объясняется вліяніемъ русскаго языка: стел. цръкъвь.

Дательный п., какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: смѡквѣмъ (Іер. XXIV. 2, Остр. смѡквѣмъ по типу основъ на i-, Первоп. какъ въ Новой), хорѡгвѣмъ (1 Цѣв. X. 19, Остр. хорѡгвѣ); цѣквѣмъ (2 Кор. VIII. 18, Остр. цѣквѣ, Первоп. цѣквѣмъ): стел. цръкъвѣмъ.

Винительный по типу основъ на ā-: смѡквы (Осіа II. 12, Остр. смѡквинѣ), смѡквы (Іер. XXIX. 17. Такъ уже въ Остр.: смѡквы, Первоп. такъ же): стел. цръкъвн.

Творительный по типу основъ на i-: кровѣмъ (Апок. XVII. 6, Остр. и Первоп. кровѣмъ, Осіа IV. 2, Остр. крѡми, Первоп.

крѡвми), кровьми (Пс. СV. 38, Остр. крѡвми, Первоп. какъ въ Новой), вровьми (Ис. Сир. XXVI. 11, Остр. дв. ч. вровма, Первоп. брѡвма); стел. црькѡвми.

Предложный, какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на \bar{a} -: любвѡхъ (Посл. Іуд. I. 12, Остр. любвѡ), цѣрквѡхъ (Пс. XXV. 12, Остр. и Первоп. цѣрквѡхъ): стел. црькѡвѡхъ.

§ 12. Основы муж. р. на u - въ большинствѣ падежей пошли по типу болѣе многочисленныхъ основъ на o -. Въ свою очередь, нѣкоторыя ихъ падежныя формы въ силу своего звуковаго богатства и характерности послужили источникомъ новообразованій. Окончанія дат. ед. -оки, им. множ. -оке и род. -окъ (во всѣхъ этихъ случаяхъ -ок- принадлежитъ основѣ и отъ нея абсорбировано окончаніями, такъ что уже не чувствуется частью основы) перешли къ различнымъ другимъ основамъ, которымъ первично никогда не были свойственны.

Единственное число. Именительный п.: Снъ (Л. I. 32 и т. д.) совпадаетъ съ имен. п. ед. ч. основъ на o -: стел. сынъ.

Родительный п. по типу бывшихъ основъ на o -: сына (М. XXI. 37, XXIV. 30, Остр. сѡна, М. Смотрицкій, л. 113. Въмѣсто винит. ед. ч. М. XXI. 5, Остр. сѡна, XXIV. 30 и т. д.), дома (Л. XI. 20, Остр. такъ же), что встрѣчается, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библіи. Рядомъ имѣются и старыя, правильныя формы: дѡмъ (М. XXIV. 43, Мр. XIII. 35, Евр. XI. 7, Остр. такъ же. М. Смотрицкій л. 118 только дѡмъ), полъ (Л. II. 23, Остр. такъ же), дѡхъ (2 Кор. III. 6, Остр. такъ же), верхъ (Л. IV. 29, Остр. врьхъ, Первоп. какъ въ Новой), но верхъ (Іоа. II. 7, Остр. такъ же): стел. сыноу, домоу.

Дательный падежъ по типу основъ на o -: сынъ (М. XXI. 15, Остр. сѡнъ, Ис. Сир. XXX. 7, Остр. испорч. текстъ), дѡмъ (Л. XIX. 9, Остр. такъ же, Цѣств. II. 28, Остр. домъ); старая форма: сѡнови (Л. V. 22, Остр. такъ же), дѡмови (М. Смотри. л. 118, гдѣ имѣется также и дѡмъ): стел. сыновн.

Винительный, какъ у бывшихъ основъ на o -, у именъ одушевленныхъ замѣняется формой родительнаго падежа (явленіе синтактическое): сына (М. XXIV. 30, XVI. 28, XXI. 5, Остр. сѡна. Быт. XIX.

37. 38, Остр. сѣз, Первоп. сѣа, I. Сир. XXI. 1, Остр. сѣа, 2. сѣз, Первоп. сѣа, 3. О. сѣз, Перв. сѣа, 13. О. сѣз, Перв. сѣа. М. Смoтpицкѣй 113, только эта одна форма), волà (Дан. V. 21, Остр. такъ же), но у неодушевленныхъ: дómъ (Л. X. 38, Остр. домъ. М. Смoтpицкѣй, л. 118). Послѣдняя форма одинаково можетъ быть винит. п. отъ основъ на ц- и отъ основъ на о-: стел. сынъ.

Какъ видно изъ цитатъ, старинный винит. п. ед. ч., тоже- ственный съ имен., лучше сохраняется въ Остр. библии, хотя и тамъ уже встрѣчается форма род. п. Въ Первопечатной на мѣстѣ старинныхъ формъ вин. п., находимъ уже родит. ед. ч.

Звательный по типу основъ м. р. на о-: сынє (М. XX. 30. 31, Остр. сѣе. М. Смoтpицкѣй, л. 113), дóме (Дѣянїя VII. 42, Остр. такъ же. М. Смoтp. 118); стел. сыноу и т. д.

Творительный п. одинаково можетъ отвѣчать исконной формѣ или представлять собой образование по типу основъ на о-: сыномъ (2 Цств. XVI. 19, М. Смoтp. сыномъ л. 113, стел. сынъмъ), дóмомъ (М. XXIV. 45. М. Смoтp., л. 118), дѣломъ (М. III. 11).

Предложный п. по типу основъ на о-: сынѣ (Евр. I. 2, Остр. сѣѣ, М. Смoтp., л. 113), дóмѣ (1 Цств. III. 13. Такъ уже въ Остр. б.), на версѣ (1 Цств. XXVI. 13, Остр. такъ же), но правильно—домѣ (М. XXVI. 6, XXIV. 17, Остр. домѣ, IX. 10, Остр. домѣ, М. Смoтpицкѣй, л. 118), верхѣ (нарѣчїе М. II. 9, Остр. врзхѣ), воздѣхѣ (Притчи XXX. 19, Остр. воздѣхѣ), чинѣ (1 Кор. XV. 23, Остр. чинѣ): стел. сыноу, домоу.

Двойственное число. И. В. 3. Большая часть случаевъ по типу основъ на о-: два сына (М. XXI. 28. 1, Макк. XIII. 16, Остр. два сѣа), ѡба сына (М. XX. 21, Остр. сѣа), двà вола (3 Цств. XVШ. 23, Остр. юнца), у М. Смoтpицкаго только дóма (л. 118), сѣа (л. 113). Рядомъ встрѣчаются изрѣдка старыя формы: в. п. двà сыны (Быт. XLVШ. 1. 13, Остр. ѡбà сѣа, 1 Макк. XVI. 2, Остр. множ. ч. двѣ сѣовъ), двà дóмы (3 Цств. IX. 10, Остр. двà домъ, Первоп. двà домъ); ѡба пóлы (Езек. XLVII. 12, Остр. ѡба пóлы), Въ данныхъ случаяхъ эти винит. падежи могутъ быть просто формами вин. множ., употребленными вмѣсто вин. двойств. ч.: стел. сыны, дома.

Р. П., судя по формамъ, приведеннымъ у Смотрицкаго (л. 113, 118): сынѸ, дѸмѸ (стел. сыновоу) пошелъ по типу основъ м. р. на о-. Въ исправленной, Новой библии, вмѣсто р. дв., встрѣчаемъ форму р. мн.: ѸбѸихъ сынѸвъ (РуѸв I. 5) — въ Острожской б. по ѸвѸю снѸ.

Дательный и творительный идутъ по типу основъ м. р. на о-: двѸмѸ сынома (РуѸв I. 2, такъ же и въ Остр. б.), рядомъ сынома (М. XX. 20, Остр. такъ же) съ удареніемъ на окончаніи: стел. сынѸма. Старинный Д. Тв. дв. сохранился въ нарѣчїи полмѸ (Дан. XIII. 59, Остр. польма, Первоп. полма, стел. полма). У Смотрицкаго обычная педантичная дифференціація: дат. сынома (л. 113), дѸмома (л. 118) и твор. по типу основъ на а-: сынама, дѸмама (ibid.).

Множественное число. Именит. п. представляетъ разнообразіе формъ: правильныя формы—сынове (М. V. 9, XVII. 26, Остр. снѸве), дѸмове (2 ЦѸтв. II. 3, Остр. домове), волѸве (Быт. XXX. 43, Остр. влѸве): стел. сынове, домове. У Смотрицкаго находимъ форму дѸми (л. 118 на обор.), образованную по типу им. мн. основъ м. р. на о- (см. также Числ. XXIV. 5, Остр. еще дѸмове, Первоп. дѸмѸве). Встрѣчается также и винит. п. вмѣсто именит.: дѸмы (Іерем. VI. 12, Остр. домы, Первоп. дѸмы), сыны (М. Смотр., л. 113 на обор.).

Родительный правильно: сынѸвъ (М. XVII. 25, XXVII. 9), волѸвъ (3 ЦѸтв. XIX. 19. 21), домѸвъ (Мр. X. 30). У Смотрицкаго приводятся формы, образованныя по типу основъ на о-: сынѸз (л. 113 на обор.), дѸмѸз (л. 118 на обор.), въ новомъ библейскомъ текстѣ однако не встрѣчающіяся: стел. сыновѸ.

Дательный падежъ какъ у основъ на о-: сынѸмѸз (Суд. III. 6, Мр. III. 28, Остр. снѸмѸз, М. Смотр. л. 113 на обор.), домѸмѸз (ДѸянїя II. 46, Остр. предлож. домохъ, Первоп. домѸхъ, XX. 20, Остр. дѸмѸ, Первоп. домѸмѸз, М. Смотр. л. 118 на обор.): стел. сыномѸ вмѣсто ожидаемаго *сынѸмѸ. Рядомъ съ этими формами имѣются образованныя отъ сильной основы косвенныхъ падежей: сыновѸмѸз (2 Парал. XIII. 5, Пс. LXXXII. 9. Такъ и въ Остр. б. снѸвѸмѸз, М. Смотр. л. 113 на об. Евр.

ХП. 7, Остр. сѣд), дѣховѣмъ (Л. IV. 36, Остр. дѣховѣмъ, Первоп. какъ въ Новой, Мр. I. 27, Остр. дѣховѣмъ, Первоп. какъ въ Новой, 1 Кор. XII. 10, Остр. дѣховѣмъ, Первоп. дѣховѣмъ), домѣмъ (Дѣянїя IV. 34, Остр. домоѣмъ, Первоп. какъ въ Новой. М. Смолр. только домоѣмъ).

Винительный п. правильно: сыны (Герем. XXIX. 6, Быт. V. 4. 3 Ездры I. 28, Ис. XLIX. 22, Остр. сѣны, М. Смолр. л. 113 на об.), дѣмы (Ис. Сир. XLIX. 15, Остр. другой текстъ, 1 Тимоѣ. III. 12, Остр. такъ же, М. Смолрицк. л. 118 на об.). Формы эти совпадаютъ съ винит. падежемъ основъ м. р. на о-, что увеличиваетъ сходство склоненїя этихъ двухъ основъ. М. Смолрицкїй приводитъ еще не встрѣчающуюся въ библіи (исправленной) форму: сыновы, но только отъ одной этой основы. Въ основѣ ея лежитъ сильная форма темы; окончанїе -ы одинаково можетъ принадлежать основамъ на о- и основамъ на и-: стел. сыны.

Творительный представляетъ обилїе формъ. Формы, отвѣчающїя первичному старославянскому твор. мн., рѣдки: сынми (стел. сынми): Ис. Нав. III. 7, Быт. XXXVII. 2, Дѣянїя IX. 15 (стел. сынми), въ Остр. библіи сѣми и сѣми. Рядомъ имѣются формы по типу основъ м. р. на о-: сыны (I. Нав. V. 1. Такъ въ Остр. и Первопеч. б.; М. Смолр. л. 113 на об.); по типу основъ на а-: сынми (2 Цств. XII. 3. Въ Остр. и Первоп. сѣмъ, сѣмъ — ед. ч. 3 Цств. VШ. 9. Въ Остр. и Первоп. древняя форма сѣми. М. Смолр. л. 113 на об.), домми (М. Смолр. л. 118 на обор.).

Предложный падежъ представляетъ собой образованїе по типу основъ на о-: версѣхъ (Осія. IV. 13, Остр. другой текстъ), сынѣхъ (Ефес. II. 2, Остр. сынѣхъ, Первоп. сынѣхъ = стел. сынѣхъ; 1 Цств. IX. 2, XIV. 47, Остр. сѣхъ, Пс. LXXXVIII. 7, Остр. сѣхъ, Первоп. уже сѣхъ). У М. Смолрицкаго сѣхъ, т.-е. сынѣхъ съ другимъ ударенїемъ. Также: домѣхъ (М. XI. 8. Въ Остр. еще домохъ = стел. домѣхъ. Ис. XIII. 22, Остр. домѣхъ, Первоп. домѣхъ. Быт. XXXIV. 29. Дѣянїя V. 42; въ Остр. и Первопеч. также домѣхъ и домѣхъ); у М. Смолр. другое ударенїе — домѣхъ (л. 118 на обр.). Образованїя по типу основъ на

о- въ Острожской б., какъ видно изъ примѣровъ, рѣже, чѣмъ въ Первопечатной и въ Новой. Эта послѣдняя въ свою очередь совсѣмъ не имѣетъ старинныхъ формъ на -оухъ = стел. -ъхъ. У Смотрицкаго приводится также не встрѣчающаяся въ исправлен. библии форма сѣновѣхъ, въ основѣ которой лежитъ сильная тема (л. 113 на обор.).

§ 13. Основы на ā- и jā-. Лучше сохранили свое склоненіе бывшія основы на ā-, если не считать обычныхъ фонетическихъ измѣненій (ж=ѣ, ѡж=ю, ты послѣ заднеязычныхъ=и) и нѣкоторыхъ единичныхъ продуктовъ морфологической ассимиляціи. Им., род., вин., зват. и твор. единств. числа ничѣмъ не разнятся отъ старославянскихъ формъ въ морфологическомъ отношеніи. Уклоненія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основѣ перечисленныхъ падежей, сказываются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ въ дательномъ и предложномъ единственнаго числа возстановленіемъ этого согласнаго. Въ этомъ отношеніи церковнославянское склоненіе бывшихъ основъ на ā- совпадаетъ съ русскимъ, что объясняется вліяніемъ русскаго языка. Отношенія ударенія часто своеобразны въ сравненіи съ русскимъ.

Единств. число. Именительный п.: слѣва (Л. II. 9), ногѣ (Пе. XXV. 12), рѣка (Пе. XXXI. 4. М. Смотр. л. 97), влѣга (М. Смотр. л. 96 на обор.).

Родительный: жѣрты (Пе. XXXIX. 7.), главы (ibid. 13), рѣки (Пе. XXXVIII. 11.), рѣки (Дан. XII. 5), влѣги (М. Смотрицкій, л. 96 на об.) и т. д. У Зизанія дѣвы и рѣки (л. 31, 32): стел. главы, рѣки, влѣги.

Дательный: женѣ (Руѣв. IV. 11), рѣцѣ (М. Смотр. л. 97), влѣзѣ (ibid. л. 96 на об.) но сноухѣ (Руѣв. II. 22. Такъ уже въ Остр. и Первопеч. б.): стел. смѣсь.

Винительный: сѣлѣ (Юдиѣв. II. 22), ногѣ (Эккл. IV. 17), рѣкѣ (Пе. LXXIII. 11. М. Смотр. л. 97: роукѣ), влѣгѣ (М. Смотр. л. 96 на об.): стел. смѣж и т. д.

Звательный: жѣно (М. XV. 28. Л. XXII. 57), рѣкѣ (М. Смотр. л. 97). Рядомъ встрѣчаются формы именит. п., какъ въ русскомъ: сатана (Л. IV. 8. Такъ уже въ Острожской б.); стел. жѣно и т. д.

Творительный: женою (Эккл. IX. 9), влагою (М. См. л. 96 на об.), рѣкою (ibid. л. 97): стел. ржкож, женож и т. д.

Предложный: злѣ (Эккл. VII. 16), рѣцѣ (ibid. V. 13. 14. М. Смотр. 1. с.), влазѣ (М. См. 1. с.) и рядомъ во влагѣ (Перем. XVII. 8. Въ Остр. и Первоп. мокротѣ), на дскѣ (Ис. XXX. 8. Въ Остр. и Первоп. вѣдскѣ, во дскѣ. Аввак. II. 2. Въ Остр. и Первоп. во дскѣ): стел. ржцѣ.

Двойственное число. И. В. Зв. рѣцѣ (Эккл. II. 11. М. Смотр. 1. с. роуцѣ), ланитѣ мой (Ис. Л. 6), сестрѣ (Иоан. XI. 3), нѣзѣ красни (!) (Ис. Сир. XXVI. 23, Остр. такъ же): стел. ржцѣ.

Рядомъ встрѣчаются и формы и. множ.: ѡвѣ снохѣ (Руѣ. I. 6. 7. Такъ уже въ Остр. б.), ѡвѣ страны (Иезек. XXXV. 10: ѡва ѣзыка ѣ ѡвѣ страны моѣ вѣдѣтъ. Въ Остр. ѡвѣ странѣ ѣ ѡвѣ земли моѣ вѣдѣтъ, Первоп. странѣ, землѣ); винит. дв. нѣзѣ (Пс. CIV. 18, Остр. нѣзѣ, Первоп. какъ въ Новой, Иерем. XIV. 10, Остр. нѣзѣ, Первоп. нѣзѣ) и рядомъ совершенно невозможная форма им. мн. нѣзи твоѣ текѣтъ (Иерем. XII. 5. Въ Остр. и Первопеч. б. это мѣсто имѣетъ совсѣмъ другой текстъ), въ основѣ которой лежитъ очевидно форма И. В. З. двойств., видоизмѣненная по типу имен. множ. цслав. основѣ, соотвѣтствующихъ первичнымъ на ja- (землѣ—въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи), на i- и б. м. основѣ м. р. на o-. У Визанія находимъ невозможную форму на -а: лѣка, дѣва, тождественную съ им. ед. бывшихъ основѣ на a- и вызванную, вѣроятно, вліяніемъ им. дв. основѣ на o-.

Родит. и предл. п. правильно: рѣкѣ (Пс. XXX. 16, М. Смотр. роуѣ, 1. с.), нѣгѣ (Пс. XCVIII. 5): стел. ржкоѣ.

Дат. и твор. правильно: двѣма стѣнама (Иерем. LII. 7, Ис. XXII. 11. твор.), рѣкама (М. XV. 20. твор.), ногѣма (Ис. XXIII. 3), снохѣма (Руѣ. I. 8. дат.). У Смотрицаго рѣкама (л. 97).

Рядомъ въ новой библии встрѣчается форма твор., образованная по типу бывшихъ основѣ на o-: вѣждама, (Притчи VI. 4. Въ Остр. п Первоп. вѣкома). Ниже твор. множ. вѣждами (ibid. 25. Въ Остр. ѡ вѣѣ), ланитома (Иоа. XIX. 3, Остр. ланитома; I.

Сир. XXXV. 15. Остр. ланитама, Первоп. какъ въ Новой): стел. ржкама, стънама.

Множественное число. Именительный правильно съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго: воды (Перем. LI. 16. Въ Остр. и Первоп. вóды, вѣды), жены (Перем. XVIII. 21. Въ Остр. б. жѣны; въ Первоп. жены; Иерем. VI. 12, Остр. жѣны, въ Первоп. жены), вдовы (Плачь Иерем. гл. V. 3. Такъ и въ Первонеч., Остр. безъ ударенія), но воды, горы (Ис. XLV. 4). Послѣ заднеязычныхъ - и вмѣсто -ты: рѣки (Ис. I. 15, Остр. такъ же), роуки (М. Смотр. л. 97), снохи (Руѣб I. 6. 7, Остр. снѣхи, снѣхъ, Первоп. снѣхи), слѣги (Иоа.. XVIII. 18, Остр. и Первоп. еще слѣгы): стел. ржки. У Зизанія вмѣсто им. мн. находимъ форму И. В. Зв. дв.—рѣциѣ (л. 32).

Родительный не представляетъ никакихъ особенностей: рѣки (Эккл. V. 5. М. Смотр. роуки л. 97); стел. ржкѣ.

Дательный правильно: женамъ (Ис. Сир. XLVII. 22. Такъ и въ Остр. и въ Первоп.), ногамъ (Ис. XXXVII. 17), горамъ (Ис. XXII. 5) и т. д. М. Смотр. роукамъ (л. 97), дѣвамъ (л. 94 на об.): стел. женамъ и т. д.

Винительный: главы (Посл. Иерем. 8), раны (Ис. Сир. XXI. 1), страны (Ис. X. 9. Такъ и въ Остр.); послѣ заднеязычныхъ - и вмѣсто -ты: рѣки (Ис. XL. 3. Остр. рѣки, Первоп. какъ въ Новой, Осія VII. 5, Остр. такъ же), ноги (Дан. VIII. 18, Остр. и Первоп. предл. дв. ч. нѣги): стел. главы, ржки и т. д.

Творительный, безъ всякихъ отличій: ногами (Дан. VII. 7. Въ Остр. и Первоп. нѣгама); М. Смотр.: дѣвами (л. 94 на обор.), рѣками (л. 97 на обор.): стел. ржками.

Предложный, рядомъ съ правильными формами, какъ: рѣкахи (Ис. XXX. 9), влагахъ (М. Смотр. л. 96 на обор.) и т. д., представляетъ изрѣдка и образования по типу основъ м. р. на о-: слѣвѣхъ (Иезек. VI. 9. Въ Остр. и Первоп. ед. ч. слѣвѣ), ланитѣхъ (Плачь Иер. I. 2. Остр. и Первоп. дв. ч. ланитѣ), нѣргѣхъ (гр. πύργος: Иезек. XXVII. 11. Остр. всѣнѣхъ; Первоп. въ текстѣ всѣнѣхъ, на полѣ вѣнѣхъ; 1. Макк. V. 5. Остр. въ нѣргѣхъ, Первоп. въ нѣргѣхъ; 2. Макк. X. 20. Остр. въ столпѣхъ, Первонеч. въ

столпѣхъ. Въ Остр. и Перв. б. пвр҃гъ мужеск. рода: двѣ пир҃ги, въ новой двѣ пѣр҃ги: 2 Макк. X. 18). Уподобленіе здѣсь основывается скорѣе на недоразумѣніяхъ, иногда, можетъ быть, и случайнаго характера, какъ напримѣръ злѡвѣхъ, у формы пѣр҃гѣхъ оно только кажущееся, такъ какъ первично основа эта муж. рода. Форма Острожской б. пѣр҃гѣхъ представляетъ графическое уподобленіе къ основамъ на і-. Форма пѣр҃гѣхъ вмѣсто ожидаемой *пвр҃гѣхъ замѣчательна еще возстановленіемъ первичнаго г подѣ вліяніемъ основъ такихъ падежей, гдѣ г оставалось въ силу фонетическихъ условій (морфологическая ассимиляція).

Основы на ја- сохранились хуже и въ извѣстныхъ падежахъ подверглись уподобляющему вліянію основъ на а-, а также и основъ на і-.

Тѣ изъ основъ, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, особенно легко подпали вліянію основъ на а- и почти совпали съ ними.

Единственное число. Именительный не представляетъ никакихъ особенностей: землѣ (Варуха II. 15), ты́саща (1 Макк. XIV. 24), дѣша (М. XXVI. 38), двѣща (Мр. VI. 28), сѣжда (Дан. VII. 9).

Родительный, вмѣсто того, чтобы оканчиваться на -'а (-ja) = стсл. а (ѡ), имѣетъ своимъ окончаніемъ послѣ палатальныхъ согласныхъ -і (и), послѣ утратившихъ палатальность согласныхъ (ц, главнымъ образомъ) -у (ы), что объясняется уподобленіемъ къ основамъ на а-, у которыхъ р. п. ед. ч. оканчивался на -ы: землѣ (4. Цств. XV. 5. Въ Остр. еще землѣ, но землѣ: Іов. XII. 17. 19, въ Первопеч. уже землѣ), ты́сащи (Іов. IX. 3, Остр. другой текстъ), піщи (Прем. Сол. XIX. 20. Остр. піща, Первоп. -и), кѣщи (Суд. IV. 20. Остр. -а, Первоп. -и), дѣши (Іов. X. 1. XXI. 25. Остр. дѣша), кѡжи (Іов. XL. 26), мѣщи (Пс. LXXVШ. 11. Остр. еще мышца, Первопеч. мѣщи), лѡжницы (Юд. XIII. 3. Въ Остр. стихъ 1: лѡжница, Первопеч. лѡжницы), царѣицы (Эсѡ. VII. 6. Въ Остр. въ ст. 8. цѣицы), пшеицы (Іов. XXXI. 40. Въ Остр. также пшеицы, но Пс. IV. 8 пшеица). У М. Смотр. мѣжи (л. 98), сви (л. 98 на об.), піици (л. 99 на обор.). У Зизанія, рядомъ со стар. формой пѣицаѡ, имѣется и родит. на -ѣ (л. 32 на об.), но

только сѣдѣ (л. 33), ѡноши (Дѣянїя VII. 58. Въ Остр. еще ѡноша, Первоп. ѡноши, М. Смotr. л. 99).

Какъ видно, Острожская библія еще представляетъ болѣе древнее окончаніе, которое уже въ Первопечатной замѣняется вторичнымъ, позднѣйшимъ.

Послѣ жд, которое въ церковнославянскомъ произношенїи утратило палатальность, встрѣчаемъ то -и, то -ы. Первое написаніе объясняется остатками старославянской орфографїи, требовавшей небнаго гласнаго послѣ жд, второе, встрѣчающееся уже въ Острожской б., вліяніемъ живаго произношенїа: нѣжды (3 Ездры IV. 42 Евр. VII. 27. Въ Остр. и Первоп. это мѣсто пропущено. Тов. IV. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), жѣжды (Юд. VII. 22, Остр. и Первоп. жѣжди), вражды (Притчи VI. 35, Остр. вѣражды, Перв. вражды), надѣжды (Ис. XXVIII. 4. Остр. надежа, Первоп. надѣжди), но жѣжди (Ис. V. 13. XII. 17, такъ и въ Остр. и Перв.), надѣжди (Тов. II. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ): стел. зѣмла, дощла и т. д.

Дательный, рядомъ съ правильнымъ окончаніемъ -і (-и), отвѣчающимъ старосл. -и, у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, имѣетъ и окончаніе -ѣ (-ѣ) = стел. -ѣ, которое обязано своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію основъ на ѣ-: вдовѣцѣ (Л. IV. 26. Остр. еще вдовици, но Юд. XIII. ѡтровокици, Первопеч. уже вдовѣцѣ), деснѣцѣ (Ис. XVI. 7. Остр. десници, Первоп. деснѣцѣ), дѣвѣцѣ (М. XIV. 11, Остр. дѣвици, Первоп. дѣвѣцѣ), госпѣжѣ (2 Іоа. I. 1, Остр. и Первоп. госпѣѣни), рѣжѣ (Ис. LXXVII. 46. Такъ и въ Остр. и Первоп.), но дѣши (Ис. III. 3, XXXIV. 7. Такъ и въ Остр. и Первоп.), стрѣжи (Юд. XIV. 2. Остр. и Первоп. иной текстъ), надѣжди (Ис. XXVIII. 10, 13), У М. Смotr. ѡвѣцѣ (л. 98 на об.), пѣлнѣцѣ (л. 100), но мѣжи (л. 98), ѡноши (99), сѣдѣи (102 на об.) и т. д.: стел. змни, зѣмлѣи, дощни. У Визанїа: пѣлници (л. 32 на об.), сѣдѣи (л. 33). У именъ собственныхъ съ основами на ја- встрѣчается изрѣдка д. п. по типу основъ на и-: Ѣзекїеви (2 Пар. XXXII. 27. Остр. ѣзекїеви), Хелкїеви (ibid. XXXIV. 20. Остр. хелкїеви).

Винительный падежъ не представляетъ особенностей. Окончаніемъ является -и или -и (-ѣ, -ю) съ предшествующимъ согласнымъ палатальнымъ или утратившимъ палатальность: зѣмлю (4 Цств. VШ. 6), змлю̄ (ibid. XVШ. 4), лжѣ (Іоа. VIII. 44), жаждѣ (Пс. LXVIII. 22), дѣшѣ (Тов. XIV. 11): стел. дошнѣ, землѣ, змнѣ. У М. Умотр. мрѣжю (л. 98), но юношѣ (л. 99), ѡвцѣ (л. 98 на обор.) и т. д.

Звательный падежъ чаще имѣетъ правильное окончаніе -ѣ (-е) = стел. -е: царіце (Эсѣ. V. 6), дѣше (3 Ездры. VIII 4), юноше (Л. VII. 14), Ѣтроковіце (Л. VIII. 54), землѣ (М. II. 6) и т. д.: стел. землѣ, дошнѣ, но надѣждо по типу основъ на а-. (Абаѣ. Інеуеу, икосѣ ѣ).

Творительный б. ч. отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: дѣшею (Тов. XIII. 6), вѣлею (Пс. LIII. 8). Даже въ основахъ съ сочетаніемъ жд-, которыя въ нѣкоторыхъ надежахъ подпали вліянію основъ на а-, имѣется также -ею, не -ою: Ѣдѣждою (Суд. IV. 18. Такъ и въ Остр.), нѣждою (Дѣян. V. 26, Ис. XVII. 13. Въ Остр. русская форма нѣжею, въ Первон. уже нѣждою), жаждою (Суд. XV. 18. Такъ и въ Остр., и въ Первон., Прем. Сол. XI. 9. 15. Остр. друг. текеть), надѣждою (Суд. XVШ. 27, Ис. XXXII. 9, Остр. надѣжею, Іез. XXVIII. 26, Остр. надѣжею); изрѣдка встрѣчаются формы по типу основъ на а-: жаждою (Юд. VII. 25. Въ Остр. и Первон. другой текеть), Ѣдѣждою (Числ. IV. 13, Остр. Ѣдѣжею, Первон. Ѣдѣждою, Пс. CVIII. 29, Остр. Ѣдѣжею, Первон. Ѣдѣждою, Прем. I. Сир. XLV. 8. Остр. Ѣдѣждою, Первон. Ѣдѣждою): стел. дошнѣж, колнѣж. У нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, принадлежащихъ къ основамъ муж. р. на ја-, встрѣчается форма твор. ед., образованная по типу основъ м. р. на јо- (или на і-): Исаѣемъ прѣрѣкомъ (М. III. 3. Въ Остр. также ісайемъ), Іереміемъ прѣрѣкомъ (М. II. 17. Остр. ѣереміемъ). Ассоціаціи, вызвавшія это уподобленіе, поддерживались и сосѣдними по контексту формами твор. падежа основъ м. р. на о-.

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: одно правильное -і (-и) = стел. -и, другое, перешедшее, какъ и въ русскомъ, отъ основъ на а-, -ѣ (-ѣ) = стел. ѣ. Примѣры перваго: въ дѣшии

(Пс. XII. 3), на землѣ (Пс. XXVI. 13), въ воли (Пс. XXIX. 6), во мрѣжи (2 Парал. IV. 13), стражи (Юд. XII. 5) и т. д.

Второе окончаніе имѣется главнымъ образомъ послѣ согласнаго ц: въ темницѣ (М. XXV. 39, 43. Остр. темници, Первоп. одинъ разъ темницѣ, другой вѣ темници), въ кошницѣ (Дѣян. IX. 25, Остр. въ кошницы, Первоп. -ѣ), по оутреницѣ (Дѣян. V. 21, Остр. оутреницы, Первоп. -ы), въ мыщцѣ (Юд. IX. 7, Ис. Сир. XXI. 24. Въ Остр. и Первоп. другой переводѣ), на дщицѣ (Іов. XIX. 24. Другой текстъ въ Остр. и Первоп.), въ лѣжницѣ (Юд. XIII. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), на мытницѣ (М. IX. 9, Остр. мытници, Первоп. -ѣ), въ скѣдѣлницѣ (Мр. XIV. 13. Остр. вѣскѣдѣлницѣ, Первоп. также -ѣ) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что окончаніе -ѣ послѣ ц въ Острожской библіи встрѣчается очень рѣдко, преобладаетъ -и, рядомъ съ которымъ, также рѣдко, встрѣчается -ы. Разницы между -и и -ы послѣ ц въ произношеніи по всей вѣроятности не было, и -и объясняется традиціями старославянской орфографіи. Написанія съ -ы принадлежатъ къ одной категоріи съ написаніями въ родѣ предл. ед. ч. сердца, лица, им. мн. оученицы и т. д., обычными въ новой церковнославянской орфографіи. Окончаніе -ѣ, весьма рѣдкое въ Острожской б., въ Первопечатной уже вытѣсняется -ы (-и), а въ новой, исправленной библіи господствуетъ исключительно. У М. Смотр. встрѣчаемъ также -ѣ послѣ ц: ѡвцѣ (л. 98 на об.), пѣнницѣ (л. 100), во мрѣжи (л. 98), юноши (л. 99 на об.) и т. д.

Послѣ жд въ новой, исправленной библіи встрѣчаемъ и -и, и -ѣ. Первое, „правильное“ окончаніе чаще, второе, заимствованное отъ основъ на а-, рѣже: въ жажди (Пс. LXI. 5, 2 Кор. XI. 27. Такъ въ Остр. и Первоп.), въ нѣжди (Посл. Іерем. 36), во ѡдѣжди (Дѣян. I. 10, Л. VII. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), во жаждѣ (Ам. VIII. 13, Остр. друг. текстъ), надѣждѣ (Іов. VII. 6. Въ Остр. русская форма имен. надежда, Первоп. также им. надѣжда—церковнославянская), нѣждѣ (3 Макк. I. 14. Остр. и Первоп. нѣжди, 1. Цств. XXII. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ), въ жаждѣ (Плачь Іер. IV. 4, Остр. другой текстъ, но

Юд. VII. 25, въ жáждѣ). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ въ Острожской и Первопечатной почти не встрѣчается и свойственно главнымъ образомъ новому исправленному тексту.

Двойственное число насчитываетъ немного формъ въ текстѣ Библии. И. В. Зв. у М. Смотрицкаго идетъ по типу основъ на ā-: мрѣжѣ (л. 98), ѡвцѣ (л. 99), пѣ́ницѣ (л. 100) у основъ ж. рода, но ѡноша (л. 99 на об.), сѣдѣ́а (л. 102), пѣ́ница (л. 100), по типу основъ на o-; рядомъ имѣются правильныя формы: лодѣ́и (л. 102), сѣдѣ́и (л. 102 на об.). Формы, могущія быть И. В. Зв. дв. и встрѣчаемыя въ текстѣ Библии, представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ: вѣ́жди... ѡспыта́тъ (Псал. X. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), двѣ́ дѣ́ши (вин. дв. 3 Ездры VI. 49. Такъ и въ Остр.); иногда замѣчается графическое уподобленіе къ именит. вин. падежу множ. ч. основъ на ā-: двѣ́ ты́сѣци (вин. дв. 1 Макк. XV. 26, 4. Цств. XVШ. 23, Первоп. ты́сѣци), но три ты́сѣци (им. дв. Дѣ́ян. II. 42): стел. зема́и доу́ши. Въ Острожской и Первопечатной б. встрѣчаются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и образованія по типу основъ на ā-: дѣ́цѣ (Эсѣ. V. 1), ѡтроковѣ́цѣ (Первоп. Дан. XIII. 19, Остр. и Нов. -ы), въ Новой: двѣ́ ѡвцѣ́ (Ис. VII. 21). У Зизанія находимъ формы пѣ́ница, сѣдѣ́а, тожественныя съ им. множ. пѣ́ница, сѣдѣ́а (л. 33).

Родит. и предложный въ парадигмахъ Смотрицкаго отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: мрѣ́жю (л. 98), ѡвцѣ́ (л. 99), ѡношѣ́ (л. 99 на об.), пѣ́ницѣ́ (л. 100), лодѣ́ю (л. 102), сѣдѣ́ю (л. 102 на об.), хотя, разумѣется, формы эти построены составителемъ главнымъ образомъ теоретически: стелав. зема́ю, доу́шоу.

То же надо сказать и о формахъ дательнаго и творительнаго: мрѣ́жамъ (л. 98 на об.), ѡвцѣ́амъ (л. 99), ѡношамъ (л. 99 на об.), пѣ́ницамъ (л. 100), лодѣ́амъ (л. 102.), сѣдѣ́амъ (л. 102 на об.) и т. д.: стел. зема́амъ, доу́шамъ.

Въ Новой библии формы двойств. числа обыкновенно замѣняются уже формами множ.: со двѣ́ма ѡтроковѣ́цами (Дан. XIII. 15, Остр. и Первоп. -ма), дат. ѡтроковѣ́цамъ (ibid. 17, Остр. и Первоп.

-ла); форма мрѣжема (З Цств. VII. 42. Такъ уже въ Остр.) образована по типу основъ на i- (стел. костьма). По типу основъ на o-: твор. вѣждома (Притчи VI. 4. XXX. 13, Остр. вѣкома, Первop. вѣкома). У Зизанія по типу основъ на i- или на jo-: пѣницема, сѣдѣма (л. 33).

Множественное число: именительный падежъ, какъ въ русскомъ, подпалъ уподобляющему влiянiю основъ на ā-. Вмѣсто окончанiя -'а (а съ предшествующимъ палатальнымъ или нѣкогда палатальнымъ согласнымъ), отвѣчающаго старосл. а въ земляхъ, доуша, является окончанiе -i (-и), отвѣчающее стел. -ы формъ рыгы, жены и т. д., которое послѣ палат. согласнаго должно дать -и. Болѣе отдаленнымъ типомъ, имѣвшимъ также уподобляющее влiанiе, должны были служить и основы ж. р. на i-, именит. множ. которыхъ оканчивается на -и: кóсти, чáсти и т. д.

Послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, вмѣсто и, мы находимъ -ы: дѣвiцы (Есѣ. II. 8. Въ Остр. форма вин. мн. дѣвца. Въ Первop. также вин. дѣвiцы), птiцы (Иезек. XXXI. 13, Остр. птiца, Первop. -ы), колеснiцы 4. Цств. X. 2, Остр. колеснiца, Первop. -ы), мышцы (Пе. XXXVI. 17. Остр. мышца, Первop. -ы), юношы (Дѣян. V. 10. Остр. юноша, Первop. -ы), дѣшы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14, Остр. дѣша, Первop. дѣшы), но юнвши (Гов. XXIX. 8, Остр. юноша, Первop. -и), мрѣжи (4. Цств. XXV. 17, Остр. мрѣжа, Первop. -и), велмóжи (Апок. VI. 15, Остр. и Первop. также -и) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что -ы, вмѣсто -и, встрѣчается постоянно только послѣ ц; послѣ же другихъ согласныхъ, утратившихъ палатальность, — ж, ш, чаще встрѣчается -и. Едва ли однако изъ этого можно сдѣлать выводъ, что во время установленiя такой орфографiи согласные ж, ш обладали болѣе степенiю палатальности, чѣмъ ц, тѣмъ болѣе, что въ винит. множ., какъ мы увидимъ ниже, и послѣ ж, ш встрѣчается какъ правило -ы. Для установленiя точнаго вывода необходимо всестороннее и полное изслѣдованiе всѣхъ относящихся сюда церковнославянскихъ написанiй, которое завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ непосредственной задачи этого изслѣдованiя.

Трудность въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи подобныхъ написаній играли роль не только извѣстныя звуковыя свойства данныхъ согласныхъ, но и стремленіе провести одинаковость написанія въ цѣлой категоріи однородныхъ морфологическихъ формъ (графическая ассимиляція или морфологическая ассимиляція въ написаніи). У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ -и: мрѣжи (л. 98, на об.), ѡвци (л. 99), ѡноши (ib. на об.), пѣнници (л. 100), лодѣи (л. 102), сѣдѣи (л. 102 на об.); у Зизанія „правильныя“ формы имен. зват, пѣнница, сѣдѣа (л. 33), рядомъ съ формой пѣнницѣ (ibid.).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ имѣется -и, вмѣсто ожидаемаго -а, какъ это уже сказано выше: пѣтли (Исх. XXXVII. Въ Остр. другой текстъ), стезѣи (Притчи Сол. II. 15, Остр. пѣти. III. 17, Остр. стезѣа. Первоп. -и), прѣтчи (Пр. Солом. I. 1, Остр. прѣтча) и т. д. Въ Острожской б. еще встрѣчается болѣе древнее -а.

Послѣ ш, произносимаго какъ $\text{š} \text{č}$, находимъ однако часто -ы, въ чемъ, вѣроятно, нужно видѣть вліяніе такихъ написаній, какъ дѣшы, ѡношы, (им. множ. см. выше): кѣшы (Быт. XIII. 5. Остр. другой текстъ, Числ. XXIV. 5. 6, Остр. и Первоп. -а), свѣщѣи (Быт. XV. 17, Остр. свѣщѣа, Первоп. -и), но свѣщѣи (Дѣян. XX. 8, Остр. -а, Первоп. -и), ты́сщѣи (Числ. XXVI. 47. Въ Остр. цифрами, Первоп. -и), но ты́сщѣи (Апок. VII. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д. Остатки правильнаго именит. мн. съ -'а = стсл. -а, -я, имѣются въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ: вронѣ (Апок. IX. 9, Остр. такъ же), змиѣ (Зв. п. М. XXIII. 33, Остр. змиа, Первоп. змиѣ) и змиѣ (имен. мн. Матѣ. X. 16, Остр. змиа, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный падежъ отвѣчаетъ старославянскому въ большинствѣ формъ.

На мѣстѣ старославянскаго -ѣ встрѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, нуль гласнаго.

Послѣдній согласный основы или остается палатальнымъ, что обозначается посредствомъ -ѣ, или утрачиваетъ палатальность, въ каковомъ случаѣ въ церковнославянской графикѣ находимъ -ѣ.

Послѣдній знакъ имѣется однако и въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы -ь, такъ какъ послѣдній согласный основы сохраняетъ свою палатальность. Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы палатальнымъ (написанія въ -ь): стѣзь (Притчи I. 15, Пс. XVII. 46), земѣль (Иезек. XXXVI. 24. Въ Остр. другой текстъ, стсл. зѣмль), капѣль (Пѣнь II. V. 2. Въ Остр. другой текстъ), ты́сащъ (М. XIV. 21, Остр. тысѣщъ, Первop. ты́сащъ. Дѣян. IV. 4, Остр. и Первop. ты́сащъ, Апок. VII ubique, Остр. и Первop. ты́сащъ) и т. д.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ (написанія съ -з): ѿвѣщъ (Гов. I. 3. Такъ и въ Остр., и у М. Смотрицкаго: л. 99), дѣвищъ (Эсѣ. II. 9, Остр. дѣщъ, немного ниже дѣщъ, Первop. -з), колеснищъ (Числ. VII. 3. Такъ и въ Остр. и Первop.), ѡгнищъ (ibid. VII. 35, Остр. и Первop. другой текстъ) и т. д. дѣшъ (Прем. Сол. III. 13. Быт. XLVI. 22. 25. Такъ въ Остр. и Первop.), кѡжъ (Исх. XXVI. 14, Остр. и Первop. творит. надежъ), ѡношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. другой текстъ) и т. д. нѣждъ (Пс. XXX. 8, Остр. вѣждъ, Первop. нѣждъ), ѡдѣждъ (4 Цств. X. 22, Остр. и Первop. другой текстъ; ibid. VII. 15, Остр. также -з, Первop. -ь, Исх. XXI. 10, Остр. друг. текстъ, Плачь Иерем. IV. 14, Остр. др. текстъ) и т. д.

Рядомъ съ этими формами, отвѣчающими старославянской исконной формѣ р. мн., имѣется извѣстное количество формъ, вызванныхъ уподобляющимъ влiяниемъ основъ на i-: кѣщей (Пѣнь II. I. 7. Такъ и въ Остр. 1 Ездры III. 4, Остр. и Первop. другой текстъ), пищей (Притчи С. XXIII. 6, Остр. и Первop. пищамъ, Лев. XXV. 37, Второз. XXIII. 19, Остр. и Первop. другой текстъ), ты́сащей (2 Парал. XIV. 9, Юд. II. 15, Остр. и Первop. другой текстъ), пѣтлей (Исх. XXVI. 10. Такъ и въ Остр.), ноздрѣй (Гов. ХLI. 11, Остр. нѡздрѣн, Первop. ноздрѣй) и нѡздрѣй (Числ. XI. 20. Такъ и въ Остр. и Первop.), мышцей (2 Пар. IX. 18. Такъ въ Остр. и Первop., Быт. ХLIX. 24, Остр. р. ед. мышца, Перв. -ы, Второзак. XXXIII. 27, Остр. и Первop. р. ед.) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ

примѣровъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ основа имѣетъ передъ окончаніемъ не одинъ, а два согласныхъ.

Посредствующимъ звеномъ между основами на *jā-* и основами на *i-* въ данномъ случаѣ служили такія формы р. мн., какъ *сѣдѣй* (Суд. II. 17, 18 и т. д. Такъ и въ Остр.), которая отвѣчаетъ старосл. *сѣднн*; *свинѣй* (Л. VIII. 32, Остр. *свиннн*, Первоп. *свиннн*). У Зизанія *сѣдѣй*, *ѣй* (л. 33 на об.). По типу этихъ и вышеприведенныхъ формъ, вѣроятно, уже послѣ образовались формы какъ *мрѣжей* (Лезек. XXVI. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), *продѣжей* (4 Цств. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. р. ед.), гдѣ былъ только одинъ согласный.

Дательный множественнаго не представляетъ морфологическихъ особенностей сравнительно со старославянскимъ: *зѣмлямъ* (4 Цств. XIX. 11. Такое удареніе и въ Остр. б.) = стсл. *землямъ*, *птицамъ* (Быт. II. 20), *лжамъ* (Притчи С. XXIV. 2) и т. д.

Винительный множ. ч. въ общемъ представляетъ тѣ же особенности, что имен. множ. Въмѣсто окончанія *-а* (стсл. *-я*, *-а*) встрѣчается *-и* или *-ы*, представляющееся результатомъ морфологической ассимиляціи къ вин. мн. основъ на *ā-*; первое окончаніе имѣется обыкновенно послѣ согласныхъ палатальныхъ, второе послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ (написанія съ *-и*): *дѣни* (Числ. XI. 5. Такъ уже въ Остр.), *бѣшни* (Юд. VII. 32, Остр. другой текстъ), *нѣздрн* (Іов. XL, 19, 21. Такъ уже въ Остр. б.), *стѣзи* (Притчи С. II. 20, Остр. *стѣзѣ*, Первоп. *-и*), *сѣдѣй* (Суд. II. 16, 2 Цств. VII. 11, Остр. *сѣдѣѣ*, Первоп. *-и*), *верѣй* (Пс. CVI. 16, Остр. *верѣѣ*, Первоп. *-и*), *зѣмли* (4 Цств. XVIII. 35, Остр. *землѣ*) и т. д. стсл. *земля*.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ (написанія съ *-ы*): *птицы* (Быт. II. 19. Такъ уже въ Остр. б.), *ѣвцы* (Пс. XLIII. 12, Остр. *ѣвцѣ*, Первоп. *-ы*) и т. д., *дѣшы* (Іов. XXXVIII. 39, Остр. гл. XXXIX. *дѣша*, Первоп. *-ы*; Юд. IV. 9, Остр. другой текстъ; Пс. XCVI. 10, Остр. *дѣша*, Первоп. *-ы*), *чѣшы* (Исх. XXV. 29, Остр. *чѣша*, Первоп. *-ы*. Притчи С. XXIII. 31, Остр. вин. ед. ч.), *юношы* (Юд. II. 27, Остр. другой текстъ),

но ѡноши (2 Макк. V. 24. Такъ и въ Остр.), лжи (Притчи С. VI. 19, Остр. лжа, Первоп. лжи), велмѣжи (4 Цств. X. 11, Остр. вельмѣжа, Первоп. велмѣжи), мрѣжи (Шѣнь П. II. 9, Остр. в. ед.), но мрѣжи (Л. V. 2. 4, Остр. мрѣжа, мрѣжа, Первоп. мрѣжи), кѣжи (Исх. XXV. 5, Остр. и Первоп. кожа. Сохраненіе -а въ Первоп., вездѣ уже имѣющей -и, -ы, объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ форма могла быть принята за им. ед.), но кѣжи (Мих. III. 2. 3, Остр. кѣжа, Первоп. -и), ѡдѣжды (1 Цств. XVШ. 4, Остр. ѡдѣжи, Первоп. ѡдѣжди; 4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. ед. ч., 2 Макк. V. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ, 4 Цств. VII. 8, Остр. ѡдѣжда, Первоп. ѡдѣжди, Дѣян. IX. 39, Остр. ѡдѣжа, Первоп. ѡдѣжи) и т. д.

Сравнительное преобладаніе формъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и вліяніе винит. множ. основъ на ā- вызываетъ написанія съ -ы послѣ щ=š'č', гдѣ мы ожидали бы -и, согласно произношенію.

Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ уподобленіемъ одного написанія другимъ, болѣе частымъ. Фонетическаго значенія подобныя написанія не должны были имѣть, тѣмъ болѣе, что происхожденія они сравнительно новѣйшаго, и въ Острожской и Первопеч. преобладаютъ написанія съ а- и -и: ты́сащы (1 Парал. XVI. 15, Остр. и Первоп. ты́саща), пи́щы (1 Макк. XIII. 33, Остр. пи́ща, Первоп. пи́щи), пра́щы (2 Парал. XXVI. 14, Остр. и Первоп. пра́щи, 1 Макк. VI. 51, Остр. и Первоп. другой текстъ), кѣщы (Прем. Сол. XI. 2, Остр. кѣща, Первоп. кѣща. Числ. XVI. 30, Остр. кѣща, Первоп. кѣщи), свѣщы (Суд. VII. 16, Остр. свѣща, Первоп. свѣщы, 20: Остр. и Первоп. свѣщй, XV. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго вездѣ въ винит. мн. послѣ согласныхъ непалатальныхъ -ы: мрѣжи (л. 98), ѡвцы (л. 99), ѡношы (л. 99 на обор.), пи́щицы (л. 100); послѣ же согласныхъ палатальныхъ -и: лѡди́и (л. 102), сѡди́и (л. 103), но сѡбрѡ́щы (л. 101).

Остатки правильной формы винит. мн. съ окончаніемъ -а (=стел. -а, -я) встрѣчаются изрѣдка и въ новой, исправленной Библии (въ Острожской это окончаніе преобладаетъ, въ Первопечат-

ной уже вытѣснено, за немногими исключеніями, новымъ, представляющимъ собой результатъ морфологической ассимиляціи): *вѣа* (Ис. СХХVІІІ. 4, Остр. и Первоп. *вѣа*), *вронѣ* (Апок. ІХ. 9. Также въ Остр. и Первоп., Іер. XLVІ. 4, Остр. и Первоп. *вронѣ* съ другимъ удареніемъ, Прем. Сол. V. 18, Остр. *вронѣ*, Первоп. *вронѣ*), *мрѣжа* (Мр. І. 19, Остр. и Первоп. *мрѣжа*), *свинѣа* (Л. VІІІ. 33).

Творительный не представляетъ значительныхъ уклоненій. Преобладаютъ формы правильныя, изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на *i*-. Правильныя формы: *пѣтлаами* (Исх. XXVІ. 11), *вонѣами* (Ам. VІ. 6), *кѣжаами* (1 Пар. XVІІ. 1), *верѣаами* (Суд. XVI. 3), *тысаами* (2 Макк. XII. 34. Также въ Остр. и Первоп.), но *тысаами* (2 Макк. V. 24, 3 Ездры XIII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.; 1 Макк. VII. 40. Такъ же въ Остр. и Первоп.). Последняя форма дополняетъ собой приведенныя выше формы р. мн., какъ *тысаами*, возникшія также подъ вліяніемъ основъ на *i*-. Такъ какъ почти все другіе падежи совпадали съ формами склоненія основъ на *i*-, то такимъ образомъ получалось почти полное уподобленіе всей системы.

Предложный падежъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ законное соотвѣтствіе старославянской формъ: *стезѣахъ* (Ис. XVI. 5), *землѣахъ* (Ис. LXVІІІ. 12), *каплѣахъ* (Ис. LXIV. 11); *тысаамиахъ* (Мих. V. 2), *ѣниаамиахъ* (Ис. LXVІІ. 31), *дѣшаахъ* (Числ. XVI. 37. Съ такимъ удареніемъ и въ Остр.) и т. д. Рядомъ изрѣдка встрѣчаются формы съ окончаніемъ *-ѣх*, которое въ целав. графикахъ обозначается написаніемъ *-ѣхъ*: *жѣждѣхъ* (Притчи С. ІХ. 12, Остр. и Первоп. *жѣждахъ*), *ноздѣрѣхъ* (Іов. XL. 20, Остр. и Первоп. *ноздѣрѣхъ*), *колѣсницѣхъ* (Пѣснь П. І. 8, Остр. и Первоп. предл. ед. колѣсницы). Въ этихъ формахъ надо видѣть продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на *i*-, имѣющимъ въ предл. мн. *-ѣхъ*—стел. *-ѣхъ* и графической ассимиляціи написаній съ *-ѣхъ* къ написаніямъ основъ муж. р. на *o*-, гдѣ *-ѣхъ* отвѣчаетъ стел. *-ѣхъ*. Формъ съ такимъ окончаніемъ немного, но онѣ встрѣчаются уже въ Острожской библии, хотя все таки рѣже, чѣмъ въ Новой, исправленной.

Съ основами на *jā-* совершенно совпали и первичныя основы съ *-ī* въ именительномъ единственнаго (т. н. основы на *-ī-*); со-всѣмъ исчезъ им. ед. на *-и*: гордыня (Прем. Сол. V. 8. Такъ уже въ Остр.), рабыня (Юд. XI. 5), мѣлостыня (Ис. Сир. XVII. 18, Остр. еще мѣлтыни, Первop. мѣлостыня), Самаряныня (I. IV. 9, Остр. еще *-и*, Первop. *-а*) и т. д.; у М. Смотрицкаго самаряныня (л. 103), стѣня (л. 103 на об.), гордыня, рабыня, мѣлостыня (л. 104). Остаткомъ первичнаго склоненія можно считать форму зват. п. ед. ч. стѣни (М. Смотри. л. 104); обычное же окончаніе зв. ед. у М. Смотрицкаго такое же, какъ и у основъ на *jā-*, т. е. *-ε*: самаряныне, стѣне. Иногда встрѣчается и форма им. п. пѣстыня (Ис. XXXV. 1, Остр. *-и*, Первop. *-а*). Какъ видно, Острожская библ. сохраняетъ еще болѣе древнюю форму им. и зв. ед. на *-и*, тогда какъ уже Первопечатная представляетъ то же окончаніе, какое встрѣчаемъ въ современномъ русскомъ, т. е. *-а*.

Родительный ед. пѣстыни (Юд. II. 23. Такъ уже въ Остр.), гордыни (Ис. XXXV. 12, Остр. *-а*, Первop. *-и*), рабыни (Эсѣ. V. 1, Остр. другой текстъ, Іов. XXXI. 13, Остр. другой текстъ, Ис. Сир. XLI. 26, Остр. другой текстъ, Исх. XXI. 26. Такъ же въ Остр. и Первop. Въ Остр. однако чаще окончаніе *-а*: рабыня: Исх. во главѣ XI, 6, и т. д.), Самаряныни (Іоа. IV. 9, Остр. *-и*): стел. рабыня.

Дательный по типу основъ на *ā-*: рабынѣ (Юд. X. 5, Остр. другой текстъ, XIII. 9, Остр. и Первop. *-и*. Ам. II. 7, Остр. и Первop. рабѣ), у М. Смотрицкаго самарянынѣ (л. 103), но стѣни (тамъ же на обор.): стел. рабынѣ.

Винительный правильно: пѣстыню (Ис. XXVIII. 8), рабыню (Юд. VIII. 10, X. 2), стѣню (М. Смотри. л. 103 на обор.), самаряныню (М. См. л. 103): стел. рабынеж.

Творительный также отвѣчаетъ старославянской формѣ: рабынею (Юд. VIII. 33), самарянынею (М. Смотрицк. л. 103), стѣнею (ibid. л. 104): стел. рабынеж.

Предложный также правильно: пѣстыни (Ис. LXVII. 8, Быт. XII. 9, Дѣян. XIII. 18. Такъ и въ Остр.), самаряныни (М.

Смотр. л. 103), с̄т̄ыни (ibid. л. 104) или по типу основъ на ā-: с̄т̄ынѣ (М. Смотр. тамъ же): стел. раб̄ынӣ.

Двойственное число. И. В. Эв. правильно: двѣ раб̄ыни (вин. дв. Эсв. V. 1, Остр. двѣцѣ по типу основъ на ā-, Первоп. также двѣвицѣ). Формы, приводимыя въ парадигмахъ М. Смотрицаго, построены по типу основъ на ā-: самаран̄ынѣ (л. 103), с̄т̄ынѣ (л. 104): стел. раб̄ынӣ.

Остальные падежи не представляютъ особенностей: р. и пр. самаран̄ыню (М. Смотр. л. 103), с̄т̄ыню (ibid. л. 104), д. и тв. самаран̄ыняма (л. 103 на об.), с̄т̄ыняма (л. 104).

Множественное число, какъ и слѣдовало ожидать, тождественно по формамъ съ вышерассмотрѣннымъ склоненіемъ основъ на jā-. Им. падежъ: раб̄ыни (Быт. XXIV. 61, Остр. раб̄ынӣ, Первоп. -и, ibid. XXXII. 5, Остр. -а, Первоп. -и, Іов. XXXI. 31, Остр. -а, Первоп. -и), м̄л̄тыни (Притчи С. III. 3, Остр. и Первоп. -а), самаран̄ыни (М. Смотр. л. 103 на обор.), с̄т̄ыни (ibid. л. 104), книг̄ыни (2 Парал. XXXV. 25, Остр. книг̄ыни, Первопеч. книг̄ыни) и т. д. Острожская библия представляетъ еще болѣе древнее окончаніе -'а (= стел. ѡ), хотя и не во всѣхъ случаяхъ; Первопечатная уже чаще имѣетъ -и, тогда какъ въ Новой находимъ только -и.

Родительный правильно: раб̄ынӣ (Эсв. II. 9), самаран̄ынӣ (М. См. л. 103 на об.), с̄т̄ынӣ (ibid. л. 104).

Дательный также: самаран̄ынӣма (М. См. л. 103 на об.), с̄т̄ынӣма (ibid. л. 104).

Винительный, какъ вообще у основъ на jā-, представляетъ морфологическую ассимиляцію къ основамъ на ā-: п̄уст̄ыни (Іис. Сир. XLIII. 23, Остр. -а, Первоп. -и), самаран̄ыни (М. См. л. 103 на об.), с̄т̄ыни (ibid. л. 104): стел. раб̄ынӣ.

Творительный правильно: самаран̄ынӣма (М. Смотр. л. 103 на об.), с̄т̄ынӣма (ibid. л. 104), а также и предложный: самаран̄ынӣма̄хъ, с̄т̄ынӣма̄хъ (I. е.).

§ 14. Основы мужескаго и ср. рода на о-. Въ общемъ склоненіе этихъ многочисленныхъ основъ сохранилось довольно прочно и даже послужило уподобляющимъ типомъ для разныхъ другихъ

менѣ многочисленныхъ и рѣже встрѣчающихся основъ муж. и ср. рода. Въ свою очередь оно также подпадало въ нѣкоторыхъ падежахъ вліянію главнымъ образомъ основъ на *ā-* (какъ въ русскомъ языкѣ) и основъ на *u-*. Въ написаніяхъ изрѣдка замѣчаются слѣды вліянія и основъ на *i-*, которое, конечно, имѣеть только графическій характеръ.

Основы муж. рода. Падежи именительный и родительный представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ формъ: *рѣвъ* (Иов. VII. 2, стел. *рѣкъ*), *наѣмникъ* (*ibid.* стел. *наѣмьникъ*), *рѣвъ* (Исх. XX. 17, стел. *рѣва*), *скотà* (*ibid.*) и т. д.

Дательный падежъ или правильно: *Бѣгѣ* (I. XIII. 3, Варуха II. 5. 6, IV. 4. 21 и т. д.), или по типу основъ на *u-* съ окончаніемъ *-ov'i* (*-ови*), гдѣ *-ov-*, принадлежащее основѣ, абсорбировано окончаніемъ. Окончаніе это, какъ и другія окончанія (мы увидимъ это ниже), заимствованныя отъ основъ на *u-*, имѣется прежде всего у основъ односложныхъ: *Бѣгови* (М. XXII. 21, Л. XXI. 4. Такъ и въ Остр.), *мірови* (Иоа. III. 17, Остр. *мірови*, Первоп. *мірови*), *кітови* (Иона II. 11, Остр. *кітови*), *дрѣгови* (Исх. Сир. XX. 23, Остр. *дрѣгови*), *Петрови* (Мр. XIV. 37, 66, Остр. *пѣтрови*, 70, Остр. *петрови*, Матѣ. XVI. 23, XXVI. 40, Остр. *петрови*) и т. д. Появленіе окончанія *-ови* у этихъ основъ объясняется тѣмъ, что первичныя основы на *u-* въ именительномъ ед. ч. случайнымъ образомъ также всѣ односложны (въ старославянскомъ двухсложны: *сынъ*, *домъ*, *медъ* и т. д.): *syn*, *dom* || *mir*, *druk* и т. д.

Отъ этихъ односложныхъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія, главнымъ образомъ заимствованныя, иностранныя слова, къ которымъ надо отнести и имена собственные: *Архитриклінови* (Иоа. II. 9, Остр. *архитриклінови*), *архисинагѣгови* (Мр. V. 36, Остр. *архисинагѣгови*), *сардінови*, *смарѣдгови* (Апок. IV. 3, Такъ и въ Остр.), *Фараѣнови* (Римл. IX. 17, Остр. *фараѣнови*), но *Фараѣнъ* (Исх. III. 10. 11. 18, IV. 22, V. 1. 15. 23, VI. 1. 11, VII. 1. 2. 7. 15 и т. д.), *іисписѣ* (Апок. IV. 3), *игѣлмишѣ* (М. XXVII. 2) и т. д.; въ именахъ собственныхъ: *Іваннови* (М. XI. 4, Остр. *іѣваннови*), *Ѣфремови* (Исх. VII.

9, Остр. ѣфрѣмови, Ос. V. 12. 14, Остр. ѣфрѣмови), Ёрѣдови (М. XIV. 6, Остр. Ёродови), Ваалови (Ос. XIII. 1, Остр. ваалови), Ёвсифови (М. I. 18, Мр. XV. 45, Остр. ёвсифови), Варѣхови (Перем. XXXII. 12, Остр. варѣхови), но Варѣхъ (ibid. 13), Ёлмшнови (Л. V. 10, Остр. симонови, рядомъ къ Ёлмшнъ); ко Ёсови (М. XIV. 29. XV. 1, XXVI. 49, Мр. V. 15, Остр. ёсови) и рядомъ ко Ёсѣ (М. XVIII. 1), прешѣдшъ Ёсѣ (Мр. V. 21), ко Ёрѣдѣ (М. II. 12), Ёморѣнѣ (Ис. VII. 9) и т. д.

Какъ на характерную черту формъ на -ови можно указать на извѣстный типъ акцентуаціи: удареніе въ именит. ед. на послѣднемъ слогѣ и въ родительномъ на третьемъ, какъ и въ первичныхъ основахъ на и- (дѣлѣ—дѣлови, смарѣдѣ—смарѣдови, но ѣсписѣ—ѣсписѣ).

Впрочемъ послѣдовательно эта черта не проведена. Въ соединеніи съ предлогомъ къ также чаще правильныя формы дат. ед. отъ основъ на о-, формы съ -ови, напротивъ, чаще въ независимомъ употребленіи.

И та, и другая черта однако находятся только въ зачаточномъ состояніи, до полной послѣдовательности онѣ не доведены; это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что цслав. языкъ былъ языкъ главнымъ образомъ писанный, такъ что ассоціаціи между различными его формами не могли имѣть такой силы и яркости, какъ ассоціаціи языка живаго, „говоримаго“.

Формы винит. падежа въ синтактическомъ употребленіи, какъ и въ русскомъ, сохранились только у именъ неодушевленныхъ и именъ собственныхъ неодушевленныхъ (географическіе термины): во градѣ (М. VIII. 33), во Ёрѣсалиѣ (М. II. 1), сотвори́те пло́дѣ (М. III. 8), на Ёрдѣнѣ (М. III. 13), Назарѣтѣ (М. IV. 13), свѣтѣ (М. IV. 16), недѣгѣ (ib. IV. 23), глаго́лѣ (ib. V. 11), дѣрѣ (ib. V. 23) и т. д.

Имена же собственные одушевленныхъ существъ и имена одушевленныхъ, какъ въ русскомъ, утратили собственно винит. п. ед. числа, вмѣсто котораго употребляется форма р. ед. (явленіе синтактическое): Ёвѣнна (М. XIV. 10). врагѣ твоѣгѣ (М. V. 43. Такъ уже въ Остр.), Ётрока (Л. I. 54), челѣвка (М. X. 35,

XV. 11, 18), Авраама (М. Ш. 9), на врата (М. V. 22), Бѣга (М. IX. 8), прѣрока (ib. X. 41), вѣса (ib. XI. 18) и т. д.

Эта особенность, замѣчающаяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ уже съ полной послѣдовательностью, такъ что исключеній не встрѣчается.

Звательный падежъ отвѣчаетъ старославянскаго формѣ: Сі́о́мє (Ис. LII. 1), ра́вє (ib. XLII. 8), Бѣ́же (Ис. CIII. 1) и т. д. Случаевъ замѣны формы зват. падежа формой именительнаго не имѣется.

Творительный падежъ также является продолжателемъ старославянскаго формы. Единственная особенность—замѣна суффикса -мь, которому въ цслав. должна была бы соответствовать форма -m' (цсл. -мь),—суффиксомъ -m (цсл. -ма), о чемъ уже сказано выше (стр. 161): котлѠмъ (Ис. Сир. XIII. 3), рѠзмѠмъ (ib. XLIV. 3), Бѣгомъ (Иоа. VI. 45) и т. д.: стел. когомъ.

Предложный падежъ также отвѣчаетъ старославянскаго формѣ. У основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ изрѣдка встрѣчаются образованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ тѣхъ падежей, гдѣ заднеязычный согласный сохранялся: въ смѣхѣ (Ис. Сир. XXI. 23, Остр. и Первон. смѣхѠ), при Анти́охѣ (3 Макк. I. 1, Остр. и Перв. ѿ Анти́ха), въ пра́хѣ (Плачь Иер. III. 29, Остр. и Первон. въ пра́хѠ), но на пра́сѣ (Ам. II. 7. Такъ и въ Остр.), ѿ грѣсѣ (Шл. Иер. III. 39, такъ же и въ Остр.), въ Дѣхѣ (II Кор. VI. 6. Остр. и Первон. дѣхѣ), ѿ всѣдникѣ (Юд. IX. 7, Остр. и Первон. другой текстъ), во Ѡстро́гѣ (Иезек. XVII. 17, Остр. и Первон. Ѡстро́гомъ), въ Ѡвмі́амникѣ (Числ. VII. 86, Остр. Ѡвмі́амникѠ, Первон. Ѡвмі́амникѠ): стел. грѣскъ, коскъ и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подобныя формы съ восстановленіемъ заднеязычнаго согласнаго передъ слѣдующимъ -ѣ составляютъ особенность новѣйшаго цслав. языка. Въ Острожской библии онѣ не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ находимъ образованія по типу основъ на ц-, которыхъ напротивъ почти нѣтъ въ новой библии (единственный примѣръ на... бокѠ Иезек. IV. 4,

Остр. *рэврэхъ*, Иервоп. *рэврѣхъ*). Психодной точкой морфологической ассимиляции служила и здѣсь односложность основъ *смѣхъ*-, *прахъ*-, *бокъ*- и основъ *сынъ*-, *домъ*- и т. д.

Двойственное число не представляетъ отличій отъ старославянскаго, но часто замѣняется множественнымъ. И. В. *Зв. двѣ брата* (М. IV. 18. 21), *двѣ оучника* (М. XXI. 1), но *двѣ вельблѣды* (Тов. IX. 2, Остр. и Иервоп. *вельблѣода*) и т. д. Р. и Пр. во двою дворѣ (4 Цств. XXIII. 12. Такъ и въ Остр.), *овою оуглѣ* (Исх. XXX. 4), но на *двѣ дворѣхъ* (ib. XXI. 5, Остр. на *двѣ двораѣ*, Иервоп. *дворахъ*), *двѣ ѣвнѣхъвѣ* (род. вм. вин. Эсв. I. Остр. ниже: *двѣхъ ради ѣвнѣховѣ*), *двоихъ вертепахъ* (3 Цств. XVIII. 4, Остр. *двою вертепѣ*, Иервоп. *двою вертепѣ*), *двоихъ челоуѣкѣвѣ* (Иоа. VIII. 17, Остр. *двою члѣкѣ*, Иервоп. *двою челоуѣкѣ*) и т. д. Дат. и твор. *двѣма ѣшивома* (Суд. XV. 4. Такъ въ Остр. и Иервоп.), но *двѣма таланты* (3 Цств. XVI. 24, Остр. и Иервоп. *талантома*), *двѣма ѣвнѣхи* (Эсв. I. Остр. *ѣвнѣхома*, Иервоп. *ѣвнѣхома*), *ѣвѣма братама* (Быт. IX. 22), *двѣма воинома* (Дѣян. XII. 6, тв.); по типу основъ на *а-*: *рогама* (Быт. XXII. 13, Остр. другой текстъ).

У М. Смотрицкаго находимъ дифференціацію окончаній дат. твор. *-ома* для дат. и *-ама* по типу основъ на *а-* для твор.: дат. *клеврѣтома*, тв. *клеврѣтама* (л. 105 на об.), *ѣрмома* — *ѣрмама* (л. 106), *воинома* — *воинама* и т. д. (л. 107). Дифференціація эта однако не подтверждается дѣйствительными фактами языка и должна быть отнесена на счетъ собственныхъ мудрованій составителя. У Лавр. Зизанія находимъ только правильное окончаніе *-ома* (см. листы 26, 27).

Множественное число представляетъ большое разнообразіе формъ, изъ которыхъ только небольшое количество исконныхъ, тогда какъ остальные представляютъ собой результатъ разнообразныхъ вліяній другихъ основъ.

Именительный падежъ, форма котораго въ русскомъ языкѣ уже вытѣснена формой винит. множественнаго числа, еще сохраняется въ извѣстномъ количествѣ случаевъ: *скѣти* (Перем. XII. 4), *народа* (М. IV. 25), *гробни* (М. XXVII. 52), *воинни* (М. XXVII.

27), испо́лини (Быт. VI. 4), врази́ (Ис. Сир. XLVI. 6. М. X. 36), грѣси́ (М. IX. 5), мѣси (М. IX. 17), дѣси (Дѣян. VIII. 7) и т. д.

Послѣ ц, утратившаго палатальность, находимъ въ написаніяхъ -ы: престѣпни́цы (Соб. Посл. Іак. II. 9. Такъ уже въ Остр.), ѡпрѣсно́цы (Мр. XIV. 1. Такъ и въ Остр.), лжепроро́цы (Мр. XIII. 22. Такъ и въ Остр.), оу́чницы́ (М. XVШ. 1. Такъ и въ Остр.), іа́зыцы́ (Римл. II. 14, Остр. іа́зыци, Первоп. -ы), проро́цы (Л. XVI. 16, Остр. также -ы), споспѣшницы́ (1 Кор. III. 9, Остр. и Первоп. винит. мн. поспѣшники), наслѣдницы́ (Римл. VIII. 17. Такъ же и въ Остр.) и т. д. У М. Смотрицкаго еще -и: проро́ци (л. 110).

Рядомъ съ этими формами уже часто находимъ формы винит. множ.: зѣ́бы (Пе. LVI. 5, Остр. также зо́убы, Дан. VII. 7. Остр. такъ же), гра́ды (Суд. X. 4, Остр. и Первоп. -и), га́ды (Быт. VIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡслы́ (Быт. XXXII. 5. Такъ и въ Остр.), послы́ (ib. 6, Ис. XXI. 2. Такъ и въ Остр.), ѿ гро́ми ѿ гла́сы (Апок. IV. 5, Остр. громи ѿ гла́сы), но гла́си (ib. VIII. 5), хлѣ́бы ѿ фѣ́ники (2 Цѣств. XVI. 2. Остр. хлѣ́би, Первоп. -ы), пѣ́рсты (ib. XXI. 20, Остр. прѣ́сты, Первоп. пѣ́рсты, Дан. V. 5. Остр. прѣ́сты, Первоп. пѣ́рсты), ра́бы (Дан. XIII. 27, Остр. и Первоп. -и), сосѣ́ды (Апок. II. 27, Остр. сѣ́сѣды, Первоп. сосѣ́ды), завѣ́ры (Іерем. LI. 30, Остр. завѣ́ры, Первоп. завѣ́ры), кѣ́лмыры́ (Ос. X. 2, Остр. вин. мн. Ис. XXI. 9, Іерем. L. 2. Такъ и въ Остр.), испо́лины (1 Парал. XX. 8, Остр. и Первоп. гиганты), но -и (Быт. VI. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Остр. и Первоп. библии немного чаще представляютъ окончаніе настоящаго именит. множ. -и, чѣмъ Новая, причемъ Первоп. нѣсколько ближе къ послѣдней. Но окончаніе винит. множ. также уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной и довольно часто.

Послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, согласно условіямъ русской и церковнославянской фонетики, -зи винит. падежа должно дать -і (-и): ро́ги (Дан. VIII. 3, Остр. и Первоп. двойств. рога́, Исх.

XXVII. 2. Такъ и въ Остр.), ты́сащники, со́тники, но рядомъ нача́лницы (1 Парал. XXVII. 1. Такъ же въ Остр. и Первоп.), трѣ чиновники (Дан. VI. 2. Такъ же и въ Остр. и Первоп.), помѣщники (3 Цств. XX. 16, Остр. и Первоп. двойств. число), ѣвнѣхи (Эсѣ. IV. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), шипкѣ (4 Цств. XXV. 17, Остр. и Первоп. шипки), начатки (Езек. XLVIII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ) колкѣ (Исх. XXXVII. Остр. и Первоп. конецъ XXXVI. такъ же), полкѣ (Быт. XXXII. 2, Остр. полки, Первоп. полкѣ), крючки, верхѣ (Исх. XXVII. 10. Въ Остр. и Первоп. такъ же), причастники (Римл. XV. 27, Остр. -ы, Первоп. -и), и т. д. У Лавр. Зизанія обѣ формы рядомъ: снѣгѣ и снѣзи (л. 27 на об.), но вѣси (л. 26 на об.).

Рядомъ имѣется довольно значительное число образованій по типу основъ на и-: льво́ве (Ис. V. 29. Такъ и въ Остр.), стрѣпове (Ам. VIII. 3, Остр. и Первоп. вѣплеве), кѣдрове (Пѣснь II. V. 15. Такъ и въ Остр.), грѣзнове (ibid. VII. 8, Остр. грѣзнѣве, Первоп. грѣзнѣве), вѣсове (Пс. XCV. 5. Такъ и въ Остр.), со́тове (Притчи С. XVI. 24. Такъ и въ Остр.), дѣрове (Ис. Сир. XX. 29. Такъ и въ Остр. Евр. IX. 9), сѣдове (Притчи С. XXIII. 29, Остр. сѣди, Первоп. сѣди, Римл. XI. 33, Остр. и Первоп. также сѣдове), пѣрове (Притчи XXIII. 30, Остр. такъ же), плѣдове (Притчи X. 16, Остр. и Первоп. ед. число), грѣоме (Исх. IX. 33. Такъ и въ Остр.), но грѣми (ibid. 28, 29, 34), вѣнове (3 Цств. XVII. 6. Въ Острожск. такъ же), рѣдове (М. I. 17. Въ Остр. также), жѣдове (Иоа. I. 19. Въ Остр. такъ же), оѣдове (1 Кор. VI. 15. Въ Остр. такъ же) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, образованіе это имѣеть мѣсто только у основъ односложныхъ, которыя въ имен. ед. числа совершенно совпадали также съ односложными основами на и-. У основъ двусложныхъ и многосложныхъ окончаніе -ове не имѣеть мѣста. Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на і-, которыя могутъ быть также разсматриваемы, какъ имена собирательныя: сѣдіе (Числ. XXIV. 6, Острожск. и Первоп. сѣди), плѣвеліе (М. XIII. 26, Остр. плѣвеліе, Первоп.

плѣвеліе), но плѣвѣлы (вин. вм. им. М. XIII. 38. Остр. плѣвели, Первоп. плѣвели).

Промежуточнымъ звеномъ должны были служить въ этой ассимиляции основы на jо-, какъ мѣжіе и т. д. (см. ниже).

Родительный падежъ также представляетъ нѣсколько образований: правильное, отвѣчающее старославянской формѣ: сапѡгъз (Мр. I. 7, Остр. сапѡгъз, Первоп. сапѡгъз), грѣхъз (М. I. 21, Апок. I. 5. Остр. грѣхъз), грѡвъз (М. XXVII. 53. Въ Остр. грѡвъз), вѡинъз (М. XXVII. 27, Остр. вѡинъз, Первоп. вѡинъз), сребренникъз (М. XXVII. 9. Остр. сребреникъз. М. XXVI. 15), талѡнтъз (М. XXV. 20. 28, Остр. талантъз), вѣтръз (М. XXIV. 31, Остр. вѣтръз), книжникъз (М. XVI. 21, Остр. книжникъз), ѡзыкъз (М. IV. 15, Остр. ѡзыкъз), градъз (ibid. 25, Острожск. градъз), плѡдъз (М. VII. 16, Остр. плодъ, плодъз), предѣлъз (М. VIII. 34), прорѡкъз (М. XXIII. 30) и т. д.; по типу основъ на u-, первично, вѣроятно, у односложныхъ, отъ которыхъ окончаніе -ов (-овъз) перешло и къ многосложнымъ: козлѡвъз, ѡвнѡвъз (Ис. XXXIV. 6, Остр. иной текстъ, Быт. XXXII. 14. Остр. кѡзловъз, но ѡвнъз, Первоп. козлѡвъз, ѡвѣнъз), ѡслѡвъз (ibid. 15, Остр. иной текстъ), жидѡвъз (I. IX. 22, Остр. жидовъз, Первоп. уже жидѡвъз), тѣквѡвъз (Быт. IV. 4, Остр. также тѣковъз), рогѡвъз (Апок. V. 6, Остр. роговъз, Первоп. рогѡвъз), свѣтвѡвъз (Посл. Іак. I. 17, Остр. и Первоп. дат. мн.), сѡнмовъз (Суд. V. 10, Остр. другой текстъ), свѣкрѡвъз (Тов. X. 12, вм. винит. мн., Остр. другой текстъ), оуглѡвъз (Тов. XI. 12, Остр. другой текстъ), свѣрѡвъз (Посл. къ Титу III. 9, Остр. свары), львѡвъз (Дан. VI. 22, Остр. 20, львѡвъз, Апок. IX. 8), градѡвъз (М. XIV. 13, Остр. градовъз, Первоп. градѡвъз, 2 Парал. XV. 8, Остр. гра, Первоп. градъз, Іезек. XVI. 7, Остр. гра, Первоп. градъз), дрѣгѡвъз (Ис. Сир. VI. 13, Остр. дрѣгъ, Первоп. дрѣгъз, Притчи С. XVII. 1, Остр. ед. ч. Іерем. XX. 4, Остр. другой текстъ, Л. XIV. 12, Остр. дрѣгъз, Первоп. дрѣгъз), врагѡвъз (Ис. Сир. VI. 13, Остр. и Первоп. врагъз, ibid. XLV. 2, Остр. врагъз, Первоп. врагъз), волхвѡвъз (Ис. XLVII. 9, Остр. волхвъз, Первоп. уже волхвѡвъз, Дан. I. 20. Остр. другой текстъ), рабѡвъз (М. XXII.

6, в.м. винит. Остр. рабы, Первоп. рабы, Ис. XLIX. 7, Остр. другой текстъ), садѡвѣз (Иезек. XXXI. 4, Остр. садовѣз, Перв. садѡвѣз), холмѡвѣз (Ис. IX. 18, Остр. холмѣз, Первоп. хѡлмѣз), кѣтѡвѣз (Ис. Сир. XLIII. 27, Остр. кѣтовѣ), снопѡвѣз (Руѡѣ II. 15, 16, Остр. уже сноповѣз, Первоп. снопѡвѣз), сѣрѡвѣз (1 Цѣтв. XVII. 18, Остр. сѣрѡ, Первоп. какѣ въ Новой), прѣгѡвѣз (Иезек. XLIII. 8, Остр. и Первоп. прѣгѣз), волкѡвѣз (М. X. 16, Остр. влѣковѣз, Первоп. волкѡвѣ), громѡвѣз (Апок. X. 3. 4, Остр. грѡмовѣз, Первоп. громѡвѣз), грѡвѡвѣз (Мр. V. 2, Остр. грѡвѣз, Первоп. грѡвѣз), родѡвѣз (Ис. Сир. XXXIX. 12, Остр. вин. ед. М. I. 17, Остр. родѡвѣз, Первоп. родѡвѣз), дворѡвѣз (Иезек. XXXIII. 30, Остр. другой текстъ; Иерем. XXXV. 2, Остр. двѡровѣз, Первоп. двѡровѣз), хлѣбовѣз (Иерем. XLIV. 17, Остр. хлѣвѣз, Первоп. хлѣвѣвѣз, Мр. VIII. 5. 6, Остр. и Первоп. вин. мн.), гласѡвѣз (Апок. VIII. 13. Остр. гласѣз, Первоп. гласѡвѣз), вѣтрѡвѣз (Иезек. XXXVII. 9. Остр. вѣтрѣз, Первоп. вѣтрѣз, Посл. Іак. III. 4, Остр. вѣтровѣз, Перв. вѣтрѡвѣз), снѡвѣз (Прем. Сол. IV. 6, Остр. сѡнѣи), лѣкѡвѣз (Ис. XXI. 15. 17, Остр. и Первоп. другой текстъ), дарѡвѣз (Ис. Сир. VII. 9, Остр. дѣрѡ, Первоп. дарѡвѣз), плодѡвѣз (Притчи XVII. 20, Остр. и Первоп. р. ед. плѡда и плодѣ; Посл. Іак. III. 17, Остр. плодѡвѣз, Первоп. плодѡвѣз, М. XXI. 34, Остр. дат. мн., Филипп. I. 11, Остр. плѡдовѣз, Первоп. плодѡвѣз), скѣптѡвѣз (Прем. Сол. VII. 8, Остр. скѣпетрѣз, Первоп. скѣптѣрѣз), трѣдѡвѣз (Прем. Сол. III. 15, Остр. трѣдовѣз, Первоп. трѣдѡвѣз), столѡвѣз (2 Парал. IV. 8, Остр. столѡвѣз, Первоп. столѡвѣз), цѣтѡвѣз (2 Парал. IX. 15, Остр. цѣтовѣз, Первоп. цѣтѡвѣз), шѣпкѡвѣз (ibid. III. 16, Остр. и Первоп. шѣпокѣз), зѣвѡвѣз (ibid. IX. 17, Остр. зѣвовѣз, Первоп. зѣвѡвѣз), грѣхѡвѣз (М. XXVI. 28. Остр. грѣховѣз, Первоп. грѣхѡвѣз), богѡвѣз (Ис. XIX. 3, 2 Парал. XXV. 14, в.м. винит. мн. Остр. богѡвѣз, Первоп. богѡвѣз), бѣсѡвѣз (Мр. XVI. 9. Остр. бѣсовѣз, Первоп. бѣсѡвѣз), ликѡвѣз (2 Цѣтв. VI. 13, Остр. плѡкѣз) и т. д., и т. д.

Отъ подобныхъ односложныхъ основъ окончаніе -вѣз распространилось и на основы двухсложныя и многосложныя. Переходнымъ звеномъ могли служить сложныя основы, второй членъ ко-

торыхъ былъ односложень: покрѡвѡвѣ (Ис. LIV. 2, Остр. другой текстъ), ѡсѡдѡвѣ (Плачь Іер. II. 19, Остр. ѡсѡдѡ, Первоп. ѡсѡдѡдѡ), восѡдѡвѣ (Іезек. XL. 26. 32. 34, 37, Остр. възѡ, Первоп. възѡдѡ и възѡдѡвѡ), престѡлѡвѣ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. престѡлѡ, Первоп. прѣтѡлѡ), закѡнѡвѣ (Прем. Сол. IX. 5, Остр. и Первоп. закѡнѡ), ѡблакѡвѣ (ibid. V. 21, Остр. и Перв. другой текстъ), ѡстровѡвѣ (Іезек. XXVII. 6. 7, Остр. ѡстровѡ, Первоп. ѡстровѡ, Ис. XI. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ), востѡкѡвѣ (Ис. XI. 11, Остр. възтѡкѡ, Первоп. възтѡкѡ, Іезек. XLVIII. 26, Остр. иной текстъ), но възтѡкѡ (Ис. XI. 14, Іезек. XLVIII. 16), поварѡвѣ (Іезек. XLVI. 24, Остр. сѡкальчнѡ), челѡвѣкѡвѣ (Осія XIII. 2, вм. винит. Остр. чѣкѡ, Первоп. челѡвѣкѡ), недѣгѡвѣ (1 Тимоѡ. V. 23, Остр. недѣгѡ, Первоп. недѣгѡ), рѡзѡмѡвѣ (1 Цѡств. II. 3, Остр. дат. мн. рѡзѡмовѡмѡ, Первоп. какѡ въ Новѡй), пѡмыслѡвѣ (Іезек. XLIV. 10, Остр. и Первоп. пѡмыслѡ), сосѣдѡвѣ (Дан. I. 2, Остр. сосѣдѡ, Перв. сосѣдѡ), ѡтрокѡвѣ (Дан. I. 15, Остр. ѡтрокѡ, Перв. ѡтрокѡ) и т. д.

Отъ этихъ уже основъ окончаніе -ов (-ѡвѡ) распространилось и на другія двухсложныя основы: кѡмѡрѡвѣ (Іезек. XXXVI. 25, Остр. кѡмѡрѡ, Первоп. кѡмѡрѡ, Ис. XIX. 3, вм. вин. множ. Остр. кѡмѡрѡ, Первоп. кѡмѡрѡ), грѣшникѡвѣ (1 Макк. I. 34, вм. винит. мн. Остр. и Первоп. грѣшницѡ, именит. вм. винит.), вѡинѡвѣ (Апок. IX. 16, Остр. воинѡ, Перв. вѡинникѡ), цѡитникѡвѣ (2 Парал. XIV. 8, Остр. цѡитникѡвѡ, Первоп. цѡитникѡвѡ), ѡдолѡвѣ (Ос. XIII. 2, Остр. другой текстъ), ѡзыкѡвѣ (Ис. XLIX. 8, Остр. и Первоп. другой текстъ), прѡзникѡвѣ (Малах. II. 3, Остр. прѡзникѡ, Первоп. прѡзникѡ), пастѡхѡвѣ (Ис. XXXII. 14, Остр. и Первоп. другой текстъ), ѡргѡнѡвѣ (Амосъ V. 23, Остр. пицѡлѡ), ѡрѡвѡвѣ (2 Парал. XXVI. 7, Остр. и Первоп. дат. мн. съ предл. прѡтивѡ—управленіе старославянское; въ новой Библии уже русское, съ род. п.), вѡелѡдѡвѣ (Суд. VIII. 21, Остр. и Первоп. дат. мн.), ѡлинѡвѣ (Дѣян. VI. 1, Остр. дат. мн.), вѡсерѡвѣ (Апок. XXI. 21, Остр. двойств. число), ѡвѡхѡвѣ (Дан. I. 3, 7, 8, 9, Остр. и Перв. 3, кѡженникѡ, 7, 8, 9 прилаг. кѡженнѡ) и т. д. Основы многосложныя: хѡдѡжникѡвѣ (Осія XIII. 2, Остр. и

Перв. друг. текстъ), исполншвз (Быт. XIV. 5, вм. вин. мн. Остр. и Первоп. гиганты), свѣтѣльниквз (Апок. I. 13, Остр. и Первоп. свѣтѣлиникъ), но свѣтѣлиникъ (ibid. I. 12. Въ Остр. и Первоп. такъ же), похотникѡвз (Ос. II. 5, Остр. хѡтѣи), слѣжѣбниквз (2 Парал. IX. 4, Остр. и Первоп. дат. мн.), свѣщѣнниквз (ibid. XIII. 9, Остр. сщѣнниковъ, Первоп. сщѣнниквз, Дѣян. VI. 7, Остр. и Первоп. сщѣнникъ), собесѣдниквз (Филипп. I. 7. Остр. другой текстъ), иноплемѣнниквз (2 Парал. XXVI. 6, съ предлогомъ противъ, Остр. и Первоп. съ дат. мн., Амось I. 8, Остр. иноплемѣнникъ, Первоп. иноплемѣнникъ), чревоушѣбниквз (Ис. XLIV. 25, Остр. и Первоп. другой текстъ), начѣтквз (Иезек. XLVIII. 18)

Рядомъ съ этими формами имѣются и правильныя: златнѣкъ (2 Парал. IX. 15), кѡнникъ (ibid. 25) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что распространеніе окончанія -овз въ языкѣ печатныхъ книгъ есть явленіе новѣйшаго времени и вызвано, очевидно, вліяніемъ русскаго языка, въ которомъ окончаніе -of (-ov) получило очень широкое распространеніе. Въ Острожской библіи, вмѣсто многихъ изъ приведенныхъ случаевъ окончанія -овз новой библіи, имѣется еще старинный родительный падежъ отъ основъ на о-; особенно послѣдовательно сохраняется эта старинная форма у основъ двухсложныхъ и многосложныхъ. Въ Первопечатной библіи случаевъ съ -овз больше, чѣмъ въ Острожской, но всетаки меньше, чѣмъ въ Новой. Относительно мѣста ударенія необходимо замѣтить, что свойственное русскому языку передвиженіе ударенія на самое окончаніе также рѣже въ Острожской библіи (см. выше: кѡзловъ, жѣдовъ, влѣковъ, грѡмовъ, двѡровъ, дѣровъ, щѣтовъ, зѣбовъ), тогда какъ оно наблюдается уже въ Первопечатной въ большихъ размѣрахъ. Быть можетъ, въ этой разницѣ сказалось и вліяніе мѣстныхъ диалектическихъ особенностей—западнорусскихъ и великорусскихъ.

Р. мн. бѣсерѣй (М. XIII. 45, вм. винит.; Остр. и Первоп. бѣсеры) является очень рѣдкимъ, если не единственнымъ образчикомъ образованія по типу основъ на і-.

Дательный множественнаго представляетъ три образованія: исконное, свойственное первичнымъ основамъ на о-: завѣтѡмъ

(3 Ездры V. 29, Остр. р. мн. завѣтъ, Первоп. завѣтъ), члѣвкwmz (Матѳ. VI. 14, Остр. члѣкѳ, Первоп. члѣкwmz), должникѳwmz (ibid. 12, Остр. должникомz, Первоп. какъ въ новой б.), родѳwmz (Ис. Сир. XLIV. 15, Остр. рѳдомz, Первоп. родѳwmz), врагѳwmz (ibid. XLVI. 2, Остр. и Первоп. винит. мн.), вогѳwmz (Перем. I. 16, Остр. вогѳwmz, Первоп. вогѳwmz, ibid. XI. 12, Остр. и Первоп. нѳwmz), ѳтрокѳwmz (1 Цств. XXI. 14, Остр. ѳтрокѳwmz, Первоп. ѳтрокѳwmz), градѳwmz (2 Цств. XII. 31, Остр. градѳwmz, Первоп. градѳwmz), зѳвѳwmz (М. VIII. 12, Остр. зѳвѳwmz, Первоп. зѳвѳwmz, М. XIII. 50, Остр. зѳвѳwmz), М. Смотрицкѳй: клеврѳтѳwmz (л. 105 на об.), гѳрмѳwmz (л. 106 на об.), вѳинѳwmz (л. 107), юрѳдѳwmz (ibid. на об.), дрѳгѳwmz (л. 109 на об.), грѳхѳwmz (л. 110 на обор.). Относительно ударенія этихъ формъ необходимо замѣтить, mutatis mutandis, то же, что было сказано выше о формахъ родит. мн. на -wvz. Въ Острожской библіи удареніе на окончаніи (если оно вообще обозначается) встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ въ Первопечатной и Новой оно уже, какъ въ русскомъ, передвинуто у извѣстныхъ основъ на окончаніе.

Рядомъ встрѣчаются изрѣдка формы, образованныя по типу основъ на а-: спобѳрникѳwmz (1 Макк. VIII. 24. Въ Остр. и Перв. иной текстъ), но рядомъ Рѳмлѳнѳwmz (тамъ же), ѳстѳнѳwmz (Зах. VIII. 12. Въ Остр. и Первоп. дат. ед.), ѳсхѳдѳwmz (Иезек. XLIV. 5, Остр. пѳтемz), оѳгѳwmz (Иезек. XLVI. 21, Остр. вин. мн. наоѳгѳы), полкѳwmz (2 Макк. V. 2. XII. 20, Остр. другой текстъ), оѳдѳwmz (2 Макк. VII. 7, Остр. оѳдѳ) и т. д.

Какъ видно изъ примѣровъ, образованія эти, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, встрѣчаются только въ новой б. и весьма рѣдко; въ Острожской же и даже Первопечатной ихъ еще нѣтъ.

Третье образованіе дат. мн. вызвано вліяніемъ основъ на u-; въ основѣ его лежитъ сильная форма основы, имѣющаяся въ дат. ед., имен. и родит. множ. съ сочетаніемъ -ov-, собственно надежное окончаніе есть общее -om (-wmz), гдѣ -o- представляетъ собой послѣдній гласный основы на o-, отошедшій путемъ морфологической абсорпціи къ окончанію. Образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ: градѳwmz (Ис. I. 26, Остр. градѳwmz,

Первоп. градовѣмъ, М. XI. 20, Остр. градовоѣ, Л. IV. 43, Остр. градовоми), лѣсовѣмъ (Пе. LXII. 11, Остр. лѣсовомѣ. Первоп. лѣсѣвѣ), вѣсовѣмъ (Пе. CV. 37, Остр. вѣсовѣ, Первоп. вѣсовѣмъ). Въ Острожской библии встрѣчается форма рѣзѣмовѣ. (1 Цств. II. 3, Первоп. рѣзѣмовѣ р. множ.), образованная отъ двухсложной основы, состоящей изъ двухъ односложныхъ.

Винительный множественнаго сохранился лучше винительнаго единственнаго.

Синтактическая замѣна винительнаго родительнымъ имѣеть мѣсто преимущественно въ единственномъ числѣ. Въ то время, какъ въ единственномъ числѣ эта замѣна у извѣстныхъ именъ существительныхъ проведена безъ исключенія, послѣдовательно, во множественномъ числѣ самые случаи замѣны являются спорадически, въ видѣ исключеній: ѣмше равѣвѣ (М. XXI. 35, Остр. равѣ, Первоп. равѣ, *ibid.* XXII. 6, Остр. равѣ, Первоп. равѣ), но послѣ равѣ (М. XXI. 36), хотя послѣ сна (*ib.* 37, Остр. такъ же), ймѣй вѣины (М. VIII. 9), нарѣды (М. V. 1), йзгнѣша пѣрѣоки (М. V. 12), соврѣвѣ перѣвѣнниви й книжники (М. II. 4) и т. д. Случаи замѣны винительнаго родительнымъ приведены также выше, при перечисленіи формъ родит. мн. на -ѣвѣ: свѣкрѣвѣ (Тов. X. 12, Остр. другой текеть), челѣвѣкѣвѣ (Ос. XIII. 2, Остр. винит. чѣкѣ), кѣмѣрѣвѣ (Ис. XIX. 3, Остр. кѣмѣрѣ), грѣшникѣвѣ (1 Макк. I. 34, Остр. именит. вѣ. винит. грѣшницы), йсполнѣвѣ (Быт. XIV. 5, Остр. гиганты), но тутъ же кѣзыки, покрѣ всѣдники (Исх. XIV. 28), йстрѣсѣ ѣгѣптѣны (*ib.* 27), но видѣша ѣгѣптѣнѣ (*ib.* 30, Остр. видѣша... ѣгѣптѣны) и т. д. Употребленіе родительнаго множ. вмѣсто винительнаго есть также явленіе новѣйшаго времени, которое въ Остр. библии почти не встрѣчается.

Уклоненіе отъ старославянскаго представляютъ также основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, послѣ котораго въ старославянскомъ имѣется -ы, а въ церковнославянскомъ, какъ въ русскомъ -и: грѣхѣи (М. IX. 6. Такъ и въ Остр.), мѣхѣи (*ib.* 17, Остр. еще мѣхѣи, Первоп. уже мѣхѣи), браки (М. XXII. 2, Остр. браки, Первоп. браки), всѣдники (Исх. XIV. 28, Остр. всѣдники, но выше ст. 26, всѣдники, Первоп. всѣдники) и т. д.

Такииъ образомъ въ правописаніи Острожской библіи еще по традиціи держалось ы послѣ заднеязычныхъ, хотя фонетическаго значенія этотъ фактъ не можетъ имѣть въ виду многихъ случаевъ, въ которыхъ имѣется -и, едѣлавшееся въ Первопечатной б. уже общимъ. Смѣшеніемъ съ подобными формами вин. множественнаго, которыя имѣли -и послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, надо, по всей вѣроятности, объяснять немногочисленные случаи вин. мн. съ -и отъ основъ съ другими послѣдними согласными основы: постави... хѣлми (Ис. XL. 12. Такъ уже въ Остр., XLII. 15, ѡпѣстошѣ... хѣлми, Остр. такъ же), имѣахѣ ѡшибы подобни (Апок. IX. 10, Остр. ѡшибы подобни), Первоп. также ѡшибы подобни. Стел. ошнѣ ж. р. въ Новой б. уже чувствуется какъ ѡшиба м. р. сравн. предл. мн. ѡшибахѣ *ibidem*). Кромѣ этого смѣшенія несомнѣнно должно было имѣть значеніе и уже установившееся въ довольно многочисленныхъ случаяхъ тождество именительнаго и винительнаго множественнаго числа, которое являлось слѣдствіемъ перенесенія формы винит. множеств. въ именит. того же числа.

Творительный множественнаго представляетъ нѣсколько образований. Исконныя формы первичныхъ основъ на о- сохранились въ преобладающемъ количествѣ случаевъ. Уклоненіе отъ старославянской нормы представляютъ только основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, у которыхъ имѣется, согласно общерусскому фонетическому закону, -и вм. стел. -ы: со ѡглы (М. XVI. 27), рѣды (Ис. XXIV. 22), глѣсы (Ис. Сир. L. 20) и т. д. послѣ заднеязычныхъ: члѣки (М. V. 13), ѡбрѣки (Л. III. 14). ѡзыки (М. XXIV. 9), слѣхи (Евр. V. 11) и т. д. Рядомъ имѣются образования по типу основъ на и-, которыя первично имѣлись у основъ односложныхъ и отъ нихъ распространились и на остальные: грѣхми (Ис. L. 1, Остр. грѣхи, Первоп. грѣхи), дарми (Притчи С. VI. 35, Остр. дарми, Первоп. дарми), висерми (1 Тимоѡ. II. 9, Остр. и Первоп. твор. ед.), кѣмирми (Пезек. XXXVI. 17, 18, Остр. кѣмирми, Первоп. кѣмирми), сапогми (Дан. III. 21, Первоп. настѣгивами).

Эти немногочисленные образования свойственны болѣе тексту Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной встрѣчаются еще рѣже.

Болѣе многочисленны образованія по типу основъ на *ā-*, которыя также, повидимому, болѣе часты у основъ односложныхъ: цитѣми (Перем. XLVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ; Неем. IV. 16, Остр. и Перв. другой текстъ), богѣми (Посл. Иерем. 44), лѣками (Неем. IV. 13, Остр. и Перв. лѣки), серпѣми (Ис. XVШ. 5, Остр. и Перв. твор. ед.), шѣрами (Иезек. XXШ. 14, Остр. твор. ед. шѣромъ), полкѣми (Юд. XIV. 11, Остр. и Перв. друг. текстъ), цвѣтѣми (3 Макк. VII. 14, Остр. род. мн. Юд. XV. 12, Остр. и Перв. другой текстъ), вѣсамѣ (Вар. IV. 35, Остр. и Перв. вѣсы), плотѣми (2 Парал. II. 16, Остр. тѣн плоты, Перв. тѣ плоты—вин. множ.), грѣхѣми (Ис. XIV. 21, Остр. и Перв. грѣхи), хлѣбѣми (Лев. XXШ. 18, 19, 20, Остр. и Перв. хлѣбы, 2 Царствъ Ш. 29, Остр. р. ед. Перв. р. мн.), врагѣми (Юд. VIII. 19, Остр. и Перв. другой текстъ), рогѣми (Иезек. XXXII. 2, Остр. рогѣ, Перв. рогѣ, *ibid.* XXXIV. 21, Остр. рогѣ, Перв. рогѣ), рогѣми (2 Парал. XVI. 14, Остр. рогѣ, Перв. рогѣ), дрѣвѣми (1 Макк. VIII. 20, Остр. и Перв. винит. мн.), послѣми (Ис. XXXVII. 24. Такъ уже въ Остр. и Перв.), оуглѣми (2 Парал. XXVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ), скотѣми (Быт. I. 26, Остр. скоты, Перв. скоты), но тутъ же рядомъ гѣды, замкѣми (Посл. Иер. 17) бокѣми (3 Цств. VI. 15, Остр. другой текстъ), вѣрѣми (Юд. VII. 10, Остр. другой текстъ), зѣбѣми (Иов. XIII. 14, Остр. зѣбы, Перв. зѣбы), млатѣми (Иерем. X. 4, Остр. молоты, Перв. молоты), мостѣми (2 Макк. XII. 13, Остр. друг. текстъ), полкѣми (тамъ же XII. 20, Остр. друг. текстъ), послѣми (тамъ же XIII. 12, Остр. ед. ч. постомъ), слонѣми (тамъ же XIV. 12, Остр. друг. текстъ) и т. д., у двухсложныхъ и многосложныхъ— законѣми (Эсѣ. III. 13, Остр. д. ед.), завѣрами (Посл. Иер. 17; 1 Макк. IX. 50, Остр. и Перв. вин. мн.), сосѣдами (Ис. Сир. XLV. 9, Остр. и Перв. сосѣды), престѣлами (Прем. Сол. VI. 21, Остр. прѣтолы, Перв. престѣлы), восхѣдами (Иезек. XL. 22, Остр. р. мн. седмѣ...), всѣдникѣми (Юд. II. 5, Остр. и Перв. другой текстъ), блѣдникѣми (Ос. IV. 14, Остр. другой текстъ), похотникѣми (*ibid.* II. 10, Остр. хѣтыми), дрѣмлатѣми (2 Парал.

XVI. 14, Остр. *араматы*, Первоп. *аршматы*), споворниками (1 Макк. VIII. 20, Остр. споворницы им. мн. в. винит.), скорпионами (3 Цств. XII. 11, Остр. друг. текстъ), *эллинами* (2 Макк. IV. 36, Остр. друг. текстъ) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ двѣ формы для твор. множ., одну по типу основъ на *а-*, другую исконную: *клеврѣтами*, *клеврѣты* (л. 105 на об.), *гарматами*, *гарматы* (л. 106 на об.), *воинами*, *воины* (л. 107), *юрорадами*, *юрорды* (*ibid.* на об.), *дрвглами*, *дрвуги* (л. 109 на об.), *пророками*, *пророки* (л. 110) и т. д.

Такимъ образомъ, окончаніе *-ами*, заимствованное отъ основъ на *а-*, должно быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка и распространилось сравнительно въ новѣйшее время. Въ языкѣ Остр. и Первоп. библій это окончаніе весьма рѣдко.

Предложный множественнаго также представляетъ нѣсколько образований.

Преобладаютъ формы исконныя: *трѣдѣхъ* (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ: *вз скорѣѣ*), *градѣхъ* (Перем. XXXII. 44, Остр. *градѣ* и *градѣхъ*, Первоп. *градѣхъ*, Захар. VIII. 20, 21, Остр. *градѣхъ*, Первоп. *градѣхъ*, Иезек. XXXIX. 9, Остр. *градѣхъ*, Первоп. *градѣхъ*), *розѣхъ* (Дан. VII. 20, Остр. *розѣхъ*, Первоп. *розѣхъ*), *облацѣхъ* (М. XXVI. 64, М. XXIV. 30, Остр. *облацѣхъ*), *во гробѣхъ* (Мр. V. 3, Остр. *вз гробѣхъ*, Первоп. *гробѣхъ*), *помѣхъ* (М. X. 9, Остр. безъ ударенія, Первоп. *помѣхъ*), *дѣсѣхъ* (М. X. 1, Остр. *дѣсѣхъ*, Первоп. *дѣсѣхъ*), *холмѣхъ* (Ос. V. 8, Остр. *холмѣхъ*, Первоп. *холмѣхъ*) и *холмѣхъ* (*ibid.* IV. 13, Остр. и Первоп. другой текстъ), *вельлюдѣхъ* (Ис. XXX. 6, Остр. *вельлюдѣхъ*, Перв. *вельлюдѣхъ*) и т. д.

Рядомъ довольно часто встрѣчаются формы съ окончаніемъ *-ах* (цел. *-ахъ*), заимствованныхъ отъ основъ на *а-*: *вѣсахъ* (Перем. XXXII. 10, Остр. другой текстъ: *превѣснахъ*), *крѣвахъ* (*ibid.* 29, Остр. *храминахъ*), *лѣкахъ* (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ), *сѣлахъ* (Ис. XXX. 6, Суд. XII. 14, Остр. др. текстъ), *прагахъ* (Исх. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. такъ же), *вѣсахъ* (Лев. XIX. 35, Остр. *превѣсѣ*, Первоп. *превѣсѣхъ*), *вз цвѣтахъ* (3 Ездры IX. 26, Остр. *оуцвѣтз*), *рогахъ* (Исх. XXIX. 12, Остр.

другой текстъ), рв́ахъ (1 Цств. XIII. 6, Остр. др. текстъ), ци-
та́хъ (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ, но вѣннахъ въ
этой же главѣ), слѣ́дахъ (Иов. XXXVIII. 16, Остр. друг. текстъ),
горшќахъ (Числ. XI. 8. Такъ и въ Остр. и Первоп.), жѣ́рновахъ
(Числ. XI. 8, Остр. жѣ́рновнѣ, Первоп. жѣ́рновахъ, М. XXIV,
41, Остр. жѣ́рновнѣ, Первоп. жѣ́рновахъ), затвѣ́рахъ (3 Ездры
IV. 35, Остр. другой текстъ), прѣдѣ́лахъ (1 Парал. VI. 54, Остр.
и Первоп. прѣдѣ́лахъ), всѣ́дникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. им.
мн.), ѿвѣ́дахъ (3 Макк. II. 22, Остр. друг. текстъ), прѣ́зникахъ
(Езек. XXXVI. 38, Остр. вин. ед.), вѣ́стахъ (Ис. VII. 19,
Остр. друг. текстъ), ѿпо́линахъ (Прем. I. Сир. XVI. 8, Остр.
друг. текстъ), всѣ́дникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. всѣ́дники), ѿвѣ́-
дахъ (3 Макк. II, 22, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, формы на -ахъ встрѣча-
ются главнымъ образомъ въ новѣйшемъ, исправленномъ и частью
вновь переведенномъ текстѣ Библии; въ Острожской и Первопеч-
атной онѣ гораздо рѣже.

Изрѣдка встрѣчаются и формы исконнаго предложнаго падежа
мн. ч., уподобленныя въ своемъ написаніи формамъ того же па-
дежа основъ на і-, у которыхъ стел. -ьхъ должно было дать -єхъ.
Разница здѣсь только на бумагѣ, такъ какъ є и ѣ въ русскомъ,
а слѣдовательно и церковнославянскомъ, уже не различались другъ
отъ друга въ произношеніи XVI-го вѣка. Въ Новой Библии та-
кихъ написаній очень немного; примѣромъ можетъ служить прѣ-
дѣ́лахъ (Второзак. XXVIII. 40, Остр. прѣдѣ́лахъ, Первоп. прѣдѣ́-
лахъ, ср. также 1 Парал. VI. 54; цвѣ́тахъ, Остр. Пѣснь II. IV.
5) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ также написанія: кле́рѣтахъ
(л. 105 на об.), ю́рѣтахъ (л. 107 на об.), дро́узѣ (л. 109 на об.),
проро́цѣхъ (л. 110), рядомъ съ правильными на -ѣхъ; основы іа́рѣмъ
(л. 106), вѣ́ннъ (л. 107), грѣ́хъ (л. 110), имѣють у него только пра-
вильныя написанія. Въ Остр. и Первоп. Б. такія написанія нерѣдки.

Относительно ударенія необходимо замѣтить, что древнѣйшее
его мѣсто у основъ односложныхъ на первомъ слогѣ, т. е. на томъ
слогѣ, на которомъ оно было въ именит. ед.; въ Остр. Б. гра́-

лѣхъ, рѡзѣхъ, Первоп. грѡвѣхъ, дѣсѣхъ; — въ Новой: градѣхъ, розѣхъ, грѡвѣхъ, дѣсѣхъ. Это перенесеніе ударенія очевидно вызвано вліяніемъ русскихъ формъ: *городѣхъ*, *розѣхъ*, *гробѣхъ* и т. д.

Основы среднего рода на о- въ общемъ представляютъ тѣ же особенности и новообразованія, что и основы муж. рода. Единственное число ихъ не уклоняется отъ старослав. склоненія, за исключеніемъ творит. п., имѣющаго суффиксомъ -m (цел. -мъ), вмѣсто ожидаемаго -m' (-мь=стсл. мь).

Такимъ образомъ склоненіе церковнославянскихъ основъ на о- въ единственномъ числѣ совершенно тождественно съ русскимъ склоненіемъ тѣхъ же основъ.

Им. млѣкѡ (Пѣснь Пѣсн. IV. 11, Остр. млѣко, Первоп. млѣкѡ), чрѣво (ibid. V. 14), винѡ (Ис. Сир. XXXI. 29. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Родит. злѡта (ibid. I. 10), срѣврѡ (ibid. I. 10. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Дат.: зѣрнѡ (Л. XIII. 19, Остр. зѣрнѡ).

Винит.: злѡто, срѣврѡ (Ис. Сир. XLVII. 21); зват.: чѡдо (ibid. XXXVIII. 9, 16).

Творительный: винѡмъ (I. Сир. XXXI. 32. Такъ и въ Остр.), млѣкѡмъ (Пѣснь П. V. 1, Остр. млѣкомъ, Первоп. млѣкѡмъ), и т. д. Своеобразная замѣна творит. ед. формой твор. двойств. имѣется въ столѡ ѡгнцы (Быт. XXXIII. 19, Остр. столъ, Первоп. стѡмъ), вызванномъ двѣмѡ стѡма (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Иоа. VI. 7, Остр. стѡма) и т. п.

Предложный: чрѣвѣ (I. Сир. XL. 32), винѣ (ibid. XXXI. 29), млѣцѣ (Пѣснь П. V. 12, Остр. млѣцѣ, Первоп. млѣцѣ) и т. д.

Двойственное число уклоняется въ им. вин. зв. отъ старославянской нормы.

Вмѣсто ожидаемаго -ѣ (стсл. лѣтъ и т. д.), мы встрѣчаемъ здѣсь -а, какъ у основъ м. р. на о-, вліяніемъ которыхъ эта форма и объясняется. Сверхъ этого такой им. вин. зв. дв. числа на -а совпадаетъ совершенно съ им. вин. зв. мн. числа, что, конечно, еще болѣе способствовало утратѣ церковнославянскихъ формъ дв. числа: двѡ лѣта (Дѣян. XXVIII. 30, Остр. двѣ лѣтъ, Первоп.

двѣ лѣтъ, 4 Цств. XV. 23, Остр. род. мн. лѣтъ ѿ), двѣ крила Исходъ XXXVI. Остр. и Первоп. ѿбѣ ра'мѣ; ср. Остр. б. Іезек. I. 7, легцѣ крылѣ, Первоп. легцѣ крылѣ. Нов. легка крила), двѣ сто́ла (Исх. XXVI. 19, 21, 25, Остр. двѣ сто́лѣ, Первоп. двѣ сто́лѣ), колѣна (Дан. V. 6, Остр. колѣни, Первоп. колѣна) и т. д. Старинная форма сохранилась въ написаніи числительнаго двѣстѣ (Быт. V. 3, 1 Цств. XV. 4), но двѣсти (Числ. II. 21, 1 Цств. XVIII. 27, XXX. 10, Остр. вездѣ выражено цифрами, Перв. Числ. II. 21, двѣстѣ, но 1 Цств. XXX. 10, двѣсти, въ остальныхъ случаяхъ цифрами), гдѣ сказалось вліяніе русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ; также у основы крило: крилѣ (Пс. LXVII. 14, LIV. 7, Остр. такъ же, 2 Парал. III. 11, Остр. и Первоп. крилѣ, 13, Остр. крилѣ, Первоп. крылѣ, Л. XIII. 34, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Іезек. XVI. 8, Остр. крилѣ, Первоп. крылѣ, Дан. VII. 4, Остр. крилѣ, Перв. крылѣ, но тутъ же крила).

Родительный и предложный не уклоняются отъ старославянскаго: крилѣ (предл. 2 Цств. XXII. 11, Остр. крилѣ, Перв. крылѣ, Пс. XVII. 11, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Пс. CIII. 3, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, род. Пс. XVI. 8, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Пс. LXII. 8, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ), лѣтѣ (род. М. II. 16, Остр. лѣтѣ); случаи замѣны формъ двойственнаго числа формами множественнаго, разумѣется, часты: двѣ со́тъ (Числ. III. 46. Такъ уже въ Острожской б.), лѣтъ ѿ (Остр. б. 4 Цств. XV. 23, Новая б. лѣта двѣ), двоюна́дсѣте лѣтъ (Л. II. 42, Остр. и Первоп. еще лѣтѣ) и т. д.

Дательный и творительный, рядомъ съ исконными формами колѣнома (Посл. Іак. I. 1, М. XIX. 28), цѣтвомѣ (1 Макк. I. 16, Остр. такъ же), крило́ма (Руѣв. II. 12, Остр. такъ же, Іезек. XXIX. 4, Остр. и Первоп. р. дв. крилѣ), представляютъ и замѣну формами множественнаго числа: крилами (3 Ездры XI. 5, Остр. друг. тексть, Іезек. I. 8: подкрилами, Остр. подкрилѣ) и т. д. У М. Смотрицкаго обычная дифференціація: дрѣвома для дат. и рѣвама для твор. (л. 108). (Смотрицкій склоняетъ дрѣво по типу досновъ на о- безъ всякихъ слѣдовъ первичныхъ основъ на es-).

У Зизанія И. В. З. оустà, оустна, р. п. оустнѣ, дат. оустàма (л. 40).

Множественное число, рядомъ съ исконными, въ общемъ хорошо сохранившимися формами, представляетъ нѣкоторыя новообразования, обязанныя своимъ возникновеніемъ морфологической ассимиляціи.

Именит., винит. и зват. не представляетъ уклоненій отъ старославянской нормы: вратà (Іезек. XLVIII. 31—34, Остр. врата, Первоп. вратà), стадà (Быт. XXIX. 2, 3, Остр. стада, Первоп. стада, Ис. XXV, 11, 10, Остр. др. текстъ), чада (М. Ш. 9), дровà (Лев. I. 7, 8, Остр. такъ же), дѣлà (3 Цств. V. 16, Остр. вин. ед.) и т. д.

Удареніе Новой библіи, вызванное у нѣкоторыхъ основъ вліяніемъ русскаго языка, отличается отъ ударенія Острожской, какъ это мы уже не разъ видѣли.

Родительный множественнаго или правильно: чадъ (М. XXII. 24, Быт. XLIX. 3), вратъ (Іезек. XL. 3, 14, 15 и т. д.) и т. д., или по типу основъ на и-: чáда, чáдwъ (Требникъ, вѣнчальный обрядъ), ѡблwкъ (3 Цств. VII. 42, Остр. VI гл. другой текстъ: шипковъ), но ѡблwкъ (ibid. 18), мѣрwъ (2 Парал. XVI. 14. Остр. род. е.), забрáwъ (Пл. Іерем. II. 7, Остр. вин. мн.).

Послѣднія формы новѣйшаго происхожденія и очень рѣдки. Въ Остр. и Первопеч. онѣ отсутствуютъ. Такъ же рѣдки формы съ развитіемъ вторичнаго гласнаго, какъ въ русскомъ: ѡконъ (3 Цств. VII. 4, Остр. ѡкѡ, Первоп. ѡкwnъ).

Дательный множественнаго представляетъ двѣ формы: исконную, какъ дѣлwмъ (Іерем. I. 16, Остр. дѣломъ, Первоп. дѣлwмъ), чáдwмъ (2 Кор. VI. 13), вратwмъ (3 Цств. VI. 33, Остр. вратомъ, Первоп. вратwмъ) и т. д. или образованную по типу основъ на а-: крѣламъ (Ис. XVIII. 1, Остр. друг. текстъ: крѣла), рѣбрамъ (Ис. XI. 5, Остр. др. текстъ: рѣбра), сѣламъ (1 Парал. VI. 54, Остр. другой текстъ), по забрáламъ (Іерем. XLIX. 3, Остр. по забрáлwмъ), нсѣламъ (Исх. XXXVIII, Остр. такъ же), мѣстáмъ (3 Ездры XVI. 71, Остр. дат. е.), лѣкáвствáмъ (1 Макк. XIII. 46, Остр. лѣкáвствwмъ, Первоп. -wмъ), дѣлáмъ (2 Макк. XI, 1,

Остр. друг. текстъ), цѣрствамъ (3 Ездры XII. 13, Остр. цѣтвѣ, Первоп. цѣтвомъ) и т. д. Послѣднія формы, какъ это видно изъ примѣровъ, внесены въ исправленный текстъ, и въ Острожской библии еще рѣдки.

Творительный мн. представляетъ нѣсколько образованій. Встрѣчаются исконныя формы: чѣды (Галат. IV. 25), дѣлы (2 Петр. II. 8), сты (1 Цств. XXX. 10, Остр. такъ же) и т. д. Рядомъ съ ними изрѣдка формы по типу основъ ср. р. на е-: дѣлеси (Иерем. XXXII. 19, Остр. дѣлеси, Перв. дѣлеси; 4. Цств. XXII. 17, Остр. дѣлеси). Въ Новой библии довольно часты образованія по типу основъ на а-, которыя произошли, быть можетъ, и не безъ вліянія имен. множ. на -а: ѡзнами (Иерем. XXII. 14, Остр. вин. мн.), рѣбрами (Иезек. XXXIV. 21, Остр. рѣбры, Первоп. рѣбры), копытами (Иезек. XXVI. 11, Остр. слѣдѣ), вратами (2 Парал. VIII. 5, Остр. вин. мн. врата), крѣлами (3 Ездры XI. 5, Остр. др. текстъ), дѣлами (3 Цств. V. 16, Остр. тв. ед. 3 Ездры, IX. 7, Остр. по дѣломъ, 2. Парал. II. 18, Остр. д. мн. дѣломъ), оустами (Второз. XXIII, 23, Остр. и Первоп. оустнами), стами (2 Цств. XVIII. 4, Остр. и Первоп., сторіцами), носілами (2 Пар. V. 8. Такъ же въ Остр. и Первоп.) мѣстами (1 Макк. XV. 29, Остр. мѣста вин. мн.), дѣлами (2 Макк. III. 7, Остр. богѣствы), бѣдствами (тамъ же, VI. 16, Остр. друг. текстъ), стадами (тамъ же, XIV. 14, Остр. друг. текстъ) и т. д. Послѣднія формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, языку Остр. и Первоп. библии почти совсѣмъ чужды и встрѣчаются главнымъ образомъ въ исправленной библии.

Предложный множ. представляетъ такія же образованія, какъ соотвѣтствующій падежъ бывшихъ основъ м. р. на о-. Рядомъ съ исконными формами, какъ чреслѣхъ (М. III. 4, Остр. чреслѣхъ, Первоп. чреслѣхъ), но чреслѣхъ (Иер. XIII. I, Остр. чреслѣхъ, Первоп. такъ же), оустѣхъ (М. XVIII. 16, Остр. оустѣхъ, Первоп. -ѣхъ), челѣхъ (Апок. XIV. 1, Остр. челохъ, Первоп. челахъ), чадѣхъ (М. XXVII. 25, Остр. и Первоп. чадѣхъ), мѣстѣхъ (Иер. VIII. 3, Острожск. мѣстѣхъ, Первоп. мѣстѣхъ), вратѣхъ (2 Цств. XVIII. 4, Острожск. прѣврѣты,

Первоп. пре́двраты), крилѣхъ (Мал. IV. 2, Остр. др. текстъ) стѣхъ (3. Ездры. VII. 28, Остр. цифры) и т. д., встрѣчаются довольно часто формы, образованныя по типу основъ на *ā*:- чела́хъ (Апок. VIII. 16, Остр. челохъ, Первоп. чела́хъ), се́лахъ (Перем. XIII. 27, Остр. селѣ, Первоп. се́лахъ), стѣгнахъ (Лев. III. 10, Остр. стегнѣ, Первоп. стѣгнѣ), мѣстахъ (Тов. V. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), нѣдрахъ (Ездры XV. 55. Остр. внѣдра́хъ (sic!), Первоп. внѣдрахъ), ца́рствахъ (Второз, XXVIII. 25, Остр. цѣтвѣ, Первоп. цѣтвахъ; 3 Цств. IV. 21, Остр. и Первоп. другой текстъ), дрова́хъ (Лев. IV. 12, Остр. тв. мн. дрóвы), бра́шнахъ (Евр. IX. 10, Остр. и Первоп. на бра́шна), пи́нствахъ (Юд. XIII. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ: пи́нз), колѣнахъ (2 Цств. XIX. 9, Остр. колѣнѣ, Первоп. колѣнахъ; Быт. XXX. 3, Остр. и Первоп. на лонѣ; Второз. XXVIII. 35, Остр. колѣнохъ, Первоп. колѣнахъ), кади́лахъ (1 Цств. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же), ѣзе́рахъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. ѣзе́рехъ, Первоп. ѣзе́рахъ), мѣрилахъ (Дан. V. 27, Остр. и Первоп. мѣрахъ), оубѣйствахъ (Иезек. XLIII. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ). Относительно ударенія въ склоненіи основъ ср. р. на о-можно замѣтить въ общихъ чертахъ то же, что было уже указано при разсмотрѣннн основъ м. р. Первопечатная и Новая б. представляютъ почти такое же удареніе, какое мы находимъ въ современномъ русскомъ: млеко́ (молоко́), млеко́мъ (молоко́мъ), млеко́ (молоко́), стада́ (стада́), дѣла́мъ (дѣла́мъ), врата́ми (ворота́ми), мѣста́хъ и т. д. Острожская же имѣетъ удареніе на второмъ съ конца слогѣ: млеко́, млеко́мъ, млеко́, ста́да, дѣло́мъ, врата́ и т. д. Есть ли это діалектическая особенность, свойственная въ то время западно-русскому (что, однако, мы лишены возможности провѣрить), или только черта печатнаго церковнославянскаго языка, сложившаяся даже, быть можетъ, совсѣмъ искусственно, судить трудно. Мы можемъ только констатировать это различіе удареній, которымъ объясняется нерѣдко особая акцентуація словъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ русскій. Какое бы происхожденіе эта акцентуація ни имѣла, но она, очевидно, соблюдалась при чтеніи во время богослуженія и въ из-

вѣстныхъ случаяхъ усваивалась вмѣстѣ съ заимствованными изъ церковнославянскаго словами.

§ 15. Бывшія основы мужескаго и средняго рода на *jo-*. Основы эти въ своемъ склоненіи, рядомъ съ формами исконными, насчитываютъ не мало новообразованій, вызванныхъ морфологической ассимиляціей. Уподобляющими типами служили основы на *o-*, съ которыми основы на *jo-* тѣсно связаны параллелизмомъ извѣстныхъ формъ, основы на *i-*, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ падежей, и основы на *a-*, имѣвшія вообще широкое вліяніе рельефностью своихъ окончаній, а также и основы на *u-*.

Основы муж. рода. Единственное число. Именительный не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго; конечное *-ь* исчезаетъ, оставляя послѣ себя палатальность послѣдняго согласнаго основы: *царь* (М. II. 3), *вѣждь* (ibid. 6), *кѣтитѣль* (ibid. III. 1) и т. д. Такъ какъ нѣкоторые согласные (*ш*, *ж*, *ц*) утратили эту палатальность въ живой рѣчи большинства русскихъ говоровъ, то въ церковнославянской графикѣ, рядомъ съ *-ь*, обозначавшимъ палатальность послѣдняго согласнаго основы, мы встрѣчаемъ и *-з*, обозначающее только отсутствіе палатальности: *но́жъ* (М. XXVI. 51, 52. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), *мѣжъ* (М. I. 19. Такъ уже въ Остр. и Первоп.) и т. д., *кѣкошъ* (М. XXIII. 37, Въ Остр. и Первоп. такъ же), *ѡцъ* (М. XXIV. 36, Остр. ѡцъ, XVII. 35, Остр. ѡцъ, но Первоп. ѡцъ, X. 21, Остр. ѡцъ), *слѣпецъ* (М. XV. 14, Остр. слѣпецъ, но Первоп. слѣпецъ), *писецъ* (Неем. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), *вѣнецъ* (I. Сир. XXV. 8, Остр. вѣнецъ, Первоп. вѣнецъ) и т. д.

Вліяніемъ западно-русскаго произношенія объясняются такія написанія, какъ *царъ* у Зизанія (л. 35), и отнесеніе основы *сѣверъ* у него же къ одному склоненію съ *кѣнь* (л. 34).

Такъ какъ *ѣ* въ большинствѣ русскихъ говоровъ (если не во вѣхъ) палатально, то церковнослав. графика сохраняетъ *ь* послѣ *ч*: *мѣчь* (1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. другой текстъ), *плáčь* М. XXV. 30, Остр. плачь, Первоп. плáčь, VIII. 12, Остр. и Первоп. плáčь) и т. д. Встрѣчающаеся иногда послѣ *ч* *-з* обязано своимъ происхожденіемъ графической ассимиляціи. У М. Смолр.

ѡтець (л. 111), чвѧнецъ (ib. на обор.), жрѣць (л. 113 на об.), но мѧтѣжь (л. 124), стрѧжь, моужь (л. 123 на обор.). Послѣ ч также вездѣ ѡ: врачь (л. 131), мѣчь, клѣчь (ib. на обор.).

Родительный не представляетъ уклоненій отъ старославянскаго: царѧ (М. II. 9), крѣтителѧ (Мр. VI. 25), мѣжа (Л. I. 34). пѣрвенца (ibid. вм. винит. II. 7) и т. д.

Дательный падежь или правильно съ окончаніемъ -и (-ѣ послѣ непалатальныхъ согласныхъ, -ю послѣ палатальныхъ): црѣю (М. XXII. 2), пѣнѧзю (М. XX. 2. 9. 10), кораблю (Дѣян. XXVII. 15), ѡцѣ (Л. I. 73), жерцѣ (Числ. XIX. 3) и т. д., или по типу основъ на и- съ окончаніемъ -евѣ (цел. -еви): мѣжеви (Г. Сир. VII. 27, Л. I. 27, 1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. мѣжеви, Первоп. мѣжеви), змѣеви (Ам. IX. 3, Остр. змѣеви, Первоп. змѣеви), царѣви (Эсѡ. VI. 4, Остр. црѣви, Первоп. црѣви), но мѣжѣ (ibid. 6. Такъ и въ Остр.), царю (ibid. 7. Въ Остр. такъ же), врачѣви (М. Смотр. л. 131, но рядомъ врачю)— все у именъ односложныхъ, означающихъ одушевленные существа; это окончаніе имѣется еще у немногихъ основъ двухъсложныхъ и многосложныхъ, какъ: вѣнарѣви (Л. XIII. 7. Такъ и въ Остр.), ѣрѣеви (Мр. I. 44, Остр. ѣрѣеви, Первоп. ѣрѣеви), Кѣсарѣви (М. XXII. 17. 21, Остр. кесарѣви, Первоп. такъ же кесарѣви), также именъ одушевленныхъ существъ; единственное имя неодушевленное—ѡлтарѣви (1 Кор. X. 18. Въ Остр. и Первоп. такъ же), но къ ѡлтарю (М. V. 23); кромѣ того имена собственныхъ, какъ и у основъ на о-, также имѣютъ это окончаніе: Мѡвѣсѣеви (Мр. IX. 5, Остр. моѡсѣеви, Первоп. мѡвѣсѣеви), Ѣлѣви (Іоа. I. 31, Остр. Ѣлѣви, Первоп. Ѣлѣви), Мардохѣеви (Эсѡ. VIII. 2, Остр. и Первоп. такъ же), но Мардохѣю (ibid. VII. 9. 10. Такъ и въ Остр.), Нѡеви (Быт. VIII. 15 Остр. нѣеви), но Нѡю (ibid. VII. 9, 15, 16, Остр. нѣеви, Первоп. нѣеви) и т. д. Рядомъ имѣется и окончаніе -ови, какъ у основъ на о-: ѣрѣеви (М. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), Мѡвѣсѣеви (М. XVII. 4. Такъ и въ Остр.), ѧрхѣрѣеви (М. XXVI. 57) и т. д. У М. Смотрицаго: ѡтцѣ (л. 111), чвѧнцѣ (л. 111 на об.), жерцоу (л. 113 на об.), послѣ ц вездѣ ѣ; послѣ ж однако ю: мѧтѣжю (л. 124);

у основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: пастырю (л. 123), свидѣтелю (л. 124 на об.), ходатаю (л. 125), іереею (л. 126), мравію (ib. на об.), знюю (л. 127 на об.), крагоуюю (л. 128) и т. д. Примѣръ дат. на -єви только одинъ: врачєви, рядомъ съ врачю (л. 131). У Зизанія коню, рядомъ съ конєви (л. 34), нюю, іереею, рядомъ съ ноеви, іерееви (л. 41). Ассимиляція къ основамъ на и-, конечно, происходила при посредствѣ основъ на о-, которыя имѣли больше точекъ соприкосновенія съ основами на и- и потому носятъ на себѣ болѣе многочисленныя слѣды ихъ вліянія.

У основъ же на ю- это вліяніе, какъ видно изъ примѣровъ, не было особенно значительно, что естественно въ виду ббльшаго различія, имѣвшагося между данными основами.

Винительный падежъ сохранился въ употребленіи только у именъ, означающихъ неодушевленные предметы. Синтаксическая замѣна его формой родительнаго падежа проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ почти такъ же послѣдовательно, какъ у основъ на о-. Случай сохраненія первичнаго винит. у именъ одушевленныхъ: привѣдше телѣцъ оупитанный (Л. XV. 23), но заклѣ... телѣца (ibid. 27, 30, Остр. еще заклѣ... телѣцъ, Первоп. также телѣцъ), ѡвръщете младѣнца повѣта (Л. II. 12, Остр. ...младѣнецъ, Первоп. младѣнецъ), ѡврътѡша... младѣнца лежѣца (ibid. 16, Остр. ...младѣнецъ, Первоп. младѣнецъ), роди сѣна своего пѣрвенца (ibid. 7, Остр. и Первоп. также пѣрвенца). Но такихъ случаевъ весьма мало; въ Остр. и Первоп. они были чаще, но во всякомъ случаѣ замѣна винит. ед. формой родит. того же числа и въ ихъ текстѣ проведена весьма послѣдовательно. Что касается окончанія винит. падежа, то онъ совершенно тождественъ въ этомъ отношеніи съ уже разсмотрѣннымъ именит. ед.

Звательный сохранился у большинства основъ: црю (М. XXVII. 29), оучителю (М. XIX. 16), врачѣ (Л. IV. 23, Остр. и Первоп. врачю), но мечю (Зах. XIII. 7, Остр. др. текстъ), мѣжѣ (1. Бор. VII. 16, Остр. мѣжѣ, Первоп. мѣжѣ), царю небесный оутѣшителю (изв. молитва) и т. д. Формы звательнаго на -є, какъ у основъ на о-, имѣвшіяся, на примѣръ, у стсл. отьує, кьмаже, цслав. Оѣе (Л. X. 21, XI. 2 и т. д.) вызвали и такіе зват.

надежи, какъ крагоуе (М. См. л. 128), хотя во всѣхъ остальныхъ основахъ съ послѣднимъ -j у него имѣется -и (-ю): ходатаю (л. 125), іереею (л. 126), мравію (ibid. на об.), знюю (л. 127 на об.), любовдію (л. 128 на об.) и т. д. Этотъ звательный падежь имѣется также у именъ собственныхъ съ суффиксомъ -ij (-ий): Іѡанасіе, Касіліе, Антѡніе и т. д. Въ послѣднихъ случаяхъ мы ожидали бы также -ю (-ju), вмѣсто котораго однако является -е (мравій—мравію=Касілій—Касілію).

Причина, вызвавшая здѣсь морфологическую ассимиляцію, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ обстоятельстве, что само по себѣ отдаленное и рѣдкое *Оче*, послужившее прототипомъ, обыкновенно стояло рядомъ: *Оче Касіліе* и т. д.

Такимъ образомъ здѣсь играла роль ассоціація по смежности, ассоціація рядовая, подобная замѣчаемой у именъ числительныхъ. У Зизанія находимъ кюю (л. 34).

Творительный уклоняется отъ старославянскаго: вмѣсто ожидаемаго окончанія -ем' (=стел. -юемь), мы имѣемъ -еш (цсл. -емъ) съ утратой согласнымъ -ш палатальности.

Гласный -æ- этого окончанія одинаково можетъ отвѣчать и стел. -е- (-ю) основъ на jо-, и стел. -ь- основъ на і-, съ которыми цслав. основы на jо- совпали въ извѣстныхъ отношеніяхъ: ножемъ (М. XXVI. 52, Остр. ножѣ, Первон. какъ въ Новой), Оцѣмъ (М. XVШ. 14, Остр. ѡцѣмъ, Первон. ѡцѣмъ), Оларемъ (М. XXШ. 18, Остр. ѡларѣ, Первон. ѡларемъ) и т. д. Такъ же у Зизанія: конемъ (л. 34). Въ нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ случаяхъ имѣется и окончаніе -омъ отъ основъ на о-: Назворемъ (М. XXVI. 71, Остр. назорѣомъ, Первон. назорѣомъ). Сохраненіе -о- указываетъ на отсутствіе согласнаго j-

Предложный падежь рядомъ съ исконными формами, какъ въ рай (Л. XXШ. 43), край (Исх. XIV. 30), во Ійли (Второз. XXV. 9, 10, 1. Макк. I. 25), мѣжи (1 Цств. IV. 21, Остр. друг. текстъ), Оларі (1. Макк. VI. 7) и т. д. имѣются формы новѣйшаго происхожденія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основамъ на о-: црѣ (Ис. XXXVII. 21, Остр. црѣ, Первон. также црѣ), Оларѣ (1. Макк. I. 54, Остр. на ѡларѣ,

Первоп. ђлгáръ), мѣѣ (ibid. 58. Такъ и въ Остр. и Первоп.), чвáнцѣ (3 Цств. XVII. 12. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), пѣрвенцѣ (Зах. XII. 10. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), клáдъзѣ (Быт. XXVI. 32, Остр. и Первоп. клáдъзи), коравлецѣ (Прем. Сол. XIV. 6, Остр. коравльци Первоп. корáвлци) и т. д. Такимъ образомъ изъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ, отъ основъ на о-, является главнымъ образомъ въ Новой Б., въ Остр. и Первоп. мы находимъ его только послѣ утратившаго палатальность ц, и то не всегда, въ другихъ же случаяхъ имѣется исконное -и. Появленіе такихъ формъ съ -ѣ объясняется русскимъ вліяніемъ, берущимъ все болѣе и болѣе верхъ надъ традиціоннымъ церковнославянскимъ матеріаломъ. Окончаніе -ѣ должно было явиться прежде всего у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, напр. у основъ съ суффиксомъ -ецъ (-ѣс = стел. -ыць), что мы и видимъ дѣйствительно. У М. Смотрицкаго преобладаютъ исконныя формы на -и: пáстыри (л. 123), мáтѣжи (л. 124, NB. удареніе), свидѣтели (ib. на об.), хóдáтѣи (л. 125 на об.), ѣрѣѣи (л. 126), мрáвѣи (ibid. на об.), знóи (л. 127 на об.), крагоúи (л. 128), врачѣи (л. 131), и т. д., но ђтцѣ (л. 111), чвáнцѣ (ib. на об.), которыя и отнесены къ одному склоненію съ грѣхъ и т. д., т. е. къ основамъ на о-.

Двойственное число отвѣчаетъ старославянскому им. вин. зв.: рыбарѣ, (М. IV. 18. II. дв.), коравлѣ (Л. V. 2, 7, вин.), двá гóрѣ (Апок. IX. 12. Им.), двá мѣжа (1. Цств. X. 2. вин.), Ѣва концá (Исх. XXXV. винит.), двá сосцá (Пѣнь П. IV. 5. Имен. Остр. двѣ сѣсца, Первоп. двá сосцá), двá млáда близницá (sic! ibid. имен. Остр. двѣ млáды близницá, Первоп. двѣ млáды близницá: Опечатка или ошибка Первопеч. Б. сохранена и въ Новой) и т. д. У Зизанія концá (л. 34), ѣрѣѣи (л. 41). Родит. и предложный также не представляютъ особенностей: коравлю (Л. V. 3, родит. п. Остр. коравлю, Первоп. -ю).

Дат. и твор. являются правильными продолжателями старославянскаго: пѣнáзема (Твор. дв. Л. XII. 6, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго обычная дифференціація этихъ двухъ падежей: для дательнаго исконная форма, какъ пáстырема (л. 123), мáтѣжема (л. 124), свидѣтелема (л. 125), ѣрѣѣема (л. 126) и т. д., для

творительнаго форма, образованная по типу основъ на i-: пастырьма, матѣжьма, свидѣтельма, іерейма и т. д. Основаній для такой дифференціаціи въ языкѣ библии и въ этомъ случаѣ не имѣется, такъ что она должна быть признана произвольной и чисто теоретической, тѣмъ болѣе, что вообще формы двойственнаго ч. весьма рѣдко встрѣчаются. У Зизанія по типу основъ на o-: іерѣома (л. 41), но конѣма (л. 34).

Множественное число. Именительный представляетъ нѣсколько новообразований рядомъ съ исконной формой. Примѣромъ послѣдней могутъ служить: князи (М. XX. 25), цари (Дан. XI. 2, Остр. цри), мытари (М. XXI. 32, Остр. мытаре, Первop. мытари), пастыри (Иезек. XXXIV. 8, Остр. пастыри, Первop. пастыри), свидѣтели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. еще свѣдѣтели, Первop. свѣдѣтели), и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, имѣется -ы: юнцы (М. XXII. 4, Остр. юнцы, Первop. юнцы), концы (Пе. LXVI. 8, Остр. концы, Первop. концы), младѣнцы (Осія. XIV. 1, Остр. и Первop. такъ же), кѣпцы (Иезек. XXVII. 15, 17, 18, 20 и т. д., Остр. кѣпцы, Первop. кѣпцы), и т. д.

Послѣ ж встрѣчается и -и: матѣжи (Мр. XIII. 8, Остр. и Первop. такъ же), но мѣжи (Числ. XVI. 2, Остр. мѣжи, Первop. мѣжи; Быт. XXIV. 54, Остр. и Первop. мѣжи) и т. д. У М. Смотрицакаго встрѣчаемъ -и и послѣ ц: отци (л. 111), чванци (л. 112), но едва ли такія написанія указываютъ на палатальность предшествующаго согласнаго.

Рядомъ съ этими формами, сохранившими исконное образование, имѣются многочисленныя новообразованія по типу основъ на i-: рыбаѣ (Л. V. 2, Остр. рыбаѣ, Первop. какъ въ Новой б.), пастыѣ (Иезек. XXXIV. 8. Рядомъ въ томъ же стихѣ пастыри, Остр. въ обоихъ случаяхъ пастыри, Первop. пастыри, Л. II. 15, 20, Остр. и Первop. такъ же пастыѣ), цѣѣ (М. XVII. 25, Остр. и Первop. такъ же), мѣѣ (Л. V. 18. Такъ и въ Остр. и Первop.), законоучителѣ (ibid. 17, Остр. законо оучителѣ, Первop. какъ въ Новой), слышателѣ (Римл. II. 13, Остр.

и Первоп. такъ же), дѣлателіе (зват. мн. Л. XIII. 27, Остр. дѣлателіе, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Формы эти не представляютъ собой исключительнаго достоянія новаго церковнославянскаго языка печатныхъ книгъ (на это указываетъ и согласіе всѣхъ трехъ текстовъ) и имѣлись уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ. Такъ же часты и формы, образованныя по типу основъ на согласный и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ и въ старославянскихъ памятникахъ: предѣтеле (2 Тимоо. III. 4, Остр. и Первоп. такъ же), прелагáтае (ibid. 3, Остр. и Первоп. прелагáтае), жесвидѣтеле (1. Коринѳ. XV. 15, Остр. жэ свѣдѣтеле, Первоп. жэ свѣдѣтеле), рѣгáтеле (2. Петра III. 3. Въ Остр. -е, Первоп. -е), но рѣгáтели (Иуды I. 18, Остр. рѣгáтеле, Первоп. -е), свидѣтели (1 Сол. II. 10, Остр. свѣдѣтеле, Первоп. свѣдѣтеле), мрáвїе (Притчи XXX. 25, Остр. мравїн, Первоп. мрáвїн), фарисѣе (М. XIX. 3, Остр. фарисѣе, Первоп. какъ въ Новой), ѿдáе (І. X. 31, Остр. ѿоудѣе, Первоп. какъ въ Новой), ѿрхїерѣе (М. XXVI. 59, Остр. ѿрхїерѣе, Первоп. ѿрхїерѣе) и т. д. М. Смотрицкій пользуется существованіемъ этихъ параллельныхъ формъ для попытки дифференцировать по формѣ именительный и звательный множ. ч. Такъ находимъ у него им. мн. любодѣе, рядомъ съ зват. любодѣи (л. 129) и наоборотъ им. мн. ходáтан, но зв. ходáтае (л. 125 на об.), Им. мн. древодѣле, -н и зват. только древодѣле (л. 129 на об.). Въ другихъ же случаяхъ эта дифференція не проведена, и мы встрѣчаемъ им. и зв. пáстырїе, пáстырн (л. 123 на об.); мáтѣжіе, мáтѣже (л. 124); свидѣтеліе, -ле (л. 125); ѿерѣи (л. 126), мрáвїе (л. 127), знѳи. Такимъ образомъ попытка дифференцировать данные падежи является у М. Смотрицкаго вполне случайной и непослѣдовательной.

Рядомъ съ вышеприведенными формами, имѣется значительное число образований по типу основъ на ц-. Посредствующимъ звеномъ въ этой морфологической ассимиляціи служили очевидно основы на о-, подвергшіяся ей непосредственно. И у основъ на јо играетъ важную роль односложность основы, которая сближала ихъ съ основами на ц- и односложными на о-.

Собственно именительный множественнаго на -εῦα (цсл. -еве = *-јове) рѣже, чѣмъ родительный множ. по типу основъ на u-; примѣрами могутъ служить: ѣжеве (Софон. II. 14, Остр. ѣжи, Первоп. ѣжи, Ис. XIII. 22, Остр. ѣжеве, Первоп. ѣжеве), сиплеве (Иоиль. I. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), вѣчеве (Ис. XXVI. 14. Такъ въ Остр. и Первоп., Иов. XIII. 4, Остр. и Первоп. такъ же), дождѣве (Притчи XXV. 14, Остр. дождѣве, Первоп. дождѣве), у М. Смотр. вѣчеве (л. 131 им. и зв.), жерцеве (и жерци, л. 114); у двухсложныхъ основъ: вѣбѣве (Притчи XXVI. 2, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. У Зизанія рядомъ съ „правильной“ формой кѣни имѣемъ и вторичную кѣнѣ, объясняющуюся, вѣроятно, влияніемъ мѣстоименнаго склоненія (л. 34 на об.).

Родительный множественнаго представляетъ три формы: исконную основъ на jo-, образованіе по типу основъ на i- и образованіе по типу основъ на u-. Примѣрами первой формы могутъ служить: пѣнальзъ (М. XVШ. 28, Остр. пѣнальзъ, Первоп. пѣнальзъ), лѣчь (Прем. Сол. II. 4, Остр. лѣчь, Первоп. лѣчь), фари́се́й (М. V. 20, Остр. фари́се́и, Первоп. какъ въ Новой), а́рхіе́рей (М. XVI. 21, Остр. а́рхіе́ре́и, Первоп. какъ въ Новой), младе́нецъ (М. XXI. 16, Остр. младе́нецъ, Первоп. младе́нецъ), ста́рецъ (М. XVI. 21, Остр. ста́рецъ, Первоп. какъ въ Новой), конѣцъ (М. XXIV. 31, Остр. конѣцъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -z послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ свидѣтельствуютъ объ утратѣ палатальности этими послѣдними.

Образованія по типу основъ на i- у основъ односложныхъ: ца́рей (Ис. Сир. XLV. 3, Остр. другой текстъ, Апок. XVII. 12, Остр. еще цѣрь, Первоп. цѣре́й), мѣже́й (Мр. VI. 44, Остр. мѣжин, Первоп. мѣжій), ко́ней (Второз. XVII. 16, Остр. и Первоп. ко́нѣ; 1 Ездры. II. 66, Остр. коніи, Первоп. ко́ній; Апок. IX. 19, Остр. другой текстъ), князе́й (1 Ездры. II. 68, Остр. князи́и, Первоп. князе́и) и т. д.; у основъ двухъ-и многосложныхъ: кони́ей (Ис. LXIV. 6, Остр. и Первоп. дат. мн.), па́стырей (Л. II. 18, Остр. па́стыри́и, Первоп. па́стыре́и), мѣса́цей (мѣ́ей Апок. IX. 5, Остр. мѣ́ь, Первоп. мѣ́ь), но мѣ́ь (ib. 10, Остр. мѣ́ь, Первоп. мѣ́ь), корабе́й (Апок. VIII. 9, Остр. корабе́и, Первоп. корабе́и), свидѣ́телей (М. XXVI.

65, Остр. свидѣтели, Первоп. свидѣтелѣй) и т. д. У Зизанія кѡнь рядомъ съ кѡнїй (л. 34 на об.). Первично такія образованія очевидно имѣлись у основъ односложныхъ (большая часть основъ на і- въ церковнославянскомъ также стала односложной) и отъ нихъ распространились на основы двухъ -и многосложныя. У М. Смотрицкаго находимъ обыкновенно двѣ формы рядомъ—исконную и вторичную: пастырей и пастырь (л. 124 на об.), матѣжей и матѣжь (л. 124), свидѣтелей и -тель (л. 125), древодѣлей и -дѣль (л. 129 на об.), или одну исконную: ходатай (л. 125 на об.), ѣрѣй (л. 126), мравин (л. 127), знѡй (ib. на об.), крагоуѣй (л. 128 на об.), любовдѣй (л. 129).

Образованія по типу основъ на и-, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются чаще всего у основъ односложныхъ и двухсложныхъ или у сложений, второй членъ которыхъ составляетъ основа одно- или двухсложная: краєвъ (1 Макк. I. 3, Остр. другой текстъ, Ис. XLIII. 6, Остр. краин, Первоп. врай) и краєвъ (Быт. XLVII. 21, Остр. ед. ч.), врачєвъ (Мр. V. 26, Остр. врачѣ. Первоп. какъ въ Новой), вѡєвъ (2 Парал. XVI. 4, Остр. д. мн. вѡемъ), змїєвъ (Прем. Сол. XVI. 10, Остр. другой текстъ), жерцєвъ (М. Смотр. л. 114) и жерцѡвъ (2 Парал. V. 12, Остр. жерцѡвъ, Первоп. какъ въ Новой; Лев. XIII. 2, Остр. другой текстъ) и т. д. Основы двухсложныя: стрѣлцєвъ (2 Пар. XIV. 8, Остр. стрѣлцевъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцєвъ (Лев. XIV. 30, Остр. другой текстъ), пешцєвъ (Ис. Сир. XVI. 11, Остр. пѣшецъ, Первоп. пѣшецъ), кѡпцєвъ (Ис. Сир. XLII. 5, Остр. другой текстъ) и кѡпцѡвъ (2 Пар. IX. 14, Остр. кѡпцѡвъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣнцєвъ (2 Пар. IV. 13, Остр. другой текстъ), но звонцѡвъ (ib. Остр. звѡнцѡвъ), ѡцєвъ (Зах. I. 6, родит. вм. винит. Остр. винит. ѡца, Первоп. ѡтцы, Быт. XLVI. 3, Остр. щцъ, Первоп. ѡцъ), но юнцѡвъ, ѡгнцѡвъ (Ис. I. 11, Остр. другой текстъ), мѣсѡцевъ (Ам. IV. 7, Остр. тв. мн.) и т. д. Сложенія: прелюбѡдѣєвъ (Ис. LVII. 3, Остр. р. ед.), пришѣлцѡвъ (2 Парал. XV. 9, род. вм. вин. Остр. винит. мн.) и пришѣлцєвъ (Лев. XX. 2, Остр. пришѣлецъ, Первоп. пришѣлецъ), ѡбычєвъ (Дѣян. XXVI. 3, Остр. д. мн.), сладѣєвъ (р. вм. вин.

1. Петра II. 12, Остр. д. мн.), кровопійцевъ и оутробоѣдцввъ, но чадоубійцъ (род. в. вин. Прем. Сол. XII. 5, Остр. кровопійцевъ, оутробоѣдцовъ, чадоубіецъ, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ чадоубіецъ) и т. д. У Зизанія по типу основъ на u: (ерѣввъ (л. 41).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ Остр. и Первопечатной библіяхъ окончаніе -евъ (-овъ или -овъ послѣ непалатального ц) встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. Послѣ ц, утратившаго палатальность, имѣется въ Новой нерѣдко о (ω), которое, однако, нельзя разсматривать, какъ происшедшее изъ е (ср. русск. веду, вѣль) въ виду случаевъ въ родѣ пришѣлцввъ и т. д., гдѣ нѣтъ ударенія на е. Появленіе о послѣ ц, замѣчаемое уже въ Остр. б., объясняется морфологически: полнымъ совпадениемъ такихъ основъ на jо-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, съ основами на о-.

Дательный множественнаго въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ исконную форму; окончаніемъ служить -ѣмъ (цел. -емъ = стел. -емъ, -іемъ): тажѣтелемъ (Мр. XII. 1), мѣчителемъ (М. XVIII. 34), мѣжемъ (Перем. XI. 2, Остр. мѣжемъ, Первоп. какъ въ Новой), старцемъ (М. XXVII. 3), еремъ (М. XII. 4), архіеремъ (М. XXVII. 3) и т. д. Рядомъ у основъ иностранныхъ съ послѣднимъ согласнымъ j- встрѣчается и окончаніе -омъ (цел. -омъ) отъ основъ на о-: ѿдеомъ (I. XVIII. 36, Остр. ѿудеомъ, Первоп. ѿдеомъ), фарісеомъ (М. XXII. 41, Остр. фарісеѡ, Первоп. какъ въ Новой), архіереемъ (Мр. X. 33, Остр. архіереѡмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на а-: книгоучамъ (I. Нав. I. 10, Остр. книгоучамъ, Первоп. книгичамъ), сосцамъ (2 Макк. VI. 10, Остр. сосцамъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

У М. Смотрицкаго преобладаетъ правильная форма: отцемъ (л. 111 на об.), чванцемъ (л. 112), пастыремъ (л. 123 на об.), матежемъ (л. 124), свидѣтелемъ (л. 125), ходатаемъ (л. 125 на об.), еремъ (л. 126 на об.) и т. д. Рядомъ съ правильнымъ д. мн. жерцемъ встрѣчаемъ у него своеобразную форму жер-

цѣвѣмъ (л. 114), представляющую собой результатъ контаминаціи правильной формы съ вторичной формой дат. мн. основъ на *u*-, какъ сыновѣмъ (см. выше стр. 188—189).

У Визанія *kōnēmъ*, *sčverēmъ* (sic!): л. 34 на об.; *icrēw* (л. 41) по типу основъ на *o*-.

Винительный множ. Правильная форма съ *a*==стел. *a* сохранилась только въ рѣдкихъ остаткахъ: *vōw* *своw* (М. XXII. 7, 2 Макк. XII. 20, 38, Остр. *vōw* *своw*), *kōšw* (М. XIV. 20, Остр. такъ же), *жрѣбѣw* (Иоа. XIX. 24. Л. XXIII. 34, М. XXVII. 35, Остр. *жрѣбѣw*), у М. Смотр. *мрѣвѣw* (л. 127) и т. д.

Изрѣдка встрѣчается синтактическая замѣна винит. мн. формой родит. мн.: *змѣнъ* (Числ. XXI. 6, Остр. *змѣw*, Первоп. *змѣw*), но *змѣи* (ib. 7, Остр. и Первоп. *змѣw*), *пѣстырей* (Иер. XXII. 22, Остр. им. мн.), выше были уже приведены случаи *wѣнъ* (Зах. I. 6). *пришѣлцwвъ* (2 Парал. XV. 9, Остр. *пришѣцы*, Первоп. *пришѣлцы*), *вѣнъ* (Иерем. LI. 28). Какъ и въ единственномъ, замѣна эта имѣетъ мѣсто у именъ одушевленныхъ, но проведена далеко не такъ послѣдовательно. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ винит. мн., образованный по типу винит. мн. основъ муж. р. на *o*-; при этомъ *-ы* остается только послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ измѣняется въ *-и* подъ вліяніемъ предыдущаго палатальнаго согласнаго. Такимъ образомъ винительный въ этихъ случаяхъ становится вполне тождественнымъ съ именительнымъ множественнаго. Основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: *кѣзи* (Эсѣ. I. 16. Остр. *кнѣзw*, Первоп. *кнѣзи*), *кѣни* (Иерем. L. 37, Остр. *конw*, Первоп. *кѣни*, LI. 27, Остр. *конw*, но рядомъ *вѣи*, Остр. *вѣи*, *кѣни*), *царѣи* (Ис. Сир. XLVШ. 6, 8, Остр. и Первоп. *цѣw*, что можетъ быть и род. ед.). *сѣдѣкѣи* (М. XXII. 34, Остр. *сѣдѣкѣw*, Первоп. *сѣдѣкѣw*), *родѣтели* (Прем. Сол. IV. 6, Остр. *родѣтели*), *ѣлтарѣи* (2 Парал. XXXII. 12, Остр. *ѣлтѣри*, Первоп. *ѣлтарѣи*), *кѣдѣзи* (Быт. XXVI. 18, Остр. *кѣдѣзw*, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Основы съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность: *мѣжи* (Быт. XIV. 21, Остр. *мѣжа*, Первоп. *мѣжи*, Иерем. XXIX. 6, Остр. *мѣжа*, Первоп.

какъ въ Новой), мѣсѣцы (М. XVII. 15, Остр. мѣѣ, Первоп. мѣѣ, Л. I. 56, Остр. мѣѣ, Первоп. мѣсецы *) и т. д. У Зиванія винит. множ. — именит. мн.: кѡни и кѡнѣ (л. 34 на обор).

Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ, правильная форма винит. мн. на -а (-ѣ) преобладала въ Остр. библіи; въ Первопечатной также встрѣчалась значительно чаще, чѣмъ въ Новой, гдѣ вліяніе русской рѣчи вытѣснило старинную форму.

Въ творительномъ множ. ч. встрѣчаемъ нѣсколько образованій. Исконная форма имѣется въ большомъ количествѣ случаевъ: царѣ (Мр. XIII. 9), мытарѣ (М. IX. 11), свидѣтели (2 Тимоѡ. II. 2), фарисѣи (М. XXVII. 41) и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, находимъ -ы: старѣцы (М. XXVII. 41), Отцы (3 Цств. XIV. 31); у М. Смотр. отцы (но именит. отци; л. 111), чванѣцы (л. 112, но им. и зв. чванѣцы подъ вліяніемъ другихъ формъ имен. множ., гдѣ -и стояло послѣ палатальныхъ согласныхъ), жерѣцы (именит. и зв. опять жерѣци л. 114); послѣ ж встрѣчаемъ однако -и: матѣжи (л. 124 на об.).

Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на i- прежде всего у основъ односложныхъ: кѡнми (Ос. I. 7, Остр. кѡнми, Первоп. такъ же), царми (3 Цств. IV. 24, Остр. другой текстъ Дѣян. IX. 15, Остр. царми, Первоп. цѣрми), вичми (3 Цств. XVIII. 28, Остр. вичми, Первоп. вичми), мѣжми (Притчи XXII. 29, Остр. и Первоп. твор. ед. 2 Цств. XIX. 16, Остр. мѣжми, Первоп. какъ въ Новой), мечми (Эсѡ. III. 13, Остр. еще мѣчи, Первоп. мечи) и т. д. У основъ двусложныхъ: жителми (Иерем. L. 34, Остр. и Первоп. жители), жателми (1 Цств. VIII. 12, Остр. и Первоп. такъ же), пастырми (Иер. III. 1, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицаго пастырми (л. 123 на об.), матѣжми (л. 124 на об.), свидѣтельми (л. 125), ходатайми (л. 125 на об.), иерѣйми (л. 126 на обор.), мравѣими (л. 127), знѡйми (л. 128), крагѣими (л. 128 на обор.), любовѣими (л. 129), дрѣводѣльми (ib. на об.), врачми (л. 131 на обор.), рядомъ

*) Характерное написаніе, свидѣтельствующее о вліяніи русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ.

съ исконными формами пастыри, матѣжи, врачї и т. д. У Зизанїа кѣи́ми, сѣверми (л. 34 на обор.), іерѣми (л. 41). Подобныя формы встрѣчаются, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библии, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой. Уподобляющимъ типомъ, кромѣ односложныхъ основъ на і-, служили несомнѣнно и основы на и-, также односложныя, у которыхъ твор. множ., вслѣдствіе исчезновенія ѣ, являлся почти вполне сходнымъ съ твор. множ. основъ на і-, гдѣ также исчезло ѣ-, въ извѣстныхъ случаяхъ оставившее послѣ себя палатальность предшествующаго согласнаго.

Кромѣ того имѣется (уже и въ Острожской) извѣстное количество образованій по типу основъ на ā- (влїяніе русское): но́жами (3 Цств. XVШ. 28, Остр. нѣжи, Первоп. ножі́), во́дами (3 Цств. XVI. 16. Такъ и въ Остр. и Первоп.), птѣнцáми (Притчи XXIV. 22, Остр. дат. мн. птѣнцá), ключáми (1 Парал. IX. 27, Остр. другой текстъ), волчáми (Суд. VШ. 7, Остр. другой текстъ), дождáми (Прем. Сол. XVI. 16, Остр. дожами, Первоп. дождáми), вичáми (2 Макк. VII. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кораблáми (1 Макк. VШ. 26, Остр. другой текстъ), ѣалтѣрáми (2 Парал. XX. 28, Остр. ѣалтырáми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицаго: ѡтцáми || ѡтцѣ (л. 111 на об.), чвáнцами (л. 112), жерцáми (л. 114).

Предложный множ. утратилъ совершенно исконную форму, вмѣсто которой встрѣчаемъ различныя новообразованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ разнымъ другимъ основамъ. Всего чаще образованія по типу основъ на о-: царѣхъ (Суд. VIII. 26, Остр. еще правильно цѣихъ, Перв. уже царѣхъ, Апок. X. 11, Остр. цѣехъ, Первоп. цѣѣхъ, 3 Цств. III. 13, Остр. цѣехъ, Первоп. цѣѣхъ), кѣнѣхъ (Исх. XIV. 17, 18, Остр. и Первоп. такъ же, но рядомъ воѣхъ; Іезек. XXIII. 6, Остр. конѣхъ, Первоп. кѣнѣхъ, 4 Цств. V. 9, Остр. кѣнѣхъ, Первоп. кѣнѣхъ), жерцѣхъ (Лев. VI. 29, Остр. жерцѣхъ, Первоп. жерцѣехъ, ib. XVI. 33, Остр. жерцѣхъ, Первоп. жерцѣхъ), мѣѣхъ (Дан. IV. 26, Остр. другой текстъ), пришѣлцѣхъ (Исх. XII. 19, Остр. пришѣлцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), кѣкошѣхъ (Притчи XXX. 31, Остр. кѣкошѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), птѣнцѣхъ (Второзак. XXII. 6, Остр. птѣнцѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Вслѣдствіе тождества

церковнославянскихъ ѣ и е=æ (respective е) *), это окончаніе обозначается въ церковнославянской графикѣ и посредствомъ -εχъ, въ чемъ можно видѣть графическую ассимиляцію къ основамъ на і- (съ стел. ѣ=ε): дождѣχъ (Прем. Сол. XVI. 22, Остр. дождѣχъ, Первоп. дождѣχъ), конεχъ (Апок. XIX. 14. Такъ и въ Остр. конεχъ, Ис. XXX. 16, Остр. дат. мн., Экл. X. 7, Остр. конѣ, Первоп. конεχъ), краεχъ (Исх. XXVI. 19, Остр. другой текстъ), мѣжѣχъ (1 Цств. XVII. 12, Остр. и Первоп. такъ же, Римл. I. 27, Остр. мѣжѣχъ, Первоп. мѣжѣχъ, 1 Парал. XIX. 5, Остр. другой текстъ), пѣвнѣχъ (Неем. XII. 46, Остр. другой текстъ), свидѣтелеχъ (Евр. X. 28, Остр. другой текстъ), кораблѣχъ (Ис. XLIII. 14, Остр. кораблѣ, Первоп. кораблѣχъ, Апок. XVIII. 17, Остр. кораблѣ), жителеχъ (Исх. XII. 19, но тутъ же пришлѣцѣχъ, Остр. другой текстъ), ѡбычаεχъ (Дѣян. XXI. 21, Остр. дат. мн.), ѡдѣεχъ (М. XXVIII. 15, Остр. ѡдѣεχъ, Первоп. ѡдѣεχъ, Иоа. X. 19, Остр. ѡдѣεχъ, Первоп. ѡдѣεχъ), Галілѣεχъ (Л. XIII. 1. Остр. галілѣнχъ, Первоп. галілѣεχъ) и т. д.

Образованія по типу основъ на ā-: концáχъ (Притчи XVII. 24, Остр. кѡцѣ, Первоп. уже концáχъ, Псал. LXIV. 9, Остр. концѣ, Первоп. концáχъ), краáχъ (Второз. XXII. 12, Остр. и Первоп. краεχъ), мѣжáχъ (2 Цств. XVII. 12, Остр. другой текстъ), кораблáχъ (Ис. CVI. 23, Остр. кораблѣ, Первоп. какъ въ Новой, Второз. XXVIII. 68, Остр. предл. ед., 3 Цств. XXII. 19, Остр. другой текстъ, Ис. XI. 14, Остр. кораблѣχъ, Первоп. кораблѣχъ) и т. д.

Послѣднія образованія свойственны главнымъ образомъ языку Новой, исправленной библии, но появляются уже въ Первопечатной; въ Острожской ихъ еще нѣтъ, а вмѣсто ихъ находимъ или исконныя формы, совсѣмъ исчезнувшія изъ языка Новой, или образованія по типу основъ на і- (о-).

Образованія по типу основъ на о- (съ -ѣχъ) встрѣчаются уже въ Острожской библии, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой.

*) Такъ обозначаются широкое е (æ) передъ непалатальными согласными и узкое (ε) передъ палатальными.

Уже а ргіогі можно было предположить, что они должны были явиться прежде всего у такихъ основъ, которыя, въ силу утраты послѣдними ихъ согласными палатальности, стали чувствоваться совершенно тождественными съ основами на о-. Въ самомъ дѣлѣ окончаніе -ѣхъ у основъ на јо- въ Острожской Библии имѣется именно у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность (ц, ж): жерцѣхъ, жрецьхъ, пришельцѣхъ, птенцѣхъ, мѣжѣхъ; отъ этихъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія основы на јо-, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ: конѣхъ (Исх. XIV. 17, 18), дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22) и т. д.

Въ большинствѣ же случаевъ мы находимъ или правильную форму цѣихъ, галиленѣхъ, коцѣй, концѣй, кораблѣй (рѣже), или окончаніе -ехъ: цѣрехъ, вѣрехъ, конехъ, кокошехъ, мѣжѣхъ, кораблѣхъ, йоудѣехъ, краехъ и т. д. (чаще).

У М. Смотрицкаго образованія по типу основъ на о- имѣются въ незначительномъ количествѣ случаевъ: чванцѣхъ (л. 112), врачѣхъ (л. 131 на обор.); въ остальныхъ же случаяхъ только -ехъ: ѡтцѣхъ (л. 111 на об.), жерцѣхъ (л. 114), пастырехъ (л. 123 на обор.), мѣтежехъ (л. 124 на об.), свидѣтелехъ (л. 125), ходатаехъ (л. 125 на об.), іереехъ (л. 126 на об.), мравіехъ (л. 127), знѣехъ (л. 128), крагѣхъ (ibid. на об.), любовѣхъ (л. 129), древодѣлехъ (ibid. на обор.). Образованій по типу основъ на а- у него не встрѣчаемъ. У Зизанія кѣнехъ и сѣверѣхъ, по типу основъ на а- (л. 34 на об.), но іерееѣ по типу основъ на о-, рядомъ съ іерееѣ (л. 41). Основа вѣждь идетъ въ большинствѣ своихъ формъ по типу основъ на о-: р. ед. вѣждѣ (3 Цств. XIV. 7, вм. вин. Остр. вѣжда, Первоп. какъ въ Новой, 1 Парал. V. 2, Остр. друг. текстъ: им. ед. вѣждѣ, Первоп. вѣждѣ, Дан. III. 38, Остр. вѣжда, Первоп. какъ въ Новой), д. ед. вѣждѣ (4 Цств. XX. 5, Остр. и Первоп. вѣждѣ), твор. ед. вѣждѣмъ (1 Макк. XIV. 41, Остр. вин. ед. вѣжда=р. ед.), р. множ. вѣждѣмъ (1 Макк. IX. 53, Остр. вѣждѣи, Первоп. вѣждѣй), вин. множ. вѣждѣмъ (2 Пар. V. 2, Остр. р. мн.=вин. вѣждѣмъ, Первоп. вѣждѣмъ) и т. д.

Рядомъ встрѣчаются и правильныя формы: тв. ед. вѣждѣмъ (2 Парал. VI. 5, Остр. другой текстъ).

Основы среднего рода на *jo-* въ единственномъ числѣ представляютъ незначительныя уклоненія отъ старославянскаго, что замѣчается и въ русскомъ склоненіи этихъ основъ. Уклоненіе отъ старославянскаго имѣется только въ творительномъ единств., гдѣ, какъ и вездѣ, въ окончаніи находимъ *-m* (*-mъ*), вмѣсто *m'*, котораго мы ожидали бы въ виду старослав. *-mь*: сѣцѣмъ (М. V. 8, Остр. и Первop. такъ же).

Въ предложномъ падежѣ, рядомъ съ исконными формами: по́ли (Пер. XXXIX. 5), мо́ри (Мр. I. 16), сѣди́щи (М. XXVII. 19, Остр. сѣдищи, Первop. сѣдищи), сѣда́лици (М. XXIII. 2), ло́жи (Гис. Сир. XL. 5) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, образованія по типу основъ на *o-*: въ сѣцѣ (М. V. 28, Остр. сѣци, Первop. сѣцы), сѣрѣцѣ (Мр. XI. 23, Остр. сѣцы, Первop. такъ же), лицѣ (2 Цств. XIV. 22, Остр. лицы, Первop. такъ же).

У исконныхъ формъ послѣ *ц* встрѣчаемъ *ы*, что свидѣтельствуеъ о непалатальности согласнаго: лицы (Быт. XVII. 3, Остр. и Первop. такъ же, 1 Цств. XVII. 49, Остр. и Первop. такъ же), срцы (М. XII. 40, Остр. сѣци, Первop. сѣцы) и т. д. Написанія Острожской библіи съ *-и* объясняются остатками старославянской орфографіи, такъ какъ параллельныя написанія съ *-ы* указываютъ уже на непалатальность *ц*. Въ Первopечатной библіи уже преобладаетъ *-ы*. Окончаніе *-ѣ* отъ основъ на *o-* свойственно Новой библіи, а въ Острожской и Первopечатной находимъ только исконныя формы. У М. Смотрицкаго сѣрѣци (л. 112 на об.), единственный примѣръ. У Зизанія мо́ри, сѣсѣніи (л. 34 на об.).

Двойственное число им. вин. и зв., какъ у основъ на *o-*, представляетъ форму, тождественную съ им. вин. зв. множественнаго: двѣ го́рѣ (Апок. IX. 12, им. дв., Остр. двѣ го́рѣ, Первop. какъ въ Новой), сѣрѣца (М. Сметр. л. 112 на об.), зна́меніѣ (л. 130), вмѣсто *го́ри, *сѣрѣцы (стел. поли). Остальныя формы двойственнаго числа въ текстѣ Библіи почти не встрѣчаются; род. и пр. у Смотрицкаго совпадаетъ съ исконной формой—сѣрѣци (л. 112 на обор.), зна́менію (л. 130), плещѣ (предложный Быт. XLIX. 8); въ дат. и твор. находимъ у него обычную дифференціацію: дат. пра-

вильно—сёрдцема, твор. по типу основъ на *ā*:- сёрдцама (л. 112 на об.), дат. знаменіема (л. 130) и твор. по типу основъ на *i*:- знаменьма. Последняя форма возникла очевидно подъ влияніемъ такого творительнаго множ., какъ творёнми, благодарёнми, знаменми и т. д. (см. ниже). Аналогичное образование представляетъ плещма (Пс. ХС. 4. Остр. плещма, Первоп. какъ въ Новой).

Множественное число. Падежи именительный и винительный не уклоняются отъ старославянскаго: полъ (Ис. XVI. 8), сёрца (М. Смотр. л. 112 на об.), знаменіа (ibid. л. 130) и т. д.

Родительный или правильно: поль (Быт. ХLI. 48), мъръ (вм. род. дв. Юд. I. 12, Остр. другой текстъ), или съ нѣкоторыми общими вышеуказанными фонетическими особенностями: сёрдѣцъ (М. См. л. 112 на об., М. XVШ. 35, Остр. уже срѣцъ)—стел. сръдьць и т. д. Написанія сокровиць (М. VI. 19, Остр. сьзрѣвиць, Первоп. какъ въ Новой), кѣзлицъ (М. XXV. 32, Остр. еще кѣзлицъ, Первоп. кѣзлицъ) представляютъ собой продукты графической ассимиляціи къ написаніемъ сёрдѣцъ и т. д., гдѣ согласный уже утратилъ палатальность. Въ Новой библии написанія съ *z* послѣ *ц* проведены послѣдовательно; въ Острожской встрѣчаются и правильныя съ *-ь*. У Визанія форма мъръ объясняется влияніемъ западнорусскаго произношенія; рядомъ имѣется сѣсній (л. 35).

Дательный множеств., рядомъ съ немногочисленными правильными формами, какъ, напр. помышлѣніемъ (Евр. IV. 12, Остр. помышлѣніемъ, Первоп. какъ въ Остр.), представляетъ частыя образования по типу основъ на *ā*:- лицамъ (Аввак. I. 9, Остр. др. текстъ, Іов. XXXIV. 19, Остр. лицемъ, Первоп. лицемъ), лѣжамъ (Юд. XIII. 1, Остр. друг. текстъ), кѣницамъ (3 Макк. III. 11, Остр. друг. текстъ—жерцемъ, Первоп. жерцемъ), селѣніемъ (Перем. XXIII. 3, Остр. селѣніемъ, Первоп. селѣніемъ), дѣлніемъ, помышлѣніемъ (Ис. Сир. XXXV. 21, Остр. дат. ед.), пѣріемъ (3 Ездры XI. 7, Остр. пѣріемъ, Первоп. пѣріемъ), веззакѣніемъ (Іезек. XXXIX. 24), пѣрііцамъ (3 Ездры XI. 24, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго находимъ сёрцамъ (л. 112), но знаменіемъ (л. 130). Какъ и у прочихъ основъ вторич-

ный дательный множ. по типу основъ на ā- составляет принадлежность главнымъ образомъ исправленной библии; въ Острожской и даже Первопечатной на мѣстѣ вторичныхъ формъ Новой находимъ исконныя.

У Визанія находимъ, рядомъ съ правильной формой мѡрѣ, и вторичную по типу основъ на ā-: мѡрѡмъ, сѣсѣнѣ, и совѣмъ небывалую сѣсѣнѣ по типу основъ на о- (л. 35).

Винительный тождественъ съ именительнымъ. Исключение составляютъ формы винит. множ. плѣци (Быт. XXI. 14, Остр. и Первоч. такъ же; Ис. Л. 6, Остр. другой текстъ), плѣци (1 Цств. X. 9, Остр. другой текстъ; Ис. LI. 23. Остр. плѣци, Первоч. плѣци), образованныя по типу основъ муж. р. на о- (или женскаго на ā-?).

Творительный представляетъ нѣсколько образований: 1) формы исконныя: помышлѣнїи (Римл. I. 21), знѣменїи (Дѣянїя II. 22, М. Смотр. л. 130); послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, -ы: сѣрдцы (М. Смотр. л. 112 на об.); 2) по типу основъ на ā-: лицами (Прем. Сол. XVII. 4, Остр. друг. текстъ), оужами (Иерем. XXXVIII. 6, 13, Остр. южи и оужи, Первоч. оужи), морѡми (Дан. XI. 45, Остр. твор. дв. мѡрѣма, Первоч. такъ же), плѣцѡми (Иезек. XXXIV. 21, Остр. такъ же), кѡпѣми (1. Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ), видѣнїами (Иов. VII. 14, Остр. твор. ед), сѡнѣми (ibid. Остр. такъ же), ѣзвѣнїами (Ис. Сир. XLV. 13, Остр. другой текстъ ѣстѣкѣнїемъ), нечѣстїами (Осія XI. 12, Остр. другой текстъ), вѣтицами (Иерем. XLIX. 3, Остр. твор. ед.), звѣздѣнїами (Прем. Сол. XVII. 9, Остр. другой текстъ), помышлѣнїами (Иез. XIV. 5, Остр. тв. ед.), страшилицами (ibid. 3, Остр. другой текстъ), подградїами (1 Парал. VI. 67, 68, Остр. такъ же), сѣцѣми (М. Смотр. л. 112 на об.) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, это новообразование свойственно главнымъ образомъ Новой библии; въ Острожской и Первопечатной оно встрѣчается только изрѣдка; 3) образования по типу основъ на i-: знѣменми (Мр. XVI. 20, Остр. и Первоч. такъ же, М. Смотр. л. 130—знѣменьми), но знѣменїи (Дѣян. II. 22), беззакѡнми (Быт. XIX. 15, Остр. друг. текстъ), гадѣнми

(2 Пар. IX. 1, Остр. въ гаданіихъ), писанми (Д. Ап. XVШ. 28, Остр. такъ же), творенми (Римл. I. 20, Остр. творенми, Первоп. какъ въ Новой), благодаренми (2 Корино. IX. 12, Остр. благодаренми, Первоп. блгодаренми), киченми, прелщенми (Эсэ. VШ. 13, Остр. другой текстъ) и т. д. Послѣднее образованіе имѣетъ мѣсто только у основъ именъ существительныхъ отглагольныхъ съ суффиксомъ -іе и встрѣчается уже и въ Острожской библии, какъ видно изъ цитатъ. Но рядомъ у этихъ основъ имѣются и другія образованія: видѣніями, ѳзваніями, помышленіями и т. д. (см. выше). У Зизанія мѳрами, но сїсеми и сїсеніи (л. 35).

Предложный падежъ также богатъ различными образованіями. Исконныя формы, въ противоположность основамъ муж. р., совершенно ихъ утратившимъ, встрѣчаются часто: распѣтиихъ (М. XII. 19), ѳмовеніихъ, ѳправданіихъ (Евр. IX. 10, но тутъ же питіахъ, Остр. винит. множ. питіа), селеніихъ (Быт. IV. 20), знаменіихъ (Второз. XXXIV. 11), посланіихъ (2 Петра Ш. 16), превываніихъ, блгочестіихъ (ibid. 11), видѣніихъ (Второз. XXVI. 8), ѳсходниихъ (Пс. I. 3), грѳвиихъ (Іов. XXI. 32), сонмищихъ (I. XVШ. 20) и т. д. У М. Смотрицкаго знаменіихъ рядомъ съ знаменіахъ (л. 130).

Многочисленны образованія по типу основъ на а-: полахъ (Исх. IX. 3, Остр. полахъ, Первоп. какъ въ Новой, Ис. XXXII. 19, Остр. полихъ, Первоп. полахъ, Юд. V. 1, Остр. друг. текстъ, 1. Парал. XXVII. 28, Остр. полехъ, Первоп. полахъ), лѳжахъ (Ис. XLII. 22, Остр. ложихъ, Первоп. ложихъ), морлахъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. моріихъ и мѳрѳ, Первоп. какъ въ Новой, Бытія I. 22, Остр. и Первоп. мѳрѳихъ), плещахъ (1 Цств. XVII. 6, Остр. предл. дв. плещѳ, Первоп. плещѳ, Ис. XLIX. 22, Остр. плещѳ, Первоп. плещѳ), сердцахъ (М. IX. 4, Остр. сѳцы, Первоп. какъ въ Новой, Л. Ш. 15, Остр. сѳцыихъ, Первоп. сѳцаихъ, М. Смотр. л. 112 на обор. сѳцахъ), ѳсходниаихъ (2 Цств. I. 20, Остр. ѳсходниихъ, Первоп. ѳсходниихъ), жилищаихъ (Ис. Сир. XLIV. 6, Остр. жилищехъ, Первоп. жилищехъ, Суд. XVШ. 22, Остр. другой текстъ), вѳретиаихъ (Быт. XLIII. 12, 18, 23, Остр. вѳр-

тицихъ, Первоп. 12, 18 какъ въ Остр., 23 какъ въ Новой), соборищахъ (М. X. 17, Остр. соборищъ, Первоп. соборищихъ, Мр. XIII. 9, Остр. съборищихъ, Первоп. соборищихъ), сонмищахъ (М. IX. 35, Остр. сонмищихъ, Первоп. сонмищихъ, М. XXIII. 6, Остр. сонмищихъ, Перв. уже сонмищахъ), сокровищахъ (М. XXIV. 26, Остр. скрѣвищихъ, Первоп. сокровищихъ), тѣржищахъ (М. XXIII. 7, Остр. тръжихъ, Первоп. тѣржихъ), питіяхъ (Евр. IX. 10, Остр. друг. текстъ—вин. мн.), оудѣлахъ (Перем. XLIX. 4, Остр. такъ же, Первоп. ѡдѣлахъ), воскресіяхъ (Числ. XV. 38, Остр. друг. текстъ), ѡсчѣдахъ (Второз. XXVIII. 11, Остр. другой текстъ), ѡбитіяхъ (Числ. XXXI. 10, Остр. предл. ед.), знаменіяхъ (М. См. л. 130), оуглахъ (Притчи VI. 28, Остр. вин. мн.) и т. д. Образованія эти являются уже въ Острожской библіи, еще чаще въ Первопечатной и особенно часто въ Исправленной. У Визанія только мѣрѣ и сѣсеніа (л. 35).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, встрѣчаются изрѣдка образованія по типу основъ на о-лицѣхъ (3 Цств. I. 40, Остр. и Первоп. такъ же), ѡлицѣхъ (Второз. XXII. 6, Остр. ѡлицѣхъ, Первопеч. ѡлицѣхъ). Отсюда это окончаніе могло распространяться и на основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ, какъ напр. мѣрѣхъ, въ Остр. и Первоп. библіяхъ (Быт. I. 22).

Кромѣ того въ извѣстномъ количествѣ случаевъ имѣется окончаніе -сѣхъ, распространившееся отъ бывшихъ основъ на i- и отвѣчающее старослав. -ьхъ: пѣлѣхъ (Лезек. XXXV. 8, Остр. такъ же, Первоп. пѣлѣхъ), сонмищесѣхъ, тѣржищесѣхъ (Л. XI. 43, Остр. сонмищихъ, тръжихъ, Первоп. сонмищахъ, тѣ(р)жихъ). У М. Смол. сердецѣхъ (л. 112) на об.). Въ живомъ произношеніи это окончаніе давно уже сдѣлалась тождественно съ окончаніемъ -ѣхъ бывшихъ основъ на о-, и ассимиляція къ основамъ на i- имѣетъ только графическій характеръ.

§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя (несложныя), какъ и въ старославянскомъ, въ большинствѣ падежей склоняются какъ соотвѣтствующія именныя основы на о-, jо- (муж. и ср. роды) и на а-, jа- (женскаго). Уклоненіе отъ старославянскаго

представляет творит. ед. числа всѣхъ трехъ родовъ, въ которомъ находимъ форму сложныхъ прилагательныхъ. Первичный творительный въ современномъ церковнославянскомъ совершенно утраченъ: дѡбрьми, бл҃гѣми (Л. VШ. 15. Твор. ед. ср. р.; Зогр. Ев.: добромь, благомь, Остр. дѡбрьмѣ, но бл҃гомъ, что однако можетъ быть и слѣдствіемъ недоразумѣнія, Первоп. дѡбрьми, бл҃гѣми), вѣлими (ibid. 37. Тв. ед. м. р. Въ Зографскомъ Ев. вельемь, Остр. еще вѣлѣ, Первоп. какъ въ Новой вѣлими), въ Моск. грамматикѣ 1648 г. (М. Смотрицкаго), гдѣ склоненія простыхъ прилагательныхъ и сложныхъ приведены параллельно, въ творит. ед. находимъ только одну сложную форму м. и ср.: стѣми (л. 133, 134 на обор.), ж. р. стѡю (л. 134).

Въ звательномъ ед. м. р., какъ уже и въ старославянскомъ, находимъ часто окончаніе -е: гѡрдѣ (Перем. Л. 31, Остр. такъ же), сѣлне (Пс. XLIV. 6, Остр. сѣлне), равнодѣшне (Пс. LIV. 14, Остр. равнодѣшне), стѣ (М. Смотр. л. 133 на обор.), бл҃же (л. 135), нище (л. 137) и т. д. Въ женскомъ и ср. родѣ въ зват. форма именительнаго: стѣ (л. 134), стѡ (ibid. на обор.), бл҃га (л. 136), бл҃го (ibid. на обор.). Въ предложномъ въ церковнославянскомъ нерѣдко находимъ формы сложныхъ прилагательныхъ на мѣстѣ стел. простыхъ: на дѡбрьѣи землѣи (Л. VШ. 15, Зогр. Ев. добръ, Остр. и Первоп. дѡбрьѣи, дѡбрьѣи), но на землѣи бл҃зѣи (ibid. VШ. 8, Зогр. Ев. докрь, Остр. и Первоп. бл҃зѣи).

Двойственное число. Им., вин. и зв. м. и ср. рода совершенно отвѣчаютъ старославянскимъ формамъ: млѣда (Пѣснь Пѣсн. IV. 5), бл҃га (ibid. I. 1), стѣ (М. Смотр. л. 124 на об.) и т. д.: ж. рода также космѣтѣ (Быт. XXVII. 23), стѣ (М. Смотр. л. 134), бл҃зѣ (л. 136) и т. д. Встрѣчается и замѣна формами множ. ч.: ѡбѣ дщѣри Лѡтовы (Быт. XIX. 36, Остр. лѡтовѣ, Первоп. лѡтовѣ). Отъ основы на jа-им. дв. ж. р. по типу основъ на а-: пристѣплшѣ (М. XXVШ. 9, Остр. правильно пристѣплши, Первоп. -шѣ).

Родительный и предложный также не уклоняются отъ старославянскаго: ногѣ Ёисовѣ (Л. VШ. 35, 41), стѣ (во всѣхъ родахъ: М. Смотр. л. 133 на об., л. 134, л. 135), бл҃гѣ (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), нищѣ (л. 137 на об.) и т. д.

Въ дат. и твор. всѣхъ трехъ родовъ у М. Смотрицкаго находимъ опять заимствованіе отъ сложныхъ прилагательныхъ: стѣма (л. 135 на обор., л. 134, л. 135), благѣма (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), ницима (л. 137 на обор.) и т. д. Первичная простая форма утрачена или не встрѣчается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ: колѣнома Ёисовома (дат. дв. Л. V. 8, Зогр. Ев. по типу основъ на а-: колѣмама ісоусокома, Остр. йѣсовома, Первоп. йѣсовома), оученикома Ёванновома (Л. VII. 24, Остр. ѡанновома, Первоп. ѡванновома) и т. д., но ко ногѣма Ёисовыма (М. XV. 30, Остр. по типу бывшихъ основъ на о-: ісѣвома, Первоп. йѣсовама). У основъ на јо- (причастія): дат. йсходѣщема (М. IX. 32) и т. д.

Множественное число. Въ извѣстныхъ падежахъ замѣчаются уклоненія отъ старославянскихъ нормъ, объясняющіяся или морфологической ассимиляціей, или перенесеніемъ формъ отъ сложныхъ именъ прилагательныхъ. Такъ, въ имен. множ. м. р. нерѣдко встрѣчается уже форма винит. падежа, въ появленіи которой играетъ роль морфологическая ассимиляція къ такимъ падежамъ, гдѣ основа являлась въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ въ именительномъ: высѣки сѣтъ (Іов. XXXV. 5, Остр. нарѣчіе высѣцѣ, Первоп. высѣцѣ), кѣни мнѣги (Апок. IX. 9, Остр. другою текетъ—р. мн.), оученицы Ёванновы (Мр. II. 18, Остр. еще ѡаннови, Первоп. ѡваннови), нѣги (Амос. IV. 3, Остр. вин. мн. нѣгы, Первоп. также вин. нѣги), кѣни вѣни и рядомъ кѣни вѣлы, пѣстры, скѣры (Зах. VI. 2, 3, Остр. вѣни, сѣни, пѣни вѣни, Первоп. вѣни, сѣни, пѣни, вѣни), мы же Мшѣсѣовы ѣсмы оученицы (І. IX. 28, Остр. моѣсеови, Первоп. мшѣсѣови), у основъ на јо-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ и палатальность—кѣни рѣжи (Зах. VI. 2, Остр. и Первоп. рѣжи), но рѣжи, сѣри, пѣстри, вѣли (Зах. I. 8), сѣи всѣ грады тѣрды ѣ велицы (1 Макк. V. 26, Остр. сѣи всѣ грады тѣрды ѣ велики, Перв. тѣрды ѣ велики), тѣты вѣша (Іерем. LI. 56, Остр. ѣзымѣни сѣтъ, Первоп. ѣзымѣни), прѣаты (Дан. III. 39, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что это перенесеніе формы винит. мн. въ именительный встрѣчается

уже въ Остр. и Первопечатной библіяхъ, но несравненно рѣже, чѣмъ въ новой, исправленной, такъ что мы должны отнести его къ новѣйшему времени. Объясняется оно вліяніемъ русскаго живаго языка, въ которомъ указанное перенесеніе совершилось уже давно.

Иногда замѣчается смѣшеніе родовъ: врата затворѣны быша (I. Нав. II. 7, Остр. другой текстъ), Четырѣдесать тысячъ вооружѣни... преидоша (I. Нав. IV. 13, Остр. также вооружѣни— въ этомъ случаѣ можетъ быть и согласованіе по смыслу); нозѣ во йхъ... текзтъ, ѿ скоры сѣтъ (Притчи С. I. 16, Остр. нѡгы... скоры, Первоп. нѡги... скоры...).

Родительный множ., если употребляется, то не уклоняется отъ старославянской нормы. Нерѣдко однако онъ замѣняется соотвѣтствующей формой отъ сложныхъ прилагательныхъ: многихъ сердецъ (Л. II. 35, Остр. многъ, Первоп. мнѡгъ), но рѡгъ ѣдинорѡжь (Пс. XXI. 22, Остр. ѣдѡнорѡждъ, Первоп. какъ въ Новой) отъ основы на jo-.

Повидимому, не безъ вліянія въ процессѣ этой замѣны была односложность основъ: дѡхъ слыхъ (Л. VII. 21), дѡхѡвъ слыхъ (Л. VIII. 2. Въ Зогр. Евангеліи въ обоихъ случаяхъ зъль, Остр. уже слыхъ, злыхъ, Первоп. какъ въ Новой), лѣтъ многихъ (Л. VIII. 27, Зогр. Ев. лѣтъ много, Остр. уже многыхъ, Первоп. мнѡгихъ), но дѡши члѣвѣческихъ (Л. IX. 56, Зогр. Ев. члѡвѣкъскъ, Остр. уже члѣвѣчъ, Первоп. члѣвѣчскъ), сѣздъ богатыхъ (Л. XIV. 12, Зогр. Ев. сѣздъ богатъ, Остр. сѣздъ богатыхъ, Первоп. также богатыхъ), дѡхъ нечѣстныхъ (Л. VI. 18, Зогр. Ев. доухъ нечѣстъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта уже достаточно укоренилась въ языкѣ Острожской и Первопечатной библіи, хотя здѣсь и не такъ, какъ въ Новой, исправленной.

Дательный множеств. утратилъ исконную форму совершенно. Въмѣсто нея находимъ заимствованную отъ прилагат. сложныхъ: мнѡгимъ слѣпымъ (Л. VII. 21, Зогр. Ев. многомъ слѣпомъ, Остр. б. уже многымъ слѣпымъ, Первоп. мнѡгимъ слѣпымъ) и т. д. У основъ (причастій) на jo-: сѣдѡшымъ (Л. VII. 32, Зогр. Ев.

сѣдѣнѣмъ, Остр. и Первоп. сѣдѣнѣмъ), ѣдѣнѣмъ (Л. VIII. 23, Зогр. Ев. ѣдѣнѣмъ, Остр. ѣдѣнѣмъ, Первоп. ѣдѣнѣмъ) и т. д.

Въ винительномъ множественнаго, рядомъ съ правильными формами, какъ напр. стѣнѣты (грѣды, 2 Парал. XI. 5, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка формы именит. множ.—результатъ смѣшенія именит. и винит. падежей: ѡведѣтъ... юношы ѣ старцы, нѣги (м. б. и винит. множ.) ѣ бѣсы, ѡкровѣны (несомнѣнный винит. падежъ. Ис. XX. 4, Остр. нѣги ѣ бѣсы ѡкровены, Первоп. нѣги ѣ бѣсы ѡкровѣны). Въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, мы имѣемъ примѣръ того морфологическаго процесса, который носитъ въ наукѣ названіе „рядовой ассимиляціи“ (Reihenassociation). Форма нѣги, чувствуемая тождественной съ именит. множ., вызываетъ и аналогичную форму бѣсы, хотя бы и въ видѣ мимолетнаго, не устанавливающагося прочно новообразованія.

Творительный утратилъ совершенно простую форму. Въмѣсто нея находимъ только сложную: стѣми (М. Смотр. во всѣхъ трехъ родахъ: л. 134, *ibid.* на об., л. 135), благѣми (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д. Формы въ родѣ макъмаки ризами (Зогр. Ев. Лук. VII. 25), не имѣютъ совсѣмъ представителей въ языкѣ печатной библии.

То же должно сказать и о предложномъ падежѣ, который въ современномъ церковнославянскомъ имѣетъ только одну сложную форму: стѣхъ (во всѣхъ трехъ родахъ. М. См. л. 134 и на обор., л. 135), благѣхъ (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д.

Въ Острожской библии еще можно встрѣтить старинныя простыя формы въ родѣ предл. ж. р. ѡудовахъ, но въ Новой библии онѣ замѣнены сложными—ѡдовыхъ (М. II. 6). Въ Первопечатной находимъ также старую форму: ѡдовахъ.

Основа прилагательнаго чѣжда (Суд. XIX. 12, вин. ед), Остр. чюжь—русская форма, Первоп. чюжда) въ нѣкоторыхъ падежахъ идетъ по типу основъ на *jo-*, въ другихъ по типу основъ на *o-*. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить формы: чѣждо (им. ед. ср. р. 1 Макк. I. 38, Остр. дат. ед. чюжда, Первоп. чюжда, также по типу основъ на *o-*), но чѣжде вин. ед. ср.

(Перем. XIX. 4, Остр. и Первop. чю́ждє), чю́жды (винит. мн. м. р. 3 Цств. XIV. 9, Остр. правильно чю́жди, Первop. такъ же). Ср. также склоненіе сложной формы этой основы (§ 18).

§ 17. Мѣстоименія. Личныя мѣстоименія. Склоненіе мѣстоименій личныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ почти не уклоняется въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянской нормы. Если есть отличія, то они объясняются общими фонетическими измѣненіями, характеризующими церковнославянскій (и русскій): исчезновеніемъ краткихъ гласныхъ ъ, ь, измѣненіемъ ж въ ю и т. д. Им. ед. ѣзъ, ты (М. Смотр. л. 161 на об., л. 162), р. менѣ (Исх. XX. 3, Остр. мене, Первop. менѣ, М. Смотр. л. 161 на обор.), тебѣ (М. II. 6, Остр. тебѣ, Первop. тебѣ, М. См. л. 162), себѣ (М. V. 29, Остр. и Первop. такъ же, М. Смотр. л. 162 на об.): стел. мене, теке, секе; дат. мнѣ (М. III. 14, Остр. и Первop. такъ же, стел. мьнѣ, мьнѣ), мнѣ (М. II. 8, стел. мн), тебѣ (М. IV. 9, стел. тебѣ), ти (М. V. 29, 30), себѣ, си (М. Смотр. л. 162 на об.: стел. себѣ, си). Въ винительномъ, рядомъ съ продолжателями исконныхъ формъ мѣ (М. Смотр. л. 161 на об., стел. мѣ), тѣ (М. IV. 5, стел. тѣ), сѣ (М. Смотр. л. 162 на об., стел. сѣ) имѣются обычныя синтактичeskія замѣны формой родительнаго: менѣ (I. VII. 19, Остр. и Первop. такъ же), тебѣ (ibid. 20, Остр. тебѣ, Перв. тебѣ), себѣ (1 Кор. IX. 19, Остр. себѣ, Первop. себѣ, ср. также М. Смотр. л. 161 на об., л. 162 на об.). Творительный: мнѣю (М. IV. 10, М. Смотр. 161 на об.: стел. мьнож), тобѣю (М. III. 14, М. Смотр. л. 162: стел. токож), собѣю (М. Смотр. л. 162 на обор.: стел. сокож).

Предложный: мнѣ (М. См. л. 161 на об., стел. мьнѣ, мьнѣ), тебѣ (М. Смотр. л. 162, стел. тебѣ), себѣ (М. См. л. 162 на об., стел. себѣ).

Такъ же мало разнится склоненіе множественнаго числа. Именительный мы, вы (М. Смотр. л. 162, стел. мьы, вьы); родительный насъ (М. См. ibid. стел. насъ), васъ (М. V. 12, стел. васъ), дат. намъ (М. III. 15, стел. намъ), вамъ (М. V. 11, стел. вѣмъ); въ винительномъ, рядомъ съ исконными формами ны, вы (М. Смотр. л. 162; стел. ньы, вьы), обычная синтактичeskая замѣна насъ, васъ (ibid).

Употребляются и та, и другая форма, повидимому, безразлично: *любѣшѸ ны, ѿ ѡмѣвшѸ насѸ ѿ грѣхѸ* (Апок. I. 5, Остр. *любѣшѸ ны ѿ ѡмы насѸ*), на вы *лжѣще* (М. V. 11, Остр. *на вы, Первоп. на вы*), *разлѣчатѸ вы* (Л. VI. 22, Остр. *разлѣчатѸ вы*), но: *возненавидѣтъ васѸ* (Л. VI. 22, Остр. также *васѸ*), *ненавидѣшымѸ васѸ* (тамъ же, 27, Остр. *васѸ*), хотя *кленѣшымѸ вы* (тамъ же, 28, Зогр. Ев. *кызненавидѣтъ вы*, Остр. *вы. Л. VI. 21*, но уже *ненавидѣштимѸ васѸ* тамъ же, 27) и т. д.

Творительный: *нами* (М. I. 13, стел. *нами*), *вами* (М. XXVIII. 10, стел. *вами*).

Предложный: *насѸ* (М. Смотр. л. 162, стел. *насѸ*), *въ васѸ* (Л. IX. 41, стел. *васѸ*).

Двойственное число замѣняется часто множественнымъ. Такъ утратились совершенно формы им. вин. зв. дв., вмѣсто которыхъ употребляются соотвѣтствующія формы множественнаго числа. Именит. двойств.: *И мы ѡубо; достѡйнаѸ... по дѣломѸ наю воспріемлева* (Л. XXIII. 41, Остр. *и мы...; воспріемлевѣ, Первоп. какъ въ Новой*), *мы... ѣсмы* (Варнава и Павелъ. Дѣянія XIV. 15, Остр. *мы... ѣсѣ*, Первоп. *мы... ѣсма*); *Петръ же ѿ ІоаннѸ... рѣста... не мѡжемѸ во мы* (Дѣян. Ап. IV. 19, 20, Остр... *не мѡжемѸ во мы... Первоп. не мѡжемѸ во мы*); *речѣ же АврамѸ ДѡтѸ... ꙗко члѣвѣцы вратѣа мы ѣсмы* (Быт. XIII. 8, Остр. *члѣка вратѣа ѣсѣ*), *мы* (Азъ и Отецъ) *ѣдино ѣсмы* (I. XVII. 22, Остр. *мы... ѣсмы*, Первоп. *мы... ѣсмѣ*) и т. д.; *вы сами вѣстѣ* (Лія и Рахиль. Быт. XXXI. 6, Остр. *вы вѣсте*, Первоп. *вы вѣсте*); *не вѣсте коего дѸа ѣсте вы* (Іаковъ и ІоаннѸ. Л. IX. 54, Остр. *невѣста коего дѸа ѣста вы*, Первоп... *ѣста вы*) и т. д.

Изъ данныхъ примѣровъ видно, что замѣна старославянскихъ формъ именит. двойств. къ (1-го лица) и ва (2 лица) соотвѣтствующими формами множеств. проведена послѣдовательно уже въ Острожской библи. Въ Новой библи эта замѣна связана съ аналогичной замѣной глагольныхъ формъ, что уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но не такъ часто. Въ грамматикѣ Лавр. Зизанія мѣстоименіе перваго лица сохраняетъ исконную форму *-вѣ*, но второе лицо представляетъ форму множественнаго

въ (л. 44 на оборотѣ). У Мелетія Смотрицкаго находимъ неоправдываемыя библейскими текстами образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ косвеннымъ падежамъ: им. в. и зв. м. и ср. рода нà, вà, ж. нѣ, вѣ (л. 161 на об. и 162). Формы нà, нѣ представляютъ собой чисто книжныя, теоретическія построенія, вызванныя вліяніемъ косвенныхъ падежей нàю, нàма и стремленіемъ провести послѣдовательность основъ, нарушаемую въ старославянскомъ склоненіи 1-го лица формой именит. винит. зв., но имѣющуюся въ склоненіи втораго лица.

Формы втораго лица имѣють въ основѣ исконную старослав. форму вл.

Вторичная форма ж. р. вѣ, которая, какъ и форма нѣ, вызвана вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на а-) и также имѣеть чисто теоретическій характеръ.

Въ винительномъ дв. также встрѣчаемъ замѣну формами множества, при чемъ наблюдается и обычная синтаксическая замѣна помощью родит. падежа: помѣлѣи ны (двухъ слѣпцовъ. М. IX. 26, Остр. ны, Первоп. ны) и мѣчити насъ (двухъ бѣсныхъ. М. VIII. 29, Остр. насъ, Первоп. насъ), оумѣрвити насъ (Маноз и его жену. Суд. XIII. 23, Остр. и Первоп. нàю), насъ (Рахиль и Лію. Быт. XXXI. 15, Остр. ны, Первоп. ны) и т. д., сотворию въ ловца (Петра и Андрея. М. IV. 19, Остр. вѣ, Первоп. вѣ), восходѣщема вàма... срѣцетъ вѣ (Л. XXII. 10, Остр. вѣ, Первоп. вѣ) и т. д. Случай замѣны вин. двойств. формой родит. дв.: спаси... нàю (Л. XXIII. 39. Такъ и въ Остр.). Родительный и предложный: нàю (стел. нлѣю. Л. XXIII. 41), вàю (М. IX. 29, стел. влѣю).

Дательный и творительный, рядомъ съ исконной формой нàма (стел. намма. Мр. X. 35. Л. II. 48, XXIV. 29), вàма (стел. влѣма. М. IX. 29, XXI. 2, Мр. X. 36, XI. 23, Л. XXII. 10, 12), представляетъ нерѣдко замѣну соответствующими формами множеств. ч.: Ѣна же рѣста... дѣждь нàмъ (Мр. X. 37, хотя выше: сотвориши нàма ст. 35, Остр. дѣждь намъ, Первоп. какъ въ Новой), къ нàмъ (къ двумъ дочерямъ Лота. Быт. XIX. 31, Остр. кнѣ, Первоп. кнѣмъ), ...Рахиль и Ліа, рѣкѣста:... нàмъ

(Быт. XXXI. 14. 16, Остр. на́ма, Первop. на́ма); ...показáл на́мъ... (Маноз и его женѣ. Суд. XIII. 23, Остр. на́ма, Первop. на́мъ) и т. д. рече́ Нoсeмнѣмъ ѿвѣ́ма сноухáма:.... съ ва́ми... ва́мъ (Руоѣ I. 8. 9, Остр. свáма, ва́ма, Первop. ѿвáма, ва́ма) и т. д. За́мъна эта, какъ видно изъ примѣровъ, составляетъ особенность Новой, исправленной библии, хотя встрѣчается уже и въ Острожской б. Въ Первопечатной она чаще, чѣмъ въ Острожской, но рѣже, чѣмъ въ Новой.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, притяжательныя и прилагательныя представляютъ два типа основъ: основъ на о и на jo-. Образчикомъ первыхъ можетъ служить указательное мѣстоименіе тѣй, тà, тáа, тѣ, тѣе (стсл. ть, та, то).

Уклоненія его склоненія отъ старославянскаго заключаются въ слѣдующемъ:

Единственное число. Въ именительномъ падежѣ замѣчается исчезновеніе простыхъ формъ и вытѣсненіе ихъ сложными. Именит. пад. муж. рода является только въ сложной формѣ: тѣй (Ис. XXVII. 7, М. XXIV. 48, Остр. такъ же. М. Смотр. л. 167 на обор.), ж. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ тáа (Быт. IV. 22, Остр. друг. текстъ), но тà (Дѣян. XVI. 15, Л. I. 36, VIII. 42, Быт. III. 12, 3 Ездры V. 53), ср. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ тѣе (л. 168), тѣ (Мр. III. 24, 1 Ездры VI. 8). У Визанія тѣй, тáа: тѣе (л. 50).

Родительный не уклоняется отъ старослав. нормы: тогò (м. р. Л. XII. 5, Остр. того, Первop. тогò, Іов. XII. 13. 16, Остр. того, Первop. тогò), ж. р. тоà (Л. VI. 49, Быт. III. 15, Іоан. XIX. 31), стсл. того, тоа; равнымъ образомъ и дательный не представляетъ отличій: м. р. томѣ (стсл. томоу: Л. XXII. 22, Л. IV. 8, Апок. I. 6), ср. р. томѣ (Быт. XXI. 31), ж. р. тѣй (Л. VI. 48, стсл. тои). Винительный муж. р. или тожественъ съ именительнымъ (сложной формы): въ тѣй дѣнь (Л. VI. 23, Остр. тѣи), въ тѣй часъ (Л. XII. 12, Остр. такъ жо) и т. д. (стсл. ть), или представляетъ обычную синтактическую замѣну формой род. ед., причемъ церковнославянская орoграфія прибѣгаетъ къ графической дифференціаціи (въ родит. -ò, въ родит. =

винит. -ò): тогò (Ис. XI. 10, Остр. друг. текстъ, Иоан. VI. 30, Остр. еще тóи, Первоп. тóй, Мр. XII. 4. 5. 6, Остр. того, Первоп. того), хотя и не всегда: тогò (Мр. IX. 7, но Остр. того, Первоп. тогò).

Дифференціація эта имѣеть мѣсто и у другихъ мѣстоименныхъ формъ, какъ это видно будетъ ниже, и проведена уже въ Первопечатной библии (Л. XII. V, тогò оубойтеса, но Мр. XII. 5, тогò оубиша и т. д.). У М. Смотрицаго она также уже есть: род. тогò, вин. тогò (л. 167 на об.). У Зизанія тогò (л. 50). Винительный женскаго рода представляетъ чаще простую форму, отвѣчающую точно старославянской: тѣже прѣтчѣ (Евр. IV. 11), тѣ нощь (Быт. XIX. 35, Остр. натѣю, сложная форма, Первоп. на тѣю), изрѣдка сложную: снѣси тѣю (землю. Быт. III. 17, Остр. тѣ, Первоп. тѣ, Иерем. XXV. 12, Остр. тѣ, Первоп. тѣ): стел. тѣ. У М. Смотрицаго одна сложная форма: тоюю (л. 167 на об.). У Зизанія тѣю (л. 50). Ср. родъ имѣеть обѣ формы: простую—тò (Г. XIV. 13, 3 Ездры XII. 4, XVI. 19) и сложную тóе (Исх. XII. 7, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицаго одна сложная: тóе (л. 168); такъ же у Зизанія (л. 50).

Творительный не уклоняется отъ старославянскаго, если не считать исчезновенія палатальности у конечнаго -ш, и перехода ж въ у, особенностей, свойственныхъ и русскому: ср. р. тѣмже (Л. I. 35), м. р. тѣмз (Быт. IV. 7, Иоан. I. 3. 10)—стел. тѣмъ, ж. р. тóю (Л. VI. 38)—стел. тожъ. У Зизанія для м. и ср. тѣ (сложн. формы) и тѣ (л. 50). Предложный также продолжаетъ стел. формы съ общими отличіями: ср. р. на тóмз мѣстѣ (Л. X. 32), м. р. на тóмз камени (Л. XX. 18), ж. р. въ землѣ тóй (Быт. XXVI. 12): стел. томъ, тон.

Двойственное число представлено, какъ и всегда, очень скудно. Им. винит. м. р. тà (имен. Мр. XVI. 13, Л. XXIV. 14. 35, Пс. XLII. 3, Остр. тà. Перв. тà) отвѣчаетъ вполне стел. формѣ та. Эту же форму приводитъ М. См. и для ср. р. тà (л. 168) вмѣсто ожидаемаго *тѣ (стел. тѣ). Форма ж. р. тѣ, приводимая М. Смотрицимъ (л. 168), также соотвѣтствуетъ стел. тѣ. Ср. также тѣ: 3 Ездры XI. 34, Остр. тѣ, Первоп. какъ въ Новой.

У Зизанія м. р. тѣа, тѣю, ж. р. такъ же, ср. та и тѣю (л. 50). Р. и предлож. у М. Смотрицкаго представляетъ двѣ формы: одна—тѣю (л. 167 на об., л. 168) для муж. и ср. рода, отвѣчаетъ стел. тою, другая, для ж. р., тѣю (л. 168), вызванная морфологической ассимиляціей къ им. вин. тѣ и дат. тв. тѣма, не имѣетъ реального существованія (въ языкѣ Библии). У Зизанія для всѣхъ родовъ тѣю (л. 50). Дательный дв. м. р. тѣма (Мр. XVI. 13, Матѣ. IX. 32) отвѣчаетъ старославянской формѣ тѣма. Творит. тѣма (I. Сир. VII. 30). У М. Смотрицкаго находимъ свойственную ему произвольную дифференціацію падежей дательнаго и творительнаго: для перваго (всѣхъ родовъ) онъ пользуется сложной формой тѣма (л. 167 на об., л. 168), для втораго простой — тѣма (ib.). У Зизанія для м. и ср. тѣма, для ж. р., кромѣ этой же формы, и тѣма (л. 50).

Множественное число. Именительный муж. рода только въ сложной формѣ: тѣи (1 Цств. VIII. 8, Л. XII. 37, XVI. 28 и т. д.)—стел. чаще тѣ; у М. Сметр. приведена и краткая форма тѣ (л. 167 на об.). У Зизанія тѣи (л. 50), представляющая собой продуктъ взаимной контаминаціи формъ им. мн. тѣи и вин. мн. тѣа. Встрѣчается и форма винительнаго падежа вмѣсто именит.: вѣша мѣжи тѣа (2 Цств. X. 5). Именит. над. ж. рода имѣетъ сложную форму тѣа или тѣа (стел. чаще краткая тѣ): М. XXV. 7, Іез. XLII. 8, Остр. тѣ, Первоп. тѣ. Числ. XXXI. 16, Остр. тѣи, Первоп. тѣи). У М. Смотрицкаго находимъ двѣ, повидимому, теоретическія формы: тѣа, тѣи (л. 168), изъ которыхъ первая, какъ можно предполагать, есть просто передѣлка формы тѣа подѣ влияніемъ именит. муж. тѣи. Процессъ этой морфологической ассимиляціи можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: если рядомъ съ им. м. р., положимъ, мой имѣется им. ж. моа (см. ниже), то рядомъ съ им. м. р. тѣи долженъ быть им. ж. тѣа. У Зизанія тѣа (л. 50).

Именит. ср. р. отвѣчаетъ стел. формѣ (та): та (3 Ездры XII. 3, Іоан. V. 39), эту же форму находимъ и у М. Сметр., рядомъ со сложной тѣа (л. 168 и на обор.). У Зизанія только тѣа (л. 50 на об.).

Родительный множеств. не уклоняется отъ стел.: м. р. тѣхъ (Дан. I. 18) : стел. тѣхъ. У Зизанія тѣхъ (сложная форма) и тѣхъ для всѣхъ родовъ (л. 50).

Дательный множ., рядомъ съ правильной формой тѣмъ (м. р. Исх. I. 14) = стел. тѣмъ, представляетъ и позднѣйшую сложную форму (Суд. I. 19, тѣмъ, Остр. другой текстъ), которую находимъ у М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ: тѣмъ (л. 167 на об., 168 и на об.). У Зизанія для м. р. тѣ, для ж. и ср. тѣмъ и тѣмъ (л. 50).

Винительный муж. рода имѣется только въ сложной формѣ тѣа (стел. чаще краткая ты): Л. XIII. 14, Остр. ты, Первоп. уже тѣа). Мр. VIII. I, Остр. тѣа, Первоп. тѣа, Быт. XXVI. 15. 18, Остр. другой текстъ) и т. д. (очень часто). У М. Смотрицкаго находимъ обѣ формы: тѣа и ты (л. 167 на об.). Встрѣчается и общая синтактическая замѣна винит. падежа родительнымъ: ѿзрѣни тѣхъ (Перем. XV. I. Остр. и Первоп. такъ же). Женскій родъ имѣетъ обѣ формы: простую—ты (Л. VIII. 33, Остр. такъ же, Первоп. ты) и сложную—тѣа (I. X. 16, Остр. тѣа, Первоп. какъ въ Новой, Евр. X. 11. тѣаже Остр. и Первоп. также). У М. Смотрицкаго формы винит. множ. тѣ же; что для именит.: тѣа, тѣ. Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая тѣ (3 Ездры XIII. 17, Л. X. 21. Иоан. XIV. 11, стел. та) и сложная тѣа (Быт. XL. 17, Дан. XIV. 13, Остр. друг. текстъ).

Творительный падежъ не уклоняется отъ старославянскаго: тѣми же (ж. р. Евр. X. 1, стел. тѣми). У М. Смотрицкаго также тѣми для м. и ср. р. (л. 167 и 168 на об.), для ж. р. тѣма (л. 168), что есть очевидная опечатка. У Зизанія для муж. р. тѣми, для ж. и ср. тѣми, тѣми (л. 50). То же слѣдуетъ сказать и о предложномъ: тѣхъ (ср. р. Л. II. 49, IX. 36; м. р. Иоан. XVII. 9 и т. д.) = стел. тѣхъ. Рядомъ имѣется и рѣдкая сложная форма тѣхъ (ж. р. Псал. CIII. 12, Остр. винит. мн. тѣ, Первоп. тѣхъ).

Мѣстоименіе указательное онъ, она, оно утратило въ церковнославянскомъ многія простыя формы, которыя замѣняются сложными еще чаще, чѣмъ въ склоненіи мѣстоименія тѣ, та, то. Въ

этой замѣнѣ нужно видѣть вліяніе сложныхъ именъ прилагательныхъ. Въ Остр. и Первоп. библіяхъ преобладаютъ простыя формы, въ Новой—сложныя.

Единственное число. Именительный падежъ. Въ муж. родѣ употребляется одна сложная форма: Ѡный (Быт. XXIV. 65, XXXVII. 19, Остр. и Первоп. ѡнз); простая форма Ѡнз имѣетъ вездѣ значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, напр. Быт. XV. 10, 1 Ездры VII. 6 и т. д., хотя тожественный винит. падежъ сохраняется (см. ниже). Ср., впрочемъ, Гова I. 1. ѡ вѣ чловѣкѣ Ѡнз ѡстиненъ... и стихъ 3: ѡ вѣ чловѣкѣ Ѡный бѣгороднѣйшій... Суд. II. 10. ѡ весь родъ Ѡнз; градъ Ѡнз (1 Ездры IV. 15). Средній родъ имѣетъ обѣ формы: Ѡно (Дан. II. 31), Ѡное (Лев. IV. 5, Остр. друг. текстъ, Лев. XXV. 27, Остр. другой текстъ). Женскій родъ является чаще въ сложной формѣ: Ѡнаѡ (Исх. XII. 42, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XVIII. 6, Остр. ѡна, Первоп. ѡна, Лев. XXII. 3, Остр. другой текстъ); простая форма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ имѣетъ только значеніе личнаго мѣстоименія третьяго лица: Ѡна (Быт. XXIV. 47, Остр. сѡ, Первоп. сѡ, I. Нав. II. 6, Остр. сѡ, Первоп. сѡ и т. д.). Въ Острожск. и Первопечатной библіяхъ чаще имѣется простая форма, встрѣчающаяся изрѣдка и въ Новой: дѡшѡ Ѡна (Лев. V. 2, Остр. ѡже, VII. 20, Остр. и Первоп. ѡна). У Мел. Смотрицкаго приведены только простыя формы: ѡнз (л. 165 на обор.), ѡна (съ такимъ удареніемъ) и ѡно (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ преобладаетъ сложная форма: Ѡнагѡ (Быт. XVII. 26, Дѣян. III. 23, Остр. того, Второз. XXII. 17, 18, Остр. ѡного, Первоп. ѡногѡ, ѡного), простая форма встрѣчается очень рѣдко: со Ѡногѡ пѡлѣ (М. IV. 25, Остр. ѡного, Первоп. ѡного). То же замѣчается въ среднемъ родѣ: (до времени) Ѡнагѡ (Дан. XII. 1, Остр. друг. текстъ, Второз. VII. 24, Остр. другой текстъ: сѡгѡ). Въ женскомъ родѣ встрѣчаются рядомъ обѣ формы: Ѡноѡ (I. Нав. V. 11, Остр. ѡноѡ, Первоп. ѡноѡ, Прем. С. I. 16, Остр. и Первоп. ѡноѡ) и Ѡныѡ (Быт. II. 12, Остр. ѡноѡ, Первоп. ѡноѡ). У Мел. Сметр.

муж. и ср. родъ ѓногѡ (л. 165 на об. и 166), ж. одна сложная форма ѓнынѡ (л. 166).

Дательный падежъ. Въ мужскомъ родѣ одна простая форма: сномѡ (В. XXVI. 33, Иоан. III. 30); сложной формы не имѣется, что объясняется отсутствіемъ подобнаго образованія у сложныхъ именъ прилагательныхъ, идущихъ въ данной формѣ по типу простыхъ мѣстоименій. У М. Смотрицкаго ѓномѡ (л. 165 на об. м. р. и 166 ср. р.). Для ж. рода находимъ у него двѣ формы: одну простую ѓной, другую, вызванную вліяніемъ сложныхъ прилагательныхъ — ѓнѣй (л. 166). Въ текстѣ Библии встрѣчается одна простая форма: ѓной (3 Ц. III. 25. Единств. примѣръ. Остр. ѓнои, Первоп. ѓной).

Винительный падежъ. Въ мужскомъ родѣ имѣются обѣ формы; въ дѣнь ѓнѣ (Ис. III. 14, Исх. XII. 51), долгѣ ѓнѣ (М. XVШ. 32), ѓнѣ хлѣбѣ (Иоан. XIII. 30) и т. д. въ дѣнь ѓнный (Ис. XI. 11, Остр. тои, Ис. II. 17, Остр. и Первоп. ѓнѣ); ѓнный (Быт. XL. 11, Остр. друг. текстъ) и т. д. Случай синтаксической замѣны винительнаго сложнымъ родительнымъ съ обычной графической дифференціаціей (въ род. -ѡ, въ родительномъ-винительномъ -о): ѓнаго (Л. XIV. 9, Остр. и Первоп. ѓного). У М. Смотрицкаго приведена только эта послѣдняя форма (простая): ѓного рядомъ съ род. ѓногѡ (л. 165 на обор.). Встрѣчаются и простыя формы род.-винит. (очень рѣдко): ѓна (Д. Ап. XVI. 35, Остр. она). Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая — ѓно (Быт. XXI. 32, Остр. др. текстъ, Евр. XI. 15, Остр. ѓна) и сложная — ѓное (Исх. XVI. 21, I. Нав. V. 12, Дан. VII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѓно (л. 166). Въ женскомъ родѣ также обѣ формы: ѓнѡ (ѡѣ ѓнѡ странѡ I. Нав. IX. 10, Остр. ѡбѡнѡ, Первоп. ѡбѡнѡ) или ѓнѡ (прондѡхомѡ всю пѣстыню... ѓнѡ: Второз. I. 19, Остр. и Первоп. ѓнѡ) и сложная ѓнѡю (Числ. XVI. 43, Остр. другой текстъ, Дан. XIII. 14, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѓнѡ (л. 166).

Творительный падежъ. Въ муж. родѣ одна сложная форма: ѓнымѡ (I. Нав. III. 4, Остр. мѣждѡ нами ѣ ѡнѣхѡ... вѣроятно,

опечатка вмѣсто простой формы ѡнѣмъ, Первop. также ѡнѣхъ. Прем. С. XVII. 6, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. одна простая форма: ѡнѣмъ (л. 165 на об.), равно какъ и въ среднемъ родѣ (л. 166). Ср. также тв. м. р. ѡнѣмъ (Мр. XVI. 12). Въ женскомъ родѣ: ѡною (3 Ездры XIII. 45, Остр. другой текстъ; единственный примѣръ), какъ и у М. Смотр. ѡною (л. 166)—простая форма.

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ одна простая форма: ѡномъ (I. Н. VIII. 27, Остр. ѡнѡ, Первop. ѡномъ), въ ср. родѣ такъ же (Быт. XXVIII. 11, Остр. тѡ, Первop. тѡмъ); у М. Смотрицаго также ѡномъ въ обоихъ родахъ (л. 165 на об. и 166). Въ женскомъ родѣ одна простая форма: ѡной (Быт. XIX. 33, Остр. другой текстъ, 1 Цств. XIV. 1, Остр. ѡнои, Первop. ѡной); у М. См. обѣ формы ѡной и ѡнѣй (л. 166).

Двойственное число представлено, какъ и всегда, скудно. Именит. падежъ муж. рода имѣется только въ простой формѣ, не уклоняющейся отъ старославянскаго: ѡна (въ значеніи 3-го лица: Л. XIX. 34, Иоан. I. 38, Дѣян. А. XIII. 51, Остр. ѡна). У М. Смотр. въ мужескомъ и среднемъ родахъ также ѡна (л. 165 и 166 на об.); хотя въ среднемъ р. мы ожидали бы ѡнѣ, какъ въ старославянскомъ. Именительный падежъ ж. рода какъ въ старославянскомъ: ѡнѣ (также въ значеніи мѣстоименія личнаго 3-го л. М. XXVIII. 9, Остр. ѡнѣ, Первop. ѡнѣ); у М. Смотр. съ другимъ удареніемъ ѡнѣ (л. 166). У Зизанія безъ различенія рода: ѡна (л. 45); повидимому это только муж. родъ. Формы родит. и предложнаго находимъ только у М. Смотрицаго: ѡнѣ для всѣхъ трехъ родовъ (I. с.). Въ библіи онѣ не встрѣчаются. У Зизанія ѡною (л. 45).

Форма дат. падежа муж. рода, не уклоняющаяся отъ старославянскаго, — ѡнѣма (Л. XXIV. 31, Остр. ѡнѣма (sic.), Первop. ѡнѣма). У М. Смотр. дат. и твор. для всѣхъ трехъ родовъ также ѡнѣма (I. с.). У Зизанія сложная форма ѡныма (л. 45).

Множественное число. Именительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ имѣются обѣ формы—простая изрѣдка: ѡни (М. XXII. 10, Остр. ѡни, Первop. форма винит. падежа ѡны), также съ другимъ удареніемъ: ѡнѣ (2 Макк. X. 28, Остр. ѡни, Первop. ѡнѣ,

ХП. 12, Остр. другой текстъ, VI. 25, Остр. ѡнѣ), впрочемъ преимущественно въ значеніи мн. ч. личнаго мѣстоименія 3 лица (такъ 2 Макк. VI. 25, ХП. 12) и болѣе частая сложная: ѡнѣи (Дан. III. 21, Остр. другой текстъ, VI. 11, 15, Остр. ѡни, Первоп. ѡни и ѡнѣи, ХП. 2, Остр. ѡнѣи, Первоп. ѡнѣи, 1 Макк. VIII. 30, Остр. и Первоп. ѡнѣи, и т. д.). У Визанія ѡнѣи (л. 45). Изрѣдка встрѣчается и форма винит. падежа: ѡны (М. XXIV. 22, днѣе ѡны два раза, Остр. тѣи, Первоп. тѣи). Въ данномъ случаѣ перенесеніе формы винит. падежа въ именительный могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что выраженіе днѣе ѡны состоитъ изъ двухъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собой ассоціаціей смежности, образующихъ такъ называемый рядъ (Reihenassociation нѣмецкихъ ученыхъ) и особенно часто встрѣчающихся именно въ винительномъ падежѣ въ готовой формулѣ во днѣи ѡны. При естественной слабости языковаго чутья у редакторовъ текста такое перенесеніе представляется вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ сочетаніяхъ такая форма именит. падежа множ. ч. не встрѣчается. У М. Смотр. находимъ только простую форму съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: ѡнѣи (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: ѡна (Прем. Сол. V. 9. Только одинъ случай. Остр. ѡна, Первоп. ѡна) и ѡналъ (Числ. X. 31. Остр. друг. текстъ, Іов. XIX. 23, Остр. другой текстъ, 3 Ездры. XII. 2, Остр. друг. текстъ. Только три случая). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡна (л. 166 на обор.). Въ женскомъ родѣ имѣется уже только одна сложная форма: ѡныа (Исх. II. 19, Остр. ѡни же, Первоп. ѡнѣи же, Дан. XIII. 57, Остр. еще ѡнѣи, Первоп. ѡнѣи). У М. Смотрицкаго одна простая: ѡны (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ имѣются обѣ формы: простая ѡнѣхъ (Езек. XLIII. 8, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ, Матѣ. XXIII. 23, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ) и сложная ѡныхъ (Второз. XXIX. 18, Остр. тѣхъ; Исх. VII. 12, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ; Быт. XLVIII. 6, Остр. ѡнѣ; Первоп. ѡнѣхъ; Быт. XLIII. 32, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ; Дан. III. 22 вм. винит., Остр. тѣ, Первоп. ты; Прем. С. XI. 14, вм.

винит., Остр. ѡхъ; XVI. 4, вм. винит. Остр. дат. мн. ѡнѣмъ; XVII. 18 также вм. винит., Остр. друг. текстъ—ѡхъ и т. д.). У М. Смотр. одна простая форма: ѡнѣхъ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также и ту, и другую: ѡнѣхъ (Л. XI. 42, Остр. ѡнѣхъ, Первоп. ѡнѣхъ) и ѡныхъ (1 Парал. XXIX. 3, Остр. и Первоп. также ѡныхъ, 1 Макк. XI. 14, Остр. ѡныхъ, Первоп. ѡныхъ). У М. Смотрицкаго только простая форма ѡнѣхъ (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ находимъ только простую форму: ѡнѣхъ (единств. случаи: Иезек. XVI. 51, Остр. ѡнѣ, Первоп. ѡнѣхъ). У М. Смотрицкаго также одна простая—ѡнѣхъ (л. 166). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что сложная форма принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ Остр. и Первопечатной библіи находимъ вмѣсто нея простую форму или формы другихъ основъ. Только въ родит. множ. ср. рода форма встрѣчается уже въ Остр. библіи.

Дательный надежъ представляетъ приблизительно такія же отношенія.

Въ мужескомъ родѣ находимъ обѣ формы: ѡнѣмъ (Матѣ. XIII. 11, Остр. ѡнѣмъже, Первоп. ѡнѣмъже, Мр. IV. 11, Остр. ѡнѣмъже, Первоп. ѡнѣмъ же, Зах. VIII. 11, Остр. ѡнѣмъ XIV. 17, Остр. сѡнѣхъ, Первоп. сѡнѣхъ—опечатка вм. сѡнѣмъ и т. д.) и ѡнымъ (Быт. VI. 21, Остр. и Первоп. ѡнѣмъ, XLIII. 32, Остр. сѣмъ, 3 Ездры VII. 69, Остр. сѣмъ, Притчи XXIV. 16, Остр. ѡнѣмъ падающею, Первоп. ѡнѣмъ падающею и т. д.). У М. Смотрицкаго: ѡнѣмъ, простая форма для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166). Примѣровъ дат. множ. ж. и ср. рода въ новомъ библейскомъ текстѣ не встрѣчается *). Какого-либо отгѣнка въ значеніи съ той или другой формой не соединено: ѡнымъ же... развѣгшымъ (2 Макк. XIV. 44, Остр. другой текстъ), но ѡнѣмъ же ѡвѣщавшымъ (тамъ же XV. 4, Остр. ѡнѣмъже). Въ Остр. въ первомъ случаѣ другая редакція текста, во второмъ ѡнѣмъже.

*) Въ Остр. и Первоп. библіи дат. мн. ср. р. по словесѣмъ ѡнымъ (Нов. сѣмъ).

Винительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: простая:—*ѡны* (2 Парал. VIII. 2, Остр. другой текстъ, Д. Апост. XXI. 26, Остр. друг. текстъ, М. XXII. 7, Остр. *ѡны*, Первop. *ѡны*), во дни *ѡны* (Быт. VI. 4, Остр. Первop. *ѡны*, Матѳ. III 1, 1 Цств. IV. 1 и т. д.—весьма частая формула), и сложная: *ѡныѡ* (Быт. XXXI. 34, Остр. друг. текстъ, 3 Цств. XIV. 28, Остр. *ѡ*, Иезек. IV. 9, Остр. другой текстъ, XXXVIII. 17, Остр. *ты*), которая, какъ и всѣ сложныя формы, въ болѣе древнемъ періодѣ церковнославянскаго отсутствуетъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма—*ѡны* (л. 165 на об.).

Синтактическая замѣна формой родительнаго довольно часта. Въ роли винит. п. встрѣчаемъ обѣ формы: простую—*ѡнѣхъ* (Прем. С. XI. 11, Остр. *ѡнѣхъже*, Перв. *ѡнѣхъ же*, Евр. IV. 8, Остр. *ѡнѣхъ*) и сложную *ѡныхъ* (тамъже 14, Остр. *ихъ*; Неем. XIII. 11, Остр. другой текстъ, Быт. XIX. 9, Остр. *ѡны*, Перв. *ѡны*, Иоан. X. 35, *лице ѡныхъ рече вогѡвъ...* Остр. *лице ѡны рече вогы*, Первop. также *ѡны* и т. д. см. также выше—родит. падежъ). Въ Остр. и Первop., какъ видно, чаще исконный винит. падежъ. Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: простую—*ѡна* (1 Макк. XI. 14, времена *ѡна*, Остр. по съ предл. мн., Второз. VII. 19, *знаменіѡ ѡна*. Остр. и Первop. *ѡна*, Дан. XI. 14, *въ мѣта ѡна*, Остр. *та*) и сложную *ѡнаѡ* (Второз. XXIX. 3, Остр. и Первop. *ѡна*, 1 Цств. XXV. 11, Остр. *та*, Иезек. VII. 20, Остр. *ѣ*). У М. Смотрицкаго одна краткая форма *ѡна* (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ имѣются также обѣ формы: простая *ѡны* (1 Цств. XVII. 28, Остр. *ѡны*, Первop. *ѡны*, Дѣян. Ап. XX. 2. *странѣ ѡны*, Остр. *тыѡ*) и сложная *ѡныѡ* (Лев. XX. 14, Остр. *ихъ*, Суд. XVI. 3, Остр. *ѡ*). У М. Смотрицкаго одна простая форма *ѡны* (л. 166).

Творительный падежъ представляетъ одну простую форму только въ мужескомъ родѣ (всего два случая): *ѡнѣми* (Д. Апост. XV. 9, Остр. *ѡнѣми*, Первop. *ѡнѣми*. 1. Петра IV. 14, Остр. *ѡнѣми*, Первop. *ѡнѣми*, съ удареніемъ, вызваннымъ вліяніемъ *тѣми*). У М. Смотрицкаго простая форма *ѡнѣми* для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166).

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: про-

стая Ѡнѣхъ , очень частая въ сочетаніи во днѣхъ —или по днѣхъ — (Мр. I. 9, Остр. Ѡнѣхъ , Первоп. Ѡнѣхъ , 2 Пар. XXI. 8, Остр. и Первоп. Ѡнѣхъ , Иерем. V. 18, Остр. тѣхъ , Евр. X. 16, Остр. Ѡнѣхъ и т. д.) и сложная Ѡныхъ (1 Парал. VII. 24, Остр. Ѡныхъ , Первоп. Ѡныхъ , можетъ быть и предложный ср. рода, 2 Пар. XXXII, 24 во днѣхъ Ѡныхъ , Остр. по днѣхъ тѣхъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма Ѡнѣхъ для всѣхъ трехъ родовъ. Случай предложнаго ср. р. (простая форма): на мѣстѣхъ Ѡнѣхъ (Д. Ап. XVI. 3, Остр. Ѡнѣхъ , Первоп. Ѡнѣхъ).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сложныя формы принадлежатъ позднѣйшему времени; въ текстахъ Остр. и Первоп. библіи на ихъ мѣстѣ находятся простыя формы этой же или другихъ мѣстоименныхъ основъ, если текстъ тождественъ; очень часто сложныя формы въ Новой библіи имѣются въ такихъ мѣстахъ, чтеніе которыхъ сильно разнится отъ стараго текста, такъ что онѣ очевидно внесены при исправленіи. Въ Новой библіи замѣчается даже стремленіе къ замѣнѣ простыхъ формъ сложными. Простыя большею частью встрѣчаются въ готовыхъ формулахъ (сочетаніяхъ), сложившихся давно и очень устойчивыхъ, въ родѣ во врѣмѣ Ѡно , (во, по) днѣхъ Ѡнѣхъ и т. д. Если отбросить такія формулы, то числовое отношеніе между простыми и сложными формами представляется въ такихъ приблизительныхъ цифрахъ:

Единственное число: Им. м. р. простыхъ 3, сложныхъ 11, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 9, ср. р., наоборотъ, простыхъ 5, сложныхъ 4. Родительный: м. р. простыхъ 1, и 2 вмѣсто винит. п., всего три, сложныхъ—15 и, вмѣсто винит. 3, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 6, ср. р. только сложныя 4. Въ дательномъ находимъ однѣ простыя формы. Винительный м. р. простыхъ 4, сложныхъ 8, ж. р. простыхъ 9, сложныхъ 10, ср. р. простыхъ 4, сложныхъ 8. Творит. м. р. только сложный—2 случая, ж. р. только одна простая форма. Предложный имѣется также только простой: м. р. 4, ж. 2, ср. 3. Множественное число. Именит. м. р. 2 простыхъ, 6 сложныхъ, ж. р. только сложныя двѣ, средняго рода одна простая, двѣ сложныхъ. Род. м. р. простыхъ 6, сложныхъ 9, ж. р. одна простая, ср. р. два простыхъ, сложныхъ—3. Дательный м. р.

простыхъ 7, сложныхъ 8, ж. и ср. р. нѣтъ случаевъ. Винит. падежъ м. р. простыхъ 4, сложныхъ 5, ж. р. по одной ф., ср. простыхъ двѣ, сложныхъ 5. Творит. м. р. только двѣ простыхъ. Предложный м. р. наоборотъ—три простыхъ и двѣ сложныхъ, ср. р. одна простая. Родительный, вмѣсто винительнаго м. р.—три простыхъ и 10 сложныхъ. Общій итогъ: 78 простыхъ и 133 сложныхъ. Незначительная неточность, которая могла вкратиться при составленіи этого разчета, не уничтожаетъ значенія этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о значительномъ перевѣсѣ сложныхъ формъ. Принадлежащей къ разсмотрѣнному морфологическому и семасіологическому гнѣзду чувствуется теперь очевидно и форма винит. ед. м. р. отъ относительнаго мѣстоименія ѣ—Онъ со вторичнымъ, абсорбированнымъ отъ предлога Ѡ; объ этомъ свидѣлствуютъ не только обычныя написанія: въ дѣнь, въ Онъже не чаетъ, ѣ въ часъ, въ Онъже не вѣсть (Матѣ. XXIV. 44, Остр. вонъже и взнъже, Первоп. вонъ же), въ Онъ (Лев. XXIII. 21, Остр. вонъ, Первоп. вонъ), гдѣ предлогъ отдѣленъ и восстановлено (графически) ѡ, но и такія, какъ во Онъже (1 Цств. XXI. 6. Остр. втѣи, Первоп. в тѣи, Ис. XVII. 11, Остр. и Первоп. вонъже).

Такія же приблизительно отношенія представляютъ менѣе богатая примѣрами склоненія мѣстоименій ѣнз, ѣвз. Мѣстоименіе сѣмъ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ какъ въ извѣстныхъ падежахъ идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-, какъ и, съ и т. д.

Какъ и у вышеразсмотрѣнныхъ мѣстоименныхъ основъ и здѣсь мы находимъ простыя формы рядомъ со сложными:

Единственное число. Именительный падежъ Въ мужескомъ родѣ простая форма сѣмъ (2 Парал. XXVI. 20: ѣбо ѣ сѣмъ тѣшѣсѣ, Іов. XXVIII. 23: сѣмъ во вѣсть...); въ ж. р. также: сѣмѣ (Римл. VIII. 21, сѣмѣ твѣръ свѣодѣтсѣ, Остр. сама, Первоп. самѣ); въ ср. р. объ формы: простая сѣмо (1 Іоан. Посл. II. 27: тѣ сѣмо помѣзаніе оучѣтъ, Остр. только тѣ) и сложная сѣмоѣ (1 Кор. XI. 4: сѣмоѣ ѣстѣствѣ оучѣтъ въ... Остр. самое, Первоп. сѣмоѣ, 3 Ездры VIII. 9, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицаго

одна простая форма: *сáмъ* (л. 163), *самà* (тамъ же на обор.) и *сáмо*.

Родительный муж. рода въ сложной формѣ: *самагò* (Гов. I. 12, *самагò* да не кòснешиса, Остр. *само́го* же, Первоп. *самогò* же простая форма) и *самáгw* (Ефес. IV. 16, Остр. *сєвѣ*). У М. Смотрицкаго въ муж. р. простая форма, *самогò*, въ ж. сложная *самыѣ*, въ ср. также сложная *самагw* (безъ ударенія I. с.). Родительный вмѣсто винительнаго — *самагò* же сцѣнногравителя... *оубиша* (2 Макк. IV. 42, Остр. безъ мѣстоименія) — сложная форма съ обычной графической дифференціаціей (w и o); *самáго* (Іак. II. 8, Остр. *самого*, Первоп. *самогò*) есть вѣроятно опечатка.

Дательный м. р. въ простой формѣ: *самомѣ* (Мр. IV. I, Д. Ап. XXV. 25, Остр. *самомѣ*, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго м. и ср. родъ также въ простой формѣ, ж. р. имѣеть обѣ: *самой*: *ѣй* (л. 163 на обор.).

Винительный м. рода въ сложной формѣ: въ *самый той дѣнь* (Эс. VШ. 13, Остр. *самый*, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. также *самю* (Іез. XXШ. 10, *самю мечемъ оубишиша*, Остр. простая ф. *самѣ*, Первоп. *самѣ*). Характерно и удареніе, находящееся, быть можетъ, въ связи съ только что приведенной формой в. ед. м. р. *самыи* изъ Остр. библии) и *самю* (II. Пѣн. I. 7, Остр. *самю*, Первоп. *самю*); въ ср. р. опять только сложная форма: *самое* (Лев. VI. 5: да *ѡдасть самое то ѣстое*, Остр. *самое*, Первоп. *самое*). У М. Сметр. въ муж. родѣ одна форма родит. ед., въ ж. простая — *самѣ*, въ среднемъ также простая — *сáмо*.

Творительный. Въ муж. родѣ простая форма: *самѣмъ* (Быт. XXII. 16, мною *самѣмъ клáхса*, Остр. другой текстъ — *собю*) и рядомъ по типу мѣстоименныхъ основъ на *jo-* *самимъ* (3 Ездры XIII. 26, *самимъ собю ѣзбавитъ*, Остр. *самъ сєвѣ*), какъ въ современномъ русскомъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма. Въ ж. родѣ также простая форма — *сáмою* (2 Макк. III. 8, Остр. другой текстъ, М. Сметр. л. 163 на обор.). Въ среднемъ родѣ — сложная: *самымъ* (2 Макк. IV. 12, *подъ самымъ краєгראдіємъ*, Остр. друг. текстъ). У М. Сметр. простая (л. 164).

Предложный муж. р. въ простой формѣ: самѡмъ (3 Ездры IX. 1, въ сѣвѣ..., Иоан. I. 22, ѡ тѣвѣ самѡмъ..., тоже у М. Смотрицкаго). Въ ж. р. у М. Смотрицкаго двѣ формы: простая и сложная самѡй и самѣй, примѣровъ которыхъ въ библ. текстѣ не имѣется. Ср. р. у М. Смотрицкаго одинаковъ съ мужескимъ (I. с.).

Формы двойственнаго числа, приведенныя у М. Смотрицкаго, въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются, и потому, какъ недостовѣрныя, могутъ быть оставлены безъ особаго вниманія. Им. вин. зв. во всѣхъ родахъ сѡма (для ж. и ср. это мало вѣроятно), род. и пр. муж. и ср. сѡмъ, ж. самъ (опечатка?), дат. и твор. самѣма.

Множественное число. Именительный муж. рода только въ простой формѣ—сѡми (Быт. XLIV. 3, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XIII. 6, Остр. такъ же); у М. Смотрицкаго такъ же (л. 163 на обор.). Формы ж. и ср. рода въ библіи не встрѣчаются; у М. Смотрицкаго онѣ простыя: самы и сѡма (л. 163 на об. и л. 164).

Родительный муж. р. имѣеть три формы: простую—самѣхъ (Д. Ап. XX. 30: ѡ вѣсѣ самѣхъ, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ въ Новой, 1. Кор. V. 13, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), сложную—сѡмухъ (3 Ездры VIII. 10, ѡ сѡмухъ члѣновъ, Остр. ѡ сѣставъ, Первоп. ѡ ѣхъ составъ) и вторичную, продуктъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-: самѣхъ (Лезек. XXXIV. 8, вмѣсто винит. пасѡша... самѣхъ сѣвѣ, Остр. и Первоп. сѡми сѣвѣ, Юд. II. 10, Остр. другой текстъ, Ис. III. 9, Остр. другой текстъ), какъ сѣхъ, ѣхъ и т. д. У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ простая форма—самѣхъ (I. с.). Формы ж. и ср. род., въ текстѣ библіи отсутствуютъ.

Дательный муж. р. — простая форма самѣмъ (2 Сол. I. 4, самѣмъ нѡмъ, Остр. самѣмъ, Первоп. самѣмъ, 1 Кор. VII. 35, на пользѣ вѡмъ самѣмъ, М. Смотрицк. для всѣхъ трехъ родовъ также самѣмъ).

Рядомъ вторичная форма по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: самѣмъ (Быт. XLVII. 24, вѣдѣтъ вамъ самѣмъ, Остр. только вамъ, 2. Макк. III. 2, слѣдѣшесѣ ѣ самѣмъ царѣмъ, Остр. сѡми

цри, 1. Кор. I. 24, проповѣдѣемъ... самѣмъ же званнымъ Ѳдѣемъ, Остр. самѣмъ же, Первоп. самѣмъ же).

Сложная форма самѣмъ имѣется: Исх. XX. 23 (Остр. сами сѣбѣ), 1 Ездры VI. 20, Остр. другой текстъ.

Винительный не встрѣчается. Имѣются только синтактичeskія замѣны родительнымъ: самѣхъ (Кол. III. 16, вразумляюще сѣбѣ самѣхъ, Остр. и Первоп. такъ же) и самѣхъ (см. выше). У М. Смотрицкаго простыя формы: м. и ж. р. сѣмы, ср. сѣма.

Творительный въ текстѣ библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго простая форма самѣми для ж. и ср. родовъ, въ муж. самѣмъ — очевидная опечатка.

Предложный м. р. встрѣчается только въ простой формѣ — самѣхъ (Римл. I. 24, въ сѣбѣ самѣхъ. Остр. самѣхъ, Первоп. самѣхъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ также самѣхъ. Кромѣ того имѣется и вторичная форма самѣхъ (Ис. V. 21, Остр. друг. текстъ).

Изъ другихъ мѣстоименій съ основой на о- укажемъ еще на нѣкоторыя формы, уклоняющіяся отъ старославянскаго или чѣмъ-нибудь замѣчательныя. Такъ морфологической ассимиляціей къ остальнымъ падежамъ объясняется творит. ед. отъ мѣстоименія вопросительнаго кто (стел. кѣто) — кѣмъ (Л. XIV. 8, Остр. кѣмъ, стел. чѣмъ). Путемъ „аналогіи“ здѣсь возстановлено к, сохранившееся въ другихъ падежахъ въ силу особыхъ фонетическихъ условій.

Другимъ факторомъ въ образованіи данной формы весьма вѣроятно была параллельная форма чѣмъ, отвѣчающая стел. чѣмъ; не безъ вліянія оставались и формы творит. ед. прочихъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ сѣмъ, ѣмъ и т. д. Процессъ морфологической ассимиляціи здѣсь такимъ образомъ сложнѣе, чѣмъ тотъ, результатомъ котораго является соответственная русская форма *къмъ*. Мѣстоименія *ѣкъ*, такъ склоняются, какъ и другія мѣстоименныя основы на о-, разсмотрѣнныя выше: тв. ед. м. р. *ѣкъмъ* (Іоан. V. 4, Остр. *ѣкъмъ*), р. мн. *ѣкъхъ* (Мр. IX. 3, Остр. *ѣкъхъ*, Первоп. *ѣкъхъ*), та^ѣкъхъ (тамъ же X. 14, Остр. та^ѣкъ^x, Первоп. какъ въ Новой).

Склоненіе числительныхъ два, ѿба въ общемъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій.

Им. м. р. двà (Быт. II. 24), вин. м. р. двà (Быт. XXXIV. 25). Ср. р. им. двѣ (I. XXI. 8, двѣ стѣ), но рядомъ встрѣчается и форма муж. р., какъ въ русскомъ, влияніемъ котораго она и объясняется: вин. двà свѣтила (Быт. I. 16, Остр. и Перв. еще двѣ свѣтилѣ); ж. р. им. двѣ жены (2 Макк. VI. 10), вин. двѣ жены (Быт. IV. 19, Остр. и Первоп. двѣ женѣ). У Мел. Смотрицкаго для муж. и средн. рода двà (л. 154 и 155), для женскаго двѣ. У Зизанія для муж. р. двà (л. 41 на обор.), женск. р. двѣ, ср. р. двѣе (л. 42).

Родительный м. р. двѣ сынѣвъ (Быт. XXXVШ. 11, Остр. двѣ), ср. р. двѣ стѣ (Лезек. XLVШ. 17, Остр. двѣ стѣ). Предложный м. р. на двѣ дворѣхъ (4 Цств. XXI. 5, Остр. на двѣ дворѣ). Въ стел. чаще форма двѣю отъ двоѣ, двѣю, основы на jо-. Примѣры этой послѣдней формы: ѿ двоѣ дрѣвѣ (Ис. VII. 4, Остр. двоѣу дрѣвесѣ, Первоп. двоѣу дрѣвесѣ), по двоѣ же днѣ (Іоан. IV. 43, Остр. двою, Первоп. двою), по двоѣу лѣтѣ (Быт. XLI. 1, Остр. другой текетѣ), по двоѣу дворѣ (4 Цств. XXШ. 12, Остр. въ двою, Первоп. двою). Рядомъ имѣется вторичная, заимствованная изъ русскаго форма съ окончаніемъ множ. числа: двѣхъ (род. м. р. I. Ездры X. 13, Остр. и Первоп. двѣ, Ис. VII. 16, Остр. двою, Первоп. двою, предложный м. рода Суд. X. 4: на тридѣсати двѣхъ ѡслѣхъ, Остр. на ѿ ѡслѣхъ). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ двою (л. 41—42). Та же форма и у Мелет. Смотрицкаго для муж. рода: двою (л. 154), для сред. двою (л. 155) и для женскаго двѣю (л. 154 на об.). Дифференціація эта произвольна, какъ указываютъ приведенные выше примѣры изъ Библии. Въ Новой и Первопечатной безразлично имѣется только двою для муж. и сред., а въ Острожской двою. Форма же двѣю не встрѣчается.

Дательный и творительный. Для всѣхъ родовъ двѣма (стел. двѣма): дат. муж. рода двѣма (Мр. XVI. 12, Остр. двѣма, Первоп. двѣма), твор. ср. р. двѣма стома (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Первоп. двѣма), ж. р. двѣма вѣщи (Евр. VI. 18, Остр. двѣма вѣщима), м. р. двѣма таланты (3. Цств. XVI. 24, Остр. двѣма талантѣма). Рядомъ имѣется вторичная форма дат.

множ., заимствованная очевидно изъ русскаго: двѣмъ рабынамъ (Быт. XXXIII. 1, Остр. род. дв. двѣ) и объясняющаяся морфологической ассимиляціей къ вторичной же формѣ двѣхъ. I. Н. XIV. ст. 3, имѣемъ форму родит. дв. въ значеніи дат. дв. ср. р.: дадѣ... двѣ племенѣмъ (Остр. двема̀ племенѣ̀, Первоп. двѣма̀ племенѣ̀мъ). У Мелет. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ: двѣма̀ (л. 154 и 155).

У Визанія дифференціація по ударенію: муж. и жен. двѣма̀ (л. 41—42), ср. двѣма.

Такъ же склоняется Ѡба: им. м. р. Ѡба (Быт. II, 25), им. ж. р. Ѡбѣ (дщери Лѣтовы. Быт. XIX. 36), вин. м. р. Ѡба (Быт. XL. 2), ср. р. на Ѡба ра̀мена (Исх. XXXVI), подъ влияніемъ тождества им. вин. зв. м. и ср. рода въ именномъ склоненіи (основъ на о-), вмѣсто Ѡбѣ (Остр. и Перв. еще Ѡбѣ ра̀мѣ); но Ѡбѣ ра̀мѣ (Быт. IX. 23); вин. жен. р. Ѡбѣ странѣ (Исх. XXVIII. 7): стел. м. оба, ж. и ср. обѣ.

Родительный и предложный только отъ основы на jo- *Ѡбо́й, какъ и въ стел.: р. м. р. Ѡ бою̀ (I. Сир. XXII. 5, Остр. обю̀ю, Первоп. обю̀ю), предл. м. р. Ѡ бою̀ю̀ вратѣ̀ (Матѣ. XX. 24, Остр. Ѡбою̀, Первоп. Ѡбою̀ю̀): стел. обою̀.

Дательный и творительный, какъ въ старославянскомъ: д. м. р. Ѡбѣма̀ вратома̀ (Быт. IX. 22, Остр. Ѡбѣма̀, Перв. Ѡбѣма̀, Быт. III. 7, Апок. XI. 3, Остр. Ѡбѣма̀, Перв. Ѡбѣма̀ и т. д.); творит. м. р. Ѡбѣма̀ (Быт. XXXII. 22): стел. обѣма̀.

У М. Смотрицкаго находимъ своеобразныя педантскія попытки дифференцировать различные роды въ склоненіи данныхъ числительныхъ: муж. рода Ѡба, Ѡбою̀ (NB. удареніе), Ѡбо́ма (NB. л. 152 на обор.), ср. р. Ѡба, Ѡбою̀, Ѡбоима (безъ ударенія, л. 153), но ж. р. Ѡбѣ (пропущено), Ѡбѣю̀ (NB.), Ѡбѣма̀. Въ языкѣ Библии эти попытки не находятъ оправданія.

Основы мѣстоименныя на jo-. Склоненіе мѣстоименія *ѣ, ѣа̀, ѣ не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ старославянскаго. Въ именительномъ падежѣ всѣхъ трехъ чиселъ первичныя формы утрачены; сохранились онѣ только въ сочетаніи съ частицей же: ед. чис. ѣже (Второзак. XXV. 19), ѣа̀же (Быт. I. 7, 9), ѣже (Быт.

II. 16), множ. ч. ѿже (2 Ездры II. 6), ж. р. ѿже (Матѳ. XXV. 1), съ ѿ=ѿ, ср. р. ѿже (I. XXI. 25), стел. ед. ч. н, ѿ, ѿ, мн. ч. н, ѿ, ѿ. Вмѣсто этихъ формъ находимъ соотвѣтственныя формы другаго указат. мѣстоименія онъ (напр. у Зизанія л. 45).

Родительный ед. М. р. ѿгѡ (Быт. II. 7, стел. ѿго), ж. р. ѿѡ (В. XII. 6, стел. ѿю). У М. Смотрицкаго такъ же (л. 178).

Дательный. М. р. ѿмѡ (Матѳ. XXII. 19, стел. ѿмоу), ж. р. ѿѡ (В. XXIV. 17, стел. ѿю). М. См. ѿмоу, ѿѡ (I. с.).

Винительный. М. р. ѡ, довольно часто (Быт. XXXII. 8—пѡлкѡ, Исх. II. 35—ковчѣжецѡ, Исх. XXIV. 21—священника Азарію, Ис. XXXIII. 7—нищаго) въ значеніи личногъ и предметногъ. Въ первомъ значеніи весьма часто имѣется обычная замѣна формой род. ед. съ графической дифференціаціей: ѡ возвѣтъ ѿгѡ ѡ мѣста ѿгѡ (Іов. XXVII. 21, Остр. въ обоихъ случаяхъ ѿго, Первop. уже ѿгѡ... ѿгѡ, ср. также М. XXVII. 35: распѣншіи же ѿгѡ, раздѣлиша рѣзы ѿгѡ, Остр. въ обоихъ случаяхъ ѿго, Первop. ѿгѡ—ѿгѡ). Обѣ формы нерѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: ѡспытайте ѡ ѡки вертѣпѡ, ѡ погѡбите ѿгѡ (Іерем. L. 26, Остр. другою текстъ); повѣрѡзи ѿгѡ на зѣмлю. ѡ верже ѡ на зѣмлю (Исх. IV. 3, Остр. ѿго... ѡ, Первop. ѿгѡ... ѡ). Женск. рода—ѡ (М. I. 19, В. XXXII. 8 и т. д.). Ср. р.—ѡ (М. V. 29, Исх. II. 6 и т. д.): стел. н, ѡ, ѡ. У М. См. ѿгѡ, ѡ, ѡ, ѡ (л. 178).

Творительный. М. р. прѣднѡмѡ (Л. I. 17, стел. нмѡ), М. См. ѡмѡ; ж. р. ѡю (Быт. I. 28, стел. ѡю), М. См. такъ же.

Предложный. М. р. на нѡмѡ (М. XII. 18, стел. ѡмѡ); ж. р. въ нѡѡ (М. I. 20, стел. ѡю). У М. См. ѡ ѡмѡ, ѡ ѡѡ рядомъ съ ѡ нѡмѡ, ѡ нѡѡ.

Двойственное число. Именительный не встрѣчается. Формы им. и вин. дв., приводимыя М. Смотр. (л. 178) м. и ср. ѡ, ж. ѡ, ничѡмъ не подтверждаются въ текстѣ Библии и являются однимъ изъ примѣровъ чисто теоретическихъ педантскихъ построеній этого грамматика. Родительный: м. р. ѡю (М. XXI. 3, VШ. 30: — ѡ нѡю, Л. XV. 12 и т. д., стел. ѡю). Дательный. М. р. ѡма (Іис. Сир. VII. 30, Лев. X. 1), ж. р. ѡма (Матѳ. XXVШ. 10, 11): стел. нма. Винительный двойственного за-

мѣненъ винительнымъ множественнаго: м. р. ѡ̃ (Мр. I. 20 Іакова и Іоанна: стел. ѡ̃, Остр. и Перв. ѡ̃), ж. р. ѡ̃ (Матѳ. XXVIII. 9, Руѳъ I. 9, 1 Цств. VI. 10 Остр. и Перв. ѡ̃). Въ м. р. ѡ̃ можетъ еще отвѣчать стел. вин. дв. ѡ̃, но въ женскомъ мы ожидали бы *ѡ̃ (стел. ѡ̃); такъ какъ церковнославянская орѳографія сохраняетъ написаніе ѡ̃, положимъ въ им. ж. р. ѡ̃же (стел. ѡ̃), то и въ вин. дв. м. р. слѣдовало бы ожидать написаній съ ѡ̃. вмѣсто нихъ однако мы имѣемъ такое же написаніе съ ѡ̃, какъ въ винительномъ множественнаго ѡ̃=стел. ѡ̃, такъ что и вин. дв. м. р. ѡ̃ можетъ быть разсматриваемъ какъ вин. множ.

Творительный м. р.: съ нѣма (Лук. XXIV. 15, стел. нма).

Множественное число. Именительный не встрѣчается. Родительный не уклоняется отъ старославянскаго: ѡ̃хъ (Быт. XLIII. 24, мужеск. рода стел. нхъ). Дательный также: ѡ̃мъ (М. II. 13. м. р., Л. XXIV. 4, 5. ж. р.). Винительный м. р. какъ въ старославянскомъ: ѡ̃ (Быт. XXV. 6, Ам. IX. 2, 3, стел. ѡ̃), ж. р. также ѡ̃ (свѣзды В. I. 17, стел. ѡ̃), ср. р. ѡ̃ вмѣсто *ѡ̃ (Быт. XV. 10, стел. ѡ̃). Рядомъ имѣются случаи синтактической замѣны родительнымъ: ѡ̃хъ (м. р. М. XXI. 14, 41, Остр. ѡ̃хъ, ѡ̃, ж. р. Мр. XVI. 8, Остр. ѡ̃) и т. д. У М. Смотр. находимъ графическую дифференціацію для написаній тождественныхъ формъ вин. м., ж. и ср.: въ муж. и ср. ѡ̃а, въ ж. ѡ̃. Творительный: м. р. съ нѣми (В. XIX. 5, стел. нми), ж. р. прѣдѣнми (Лук. XXIV. 4, стел. нми) и т. д. Предложный муж. р. въ нѣхъ (Лук. XXII. 24, стел. нхъ).

Такъ же мало измѣнилось склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій мѡй, твѡй, свой.

Единственное число. Именительный м. р. мѡй (Матѳ. III. 17, стел. мѡй), ж. р. мѡѡ̃ (Быт. XLIX. 3, стел. мѡѡ̃), ср. р. мѡѡ̃ (Іов. XXIII. 2, стел. мѡѡ̃).

Родительный м. р. мѡѡ̃ (Быт. XLVI. 31, стел. мѡѡ̃го), ср. р. такъ же (Іов. XXIII. 2), ж. р. мѡѡ̃ѡ̃ (тамъ же, стел. мѡѡ̃ѡ̃). Дательный м. р. твѡѡ̃мъ (Пс. V. 8, стел. твѡѡ̃ѡ̃мъ), ср. р. такъ же (Пс. XLIV. 13), ж. р. своѡ̃ѡ̃ (Исх. XXI. 26, 27, стел. своѡ̃ѡ̃). Винительный м. р. мѡй (Іерем. VI. 19, стел.

мой), ср. р. твоё (Исх. IV. 6, стел. твоё), ж. р. твою (Руѳ Ш. 10, стел. твоѳ). Случай синтактической замѣны винит. м. р. формой родительнаго: посылаю Яггѳла моего (Мр. I. 2, Остр. моего, Первоп. моего: графическая дифференціація въ Первопечатной библии проведена не послѣдовательно) и т. д. У М. См. приводится только одна форма родит. винит. (л. 170). Творительный м. р. моймъ (Быт. XLVIII. 32, стел. монмъ), ср. р. такъ же (Перем. XX. 8), ж. р. своёю (1 Цств. II. 10, стел. своѳж). Предложный м. р. моёмъ (Эккл. II. 10, стел. моюемъ), ср. р. такъ же (Пс. XXIX. 7), но моёмъ (3 Езд. XIII. 16, Остр. моёмъ, Перв. моёмъ), ж. р. моёй (Руѳ I. 11, стел. моюен).

Двойственное число. И. м. р. твоѳ (Пѣснь П. IV. 5, VII. 3: два сосца—, стел. твоѳ), вин. м. р. моѳ (Римл. XVI. 3) и т. д. им. ж. р. мой (Пс. XVII. 37, стел. мон), вин. ж. р. въ рѳцѳ мой (Быт. XXXIX. 8) и т. д. им. ср. р. Очи мой (Пс. CXL. 8, стел. мон), вин. ср. р. возмѳ крилѳ мой (Пс. CXXXVIII. 9) и т. д. У М. Смотр. находимъ формы им. ж. р. моѳ (л. 170 на об.), твоѳ (л. 171 на об.), своѳ (л. 172 на о.), которыя, можетъ быть, были вызваны народными формами им. множ. моѳ, своѳ.

Родительный и предложный: предл. ср. р. во ѳчию моёю (Перем. VII. 30, стел. моюю), родит. ѳ ѳчию моёю (Быт. XXXI. 40), р. ж. р. ѳ рѳкѳ моёю (Быт. XXXIII. 10) и т. д. У Зизанія моёю и твоёю. Сюда же надо отнести и формы моѳ, твоѳ, которыя у него, вѣроятно, ошибочно отнесены къ им. вин. зв. (л. 46).

Дательный и творительный: дат. муж. р. свидѣтелема мойма (Апок. XI. 3, стел. монма), тв. ж. р. рѳкама мойма (Пс. LXXVI. 3), тв. ср. р. ѳчима свойма (Лев. XX. 4), дат. ср. р. ѳчима мойма (Пс. CXXXI. 4) и т. д.

Множественное число. Именительный муж. род. мой (Быт. XXXI. 43, стел. мон), ж. р. моѳ (тамъ же), ср. р. моѳ (тамъ же). Графическая дифференціація двухъ послѣднихъ написаній иногда достигается употребленіемъ разныхъ знаковъ для обозначенія ударенія ` и ^, но проведена она далеко не послѣдовательно, такъ что является почти исключеніемъ: беззакѳннѳ моѳ (Пс.

XXXVШ. 5) и раны моѡ (тамъ же, 6), оустѡ моѡ (Пс. XXXIX. 4), чѡдеса твоѡ (тамъ же, 6) и т. д. Въ среднемъ родѣ слѣдовало бы ожидать написаній съ ѡ (стел. ж. моѡ, ср. моѡ), но такъ какъ вообще знакъ ѡ въ церковнослав. графикѣ получилъ значеніе = а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ или j, то формы им. ж. р. и ср. р. въ ней совпали совершенно. Иногда встрѣчается форма м. р., вмѣсто ж. или ср.: житницы твоѡ (Второз. XXVIII. 5, 17, Остр. гѡмна твоѡ, Первоп. такъ же), въ чемъ надо видѣть вліяніе русскаго языка.

Родительный м. род. моѡхъ (Ч. XXIII. 11), ж. р. такъ же (Іов. 34): стел. монхъ.

Дательный м. р. своѡмъ (Быт. XLIX. 33), ж. р. моѡмъ (Пс. LVI. 7) и т. д.: стел. монмъ.

Винительный м. р. моѡ (Быт. XXVI. 5), ср. и ж. р. такъ же (тамъ же): стел. м. и ж. моѡ, ср. моѡ.

Синтаксическая замѣна родительнымъ въ м. родѣ: двоѡхъ сынѡвъ моѡхъ оубѡй (Быт. XLII. 37, Остр. сѡна моѡ ѡба, Первоп. такъ же—моѡ), но люди твоѡ (Пс. LXXVI. 21), сыны твоѡ (Пс. CXLVII. 2). Иногда встрѣчаются формы им. вин. зв. ср. рода вмѣсто вин. множ. того же рода: рѡмы своѡ (Быт. XLIX. 15, Остр. рѡмѡ своѡ, Первоп. такъ же), но рѡмы своѡ (Исх. XII. 34, Остр. и Перв. также); у Зизанія вин. м. р. моѡ, твоѡ (л. 46 на об.), ж. и ср. моѡ, твоѡ (л. 47); такая неправильность объясняется просто подстановкой формы множ. ч. существительнаго на мѣсто формы двойственнаго ч., при чемъ слабость языковаго чутья въ области целав. съ одной стороны и вліяніе роднаго языка съ другой помѣшали сдѣлать такую же замѣну и съ мѣстоименіемъ.

Звательный м. р. заимствуетъ форму винит. множ.: братіе моѡ (Іак. V. 12).

Творительный м. р. моѡми (Б. XLIX. 29), ж. р. (Пс. VI. 7) и ср. (Іер. I. 12) такъ же; стел. монми.

Предложный м. р. твоѡхъ (Іов. XXII. 28), ж. р. своѡхъ (Іер. XXIII. 32), ср. р. моѡхъ (Быт. XXX. 3): стел. монхъ.

Точно такъ же склоняются и мѣстоименія чѡй, нѡшъ (стел. нашъ), вѡшъ (стел. вашъ). Извѣстныя особенности представляютъ только

нѣкоторые падежи множ. числа послѣднихъ двухъ мѣстоименій. Такъ, въ именительномъ множ. м. р., рядомъ съ „правильной“ формой на́ши, ва́ши (Быт. XLVI. 34, Исх. XII. 26, Остр. и Перв. ва́ша), встрѣчается форма винит. множ. ва́ша (скóти ва́ша, Второз. III. 19), употребленная какъ именительный. Встрѣчается также вмѣсто формы именит. множ. ж. р. форма, тождественная, какъ въ русскомъ, съ именит. мн. м. р. и которая въ сущности есть именит. двойств. ж. р.: „ѡмьнотса но́ги ва́ши (Быт. XVIII. 4, Остр. ноги ваша, Перв. но́ги ваша), но винит. мн. но́ги ва́ша (Быт. XIX. 2, Остр. нозѣ ваши. Перв. нозѣ ва́ши). Что касается именит. множ. ср. рода, то надо замѣтить графическую дифференціацію его съ одинаково звучащей формой им. мн. ж. р.: конечный гласный а, соответствующій въ ср. р. стел. -а, въ ж. -а, обозначается помощью а въ первомъ случаѣ (лица на́ша: Дан. I. 13, Остр. ѡзрачи на́ша, Первоч. ѡзрачи на́шы; Быт. XXXIV. 23. ...на́ша... вѣдѣтъ, Остр. ед. ч., Прем. Сол. IX. 14. о́умышлѣніа на́ша, Остр. на́ша, Первоч. такъ же), а во второмъ (рѣки на́ша: 1 Иоан. I. 1, Остр. и Первоч. на́ша). Дифференціація эта послѣдовательно проведена только въ Новой библіи, въ Остр. и Первоч. она отсутствуетъ.

Дательный въ написаніи отличается отъ старосл. окончаніемъ -ымз, что объясняется непалатальностью ш: на́шымз (Прем. Сол. II. 12, ср. р., Остр. на́шимз, Первоч. на́шымз, Быт. I. 24, м. р., Остр. нашѣ, Перв. на́шымз), ва́шымз (Исх. XII. 24, м. р., Остр. ва́шимз, Первоч. такъ же): стел. нашимъ, ва́шимъ.

Въ написаніяхъ другихъ падежей однако эта непалатальность ш почти не даетъ себя чувствовать. Сверхъ непалатальности ш, т. е. причины фонетической, въ происхожденіи подобныхъ написаній могла играть роль и причина морфологическая — уподобляющее вліяніе дат. множ. сложныхъ именъ прилагательныхъ съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ, какъ дѡбрымз и т. д.

Винительный множ. м. р. представляетъ двѣ формы — исконную: ва́ша (стел. ва́ша, Исх. III. 22, Остр. ва́ша, Первоч. такъ же, Быт. XLVII. 16: скоты ва́ша, Остр. ед. ч. и т. д.) и форму именит. множ. ва́ши, какъ въ русскомъ (Быт. I. 21,

дѣлы вѣши, Остр. вѣша, Первоп. такъ же, Иерем. V. 17, хлѣбы вѣши, Остр. хлѣбъ твои), которая, въ силу неспалатальности ш, передается иногда написаніемъ вѣшы (помѣе пророки вѣшы—Иерем. II. 30, Остр. вѣша, Первоп. такъ же). Какъ видно изъ цитать, форма эта, вдобавокъ очень рѣдкая, является только въ Новой библіи и такимъ образомъ должна быть отнесена на счетъ вліянія русскаго языка. Остальные падежи не представляютъ ничего особеннаго. У М. См. находимъ формы им. дв. ч. ж. р., не оправдываемыя библейскимъ текстомъ и вызванныя педантическимъ и произвольнымъ стремленіемъ исправлять языкъ: нѣшѣ (л. 176), вѣшѣ (л. 177 на обор.). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ нѣша (л. 48).

Мѣстоименіе чій имѣется только въ нѣкоторыхъ формахъ: Ед. ч. им. м. р. чій (Быт. XXXII. 17), ж. р. чіѣ (Б. XXIV. 23, удареніе какъ въ русскомъ. Остр. такъ же).

Р. ср. р. чіегѡ (Иов. XXXVIII. 29, Остр. чіего, Первоп. какъ въ Нов.), ж. р. чіеѣ (1 Цств. XII. 4, Остр. ничіеѣ, Первоп. ничіеѣ).

Тв. ср. р. чіимъ (2 Ездры VI. 4, 11, Остр. им. ср. чіе, Первоп. чіе).

Пр. ср. р. чіемъ (I. Сир. XXIV. 7, Остр. друг. текстъ).

Им. мн. ср. р. чіѣ (Быт. XXXII. 17, Остр. чіе).

Такъ же, какъ мой, склоняются числительныя двѣи, ѡвѣи, трѣи, имѣющіяся главнымъ образомъ въ формахъ множ. числа.

Именительный множ. м. род. двѣи лѡдѣе (Быт. XXV. 23, Остр. и Первоп. такъ же), им. мн. ср. р. вратѣ трѣѡмъ (Иез. XLVIII. 31—34).

Родительный мн. ж. род.: двѡиѡмъ рабынѣ (Быт. XXXI. 33, Остр. и Первоп. ѡвѡи рабынѣ).

Дательный мн. м. р.: двѡимъ ѡношамъ (I. Нав. VI. 21, Остр. и Первоп. двѣмъ же ѡношамъ).

Винительный мн. ж. род. двѣи двѣри (3 Цств. VI. 32, Остр. двѡмъ, Первоп. такъ же), двѣи рѣзы (Суд. XVII. 10, Остр. двоѣ рѣзы, Первоп. какъ въ Новой), форма эта тождественна съ им. дв. ж. р., но въ то же время можетъ быть вызвана вліяніемъ рус-

скихъ формъ; ср. р. двѡа сѣ слышахъ (Пс. ХLI. 12, Остр. вин. ед. двое сѣ, Первоп. двѡа сѣа).

Предложный м. род. двоихъ вертепахъ (3 Цств. XVШ. 4, Остр. двою вртѣпѡ, Первоп. двою вертѣпѡ).

Какъ именит. ср. р. ед. числа слѣдуетъ разсматривать форму двѡе Ослѣтъ (Суд. XIX. 3, Остр. такъ же), винит. ед. ср. р. на двѡе (Лев. XI. 3, 4, Остр. съ русскимъ удареніемъ нѣдвое, Первоп. такъ же), также двѡе же ми сотвориши (Гов. ХШ. 20).

Такія же почти отношенія представляеть склоненіе ѡвоѡ.

Единственное число. Родительный ср. род. ѡвоегѡ (2 Макк. VШ. 22, Остр. другой текстъ, Притчи С. XXVII. 3, Остр. ѡвоѡго, Первоп. ѡвоегѡ).

Множественное число. Именительный м. р. ѡвоѡ (2 Макк. X. 28, Остр. ѡвоѡ, Первоп. такъ же), ср. р. ѡвоѡ пѡлны (Числ. VII. 13, 19, 25 и т. д. Остр. ѡвоѡе, Первоп. ѡвоѡе; Притчи XX. 10, 12, Остр. ѡвоѡ, Первоп. ѡвоѡ).

Родительный м. род. ѡвоихъ (Іоан. I. 40, Остр. ѡвою, Первоп. ѡвою; вм. вин.: Тов. VIII. 13, Остр. друг. текстъ. Ефес. II. 16, Остр. ѡвоихъ, Первоп. ѡвоихъ).

Дательный м. род. ѡвоимъ двѡмъ оугламъ (Исх. XXVI. 24, Остр. ѡвѣма оуглома, Первоп. ѡвѣма, 3 Цств. VI. 25).

Винительный м. род. см. родит., ср. р. за ѡвоѡ (Прем. Сол. XIV. 30, Остр. друг. текстъ).

Творительный м. род. наѡ ѡвѣими столпѡми (3 Цств. VII. 20, Остр. гл. VI другой текстъ), ж. р. со ѡвѣими верѣѡми (Суд. XVI. 3, Остр. м. р. ѡвѣѡма повѡѡма, Первоп. ѡвѣѡма пѡвѡѡма), безъ того различенія между этими двумя видами основы, какое имѣется въ русскомъ (не всегда и не вездѣ).

Предложный м. р. на ѡвоихъ краехъ (Исх. XXVI. 19, 21, Остр. и Первоп. ѡвою концѡ), на ѡвѣихъ столпѣхъ (3 Цств. VII. 42, Остр. гл. VI. на ѡвѣ столпѣхъ, Первоп. на ѡвѣхъ...), ср. р. во ѡвоихъ оушесѣхъ (1 Цств. III. 11, Остр. им. дв.), во ѡвоихъ (Ис. Сир. ХLI. 17, Остр. ѡ ѡвою), ж. р. на ѡвоихъ дверѡхъ (3 Цств. VI. 34, Остр. другой текстъ). Основы овоѡ- и овѣѡ- употребляются, какъ видно изъ примѣровъ, безъ всякаго отно-

шенія къ роду; послѣдняя очевидно внесена изъ русскаго языка и въ Остр. библии встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. У М. Смотрицкаго даже нѣтъ второй основы, вызванной вліяніемъ именит. двойств. ж. и ср. рода **обѣ**. Склоненіе первой основы во множ. ч. представляется у него въ такомъ видѣ:

И. м. р. **обои** (удареніе?), ж. р. **ѡвоѡ**, ср. **ѡвоѡ**.

Р. **ѡвоиѡхъ** **ѡвоиѡхъ** (съ другимъ акцентомъ).

Д. **ѡвоиѡмъ** **ѡвоиѡмъ** **ѡвоиѡмъ**

В. **ѡвоѡ** **ѡвоѡ**

Зв. **ѡ обои** (удареніе?) — **ѡ ѡвоѡ**

Тв. во всѣхъ родахъ **ѡвоиѡми**

Предл. **ѡ ѡвоиѡхъ** **ѡвоиѡхъ** **ѡвоиѡхъ** (л. 152 на

об. и 153).

Различной акцентуаціи тождественныхъ формъ едва ли можно придавать какое нибудь значеніе, кромѣ произвольной попытки дифференцировать одинаковыя формы.

Сложное мѣстоименіе **кѡи** (стсл. **кѡи**), **кѡѡ** (стсл. **кѡѡ**), **кѡѡ** (стсл. **кѡѡ**) въ косвенныхъ падежахъ представляло въ стслав. двѣ основы **кѡ-** и **коѡ-**, которыя могутъ быть выдѣлены и въ церковнославянскихъ формахъ.

Единственное число. Им. ед. м. р. **кѡи** или **кѡи** (Второз. XX. 5. 7, Остр. др. текстъ. Быт. XXXI. 36, Остр. др. текстъ, М. XXI. 31, Остр. **кѡи**, Первоп. **кѡи**, Д. XXII. 24, Остр. **кѡи**), ж. р. **кѡѡ** (М. XVI. 26, Остр. **кѡѡ**, Первоп. **кѡѡ**), ср. р. **кѡѡ** (1 Цств. XVIII. 18, Д. Ап. VII. 49, Остр. и Первоп. такъ же). У М. См. **кѡи**, **кѡѡ**, **кѡѡ** (л. 173 на об., 174). Въ Остр. библии встрѣчается чисто русскій именительный ед. м. р. **кои** (3 Макк. IV. 3, Первоп. **кѡи**), въ основѣ котораго лежитъ стсл. **кѡи**.

Родительный м. и ср. р. **кѡѡгѡ** (стсл. **кѡѡгѡ**: м. р. I. Сир. XXXIV. 24, Остр. **кѡѡгѡ**, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. Тов. V. 9. 11, Остр. др. текстъ, Неем. II. 6, Остр. **кѡѡгѡ**, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. **кѡѡѡ** (стсл. **кѡѡѡ**, Иона I. 8, Остр. **кѡѡѡ**, Первоп. **кѡѡѡ**, Д. Ап. XXIII. 34, Остр. **кѡѡѡ**, Первоп. **кѡѡѡ**) и **кѡѡѡ** (Д. Ап. X. 29, Остр. др. текстъ). Удареніе **кѡѡѡ**

вѣроятно позднѣйшаго происхожденія и вызвано уподобленіемъ къ другимъ падежамъ, гдѣ удареніе находится на основѣ. Ср. акцентуацію *моєѡ* (см. выше), а также формы Первонечатной библии *коєѡ*, приведенныя выше. У М. Смотр. м. и ср. *коєгѡ*, ж. *коєѡ* (1. с.).

Дательный м. и ср. р. *коємѡ* (стел. *коємоу*: м. р. Лев. XXI. 17, Остр. *коємѡ*, Первон. *коємѡ*), ж. р. *коєй* (Мр. IV. 30, Остр. *коєй*, Первон. *коєй*, стел. *коєи*). У М. Смотр. м. и ср. *коємѡ*, ж. *коєй* (1. с.).

Винительный м. рода *кій* (Д. Ап. VII. 49, Остр. *кїи*, Первон. *кїй*, стел. *кїй*), ж. р. *кїю* (стел. чаще *коєж*; Д. Ап. XXII. 24, Остр. *кїю*, Первон. какъ въ Новой), ср. р. *коє* (Іов. XXVII. 10, Остр. *коє*, Первон. какъ въ Новой); у М. Смотр. въ м. р. только форма родит. вм. винит. *коєго* (см. также Тов. I. 17, 18, Остр. другой *текетъ*), ж. *коїю*, ср. *коє*.

Творительный м. р. *кїимъ* (стел. *кїимь*, 3 Цств. XIII. 12, Остр. *кїимъ*, Первон. какъ въ Новой, 4 Цств. III. 8, Остр. *коїмъ*, Перв. *коїмъ*), ср. р. *коїмъ* (Д. Ап. IV. 7, Остр. *коїмъ*, Первон. *коїмъ*, Остр. Д. Ап. X. 29 *кої* словѣ; 1 Кор. XV. 35, Остр. *коїмже*, Первон. *коїмже*) и *кїимъ* (Дан. XIII. 58, Остр. *кїимъ*, Первон. *кїимъ*); ж. р. *коєю* (стел. *коєж*, М. XXI. 23, 24, 27, Остр. *коєю*. Первон. *коєю*, Д. Ап. IV. 7, Остр. *коєю*, Первон. *коєю*). Приведенныя формы замѣчательны въ отношеніи ударенія: въ Остр. библии оно имѣлось на окончаніи: *коїмъ*, *коєю*, въ Первонечатной уже *коїмъ*, но *коєю* (есть и *коєю*), въ Новой уже на основѣ *коїмъ*, *коєю*. У М. Смотр. м. и ср. *коїмъ*, ж. *коєю*.

Предложный м. и ср. р. *коємъ* (стел. *коєемъ*; сравн. ср. р. *нѣкоємъ* Второз. XXII. 6), у М. Смотр. такъ же; ж. р. *коєй* (стел. *коєи*; Іов. XXXVIII. 19, Остр. *коєи*, Первон. *коєй*); у М. Смотр. такъ же.

Двойственное число не имѣетъ примѣровъ въ текстѣ Библии.

Им. вин. зв. муж. рода долженъ быть *каѡ* (ср. два *нѣкаѡ* Л. VII. 18, вин. м. рода, Остр. *нѣкаѡ*, Первон. *нѣкаѡ*). или **коѡ* (ср. стел. *моѡ*), ж. и ср. **кои* (ср. стел. *мои*). У М.

Смотр. *кѣ* для м. и ср., *кѣ* для женскаго—формы, не оправдываемыя текстами.

Род. и предл. у М. Смотрицкаго *кѣю*, дат. и твор. *кѣма* и *кѣма* для всѣхъ трехъ родовъ (л. 173—174)—формы возможныя.

Множественное число. Именительный муж. рода представляеть вторичное образованіе, въ которомъ, подѣ влияніемъ остальныхъ падежей, возстановлено к: *кѣи* (стел. *цни*; Ис. LX. 8, Остр. *нѣци*, Первоп. *нѣци*, Иоан. VI. 64, Остр. *кѣѣ*); судя по формѣ *нѣци* (Неем. V. 2. 3, Остр. другой текстъ), мы должны были бы ожидать им. мн. м. р. **ци*, какого однако въ дѣйствительности не встрѣчается. У М. Смотрицкаго находимъ также только *кѣи* (л. 173 на обор.). Изрѣдка встрѣчается форма винит. множ., употребленная въ смыслѣ именительнаго: *кѣа сѣть*... (3 Ездры IV. 7, стел. *кѣа*. Остр. другой текстъ—*чѣѣ сѣть*). Въ женскомъ родѣ никакихъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ *ы=и*: *кѣа* (стел. *кѣа*, 3 Макк. IV. 3, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго такая же форма (л. 174). Въ среднемъ также: *кѣа плѣменѣ* (стел. *кѣа*; 3 Ездры III. 32, Остр. *каци гѣзыци*). У М. Смотрицкаго *кѣа* (л. 174 на об.)—форма, въ Библии не встрѣчающаяся.

Родительный м. р. *кѣихъ* (стел. *кѣихъ*; Иона I. 8, Остр. *кѣихъ*, Первоп. *кѣихъ* съ другимъ удареніемъ, чѣмъ въ Новой библ., Матѣ. XVII. 25, Остр. *кѣй*, Первоп. *кѣихъ*), а также *кѣихъ* (Юд. X. 12, Остр. друг. текстъ; вмѣсто винит. 3 Ездры V. 52, Остр. *кѣй*, Первоп. *кѣихъ*. Зографск. ев. Л. XXIV. 19 *кѣихъ*). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ только *кѣихъ* (л. с.).

Дательный не встрѣчается; судя по формѣ м. р. *нѣкѣимъ* (2 Макк. X. 18, Остр. *нѣкѣихъ*), онъ долженъ бы былъ имѣть форму *кѣимъ* (стел. *кѣимъ*). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ *кѣимъ* (л. с.).

Винительный м. р. слѣдовало бы ожидать *кѣа* (стел. *кѣа*. Ср. *нѣкѣа* и *нѣкѣа*. Д. Ап. IX. 2. 19, Остр. *нѣкѣа*, Первоп. *нѣкѣа*, а также вышеприведенную форму именит. множ. *кѣа*: 3 Ездры IV. 7). У М. Смотрицкаго *кѣа*. Обычныя синтактическія замѣны

формой родит. множ.: кѳнѳхъ (3 Ездры V. 52, см. выше, Евр. III. 17, Остр. кѳнѳже, Первop. кѳнѳхъ). Жѳенск. рода кѳл (стел. кѳл. Матѳ. XIX. 18, Остр. кѳл, Первop. кѳл). У М. Смотр. также кѳл (л. 174). Ср. рода должно бы бытъ кѳл (стел. кѳл), если заключать на основаніи формы кѳлждо (1 Парал. XXVI. 13, Остр. коѳждо, Первop. кѳлждо, 2 Макк. XIV. 9, Остр. кѳждо, Перв. такъ же). У М. Смотрицкаго мало вѳроятная форма кѳл (л. 174 на обор.).

Творительный въ Библии не встрѣчается. У М. Смотрицкаго для муж. и ж. р. коими и кѳими (стел. кѳими заставляло бы ожидать *кѳими), для ср. р. коими и кѳими.

Предложный м. р. кѳнѳхъ (стел. кѳнѳхъ; Юд. VIII. 15, Остр. другой текстъ, ср. также кѳнѳждо, 2 Макк. II, 29, Остр. коѳнѳждо, Первop. такъ же), ср. р. кѳнѳхъ (3 Ездры X. 38, Остр. коѳнѳхъ, Первop. кѳнѳхъ); ж. р. кѳнѳждо (2 Ездры I. 16, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицкаго для м. р. кѳнѳхъ, кѳнѳхъ, для ж. и ср. кѳѳ, кѳѳ.

Точно такъ же или почти такъ же склоняются различныя сложныя мѳстоименія, въ составъ которыхъ входятъ кѳй: нѳкѳй (довольно частыя формы), никѳйже (Л. XVI, 13), кѳйждо и т. д.

Относительно перваго изъ нихъ надо отмѣтить преобладаніе основы кѳ-; основа коѳо- въ Новой б. имѣется только въ род., дат., предл. единственнаго, во множественномъ числѣ она совсѣмъ не встрѣчается. Именительный множеств. ч. м. р. всегда—нѳцын (Мр. IX. 1, Остр. нѳцін, Первop. нѳцын); форма нѳкин встрѣчается только въ Остр. б. (3 Ездры XIII. 13, Первop. такъ же, Новая нѳцын). Винит. множ. м. р. нѳкѳл (2 Макк. IV. 32, Д. Ап. IX. 2. 19).

Слѣдуетъ отмѣтить еще нѳкоторыя формы съ „контракціей“ гласныхъ і-и: род. мн. муж. р. нѳкинѳхъ (Іов. XXII. 8, Остр. нѳкинѳхъ, Первop. нѳкинѳхъ, Л. IX. 7, Остр. нѳкѳхъ, Первop. нѳкинѳхъ, 1 Тимоѳ. V. 24, Остр. нѳкѳѳ, Первop. какъ въ Новой), рядомъ съ нѳкинѳхъ (2 Макк. IV. 8, Остр. друг. текстъ, X. 20, Остр. нѳкоѳнѳхъ, Первop. нѳкинѳхъ), дат. мн. м. р. нѳкимлз (Л. XXI. 5, Остр. нѳкоимлз, Первop. такъ же) и нѳкимлз (I. Тим. V. 24,

Остр. нѣкимже, Первоп. нѣкимъ же), рядомъ съ нѣкимъ (2 Макк. X. 18, Остр. другой текетъ).

Собственно „контракцію“ гласныхъ въ этихъ формахъ едва ли можно видѣть. Гораздо правдоподобнѣе объясненіе ихъ морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ отъ мѣстоименныхъ основъ на *jo-*, какъ *сѣхъ*, *сѣмъ*, *моѣхъ*, *моѣмъ*, *нѣхъ*, *нѣмъ* и т. д. Процессъ уподобленія имѣлъ приблизительно такое направленіе: если рядомъ съ *сѣи*, *моѣи*, *наши* и т. д. имѣются формы *сѣхъ*, *сѣмъ*; *моѣхъ*, *моѣмъ*; *нашихъ*, *нашимъ*, то и рядомъ съ *кѣи*, *нѣки* могутъ быть формы *кѣхъ*, *кѣмъ*, *нѣкихъ*, *нѣкимъ*. Такого же происхожденія должны быть приведенныя у М. Смотрицкаго (см. выше) формы твор. и предл.мнж. *кѣми*, *кѣхъ*.

Мѣстоименія *сѣи* (стел. *съ*, *сини*) и *что* (стел. *что*), первоначально основаны на *i-*, представляютъ въ своемъ склоненіи уже въ старославянскомъ характерныя черты мѣстоименныхъ основъ на *jo-*, которыя болѣе или менѣе сохраняются и въ церковнославянскомъ.

Мѣстоименіе *сѣи* уклоняется отъ старослав. главнымъ образомъ въ им. и вин. падежахъ ед. и мнж. числа. Склоненіе его представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единственное число. Именительный м. р. только въ сложной формѣ *сѣи* (стел. *сини*, простая *съ*; Быт. IV. 20. 21. 22, Остр. *сѣи*, Первоп. *сѣи*) или *сѣи* (очень рѣдко: Мр. XII. 16, Остр. *сѣи*, Первоп. *сѣи*). У М. Смотрицкаго *сѣи*, *сѣи* (л. 168 на обор.). У Зизанія *сѣи* (л. 49 на обор.). Простая форма совершенно исчезла. Въ ж. р. также одна сложная форма *сѣа* (стел. *си*, Быт. II. 4, Остр. *сѣа*, Л. II. 36, Остр. *сѣи*, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго *сѣа* и *сѣи* (л. 169). У Зизанія *сѣа* (л. 49 на обор.). Форма ж. р. *сѣи* въ текстѣ Новой библии совсѣмъ не встрѣчается. Средній родъ представляетъ обѣ формы: простую *сѣ* (очень рѣдко: Л. XVШ. 36 — *что оубо ѣсть сѣ*, Остр. *сѣ*, Первоп. *сѣ*, Исаія XXXVI. 6, въ смыслѣ нарѣчія *сѣ оуповѣши*, Иерем. V. 5), соответствующую стел. *се*, и сложную *сѣа* (Эккл. XI. 6, Остр. *сѣа*, Первоп. *сѣаи*), въ основѣ которой лежитъ форма **сѣjo-*. У М. Смотрицкаго одна сложная форма *сѣа*

(л. 169 на обор.). У Зизанія сіе. Можно отмѣтить разницу въ акцентуаціи Зизанія сіа, сіе, рядомъ съ общими сіа, сіе (л. 49 на обор.).

Родительный м. и ср. рода сегѡ (стел. сего; м. р. 1 Цств. IV. 16, Остр. сегѡ, Первоп. сегѡ, ср. р. Быт. II. 24, Остр. сегѡ, Первоп. сегѡ), ж. р. сѣа (стел. сѣж, Быт. XXI. 10, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго сегѡ, сѣа (л. с.).

Дательный м. р. сѣѡ (Лев. IV. 20, Остр. сѣѡ, Первоп. сѣѡ), ж. р. сѣй (Мр. XI. 23, Остр. сѣи, Первоп. сѣй): стел. сѣмоу, сѣн. У М. Смотрицкаго м. и ср. сѣмоу, ж. сѣй.

Винительный м. р. сѣй (Мс. XXXVI. 6, Остр. другой текстъ, стел. снн, съ), обычная замѣна родит. сегѡ (Іоан. VI. 27, Остр. сѣго, Первоп. сего), съ графической дифференціаціей. У М. Смотрицкаго только эта послѣдняя форма. Въ ж. родѣ сіѡ (стел. снж; Быт. XII. 7, Остр. и Первоп. какъ въ Новой). Въ ср. родѣ такія же двѣ формы, какъ въ именит.: простая сѣ (стел. сѣ; Лук. XIII. 8, ѿ сѣ лѣто, Остр. сѣ, Первоп. сѣ, Іоан. II. 22, сѣ глаголаше, Остр. сѣ Первоп. сѣ) и сложная сіе (Мр. I. 39, Остр. сѣ, Первоп. сѣ, Быт. XXXVIII. 23, Остр. другой текстъ). Какъ видно изъ цитатъ (ср. также выше формы именит. ср. р.), форма сѣ въ Остр. и Первоп. встрѣчается рѣже, чѣмъ простая и болѣе древняя сѣ, почти исчезнувшая напротивъ въ Новой. У Зизанія м. сегѡ, ж. сіѡ, ср. сіе (л. 49 на обор.).

Творительный м. и ср. р. сімъ (Ис. XXXVI. 7, Остр. сімъ, Первоп. сімъ м. р. Тов. VI. 8, ср. р.: стел. снмь); ж. р. сѣю (Числ. XIII. 18, Остр. и Первоп. такъ же, стел. сѣж). У М. Смотрицкаго м. и ср. р. сімъ, ж. сѣѡ, съ удареніемъ, вызваннымъ, очевидно, морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ, какъ сіа, сѣа, сіѡ. У Зизанія м. сѣ, ср. сімъ, ж. сѣѡ (л. 49 на обор.).

Предложный м. и ср. рода сѣмъ (М. р. Быт. VII. 1, Остр. сѣмъ, Первоп. сѣмъ; ср. р. Быт. XXIV. 9, Остр. другой текстъ, стел. сѣмь), ж. р. сѣй (Іоан. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же, стел. сѣн). У М. Смотрицкаго м. и ср. сѣмъ, ж. сѣй.

Двойственное число представлено, по обыкновенію, скудно.

Имѣется им. дв. ср. р. двѣ сѣ (Ис. XLVII. 9, Остр. двѣе тѣ) или двѣ сѣ (тамъ же ЛІ. 19, Остр. двѣе сѣ), если только это не имен. множ. ср. р., на что указываетъ множ. число глагола. Согласно съ старосл. мы ожидали бы формы *сѣи (стел. снн), которая въ текстѣ библіи не встрѣчается. Съ другой стороны приведенная форма сѣ тождественна съ ожидаемой формой именит. дв. м. р. (ср. стел. снм). У М. Смотрицкаго для муж. и ср. р. находимъ дѣйствительно одну форму сѣ (л. 169 на обѣихъ сторонахъ), для ж. построенную по образцу обѣ и т. д., невозможную форму сѣ. У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ сѣм и сѣю (л. 49 на обор.).

Родительный двойств. м. р. сѣю (Д. Апост. І. 24, Остр. сѣю, Первоп. сѣю), ср. р. такъ же (Матѣ. V. 37, Остр. и Первоп. сѣю). Рядомъ имѣется предложный ж. р. сѣю, уклоняющійся отъ стел. сѣю подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ имѣется основа сѣю-Матѣ. XXII. 40: въ сѣю сѣюю заповѣдио... Остр. всѣю, Первоп. ѣ сѣю). У Зизанія для всѣхъ родовъ сѣю (л. 49 на обор.).

Дательный м. р. сѣма (Д. Ап. IV. 16, Остр. и Первоп. такъ же, стел. снма). У Зизанія сѣма (л. 49 на обор.).

Множественное число. Именительный муж. р. сѣи (стел. снн), съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго (Быт. XXXVI. 1, 5, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и т. д. Остр. сѣи, Первоп. сѣи, Исх. XIV. 3, Остр. сѣи, Первоп. сѣи, какъ вси, 1 Парал. XII. 1. 14. 15, Остр. сѣи, Первоп. сѣи, Быт. X. 29. 31, Остр. сѣи, Первоп. сѣи, Числ. III. 9, 17, 20, 21, 27, 33, Остр. сѣи, Первоп. также сѣи) и которое является, повидимому, вторичнымъ (Остр. и Перв. почти вездѣ сѣи) и вызваннымъ, быть можетъ, морфологической ассимиляціей къ тѣи. У М. Смотрицкаго сѣи, какъ въ Новой библ. Такъ же и у Зизанія (л. 49 на обор.). Въ ж. р. сѣи (Быт. XII. 4, Остр. сѣи, Первоп. сѣи); у М. Смотрицкаго также сѣи (стел. снм). У Зизанія сѣи (л. 49 на обор.). Въ ср. р. также сѣи (Исх. І. 1, Остр. сѣи, Первоп. сѣи) или сѣи (Матѣ. XXIIV. 3, Остр. сѣи, Первоп. сѣи), въ основѣ каковой формы лежитъ стел. снм. Разные знаки акцента, понятно, не имѣютъ никакого фонетическаго значенія и вѣроятно являются плодами попытки къ графической дифференціаціи тождественныхъ написаній сѣи (им. ж. р.) и сѣи

(им. ср. р.). У М. Смотрицкаго сѣ̑ (л. 169 на обор.); у Зизанія сѣ̑ (л. 49 на обор.).

Родительный не представляет никакихъ уклоненій отъ стел.: м. р. сѣ̑хъ (1 Цств. IV. 8), ср. р. такъ же (Притчи С. I. 5): стел. снѣ̑хъ.

Дательный также сохранился безъ особыхъ измѣненій: м. р. сѣ̑мъ (Быт. XXIV. 28), ср. р. также сѣ̑мъ (2 Макк. IV. 9, Остр. сѣ̑мѣ, Первоп. сѣ̑мъ же) или сѣ̑мъ Гак. III. 10, Остр. сѣ̑мъ, Первоп. сѣ̑мъ): стел. снѣ̑мъ.

Винительный м. р. сѣ̑ (Перем. VI. 19. 21, Остр. сѣ̑, Первоп. сѣ̑) — стел. снѣ̑. У М. Смотрицкаго также сѣ̑; ж. р. также сѣ̑ (М. Смотрицкаго л. 169 на обор.: стел. снѣ̑), ср. р. сѣ̑ (Перем. VI. 6, 9, 16, Остр. сѣ̑, Первоп. сѣ̑), съ графической дифференціаціей при помощи разныхъ знаковъ ударенія (м. и ж. ' ср. ^); въ основѣ этой послѣдней формы лежитъ стел. снѣ̑; болѣе древняя стел. форма сн дала, быть можетъ, также начало вышеприведеннымъ формамъ им. муж. сѣ̑ Остр. и Первоп. библий. У М. Смотрицкаго также сѣ̑. Обычная замѣна вин. м. р. родительнымъ: сѣ̑хъ (Быт. XLVI. 18, Остр. другой текстъ). У Зизанія для м. р. сѣ̑, для ж. и ср. сѣ̑.

Творительный ничѣ̑мъ не уклоняется отъ стелав.: м. р. сѣ̑ми (Исх. XVII. 5, Остр. другой текстъ), ср. р. такъ же (Быт. XV. 17, Остр. сѣ̑ми). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ сѣ̑ми (стел. снѣ̑ми).

Предложный м. р. сѣ̑хъ (Быт. XXII. 1, Остр. предл. ед.) — стел. снѣ̑хъ. У М. Смотрицкаго такъ же.

Мѣстоименіе чтѣ̑ (стел. ѹтѣ̑), первоначально основа на і-, представляетъ въ своемъ склоненіи особое распространеніе основы чесо- (стел. ѹсо, ѹесо), которая есть въ сущности родит. ед. отъ основы че-. Къ этой основѣ присоединяются падежныя окончанія. Это распространеніе замѣчается уже въ древнѣйшихъ старослав. памятникахъ, но въ новомъ церковнославянскомъ оно еще сильнѣе. У М. Смотрицкаго именительный не только чтѣ̑, но и чесо̑ (л. 167).

Родительный п. чесо̑ (ради... Исх. II. 13, Остр. чтѣ̑ ради, Первоп. чесо̑; Іов. XXXIII. 13, Остр. чесо, Первоп. чесо̑, Мр. VIII. 1, Остр. и Первоп. чесо̑) — стел. ѹсо, ѹесо. Кромѣ

этой формы имѣется еще *чесогѡ* = стел. *уьсого* (Быт. XXXVII. 16, 1 Цств. XX. 4, Остр. *чтѡ*, Первop. *чтѡ*, Iов. XXXI. 16, Остр. другой текстъ), которая представляетъ изъ себя родит. *чесѡ*, взятый за основу + окончаніе родит. п. -гѡ. У М. Смотрицкаго *чесѡ* и *чесѡгѡ*.

Дательный *чесомѡ* (стел. *уьсомоу*, *уесомоу*: Быт. XV. 8, Остр. *чесомѡ*, Л. I. 18, Остр. *чесомѡ*, Первop. *чесомѡ*, Iоан. XIII. 28, Остр. *чесомѡ*, Первop. *чесомѡ*) = род. *чесѡ* + окончаніе *мѡ*. У М. Смотрицкаго *чемоу* (русская форма) и *чесѡмѡ* (*ibid.*).

Винительный имѣетъ двѣ формы: *исконную* *чтѡ* (стел. *уьто*; Римл. IX. 11, Остр. и Первop. *чесѡ*) и форму родит. *падежа* *чесѡ* (синтактическая замѣна съ обычной графической дифференціаціей: Мр. XIII. 15, *взѡти* *чесѡ*, Остр. *чесо*, Первop. *чесѡ*). У М. Смотрицкаго находимъ также обѣ формы *чтѡ*, *чесѡ* (л. 167).

Творительный является (кромя именит.) единственнымъ *падежомъ*, оставшимся свободнымъ отъ проникновенія вторичной основы *чесо* и сохранившимъ стелав. форму: *чѡмѡ* (стел. *уньм*; Лев. VI. 2, Остр. *чѡ*, Первop. *чѡмѡ*; Суд. XVI. 5. 6, Остр. *чѡмѡ*, *чѡ*, Первop. *чѡмѡ*, I. Сир. XXXIV. 15, Остр. *чѡмѡ ѡдержѡ*, Первop. *чѡмѡ*). У М. Смотрицкаго также *чѡмѡ* (тамъ же).

Предложный, рядомъ съ *исконной* формой *чѡмѡ* (стел. *уемѡ*; Суд. XVI. 5. 6, Остр. и Первop. *чѡмѡ*, Ис. II. 22, Остр. другой текстъ), представляетъ *вторичную* *чесѡмѡ* (стел. *уесомѡ*; Пс. LV. 8, Остр. *чѡсѡмѡ*, Первop. *чѡсѡмѡ*, Римл. VIII. 26, Остр. *чтѡ*, Первop. *чтѡ*, Суд. VI. 15, Остр. *чѡ*, Первop. *чѡмѡ*). У М. Смотрицкаго равнымъ образомъ *чѡмѡ* и *чѡсѡмѡ* (тамъ же).

Во *парадигмахъ* М. Смотрицкаго находимъ *вторичную* основу *чесѡ* даже въ *именительномъ* *падежѣ*, куда она очевидно попала по недоразумѣнію изъ *винительнаго*. Акцентуація у него разнится отъ находимой въ *печатныхъ* текстахъ Библии, и удареніе, подъ вліяніемъ акцентуаціи род. *чесѡ*, получившаго такое преобладающее значеніе, сохраняется на *последнемъ* слогѣ *вторичной* основы, тогда какъ въ *библейскихъ* формахъ оно находится на *падежныхъ* *окончаніяхъ*, какъ въ *русскомъ* языкѣ: *чесомѡ* какъ *чемоу*, *чесогѡ*, какъ *чею* и т. д.

Мѣстоименіе *вѣсь* (стел. *вьсь*), сохранило свое склоненіе безъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго.

Единственное число. Именительный падежъ м. р. *вѣсь* (Мр. I. 33, Остр. *вьсь*, Первоп. *вьсь*, стел. *вьсь*); ж. р. *всѧ* (стел. *вьсь*, *вьса*) = русск. *вѣя* (*f's'a* или *fs'a*): Мр. I. 5, Остр. *всѧ*, Первоп. *всѧ*; ср. р. *всѣ* (стел. *вьсе*): Иоанна Посл. 1. II. 16, Остр. *всѣ*, Первоп. *всѣ*.

Родительный м. и ср. р. *всегѡ* (ср. р. Іер. VIII. 2, Остр. *друкъ*, *Иех. XX. 17*, Остр. *всего скотѧ*, Первоп. *всегѡ*; стел. *вьсего*), ж. р. *всѧ* (Быт. I. 29, Остр. и Первоп. такъ же; стел. *вьсемъ*).

Дательный м. и ср. р. *всемѸ* (м. р. Иоан. XXI. 25, Остр. *всемѸ*, Первоп. *всемѸ*; стел. *вьсемоу*), ж. р. *всѣй* (Лук. VII. 17, Остр. *всен*, Первоп. *всей*, стел. *вьсен*). У М. Смотрицкаго дат. м. и ср. р. *всемоу* (л. 152).

Винительный м. р. *вѣсь* (*вѣсь дѣнь* Пс. XXXVI. 26, Остр. *вьсь*, Первоп. *вѣсь*; стел. *вьсь*): У М. Смотрицкаго только форма родит. *всегѡ* (л. 152), съ обычной графической дифференціаціей (см. также Иоан. VII. 23, Остр. *всего*, Первоп. *всегѡ*); ж. р. *всѡ* = русск. *всю* (*fs'ú*, *f's'ú*). Согласно старосл. *вьсѡ*, слѣдовало бы ожидать **всѸ*, которое или прямо замѣнено русской формой, или, какъ и эта послѣдняя, возникло подъ вліяніемъ основъ на *jō-* (*jā-*) съ одной стороны и именит. ед. ж. р. *всѧ* съ другой. Ср. р. *всѣ* (Быт. II. 6, Остр. *всѣ*, Первоп. *всѣ*, стел. *вьсе*).

Творительный м. и ср. р. *всѣмъ* (Мр. XII. 30, Остр. *всѣмъ*, Первоп. *всѣмъ*; стел. *вьсьмъ*); у М. Смотрицкаго м. р. *всѣмъ*, ср. *всѣмъ*. Въ ж. р. *всѣю* (Мр. XII. 30, Остр. *всѣю* и *всѣю*, Первоп. *всѣю*; стел. *вьсьемъ*).

Предложный м. и ср. р. *всѣмъ* (Эккл. I. 3, Остр. *всѣ*, Первоп. *всѣмъ*—м. р.; стел. *вьсьемъ*); ж. р. *всѣй* (Мр. I. 39, Остр. *всѣи*, Первоп. *всѣй*; стел. *вьсен*).

Двойственное число *всѣмъ* не имѣеть представителей въ библейскомъ текстѣ.

Множественное число. Именительный падежъ муж. рода *вси* (Быт. V. 5, стел. *вьси*), ж. р. *всѧ* (Быт. XII. 57, Остр. *всѧ*,

Первоп. вс̂, стел. вьса), ср. р. вс̂ (Д. Ап. IV. 32, Остр. вс̂, Первоп. вс̂, стел. вьсъ=вьса, вьса) съ графической дифференціаціей отъ ж. р. помощію разныхъ знаковъ ударенія.

Родительный м. р. вс̂хъ (Быт. III. 1, Остр. и Первоп. такъ же, стел. вьсъхъ), ср. р. (Быт. II. 2), ж. р. (Перем. VIII. 2), такъ же безъ всякихъ попытокъ къ дифференціаціи.

Дательный м. р. и ж. р. вс̂мъ (Быт. II. 20, Остр. вс̂мъ, Первоп. вс̂мъ, стел. вьсьмъ), ср. р. такъ же (1 Цств. VIII. 8, Остр. другой текстъ).

Винительный м. р. вс̂ (Быт. I. 25, Остр. вс̂, Первоп. вс̂, стел. вьса, Быт. II. 19, Остр. вс̂, какъ въ русскомъ); родит. вм. винительнаго вс̂хъ (Иов. XXXIV. 24, Остр. вс̂хъ); ж. р. вс̂ (Быт. II. 19, Остр. вс̂, Первоп. вс̂—формы русскія; Ис. IX. 15, Остр. вс̂, Первоп. вс̂; стел. вьса); ср. р. вс̂ съ графической дифференціаціей (Быт. VII. 5, Остр. другой текстъ, М. XXIV. 2, Остр. вс̂, Первоп. вс̂, Л. XVIII. 28, Остр. вс̂, Первоп. вс̂, стел. вьсъ=вьса, вьса).

Дифференціація эта, какъ и у другихъ подобныхъ мѣстоименныхъ формъ, представляетъ собою позднѣйшее явленіе, свойственное языку Новой Библии. Въ Острожской безразлично вс̂, въ Первопечатной вс̂. У М. Смотрицкаго такъ же во вс̂хъ родахъ вс̂.

Творительный м. р. вс̂ми (Быт. I. 26. 28, Остр. вс̂ми, Первоп. вс̂ми; стел. вьсьми); ср. р. такъ же (Исх. I. 14, Остр. вс̂ми, Первоп. вс̂ми).

Предложный м. и ж. р. вс̂хъ (Быт. IX. 2, Остр. м. р. вс̂хъ, ж. р. вс̂хъ, Первоп. вездѣ вс̂хъ; стел. вьсъхъ), ср. р. такъ же (Исх. XVIII. 9, Остр. другой текстъ).

Формы, приводимыя М. Смотрицкимъ, не представляютъ никакихъ особенностей.

§ 18. Имена прилагательныя сложныя. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (и причастій) сложныхъ характеристичной особенностью, составляющей принадлежность и русскаго соответствующаго склоненія, является „контракція“ гласныхъ, слѣдствіемъ которой получается болѣе тѣсное сплоченіе именной основы и мѣ-

стоименной между собою. Другая особенность, также раздѣляемая церковнославянскимъ съ русскимъ и вызванная очевидно вліяніемъ этого послѣдняго, есть образованіе нѣкоторыхъ падежей по типу мѣстоименныхъ основъ на о- и јо-. Въ старославянскихъ памятникахъ подобныя образованія встрѣчаются только спорадически, тогда какъ въ церковнославянскомъ они становятся правиломъ.

Вывшія основы на о-, ѧ-. Единственное число. Именительный падежъ не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ общихъ фонетическихъ: м. р. нѣмый (М. IX. 33, Остр. и Первоп. такъ же: нѣмыи, нѣмый); речѣнный (Матѣ. III. 3), тѣсный (М. VII. 14) и т. д., но блгій (Матѣ. XII. 35, Остр. блгыи, Первоп. какъ въ Новой), мѣгкій (Прем. Сол. II. 3, Остр. простая форма мѣкокк), широкій (М. VIII. 13, Остр. и Первоп. простая форма): стел. нѣмый, влгый, широкый и т. д.; ср. р. невѣсное (М. III. 2: нѣное), дѣврое (М. VIII. 17)—стел. дѣврое; ж. р. дѣснаѧ (съ ѧ=ја. М. V. 30)—стел. дѣснаѧ.

Родительный падежъ уже представляетъ въ муж. и ср. родѣ уклоненіе: м. р. великаго (Матѣ. V. 35, Остр. великаго, Перв. какъ въ Новой), дрѣгаго (вм. винит., чѣмъ и объясняется конечное о, а не ѡ: М. VI. 24): стел. новаѧго; ж. р., кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, не уклоняется отъ старославянскаго: плотскѧ, мѣжескѧ (Іоан. I. 13, Остр. плотскыѧ, мѣжескыѧ, Первоп. плѣтскѧ, мѣжскѧ)—стел. плѣтскыѧ.

Дательный падежъ муж. и ср. рода совершенно утратилъ исконную форму, вмѣсто которой находимъ образованіе по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: м. р. слѣпомѣ, нѣмомѣ (М. XII. 22, Остр. слѣпомѣ, нѣмомѣ, Первоп., какъ въ Новой), расслѣвленномѣ (Мр. II. 5, Остр. раслѣвленномѣ, Первоп. разслѣвленномѣ) и т. д., стел. новоѣмоу. Ожидаемыхъ сложныхъ формъ съ контракціей *новѣмѣ, *слѣвѣмѣ и т. д. въ текстѣ печатныхъ книгъ не встрѣчается. Дательный женск. р. не уклоняется отъ старославянскаго: содѣмстѣи (М. XI. 24, Остр. содѣмстѣи, Перв. какъ въ Новой), ѡбрѣченѣи (М. I. 18) и т. д., стел. новѣи. У М. Смотрицакаго имѣется дат. ж. р. по типу мѣстоименій: блгѣи (л. 136), стѣи (л. 134), какъ въ русскомъ.

Винительный м. р., рядомъ съ сохранившейся исконной формой стѣй (М. IV. 5), сѣднѣй (М. XI. 24), представляетъ и обычную синтактическую замѣну формой родит. п. (см. выше). Ср. родъ не уклоняется отъ старославянскаго: Галілейское (Матѣ. XV. 29), а также и женскій: распѣстнѣю (Матѣ. XIX. 7), ѡгненнѣю (Матѣ. XIII. 50): стсл. **новѣй**, **новою**, **новѣж**.

Звательный тождественъ съ именит.: м. р. благій (М. XIX. 16), слѣпый (тамъ же XXIII. 26), ж. р. блѣгодѣтнаѣ (Лук. I. 28).

Творительный м. и ср. р. отвѣчаетъ старославянскаго формѣ съ „контракціей“ гласныхъ; послѣднимъ согласнымъ окончанія является ш (мъ) вмѣсто ожидаемаго ш' (стсл. мъ), какъ вездѣ: м. р. стѣмъ (Матѣ. III. 11), правѣднымъ (М. XXI. 32), ср. р. црѣковнымъ (ibid. XXIII. 16). У М. Смотрицкаго стѣмъ (л. 133, 134 на об.), влагимъ (л. 135, 137 на об.) и т. д., но вѣжимъ (л. 142), павловымъ, павлимъ (л. 146 на обор.): стсл. **новѣимъ**. Въ женскомъ родѣ находимъ образование по типу мѣстоименій: чѣстою (М. XXVII. 59), неправѣдною (Л. II. 5), какъ тою: стсл. **новѣж** и **новож**. Какъ видно, образование это имѣетъ мѣсто уже въ старослав., гдѣ уже почти вытѣснило болѣе древнюю форму. Слѣдовъ этой послѣдней въ текстѣ печатныхъ книгъ не имѣется.

Предложный м. и ср. въ основѣ имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ и послѣднимъ согласнымъ окончанія ш (мъ) вм. ш' (мь): м. р. вѣсѣвствѣмъ (М. IX. 34), ср. род. црѣковнѣмъ (Матѣ. IV. 5), Галілействѣмъ (М. IV. 18), новѣмъ (М. XXVII. 60): стсл. **новѣемъ**. Ж. родъ не уклоняется отъ старослав.: смѣртнѣй (М. IV. 16), ѡудѣйствѣй (тамъ же III. 1): стсл. **новѣи**. У М. Смотрицкаго находимъ частью исконныя контрагированныя формы: стѣмъ (л. 133 и 134 на обор.), блѣзѣмъ (л. 135 и 136 на обор.), частью вторичныя, вызванныя въ русскомъ уподобляющимъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія и перенесенныя изъ него въ цслав.: стѣмъ, блѣомъ (и т. д. тамъ же). Въ ж. р. такой же параллелизмъ: стѣй и стѣй, блѣой и блѣзѣй (л. 134, 136) и т. д.

Двойственное число представлено скудно: именит. муж. рода

не уклоняется отъ старослав. — пасѡмаа (Пѣснь Пѣсн. IV. 5, Остр. и Первop. им. мн. пасѡми), вин. муж. дрѡгаа два таланта (Матѳ. XXV. 22, Остр. дрѡгаа, Первop. дрѡгаа): стел. новаа. Средній и женскій родъ не имѣютъ въ текстѣ библии данныхъ формъ. У М. Смотрицкаго находимъ только простыя формы м. и ср. стѧ, ж. стѣ (л. 133—134).

Родительный и предложный м. р. идутъ по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: род. м. р. ѡвѣшеною (Л. XXIII. 39, Остр. ѡвѣшеною, Первop. ѡвѣшеною), предл. м. р. ѡ вѣсною (М. VIII. 33, Остр. ѡвѣсною, Первop. ѡвѣсною): стел. новою. Формы ср. и ж. р. не встрѣчаются. У М. Смотрицкаго однѣ простыя формы.

Дательный и творительный имѣютъ въ своемъ основаніи старославянскую форму съ „контракціей“ гласныхъ: твор. ж. рода вѡсыма ногѧма (2 Цств. XV. 30, Остр. вѡсыма, Первop. какъ въ Новой), чѣстыма рѡкама (Іов. XXII. 30, Остр. и Первop. такъ же), ср. р. ѡчѣма Іѣлѣвыма (2 Цств. III. 19, Остр. іѣлѣвыма, Первop. іѣлѣвыма), дѡбрыма ѡчѣма (1 Цств. XVI. 12, Остр. и Первop. такъ же) и т. д.: стел. новѣма.

Множественное число. Именительный всѣхъ трехъ родовъ сохраняетъ старослав. форму: м. р. слѣпи, хрѡми, мѣртви, глѣси (Матѳ. XI. 5, Остр. слѣпи, хрѡми, мѣртви, глѣси, Первop. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ хрѡми), людѣти (Пе. XLIV. 13, Остр. людѣти, Первop. какъ въ Новой), крѡтци (М. V. 5, Остр. крѡтци, Первop. какъ въ Новой) и т. д., стел. новѣ; ср. р. оузкаа (М. VII. 14, Остр. оузкаа, Первop. какъ въ Новой), дрѡгаа (тамъ же XIII. 5. 7. 8, Остр. и Первop. дрѡгаа) съ графической дифференціаціей отъ им. ед. ж. р.: стел. новаа; ж. р. мѡдрыа (Матѳ. XXV. 4, Остр. мѡдрыа, Первop. мѡдрыа), юрѡдивыа (тамъ же, 4, Остр. юрѡдивыа, Первop. какъ въ Новой): стел. новѣа. Изрѣдка встрѣчаются формы, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. мн. м. р. мнѡги (3 Макк. III. 16, Остр. другой текстъ), образованный, какъ и соответственная русская форма *многие*, отъ основы другихъ надежъ съ восстановленіемъ г; мѡхи оумѣрши (Эккл. X. 1, Остр. также оумѣрши) им. мн. ж. р. по типу им. мн. муж. р.

Родительный имѣеть старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ: м. р. лживыхъ (М. VII. 15, Остр. очевидная опечатка лжихъ, Первоп. лживѣ), мѣртыхъ (М. VIII. 22), ж. р. многыхъ (М. XIII. 58, вм. винит. мн., Остр. многы, Первоп. мнѡгы) и т. д.: стел. **новынхъ**. По типу мѣстоименій: ж. р. **Аарѡновѣхъ** (Лук. I. 5, Остр. **аарѡновѣхъ**, Первоп. **аарѡновѣхъ**).

Дательный также отличается отъ старославянскаго формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. страннѣмъ (Матѣ. XXVII. 7, Остр. и Первоп. страннѣмъ), ж. р. мѣдарѣмъ (тамъ же XXV. 8), члѣвѣскимъ (Матѣ. XV. 9, Остр. вин. множ.), непразднѣмъ (тамъ же XXIV. 19) и т. д. стел. **новынѣмъ**.

Винительный сохраняетъ старославянскія формы: м. р. хромыѣ, слѣпыѣ, нѣмыѣ, вѣдныѣ (М. XV. 30, Остр. и Первоп. винит. простой), Галілейскіѣ (М. II. 22, Остр. галилейскіѣ, Перв. галилейскіѣ), людскіѣ (М. II. 4, Остр. людскыѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., ж. р. Турскіѣ и Сидѡнскіѣ (М. XV. 21, Остр. турскіѣ и сидѡнскіѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стел. **новынѣ**; ср. р. дѡбраѣ (М. V. 16, Остр. дѡбраѣ, Первоп. дѡбраѣ), лѣкаваѣ (Матѣ. IX. 4, Остр. и Первоп. лѣкаваѣ) и т. д.—стел. **новынѣ**.

Творительный, какъ въ русскомъ, отличается отъ старослав. только „контракціей“ гласныхъ (не говоря объ общихъ фонетическихъ отличіяхъ): м. р. различными (М. IV. 24), многими (М. XXV. 23, Остр. многыми, Первоп. мнѡгыми, рядомъ встрѣчается и мѣстоименная форма: мнѡзѣми рѡды: Ис. XXIV. 22, Остр. мнѡзѣми, Первоп. мнѡзѣми), ср. р. оузкими (М. VII. 13, Остр. оузскыми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стел. **новынми**.

Предложный также тождественъ съ русской формой и отличается отъ славянскаго „контракціей“ гласныхъ: нечистыхъ м. р. (М. X. 1) и т. д. стел. **новынхъ**. Встрѣчаются и формы, вызванныя морфологическою ассимиляціей къ мѣстоименному склоненію: въ странахъ **Ахѣистѣхъ** (2 Кор. XI. 10, Остр. **ахѣистѣхъ**, Первоп. **ахѣистѣхъ**), въ людехъ **тажцѣхъ** (Пс. XXXIV. 18, Остр. **тажцѣхъ**, Первоп. какъ въ Новой), какъ **тѣхъ** и т. д.

Форма тѣжцѣхъ можетъ быть и предложнымъ множ. простымъ (несложнымъ). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ одна сложная форма съ контракціей: стѣхъ (л. 134—135), влагѣхъ (л. 135 на обор., 136, 137 и т. д.).

Основы на *jo-* въ общемъ представляютъ тѣ же отличія отъ старославянскаго соотвѣтствующаго склоненія, что и основы на *o-*.

Единственное число. Именительный сохраняетъ старославянск. форму: м. р. чѣждѣи (Притчи XXIII. 27, Остр. тѣждѣи, Перв. чюждѣи, Ис. XLIII. 12, Остр. р. ед., 3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжѣи, Первop. чюжѣи, 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюждѣи, Первop. чюждѣи), тѣжшѣи (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѣжѣи, Первop. тѣжшѣи), мѣдрѣишѣи (Бытія III. 1, Остр. мѣдрѣиши, Первop. мѣдрѣиши) и т. д. бѣлѣи (Матѣ. XI. 11), мнѣи (тамъ же), дѣвѣи (М. III. 4), крѣплѣи (М. III. 11), Бжѣи (М. IV. 1) и т. д. — стел. кышѣишѣи; ж. р. бѣлша (М. XXII. 38, Остр. болша, Первop. какъ въ Новой), стѣща (тамъ же, XXIII. 17, Остр. имен. множ.), дрѣвна (1 Цств. XXIV. 14), у М. Смотрицкаго нѣща (л. 137 на обор.), сѣвна (л. 140 на обор.) и т. д. стел. кышѣиша; ср. р. вхѣдѣе (М. XV. 11), Бжѣе (М. XII. 28), у М. Смотрицкаго нѣе (л. 138), сѣне (л. 141) и т. д., стел. кышѣеи.

Родительный м. и ср. рода отличается отъ старославянской формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. вѣшнаго (Л. I. 32; Остр. вѣшнаго, Первop. вѣшнаго), днѣшнаго (Матѣ. XI. 23, Остр. днѣшнаго, Первop. какъ въ Новой), ѣскреннаго в. винит. ед. (М. XIX. 19, Остр. ѣскреннаго, Остр. ѣскреннаго, съ графической дифференціаціей), погѣннаго (тамъ же XVIII. 11, также вмѣсто винит.), вопѣнаго (Матѣ. III. 3, Остр. вѣпѣнаго, Первop. какъ въ Новой) и т. д. — стел. кышѣишаго; въ женскомъ родѣ имѣемъ вторичное образование по типу родит. ед. основъ на *o-*, причемъ *zi* послѣ палатальнаго послѣдняго согласнаго основы даетъ *-и*: заблѣдшѣи (Матѣ. XVIII. 12, Остр. заблѣдѣише, Первop. заблѣдѣише), погѣшѣи (Л. XV. 4, Остр. исьонная форма погѣшѣиша, Первop. какъ въ Новой), ѣвлѣиша (Матѣ. II. 7, Остр. ѣвлѣишаа, Первop. какъ въ Новой); у

М. Смотрицкаго нѣциѧ (л. 137 на обор.), сѣовниѧ (л. 140 на обор.) и т. д.—стел. **вѣшыныѧ**. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что новообразование это позднѣйшаго происхожденія, и въ Острожской библіи на его мѣстѣ находимъ исконную форму, измененную только согласно законамъ церковнослав. фонетики. Формы дѣвиѧ (Римл. XI. 24, Остр. дивіа, Перв. дѣвіа), Кѣіѧ (тамъ же V. 2, Остр. вѣіа, Первop. вѣіѧ) и т. д. являются вмѣсто ожидаемыхъ *дѣвіага, *вѣкіага.

Дательный муж. и ср. рода уклоняется отъ старославянской формы и представляетъ собой новообразование, вызванное морфологической ассимиляціей или къ параллельнымъ основамъ на о-, причемъ о послѣ палатальнаго конечнаго согласнаго основы должно дать -ѣ-, или прямо къ мѣстоименнымъ основамъ на јо-. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, оба указанные фактора могли дѣйствовать сразу. Муж. р.: хотѣщемъ (Матѣ. V. 40, Остр. такъ же), просѣщемъ (тамъ же 42), толкѣщемъ (Матѣ. VII. 8), нынѣшнемъ (Галат. IV. 25, Остр. нѣшнемъ), у М. Смотрицкаго сѣовнемъ (л. 140) и т. д.—стел. **вѣшынюемъ**, Слѣдовъ этой послѣдней формы, которая должна была бы дать въ церковнославянскомъ *вышнюмъ, въ текстѣ библіи не встрѣчается. Въ женскомъ родѣ находимъ форму, которая одинаково можетъ происходить или изъ исконной старославянской (съ ѣ=стел. ѣ), или быть плодомъ морфологической ассимиляціи къ параллельной формѣ отъ основъ на о-, ѧ- (въ свою очередь плодъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ), какъ благой (о послѣ палатальнаго согласнаго должно дать ѣ), а также и къ мѣстоименнымъ основамъ на јо-, јѧ- (какъ сѣй, ѣй и т. д.). Образование это тождественно съ соотвѣтствующей формой русскаго языка: сѣщей (Дѣян. Ап. IX. 38, Остр. сѣщи, Первop. сѣщи), свѣдѣщей (Дѣян. V. 2, Остр. свѣдѣщи, Первop. такъ же), волѣвшей (Дѣян. IX. 37, Остр. и Первop. волѣвши), вѣвшей (2 Кор. II. 12. Остр. и Первop. вѣвши), послѣдствѣющей (Римл. IX. 1, Остр. послѣдствѣюци, Первop. какъ въ Новой), у М. Смотрицкаго нѣщей (л. 137 на обор.), сѣовней (л. 140 на об.) и т. д.—стел. **вѣшыни**. Подъ вліяніемъ исконной формы д. ж. р. основъ

на о-, а-, какъ блáзѣй и т. д.; являются (рѣдкія впрочемъ) написанія: зáднѣй странѣ (Иезек. XL. 40, 41, Остр. друг. текстъ), домáшнѣй (Филим. I. 2, Остр. домáнен, Первоп. какъ въ Новой. Уподобленіе написанія могло тѣмъ легче быть вызвано, что въ томъ же стихѣ имѣется возлóбленнѣй) и т. д. Написанія эти, какъ видно, позднѣйшаго происхожденія. У М. Смотрицкаго они также встрѣчаются: снóвнѣй (л. 140 на об.), варнáвлѣй (л. 144 на обор.), пáвлѣй (л. 147) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму: м. р. вѣдѣщій (М. XII. 32), вѣлій (М. IV. 16) и т. д.; ж. р. домáшнюю (Колосе. IV. 15), кромѣшнюю (М. VIII. 12), погѣвшю (Л. XV. 6), сѣщю (Колосе. IV. 15), Бѣю (Матѣ. XV. 3) и т. д.; ср. р. внѣтрненее, внѣшнее (Матѣ. XXIII. 26), Бѣіе (Мр. IV. 30) и т. д.—стел. **кышыѣни, кышынежж, кышынеіе.**

Творительный м. и ср. рода отличается отъ стелав. „контракціей“ гласныхъ (и послѣднимъ согласнымъ окончанія *m* в м. м': мз в м. мь): м. р. глѣощимз (Матѣ. I. 22, Остр. глѣощимз), вѣліимз (М. XXIV. 31), ср. р. Гдѣнимз (Л. I. 76, Остр. гнѣимз), и т. д.—стел. **кышынимь.** Женскій родъ сохраняетъ старослав. форму: члждѣю (Евр. IX. 25, Остр. чюжѣю, Первоп. такъ же), домáшнею (1 Кор. XVI. 19), бóльшею, совершѣннѣйшею (Евр. IX. 11) и т. д.—стелав. **кышынежж, -нежж.** Форма эта, съ одной стороны, тождественна съ соответствующей русской, съ другой съ такой же мѣстоименной (какъ сѣю и т. д.).

Предложный м. и ср. рода идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на *jo-*: ср. р. бѣвшемз (Дѣян. IV. 21, Остр. бѣвшѣ), м. р. ѣсходѣщемз (Матѣ. IV. 4, Остр. ѣсходѣщимз, Первоп. такъ же), кающемз (Лук. XV. 10, Остр. каюцимзсѣ, Первоп. какъ въ Новой), члжѣмз (Лук. XVI. 12, Остр. чюжемз, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. вѣшнемз (1 Парал. XXI. 29, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. у М. Сметр. нѣцемз (л. 137 на обор., 138 на обор.), снóвнѣ (л. 140), снóвнемз (л. 141 на обор.), бѣіемз (л. 142, 143) и т. д. Исконная форма съ контракціей, отвѣчающая старославянской (**кышынимь**), встрѣчается еще довольно часто въ Острожской (см. приведенныя выше ци-

таты), но въ Первопечатной начинается уже вытѣсняться вторичнымъ образованіемъ. Въ Новой она не встрѣчается. Рядомъ имѣются написанія, вызванныя вліяніемъ параллельныхъ формъ отъ основъ на о-: ср. р. послѣднѣмъ (Іоиль II. 20, Остр. послѣнемъ, Первоч. какъ въ Новой, Л. XIV. 10, Остр. послѣнемъ, Первоч. какъ въ Новой), прѣднѣмъ (Лук. XIV. 8, Остр. прѣнемъ, Перв. какъ въ Новой), оутреннѣмъ (Псал. XXI. заглавіе, Остр. оутренемъ, Первоч. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго м. и ср. сѣовнѣмъ (л. 140 и 141 на об.), ср. р. варнавлѣмъ (л. 145 на обор.), муж. и ср. р. павлѣмъ (л. 146 на обор. и 148) и т. д. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ примѣръ весьма частой въ церковнославянскомъ графической ассимиляціи (морфологической ассимиляціи на письмѣ). Въ женскомъ родѣ, какъ и въ дательномъ того же рода, находимъ форму, которая одинаково можетъ быть сведена къ исконной старославянской (какъ *кышыѣни*, *несъшнѣ*) или къ мѣстоименнымъ основамъ на *jo-*, *jā-*: *сѣщей* (Дѣян. XIII. 1, Остр. *сѣщей*, Первоч. какъ въ Новой), *бѣвшей* (2 Кор. I. 8, Остр. *бѣвшей*, Первоч. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго *сѣщей* (л. 138), *сѣвнѣй* (л. 140 на об.), *вѣжѣй* (л. 142 на об.), и т. д. Въмѣсто этихъ написаній находимъ также написанія съ ѣ, вызванныя морфологической ассимиляціей на письмѣ къ написаніямъ того же падежа отъ основъ на о-, а-: *послѣднѣй* (1 Кор. XV. 52, Остр. *послѣднеи*, Первоч. *послѣдней*), *вѣрхнѣй* (Быт. XL. 17, Остр. *вѣрхнеи*, Первоч. *вѣрхней*), *внѣшнѣй* (Эсѣ. IX. 19, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго *сѣвнѣй* (л. 141), *варнавлѣй* (л. 145), *павлѣй* (л. 147) и т. д.

Двойственное число. Им. вин. зв. не встрѣчается. Родительный м. р. по типу мѣстоименныхъ основъ на *jo-*: *слышавшею*, *шѣдшею* (Перв. Іоан. I. 40, Остр. *слышавшою*, *шѣшею*), какъ *сею*, въ Новой библии замѣненъ родит. множ.: *слышавшихъ*, *шѣдшихъ*: *стел. кышыною*, *несъшоюю*. Дательный м. р. *всѣдѣющема*, *совопршашающема* (Лук. XXIV. 15, Остр. *всѣдѣющема*, но *сзвопршашающема*, Первоч. *всѣдѣющема*, но *совопршашающема*), *исходѣщема* (Мате. IX. 32, Остр. такъ же), *градѣщема* (Мр. XVI. 12, Остр. *градѣщема*), ср. р. *скончавшемася* (Дѣян. Ап. XXIV.

27, Остр. и Первоп. такъ же) представляетъ образование по типу простыхъ причастій настоящего и прошедшаго дѣйствительнаго, какъ стел. **несжштема**, **несъшема**. Первичная форма, отвѣчающая стелав. **кышьннма**, **несжштнма**, имѣется въ вышеприведенномъ примѣрѣ Остр. **сзвопрошаюцимаса**, Первоп. **совопршаюцимаса** (Лук. XXIV. 15). Въ Новой библии эта форма замѣнена вторичной. У М. Смотрицкаго им. вин. зв. и р. пр. только простой формы, дат. тв. правильно; **нѣцима** (л. 137 на об., 138), **снѣвнма** (л. 140 на об., 141), **вѣнма** (л. 142—143 на об.) и т. д.

Множественное число. Именительный м. р. прилагательныхъ отвѣчаетъ старослав. формъ: послѣдній (Матѳ. XX. 12), **нѣции** (*ibid.* V. 3), **Бѣи** (*ib.* XXII. 30) и т. д.—стел **кышьнн**. У причастій находимъ только одно окончаніе **-и**; слѣдовъ старослав. **-ен** въ Новой б. не встрѣчается: **нѣщции** (Матѳ. II. 20, Остр. **нѣщцией**, Первоп. какъ въ Новой), **сѣдѣции** (Матѳ. IV. 16, Остр. **сѣдѣцией**, Первоп. **сѣдѣцини**), **плѣчции** (тамъ же V. 4, Остр. **плѣчциен**, Первоп. **плѣчции**), **ѣлчции**, **жѣждѣции** (тамъ же: 6, Остр. **ѣлчцией**, **жѣждѣцией**, Первоп. **ѣлчции**, **жѣждѣции**), **трѣждѣцииса** (Матѳ. XI. 28, Остр. **трѣждѣцииса**, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стел. **несжштен**, **несжштнн**. Первую изъ этихъ послѣднихъ формъ встрѣчаемъ въ Острожской библии (хотя ея происхожденіе можетъ быть и другое), вторую въ Первопечатной и Новой, гдѣ она совершенно вытѣсняетъ первую. Въ женскомъ родѣ находимъ вторичное образование по типу параллельныхъ формъ отъ основъ на **о-**, **а-**: **прѣчыма** (Лук. XXIV. 10, Остр. и Первоп. **прѣчма**), **мнѣжайшима** (Матѳ. XI. 20, Остр. **мнѣжайшама**, Первоп. **мнѣжайшыма**), **бывшыма** (*ibid.* 21, 23, Остр. **бывшама**, Первоп. какъ въ Новой), **каплючыма** (Лук. XXII. 44, Остр. им. ед. ж. р.), **ѡвращаючыма** (Руѡъ I. 22, Остр. **ѡвращаючиса**, Первоп. **ѡвращаючиса** — контрагированная форма именит. двойств. ж. р., ср. стел. **несжштнн**, замѣненная въ Новой б. множественнымъ числомъ), **сѣдѣчыма** (Пѣсьнь II. V. 12, Остр. **сѣдѣции** имен. дв. ср. р.); у М. Смотрицкаго **нѣцима** (л. 138), **снѣвнма** (л. 141), и т. д. какъ **мѣдрыма**. Морфологическая ассимиляція въ данномъ случаѣ простирается и на написа-

нія, въ которыхъ находимъ ы послѣ палатальныхъ согласныхъ, какъ прѣчыма и т. д. Формы, отвѣчающія стсл. **кышъннѣма**, **несжштѣма**, встрѣчаются въ Острожской библии, изрѣдка и въ Первопечатной, изъ которой, однако, онѣ уже начинаютъ вытѣсняться вторичными образованиями, перенесенными изъ русскаго языка.

Родительный отличается отъ старослав. формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. оубиваюцихъ, могущихъ (Матѣ. X. 28, Остр. оубиваюцихъ, могущихъ), ж. р. заблудшихъ (Матѣ. XVІІІ. 13) и т. д.—стсл. **кышъннѣхъ**, **несжштннѣхъ**, но **прѣчихъ** м. р. (2 Макк. XI. 3, Остр. и Первоп. также), какъ **вѣлихъ**.

Дательный представляетъ такія же отношенія, т. е. различается отъ стслав. только контракціей гласныхъ: **прѣчимъ** людемъ (Неем. IV. 19, Остр. дат. мн. ж. **прѣчимъ** чѣстемъ, Первоп. также **прѣчимъ**), м. р. **шшѣдшимъ** (Матѣ. II. 13, Остр. **шшѣшимъ**же, Первоп. какъ въ Новой), **ничимъ** (М. XIX. 21, Остр. и Первоп. также же), **сѣдчимъ** (Матѣ. IV. 16, Остр. **сѣдчимъ**, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. XI. 16, Остр. **сѣдчимъ**, Первоп. какъ въ Новой), **просчимъ** (М. VII. 11, Остр. **просчимъ**, Первоп. **просчимъ**) и т. д. ср. р. **возглашючимъ** (Матѣ. XI. 16, Остр. **возглашючимъ**, Первоп. **возглашючимъ**), **глючимъ** (тамъ же 17, Остр. **глючимъ**, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.; ж. р. **дочимъ** (Матѣ. XXIV. 19, Остр. **дочимъ**, Первоп. какъ въ Новой), **погибшимъ** (ibid. X. 6, Остр. **погибшимъ**, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., но **дрѣвнимъ** (Матѣ. V. 21, 27) и т. д. стсл. **кышъннѣхъ**, **несжштннѣхъ**. Написанія съ ы послѣ ш могутъ объясняться и непалатальностью согласнаго; ы послѣ щ есть или результатъ распространенія чисто орфографическаго правила, или продуктъ морфологической ассимиляціи на письмѣ (графической ассимиляціи) написаній вышеприведенныхъ формъ къ написаніямъ такихъ же формъ дат. множ. отъ основъ на о-, а-, какъ **мѣдрымъ** и т. д. У М. Смотрицкаго однако **ничимъ** во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), но **виючимъ** (л. 264 на об., 265), **бившимъ** (л. 266, 267) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму только въ среднемъ родѣ: **гѣрнѣма** (Лук. I. 39, Остр. **гѣрнѣма**, Первоп.

(2 Макк. XII, 11, Остр. прочихъ, Первоп. прочихъ), какъ вѣліихъ. Въ этомъ склоненіи останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторыя формы, являющіяся результатомъ морфологической ассимиляціи. Уподобляющими типами здѣсь служатъ формы собственно мѣстоименнаго склоненія. Подобное же вліяніе мѣстоименнаго склоненія на склоненіе именъ прилагательныхъ имѣется и въ русскомъ языкѣ. Церковнославянскія формы, вызванныя этимъ вліяніемъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: А) формы, общія русскому и церковнославянскому (respectively, заимствованныя изъ перваго въ послѣдній), В) формы, принадлежащія одному церковнославянскому. Въ ряду первыхъ отмѣтимъ дат. ед. ч. муж. и ср. рода основъ на о- слѣпомъ, нѣмомъ (см. выше) вмѣсто ожидаемыхъ *слѣпомъ, *нѣмомъ (стсл. новоу-юмоу) — плодъ ассимиляціи къ дат. ед. мѣстоименій (томоу); такую же форму основъ на јо- хотѣемъ — плодъ морфологической ассимиляціи съ одной стороны къ только что приведенной формѣ, съ другой къ соответствующему падежу мѣстоименій семъ, всемъ и т. д. предложный м. и ср. р. основъ на о- у М. Смотр. стѣмъ, блѣгомъ по типу томъ (стсл. томъ) и т. д.; дат. и предл. ед. ж. р., находимый у М. Смотрицаго, — блѣгой и т. д. по типу мѣстоименныхъ основъ на о-, а-; предложный ед. м. и ср. рода отъ основъ на јо-, какъ нищемъ (стсл. вшыинимъ) по типу семъ; родит. ед. ж. р. основъ на ја-, какъ нициѧ (по типу род. ед. основъ ж. р. на а-: дѣбрыѧ); именит. множ. ж. р. основъ на ја-, какъ ницыѧ (стсл. вшыныѧ) по типу такого же падежа отъ основъ на а- (дѣбрыѧ); винит. того же числа муж. и ж. р. основъ на јо-, ја-, какъ ницыѧ (стсл. вшыныѧ) по типу такого же падежа отъ основъ на о-, а- (дѣбрыѧ). Всѣ эти новообразованія свойственны русскому и изъ него очевидно перенесены въ церковнославянскій. Ко второй категоріи формъ, свойственныхъ одному церковнославянскому и развившихся въ немъ, относятся, напр., предложные множ. ч. м. р. тѣжѣхъ (см. выше), ж. р. Ахѣйстѣхъ (см. выше) по типу предл. множ. мѣстоименій тѣхъ, всѣхъ и т. д.; родит. множ. ж. р., какъ Арѣоновѣхъ (Дук. I. 5, см. выше) также по типу тѣхъ и т. п. (но м. р. Іилевыхъ).

Римл. IX. 27); род. и предл. двойств. отъ основъ на о- и jo-: вѣсною, шѣдшею по типу тою, сею и т. д. (см. выше).

Имя прилагательное чѹждѣй (стсл. штоѹждь, штоѹждни) представляетъ въ нѣкоторыхъ падежахъ первичную основу на jo-, въ другихъ же идетъ по типу основъ на о-, что объясняется отсутствиемъ всякаго критерія для произношенія сочетанія жд въ живомъ языкѣ писавшихъ на церковнославянскомъ.

Единственное число. Именительный м. р. чюждѣй, (3 Цств. VШ. 43, Остр. чюжѣи, Первop. чюжѣй—чисто русскія формы по консонантизму; Притчи С. XXVII. 2, Остр. тѹждѣи, Первop. чѹждѣи; 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюждѣи, Первop. чюждѣи; Ис. XLIII. 12, Остр. р. п. чюждего, Первop. чюждѣго) и чѹждѣй (Ис. Сир. XXXII. 20; рядомъ гóрдый, Остр. тѹждь, Первop. тѹждь).

Родительный м. р. чѹждѣгw (Ioан. X. 5, Остр. чѹжаго, Первop. чѹжаго), ж. р. чѹждѣѣ (Тов. IV. 12, Остр. друг. текстъ, Притчи С. VII. 5, Остр. тѹждеѣ, Первop. какъ въ Новой, IX. 8, Остр. тѹждеѣ=стсл. штоѹждеѣ, Первop. какъ въ Новой, XX. 16, Остр. друг. текстъ, Ис. Сир. IX. 8, Остр. чюжѣѣ, Первop. чюждѣѣ).

Дательный м. р. чѹждѣмѹ (3 Цств. VШ. 41, Остр. дат. мн. чюждимѹ, Первop. чюждѣмѹ, ср. также Остр. б. Ioан. X. 5, чѹжемѹ, Первop. чюждѣмѹ, Притчи XXVI. 17, Остр. вин. ед. тѹждь, Ис. Сир. XLIX. 7, Остр. тѹждемѹ, Первop. какъ въ Новой); ж. р. чѹждѣѣй (Притчи С. V. 20, Остр. тѹждѣи, Первop. чѹждѣѣй).

Винительный м. р. чѹждѣй (Лев. XVI. 1, Остр. чюжда, Первop. такъ же), род. вm. винит. чѹждѣго (Второз. XVII. 15, Остр. чюждаго, Первop. чюждѣго); ж. р. чѹждѣю (Притчи IX. 18, Остр. тѹждь, Первop. чѹжда).

Творительный ср. р. чѹждѣмѹ (Ис. Сир. XXI. 9, Остр. чюжимѹ, Первop. чюжимѹ).

Предложный ж. р. чѹждѣѣй (1 Макк. VI. 13, Остр. чюждеи, Первop. чюждѣѣй, 3 Макк. VI. 2, Остр. чюждеи, Первop. чюждѣѣй); м. р. чѹждѣмѹ (Ioан. X. 5, Остр. дат. ед.).

Множественное число. Именительный м. р.: чѣждѣи (Ис. I. 7, Остр. чюѣждѣи, Первоп. чюѣждѣи; 2 Цств. XXII. 45, Остр. тѣждѣи, Первоп. какъ въ Новой; Пс. CVIII. 11, Остр. русск. форма чѣжѣи, Первоп. чюѣждѣи); ж. р. чѣждѣѣ (3 Цств. XI. 4, Остр. чѣждаѣ=штоѣждаѣ, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный м. р. чѣждѣихѣ (Пс. XVIII. 14, Остр. чюѣжихѣ, Первоп. чюѣждѣихѣ; Пс. CXLIII. 7, Остр. чѣжихѣ, Первоп. чюѣжихѣ; I Макк. I. 44, Остр. чюѣждѣѣ, Первоп. чюѣждѣихѣ), но чѣждѣихѣ (2 Парал. XIV. 3, Остр. вин. мн. м. р. чюѣждаѣ, Первоп. чюѣждѣѣ; Иов. XIX. 13, вм. винит. Остр. и Первоп. чюѣжѣ р. ед.).

Дательный м. р. чѣждѣимѣ (2 Парал. XXVIII. 25, Остр. другой текстъ, 1. Цств. XXVI. 19, Остр. чѣждѣимѣ, Первоп. чюѣждѣимѣ) или чѣждѣимѣ (Пс. XLVIII. 11, Остр. чюѣжимѣ—съ очень рѣдкимъ здѣсь удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, Первоп. чюѣждѣимѣ, Иерем. III. 13, Остр. чюѣжимѣ, Первоп. чюѣждѣимѣ), ж. р. чѣждѣимѣ (3 Цств. XI. 8, Остр. и Первоп. чѣжимѣ).

Винительный м. р. только чѣждѣѣ (3 Цств. IX. 9, Остр. чѣжаѣ=руссифицированной стел. формѣ штоѣждаѣ, Первоп. чѣжѣѣ; Притчи С. V. 10. Остр. тѣждаѣ, Первоп. чѣждѣѣ; Иезек. XXVIII. 7, Остр. род. ед. вм. вин. чюѣжаѣ), ж. р. чѣждѣѣ (1 Ездры X. 2, Остр. чюѣждѣѣ, Первоп. чюѣждѣѣ), въ чѣждѣѣ рѣщѣ (прилагательное во множ. ч., существительное въ двойственномъ: Иезек. VII. 21, Остр. и Первоп. чюѣждѣѣ—правильная простая форма им. вин. зв. двойств.), но чѣждѣѣ (4 Цств. XIX. 24, Остр. вин. ед. чѣжѣѣ); ср. р. чѣждаѣ (Ис. Сир. XXIX. 22, Остр. другой текстъ. Притчи XI. 24, Остр. тѣждаѣ, Первоп. чюѣждаѣ), чѣждаѣ (Ос. VIII. 12, Остр. чюѣждаѣ, Перв. такъ же) и чѣждаѣ (единственный случай съ удареніемъ на корнѣ въ Новой библии: 2 Макк. XIV. 26, Остр. дат. ж. мн. ч. чюѣждѣѣ).

Творительный ср. р. чѣждѣими (Ис. Сир. XL. 30. Остр. тѣждѣими, Первоп. чюѣждѣими) по типу основъ на о-.

Предложный ж. р. чѣждѣихѣ (Ис. Сир. XXIX. 21, 25, Остр. тѣждѣихѣ, Первоп. какъ въ Новой; Иерем. XI. 10, Остр. чюѣжихѣ, Первоп. чюѣждѣихѣ).

Наличность такихъ формъ и написаній, какъ р. ед. м. р.

чѸждагѡ, вин. ед. ж. р. чѸждаѸю, именит. мн. ж. р. чѸждаѡ (Остр. библ.), имен. вин. мн. ср. р. чѸждаѡѡ (стслав. штоѸждаѡѡ, штоѸждаѡѡѡ, штоѸждаѡѡѡ, штоѸждаѡѡѡ), гдѣ, конечно, ѡ обозначало собой согласный непалатальный, вызвала и появленіе им. ед. м. р. чѸждаѸій, род. мн. чѸждаѸѸѸ, винит. мн. м. и ж. р. чѸждаѸѡѡ. Въ данномъ случаѣ новообразованія вызваны вліяніемъ графики. Формы и написанія чѸждагѡ, чѸждаѸю, чѸждаѡѡ и т. д. чувствовались вполне тождественными съ формами и написаніями напр. гѡрдагѡ, гѡрдаѸю, гѡрдаѡѡ и т. д., вѣдѣствіе чего возникли и вышеприведенныя формы чѸждаѸій, какъ гѡрдѸій, чѸждаѸѸѸ, какъ гѡрдаѸѸѸ и т. д.

§ 19. Степени сравненія. Въ образованіи степеней сравненія останавливаетъ на себѣ вниманіе исчезновеніе простой или неопредѣленной формы сравнительной степени. Какъ остатокъ ея, встрѣчается изрѣдка именительный ед. ж. р.: гѡрши (Мр. II. 21, Остр. и Первоп. такъ же), бѡлши (Матѡ. VI. 25, XXII. 36, Остр. волши, Первоп. бѡлши и бѡлыши), лѸчиши (Псал. LXII. 4, Остр. лѸче, Первоп. какъ въ Новой). Чаше же встрѣчаются или сложныя формы, какъ бѡлшаѡѡ (им. ед. ж. р. Матѡ. XXII. 38, Остр. болшаѡѡ, Первоп. какъ въ Новой) или новообразованія по типу прилагательныхъ простыхъ, какъ именит. ед. ж. р. бѡлженѸійша (1 Кор. VII. 40, Остр. бѡженѸійша, Первоп. какъ въ Новой), чѸждаша (Суд. VI. 15, Остр. чѸдаѸиша, Первоп. чѸдѸійша, гѡрша (М. IX. 16, Остр. горши, Первоп. гѡрши).

Характерны новообразованія именит. единств. сравнительной степени сложной (опредѣленной) формы м. и ср. р. рода, въ которыхъ находимъ основу косвенныхъ падежей, перенесенную сюда путемъ морфологической ассимиляции: крѣплшій (Числ. XIII. 32, Остр. и Первоп. именит. множ. положит. степени крѣпцы сѸтъ, стсл. крѣплѡни), чѸждашій (1 Цств. XVII. 43, Остр. другою текстъ: стсл. хоѸджин), тѡжшій (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѡжшій=стсл. тѡжин, Первоп. тѡжшій), вѡцшій (1 Сир. 27, Остр. вѡции, Первоп. какъ въ Новой), вѸшшій (Дан. VIII. 3, Остр. вѸшшій, Первоп. вѸшшій), ср. р. слѡждше (Суд. XIV. 18, Остр. слашѸе, Первоп. слѡдше), чѸждше (Прем. С. XV. 10, Остр. чѸжши, Первоп. чѸждши—по формѣ именит. ед. ж. р., но употреблено

какъ им. ед. м. р.), вы́ше (Даніиль VIII. 3, Остр. другой текстъ) и т. д. мѣчше (Ис. Сир. XXII. 10, Остр. мѣче, Первop. мѣчше), но крѣплѣе (Суд. XIV. 18, Остр. крѣплѣи, Первop. крѣплѣй).

Формы въ родѣ сладчѣе (Ис. Сир. XXII. 10, Остр. друг. текстъ), тажчѣе (тамъ же 15, Остр. другой текстъ), высочѣе (3 Ездры II. 43, Остр. высочѣиши, Первop. высочѣишій), глѣбчѣе (2 Макк. II. 31, Остр. другой текстъ) и т. д., являющіяся сами вторичными образованиями, даютъ начало формамъ въ родѣ скорѣе (Иов. VII. 6, Остр. друг. текстъ), очень правда рѣдкимъ.

Своимъ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго, обращаетъ на себя вниманіе волѣе (Дан. VII. 20, Остр. и Первop. во́ле).

Другой особенностью церковнославянскаго въ отношеніи образования степеней сравненія является присвоеніе распространеннымъ сравнительнымъ степенямъ на -ѣишій значенія превосходной степени: мѣдрѣишій (Бытія III. 1, Остр. мѣдрѣиши, Первop. мѣдрѣиши). У Мелет. Смотрицкаго находимъ строго проведенную систему, въ которой образования въ родѣ свѣтши, свѣтшаа, свѣтшеє (л. 80) представляютъ собой сравнительную степень („разсудительный степень“), а превосходную („превосходительный степень“) — образования на -ѣишій: стѣиши, -ѣишаа, стѣишеє (тамъ же).

Изъ педантичной послѣдовательности М. Смотрицкаго строятъ даже простыя формы свѣтшиа, стѣше, свѣтѣишиа, стѣише, которыя едва ли могутъ быть доказаны цитатами изъ дѣйствительныхъ памятниковъ языка.

Изъ образований на -шій, подобныхъ вышеприведеннымъ и встречающихся у М. Смотрицкаго, приведемъ нѣсколько странныхъ образчиковъ: чистши (л. 80 на об.), оубогши, правши, простши (л. 81), драгши, многши, тихши, дюжши (!!!), даже ветхши и т. д. (л. 81 на об.), славноши, честнши, смиренши, ѡкаанши и т. д. (л. 83 на об.).

Такого же происхожденія формы: вѣцши (л. 80 на об.), младши (л. 81 на об.), вошедши и въ русскій языкъ. „Превосходныя“ степени: чистѣиши, оубожайши, правѣиши, простѣиши, дражайши, множайши, тишайши и т. д.

Форма млажа́йши (л. 81 на об.), по вокализму церковно-славянская, по консонантизму (ж) руссифицирована, такъ что представляетъ собой гибридное образованіе.

Острожская біблія, какъ всегда, представляетъ болѣе древнія формы (ср. выше лѹче, вѹціи, тѹжин), которыхъ не находимъ уже въ Первопечатной; тѣмъ не менѣе и въ ней находимъ формы ср. р. съ вторичнымъ -ше, какъ слаше или м. р., какъ хѹжши. Такія новообразованія встрѣчаются изрѣдка и въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка; въ церковнославянскомъ же они получаютъ широкое распространеніе.

Въ склоненіи степеней сравненія наблюдаются также вторичныя образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковы им. множ. м. р. оўнши (Лук. XII. 7, Остр. также оўнши, Первоп. какъ въ Новой; ср. стел. им. мн. м. р. мьньше), образованный по типу именъ прилагательныхъ простыхъ съ основой на jo- и встрѣчающійся уже въ древнѣйшихъ стел. памятникахъ (Cod. Zogr. Л. XII. 7, соульши).

§ 20. Имена числительныя не вполне сохранили свою старославянскую форму. Уклоненіе представляютъ, во-первыхъ, количественныя съ 11 до 19, подпавшія уподобляющему влиянію соответствующихъ русскихъ формъ.

Вмѣсто стслав. дѹва на десѹте и т. д., находимъ двана́десѹтъ Числ. I. 44, Остр. ѿи) и т. д. какъ *дѹвѹна́дцѹтъ*; хотя изрѣдка попадаются и старинныя формы, какъ ѿбана́десѹте (Лук. VIII. 1, Остр. ѿва на десѹте, Первоп. ѿва || на́десѹте), четы́ре-на́десѹте (Матѹ. I. 17, Остр. четы́ри на десѹте, Первоп. четы́рина́десѹте) и т. д. Числительныя количественныя съ 20 до 40 также представляютъ такое же вторичное образованіе, какъ въ русскомъ, влиянію котораго и обязаны своимъ происхожденіемъ: двѹдесѹтъ (Езек. XLV. 3, 5, 6 и т. д.), трѹдесѹтъ (Числ. VII. 13, 31, 43, 55 и т. д.), четы́редесѹтъ (Лук. IV. 2) (старосл. двѹдесѹти, трѹдесѹти, четы́редесѹте), но четы́редесѹтъ (Быт. V. 13), пѹдесѹтъ (Числ. XXVI. 38) или пѹтьдесѹтъ (тамъ же II. 6), шѹстьдесѹтъ (тамъ же XXVI. 21) или шѹстдесѹтъ (тамъ же VII. 88), сѹдѹмьдесѹтъ, ѿсѹмьдесѹтъ (2 Пар. II. 2), дѹвѹтъ-

десѣтъ (Быт. V. 9, 17). У М. Смотрицкаго не только двѣдесѣтъ, трѣдесѣтъ и т. д., но и пѣтъдесѣтъ, шестъдесѣтъ, сѣдмьдесѣтъ, ѡсмьдесѣтъ, девѣтъдесѣтъ (л. 156).

Порядковыя числительныя съ *перваго* по *десятый* имѣются только въ сложной („опредѣленной“) формѣ: вин. ед. ж. десѣтъю (Левит. V. 11), пѣтъю (ibid. 16), вин. ед. м. р. сѣдмый (Лев. XIII. 5, 6), ѡсмый (ibid. XIV. 10), р. ед. м. девѣтагъ, десѣтаго (Лев. XXIII. 32) и т. д.

Въ образованіи порядковыхъ съ 11 по 19 утрачена совершенно древнѣйшая форма: порядковое числительное + на десѣте (стел. *осмын на десѣте*); имѣются только образованія въ родѣ четвертъинѣдесѣтъ, пѣтъинѣдесѣтъ (Числ. XXVIII. 16, 17, Лев. XXIII. 5, 6, Остр. и Первоп. цифры), вторъинѣдесѣтъ (Эсв. II. 16, Остр. и Первоп. цифры), второсѣдесѣтъ (тамъ же III. 7), третъинѣдесѣтъ (тамъ же III. 12) и т. д. Примѣромъ образованія съ суффиксомъ стел. — *нь* можетъ служить шестъсѣдесѣтъ лѣто (Быт. VIII. 13, Остр. и Первоп. такъ же).

Порядковыя съ 20 по 90 образуются иначе, чѣмъ въ старославянскомъ, а именно отъ основы соотвѣтствующихъ количественныхъ по типу первыхъ десяти порядковыхъ, какъ десѣтъинѣ: пѣтъдесѣтое лѣто. (Лев. XXV. 10, Остр. ѱе) и т. д. ср. стел. *двѣдесѣтънь, сѣдмьдесѣтънь*. (Супр. р.).

Склоненія числительныхъ количественныхъ трѣѣ (стел. *трѣѣ*) и чѣтыре (стел. *чѣтыре*), въ старославянскомъ еще отчасти разграниченныя, совпали почти совершенно въ церковнославянскомъ:

Единственное число; именительный м. р. трѣѣ (Быт. XVIII. 2, Остр. трѣѣ, Первоп. какъ въ Новой, Числ. XII. 4, 5, Остр. трѣѣ, Первоп. трѣѣ), но также и трѣ (2 Цств. XIV. 27, Остр. и Первоп. ѿ; 4 Цств. III. 21, Остр. трѣѣ, Первоп. какъ въ Новой)—форма тожественная съ винит. множественнаго или съ именит. множ. ж. и ср. родовъ. Поддерживаемая этими формами, она, кромѣ того, могла быть вызвана морфологической ассимиляціей къ именит. множ. основъ м. р. на *jo-*, какъ царѣѣ, мѣжи. Именит. ж. р. ...трѣ тысащы (стел. *трѣ*: Числ. I. 46); ср. р. трѣ стада (стел. *трѣ*, Быт. XXIX. 2, Остр. *трѣ*); встрѣчается и

форма именит. муж. р. въ значеніи именит. ср. трѣ мѣ сѣтъ не-
возможна (Притчи XXX. 18, Остр. трѣ... невозможни, т.-е.
именит. множ. муж. р. Перв. также трѣ... невозможни).

Именит' муж. р. пѣрсты... четыре (стсл. **четыре** образованіе
отъ основы на согласный; 2 Цств. XXI. 20, Остр. **д**), но че-
тыри внѣцы (тамъ же XXI. 22, Остр. и Перв. такъ же; 1 Парал.
XXIII. 11, 12, сынове четыри, Остр. и Перв. четыре), что
объясняется такъ же, какъ форма им. мн. м. р. трѣ. Въ ж. р.
правильно четыри (стсл. **четыри**; Зах. VI. 1, Остр. и Перв. такъ же),
но четыре (1 Цств. IV. 2, Остр. и Перв. цифры, 1 Парал. XXIII.
4, 5, Остр. и Перв. цифры). Въ ср. родѣ правильно четыри
(стсл. **четыри**. Притчи XXX. 24, Остр. четыри, Перв. какъ
въ Новой; Иезек. X. 9, 14, Остр. и Перв. такъ же), но че-
тыре (Иезек. I. 6, Остр. и Перв. четыри). Какъ видно изъ
цитатъ, форма ж. и ср. р. четыре является только въ Новой
библїи; въ Остр. и Первопечатной находимъ или цифры, или
правильную форму. Такія написанія объясняются влияніемъ рус-
скаго, въ которомъ -і и -æ въ слогѣ послѣ удареннаго звучатъ
одинаково неопредѣленно, а также графической ассимиляціей къ
готовымъ уже написаніямъ и формамъ именит. мн. м. р.

У М. Смотрицкаго находимъ для муж. р. трѣ (л. 154), ж.
и ср. р. трѣ (л. 154 на об., 155), но четыри во всѣхъ ро-
дахъ (л. 155 на об.).

Родительный падежъ м. р. какъ въ русскомъ трѣхъ (1 Пар.
XI. 24, Остр. трѣхъ, Перв. трѣхъ, Іов. XXXII. 5, Остр.
друг. текстъ); рядомъ трѣхъ (Исх. VIII. 27, Остр. другой
текстъ; 1 Парал. XI. 20, 21, Остр. трѣхъ и трѣхъ, Перв.
трѣхъ); ж. р. трѣхъ (Суд. XVI. 27, вм. винит. Остр. винит.
трѣ, Перв. трѣхъ); ср. р. также трѣхъ (4 Цств. XVШ.
10, Остр. и Перв. трѣхъ; 1 Парал. XI. 20, Остр. свое-
образный родит. двойственнаго трѣю сѣтъ, Перв. трѣсѣтъ, вы-
званный, разумѣется, морфологической ассимиляціей къ двою).
Старосл. форма трѣ не находитъ себѣ продолжателей въ целав.,
гдѣ ее замѣнило образованіе по типу мѣстоименныхъ основъ:
трѣхъ, трѣхъ (послѣдняя отъ основы именит. падежа), рядомъ

съ законнымъ предложнымъ трѣхъ (стел. трѣхъ) или тріѣхъ, какъ р. мн. тѣхъ, рядомъ съ предл. тѣхъ. У Мелетія Смотр. въ м. р. тріѣхъ, трѣхъ (л. 154), ж. и ср. только трѣхъ (л. 154 на об., 155).

Отъ четы́ре род. мн. ср. четы́рехъ (Езек. I. 5, 9, 15, Остр. и Первоп. такъ же, Апок. XV. 7, Остр. четыре, стел. уетырь или уетырь, какъ у основъ на согласный), такого же происхожденія, какъ р. мн. трѣхъ, т.-е. подъ влияніемъ параллелизма родит. и предл. надежей мн. въ мѣстоименномъ склоненіи. У М. Смотр. также четы́рехъ (л. 155 на обор.).

Дательный правильно: трѣмъ или трѣмъ (стел. трѣмъ; м. р. 1 Парал. XI. 21, 25, Остр. трѣмъ и троімъ, Первоп. трѣмъ, троімъ; Іов. XXXV. 4, трѣмъ, Остр. трѣмъ, Первоп. трѣмъ); ж. р. тріѣмъ (Іоан. II. 6, Остр. тріѣмъ); четы́ремъ (стел. уетырьмъ; муж. р. Дан. I. 17, Остр. четы́ремъ, Первоп. какъ въ Новой; средн. р. Езек. X. 11, Остр. другой текстъ). У Мел. Смотр. м. р. трѣмъ или тріѣмъ (влияніе именит. множ.), ж. и ср. трѣмъ (л. с.).

Винительный, рядомъ съ правильной формой трѣ (стел. трѣ; м. р. Быт. V. 32, ж. р. Быт. XVIII. 6, Остр. м. р. трѣ; 2 Парал. IV. 5; ср. р. Второз. XVI. 16, Остр. друг. текстъ), четы́ри (стел. уетыри; м. р. Зах. I. 20, 21, ж. р. Езек. X. 11, Остр. такъ же; ср. р. Амос. I. 6, 9, 11, Остр. такъ же), имѣются формы именит. множ. м. р.: тріѣ (1 Парал. XXI. 10, Остр. трѣ, Первоп. трѣ), четы́ре (Іов. XXXVIII. 38, Остр. четы́ри, Первоп. четы́ре; 1 Парал. XXI. 20, Остр. четыри, Первоп. четы́ри). У М. Смотр. во все́хъ родахъ трѣ (л. с.), четы́ри (л. 155 на обор.).

Творительный правильно: трѣми (стел. трѣми; м. р. 1 Парал. XI. 12, Остр. посре́дѣ трѣ; ср. р. Притчи XXX. 21, Остр. трѣми, Первоп. какъ въ Новой), или трѣми (Матѣ. XXVI. 61, Остр. трѣми, Первоп. трѣми, XXVII. 40, Остр. трѣми, Перв. трѣми, Мр. XIV. 58, Остр. трѣми, Первоп. трѣми), четы́рми (стел. уетырьми; Мр. II. 3, муж. р., Остр. четы́рми, Перв. какъ въ Новой, Исх. XXV. 35, ж. р. Остр. и Первоп. четы́рма, по

типу двѣмà). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ трѣми (л. 154, 155). Изрѣдка встрѣчается и заимствованная изъ русскаго форма тремà (ср. р. 1 Цств. XIII. 17, Остр. другой текстъ; ж. р. 1 Макк. IV. 6, Остр. и Первоп. тремà), представляющая собой плодъ взаимной ассимиляціи формъ трѣми и тремà, изъ которыхъ послѣдняя вызвана формою двѣмà. Такого же происхожденія, какъ тремà, и форма четырма (М. Смотр. л. 155 на обор., а также въ Остр. и Первоп. Исх. XXV. 35). Акцентуація трѣми, встрѣчающаяся въ Новой библии, въ Первопечатной еще отсутствуетъ и вызвана вѣроятпо вліяніемъ русскои формы *трёма*.

Предложный м. р. или правильно трѣхъ (стел. трьхъ; М. Смотр. л. 154 на обор.) или трієхъ—образованіе отъ основы именит. множ. числа тріє, подобное приведенному выше род. множ. (1 Парал. XI. 20, Остр. трієхъ, Первоп. трієхъ, Евр. X. 28, Остр. трѣ, Первоп. трієхъ). Въ ж. и ср. родѣ у М. Смотр. только трѣхъ (л. 155), но въ библии встрѣчаемъ и трієхъ (ж. рода Лук. XIII. 21, Остр. вин. трі). Отъ четыре только правильная форма четырехъ (ж. род. Іезек. I. 8, Остр. четыреѣ, Первоп. четырехъ; стел. уетырьхъ). У М. Смотрицкаго четырехъ (л. 155 на обор.). Числительныя: пѣть, шѣсть, сѣдмь, Ѡсмь, дѣвать, дѣсать и сложныя съ этимъ послѣднимъ въ единственномъ числѣ склоняются, какъ первичныя основы на еі- (і-): р. ед. сѣдмь (Быт. XLII. 48, 50, Остр. сѣмь), твор. ед. Ѡмю (Перем. XLII. 15, Остр. Ѡсмю, Первоп. Ѡсмю), дѣсатю (Быт. XXXI. 41, Остр. ѣ), предл. ед. сѣдмь (Быт. XLII. 47). Сложныя съ двѣ имѣютъ и формы двойств. числа: твор. двѣманѣдсатьма (3 Цств. XIX. 19, Остр. и Первоп. такъ же), но род. предл. двоюнадѣсати (тамъ же, Остр. двою надѣсать). Во множественномъ числѣ числительныя эти также склоняются (черта церковнославянскаго языка), но уже по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-: род. множ. дѣсатюхъ (Дан. I. 15, Остр. ед. ч. дѣсати, Первоп. дѣсатюхъ), трідѣсатюхъ (1 Пар. XII. 4, Остр. и Перв. трідѣсати), пѣтихъ (Іоа. VI. 13, Остр. пѣти, Первоп. пѣти), сѣдмюхъ (Апок. XV. 7, Остр. сѣмюхъ, Первоп. сѣдмюхъ); дат. множ. сѣдмюмъ, Ѡсмюмъ (Эккл. XI. 2, Остр. сѣдмюмъ, Ѡсмюмъ,

седмѣмъ—Апок. XV. 7, Остр. сѣмимъ, Первop. какъ въ Новой), десѣтѣмъ (Матѣ. XXV. 1, Остр. десѣтимъ, Первop. какъ въ Новой); предл. мн. седмѣхъ (Езек. III. 16, Остр. седми, Перв. седмѣхъ), по стѣ пѣтѣдесѣтихъ днѣхъ (Быт. VIII. 3, Остр. и Первop. цифрами) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, подобныя формы множ. ч. встрѣчаются уже въ Острожской библіи (на девѣть цитатъ пять случаевъ), въ Первopечатной еще чаще (семь случаевъ). У М. Смотрицкаго находимъ нѣсколько своеобразныхъ вторичныхъ формъ, которыя однако не подтверждаются библейскимъ текстомъ. Таковы р. и д. мн. пѣтѣхъ, шестѣхъ, пѣтѣмъ, шѣстѣмъ, твор. пѣтмѣ, шестмѣ, седмѣмѣ, десѣтмѣ, девѣтмѣ, десѣтмѣ и т. д., образованныя по типу склоненія трѣ и четѣре (л. 155 на обор.). Такой же педантичный характеръ имѣетъ склоненіе четѣро, приведенное на обор. л. 153.

Въ склоненіи четѣре надо отмѣтить еще акцентуацію, расходящуюся съ русской; удареніе сохраняется на томъ же слогѣ, на которомъ оно находится въ именительн. падежѣ, и не переходитъ на окончаніе, какъ въ русскомъ.

§ 21. Глаголь. Личныя окончанія первичныя. Единственное число. Первое лицо: у глаголовъ съ основой на согласный (т. наз. „архаическаго“ спряженія) старославянское -мъ даетъ -м' (цел.-мъ) только у одного глагола ѣсмь (Матѣ. XXVII. 43); прочіе же глаголы имѣютъ -м (целав. -мъ), какъ въ русскомъ: дѣмъ (Матѣ. IV. 9, Остр. дѣ, Первop. дѣмъ), предѣмъ (Матѣ. XXVI. 15, Остр. предѣмъ), вѣмъ (Матѣ. XXVIII. 5, Остр. вѣмъ, Первop. вѣмъ; Матѣ. XXVI. 70, Остр. вѣмъ, Первop. вѣмъ), ѣсповѣмъ (Матѣ. VII. 23, Остр. ѣсповѣмъ, Первop. какъ въ Новой), свѣмъ (Дѣян. Ап. XIX. 15, Остр. свѣмъ), ѣмамъ (М. XIX. 16, Остр. ѣмѣ), ѣмъ (Быт. XXVII. 4, Остр. и Первop. ѣмъ), снѣмъ (Мр. XIV. 14, Остр. и Первop. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -м (-мъ) имѣется уже въ Острожской библіи. У М. Смотрицкаго ѣсмь (л. 235), но вѣмъ (л. 238 на об.), свѣмъ, ѣмъ (л. 243), снѣмъ (тамъ же на обор.), ѣмамъ (л. 246 на об.) и дамъ (л. 151 на об.). У Л. Зизанія ѣсмъ (л. 76, 77). Старославянское -ж глаголовъ съ основой на

гласный=цсл. -ŷ (-ю): ѡдŷ (М. VШ. 19), хоѡŷ (М. ІХ. 13), глаголю (М. VШ. 10), креѡіаю (Матѡ. ІІІ. 11) и т. д. какъ въ русскомъ.

Второе лицо сохранило оба окончанія: -си у „архаическихъ“ глаголовъ, -ши у глаголовъ съ основой на гласный: ѣси (Матѡ. ІІ. 6, XXVI. 63), даси (Мр. VI. 25. Дѣянія Ап. XIII. 35), воздаси (Матѡ. V. 26), вѣси (Матѡ. XV. 12), ѡси (Мр. XIV. 12) и т. д. ѡмаши (Матѡ. XXV. 25, XIX. 21), хоѡеши (Матѡ. XIX. 21), кленѣшисѡ (тамъ же V. 33), прѣткиѣши (тамъ же IV. 6), ѡвѣщавѣши (тамъ же XXVI. 62) и т. д. У М. Смотр. ѣси (л. 235), вѣси (л. 238 на об.), ѡси (л. 243) и т. д. вѣши, стоіши (л. 251 на об.) и т. д. У Л. Зизанія ѣси (л. 76, 77).

Третье лицо. Старослав. -тъ должно было дать въ цслав. -t (-тъ), которое мы и находимъ почти во вѣхъ случаяхъ (въ русскомъ вездѣ, за исключеніемъ одной формы *естъ*). Однако, принимая во вниманіе, что въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензій, которому свойственно окончаніе 3-го л. -тъ, мы не можемъ считать современное цслав. -t (-тъ) прямымъ продолжателемъ стслав. -тъ. Окончаніе -t' (цсл. -тъ), собственное памятникамъ русской рецензій, сохранилось главнымъ образомъ у нѣкоторыхъ глаголовъ „архаическихъ“: ѣсть (Матѡ. XXVI. 66, Остр. ѣсть, Первоп. какъ въ Новой), вѣсть (Матѡ. XXIV. 36, 50, Остр. вѣсть, Первоп. какъ въ Новой), ѡспѣсть (Матѡ. X. 32, Остр. и Первоп. такъ же), оуѡвѣсть, (Мр. V. 43, Остр. оуѡвѣсть, Первоп. какъ въ Новой), снѣсть (Мр. XI. 14, Остр. снѣсть, Первоп. какъ въ Новой; Лук. XIV. 15, Остр. снѣсть, Первоп. какъ въ Новой), ѡмать (Матѡ. IX. 6, Остр. ѡмать, Первоп. какъ въ Новой; V. 23, Остр. и Первоп. такъ же; XVII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; Лев. XXI. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но снѣстѡ (Исх. XXIX. 33, Остр. ѡсть, Первоп. ѡстѡ; Лев. VII. 6, 18, 19, 20, Остр. и Первоп. ѡстѡ), ѡстѡ (Лук. IV. 2, Остр. ѡсть, Первоп. какъ въ Новой, XV. 2, Остр. и Первоп. ѡстѡ), дѡстѡ (Матѡ. VII. 11, Остр. и Первоп. такъ же), подѡстѡ (Матѡ. VII. 9, 10, Остр. подѡстѡ

и подасть, Первоп. подáст̃ и подáстѣ), прѣдáстѣ (Матѣ. X. 21, Остр. прѣдáстѣ, Первоп. какъ въ Новой; XXI. 41, Остр. прѣдáстѣ, Первоп. какъ въ Новой, XXVI. 16, 21, 23, Остр. во вѣхъ трехъ случаяхъ прѣдáстѣ, Первоп. прѣдáстѣ; ср. также дáстѣся Остр. Мр. VШ. 12), воздáстѣ (Матѣ. XVШ. 34, Остр. вздáстѣ, *Первоп. какъ въ Новой). Въ 3-мъ лицѣ аориста съ первичнымъ окончаніемъ: высть (Матѣ. XI. 1, Остр. и Первоп. такъ же, XXI. 42, Остр. высть, Первоп. какъ въ Новой, XIX. 8, Остр. высть, Первоп. какъ въ Новой). У глаголовъ съ основой на гласный звукъ вездѣ безъ исключеній: пріѣмлетѣ (М. X. 40, Остр. пріѣмлѣ и пріѣмлетѣ, Первоп. какъ въ Новой), восхóщетѣ (Быт. XXIV. 5, Остр. и Первоп. такъ же), глагóлетѣ (Исх. X. 3, Остр. и Первоп. глѣтѣ), вѣдетѣ (Лев. X. 19, Остр. и Первоп. вѣдетли), сотворитѣ (Второз. XXXI. 4, Остр. ситворитѣ, Первоп. какъ въ Новой), влѣнитѣ (Ис. XXXI. 2, Остр. влѣнитѣ, Первоп. какъ въ Новой), речѣтѣ (Ис. XLI. 7, Остр. речѣтѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -t (цсл. -тъ) является весьма распространеннымъ уже въ Острожской библіи, не только у глаголовъ съ основой на гласный, но и у глаголовъ на -ті. Немногочисленныя написанія съ -ь (см. выше) объясняются какъ остатки болѣе древней орфографіи; звуковаго значенія это -ь, очевидно, не имѣло въ виду преобладанія написаній съ -з. У М. Смотр. ѣсть (л. 235), вѣсть (л. 238 на об.), гáсть (л. 243), ѣмать (л. 246 на об.). У Л. Зизанія ѣстѣ, но высть (л. 76).

Множественное число. Первое лицо. На мѣстѣ старославянскаго окончанія -мъ, свойственнаго первично вѣмъ глаголамъ, въ церковнославянскомъ находимъ два окончанія: -шу (-мы) у глаголовъ „архаическихъ“ и -ш (-мз) у вѣхъ прочихъ. Первое изъ нихъ встрѣчается и въ старославянскомъ (-мы) рядомъ съ болѣе распространеннымъ -мз, но не у одного только класса глаголовъ на -ті, а также и у прочихъ глаголовъ.

Явленіе позднѣйшее и свойственное церковнославянскому — закрѣпленіе окончанія -мы (цсл. -мы), только за глаголами на -ті: ѣсмы (Мр. V. 9, Остр. ѣсмы, Первоп. какъ въ Новой; Лук.

IX. 12, Остр. ѣсмы, Первop. какъ въ Новой, XVII. 10, Дѣян. II. 32 и т. д. у М. Смотрицкаго какъ въ Новой, л. 235), вѣмы (Матѳ. XXI. 27, Остр. вѣмы, Первop. какъ въ Новой), ѣмамы (Матѳ. XIV. 17, Остр. неімамы, Первop. какъ въ Новой; Мр. VIII. 16, Остр. и Первop. какъ въ Новой), дѣмы (Мр. XII. 14, Остр. и Первop. такъ же; Иоан. I. 22, Остр. и Первop. такъ же), ѣмы (Дук. XXII. 8, Остр. и Первop. такъ же; 1 Кор. XV. 32, Остр. даѣмы, Первop. ѣмы), нѣсмы (Иоан. VIII. 41, Остр. нѣсмы, Первop. какъ въ Новой и т. д.

У прочихъ глаголовъ (съ основой на гласный) имѣется только -мз: трѣвѣмз (Матѳ. XXVI. 65, Остр. трѣвѣмз, Перв. трѣвѣмз), сотворімз (Матѳ. XVII. 4, Остр. сятворимз, Первop. какъ въ Новой), оудержімз (Матѳ. XXI. 38, Остр. оудрѣжимз, Первop. какъ въ Новой), да ѣмы ѣ піемз, оутрѣ бо оумрѣмз (1 Кор. XV. 32, Остр. и Первop. также: піемз... оумрѣмз) и т. д. У М. Смотрицкаго также находимъ строгое разграниченіе этихъ двухъ окончаній: ѣсмы (л. 235), вѣмы (л. 238 на об.), ѣмы (л. 243) и т. д., но читѣемз (л. 191) и т. д. У Л. Зизанія ѣсмò, ѣ (л. 76), гласимò (л. 68), вѣсмò (л. 72 на об.), ѣвѣмз (л. 57 на об.), ѣвлѣемз (л. 58), вѣставѣемз, вѣставѣймо (л. 66 на об.) и т. д. Окончаніе мо вызвано вліяніемъ малорусскаго; въ Новой библіи оно совсѣмъ не встрѣчается.

Причина, по которой произошла въ церковнославянскомъ такая строгая дифференціація двухъ окончаній, первично употреблявшихся болѣе или менѣе безразлично, заключается въ тождественности 1 л. ед. и 1 л. множ. у глаголовъ на -мі, которая несомнѣнно должна была получиться въ церковнославянскомъ: 1 л. ед. вѣмз, но 1 л. множ. вѣмы вмѣсто ожидаемаго *вѣмз. Такого совпаденія у глаголовъ съ основой на гласный не было и не могло быть: 1 л. ед. трѣвѣю, но 1 л. мн. трѣвѣемз, почему и не имѣлось никакого повода къ дифференціаціи.

Второе лицо имѣетъ окончаніе -т'е (-те), отвѣчающее стсл. -те и свойственное вѣмъ глаголамъ: глаголы на -мі—вѣсте (Матѳ. XX. 25, Остр. вѣсте, Первop. какъ въ Новой; XXVI. 2, Остр. вѣсте, Первop. какъ въ Новой), ѣмате (Матѳ. XXVI. 11, Остр.

и Перв. такъ же), ѣстѣ (Матѹ. X. 31, Остр. ѣсте, Первоп. какъ въ Новой, XXIII. 28, Остр. ѣсте, Первоп. какъ въ Новой), оувѣсте (Матѹ. IX. 6, Остр. оувѣсте, Первоп. какъ въ Новой), ѣсте (Матѹ. VI. 25, Остр. и Первоп. такъ же, Лук. V. 30, Остр. и Первоп. такъ же), прѣдѣсте (Мр. VII. 13, Остр. и Первоп. такъ же), и т. д. Глаголы съ основой на гласный: трѣвѣсте (М. VI. 8), слѣшите, видите (Матѹ. XI. 4), хѹцете (тамъ же 14) и т. д. Никакихъ особенностей это окончаніе не представляетъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ языкѣ оно сохранилось безъ измѣненія.

Третье лицо представляетъ три окончанія, изъ которыхъ два имѣются и у глаголовъ на -mĭ, и у глаголовъ съ основой на гласный, а одно только у глаголовъ на -mĭ. Эти окончанія слѣдующія: у глаголовъ на -mĭ: 1) -'at (цслв. -atъ) отвѣчаетъ стел. -atъ (-atъ стслав. памятниковъ русской рецензіи): іdĭatъ (Матѹ. XV. 2. 27, Остр. и Первоп. такъ же), dĭatъ (Исх. XXX. 13, Остр. и Первоп. такъ же), vzdĭatъ (Матѹ. XII. 36, Остр. vzdĭatъ, Первоп. какъ въ Новой), прѣdĭatъ (Матѹ. X. 17, Остр. прѣdĭatъ, Первоп. какъ въ Новой), vĭdĭatъ (Іоан. X. 4, Остр. vĭdĭatъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго vĭdĭ (л. 238 на об.), vĭdĭ (л. 239 на обор.), іdĭ (л. 243) и т. д. 2) -ut' (цсл. -utъ) отвѣчаетъ стел. -utъ (-utъ памятниковъ древней русской рецензіи). Окончаніе это заимствовано у глаголовъ тематическихъ еще въ старославянскомъ. Имѣется только въ одной церковнославянской формѣ сѹтъ (Матѹ. XIII. 38. 39, Остр. сѹтъ, Первоп. сѹтъ; XXIII. 25, Остр. сѹтъ, Первоп. сѹтъ); у М. Смотри. соѹтъ (л. 235), но у Л. Зизанія сѹтъ (л. 76) и сѹтъ (л. 77). 3) -ut (цсл. -utъ) отвѣчаетъ стел. -utъ (-utъ памятниковъ русской рецензіи): ĭmĭutъ (Матѹ. VIII. 20, Остр. ĭmĭutъ, Первоп. ĭmĭutъ, XXI. 26, Остр. ĭmĭutъ, Перв. какъ въ Новой; XXVI. 4, Остр. ĭmĭutъ, Перв. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго также ĭmĭutъ (л. 247). Изъ цитатъ видно, что окончанія эти установились въ ихъ современномъ видѣ еще въ Острожской библіи.

У глаголовъ тематическихъ имѣется два окончанія: 1) -ut

или -'ut (цел. -ѹтъ, -ѹтъ), отвѣчающее стел. -жтъ, -жтъ (-жтъ, -жтъ памятниковъ русской рецензи): нарѣкѹтъ (М. I. 23, Остр. нарѣкѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), попереѹтъ (Матѹ. VII. 6, Остр. попереѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), расто́ргнѹтъ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же), ѿждѣнѹтъ (Матѹ. V. 11, Остр. ѿждѣнѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), во́змѹтъ (Лук. IV. 11, Остр. възмѹтъ, Первоп. възмѹтъ) и т. д., вжигаютъ, поставлѹютъ (Матѹ. V. 17, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

2) -'at или -at (цел. -атъ, -атъ = стел. -мтъ, древнерусск. -мтъ): наслѣдѹтъ (Матѹ. V. 5, Остр. наслѣдѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), оу́зрѹтъ (Матѹ. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), понѹсѹтъ (Матѹ. V. 11, Остр. и Первоп. такъ же), видѹтъ (Матѹ. V. 16, Остр. видѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), приложѹтъ (Матѹ. VI. 33, Остр. и Первоп. такъ же), слышатъ (Матѹ. XI. 5, Остр. слышѹтъ, Первоп. слышатъ), вѣжатъ (Іоан. X. 5, Остр. вѣжатъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Въ грамматикахъ М. Смотрицкаго и Л. Зизанія никакихъ особенностей у этихъ окончаній не замѣчается.

Двойственное число. Здѣсь мы находимъ обиліе окончаній, находящееся, очевидно, въ связи съ малою употребительностью вообще формъ двойств. числа и ихъ исчезновеніемъ изъ живаго языка, который уже не могъ служить поддержкой въ данномъ случаѣ.

Первое лицо вмѣсто старослав. -въ имѣть въ Новой библіи -ва или -ма. Образцы перваго: хощѣва, прѹсѣва (Мр. X. 35, Остр. хощѣвъ, прѹсѣвъ, Первоп. хощѣвъ, но прѹсѣва), сѣдѣва (тамъ же X. 37, Остр. и Первоп. сѣдѣвъ), мѹжева (тамъ же X. 39, Остр. и Первоп. мѹжевъ; Матѹ. XX. 22, Остр. мѹжевъ, Первоп. мѹжеве), воспріѣмѣва (Лук. XXIII. 41. Остр. възпріѣмѣвъ, но Первоп. уже воспріѣмѣва). Образцомъ втораго окончанія -ма можетъ служить въ Новой библіи только форма ѣсмѹ (Іоан. X. 30, Остр. ѣсѣвъ, Первоп. ѣсѣва). Очень часто въ Новой библіи формы двойственнаго замѣнены формами множественнаго: ѣсмѹ (Дѣян. XIV. 15, Остр. ѣсѣвъ, Первоп. ѣсѣва; Быт. XIII. 8, Остр. ѣсѣвъ), речѣмѹ (Лук. IX. 54, Остр. речѣвъ, Первоп.

речева), приїдемъ, сотворимъ (Іоан. XIV. 23, Остр. приїдевъ, сотворивъ; Первоп. также приїдевъ, сотворивъ), мѡжемъ (Дѣян. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Отсюда видно, что старославянское окончаніе 1-го л. дв. ч. -въ еще господствуетъ въ Острожской библии; въ Первопечатной оно еще встрѣчается, но имѣетъ рядомъ и -ва, -ма и даже -вѣ; въ Новой же библии совершенно вытѣснено окончаніемъ -ва, рядомъ съ которымъ весьма рѣдко (только у глагола ѣсмь) имѣется и -ма. Въ Московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) находимъ только два окончанія, дифференцированные согласно роду: для муж. и ср. -ма, напр. чтѣма, для женскаго -мѣ: чтѣмѣ (л. 190 на об.), м. и ср. читѣма, ж. читѣмѣ (л. 191), м. и ср. читѣйма, ж. читѣймѣ (повелит. накл. л. 193), ѣсма и ѣсмѣ (л. 235) или ѣсма, ѣсмѣ (л. 192 на об.) и т. д. Въ оригинальномъ же изданіи имѣется для муж. и ср. -ва, для ж. -вѣ (л. 125). Въ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (лл. 53, 57) имѣются эти же оба окончанія -ва, -вѣ, но безъ различія родовъ, какъ и въ Первопечатной библии, гдѣ -ва и -вѣ употребляются безразлично. Такая разноголосица объясняется, конечно, малой употребительностью двойственного числа, его полнымъ исчезновеніемъ изъ живаго народнаго языка и отсюда отсутствіемъ всякаго критерія для установленія дѣйствительно правильной формы. Неудивительно, что здѣсь открывалось такимъ образомъ широкое поле для разныхъ въ значительной степени субъективныхъ образованій такихъ грамматиковъ, какъ М. Смотрицкій или Л. Зизаній. Въ основѣ всѣхъ этихъ образованій лежитъ, разумѣется, морфологическая ассимиляція. Появленіе -а вмѣсто стслав. -ъ въ церковнославянскомъ окончаніи 1-го л. дв. числа вызвано по всей видимости вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на о- и jo-). Въ пользу этого предложенія говоритъ дифференціація окончаній, находимая нами у М. Смотрицкаго, для муж. и ср. рода принимающаго окончаніе -ва (первое изданіе) или -ма (второе изданіе), какъ двѣ брата, а для женскаго -вѣ (первое изданіе) или -мѣ (втор. изданіе), какъ двѣ сѣстры. Такъ же объясняется и дуализмъ Лавр. Зизанія -ва рядомъ съ -вѣ, причемъ однако у него не замѣчается диф-

ференціаціи въ отношеніи грамматическаго рода. Согласный м вмѣсто в въ окончаніяхъ -ма, -мѣ очевидно вызванъ вліяніемъ окончанія перваго лица множ. числа: ѣсмь вызвало форму ѣсмѣ, послѣ которой возникла уже форма ж. р. ѣсмѣ. Написанія -ве въ 'родѣ вышеприведеннаго мѳжеве (Первоп. Матѳ. XX. 22, Остр. -вѣ) или искахоуе (Первоп. Лук. II. 48, Остр. -вѣ, Новая б. йскахоумз), сводятся къ первичному -вѣ и представляютъ собой скорѣе всего опечатки, въ происхожденіи которыхъ можетъ быть не безъ вліянія было совпаденіе въ русскомъ соотвѣтствій для ст.л. ѣ и ѣ.

Второе и третье лица представляютъ также уклоненія отъ старославянскаго. Вмѣсто старосл. окончаній 2 л. -та и 3-го -те, встрѣчаемъ также два окончанія -та и -тѣ, которыя не различаются по лицамъ, а только по родамъ: -та присвоено второму и третьему муж. (иногда средняго) р., а -тѣ—женскаго (иногда средняго). Эти же окончанія находимъ у М. Смотрицкаго и въ оригинальномъ (л. 125 на обор.) и въ московскомъ изданіяхъ, который по обыкновенію пользуется ими для дифференціаціи. Въ московскомъ изданіи находимъ такія формы: 2 л. вѣ віета || вѣ віетѣ; 3-е ѳна віета; ѳнѣ віетѣ (л. 184); 2 и 3 м. и средн. читѣста, 2 и 3 ж. р. читѣстѣ (л. 191), 2 и 3 м. и ср. ѣста, 2 и 3 ж. ѣстѣ (л. 235) или ѣстѣ, ѣстѣ (л. 192 на обор. По-видимому, М. Смотрицкій различаетъ вспомогательныя формы этого глагола отъ самостоятельныхъ. Въ первомъ случаѣ удареніе у него на окончаніи, во второмъ на корнѣ. Но эта дифференціаціа—чисто произвольная—является у него далеко невыдержанной); 2 и 3 м. и ср. ѣста и ж. ѣстѣ (л. 243) и т. д.

У Зизанія для обѣихъ формъ одно окончаніе -та безъ различенія рода (л. 57 и слѣд.): ѣвлѣста, а; буд. ѣвѣта и т. д.

Примѣры 2-го лица муж. рода. У глаголовъ на -ти: вѣста, ѣста (Остр. Лук. IX. 55, Первоп. вѣста, ѣстѣ, Новая б. множеств. число: вѣсте, ѣстѣ, Матѳ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: мѳжета, прѳсита, (настоящ. Матѳ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же), вѣрѣста (Матѳ. IX. 28, Остр. вѣрѣста, Первоп. какъ въ Новой), хоѳста (Матѳ. XX.

32, Остр. и Первop. такъ же), ѡбръщета (Матѳ. XXI. 2, Остр. и Первop. 2 лицо множ. числа), ѡспіета (Матѳ. XX. 23, Остр. и Первop. такъ же), но рядомъ ѡмате креститисѧ (тамъ же; Остр. и Первop. крѣтитасѧ). Подобныя замѣны формъ двойственного числа формами множественнаго, встрѣчающіяся уже въ Острожской библии, не рѣдки: ѡцете, (Матѳ. XXVIII, 5, Остр. ѡцете, Перв. такъ же, какъ въ Новой), не мѡжетъ... рещи... главѧ ногѧмъ, не трѣвѣ мѡ ѡстѣ (1 Кор. XII. 21, Остр. ногѧма... ѡстѣ, Перв. ногѧма... ѡстѣ), оузрите (Матѳ. XXVIII. 7, Остр. оузрите) и т. д.

Примѣры 3-го л. двойств. ч. У глаголовъ на -ши: муж. рода ѡста (Дѣян. Ап. IV. 13, Остр. ѡста, Первop. какъ въ Новой), ѡста (Матѳ. XIX. 6, Остр. и Первop. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: сѡдета (Матѳ. XX. 21, Остр. и Первop. такъ же), вѡдета (Матѳ. XIX. 5, XXIV. 40, Остр. вѡдета, Первop. какъ въ Новой).

Рядомъ съ этими окончаніями 2-го и 3-го л. имѣется окончаніе -тѣ, встрѣчающееся изрѣдка и въ старославянскихъ памятникахъ (Супрасльская рукопись и Саввина книга) и присвоенное женскому роду. Возможно, что оно сводится къ исконному старослав. окончанію 3-го л. двойств. ч. -тѣ. Формы съ -тѣ обьяняются вѣроятнѣе всего стремленіемъ къ большей конгруэнціи формъ глагольныхъ съ формами именит. двойств. ч. именнаго склоненія основъ ср. р. на о- и ж. на ѧ- (какъ лѣтѣ, дѣлѣ; нѡзѣ, рѣцѣ и т. д.); въ русскихъ памятникахъ сверхъ того написанія съ тѣ могли облегчаться совпаденіемъ русскихъ соотвѣтствій для тѣ и ѣ. При отсутствіи различія между этими соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, а также и въ церковнославянскомъ, различеніе окончаній -тѣ и -тѣ является особенностью графики, не языка. Примѣрами могутъ служить: 2 лицо двойств. вѣ сѧми вѣстѣ (Лія и Рахиль; Быт. XXXI. 6, Остр. вѣстѣ, Первop. вѣстѣ=2 л. множ. числа); 3-е лицо двойств. ѡчи... призираетѣ (Псал. IX. 30, Остр. и Первopеч. такъ же, Пс. X. 4, Остр. и Первopеч. такъ же), вѣжди... ѡспытаетѣ (Пс. X. 4, Остр. и Первop. такъ же), возрадѣтѣсѧ оустиѣ мой (Псал. LXX. 23, Остр. възрадѣтасѧ, Первop. какъ въ Новой); въ Новой библии встрѣчаемъ иногда

вмѣсто этого окончанія -тє, что вызывается смѣшеніемъ со вторымъ лицомъ множ: вѣдєтє двѣ (Лук. XVII. 35, Остр. вѣдетѣ, Первоп. вѣдетѣ).

Части замѣны формами множеств. числа: градѣтъ еще два гора (Апок. IX. 12, Остр. уже градѣтъ, Первоп. какъ въ Новой), пошлѣмѣтъ ѿбѣ оуши (4 Цств. XXI. 12, Остр. и Первоп. пошлѣмѣта), стѣнѣтъ ѿба (Апок. XI. 11, Остр. и Первоп. стѣнета) и т. д. Замѣны эти встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но не такъ часто, какъ въ Новой.

Окончанія личныя вторичныя. Единственное число. Первое лицо: стслав. -ъ, восходящее къ праязыковому звуковому комплексу -о-м, исчезаетъ въ церковнославянскомъ живомъ произношеніи: ѿдѣхъ, пѣхъ (Второз. IX. 18, Остр. и Первоп. такъ же) = ѿдѣх, рѣх.

Второе лицо. Роль окончанія (какъ и въ старославянскомъ) играетъ послѣдній гласный временной или глагольной основы, послѣ котораго исчезло еще въ основнославянскомъ конечное -s: сотвори (чтѣ.... нама Лук. II. 48, Остр. сзтвори, Первоп. сотвори) и т. д. Примѣровъ немного, такъ какъ обыкновенно эта форма замѣнена въ Новой библіи формами другихъ временъ: Остр. библія—сзтвори, ѿиде, ѿкраде, ѿведе (Быт. XXXI. 26, Первоп. уже сотворилъ ѣси, но ѿиде, ѿкраде, ѿведе; на поляхъ ѿшелъ ѣси, Новая б. сотворилъ ѣси, оушелъ ѣси, ѿкралъ ѣси, ѿвелъ), сзтвори (ibid. 28, Первоп. и Новая: сотворилъ ѣси), ѿзыска, ѿврѣте (ibid. 37, Первопечатная: ѿзыскалъ, ѿврѣлъ ѣси; Новая: ѿвискалъ, ѿврѣлъ ѣси), предвѣдѣ (ibid. 41, Первоп. превѣдѣ, Нов. превѣдѣлъ ѣси), видѣ (Апок. XVII. 18, Первоп. видѣ, Новая б. видѣлъ ѣси) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что эта замѣна сложной формой проявляется уже въ Первопечатной библіи, но рядомъ здѣсь имѣются и исконныя, древнія формы втораго лица; въ Новой же библіи древняя форма почти совершенно вытѣснена.

Третье лицо. Роль окончанія, какъ и во второмъ лицѣ, играетъ послѣдній гласный глагольной или временной основы, что имѣется уже въ старославянскомъ. Собственное окончаніе -ѣ исчезло еще

въ основнославянскомъ, благодаря чему получается полное совпаде-
 ніе втораго и третьяго лица. Въ противоположность второму
 лицу, замѣненному другими формами въ Новой библии, третье
 лицо остается въ новомъ церковнославянскомъ: воскресѣ (Матѣ.
 XIV. 2, Остр. възскрѣсе, Первоп. възскрѣсе), снѣде (Матѣ. VII. 25),
 ѣзмолчѣ (Пс. LXXVIII. 4, Остр. ѣзмолчѣ, Первоп. какъ въ Новой),
 раскопѣ, всыпѣ (4 Цѣств. XXIII. 12, Остр. раскопѣ, всыпѣ), ве-
 лерѣчѣва (Юд. VI. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ), раздрѣ
 (4 Цѣств. XIX. 1, Остр. раздра), восхотѣ (М. I. 19, Остр.
 възсхотѣ), пощадѣ (Иезек. XVI. 5, Остр. пощадѣ), запрети (М.
 VIII. 26, Остр. запрѣти, Первоп. какъ въ Новой), родѣса (Матѣ.
 I. 16, Остр. такъ же), ѡсквернѣви (Числ. XIX. 20, Остр.
 ѡсквернѣвилъ, Первоп. ѡсквернѣвилъ), оумѣ (Матѣ. XXVII. 27,
 Остр. такъ же) и т. д. прѣсвѣнѣше (Л. I. 22, Остр. такъ
 же) и т. д.

Множественное число. Первое лицо. Старослав. окончаніе -мъ
 даетъ въ церковнославянскомъ -мъ (-мъ): ходѣхомъ (Псал. LIV.
 15, Остр. двойств. ходѣховѣ, Первоп. ходѣхома), возжгохомъ
 (2 Макк. I. 8, Остр. вожгохомъ, Первоп. вожгохумъ), ѣзгонѣ-
 хомъ (Матѣ. VII. 22, Остр. ѣзгонѣхомъ) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -те: со-
 хранѣте (Малах. II. 9, Остр. сзхранѣте), ѡбвинѣстѣса (тамъ же,
 Остр. ѡбвинѣстѣса), велерѣчѣвѣсте (Иерем. L. 11, Остр. велерѣче-
 вѣсте, Первоп. велерѣчевѣсте), ѡстѣвѣсте (Матѣ. XXIII. 23, Остр.
 ѡстѣвѣсте), плачевѣпльствѣсте (Зах. VII. 5, Остр. плѣче вопль-
 стѣте, Первоп. плачевѣпльствѣте), слѣшѣсте (Матѣ. V. 21, Остр.
 такъ же) и т. д., въ повелительномъ: повѣдите (Матѣ. XVII.
 9, Остр. повѣдите, Первоп. какъ въ Иовой), дадите (Матѣ. XIV.
 16, Остр. и Первоп. такъ же), възвѣстѣте (Матѣ. XI. 4) и т. д.

Третье лицо на мѣстѣ старославянскихъ -ѣ и -ѣ имѣетъ -ѣ,
 -ѣ, согласно съ общимъ фонетическимъ закономъ: възрѣдовашѣса
 (М. II. 10, Остр. възрѣдовашѣ, Первоп. възрѣдовашѣса), видѣша
 (ibid. 9, Остр. видѣша, Первоп. видѣша), ѣдѣша (тамъ же, Остр.
 ѣдѣша, Первоп. ѣдѣша), рѣкѣша (Матѣ. II. 5, Остр. такъ же,
 Первоп. рѣкѣша), собрѣша (Матѣ. XXII. 10, Остр. сзбрѣша,

Первоп. соврѣаша), сказаша (Лук. II. 17, Остр. и Первоп. сказаша), дивѣшася (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. ѿмѣхуѡ (Гов. IV. 21, Остр. ѿмѣхуѡ, Первоп. какъ въ Новой), ѡрѣхуѡ, пасѣхуѡса (Гов. I. 14, Остр. ѡрѣхуѡ, пасѣхуѡ, Первоп. ѡрѣхуѡ, пасѣхуѡ), хождѣхуѡ (1 Цств. XIII. 20, Остр. и Первоп. такъ же), стицѣхуѡса (Мр. VI. 33, Остр. стицѣхуѡса, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -а, встрѣчаемыя въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ новыхъ съ -а, представляютъ собой, разумѣется, только остатки старославянской орфографіи и фонетическаго значенія не имѣютъ.

Двойственное число. Первое лицо вмѣсто старославянскаго -въ представляетъ окончанія -ва или -ма, какъ и въ первичныхъ временахъ (см. выше). Въ Новой библіи формы двойственного обыкновенно замѣнены формами множественнаго числа: ходѣхуѡмъ (Псал. LIV. 15, Остр. ходѣхуѡвъ, какъ въ старославянскомъ; Первоп. ходѣхуѡма), ѿскѣхуѡмъ (Лук. II. 48, Остр. ѿскѣхуѡвъ, Первоп. ѿскѣхуѡве). У М. Смотрицкаго: м. и ср. чтѡхуѡма, женск. чтѡхуѡмѣ (л. 190 на обор.), м. и ср. читаѣхуѡма, ж. р. читаѣхуѡмѣ (л. 191 на обор.); м. и ср. читаѣхуѡмася, ж. читаѣхуѡмѣса (л. 202 на обор.); творѣхуѡма, творѣхуѡмѣ (л. 215 на обор.) и т. д. съ такой же дифференціаціей по роду, какъ отмѣченная выше у первичныхъ окончаній. Въ первомъ изданіи (Евю) находимъ -ва и вѣ: чтѡхуѡва, чтѡхуѡвѣ и т. д. У Лавр. Зизанія иногда только—вѣ: вѣхуѡвѣса (л. 74 на об.), вѣхуѡвѣса (ibid.), вѣхуѡвѣса (ibid.), вѣхуѡвѣ (л. 76), вѣхуѡвѣ (ibid.), иногда рядомъ -ва и -вѣ: спасаѣхуѡвѣ, спасаѣхуѡва (л. 63), вѣстаѣхуѡвѣ, ва (л. 67), спасаѣхуѡва, вѣ (л. 63) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -та: ѡдѣаста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), согласѣастася (Дѣян. V. 9, Остр. сзгласѣастася, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго съ обычной дифференціаціей—творѣста, творѣствѣ (л. 215 на обор.); снѣста, снѣствѣ (л. 243 на об.) и т. д. Въ повелительномъ наклоненіи: градѣта (Матѡ. IV. 19, Остр. градѣта, Первоп. какъ въ Новой), блюдѣта (Матѡ. IX. 30, Остр. блюдѣта, Первоп. какъ въ Новой), сѣцѣта (Мр. XI. 3, Остр.

рцѣта, Первоп. какъ въ Новой), ѣдѣта, приведѣта (Матѣ. XXI. 2, Остр. ѣдѣта, приведѣта, Первоп. какъ въ Новой), прѣидѣта, вѣдѣта (Іоан. I. 39, Остр. прѣидѣта, вѣдѣта, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Нерѣдки замѣны формами множественнаго (уже въ Острожской библии): не вѣйтеса (Матѣ. XXVIII. 5, Остр. вѣйтеса), прѣидѣте, вѣдѣте, рцѣте (ibidem. 6. 7, Остр. прѣидѣте, вѣдѣте, рцѣте, Первоп. прѣидѣте, вѣдѣте, рцѣте) и т. д.

Третье лицо утратило старославянское -те, вмѣсто котораго имѣются -та (главнымъ образомъ для мужескаго рода) и -тѣ (для женскаго и средняго). Происхожденіе этихъ окончаній таково же, какъ и соответствующихъ окончаній у первичныхъ временъ. Въ основѣ ихъ лежатъ окончанія втораго лица -та и третьяго -те, которыя подъ вліяніемъ двойственнаго числа именнаго склоненія, развѣтвились на -та и -тѣ. Возможно также, что и одно первичное -те могло дать начало обоимъ даннымъ окончаніямъ. Дифференціація въ отношеніи рода представляетъ собой явленіе позднѣйшее. Въ Острожской библии она далеко не такъ послѣдовательна, какъ въ Новой.

Окончаніе -та: м. р. вѣста (Матѣ. IV. 18, Остр. такъ же), ѣдѣста (ibid. 20, Остр. такъ же), м. р. пристѣпѣста (Матѣ. IX. 28, Остр. такъ же), м. р. возопѣста (Матѣ. XX. 30, Остр. взлѣпѣста, Первоп. какъ въ Новой), м. р. вопѣста (ibid. 31, Остр. взлѣпѣста, Первоп. возопѣста), смотрѣста, падѣста (м. род. Суд. XIII. 20, Остр. такъ же).

Окончаніе -тѣ: ж. р. рцѣ создѣстѣ (Осія XIII. 4, Остр. стажѣстѣ, Первоп. стажѣстѣ), текѣстѣ, ѣдѣстѣ (Марія Магдалина и другая Марія. Матѣ. XXVIII. 8, Остр. текѣстѣ, но ѣдѣстѣ, Первоп. текѣстѣ, но ѣдѣстѣ), ѣстѣса, поклонѣстѣса (тамъ же, Матѣ. XXVIII. 9, Остр. и Первоп. въ обоихъ случаяхъ -тѣ), зрѣстѣ (обѣ Маріи; Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѣста), рцѣ твой сотворѣстѣ ма ѣ создѣстѣ ма (Іов. X. 8, Остр. сзтворѣста, сздаста, Первоп. какъ въ Новой), вѣстѣ во рцѣ (Быт. XXVII. 23, Остр. вѣста, Первоп. вѣста), вѣстѣ двѣ дщѣри (Быт. XXIX. 16, Остр. вѣста, Перв. вѣста), оутвердѣстѣса ѣгw плеснѣ и глѣзѣи (Дѣян. III. 7, Остр. и Перв. также оутвердѣстѣса).

поравѣстѣ (Пс. LXXX. 7, Остр. такъ же), послѣжистѣ рѣцѣ (Дѣян. XX. 34, Остр. послѣжистѣ, Перв. какъ въ Новой), ѣдѣстѣ, прѣидѣстѣ, прѣидѣстѣ (Руѣ I. 19, Остр. и Перв. ѣдѣста, прѣидѣста), и т. д. Изрѣдка встрѣчается и окончаніе -та: Рахоль и Лія рекѣста (Быт. XXXI. 14. Остр. такъ же).

Средн. рода: видѣстѣ Ѣчи (Второз. X. 21, Остр. и Перв. видѣста, Л. II. 30, Остр. видѣстѣ, Перв. какъ въ Новой), ѣзлімѣстѣ (Ѣчи: Плачъ Иерем. I. 16, Остр. ѣзлімѣстѣ, Перв. ѣзлімѣстѣ), оуѣстѣ двизѣстѣсѣ (1 Цств. I. 13, Остр. двизѣстѣсѣ, Перв. какъ Новой), держѣстѣсѣ (Лук. XXIV. 16, Остр. держѣстѣсѣ, Перв. держѣстѣсѣ), Ѣверзѣстѣсѣ (ibid. 31, Остр. Ѣверзѣстѣсѣ, Перв. Ѣверзѣстѣсѣ; Иоан. IX. 10, Остр. Ѣверзѣстѣ, Перв. Ѣверзѣстѣ), Ѣслѣпѣстѣ Ѣчи (Иов. XVII. 7, Остр. и Перв. Ѣслѣпѣстѣ) и т. д. Изрѣдка встрѣчаемъ окончаніе -та: прѣтѣпѣстѣсѣ Ѣчи (3 Цств. XIV. 4, Остр. Ѣмрачѣстѣсѣ, Перв. Ѣмрачѣстѣсѣ), ѣстѣмѣста Ѣчи (Иов. XVII. 5, Остр. и Перв. такъ же), Ѣверзѣстѣсѣ (Матѣ. IX. 30, Остр. Ѣверзѣстѣсѣ, Перв. такъ же въ Новой), видѣста (Второз. XI. 7, Остр. и Перв. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -та для средняго рода преобладаетъ въ Острожской и Первпечатной библіяхъ, хотя и въ нихъ изрѣдка встрѣчается новѣйшая форма съ -тѣ. Тамъ, гдѣ въ Новой библіи удержалось -та, Острожская и Первпечатная имѣютъ также -та. Исконное окончаніе -тѣ встрѣчается въ Острожской и Первпечатной, но рѣдко; на его мѣстѣ находимъ въ Новой библіи всегда -тѣ, никогда -та, что указываетъ на происхожденіе окончанія -тѣ изъ -тѣ.

Очень часты замѣны формами множественнаго числа: Ѣвѣщѣаша же ѣмъ родѣтелѣ ѣгѣмъ и рѣша (Иоан. IX. 20, Остр. и Перв. Ѣвѣщѣаша, рѣша), ѣва сѣмъ прорѣка мѣчѣша (Апок. XI. 10, Остр. и Перв. мѣчѣша); Ѣманѣе же ѣ женѣ ѣгѣмъ зрѣхѣ (Суд. XIII. 19, Остр. и Перв. глѣдѣша), рѣцѣ же... вѣша (Исх. XVII. 12, Остр. вѣша, Перв. вѣша), воздвѣгѣша, плѣкашѣсѣ (двѣ снохи Руѣ: Руѣ I. 9, Остр. и Перв. также множ. число), рекѣша (тамъ же, 10, Остр. и Перв. рекѣста), плѣкаша тамъ же, 14; Остр. плакаста, Перв. плѣкаста), плѣкашѣсѣ Ѣва (Тов. XI.

8, Остр. и Первоп. начѣста плѣкати), поидѣша (Рафаиль и Товѣй. Тов. XI. 3, Остр. и Первоп. ѣдѣста).

Въ Острожской и Первопечатной преобладаетъ двойственное число; случаи замѣны встрѣчаются и здѣсь, но очень рѣдко.

§ 22. *Образованіе глагольныхъ формъ.*

Въ отношеніи тематическомъ церковнославянскій глаголь не уклоняется замѣтно отъ старославянскаго и представляетъ такіе же классы спряженія.

Въ образованіи отдѣльныхъ временъ замѣчаются уклоненія, вызванныя частью фонетическими причинами, частью процессомъ морфологической ассимиляціи.

Уклоненія эти однако не особенно значительны и имѣются далеко не у всѣхъ глагольныхъ формъ.

Настоящее время. Изъявительное наклоненіе не отличается особенно отъ старославянской нормы, за исключеніемъ вышеуказанныхъ особенностей въ окончаніяхъ. Въ отношеніи тематическаго образованія оно сохранило всѣ характерныя черты старославянскаго. Замѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя немногочисленныя уклоненія, вызванныя частью процессами морфологическаго уподобленія, частью вліаніемъ русскаго языка.

1) Формы, вызванныя морфологической ассимиляціей: снабдѹ 1 л. ед. ч. (Иезек. XXXIV. 16, Остр. снабжѹ, ср. также Числ. XXIII. 12, снабжѹ, Первоп. снабжѹ. Въ списекъ XVI в. снабвжюу, см. Востоковъ словарь цел. языка), вмѣсто *снабждѹ или по крайней мѣрѣ *снабжѹ; ѡдождѹ (Исх. XVI. 4, Остр. ѡдождѹ, Перв. уже ѡдождѹ, Иезек. XXXVIII. 22, Остр. ѡдождѹ, Перв. ѡдождѹ), надождѹ (Ам. IV. 7, Остр. надождѹ, Первоп. какъ въ Новой). Здѣсь, кромѣ формъ въ родѣ разширѹ (Исх. XXIII. 18), ѡспражнѹ (Иез. XXX. 13) и т. п., вліяли также формы другихъ лицъ, какъ снабдѣтъ, надождѣтъ и т. д. Возможно, впрочемъ, что -ждѹ въ приведенныхъ формахъ есть попытка изобразить палатальность сочетанія звуковъ ж'з' (см. выше, стр. 153). У М. Смотрицкаго, кромѣ дождѹ, имѣется цѣлый рядъ подобныхъ новообразованій, не встрѣчающихся, впрочемъ, въ текстѣ Библии: гнѣздѹ, вдѹ, даже вегѹ. Рядомъ съ формами скорблѹ,

терплю, онъ приводитъ также вызванныя морфологической ассимиляціей къ прочимъ лицамъ формы мѣртыю, грѣмю (л. 169). Ни одна изъ этихъ формъ въ текстѣ Библии не встрѣчается, за исключеніемъ дождю.

2) Формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка (съ ж вмѣсто жд и ч вмѣсто шт): сѣжѣ (Іер. XL. 10, Остр. сѣжѣ), пощажѣ (Іер. XXI. 7, Остр. другой текстъ), оутвержѣ (Лев. XVII. 10, Остр. другой текстъ), ѡзверчѣ (1 Цетв. XI. 2, Остр. и Перв. такъ же), вѣжѣ (Іоан. XX. 25, Остр. и Перв. такъ же), возвѣжѣ (Іоан. XI. 11, Остр. и Перв. возвѣждѣ) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ подобныя же формы вѣжю, молочю, рожю, хожю (л. 230). У глаголовъ нетематическихъ обращаетъ на себя вниманіе загадочная форма вѣдѣ, встрѣчающаяся въ Острожской и Первопечатной, но въ Новой замѣненная обычнымъ вѣмъ (Второз. XXXI. 27. 29) и представляющая собой весьма вѣроятно первое лицо ед. числа средн. залога (medium), какъ лат. *vidi*, скр. *tutudé* (ср. Brugmann. Grundriss der vergl. Gramm. Bd. II. 1892, стр. 1262, § 894, а также Н. Hirt. Indogerm. Forschungen II. Bd. 1893, стр. 358).

Повелительное наклоненіе. Единственное число, второе лицо: рядомъ съ первичными формами въ родѣ возмѣ, ѡди, востѣни (Матѣ. IX. 6, Остр. взстѣни, вззмѣ, ѡди, Перв. какъ въ Новой), ѡзыди (Мр. V. 8, Остр. ѡзыди, Перв. какъ въ Новой), теци, рци (Зах. II. 4, Остр. теци, гѣи, Перв. теци, гѣи), привлецѣ (Іс. XXVII. 3, Остр. привлецѣ, Перв. какъ въ Новой), вѣрзи (М. XVIII. 9, Остр. вѣрзи, Перв. вѣрзи), лѣзи (2 Цетв. XIII. 5, Остр. и Перв. такъ же), встрѣчаются и вторичныя, вызванныя морфологической ассимиляціей: вѣржи (Іезек. XXIII. 47, Остр. развѣи), повѣржи (Исх. VII. 9, Остр. и Перв. повѣрзи), ѡвѣржи (Іс. L. 13, Остр. ѡвѣрзи, Перв. какъ въ Новой), вмѣсто которыхъ въ Острожской библии находимъ еще древнюю форму. Въ этихъ формахъ сказалось вліяніе такихъ, свойственныхъ уже старославянскому, формъ, какъ: вѣжѣ (Быт. XXVII. 43, Остр. и Перв. такъ же, Матѣ. II. 13, Остр. вѣжи, Перв. какъ въ Новой, Числ. XXIV. 11, Остр. и Перв.

такъ же), солжи (4 Цств. IV. 16, Остр. солжи, Первон. какъ въ Новой), въздѣжи (I. Сир. XIII. 2, Остр. въздѣжи, Перв. какъ въ Новой) и т. д., а также и формъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени. Глаголь хоцѣ имѣеть 2 л. пов. хоци (3 Езд. VIII. 27, Остр. и Первон. хоцѣши), восхоци (I. Сир. VI. 35, Остр. възхѣци, Первон. какъ въ Новой, *ibid.* VII. 13, Остр. възхѣти, подѣ влияніемъ темы неопредѣленнаго наклоненія, какъ въ русскомъ *хотѣ*, Первон. какъ въ Новой, 3 Цств. XX. 8, Остр. възхѣци, Первон. какъ въ Новой), какъ уже въ старославянскомъ (см. Miklosich. *Altslovenische Formenlehre in Paradigmen* W. 1874, стр. 47). Глаголы нетематическіе сохраняютъ старославянскія формы: ѣждь (Суд. XIII. 4. 7), повѣждь (2 Цств. XVIII. 21), дѣждь (I. Нав. XV. 19) и т. д. Въ смыслѣ повелительнаго употреблено 2 л. ед. изъявит. въ Пл. Іерем. (III. 64. 65): въздѣси ѣмъ, Гѣди, въздѣніе, по дѣлѣмъ рѣкъ и хъ. Воздѣси ѣмъ застѣплѣніе и т. д. (Остр. ѣдаси и ѣдѣси, Первон. ѣдѣси).

Двойственное число. Формы перваго лица не встрѣчается; вмѣсто нея встрѣчаемъ соотвѣтственную форму изъявительнаго наклоненія: да сѣдѣва (Мр. X. 37, Остр. и Первон. сѣдѣвѣ). Старославянская форма была бы сѣдѣвѣ. Окончаніе -вѣ въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ уступило мѣсто окончанію -ва (см. выше стр. 321), а на мѣстѣ -ѣ- находимъ -е-, что указываетъ на одинаковое съ общерусскимъ (и вызванное влияніемъ этого послѣдняго) употребленіе формъ изъявительнаго наклоненія (съ значеніемъ будущаго вр.), вмѣсто повелительнаго. То же имѣеть мѣсто въ первомъ лицѣ множественнаго (см. ниже стр. 328). Второе лицо встрѣчается довольно часто и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ новообразованіе по типу глаголовъ нетематическихъ и глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -і-, какъ видѣта (Іоан. I. 39, Остр. видѣта, по типу такихъ, какъ стел. идѣта, Первон. какъ въ Новой), стел. видѣта, трѣпѣта, хвалѣта, дѣдѣта, вѣдѣта, идѣта и т. д.: градѣта (М. IV. 19, Остр. градѣта, Первон. какъ въ Новой), влудѣта (Мате. IX. 30, Остр. влудѣта, Первон. какъ въ Новой), идѣта (Мр.

ХІ. 2, Остр. ѣдѣта, Первоп. какъ въ Новой), прїидѣта (Іоан. І. 39, Остр. прїидѣта, Первоп. какъ въ Новой), привѣдѣта (Лук. ХІХ. 30, Остр. привѣдѣта, Первоп. какъ въ Новой; Мр. ХІ. 2, Остр. привѣдѣта, Первоп. какъ въ Новой), рцѣта (Лук. ХІХ. 31, Остр. рцѣта, Перв. рцѣта, Мр. ХІ. 3, Остр. рцѣта, Перв. какъ въ Новой).

Какъ видно изъ цитатъ, Новая біблія представляетъ только -і-та, въ Острожской вездѣ находимъ еще -ѣ-та, Первопечатная, за единственнымъ исключеніемъ, имѣеть, какъ и Новая, -и-та. Старинная форма съ -ѣ-та встрѣчается въ Новой бібліи очень рѣдко: ѣдѣта (Лук. ХХІІ. 10, Остр. ѣдѣта, Первоп. ѣдѣта), рцѣта (ibid. 11, Остр. рцѣта, Первоп. какъ въ Новой). Въмѣсто двойственнаго находимъ часто множеств. число: бѣйтеса (Мате. ХVІІ. 7, Остр. вонтеса), востаните (ibid. Остр. встанѣте, Перв. какъ въ Новой), ѣдите (Мр. ХVІ. 7, Остр. ѣдѣте, Перв. какъ въ Новой, Лук. ХІХ. 30, Остр. ѣдѣте, Перв. какъ въ Новой), рцѣте (тамъ же, Остр. рцѣте, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской и Первоп. бібліяхъ. Третье лицо встрѣчается весьма рѣдко: нїицѣ ѣ оубѣогѣ восхвалїта ѣма твоѣ (Пе. LXXIII. 21, Остр. възхвалїта), Очи мой да видїта правотѣ (Пе. ХVІ. 2, Остр. видѣта по образцу стел. несѣта, берѣта, Первоп. видїта), оустнѣ мой похвалїтѣ та (Пе. LXXII. 4, Остр. съ древнимъ окончаніемъ похвалїта, Перв. какъ въ Новой): стел. видїта, хвалїта.

Множественное число. Формы перваго лица на -имъ отъ глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго при помощи суффиксовъ -і-, -јо- или -је-, какъ оубѣнчїимъ (Прем. С. II. 8, Остр. вѣнчаѣ, Первоп. вѣнчаѣмъ = изъявит. наклон.), насладїмса, оупотрѣбїмъ (тамъ же, 6, Остр. поживѣ, оублѣжимса, Первоп. поживѣмъ, оублѣжимса), сотворїмъ, пощадїмъ, оустыдїмса (тамъ же 10, Остр. сзтворї, пощадїмъ), їстѣжимса (Ис. І. 18, Остр. сзвопрашаѣ, Первоп. сзвопрашаѣмъ), поїмъ (Исх. ХV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), возопїмъ (1 Макк. IV. 10, Остр. възопїѣ, Первоп. възопїѣмъ), дадїмъ (1 Макк. ХV. 35, Остр. дадѣмъ, Первоп. какъ въ Новой), сздѣдїмъ (4 Цств. VI. 28.

29, Остр. ѡѡдѡмъ, зѡдѡмъ, ѡзѡдѡмъ, Перв. ѡдѡмъ, ѡзѡдѡмъ) и т. д. вызвали новообразования: начнѡмъ (2 Макк. II. 33, Остр. п Первоп. начинѡемъ), поидѡмъ (Ис. XXX. 21, Остр. ѡдѡмъ, Первоп. ѡдемъ), нападѡмъ (Пер. XX. 10, Остр. друг. текстъ: погѡнѡ), востѡнимъ (Пер. XLVI. 16, Остр. ед. ч. вѡстѡни), совѡрѡмса (Гезек. XXXIII. 30, Остр. свѡерѡмса, Перв. совѡерѡмса) и т. д. Исконныя формы 1 л. множ. на -ѡмъ почти не встрѣчаются, кромѣ: предѡемъ (Тов. XI. 2, Остр. другой текстъ: да прѡидемъ на прѡ), а также рѡемъ (2 Ездры III. 5, Остр. глаголемъ). Въ настоящемъ случаѣ ц указываетъ на исконный повелительный, хотя вмѣсто ѣ находимъ ѡ подъ влѡяніемъ весьма частыхъ случаевъ замѣны повелительнаго формами изъявительнаго наклоненія, какъ напр.: идѡмъ, двѡгнемъ (3 Езд. IV. 14, Остр. также ѡдемъ, двѡгнемъ, но 15. поидѡмъ, двѡгнѡмъ, Первоп. поѡдемъ, двѡгнѡмъ, Нов. поѡдемъ, двѡгнемъ), внѡидѡмъ (Пс. CXXXI. 7, Остр. и Первоп. также), пожрѡмъ, вѡзмѡмъ, прѡймѡмъ (Притчи С. I. 12—13, Остр. пожрѡмъ, вѡзмѡмъ, прѡймѡмъ, Перв. какъ въ Новой), взѡидѡмъ (Ис. II. 3, Остр. вѡзындѡмъ, Первоп. вѡзыдемъ, Перем. VI. 5, Остр. вѡзындѡмъ, Первоп. вѡзыдемъ, 1 Макк. IV. 36, Остр. вѡзындѡмъ, Первоп. вѡзыдемъ), поѡдемъ (Перем. VI. 16, Остр. ходѡмъ, Первоп. хѡдимъ; Зах. VIII. 23, Остр. ѡдѡ, Первоп. ѡдемъ; 1 Макк. V. 57, Остр. ѡдемъ, Первоп. ѡдемъ), свѡжемъ (Ис. III. 10, Остр. свѡжѡ), изѡчѡмъ, поѡчѡмъ, созѡждемъ (Ис. IX. 10, Остр. оуѡчѡмъ, поѡчѡмъ, свѡградѡмъ, Перв. такъ же и соградѡмъ), созѡждемъ (Быт. XI. 4, Остр. созѡждѡ), сѡдемъ, внѡидѡмъ (Перем. XLII. 13. 14, Остр. сѡдемъ, внѡидѡмъ), растѡргнемъ || растѡргнимъ, ѡвѡержемъ || ѡвѡержимъ (Пс. II. 3, Остр. растѡргнемъ, ѡвѡержемъ, Первоп. растѡргнемъ, ѡвѡержемъ) и т. д. Замѣна эта, какъ видно, имѣется уже въ Острожской библии.

Второе лицо множественнаго числа, рядомъ съ первичными формами на -ите глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -i-, какъ напримѣръ: дадите (Быт. XXIII. 4, Остр. такъ же), ѡдите (Исх. XXIII. 15, Остр. ѡдите, Лев. X. 12. 13. 14, Остр. ѡдите), повѡдите (Дан. II. 9, Остр. повѡдите, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. сотворите

(Исх. XXIII. 14, Остр. снабдите), украсите (Исх. III. 22, Остр. такъ же), слышите, вѣдите (Ос. V. 1, Остр. слышите, вѣдите) и т. д., представляетъ обиліе новообразованій, вытѣснившихъ совершенно исконныя формы на -ѣте: рцѣте (Лев. XI. 2, Остр. глѣте, Быт. XXIII. 8, Остр. поглѣте), пощѣте (Исх. XXXIV. 13, Остр. изъявит. да пощѣте), оущѣте, въздите, принесите, созиждите (Агг. I. 8, Остр. оущѣте, възидѣте, принесѣте, созиждете, Первоп. оущѣте, въздите, принесите, созиждете), востаните (Тов. VI. 18, Остр. другой текеть), совершѣте (Быт. XLIX. 2, Остр. свверѣте), вѣдите (Суд. IX. 19, Остр. и Перв. вѣдете), впрѣдите (1 Цетв. VI. 7, Остр. взирѣдите), возмите (ibid. Остр. возмѣте, Первоп. какъ въ Новой), станите (1 Цетв. X. 19, Остр. и Первоп. такъ же), ѣдите, понцѣте (1 Цетв. IX. 3. Остр. ѣдѣта, пощѣте, Первоп. ѣдита, понцѣта), поимѣте, ведѣте (3 Цетв. I. 33, Остр. поимѣте, ведѣте, Перв. поимѣте, ведѣте), пожрите (Лев. XIX. 5, Остр. положите), послѣте (Числ. XXXI. 4, Остр. послите), ѡтослѣте (Быт. XLV. 1, Остр. другой текеть ѡтѡспите), сѣдите (Р. IV. 2, Остр. и Первоп. сѣдѣте), въздѣжите (Пс. 133. 2, Остр. въздѣжите, Первоп. въздѣжите), повѣрзите (Быт. XXXV. 2, Остр. поврѣзѣте, Первоп. какъ въ Новой), прѣдите (3 Ездры IV. 14, Остр. прѣдѣте, Первоп. какъ въ Новой), вѣдите, возмите, принесите (Числ. XVI. 16. 17, Остр. вѣдете, възмѣте, принесите, Первоп. вѣдете, възмите, принесите) прикоснитѣся (ibid. 26, Остр. прикоснетѣся, Перв. какъ въ Новой), прѣдите, въздите, помозѣте (I. Нав. X. 4, Остр. възидѣте, помозѣте, Первоп. възидѣте, помозѣте), ѡвѣрзите, изведѣте (I. Нав. X. 22. Остр. ѡврѣзите, изведѣте, Перв. какъ въ Новой), донесите, поимѣте (Быт. XLIII. 11. 13, Остр. донесите, но поимѣте, Первоп. какъ въ Новой), имѣте (II. II. II. 15, Остр. имѣте, Первоп. изъявит. ѣмете), плачите (2 Цетв. I. 24, Остр. такъ же), ѡтросѣте, разсыплите (Дан. IV. 11, Остр. пощѣте, рассыплете, Перв. пощѣте, разсыплите) и т. д. Исконныя формы съ -ѣте не встрѣчаются совсѣмъ въ Новой библіи, вмѣсто нихъ находимъ позднѣйшія новообразованія, какъ въ русскомъ. Въ Первопечатной онѣ встрѣчаются, но очень рѣдко (одинъ

случай изъ всѣхъ вышеприведенныхъ). Новообразования съ -ите встрѣчаются довольно часто уже въ Острожской библии; нерѣдки также здѣсь и въ Первопечатной замѣны повелит. наклоненія изъявительнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Новой уже имѣемъ новообразование съ -ите (Новая вѣдите, Остр. вѣдете) и т. д. Подъ влияніемъ перваго лица ед. числа повѣждь, оувѣждь и такихъ отношеній, какъ стѣни—стѣните, верѣ—верѣте и т. д., возникаетъ вторичная форма втораго лица множ. оувѣждьте (1 Цетв. XIV. 38, Остр. и Первоп. изъявит. вмѣсто повелит. оувѣсте), рядомъ съ исконными формами оувѣдите (Числ. XVI. 30, Остр. да оувѣсте), повѣдите (Дан. II. 9, Остр. повѣдите) и т. д. Возстановленіе первичнаго заднеязычнаго согласнаго подъ влияніемъ родственныхъ формъ представляетъ форма стрегѣте (Ис. XXI. 11, Остр. снабдите). Глаголь хоцѣ имѣетъ во второмъ лицѣ множ. ч. хоцѣте (Перем. XIII. 15. Только въ Острожской и Первопечатной, въ Новой другой текстъ). Третье лицо множ. числа не встрѣчается. Вмѣсто него имѣемъ всегда изъявительное наклоненіе съ частицей да. Также не встрѣчаются формы типа стел. бниавъ, бниамъ, бниате, имѣвшіяся въ старослав. Вмѣсто нихъ находимъ болѣе новыя формы, какъ вѣте (Числ. XXV. 17, Остр. вѣте, Перв. какъ въ Новой), ѣзвѣте (ibid. 5, Остр. какъ въ Новой, Перв. ѣзвѣте) и т. д. Формальное тожество изъявительнаго и повелительнаго у извѣстныхъ основъ, повидимому, послужило источникомъ дифференціаціи ихъ по ударенію. Такъ 2 Парал. XIX. 6. 7 читаемъ: вѣдите, чѣ вы творите, не человекскій во вы сѣдз творите... ѣ нынѣ да вѣдетъ страхъ Гдѣнь на васъ, ѣ храните, ѣ творите, ѣкв нѣсть... неправды и т. д. (Остр. творите, сятворите || повел. творите); сѣдите повел. (Зах. IX. 12, Остр. и Первоп. сѣдете), но сѣдите изъяв. (Суд. XVШ. 8, Остр. другой текстъ), изъявит. да въ заповѣдехъ моихъ ходите, ѣ сѣды моѣ ѡхраните, ѣ сотворите ѣ (Лезек. XXXVI. 27, Остр. ходите., снабдите., сятворите., Первоп. ходите... снабдите... сотворите), но сотворите повелит. (Исх. XXШ. 14. 15. Остр. сятворите, снабдите, Первоп. сотворите, снабдите), повел. ѣдите (Исх. XXШ. 15, Остр. и Первоп. такъ же), но изъявит. ѣдите (Лезек. XXXIV. 3, Остр. ѣдите)

и т. д. Удареніе на самомъ личномъ окончаніи свойственно только формамъ изъявительнаго наклоненія, а въ повелительномъ оно является большею частью на послѣднемъ гласномъ основы: изъяв. творитѣ || повел. творитѣ. Въ томъ случаѣ, если удареніе находится на корнѣ, дифференціаціи между повелит. и изъявительн. не наблюдается: изъяв. видитѣ || повел. сѣдите. Подобной дифференцировки помощью ударенія мы также не находимъ часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъявительное наклоненіе отличается уже отъ повелительнаго: послетѣ изъяв. (1 Цств. VI. 3, Остр. и Первоп. такъ же) и послитѣ повелит. (Числ. XXXI. 4, Остр. послитѣ, Перв. какъ въ Новой), хотя это и не проведено строго: испитѣ изъяв. (Иезек. XXXIX. 18, 19) и пѣитѣ повелит. (ibid. 17. Остр. ѣспитѣ и пѣтѣ, Первоп. ѣспитѣ и пѣтѣ), приведетѣ изъяв. (Мал. I. 8, Остр. приведетѣ, Первоп. какъ въ Новой) и повелит. ведитѣ (3 Цств. I. 33), ѣзведитѣ (I. Нав. X. 22) и т. д. Случаи такой акцентуаціи 2-го лица множ. ч. изъявительнаго наклоненія очень часты: ѣ да не ѣсквернитѣсѣ (Лев. XVIII. 30, Остр. ѣсквернитѣсѣ, Первоп. ѣсквернитѣсѣ), такъ да не сотворитѣ (ibid. Остр. сѣтворитѣ, Первоп. сотворитѣ), да не сотворитѣ (ibid. XXIII. 3, Остр. и Первоп. творитѣ), да раздѣлитѣ (Лев. XXV. 46, Остр. и Первоп. раздѣлитѣ), ѣще... сохранитѣ ѣ сотворитѣ (ibid. XXVI. 3, Остр. снабдитѣ, сѣтворитѣ, Перв. снабдитѣ, сотворитѣ), вселитѣсѣ (ibid. 5, Остр. вселитѣсѣ, Перв. какъ въ Новой), ѣще же не послѣшаетѣ... ниже сотворитѣ (ibid. 14, Остр. послѣшаетѣ... сѣтворитѣ, Первоп. какъ въ Новой), ни покоритѣсѣ (ibid. 15, Остр. другой текстъ), ѣгда же согрѣшитѣ, ѣ не сотворитѣ (Числ. XV. 22, Остр. сѣгрѣшитѣ, сѣтворитѣ, Перв. какъ въ Новой), да не сотворитѣ (ibid. XXIX. 7. 12, Остр. сѣтворитѣ и сѣтворитѣ, Первоп. сѣтворитѣ), ѣ да не ѣсквернитѣ землі, на нѣйже живетѣ (ibid. XXXV. 34, Остр. ѣсквернитѣ, живѣтѣ, Первоп. какъ въ Новой), словеса, ѣже сотворитѣ (Второз. I. 18, Остр. сѣтворитѣ, Первоп. сотворитѣ), да поживетѣ (ibid. IV. I, Остр. поживѣтѣ, Первоп. какъ въ Новой), да не приложитѣ (ibid. 2, Остр. и Первоп. приложитѣ), потребитѣсѣ (ibid. 26, Остр. потребитѣсѣ, Первоп. какъ въ Новой), да вонитѣсѣ

(*ibid.* VI. 2, Остр. да сѧ вѡнте, Первоп. да сѧ вѡйте), дѡндеже ѡскоренитѣ (*ibid.* VII. 23, Остр. 2 л. ед.), ѡкв сотворитѣ (*ibid.* XXXI. 29, Остр. сотвористѣ), оу̀клонитѣсѧ (*ibid.* Остр. и Перв. склѡнитѣсѧ), ѡще оубв не возвѣститѣ (Дан. II. 5. 9, Остр. не совѣститѣ, Перв. не совѣститѣ), ѡще же возвѣститѣ (*ibid.* 6, Остр. совѣститѣ, Перв. совѣститѣ), ѡще ѡстѣйлѣ пѣтѣ, не вы ли ѡстѣйлѣ пѣтѣ (Зах. VII. 6, Остр. ѡстѣ, пѣте, Перв. какъ въ Нов.), ѡще... повелитѣ... ѡ поучитѣ (3 Езд. XIV. 34, Остр. повелитѣ, пооучитѣ, Перв. какъ въ Новой), ѡще приведетѣ (Мал. I. 8, Остр. приведете, Перв. какъ въ Новой), да... воцаритѣсѧ, да поживетѣ (Притчи С. IX. 6, Остр. вѡцрѣтѣсѧ, поживете, Первоп. воцрѣтѣсѧ, поживетѣ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, случаи такой акцентуаціи начинаютъ встрѣчаться уже въ Острожской библии, Первопечатная представляетъ ихъ еще чаще, но особенно часты они въ Новой.

Источникомъ ея надо считать русскія діалектическія формы съ подобнымъ удареніемъ, какъ *ходитѣ*, *носитѣ* и т. д., малор. *несетѣ*, *плететѣ*, *горитѣ* и т. д., особенно послѣднія.

Дифференціація тождественныхъ формъ втораго лица множ. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненія при помощи ударенія, имѣющаяся въ малорусскомъ, вполне напоминаетъ только что разсмотрѣнную церковнославянскую, для которой она и послужила, очевидно, главнымъ источникомъ: хвалитѣ изъяв. || хвалитѣ повел., горитѣ изъяв. || горитѣ повелит.; ср. также параллели—плететѣ || плет'ите, несетѣ || нес'ите, гребетѣ || гребите, печетѣ || печите, мретѣ || мрѣте, бьетѣ || бѣйте, беретѣ || берѣте и проч. Весьма вѣроятно, что эти разницы акцентуаціи вызвали и церковнославянскія параллели въ родѣ творитѣ изъяв. || творитѣ повелит. Акцентуація втораго лица множ. ч. изъявительнаго на окончаніи -тѣ представляетъ собой вполне вѣроятную праславянскую еще особенность (ср. Н. Hirt. Zu den slavischen Auslautgesetzen. Indogerm. Forschungen. Bd. II. 1892, стр. 347, а также Брандта. Начертаніе славянской акцентологіи. 1880, стр. 92. Прим. 2).

Рѣдкое третье лицо множественнаго числа повелительн. стсл. **бѣдѣ**, вмѣсто котораго мы ожидали бы въ церковнославянскомъ ***бѣдѣ**, замѣняется соответствующей формой изъявит. съ частицей

да: да вѣдѣтъ чресла́ ва́ша и т. д. (Лук. XII. 35, Остр. и Первоп. такъ же, Зограф. Ассеман. Савина Кн.: вѣдж урѣсла ва́ша и т. д.).

У Мел. Смотрицкаго въ двойств. и множеств. числахъ повелит. находимъ обыкновенно формы изъявительнаго наклоненія: чтѣ ты, да чтѣтъ ѡнъ, муж. и ср. чтѣма, чтѣта, да чтѣта; женск. чтѣмѣ, чтѣтѣ, да чтѣтѣ; чтѣмъ, чтѣте, да чтоутъ (л. 192 на об.—193); то же самое въ такъ называемомъ „будущемъ повелительномъ“: прочтѣ, да прочтѣтъ и т. д. (л. 193). Ничѣмъ почти не различается отъ этихъ формъ его „молительное наклоненіе“: чтѣ ты, чтѣ ѡнъ; дв. м. и ср. чтѣма, чтѣта, чтѣта; ж. р. чтѣмѣ, чтѣтѣ, чтѣтѣ; чтѣмъ, чтѣте, да чтоутъ (л. 193 на об.). „Будущее молительное“ отличается только прибавленіемъ префикса про и еще 2 л. мн. прочтѣте. У глаголовъ нетематическихъ, какъ стсл. вѣмъ, находимъ у М. Смотрицкаго частью формы дв. и множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ второго лица ед. ч., частью новообразованія по типу глаголовъ тематическихъ: вѣждь ты, да вѣсть ѡнъ; дв. м. и ср. вѣждьма, вѣждьта, да вѣдѣта, ж. вѣждьмѣ, вѣждьтѣ, да вѣдѣтѣ; мн. вѣждьмы, вѣдѣмъ, вѣдѣте, да вѣдѣтъ (л. 239 на об.). Почти то же находимъ и въ его „молительномъ наклоненіи“ нетематическихъ глаголовъ: вѣждь ты, вѣждь ѡнъ; м. и ср. дв. вѣждьма, вѣждьта, вѣждьта; ж. вѣждьмѣ, вѣждьтѣ, вѣждьтѣ; мн. вѣждьмы или вѣдѣмъ, вѣдѣтѣ, да вѣдѣтъ (л. 139 на обор.). Иначе представляется повелительное глагола ꙗмъ, гдѣ мы находимъ смѣсь исконныхъ формъ и новообразованій: ꙗждь ты, да ꙗсть ѡнъ; дв. муж. и ср. ꙗдѣма, ꙗдѣта, да ꙗдѣта; ж. ꙗдѣмѣ, ꙗдѣтѣ, да ꙗдѣтѣ; мн. ꙗждьмы или ꙗдѣмъ, ꙗдѣте, да ꙗдѣтъ (л. 244); „будущее повелительное“ въ свою очередь представляетъ нѣкоторыя особенности: снѣждь ты, да снѣсть ѡнъ; дв. м. и ср. снѣждьма, ждѣта, да, дѣта; ж. снѣждьмѣ, ждѣтѣ, да, снѣдѣтѣ, мн. снѣждьмы или снѣдѣмъ, дѣте, да снѣдѣтъ (ibid). По типу тематическихъ глаголовъ образованы формы 2 л. ед. дади, види, ꙗди, которыя, однако, самъ авторъ называетъ менѣе употребительными (л. 200). Огромное большинство приведенныхъ здѣсь формъ въ текстѣ Библіи совсѣмъ не встрѣчается и должно быть приписано

педантичному творчеству самого автора. Дифференціаціи по ударенію сходныхъ формъ изъявит. и повелит. накл. (особенно 2 л. мн. ч.), подобной вышеуказанной, у М. Смотрицкаго (Московское изданіе) не имѣется: изъяв. 2 мн. чтѣте (л. 190 на обор., изд. Евю четѣтѣ) и повелит. чтѣте (л. 193), изъяв. 2 множ. творите (л. 215 на обор.), буд. сотворите (л. 216) и повел. творите, сотворите (л. 216 на об. и 217, изд. Евю твѣрите, сотвѣрите), одинаково сотворитесь (л. 223 на об. сторонахъ) и т. д. Исключеніе представляютъ формы 2 л. мн. „буд.“ прочтѣте (л. 192) и „буд. повел.“: прочтѣте (л. 193), а также 2 л. мн. „наклоненія подчинительнаго“, вида совершеннаго: чтѣтѣсь (л. 207).

Евюнское изданіе представляетъ больше случаевъ такой дифференціаціи, Московское же, приуроченное до извѣстной степени къ московскому (великорусскому) нарѣчію, сохраняетъ ее, кажется, только по недосмотру въ рѣдкихъ случаяхъ. Это обстоятельство подтверждаетъ косвеннымъ образомъ высказанное выше предположеніе, что источникомъ помянутой дифференціаціи является подобная же малорусская. Другимъ подтвержденіемъ является акцентуація изъявительнаго и повелительнаго наклоненія, находящая у Лаврентія Зизанія. Здѣсь имѣется дифференціація, вполне напоминающая малорусскую и церковнославянскую: „изъявит. будущ.“ іавита, іавитѣ (л. 57 на об.), но „повелит. будущ.“ да іавита, іавитѣ (л. 58); спасита, спаситѣ (л. 63), „настоящее изъявит.“ гласита, гласитѣ (л. 68 на обор.) и изъявит. будущ. възгласита, ситѣ (л. 69), но повелит. будущ. възгласита (л. 71), възгласитѣ (л. 71 на об.), „молитвенное дѣлат. настоящ.“ да гласита, гласитѣ (л. 71 на об.), „молитв. будущ.“ да възглашѣ... ита, възгласитѣ (л. 72), настоящ. изъявит. вѣста, вѣстѣ (л. 72 на об.) и т. д.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ сохраняетъ въ общемъ старославянскія черты тематическаго образованія, хотя у перваго замѣчается не мало новообразованій, а также и наклонность къ замѣнѣ формъ простыхъ формами сложными. Старинное краткое причастіе дѣйствительн. залога м. р. встрѣчается довольно рѣдко: м. р. ходѣ (2 Цств. VII. 6, Остр. пребывѣѣ), хотѣ (3 Цств. XIII. 1, Остр. такъ же),

молча (ibid. XXI. 7, Остр. молча, Первоп. какъ въ Новой), йщл (2 Пар. XXVI. 15, Остр. другой текстъ), видл (1 Макк. IV. 35, Остр. другой текстъ), мщл (Пе. XCVIII. 8, Остр. такъ же), потлс, тцлс (Прем. I. Сир. XI. 11, Остр. потлс, тцлс), сказл, разлшл (Дан. V. 12, Остр. сказл, разлшл), глагол (Быт. XLIV. 32, Остр. другой текстъ), стлн (Быт. IV. 12. 14, Остр. такъ же), плчл (Перем. Плачъ I. 2, Остр. плача), понича, притворлс (Ис. Сир. XIX. 24, Остр. понича, раслшл), пл (Лук. VII. 33—34, Остр. пл, Первоп. пл) и т. д.; въ значеніи средняго рода (рѣдко): ѡслвл (Зах. XI. 17, Остр. ѡслвл, Первоп. какъ въ Новой), просвлцл (I. Сир. XLII. 16, Остр. свлтлс). Рядомъ гораздо чаще сложныя формы: сплй (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Перв. спл), злждай (3 Ц. IX. 1, Остр. и Перв. злжда, Пе. CXLVI. 2, Остр. злжай, Первоп. какъ въ Новой), помоглй (1 Ездры X. 15, Остр. помогаша), прихлдлй, разлмлй (Неем. X. 28, Остр. разлмлн, оукрпллйс, но проклинал), хлталй (1 Макк. VII. 5, Остр. хлталн), ѡволгалй (2 Макк. III. 11, Остр. знос, Перв. ѡнос), вывалй (ibid. IV. 5, Остр. вывалн), созлдалй, ѡсновалй (Зах. XII. 1, Остр. сзлдал, Перв. созлдалй), мстлй, потребллй (Наумъ I. 2, Остр. лстлн, ѡчицллй, Перв. мстлй, лстлй, ѡчицллй), запрлцлй, лзлшлй, ѡплстошлй (ibid. 4, Остр. запрлцлн, посллшлй, лскажалн, оумаллй), прлслдлй (Иов. XXXI. 9, Остр. прлслдл, Первоп. прлслдл), слдлй (Быт. XLIX. 17, Остр. и Первоп. слдл; Второз. VI. 7, Остр. слдлн, Перв. какъ въ Новой), влдлй (ibid. XIII. 1, Остр. влдл, Первоп. влдл), ѡсзллй, помоглй (ibid. XXVIII. 29, Остр. ѡсзллн, но помгалл, Перв. ѡсзллй, но помгалл), голлй (Суд. IV. 16, Остр. женылн), слдлй (ibid. XI. 27, Остр. друг. текстъ), лмлй (Иов. VI. 5, Остр. лмлл, Первоп. какъ въ Новой), боллс (ib. VII. 2, Остр. боллс), держаллс (I. Сир. IV. 14, Остр. дрлжлнс), трлждллйс (ib. XI. 11, Остр. трлждллнс), возлцллй (Дан. V. 12, Остр. свлвстл, Первоп. совлвстл), длллй (Быт. IV. 2, Остр. дллл, Первоп. дллл) и т. д. Никакихъ особыхъ отлнковъ значенія съ той или другой формой, повидимому, не со-

и въ Острожской уже является въ сложной формѣ: и сѣ Гаѡлз спѡй снѡмз въ колесницѣ царстѣй, и копѣе ѣгѡ водрѡжено въ зѣмлю (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Первоп. спѡ); и высть ѣгѡ скончѡ Голомѡнз зѣждай хрѡмз Гднь (3 Ц. IX. 1, Остр. и Первоп. зѣжда); а не ѣакоже вѣ ѡволгѡмѣй нечестѣвый Гѣмѡнз (2 Макк. III. 11, Остр. зносѡ, Первоп. сносѡ); и ѡще присѣдѡмѣй выхз при двѣрѣхз ѣѡ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣдѡ, Перв. присѣдѡ); встрѣчаются однако и противоположные случаи: ѡще же востѡнетз., прѡрокз, илѣ видѡмѣй сѡнѣ, и дѡстз тебѣ знѡменѣе (Второз. XIII. 1, Остр. видѡ, Первоп. видѡ); драгѡмѣ (вѣщъ) мѡжз творѡмѣй мѣлѡсть (Притчи С. XX. 6, Остр. творѡмѣ) и т. д. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ только зародышъ известной дифференціаці простыхъ и сложныхъ формъ причастія настоящаго дѣйств. м. р. въ отношеніи значенія и употребленія; зародышъ этотъ, имѣвшійся уже въ старославянскомъ (ср. Зогр. Ев. Лук. XI. 10: всѣкъ ко просѡ прѣмѣлѣтъ, ѣ ншѡмѣ окрѣтѡетъ) и т. п., однако, дальнѣйшему развитію не подвергся.

Необходимо замѣтить, что все сказанное здѣсь относится только къ причастию настоящ. дѣйств. м. р. на -л (у глаголовъ, имѣющихъ въ основѣ настоящ. времени гласный -н- или суффиксы -jo-, -je-); причастіе же м. р. на -мѣ (отъ всѣхъ прочихъ глаголовъ) въ церковнославянскомъ совершенно утратило простую форму и является только въ сложной: ѣдѣй (2 Ц. V. 10, Остр. ѣдѣи), сѣй (1 Парал. II. 21, Остр. сѣи), ѣдѣй и растѣй (ibid. XI. 9, Остр. ѣдѣи и растѣи, Первоп. какъ въ Новой), прѡстрѣй (Зах. XII. 1, Остр. прѡиѣи), пасѣй (Исх. III. 1, Остр. пасѣи), крадѣй (Второз. XXIV. 7, Остр. крадѣи, Первоп. крадѣй), могѣй (I. Нав. XIV. 11, Остр. могѣи, Первоп. какъ въ Новой), ѣдѣй и ѣдѣй (Суд. XIV. 9, Остр. ѣдѣи, ѣдѣи), зѡвѣй (1 Ц. III. 9, Остр. зѡвѣи), ждѣй (Іов. VII. 2, Остр. ждѣи), свѣдѣй (ibid. 20, Остр. свѣдѣи, Первоп. свѣдѣй), процвѣтѣй (ibid. XIV. 2, Остр. процвѣтѣи), клѣнѣйсѡ (Пе. XIV. 4, Остр. клѣнѣисѡ), блѡцвѣтѣй (Дан. IV. 1, Остр. блѡ цвѣти, Первоп. какъ въ Новой), трѡсѣйсѡ (Быт. IV. 12. 14, Остр. трѡсѣисѡ), ѣдѣй (Лук. VII. 33. 34, Остр. ѣдѣи, ѣдѣи, Первоп. ѣдѣй, ѣдѣи).

Зогр. Е. ѣды), вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Первop. какъ въ Новой, Зогр. вѣды), ѡвергійса (Лук. XII. 9, Остр. ѡвергійса, Зогр. отвѣргы) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, замѣна простой формы сложною имѣется уже въ Острожской библи; форма простая встрѣчается здѣсь весьма рѣдко; Первопечатная ближе въ этомъ отношеніи къ Новой, хотя и въ ней изрѣдка можно найти простую форму, въ Новой совершенно вытѣсенную сложной. Въ значеніи средняго рода форма эта встрѣчается очень рѣдко и тоже только въ сложномъ видѣ: ѡце во тѣло твоє... не ѡмый нѣкіа части тѣмны, вѣдетъ свѣтло (Лук. XI. 36, Остр. ѡмы, Первop. какъ въ Новой, Зогр. ѡмы). Обыкновенно же, вмѣсто этой болѣе древней формы, мы находимъ для средняго рода сложную форму, образованную подѣ влияніемъ основы косвенныхъ падежей: лице ѣгѡ вѣ градѣще во Іерусалимъ (Лук. IX. 53, Остр. грады, Перв. градый, Зогр. грады, Ев. Добрил. 1164 градзи); свидѣтельство Гдѣне вѣрно, оумѡдрѡюще младѣнцы (Ис. XVШ. 8, Остр. оумѡдрѡа, Перв. какъ въ Новой); ѡбличіе ѣгѡ высоко, стоѣще преѡ лицѣмъ твоимъ (Дан. II. 31, Остр. и Первop. стоѡ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, простая форма была еще въ Острожской библи, въ Первопечатной встрѣчается рѣже, а въ Новой совсѣмъ вытѣснена сложной формой. Рядомъ съ приведенными выше исконными простыми и сложными формами причастія настоящ. дѣйств. м. и ср. рода, являются и довольно многочисленныя (именно въ муж. р.) новообразованія.

Такъ, въ церковнославянскомъ весьма часта простая форма причастія муж. р., тождественная съ исконнымъ винит. ед. муж. рода (простой формы): стоѣщъ (1 Цств. XXVШ. 20, Остр. и Первop. стоѡ), пїѡщъ (3 Ц. XX. 12, Остр. ѡспивалъ), стрѡщъ (2 Макк. II. 13, Остр. стрѡщи, Первop. стрѡщи), хотѡщъ (ibid. III. 8, Остр. кончѡа, X. 24, Остр. друг. текстъ, V. 9, Остр. и Перв. хотѡ), вѣдѡщъ (ibid. VII. 28, Остр. друг. текстъ), возносѡщъ (ibid. 34, Остр. възносѡ, Первop. възносѡ), терпѡщъ (ibid. 39, Остр. друг. текстъ), ѡмѡщъ (ibid. VIII. 3, Остр. друг. текстъ), взимѡщъ (ibid. 6, Остр. възимающе, Перв. възимѡюще),

дышѹцѣ (ibid. IX. 7, Остр. ѳгнѣдышѹцѣ, Первоп. дышѹ), лежѹцѣ (ibid. 21, Остр. и Первоп. лежѹ), ѡвходѹцѣ (ibid. 25, Остр. друг. текетѣ), послѣдѹюцѣ (ibid. 27, Остр. винит. родит. послѣдѹюца), ѣмѹцѣ (ibid. X. 13, Остр. другой текетѣ), радѹцѣ (ibid. XI. 15, Остр. радѹ, Первоп. радѹ), вѣжѹцѣ (ibid. XII. 22, Остр. другой текетѣ), взираюцѣ (ibid. 45, Остр. зрѣи, Первоп. зрѣи), даюцѣ (ibid. XV. 15, Остр. прош. дѣвши, Первоп. дѣвѣ), содержѹцѣ (3 Макк. II. 3, Остр. сдържѹцѣ, Первоп. содержѹцѣ), любѹцѣ (3 Макк. II. 9, Остр. и Первоп. любѹ), оумножѹюцѣ (ibid. 19, Остр. другой текетѣ), лежѹцѣ (3 Ездры III. 1, Остр. лежѹцѣ, X. 30, Остр. друг. текетѣ), глагѹюцѣ (3 Ездры X. 29, Остр. и Первоп. глѹици въ значеніи муж. р., VI. 17, Остр. глѹици, Первоп. глѹицѣ) и глагѹюцѣ (ibid. IX. 30, Остр. глѹицѣ въ значеніи им. ед. м. р. Первоп. глѹици), мѣрѹцѣ (ibid. IX. 1, Остр. мѣрѹци, Первоп. мѣрѹци въ значеніи им. ед. м. р.), ѣсходѹцѣ (ibid. XII. 17, вин. ед.: Остр. ѣсходѹцѣ, Первоп. какъ въ Новой), развоѹюцѣ, ѣмѹюцѣ (Лев. XI. 3, Остр. дѣлѹ, копыта, Первоп. дѣлѹ, копыта), вѣлѹюцѣ, радѹцѣ (Лев. XIII. 19, Остр. вѣлѹцѣ, радѹцѣ, Первоп. вѣлѹцѣ, радѹцѣ), царствѹюцѣ (Эсѣ. III. 13, Остр. цѣрѣствова), вѣжѹцѣ (Ис. Сир. XI. 10, Остр. и Первоп. вѣжѹ), покарѹюцѣ (Ис. III. 8, Остр. покарѹютѣ) и т. д. Форма эта, какъ видно изъ цитатъ, является главнымъ образомъ въ Новой библии и здѣсь преимущественно въ тѣхъ частяхъ ея, которыя подверглись особенной переработкѣ для Елизаветинской редакціи, т. е. въ книгахъ Маккавеевъ, Ездры, Эсѣири и друг. (см. статью Чистовича объ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ. Православное Обозрѣніе 1860, № 5, стр. 42, 54). Въ Острожской и Первопечатной библияхъ на мѣстѣ этихъ новообразованій встрѣчаемъ болѣе древнія, исконныя формы простого причастія наст. врем. м. р. Здѣсь встрѣчается только винит. ед., какъ, напри- мѣръ, ѣсходѹцѣ (Остр. 3 Ездры XII. 17), ѣстоѹцѣ (2 Макк. XII. 29, Первоп. ѣстоѹцѣ, Нов. ѣстоѹцѣи) и т. д. Зато здѣсь встрѣчаемъ довольно часто форму женск. рода или именит. множ. (простую) въ значеніи имен. ед. муж. р.: вѣхѹ глѹици (3 Ездры X. 29, VI. 17, Нов. глагѹюцѣ), лежѹцѣ скорѣци (3 Ездры III.

1, Нов. иначе), мѣрѣци (Остр.) и мѣрѣци (Первоп. 3 Ездры IX. 1, Нов. мѣрѣци) и т. д., взимающе (2 Макк. VIII. 6, Нов. взимающъ), дышѹще (ibid. IX. 7, Первоп. дышѹ, Нов. дышѹщъ), глѹще (Остр. 3 Ездры IX. 30, Первоп. глѹци, Нов. глагѹлющъ) и т. д. Употребленіе простой формы ж. р. вм. м. р. изрѣдка наблюдается и въ Новой библии: по всемѹ, ѣлику просѹлаз ѣси ѿ Гда Бга твоегѹ..., глагѹлюци (Второз. XVIII. 16, Остр. и Первоп. глѹще), ѿ аще смиритса (врагъ) ѿ пойдеть понѹкши (I. Сир. XII. 11, Остр. и Перв. также понѹкши) и т. д., какъ въ современномъ русскомъ. Формы простаго именит. множеств. въ значеніи именит. ед. муж. р. въ Новой библии не встрѣчается. Это употребленіе было свойственно (изрѣдка) Острожской библии, въ Первопечатной встрѣчается еще рѣже, а въ Новой исчезаетъ совершенно, что объясняется, очевидно, болѣею (въ извѣстномъ смыслѣ) исправностью текста этой послѣдней. Подобное вышеприведенному новообразованію муж. р. (вѣжѹщъ, ходѹщъ и т. д.) имѣется и въ среднемъ родѣ (очень рѣдко): ѿстоѹщо (1 Макк. VIII. 4: ѿ мѣсто вѣ далѣче... Остр. и Первоп. ѿстоѹ). Вмѣсто этихъ вторичныхъ простыхъ формъ муж. и ср. р. встрѣчаются и сложныя формы, развившіяся изъ нихъ подъ вліяніемъ вообще исконнаго параллелизма простыхъ и сложныхъ формъ у другихъ морфологическихъ категорій (именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и т. д.): муж. р. словѹщій (2 Макк. XIV. 37, Остр. слѹвыи, Первоп. слѹвий), вин. ед. ходѹщій (Аввак. I. 6, Остр. другой текстъ вин. ж. р.), покрывѹющій (Лев. IV. 8, Остр. иначе ѿже на...), возрастѹющій (I. Сир. XLIII. 8, Остр. ж. р.), движѹщійса (Быт. VII. 21, Остр. ср. р. движѹщееса), плѣжѹщій (Лев. XI. 41, Остр. плѣжѹщійса, Первоп. плѣжѹщійса), вдаѹщій, размышлѹющій (Iис. Сир. XXXIX. 1, Остр. другой текстъ), влѣщѹщійса (вин. ед. Лев. XIII. 25, Остр. иначе: влѣщѹніе), ѿставлѹщій (Притчи II. 17, Остр. ѿставлѹа, Первоп. ѿставлѹа), дѣржѹщійса (Лезек. XLVIII. 18, Остр. дѣржѹа, Первоп. дѣржѹа) и т. д., ср. р. дѣржѹщееса (3 Ц. VII. 36, Остр. другой текстъ), содержѹщеа, ѿмѹщеа (2 Макк. IX. 18, Остр. простая форма ѿмѹще, Первоп. ѿмѹще), ходѹщеа (Лев. XI. 42,

Остр. другой текстъ, м. р. *ходѣи*), *вещищееса*, *провѣлюющееса* (Лев. XIII. 24, Остр. *вещиаса*, *вѣлюющееса*, Первоп. *вещиаса*, *вѣлюющееса*), *продолжающееса* (Иезек. XLVII. 19, Остр. другой текстъ), *измѣняющееса* (Лев. XIII. 7, Остр. и Первоп. *измѣняючи*), *процвѣтающее* (Лев. XIII. 57, Остр. и Первоп. *процвѣтаа*), *превывающее* (Лев. XIV. 44, Остр. *преывааетъ*), *веселющееса* (Притчи С. XVII. 22, Остр. *весело*), *восходящее* (Ив. Сир. XXVI. 20, Остр. *взходаа*, Первоп. *восходаа*), *возвѣщающее* (I. Сир. XLIII. 2, Остр. *проповѣдаа*), *дышщее* (*ibid.* 4, Остр. иначе), *пожигающее* (*ibid.* Остр. ср. р. *жегыи*, Первоп. *жегыи*), *простирающее* (*ibid.* Остр. *простираа*, Первоп. *простираа*), *оумалющееса* (*ibid.* 7, Остр. *оумаласаа*, Первоп. *оумаласаа*), *сіяющее* (I. Сир. I. 7, Остр. *сиаа*, Первоп. *сиаа*) и т. д. Въ старославянскомъ сложное (опредѣленное) причастіе настоящ. вр. въ муж. родѣ представляло только формы типа *несый*, *хвалый*, въ среднемъ родѣ *несжштее*, *хвалштее*. Такимъ образомъ приведенныя выше формы м. р. *словущий*, *ходущий* и т. д. представляютъ собой несомнѣнныя церковнославянскія новообразованія; напротивъ, формы ср. рода, какъ *имущее*, *ходущее* и т. д., въ морфологическомъ отношеніи могутъ быть признаны исконными старославянскими, хотя и употребляются гораздо чаще, чѣмъ въ настоящихъ старославянскихъ памятникахъ.

Тѣ же, приблизительно, отношенія замѣчаются у причастія настоящего времени ж. р. Простая его форма еще встрѣчается довольно часто: *живущи* (4 Ц. IV. 13. 16, Остр. *живущи*, *жива*), *вѣзираючи* (Тов. XI. 4, Остр. друг. текстъ), *видячи* (2 Макк. VII. 20, Остр. такъ же), *держачи* (Быт. XXIV. 45, Остр. *дрзжачи*), *сѣчи* (Притчи XXVII. 7, Остр. *сѣчи*), *пождаючи* (Числ. XIII. 33, Остр. *пождѣщи*), *вслѣдствѣючи* (Руѣв II. 2, Остр. *вслѣствѣючи*), *оуповаючи* (Псалт. XXII. 5, Остр. *оуповаючи*), *изсыхаючи* (Зах. XI. 17) и т. д.

Рядомъ находимъ и сложную форму, которая отличается отъ старославянской *вслѣдствіе* морфологической ассимиляціи къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ: стсл. *несжшти-и* || цслав. *несѣща-а*, какъ *добраа*, *кака* и т. д. Формы эти довольно часты,

и на ихъ мѣстѣ въ Острожской и Первопечатной мы находимъ обыкновенно еще простую форму: вращающася (3 Ц. VI. 34; Остр. иначе), просвѣщающаа (Пе. XVШ. 9, Остр. просвѣщаючи, Перв. какъ въ Новой), вводѣщаа (Иезек. XL. 44, Остр. вводѣщаа два раза), ѡкрѣжающаа (Быт. II. 11, 13, Остр. 13: ѡбходѣщи, Первощ. ѡбходѣщи), прохѡдѣщаа (ibid. 14, Остр. идѣщи, Первощ. идѣщи), движащася (Быт. VII. 21, Остр. движащася, Первощ. какъ въ Новой), зеленѣющася, червленѣющася (Лев. XIV. 37, Остр. и Первощ. простое прич. м. р. зеленѣющася, червленѣющася), призывающася (I. Сир. XXVI. 8, Остр. ѡбщающася, Первощ. ѡбщающася), вертѣщася (I. Сир. XXXIII. 5, Остр. вртѣщася, Первощ. вертѣщася), сртѣющаа (I. Сир. XLIII. 24, Остр. сртѣючи, Первощ. сртѣючи), свѣтѣщася (I. Сир. L. 7, Остр. и Первощ. свѣтѣщася), износащася (ibid. 11, Остр. и Первощ. износащи), сожителствѣющаа (сія же есть — мужу: Быт. XX. 4, Остр. ѣсть жила) и т. д. Таковую же морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ находимъ въ именит. множ. сложной формы: живѣщи (и рядомъ подъ вліяніемъ современныхъ русскихъ формъ живѣщи: I. Нав. X. 6, Остр. живѣщи и живѣщи — старославянская форма, Первощ. какъ въ Новой), прѣвгорчевѣающіи (Пе. LXV. 7, Остр. старинная форма прогнѣвающеи, Перв. какъ въ Новой), ѡдѣржавѣающіи (Притчи XVШ. 21, Остр. старинная форма дрзжащеи, Первощ. дѣржащи), высокогладѣающіи (въ значеніи ср. р. Ис. V. 15, Остр. старинная форма гладѣющеи, Первощ. какъ въ Новой), пристѣпающіи (Иезек. XL. 46, Остр. старинная форма пристѣпающеи, Первощ. какъ въ Новой), болѣщи (Матѣ. IX. 12, Остр. и Первощ. такъ же), глѣощіи (ibid. X. 20, Остр. старинная форма глѣощеи, Первощ. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно, Острожская біблія въ большинствѣ случаевъ представляетъ исконную старославянскую форму (стел. несжште-н=цел. несѣщеи), которая изрѣдка однако и здѣсь уже уступила мѣсто новообразованію, а въ Первопечатной и Новой бібліяхъ вытѣснена окончательно. Именительный множ. ж. р. также представляетъ морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прила-

гательнымъ: жены ...оуповающа (1 Петра гл. III. 5, Остр. еще исконная форма оуповающа, Первop. какъ въ Новой). То же наблюдается въ винительн. множ. муж. рода: живущыа (Апок. XIII. 12, 14, Остр. живущаа, живущаа, Первop. какъ въ Новой, стсл. муж. и женск. живжшитаа) и т. д. Въ Острожской тоже встрѣчается еще старинная форма, тогда какъ Первопечатная и Новая представляютъ уже новообразования. Подробнѣе о различныхъ новообразованияхъ въ склоненіи сложныхъ причастій, см. выше, стр. 293—301. Какъ результатъ взаимнаго вліянія причастій на -а и причастій на -ы, можно привести многочисленныя формы: вѣдѣи (Неем. X. 28, Остр. тоже вѣдѣи, Первop. какъ въ Новой), ж. р. вѣдѣици (Марк. V. 33, Остр. вѣдѣици), множ. ч. вѣдѣице (Лук. VIII. 53, Остр. такъ же, Зогр. вѣдѣице), рядомъ съ вѣдѣи (Лук. IX. 47, Остр. вѣдѣи, Первop. какъ въ Новой), живѣи (I. Сир. XXV. 10. 11, Остр. живѣи, Первop. какъ въ Новой), рядомъ съ живѣи (Іоан. VI. 57, Остр. живѣи), жрѣи (ibid. XXXV. 2, Остр. жрѣи, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Эти формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ. У Лавр. Зизанія находимъ рядомъ формы простыя и сложныя: причастіе наст. вр. іавлѣи, ж. юци, ср. ющеє (л. 59); „прич. страд. наст.“ спасѣица, ж. спасающиса, ср. спасающеєса (л. 68), „прич. дѣлательное“: вѣи, вѣици, вѣищеє (л. 74), сѣи, ж. сѣици, ср. сѣищеє (л. 77 на об.) и т. д.

Замѣчаются произвольныя попытки временной дифференціаціи формъ различныхъ залоговъ. Такъ у него находимъ формы „будущаго“ причастія (сложныя): іавлѣищій, аа, еє (л. 59), възглашѣищій, възглашѣици, възглашѣищеє (л. 70—71), вѣищій, вѣищаа, вѣищеє (л. 74), вѣдѣищій, вѣдѣищаа, вѣдѣищеє (л. 77) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ разграниченіе сложныхъ формъ отъ простыхъ; первыя называется у него *причастіями*, вторыя *дѣепричастіями*; тѣ и другія имѣютъ свое склоненіе. Примѣры: причастіе дѣйств. зал., вида соверш., настоящ. чтыи и чтоуции, чтоуцаа, чтоущеє; „учащат. вида“: читѣи и читѣици, читѣицаа, читѣищеє (л. 198 на об.). Дѣепричастія: чты и чтоуци, ж. чтоуци, ср. чтоуциє (л.л. 199 на обор. и 200); „учащат.“

читаѣм и читаюциѣ, ж. читаюци, ср. читающе (л. 200). Причастія: творѣи и творѣици, ж. творѣицаѣ, ср. творѣище (л. 219 на обор.), „учашат.“ творѣи, творѣици и проч. (л. 220). Дѣепричастія: творѣ, творѣци, ж. творѣици, ср. творѣище (л. 220 на обор.) и т. д. Отъ глаголовъ нетематическихъ: причастія — сѣи и соуци, соуцаѣ, соуще (л. 237 на обор.); дѣепричастія: сѣи, коудѣ (NB), соуци, ж. соуцици, ср. соуцище (л. 237—238) и т. д. причастія — м. вѣды и вѣдыци, ж. вѣдыцаѣ, ср. вѣдыще или муж. вѣди, вѣдици, ж. вѣдыцаѣ, ср. вѣдыще (л. 241); дѣепричастія — вѣды или вѣдыци, ж. вѣдыци, ср. вѣдыще или вѣдѣ, вѣдыци, ж. вѣдыци, ср. вѣдыще (л. 242).

Такой же параллелизмъ формъ на -ы, -ый и -ѣ, ѣй имѣется и у причастій отъ глагола ѣмь: ѣдыи или ѣдыи и т. д. ѣды, ѣды; ѣдоуциѣ, ѣдыци; ѣдоуци, ѣдыци; ѣдоуцио и ѣдыцище (л. 245). Окончаніе -о въ ѣдоуцио, вѣроятно, вызвано стремленіемъ дифференцировать тождественныя формы имен. множ. ѣдыцище и им. ед. ср. р. ѣдыцище. Въ общемъ отношеніи между различными формами, находимыя у М. Смотрицкаго, согласуются съ выведенными выше изъ библейскаго текста. Въ текстѣ не встрѣчаются только формы простыхъ причастій (по М. Смотрицкому „дѣепричастій“), въ родѣ чтѣи, сѣи, ѣды, вѣды и т. д. (см. выше). Своеобразно также коудѣ, приравниваемое имъ къ формамъ сѣи и соуци. Кромѣ приведенныхъ формъ, большинство которыхъ можетъ быть подтверждено текстами, мы находимъ у него цѣлый рядъ его собственныхъ новообразованій, въ родѣ „дѣепричастія“ будущаго времени: прочтоуциѣ, ж. и, ср. ѣ (л. 201), страд. залога чтѣицаѣ, чтоуцицаѣ, чтоуцицаѣ (л. 210 на обор.), будущ. страд. залога прочтоуцицаѣ, прочтоуцицаѣ, прочтоуцицаѣ (л. 212) и т. п., которыя мы можемъ оставить въ сторонѣ, какъ не реальныя.

Причастіе страдательнаго залога настоящаго времени въ общемъ не уклоняется отъ старославянскаго, за исключеніемъ довольно частой замѣны суффикса простаго причастія муж. рода ед. ч. -т (цслав. -мз) = стсл. -мъ, посредствомъ -т' (цслав. -мь): величаемъ (2 Ц. V. 10, Остр. величаемз, Первоп. какъ въ Новой), крыемъ (4 Ц. XI. 3, Остр. крыемз, Первоп. какъ

въ Новой), любѣмь, (1 Макк. VI. 11, Остр. любѣ, Перв. любѣмь), ѡвѣтаемь (2 Макк. III. 1, Остр. *verbum finitum*), гонѣмь, ненавидѣмь, ѡгнѣшаемь (*ibid.* V. 8, Остр. гнѣшаемь, ненавидѣмь, Перв. гнѣшаемь, ненавидѣмь), оуѣзвѣемь (*ibid.* VI. 30, Остр. другой текстъ), ѡвидѣмь (Авв. I. 2, Остр. ѡвидѣмь, Первоч. какъ въ Новой), любѣмь (Эсѣ. X. 3, Остр. и Первоч. гл. IX. любѣмь), видѣмь (Іов. XXXVII. 21, Остр. невидѣмь, Первоч. невидѣмь), оувидѣмь (*ibid.* XXII. 14, Остр. ср. родъ), хвалѣмь, блѣгословѣмь (Пс. IX. 24, Остр. хвалѣмь, блѣгвѣмь, Перв. хвалѣмь, блѣгвѣмь), ѡвѣдѣмь, расхѣщаемь (Второз. XXVIII. 29, Остр. ѡвѣдѣ, расхѣтаемь, Перв. ѡвѣдѣ, расхѣщаемь), ѡдержѣмь (Іов. III. 24, Остр. ѡдрѣжѣмь, Перв. ѡдержѣмь), ловѣмь (Іов. X. 16, Остр. ловѣ, Первоч. ловѣмь), двѣжемь (Іов. XIII. 25, Остр. двѣжемь, Первоч. какъ въ Новой), знѣемь (*ib.* XVIII. 19, Остр. и Первоч. знѣемь), и т. д., но ключѣмь (2 Макк. III. 37, Остр. ключѣмь, Первоч. какъ въ Новой), принѣждаемь (*ibid.* VI. 18, Остр. насилѣемь, Перв. насилѣемь), ѡдержѣмь (3 Макк. V. 7, Остр. оудрѣжѣемь), ѡблѣчаемь (Лук. III. 19, Остр. ѡблѣчѣ, Первоч. ѡблѣчаемь), мнѣмь (*ibid.* 23, Остр. мнѣмь, Первоч. мнѣмь) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, въ Новой библіи преобладаетъ -мь (-*m'*), въ Острожской мы находимъ только -мъ (-*m*), а Первочетная занимаетъ середину между ними. Суффиксъ -мъ (-*m*) въ Новой библіи встрѣчается въ частяхъ ея, подвергнувшихся сильному исправленію, и потому едва ли можетъ считаться остаткомъ старины. Скорѣе здѣсь повліяли современныя русскія формы.

У Зизанія простыхъ формъ не находимъ (см. ниже, стр. 347—48), а у М. Смотрицкаго -мь, какъ наприм. читаемь (л. 211), но рядомъ и прочтѣмъ (л. 212), творѣмь (л. 227), творѣемь, сотворѣмь, прочтѣмъ (*ibid.* на обор.), но опять прочтѣмъ (л. 260) и т. д.

Простыя формы ед. ч. ж. и ср. рода въ библейскомъ текстѣ рѣдки: ж. р. глаголема (Іезек. XVIII. 3, ѣще вѣдетъ ѣще — прѣтча сѣд, Остр. глѣма, Первоч. глѣма), любѣма (пчелѣ — єсть: Притчи С. VI. 8, Остр. такъ же), поспѣшествѣема (мнѣгѣ

во мѳжетъ молѳтва — Іак. V. 16, Остр. поспѳшествѳѳема), со-
равнѳема (Прем. С. VII. 29, мудрость — обрѳтается; Остр. дру-
гой текстъ), неѳвадѳема (свѳтла и — есть премудрость: Прем.
С. VI. 12, Остр. и Первоп. неоѳвадѳема) и т. д., винит. ед.
низиѳцаемѳ (Дѳян. Ап. XI. 5, видѳхъ... сосудъ... яко плаща-
ницу — Остр. вѳсщѳѳ), колѳблемѳ (Л. VII. 24, видѳти; трость
ли вѳтромъ —, Остр. вин. м. р. колѳблемъ, Первоп. колѳблемъ,
Зогр. род. ж. движемъ), вмѳщемѳ (траву... въ пещь — Богъ
одѳваеть: Лук. XII. 28, Остр. ошибочно дат. ед. м. р. вмѳ-
щѳемѳ, Первоп. ошибка исправлена вмѳщемѳ, Зогр. кѳмѳтаемъ)
и т. д. ср. р. оѳдержимо (Іак. III. 8, не — бо зло. Остр. не
ѳдержимо), сказаѳмо (М. I. 23, еже есть —, Остр. такъ же),
прерѳкаѳмо (Лук. II. 34, се лежитъ сей... въ знаменіе—, Остр.
такъ же), поспѳшаѳмо (Притчи XIII. 11, имѳніе — съ беззаконі-
емъ, умалено бываетъ. Остр. поспѳшно, Первоп. поспѳшно),
посѳкаѳмо, вмѳтаѳмо (М. III. 10, всяко убо древо — бываетъ и
во огонь — Остр. посѳкаѳмо, вмѳтаѳмо), неѳгасаѳмо (Прем. С. VII.
10, яко — есть блистаніе ея. Остр. неоѳсыпаѳмо), неѳскѳдѳемо
(сотворите себѳ... сокровище —, Лук. XII. 33, Остр. неѳскѳ-
дѳемо), и т. д. Рядомъ имѳются и сложныя формы: муж. рода
знаѳмый (Р. II. 1, и бѳ мужъ — мужу Ноеминю. Остр. оѳжика),
превозносімый (Дан. III. 52, 53, 54, 55, благословенъ еси —
во вѳки. Остр. превозношаѳмъ, превизношаѳмъ, хвалимъ, превиз-
носімъ и т. д. Первоп. превозношаѳемъ, хвалимый, превозноси-
мый), держѳмый (Быт. XXII. 13, verbum finitum оѳвѳзѳ), подѳ-
ѳмлѳмый (Прем. С. V. 14, упованіе нечестиваго яко прахъ отъ
вѳтра —, Остр. подѳмлѳтъ), віѳмый, разѳцаѳмый (ibid. V. 11,
біемъ духъ легкій и разѳцаемъ силою... прелетѳ, Остр. дру-
гой текстъ), ѳклеветѳемый (Дѳян. XXV. 16, прежде даже —
не имать... клеветущихъ его, Остр. ѳклеветѳемъ, Перв. какъ
въ Новой), нарицаѳмый (Дѳян. XIII. 1, бяху... и Симеонъ —
Нигерь, ibid. XXVII. 14, возвѳя... вѳтръ... — Эвроклидонъ,
Остр. нарицаѳемъ, Первоп. какъ въ Новой; винит. Лук. VII.
11, идяше во градъ — Наинъ, Остр. и Перв. какъ въ Новой,
Зогр. нарицаемъ), желѳемый (винит. ед. обновити — всѳми...

миръ, Эсѣ. III. 13, Остр. желáемъи) и т. д., ж. р. нарицáемъа (Марія — Магдалина: Лук. VIII. 2, Остр. нарицáема, Зогр. нарицáемъа), неждождáемъа (ты еси земля —: Иезек. XXII. 24, Остр. неждождáма, Первоп. неждождáма) и т. д. (случаевъ очень немного); ср. р. гáдомоє (Суд. XIV. 14, отъ ядущаго — изыде, Остр. такъ же; Иезек. XLVII. 12, всякое древо — не обетшаетъ, Остр. такъ же), ѡбращáемое (Быт. III. 24, и пристави херувима и пламенное оружіе —, Остр. ѡбращáющеєса, Первоп. ѡбращáющееєса), оудивлáемое (Эсѣ. IV. 17, ...ты сотворилъ... все —, Остр. оудивлáющеє), неключáемое (Прем. С. XIII. 18, въ помощь — призываетъ, Остр. въ помóци неключáмъу призовѣ), благоуправлáемое (Эсѣ. III. 13, дабы не устроилося отъ насъ — непорочно сообладаніе, Остр. еже ѡ въ непорóчне правáмо сзначáлиє, Первоп. прáвимо), превозносáемое (Дан. III. 52, благо-словено имя славы... — во вѣки, Остр. м. р. превзгношáемъи), раждáемое (Лук. I. 35, тѣмже и — свято, наречется Сынъ Божій, Остр. такъ же), нарицáемое (Дѣян. XXVII. 8, прѣидохома на мѣсто нѣкое — доброе, Остр. такъ же), бывáемое (Лук. XXII. 49, видѣвше же... —, рѣша ему, Остр. бывáемое) и т. д. И здѣсь мы находимъ приблизительно такое же отношеніе между формами простыми и сложными, какъ у причастія дѣйств. залога настоящаго времени. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ болѣе древнихъ текстахъ имѣются еще формы простыя, а въ Новой библии уже сложныя. Въ другихъ же (при болѣе самостоятельномъ и субстантивномъ значеніи причастій) мы находимъ сложныя формы уже въ древнѣйшихъ текстахъ. При сравнительной рѣдкости данныхъ формъ, однако, это отношеніе не такъ замѣтно. У Визанія находимъ рядомъ формы возвратнаго залога и страдательнаго подь однимъ обозначеніемъ „прич. страд. наст.“: спасáѡса, спасáемый, ж. спасáющиса, ср. спасáющеєса (л. 68); глашáѡса, глашáющій, глашáющеєса и „непредѣльное“ м. р. глашáемъи (ж. и ср. р. имѣютъ форму отъ причастія прошедшаго: л. 72 на обор.). Въ другихъ мѣстахъ находимъ у него произвольную дифференціацію формъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ: „причастіе страд. настоящ.“ бѣнса, бѣнщійса, бивáемъи, бѣнщиса, бѣнщееєса (л. 75

на обор.) и „будущ.“ віемы, віемаѡ, віемое (л. 76). Формы сложныя и простыя (однако, болѣе рѣдкія) приводятся у него рядомъ безъ особаго различенія между ними. Иное находимъ у М. Смотрицкаго, который, какъ и въ причастіяхъ дѣйств. залога (см. выше стр. 343), формы сложныя отличаетъ отъ простыхъ, придавая первымъ терминъ *причастія*, а вторымъ *дѣепричастія*. Съ Зизаніемъ онъ сходится въ безразличномъ отношеніи къ формамъ возвратнымъ, которыя приводятся и у него вмѣстѣ съ страдательными, въ качествѣ послѣднихъ: „причастія“ (сложныя формы) вида совершеннаго, страдат. зал. настоящ. вр. чтыисѡ, чтоуциисѡ или чтóмыи, ж. р. чтоуцаисѡ или чтóмаѡ, ср. р. чтоуцесѡ или чтóмое (л. 209), вида учащат. читаисѡ, читаюциисѡ или читаемыи, ж. р. читаюцаисѡ или читаемаѡ, ср. р. читаюцесѡ или читаемое (ibid. на обор.); „причастіе будущ.“ прочтоуциисѡ или прочтóмыи и т. д. (л. 210).

„Дѣепричастія“: настоящ. вр. чтысѡ, чтоуцсѡ или чтомъ; женск. рода чтоуцисѡ или чтóма; ср. рода чтоуцесѡ или чтóмо; двойств. м. и ср. чтоуцасѡ, ж. чтоуцѣсѡ или м. ср. чтóма, ж. чтóмѣ; множ. ч. м. и ж. р. чтоуцесѡ, ср. чтоуцасѡ или м. чтóми, ж. чтóмы, ср. чтóма (л. 210 на обор.); „вида учащательнаго“ — читаисѡ, читаюцисѡ или читаемъ, ж. р. читаюцисѡ или читаема, ср. читаюцесѡ или читаемо (л. 211). Ср. также причастія творѣисѡ, творѣмыи и т. д. творѣисѡ, творѣемыи (л. 226 на об.), сотворѣциисѡ, сотворѣмыи (л. 227) и дѣепричастія творѣсѡ, творѣмъ; сотворѣцисѡ, сотворѣмъ; творѣисѡ, творѣюцисѡ, творѣемъ (ibid. на обор.). Это безразличное отношеніе М. Смотрицкаго къ возвратнымъ и страдательнымъ формамъ поддерживается дѣйствительнымъ употребленіемъ языка, ср. напр. именит. ед.: ...возвѣѡ... вѣтръ вѣренъ, нарицаемый *Вурокаудонъ* (Дѣян. Ап. XXVII. 14, Остр. нарицаемыи), но вин. ед. *Островъ*... мимотѣкше нарицаюцсѡ *Клавдій*... (ibid. 16, Остр. нарицаюцсѡ) и т. д.

Какъ и новые печатные тексты, московское изданіе грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) представляетъ суффиксъ простыхъ формъ причастія страдательнаго м. р. -*мъ* (мъ || стел. -*мъ*). Но въ первомъ изданіи (Эвю. 1619) этого нѣтъ, и мы находимъ -*т*

(-мъ): чита́емъ, творю́мъ и т. д. Нѣтъ -мъ и у Лавр. Зизанія, а также и въ Острожской библіи (см. выше, стр. 344—345). Появляется оно лишь въ Первопечатной библіи, хотя и рѣже, чѣмъ въ Новой.

Источникомъ этого -мъ могли служить памятники болгарскаго или сербскаго извода, представлявшіе неправильное употребленіе ѣ и ѝ, но ближайшимъ поводомъ къ широкому распространенію очевидно служило желаніе дифференцировать на письмѣ такіа одинаковыя съ ви́шней стороны формы, какъ 1 л. множ. числа чита́емъ, творю́мъ и причастіе простое стр. з. настоящ. вр. м. р. чита́емъ, творю́мъ.

Развилась эта дифференціація очевидно уже въ Москвѣ, въ печатныхъ текстахъ XVII вѣка. Фонетическаго характера она навѣрное не имѣла. Съ грамматической теоріей того времени это -мъ оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчій. Такъ, въ московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго находимъ слѣдующее правило для образованія „дѣепричастій страдательныхъ“: „дѣепричастіе коегождо времени составляется отъ причастія своего времени... въ страдательныхъ же ѣи или ѣи на ѝ измѣняюще яко... чтóмыи, чтóмъ. чита́емыи, чита́емъ. прочтóмыи, прочтóмъ (д.л. 259 на об., 260)“.

Противорѣчіе это является слѣдствіемъ того, что издатели московской грамматики 1648 г., видоизмѣняя главнымъ образомъ парадигмы М. Смотрицкаго, не позаботились привести ихъ въ соотношеніе съ самими теоретическими правилами, изложенными въ текстѣ. Такъ какъ первое изданіе грамматики Смотрицкаго не знаетъ -мъ, то тамъ этого противорѣчія и не было.

Подтвержденіемъ того, что -мъ есть результатъ стремленія къ графической дифференціаціи, служитъ и то обстоятельство, что въ московской перепечаткѣ -мъ сохранено у такихъ формъ, какъ чтóмъ, прочтóмъ, для которыхъ нѣтъ одинаковыхъ формъ 1 л. множ. числа, тогда какъ формы чита́емъ и творю́мъ дифференцированы.

§ 23. Аористъ и имперфектъ. Аористъ, какъ извѣстно, имѣлъ въ старославянскомъ двѣ главныхъ формы: 1) простой аористъ

(у глаголовъ перваго класса *), т. е. съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню на согласный, и у глаголовъ втораго класса, т. е. съ суффиксами -иж- въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и -по-, -пе- въ основѣ настоящаго, съ корнемъ на согласный) и 2) сложный или сигматическій аористъ а) безъ „соединительнаго гласнаго“ и б) съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-. Форма а) употребительна была у глаголовъ перваго класса съ основой неопред. наклоненія, равной корню на согласный, а также у тѣхъ глаголовъ этого класса, которые имѣли корень на носовой согласный; кромѣ того у всѣхъ глаголовъ, съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный звукъ, т. е. у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню на гласный, у глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню + суффиксъ -а-, у глаголовъ втораго класса, если они сохраняли въ аористѣ суффиксъ -иж-, у первичныхъ глаголовъ третьаго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равной корню на гласный, у первичныхъ глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню + суффиксъ -а-, у всѣхъ производныхъ глаголовъ этого же класса и наконецъ у глаголовъ четвертаго класса (т. е. образующихъ основу настоящаго при помощи суффикса -и-, и основу неопредѣленнаго помощью суффиксовъ -к- или -н-). Вторая форма этого аориста съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о- (точнѣе съ особой основой на о-) имѣлась только у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равной корню (на всѣ согласные, кромѣ носовыхъ) и у глаголовъ втораго класса (съ -иж- въ неопредѣленномъ накл.), если они образовали аористъ прямо отъ глагольнаго корня.

Въ церковнославянскомъ простой аористъ почти совершенно исчезъ: въ библіи встрѣчаются только формы третьаго лица ед. числа: рече (Быт. XXIX. 25 и т. д. очень часто), оумре (Быт. VII. 21), поиде (ibid. VIII. 3), сѣде (ibid. 4), ѡзсше (ibid. VIII. 14), ѡде (Р. II. 14), подаде (ibid.), помде (2 Цств.

*) Я придерживаюсь классификаціи старославянскаго глагола, предложенной Лескинымъ (Handbuch der altbulgar. Sprache. 2 изд. 1886).

XVIII. 8), снѣдѣ (4 Цетв. I. 10, 12), снидѣ (ibid.), оужасѣсѣ (Перем. II. 12), прострѣ (Перем. I. 9), снѣрже (Плачь Іер. II. 1), приплѣ (Вар. I. 20), ѣзведѣ (ibid. 19), поживѣ (Вар. III. 38), ѡстрижѣ (Іов. I. 20), стрѣсѣ, срѣтѣ (Іов. IV. 14), оувазѣ (Пе. IX. 16, 17), помѡже (Пе. XXVII. 7), процвѣтѣ (ibid.), сочтѣ (I. Сир. I. 19), ѣздоувѣ (Ис. XLIV. 12), ведѣ (Лук. IV. 9), ѣздше (Дѣян. V. 5) и т. д. По типу этихъ формъ у глаголовъ второго класса возникаютъ вторичныя образования съ сохраненіемъ суффиксальнаго -н-, какъ влѣснѣ (2 Цетв. XXII. 15, Остр. и Первоп. влѣснѣ), прикоснѣсѣ (Перем. I. 9, Остр. прикоснѣсѣ, Первоп. прикоснѣсѣ), поманѣ (Плачь Іер. II. 1, Остр. поманѣ, Первоп. поманѣ), толкнѣ (Юд. XIV. 14, Остр. друг. текетѣ), дерзнѣ (Эв. VII. 5, Остр. дерзнѣ, Первоп. какъ въ Новой), прѣминѣ (ibid. X. 3, Остр. прѣминѣ, Первоп. прѣминѣ), коснѣсѣ (Іов. I. 19, Остр. коснѣсѣ, Первоп. коснѣсѣ), ѣзрыгнѣ (Прем. С. XIX. 10, Остр. ѡригнѣ, Первоп. ѡригнѣ) и т. д.

Острожская біблія вездѣ, а Первопечатная, за весьма рѣдкими исключеніями (дерзнѣ) представляютъ правильныя формы сложнаго аориста (первой формы), которыя имѣются и въ Новой бібліи, рядомъ съ приведенными выше новообразованіями, напр. прикоснѣсѣ (Матѣ. IX. 20, 21), рядомъ съ коснѣсѣ (см. выше) и т. д. Прочія формы простого аориста не встрѣчаются въ церковнославянскомъ языкѣ бібліи и замѣнены въ огромномъ большинствѣ случаевъ формами сложнаго сигматическаго аориста (второго вида, съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-). Такая замѣна наблюдается уже въ текстѣ Острожской бібліи: 1 л. ед. Зогр. Е. вьндѣ (Лук. VII. 44, 45, Нов. внидоухъ, Остр. внидоухъ и внидоухъ), изндѣ (Матѣ. XII. 44, Нов. ѣзидоухъ, Остр. такъ же), прндѣ (Матѣ. V. 17, Нов. прѣидоухъ, Остр. такъ же), сьндѣ (Іоан. VI. 38, 42, Нов. снидоухъ, Остр. снидоухъ, снидо), обрѣтъ (Матѣ. VIII. 10, Нов. ѡврѣтоухъ, Остр. ѡврѣтоухъ) и т. д. 1 л. мн. Зограф. Ев. прндомѣ (Матѣ. XXV. 39, Нов. прѣидоухомѣ, Остр. прѣидоухѣ), възмогомѣ (Марк. IX. 28, Нов. возмогѣ, Остр. възмогѣ) и т. д. 2 л. мн. Зогр. Е. вьндѣте (Іоан. IV. 38, Нов. внидоустѣ, Остр. внидоустѣ), изндѣте (Матѣ. XI. 7, Нов. ѣзы-

дѡсте, Остр. такъ же), **прндете** (Лук. XXII. 52, Нов. ѣзыдѡсте, Остр. такъ же) и т. д. 3 л. мн. Зоґр. Ев. ндж (Матѡ. VШ. 1, Нов. impf. ѣдд'х⁸, Остр. такъ же), **взындж** (Іоан. VII. 10, Нов. и Остр. взыдѡша), **вкнндж** (Матѡ. VШ. 32, Нов. ѣдѡша, Остр. ѣдѡша), **нзндж** (Мрк. III. 21, Нов. ѣзыдѡша, Остр. ѣзыдѡша), **овндж** (Іоан. X. 24, Нов. ѡбыдѡша, Остр. ѡбыдѡша), **прндж** (Лук. I. 59, Нов. прѣндѡша, Остр. прѣндѡша), **скнндж** (Іоан. VI. 16, Нов. сндѡша, Остр. сндѡша), **прнскадж** (Матѡ. XIII. 6, Нов. прнсвѣнѡша, Остр. прнсвѣнѡша), **кззмогж** (Лук. IX. 40, Нов. возмогѡша, Остр. възмогѡша), **нзлвзж** (Іоан. XXI. 9, Нов. ѣзлѡзѡша, Остр. такъ же) и т. д. 3 лицо двойств. Зоґр. Ев. ндете (Матѡ. IX. 27, Нов. ѣдѡста, Остр. ндѡста, Іоан. I. 37, Нов. и Остр. ѣдѡста), **прндете** (Лук. II. 44, Нов. прѣндѡста, Остр. мн. ч. прѣндѡша). Вездѣ здѣсь мы имѣемъ замѣну простого аориста сложнымъ (второй его формой). Изрѣдка встрѣчается замѣна настоящимъ временемъ: Зоґр. 1 л. ед. **обрътъ** (Лук. XXIII. 14, Нов. ѡбрѣтаю, Остр. ѡбрѣтаю).

Аористъ сложный первый также плохо сохраняетъ свои древнѣйшія формы. Такъ у глаголь съ корнемъ на согласный носовой совѣмъ не встрѣчается 3-е л. множ. на -са: Зоґр. **ѡса** (Іоан. IX. 18, Нов. и Остр. ѣша), **взса** (Іоан. XI. 41, Нов. взѡша, Остр. взѡша), **науса** (Мрк. VI. 55, XV. 18, Лук. XXII. 23, Нов. начѡша, Остр. начѡша), **пропса** (Лук. XXIV. 20, Нов. и Остр. распѡша; Іоан. XIX. 18, Нов. пропѡша, Остр. пропѡша) и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ Новой и Острожской библии находимъ окончаніе -ша (Нов. -ша, Остр. иногда -ша), свойственное глаголамъ съ корнемъ на гласный. Точно также не встрѣчается и первое лицо на -сь, а только на -хъ, какъ у глаголь съ корнемъ на гласный. 3 лицо ед. числа съ окончаніемъ -t (-тъ) довольно часто и въ Новой библии: **начѡтъ** (Іоан. XIII. 5, Остр. начѡтъ, Дѣян. I. 1, Остр. начѡтъ), **прѣѡтъ** (Іоан. XIII. 12, Остр. прѣѡтъ), **внѡтъ** (Быт. IV. 5, Остр. внѡтъ), **поѡтъ** (Быт. XI. 31, Остр. поѡтъ), **клѡтъса** (Быт. L. 24, Остр. ѡвѣща), **ѡвѡтъ** (Іерем. VI. 24, Остр. ѡвѡтъ), **заѡтъ** (ibid. XV. 10, Остр. заѡтъ) и т. д. Формы безъ -тъ рѣдки: **загѡ** (Ос. XII.

З, Остр. другой текстъ: прельсти), заклà (Быт. I. 25, Остр. такъ же), взà (Р. II. 18, Остр. такъ же). Глаголы съ корнемъ на р, л обыкновенно представляютъ замѣну формами сложнаго аориста второго съ соединительнымъ гласнымъ -о-: 2 и 3 ед. Зогр. оумрѣть (Нов. вездѣ оумре, М. IX. 24, Остр. оумреть, Первop. оумреть; Мр. V. 35, Остр. оумре; IX. 26, Остр. оумрѣ; Перв. какъ въ Новой; XII. 22, Остр. и Первop. какъ въ Новой; XV. 44, bis. Остр. какъ въ Новой; Лук. VIII. 49, 53, Остр. оумре, оумре; XVI. 22, Остр. оумрѣ, Первop. какъ въ Новой; XX. 29, 30, 32, Остр. оумре; Иоан. VIII. 53, Остр. оумрѣ, Первop. какъ въ Новой), оумрѣть (Иоан. XI. 14, Нов. и Первop. оумре, Остр. оумрѣ), простъръ (Мр. III. 5, Нов. прострѣ, Остр. грóстрѣ), простърьса (Лук. XIII. 13, Нов. прострѣса, Остр. прóстреса), простърѣть (Матѣ. XII. 13, Нов. и Первop. прострѣ, Остр. простреть), закла (Лук. XV. 30, Нов. заклàлз ѣси, Остр. и Первop. заклà), заклà (ibid. 27, Нов. и Остр. заклà), отрѣ (Иоан. XII. 3, Нов. ѡтрѣ, Остр. ѡтрѣ); 2 л. мн. простърьсте (Лук. XXII. 53, Нов. прострѣсте, Остр. гростростѣ); 3 л. мн. оумрѣша (Л. XX. 31, Нов. оумрѣша, Остр. оумрѣша; Иоан. VI. 49, 58, Нов. и Остр. оумрѣша; VIII. 53, Нов. оумрѣша, Остр. оумрѣша), опрѣшася (Матѣ. VII. 27, Нов. ѡпрѣшася, Остр. ѡпрѣшася, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Острожская библія представляетъ еще изрѣдка старыя формы 2, 3 л. ед., хотя и уподобленныя уже на письмѣ формамъ второго сложнаго аориста (точнѣе аориста простого): оумреть (стел. оумрѣть) подѣ влияніемъ оумре (стел. оумре); Первопечатная въ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы, что и Новая. Формы перваго сложнаго аориста мн. ч. у разсматриваемыхъ глаголовъ еще рѣже, (одинъ только случай въ Остр. ѡпрѣшася), и вмѣсто нихъ находимъ всегда второй сложный аористъ.

Сохранились только такія формы, какъ стел. 2, 3 ед. заклà= заклà, но и то лишь въ значеніи 3 ед. Какъ второе лицо ед. ч. подобныя формы не употребляются и замѣняются другими, не вызывающими сомнѣнія: Зогр. закла, Остр. и Первop. заклà, Нов. заклàлз ѣси (Лук. XV. 30).

Замѣна вторымъ сложнымъ аористомъ наблюдается и у глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный.

Встрѣчаются, однако, только формы отъ глагола *режѣ*: 1 л. рѣхъ (Суд. II. 3, 1 Цетв. IX. 23, Пс. XXX. 15, 23, Дан. IV. 4, 5), 1 л. мн. рѣхомъ (1 Езд. VII. 22, Быт. XLIV. 22), 2 л. мн. рѣсте (1 Ц. X. 19, Числ. XIV. 31), 3 л. мн. рѣша (Суд. IX. 8, Быт. XL. 8), 3 л. дв. рѣста (2 Ц. IV. 8, Иоан. I. 38). Отъ другихъ глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный, а также и у сложений съ *режѣ* находимъ обыкновенно формы второго сложнаго аориста: *Зогр. нарешиа* (Матѳ. X. 25, Лук. II. 21, Нов. нарекоша, Остр. нарекоша), *прорешиа* (Матѳ. XI. 13, Нов. прорекюша, Остр. прорекюша), *тъшиа* (Мрк. VI. 33, Нов. стицахъса, Остр. стицахъса), *облешиа* (Матѳ. XXVII. 31, Нов. ѡблекюша, Остр. ѡблекюша, Мр. XV. 17, 20, Нов. ѡблекюша, Остр. ѡблекюша и ѡблекюша, Иоан. XIX. 2, Нов. ѡблекюша, Остр. ѡблекюша), *свѣлешиа* (Матѳ. XXVII. 31, Нов. совлекюша, Остр. свѣлекюша, Мр. XV. 20, Нов. совлекюша, Остр. свѣлекюша), 3 л. дв. *тъсте* (Матѳ. XXVIII. 8, Нов. и Остр. текостѣ) и т. д. Въ этомъ отношеніи между Острожской и Новой библіями замѣчается полное согласіе.

У глаголовъ, имѣвшихъ послѣднимъ звукомъ корня такъ называемые заднеязычные перваго ряда (k^1 , g^1), первый сложный аористъ также замѣненъ вторымъ: *Зогр. 3 л. множ. възикса* (Лук. II. 22, Нов. дв. ч. вознесюста, Остр. възнесюста; XVII. 13, Нов. вознесюша, Остр. възнесюша), 3 л. дв. *отверъсте са* (Иоан. IX. 10, Нов. ѡверзюстѣса, Остр. са ѡверзюстѣ) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской библіи. Также утрачены въ большинствѣ случаевъ формы перваго сложнаго аориста и глаголами съ корнемъ на переднеязычные взрывной (d , t) и спирантъ (s): *Зогр. 1 л. ед. привкъсь* (Мр. IX. 17, Нов. приведохъ, Остр. приведохъ), 3 л. ед. *късть* (Лук. IV. 2, Нов. ѡкъсть, Остр. ѡкъсть, VI. 4, Нов. ѡдѣ, Остр. и Первоп. ѡкъсть), *смыкъсть* (Матѳ. XII. 4, Нов. смѣдѣ, Остр. смѣсть, Первоп. смѣдѣ; Мрк. II. 26, Нов. смѣдѣ, Остр. смѣсть, Первоп. смѣсть; Иоан. II. 17, Нов. и Первоп. смѣсть, Остр. смѣсть), 1 л. множ. *въвъсомъ* (Матѳ. XXV. 38,

Нов. введо́хомъ, Остр. ѡведо́хомъ), ѡхомъ (Лук. XIII. 26, Нов. ѡдо́хомъ, Остр. ѡдохомъ), 2 л. мн. привъсте (Лук. XXIII. 14, Нов. и Остр. приведо́сте, Иоан. VII. 45, Нов. и Остр. приведо́сте), 3 л. множ. унеса (Иоан. XIX. 20, Нов. и Остр. чтоша), въса (Лук. XXII. 54, 66, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́ша, Иоан. IX. 13, Нов. ведо́ша, Остр. ведоша, XVIII. 28, Нов. и Остр. ведо́ша, XIX. 16, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́ша), привъса (Матѳ. IV. 24, Нов. приведо́ша, Остр. приведо́ша, VIII. 16, Нов. и Остр. приведо́ша, IX. 32. Нов. приведо́ша, Остр. приведо́ша, XII. 22, Нов. и Остр. приведо́ша, Иоан. VIII. 3, Нов. и Остр. приведо́ша), проваса (Иоан. XIX. 37, Нов. провдо́ша, Остр. провдоша), ѡша (Матѳ. XIV. 20, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́ша, XV. 37, Нов. и Остр. ѡдо́ша, Мрк. VI. 42, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдоша, VIII. 8, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́ша, Лук. IX. 17, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́ша, Иоан. VI. 23, 31, 49, 58, Нов. ѡдо́ша, Остр. ѡдо́ша, ѡдоша, Первоп. ѡдо́ша, ѡдо́ша), 3 л. дв. въкъсте (Лук. II. 27, Нов. введо́ста, Остр. ѡведо́ста) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, старинныя формы перваго сложнаго аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже въ Острожской библии замѣнены вторымъ сложнымъ аористомъ. Встрѣчаются только формы 3 л. ед. (въ Острожской довольно часто, въ Новой лишь изрѣдка) у глаголовъ нетематическихъ. Кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, можно привести также: Лук. XXII. 19, Остр. и Перв. дасть, Нов. дадѣ; VI. 4, Зогр. дасть, Остр. дасть, Первоп. дасть, Нов. дадѣ; Иоан. XIX. 16, Остр. и Первоп. предасть, Нов. предадѣ; Матѳ. XV. 36, Остр. дасть, Первоп. дасть, Нов. дадѣ; Руѳь II. 14, Остр. ѡсть, Первоп. и Нов. ѡдѣ; 4 Цств. I. 10. 12, Остр. снѣсть, Первоп. и Нов. снѣдѣ; *ibid.* 14, Остр. поѡсть, Первоп. и Нов. поѡдѣ и т. д. Въ Острожской библии еще находимъ 3 л. ед. перваго сложнаго аориста, а въ Новой оно вездѣ замѣнено 3 л. простаго аориста, которое для церковнославянскаго въ сущности представляло 3 л. ед. втораго сложнаго аориста, такъ какъ вошло въ систему этого послѣдняго, въ то время какъ остальные формы простаго аориста совсѣмъ вышли изъ употребленія.

Первопечатная занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. У глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный формы перваго сложнаго аориста исполнѣ обыкновенны: 1-е лицо ед. основы на гласный а-: ста́хъ (2 Цств. I. 10), да́хъ (Лев. XVI. 11), стоа́хъ (3 Езд. VI. 29, Остр. такъ же), йста́хъ (1 Цств. I. 16, Остр. стоа́хъ), ѡполоска́хъ (Лев. XVI. 9, Остр. ѡпласка́хъ), работа́хъ (Быт. XXIX. 25, Остр. рабо́та), воззва́хъ (Суд. XII. 2) и т. д., основы на ѣ-: состарѣ́хсѧ (I. Нав. XXIII. 2), ймѣ́хъ (Суд. XII. 2), вѣдѣ́хъ (2 Ц. I. 10), мнѣ́хъ (Быт. XXXVII. 7), пощаде́хъ (Быт. XX. 6), оустыде́хсѧ (1 Езд. VIII. 22), вѣ́хъ (I. Сир. XXXIII. 15), хотѣ́хъ (3 Езд. IV. 23), смотре́хъ (ibid. VI. 29), сѣдѣ́хъ (Лев. VIII. 1) и т. д., основы на и-: оуби́хъ (2 Ц. I. 10), йскорені́хъ, сотвори́хъ (ibid. VII. 9), разсмотре́хъ (3 Ц. III. 21), роди́хъ (ibid.), размысли́хъ, сотвори́хъ (Быт. VI. 7) и т. д., основы на ы-: вы́хъ (Неем. I. 11, Исх. XVIII. 3), ѡмы́хъ (Лев. XVI. 9), прикры́хъ (ibid. 8) и т. д., основы на ѝ- (стсл. ж, оу): вознѣ́хъ (3 Ез. V. 14), помани́хъ (Тов. II. 6, Иерем. II. 2), ѡвѣ́хъ (Лев. XVI. 10), оуснѣ́хъ (Быт. XII. 21) и т. д. Второе лицо ед. числа такъ же, какъ у другихъ видовъ аориста и у имперфекта, встрѣчается весьма рѣдко и въ Новой библіи обыкновенно замѣняется сложнымъ прошедшимъ: сотвори́хъ ѣси (Нов. Быт. XXXI. 26, 28, Остр. сятвори́, Первоп. какъ въ Новой), возжелáхъ ѣси (Быт. XXXI. 30, Остр. и Первоп. помысли), ѡвискáхъ ѣси (ibid. 37, Остр. йзысá, Первоп. какъ въ Новой), прешвидѣ́хъ ѣси (ibid. 41, Остр. прешвидѣ́, Первоп. прешвидѣ́), оукрѣ́пилсѧ ѣси (Быт. XXXII. 28, Остр. оукрѣ́писѧ, Первоп. какъ въ Новой), ѡвѣ́дѣхъ ѣси (Быт. XXIX. 25, Остр. ѡвиди, Первоп. ѡвиди), посла́хъ ѣси (Исх. XV. 7, Остр. послá, Первоп. послá), йзбáвилъ ѣси (ibid. 13, Остр. и Первоп. йзбáви), видѣ́хъ ѣси (Апок. XVII. 12, 16, 18, Остр. видѣ́, Первоп. видѣ́. Въ стихѣ 18 на полѣ въ Первопечатной отмѣчено -лѣ ѣси, чего не сдѣлано, однако, въ стихахъ 12 и 16), оустáвилъ ѣси, глаго́лалъ ѣси (Вар. II. 24, Остр. оустáви, ѓла, Первоп. оустáви, глаго́ла), положи́хъ ѣси (ibid. 26, Остр. и Первоп. положи), сотвори́хъ ѣси (ibid. 27, Остр.

сътвори, Первоп. сотвори), ѡста̀вилъ ѳси (Мр. XV. 34, Остр. ѡста̀ви, Первоп. ѡста̀ви, а на полѣ -лз ѳси) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, Острожская библія вездѣ представляетъ исконную форму 2-го л. ед. перваго сложнаго аориста, тогда какъ въ Новой вездѣ находимъ сложное прошедшее, а Первопечатная занимаетъ промежуточное мѣсто между той и другой, хотя и ближе къ Острожской. Въ Новой библіи 2-е лицо ед. ч. этого аориста почти не встрѣчается, за очень рѣдкими исключениями въ родѣ Лук. II. 48 ..кз немѡ мѣи ѳгѡ рече; чадо, что сотвори на̀ма та̀кѡ (Остр. сътвори, Первоп. сотвори, а на полѣ -лз ѳси). Третье лицо ед. ч. очень обыкновенно; основы на а-: гна̀, поима̀ (Суд. VIII. 12, Остр. гна̀, ѡ), возжажда̀ (ibid. XV. 18, Остр. вжажда̀са), возжада̀ (2 Ц. XXIII. 15), созда̀ (4 Цств. XXI. 4), созид̀а (Неем. III. 10, Остр. созид̀а), велерѣчева (Юд. VI. 17), вѣжа̀ (Тов. II. 8), ѳзва̀ (3 Езд. XIII. 6), запечата̀ (Дан. VI. 17), согла̀да (Числ. III. 39) и т. д.; основы на ѳ-: имѳ (1 Макк. IX. 36, 2 Макк. XIV. 39), видѳ (Тов. IV. 4), летѳ (Пс. XVII. 11), постыдѳса (I. Сир. II. 10), возгремѳ (ib. XLVI. 20), пощада̀ (Быт. XIX. 16), оу̀вѣда̀ (1 Ц. XX. 39), повисѳ (2 Ц. XVII. 9), возжелѳ (Втор. XXXII. 11) и т. д., основы на и-: ѳсчѡи (Тов. VII. 6), оу̀льсти, сотвори (Пс. XIV. 3), оу̀твердѝса (Пс. CXI. 8), потребѝ (I. Сир. XLVI. 21), запретѝ (Матѡ. VIII. 26), родѝ, родѝса (Матѡ. I. 16), смѣтѝса (Матѡ. II. 3), ѡскверна̀ви (Числ. XIX. 20), разрѡшѝ (2 Макк. X. 22) и т. д., основы на ы-: завѣ (Осія II. 13), ѡвмы̀ (Юд. X. 3), сотры̀ (Пс. CIV. 3), оу̀мы̀ (Матѡ. XXVII. 24) и т. д. основы на ѡ-: да̀нѡ (3 Ц. XVII. 21), прикоснѣса̀ (Мр. V. 27, 31), ѳска̀нѡ (ibid. 29) и т. д.

У глагольв II-го класса въ этой формѣ часты случаи морфологической ассимиляціи къ соответственной формѣ простаго аориста, въ родѣ: коснѣса̀, дерзѣ, блеснѣ и т. д. (см. выше, стр. 351). Морфологическая ассимиляція здѣсь вызывалась необходимостью дифференцировать формы 2, 3-го л. ед. ч. перваго сложнаго аориста отъ совершенно съ ними одинаковой формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени. Случаи 2, 3-го л. ед. ч.

перваго сложнаго аориста съ окончаніемъ -t (стел. -тъ, церковносл. -тъ), у глаголовъ съ темой неопредѣл. наклоненія на гласный встрѣчаются весьма рѣдко: 3 ед. свѣтъ (4 Ц. П. 8, Остр. такъ же). Множественное число: 1-е лицо: основы на а-: ѿдѣхомъ (1 Езд. VІІІ. 33), повѣдахомъ (Быт. XLIV. 24) и т. д. Основы на ѣ-: видѣхомъ (1 Цетв. X. 4), презрѣхомъ (Мал. I. 6), ѿскѣдѣхомъ (Прем. С. V. 13) и т. д. Основы на и-: жи́хомъ (Числ. XX. 15), пи́хомъ (2 Парал. XXXI. 10), потре́ви́хомса (Числ. XVII. 12) и т. д. Основы на ы-: пре́ви́хомъ (1 Езд. VІІІ. 32), ви́хомъ (Ис. LXIII. 19) и т. д. Основы на ѝ-: мети́хомъ (Неем. X. 34), о́усни́хомъ (Іер. III. 25) и т. д. 2-е лицо; основы на а-: попира́сте, пива́сте (Іезек. XXXIV. 18), пха́сте (ibid. 21), влага́сте (Агг. II. 17), вѣда́сте (2 Цетв. XI. 20), ѿвита́сте (Лев. XVІІІ. 3), о́убоа́стеса (Числ. XII. 8) и т. д. Основы на ѣ-: видѣ́сте (1 Цет. XXI. 14), согрѣ́стеса (Агг. I. 6) и т. д. Основы на и-: пи́сте (Агг. I. 6), ходи́сте (1 Цетв. X. 14), пости́стеса, плачево́пльствисте (Зах. VII. 5) и т. д. Основы на ы-: вы́сте (I. Нав. XXIV. 7, 2 Парал. XV. 2) и т. д. Основы на ѝ-: ѡ́зсѣни́сте (Ис. LVII. 4), воскресни́сте (Колосе. III. 1) и т. д. Третье лицо; основы на а-: пришѣ́лствова́ша (1 Цетв. II. 5), ѿдѣ́аша (2 Парал. XXVIII. 15), созида́ша (Неем. III. 17, 18), о́убоа́шаса (Быт. XLII. 35), вѣ́жаша, взѣ́аша (ibid. XIV. 10, 12) и т. д. Основы на ѣ-: вѣдѣ́ша (1 Цетв. XX. 39, вм. дв. ч. Остр. иначе), поща́дѣша (2 Езд. I. 53), ѡ́мѣ́ша (ibid. VI. 5), видѣ́ша (Исх. XXIV. 10) и т. д. Основы на и-: о́уби́ша (2 Ездры I. 53), ви́шаса (3 Цетв. XVІІІ. 28), порабо́тиша (1 Макк. VІІІ. 10, 11), проти́вишаса, ѡ́стре́ви́ша (ibid. 11) и т. д. Основы на ы-: со́бы́шаса (I. Нав. XXI. 45), вы́ша (1 Ц. XIII. 2), крѣ́ша (Исх. II. 2) и т. д. Основы на ѝ-: мети́шша (Неем. XI. 1), повинѣ́шаса (Юд. II. 6) и т. д.

Двойственное число очень часто замѣняется множественнымъ (см. выше, стр. 321—324). Такъ 1-е л. дв. разсматриваемой формы аориста совѣ́мъ не встрѣчается въ Новой библии: ходи́хомъ (Ис. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), ѡ́ска́хомъ (Лук. II. 48, Остр. ѡ́ска́ховѣ, Первоп. ѡ́ска́хоуе) и т. д.

Формы, встрѣчающіяся у грамматиковъ, см. выше, стр. 321. Второе лицо довольно рѣдко. Основы на а-: ѿдѣста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первop. такъ же); основы на и-: согласѣстасѣ (ibid. 9) и т. д. Третье лицо представляетъ два окончанія: -та для м. р. и -тѣ для ж. и ср. р.; о происхожденіи и распредѣленіи ихъ см. выше (стр. 322 и слѣд.). Основы на а-: ѿбдерѣжаста (3 Цств. VIII. 8), стоѣста (ibid. XIII. 28), растерѣжаста (Числ. XIV. 6), ѿстѣстасѣ (ibid. 38), создѣстѣ (Пс. XCIV. 5), стоѣстѣ (Пс. CXXXI. 7) и т. д. Основы на ѣ-: оудобрѣжаста (П. П. IV. 10) и т. д. Основы на и-: блгословѣжаста (Лев. IX. 23), вложѣжаста, возложѣжаста (ibid. X. 1), притѣжѣжастасѣ (3 Ц. XIV. 4) и т. д. Основы на ы-: скрѣжѣжастасѣ (Быт. III. 8), вѣжаста (I. Сир. XLVI. 10) и т. д.

Случаи замѣны двойственного числа множественнымъ очень часты: возложѣжаша, покрѣжаша, видѣжаша (Симъ и Иафетъ: Быт. IX. 23, Остр. възложѣжаста, покрѣжаста, видѣжаста, Первop. възложѣжаста, покрѣжаста, видѣжаста), плакашасѣ (двѣ снохи Руои: Р. I. 9, Остр. такъ же), оуклонѣжашасѣ (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. сзвратѣжастасѣ, Первop. совратѣжастасѣ), растерѣжаша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. и Первop. растерѣжаша) и т. д. (ср. другіе примѣры выше на стр. 321, 323). Замѣна эта встрѣчается нерѣдко уже въ Острожекой библии.

Второй сложный аористъ (съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-) весьма обыкновененъ: 1 л. ед. ѿбыкѣхъ (1 Цств. XVII. 39, Остр. нѣсмъ ѿбыкѣхъ), сѣдѣхъ (1 Езд. IX. 3, Остр. сѣдѣ), прострѣхъ (ibid. 5, Остр. такъ же), рекѣхъ (Числ. XVIII. 24, Остр. рекохъ), разсѣкѣхъ (3 Езд. I. 20), оуспѣхъ (Иер. XLV. 3, Остр. оуспѣ), іадѣхъ (Иезек. IV. 14, Остр. нѣсмъ іадѣхъ), сожгѣхъ, сотрѣхъ (Второз. IX. 21, Остр. сзжжегѣхъ, сзтрѣхъ) и т. д.

Второе лицо, тождественное съ третьимъ, представляющимъ собой заимствованіе изъ простаго аориста (см. выше, стр. 350—351) въ Новой библии не встрѣчается, такъ какъ вездѣ замѣнено формами сложнаго прошедшаго, какъ и у перваго аориста сложнаго (см. выше, стр. 353 и 357): Нов. вшѣлъ ѣси, іалъ ѣси (Дѣян. XI. 3, Остр. вниде, ѣде, Первop. вниде и іадѣ), оушѣлъ ѣси, ѿкрѣлъ ѣси,

ѡвѣлз безъ вспомогательнаго ѣси (Быт. XXXI. 26, Остр. ѡиде, ѡкраде, ѡведе, Первоп. ѡиде, а на полѣ ѡшѣлз ѣси, ѡкраде, ѡведе), оукралз ѣси (ibid. 30, Остр. оукраде, Первоп. какъ въ Новой), ѡвѣлз ѣси (ibid. 37, Остр. ѡвѣте, Первоп. какъ въ Новой, 1 Цств. XXIX. 8, Остр. ѡвѣте, Первоп. ѡвѣте), рѣклз ѣси (Быт. XXXII. 12, XLIV. 23, Остр. рече, Первоп. рече, а на полѣ, какъ въ Новой), вѣлз ѣси (3 Цств. XVI. 2, Остр. взведе, Первоп. взведѣ, а на полѣ -лз ѣси), превѣлз ѣси (4 Цств. XVII. 26, Остр. приведе, Первоп. приведе, а на полѣ -лз) и т. д. Какъ видно, Острожская біблія сохраняетъ еще старую форму, Первопечатная же или совсѣмъ замѣняетъ ее сложнымъ прошедшимъ или, сохраняя старую въ текстѣ, приводитъ сложную въ видѣ варианта на полѣ.

Третье лицо вполне обыкновенно (примѣры см. выше, стр. 350—351). Множественное число. Первое лицо: прѣидѡхомз (Суд. XV. 10), внидѡхомз (1 Ц. X. 14), ѣдѡхомз (2 Пар. XXXI. 10), рѣкѡхомз (Быт. XLIV. 26), погивѡхомз, ѣсчезѡхомз (Числ. XVII. 12), могѡхомз (Дан. XIII. 39) и т. д. Второе лицо: оумрѡсте (Колос. III. 3), ѡвергѡстесѡ (Числ. XIV. 31), введѡсте (ibid. XX. 4), ѣзведѡсте (ibid. 5) и т. д. Третье лицо весьма часто: прѣидѡша (Матѡ. II. 1), возжѡша (1 Макк. XII. 28), ѣзнемѡгоша (Пл. Іер. V. 13), растрѡша (Ам. I. 3), столкѡша (Мих. III. 3), прильпѡша (Вар. III. 4), дадѡша (Юд. XIV. 9, XVI. 19), погрѣвѡша (ibid. XVI. 23), ѡхромѡша (Пе. XVII. 46), воздвигѡшасѡ (Числ. X. 12, 13), воздвигѡша (ibid. 14, 18, 22), ѡвѣгѡша, рѣкѡша (Числ. XVI. 34), принесѡша (Матѡ. XIV. 35), привергѡша (ibid. XV. 30), ѣдѡша (ibid. 37), ѡвлекѡша (Мр. XV. 17) и т. д. Двойственное число представляетъ только формы 3-го лица, первое и второе не встрѣчаются, третье же довольно часто: м. р. ѣдѡста (Адамъ и Ева. Быт. III. 6), оумрѡста (Р. I. 5), падѡста (Суд. XIII. 20), принесѡста (2 Ц. IV. 8), ѣздыѡста (Числ. XII. 5), рѣкѡста (ibid. XIV. 7), прѣидѡста (Быт. XIX. 1. Марк. X. 35) и т. д., ср. р. ѣзнемѡгѡстѣ (Пе. XVII. 37, плеснѣ), ж. р. ѣдѡстѣ, прѣидѡстѣ, прѣидѡстѣ (Р. I. 19), текѡстѣ (Матѡ. XXVIII. 8) и т. д. О происхожденіи этихъ окон-

чаній и ихъ взаимномъ отношеніи см. выше (стр. 322 — 323). Какъ и у другихъ временъ, двойств. число часто замѣняется множественнымъ (ср. другіе примѣры на стр. 324): Сѣмѣ ѿ Іаѳеѳъ... ѿдоша (Быт. IX. 23, Остр. ѿдоша, Первоп. ѿдоша), внидоша, ѿдоша (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. прѿидоша, ѿдоша, Первоп. прѿидоша, ѿдоша), но выше (стихъ 1) прѿидоша, прѿидоша, сѣдоша (3 Цств. XXI. 13, Остр. прѿидоша, сѣдоша, Первоп. прѿидоша, сѣдоша), ѿзыдоша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. ѿзыдоштѣ, но рядомъ растергоша, Первоп. ѿзыдоштѣ, растергоша), воздвигоша, рекоша (двѣ снохи: Р. I. 9, 10, Остр. вздвигоша, но рекоша, Первоп. воздвигоша, но рекоша) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ двойств. ч. чаще, хотя и здѣсь изрѣдка встрѣчается замѣна множественнымъ.

Формы имперфекта, характеризующія церковнославянскій языкъ, имѣютъ болѣе или менѣе поздній и вторичный характеръ. Первымъ и общимъ признакомъ является контракція (господствующая уже въ Острожской библіи) характеристичныхъ для имперфекта гласныхъ звуковъ: ѣа, аа (ма), свойственная главнымъ образомъ позднѣйшимъ старославянскимъ памятникамъ.

Въ тематическомъ же отношеніи замѣчается преобладаніе характернаго древнерусскаго новообразования по типу глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на гласные -а, -и въ родѣ стел. глаголахъ, люблялахъ и т. д. Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить формы церковнославянскаго имперфекта на двѣ категоріи: 1) формы исконныя, первичныя (для общеславянскаго вообще) и 2) формы, обязанныя своимъ происхожденіемъ только что указанной морфологической ассимиляціи.

1) Формы исконныя, первичныя: первое лицо ед. числа совпало совершенно въ смыслѣ формальномъ съ такимъ же лицомъ перваго сложнаго аориста глаголовъ съ основой неопред. наклоненія на а-: ѿсхождахъ, поражахъ, ѿсторгахъ, оумерцвѣлахъ (1 Цств. XVII. 35, Остр. ѿсхождахъ, поражахъ, ѿзторгѣ, развѣвахъ, оумерцвѣлахъ), хожахъ, глаболахъ, заповѣдахъ (2 Цств. VII. 7, Остр. вхожахъ, глахъ, заповѣдахъ), піахъ (4 Цств. XIX. 24, Остр. піа), поминахъ (Пс. XLII. 7, Остр. поминахъ), побчяхъ

(*ibid.* Остр. поучахъса), изгонахъ (Пс. С. 5, Остр. изгонахъ), прехождахъ (*ibid.* 2, Остр. прехождѣ), поглѣмлахъса, размышлахъ (Пс. LXXVI. 4, Остр. другой текстъ), смотреахъ (Пс. CXLI. 5, Остр. сматрахъ), хождахъ (*ibid.* 4, Остр. хождѣ, Первop. какъ въ Новой), исхождахъ (Пс. LXXVII. 9, Остр. исхождаахъ, Первop. какъ въ Новой), восхичахъ (Пс. LXVIII. 5, Остр. възхичаѣ, Первop. какъ въ Новой), востахъ (Пс. CXVIII. 62, Остр. възтаахъ, Первop. какъ въ Новой) и т. д. Старинныя формы безъ контракціи встрѣчаются только въ Острожской библии и то очень рѣдко *); Первопечатная уже представляетъ однѣ стяженные формы, какъ и Новая.

Второе лицо ед. числа встрѣчается изрѣдка только въ Острожской библии: ты послушаше, ты бываше (Остр. Пс. XCVIII. 8, Новая и Первop. послушалѣ еси, бывалѣ еси); въ Новой оно вездѣ замѣнено соответствующей формой сложнаго прошедшаго.

Третье лицо ед. числа очень часто: хождаше, сѣждаше (1 Ц. VII. 16, Остр. прохождаше, сѣждаше), взимаше, играше, ѿдыхаше, ѿстѣпаше (*ibid.* XVI. 23, Остр. поаше, ѿдохнѣ, ѿстѣпнѣ), ношаше (*ibid.* XVII. 40, Остр. такъ же), мыслаше (*ibid.* XVIII. 25, Остр. мышлѣше), лежаше (2 Цств. XIII. 8, Остр. такъ же), кадѣше (3 Цств. III. 3, Остр. другой текстъ), любаше (*ibid.* V. 1, Остр. такъ же), люблѣше (2 Цств. XIII. 15. 21, Остр. такъ же), гавлѣшесѣ (3 Ц. VI. 18, Остр. друг. текстъ), досѣзаше (*ibid.* 27, Остр. такъ же), молѣшесѣ (1 Езд. X. 1, Остр. такъ же), созидаше (Неем. III. 6. 9. 10, Остр. созида), вопрошаше (Мр. X. 17, Остр. възпрашаше), вѣжаше (Быт. XXXV. 7, Остр. вѣжа), хождаше (I. Нав. V. 6, Остр. ѡвхождаше), исхождаше (Пс. XL. 7, Остр. исхождааше, но тутъ же рядомъ глѣше, вхождаше) и т. д.

Первое и второе лица множественнаго числа, какъ и первое единственнаго, благодаря контракціи отличительныхъ гласныхъ, совпали совершенно съ соответствующими лицами перваго сложнаго аориста у глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на а-, и только

*) Случаевъ шесть (въ разныхъ лицахъ) на весь Псалтырь, рядомъ съ подавляющимъ большинствомъ формъ съ контракціей.

значеніе позволяет различать однѣ формы отъ другихъ. Первое лицо множ. ч.: вопрошáхомъ (Дан. XIII. 40, Остр. взпрашáховѣ, Первop. вопрошáхова) и т. д. Второе лицо: пiáсте (Дан. V. 23, Остр. такъ же) и т. д.

Третье лицо весьма часто: хождáхъ (Пс. CXXV. 6, Остр. хожаахъ, но рядомъ плакахъсѧ, Первop. какъ въ Новой), цѣлáхъ (Иерем. VI. 14, Остр. такъ же), течáхъ (ibid. XXIII. 21, Остр. такъ же), снѣдáхъ (ibid. L. 7, Остр. їадѣ), дамáхъ (Иез. VI. 13, Остр. дáша), спáхъ (ibid. XXIII. 8, Остр. легáхъ), поáхъ, блго-словлáхъ, слáвлáхъ (Дан. III. 51, Остр. поáхъ, влвáхъ, слав-лáхъ), писáхъ (ibid. V. 5, Остр. такъ же), смѣщáхъ (ibid. 6, Остр. смѣщáхъть, Первop. какъ въ Новой), вхождáхъ, можáхъ (ibid. 8, Остр. такъ же), расхищáхъ (Пс. LXXXVIII. 42, Остр. расхищáхъть, Первop. какъ въ Новой), наблюдахъ (ibid. XIII. 15, Остр. влюдáста), оутопáхъ (Мр. V. 13, Остр. такъ же), оугнѣтáхъ (ibid. 24, Остр. такъ же), глаголахъ (ibid. 31, Остр. глáхъ), вiáхъ, плювáхъ, поклонáхъсѧ (ibid. XV. 19, Остр. вiáхъ и такъ же, какъ въ Новой) и т. д.

Формы, свойственныя древнерусскому и представляющія исконное третье лицо множ. ч. + окончаніе ть, встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библии (см. примѣры). Въ Новой онѣ отсутствуютъ, равно какъ и въ Первопечатной.

Двойственное число представлено, какъ всегда, скуднѣе и часто замѣняется множественнымъ. Первое лицо: Остр. взпрашáховѣ (Дан. XIII. 40, Первop. вопрошáхова, Новая множ. ч. вопрошáхомъ) и т. д. Второе лицо не встрѣчается; Зогр. Ев. нскашета (Лук. II. 49, Нов. искасте—2 л. мн. аориста сложанго перваго, Остр. какъ Нов.) и т. д. Третье лицо довольно часто: м. р. вѣсѣдоваста (Лук. XXIV. 14, Зогр. вѣсѣдовашете, Остр. какъ въ Новой), ср. р. держáстѧ (ibid. 16, Остр. дрѣжáстасѧ), м. р. глáста (Лук. IX. 31, Остр. такъ же), їскаста (Лук. II. 44, Зогр. нскашете, Остр. їскаста), хождáста (ibid. II. 41, Зогр. хождашете, Остр. хожаста), поношáста (Матѣ. XXVII. 41, Мр. XV. 32, Зогр. поношашете, Остр. поношáста, понашáста), нждаста (Лук. XXIV. 29, Зогр. нждашете, Остр. нжаста), и т. д.

Съ внѣшней стороны формы двойственного числа ничѣмъ не отличаются отъ соответствующихъ формъ аориста у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго наклоненія на а-.

По типу такихъ исконныхъ формъ созданы новообразованія, характеризующія церковнославянскій русскаго типа и вытѣснившія въ немъ исконныя формы совершенно. Окончанія здѣсь тождественны съ окончаніями разсмотрѣннаго выше исконнаго имперфекта, но въ тематическомъ отношеніи эти формы отличаются отъ исконныхъ непремѣнною палатальностью послѣдняго согласнаго основы, которая у исконныхъ формъ свойственна только глаголамъ, имѣющимъ основу неопред. наклоненія на н-.

Примѣры такихъ вторичныхъ, русскихъ формъ имперфекта: Единственное число, первое лицо: сѣдѣхъ (1 Езд. IX. 4, Остр. сѣдѣ, Первop. какъ въ Новой), живѣхъ (Тов. V. 6, Остр. вы вѣхъ), вѣдѣхъ (Пс. XXXIV. 11, Остр. вѣдѣхъ, 1 Ц. XXII. 22, Остр. аор. вѣдѣхъ), зрѣхъ (Дан. VII. 4. 9, Остр. такъ же), ѣдѣхъ (Быт. XLVIII. 7, Остр. ѣдѣ) и т. д. Формъ втораго лица въ Новой библіи не встрѣчается. Въмѣсто нихъ мы ожидали бы соответствующія формы сложнаго прошедшаго, какъ и у исконнаго имперфекта (см. выше стр. 362). Третье лицо весьма часто: вѣдѣше (Быт. XXXI. 32, Остр. и Первop. вѣдѣ), ѣмѣше (Іoан. XIII. 29, Остр. ѣмѣше, Первop. какъ въ Новой; Быт. XIV. 10, Остр. какъ въ Новой), ѣдѣше (Быт. XXXIX. 6, Остр. ѣдѣше), хотѣше (ibid. 7, Остр. хотѣше), ѣдѣше (Быт. XII. 4, Остр. такъ же; Числ. XXII. 23, Остр. ѣдѣше), сѣдѣше (ibid. 22, Остр. такъ же), ведѣше (Исх. XIV. 25, Остр. водѣше), горѣше (Второз. V. 23, Остр. такъ же), живѣше (I. Нав. XII. 2, Остр. живѣше), вѣдѣше (1 Ц. IV. 15, Остр. такъ же), пасѣше (ibid. XVII. 34, Остр. 1 л. ед. пасѣхъ), щадѣше (2 Ц. XVIII. 16, Остр. другой текстъ), вѣдѣше (Перем. V. 6, Остр. причастіе наст. вр. вѣдѣщъ, Плачь Іер. I. 14, Остр. аор. оубѣдѣшѣ), градѣше (Іез. I. 4, Остр. такъ же); кипѣше (ibid. XLVII. 5, Остр. такъ же), кладѣше (Ос. II. 13, Остр. такъ же), терпѣше (Прем. С. XVII. 16, Остр. трѣпѣше), влечѣше (ibid. XIX. 4, Остр. такъ же), горѣше (I. Сир. XLVIII. 1, Остр. такъ же),

храплѣше (Иона I. 5, Остр. храплѣше, Первop. какъ въ Новой), мнѣше (1 Макк. VI. 9, Остр. мнѣше), радѣше (2 Макк. IV. 14. 27, Остр. только 27: радѣше), матѣшесѧ (3 Езд. XIV. 40, Остр. сматѣшесѧ) и т. д.

Множественное число, 1-е лицо: сѣдѣхомъ (Исх. XVI. 3, Остр. и Первop. сѣдѣхомъ), вѣдѣхомъ (Числ. XII. 11, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного). 2-е лицо: живѣсте (Кол. III. 7, Лев. XXVI. 35, Остр. такъ же), ѣдѣсте (Втор. XXXII. 38, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного).

Третье лицо очень часто: ѣдѣхѣ (Быт. XXXVII. 25, Остр. настоящ. и аористъ, I. Нав. VI. 12, Остр. такъ же bis), ѣдѣхѣ (Быт. XLIII. 32, Остр. такъ же), пасѣхѣсѧ (Быт. XLI. 2. 3. 18, Остр. такъ же), ѣмѣхѣ (ibid. XEIII. 26, Остр. ѣмѣхѣ, Первop. ѣмѣхѣ; I. Нав. V. 8, Остр. ѣмѣхѣ), живѣхѣ (Быт. XII. 6, Остр. такъ же), видѣхѣ (Исх. V. 19, XXXIII. 10, Остр. видѣхѣ и видѣхѣ), мелѣхѣ (Числ. XI. 8, Остр. такъ же), вѣдѣхѣ (I. Нав. X. 2, Остр. вѣдѣхѣ), зрѣхѣ (Суд. XIII. 19, Остр. и Первop. двойств. глѣдѣста), владѣхѣ (ibid. XIV. 4, Остр. такъ же), жнѣхѣ (1 Цств. VI. 13, Остр. такъ же), хотѣхѣ (ibid. XV. 9, Остр. такъ же), несѣхѣ (2 Цств. III. 22, Остр. такъ же), везѣхѣ (ibid. VI. 3, Остр. такъ же), зовѣхѣ (3 Ц. XVIII. 28, Остр. такъ же), ведѣхѣ (1 Пар. XIII. 8, Остр. такъ же), жрѣхѣ (1 Макк. I. 59, Остр. такъ же) и т. д.

Двойственное число по обыкновенію представлено скудно. Имѣются только формы 3-го лица: ж. р. зрѣстѣ (Mr. XV. 47, Остр. и Первop. зрѣста), ѣдѣстѣ (Матѣ. XXVIII. 8, Остр. ѣдѣсте, Первop. ѣдѣсте), м. р. ѣдѣста (Лук. XXIV. 28, Остр. такъ же) и т. д. Исконныя формы (только съ контракціей) у этихъ глаголовъ (съ темой неопредѣленнаго наклоненія не на а- и н-) встрѣчаются лишь весьма рѣдко: ѣмѣхѣ (2 Пар. XXX. 22; 1 Макк. X. 15, Остр. ѣмѣхѣ).

Глаголь **быти**, какъ и въ старославянскомъ, представляетъ двѣ формы: 1) Ед. ч. первое лицо: вѣхѣ (Быт. XXXII. 10, Остр. вѣхѣ; 2 Ц. VII. 9, Остр. настоящ. время ѣсмъ; Неем. I. 4, Остр. вѣхѣ); второе лицо употребляется еще въ Остр. и

Первоп., но въ Новой не встрѣчается и замѣнено вездѣ сложнымъ прошедшимъ: Матѳ. XXVI. 69, Остр. ѿ ты вѣ съ їсомъ (Первоп. ѿ ты вѣ... Нов. ѿ ты былъ ѳси...) и т. д., третье лицо часто: вѣ (Быт. XI. 1, Руѳъ I. 7, 3 Ц. III. 18 и т. д.). Множ. число, первое лицо: вѣхомъ (1 Цств. XXV. 16, Римл. VII. 5, Галат. IV. 3, вис. Д. Ап. XXVII. 15, Числ. XIII. 34 и т. д.); второе лицо: вѣсте (Исх. XXIII. 9, Остр. такъ же, Лев. XIX. 34, Остр. вѣсте); третье лицо: вѣша (Быт. III. 7, Остр. вѣша вм. двойств., 3 Ц. VIII. 7, Остр. двойств. вѣста, Первоп. вѣста, 1 Ц. XIII. 2, Остр. вѣша и т. д.). Двойственное число представлено лишь въ третьемъ лицѣ: м. р. вѣста (Лук. I. 6, Быт. XL. 4. 5, Остр. вѣста), ж. р. вѣствѣ (Быт. XXVII. 23; XXIX. 16, Остр. вѣста, Первоп. вѣста). Формы перваго лица дв. числа встрѣчаются въ Острожской библии, но въ Новой замѣнены множ.: вѣховѣ (Остр. и Перв. 3 Ц. III. 18, Нов. вѣхомъ). Формы этого типа имперфекта такъ же, какъ и въ старославянскомъ, имѣютъ значеніе аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ (см. Miklosich. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. Wien. 1874, стр. 40); часто онѣ употребляются наряду съ формами настоящаго аориста (вѣхъ, вѣ, вѣсть и т. д.) совершенно безразлично: Герѣвъ роди Іаіра, ѿ вѣша ѳмѣ 23 грады... (1 Парал. II. 22, Остр. вѣша)... ѿ вѣша сынове Іерамеіла... Рамъ..., ѿ Ваанà и т. д. (ibid. 25, Остр. вѣша); рядомъ ниже: ѿ вѣша сынове Рамà... Маасъ, ѿ Іамінъ и т. д. (ibid. 27, Остр. вѣша и вѣша); ѿ вѣша сыны Оунамли Гаммаà, ѿ ѳддàй (ibid. 28, Остр. вѣша) и т. д. ѿ ѳвrà севѣ Гауль три тысащы мужей... ѿ вѣша съ Гауломъ двѣ тысащы въ Махмасѣ, ѿ въ горѣ Веѳли, ѿ тысаща вѣша со Івнаѳаномъ въ Гавай и т. д. (1 Ц. XIII. 2, Остр. вѣста, вѣша). Какъ видно изъ цитатъ, Острожская библия въ этомъ отношеніи представляетъ большее единообразіе, чѣмъ Новая.

2) Рядомъ съ только что приведенными аористическими формами, мы встрѣчаемъ и формы настоящаго имперфекта, соответствующія старослав. вѣхъ, вѣше и т. д. И здѣсь мы находимъ только формы „русскаго“ имперфекта съ морфологической ассимиляціей къ формамъ типа глаголахъ = глаголахъ и люблахъ =

люблѣхъ. Имѣются, однако, только формы третьяго лица единственнаго и множественнаго. Остальныя формы всѣхъ трехъ чисель не встрѣчаются въ печатномъ библейскомъ текстѣ: 3 л. ед. бѣше (Д. Ап. V. 4, Остр. бѣше, Іов. I. 1, Остр. вѣ. Въ обоихъ случаяхъ бѣше употреблено рядомъ съ вѣ въ одинаковомъ значеніи аориста. Быт. XXXIX. 2. И бѣше Гдѣ со Іусифомъ: и бѣше мѣжъ благополѣченъ, и вѣсть въ домѣ гдѣина своего. Остр. и вѣ гь... и бѣше мѣжъ... и вѣсть... Быт. VII. 22. 23: и все, ѣже вѣ на сѣши, оумре. И потревица всѣкое востаніе, ѣже бѣше на лицѣ всеѣ земли... Остр. еліко вѣ... иже вѣхъ).

Третье лицо множественнаго—вѣхъ (Быт. VI. 4, Остр. такъ же, XXIX. 2, Остр. вѣхъ, XXXI. 5, Остр. такъ же, 1 Цств. XIII. 7, Остр. такъ же, XVII. 19, Остр. вѣхъ, Первop. вѣхъ, 1 Макк. V. 5, Остр. вѣхъ, XIII. 44, Остр. вѣхъ, Іерем. XIV. 19, Остр. настоящее нѣсть, Дан. XIV. 32, Остр. бѣше и т. д.) имѣеть всегда или въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе имперфекта. Кромѣ того имѣеться форма съ контракціей вѣхъ, употребляющаяся на ряду съ вѣхъ, часто въ непосредственномъ содѣствѣ, безъ всякаго особаго отгѣика (1 Макк. XIII. 44. 45: и вскачахъ во градъ, иже вѣхъ въ миханѣ, и вѣсть сматеніе веліе во градѣ. И въздоша иже вѣхъ во градѣ.. и возопіша и т. д. Остр. вѣхъ и вѣхъ, *ibid.* VII. 13: и первіи Асидеи вѣхъ въ сынѣхъ Іилевыхъ, и искѣхъ ѿ нѣхъ міра. Остр. вѣхъ, Іерем. XI. 13: по числу во градѣхъ твоихъ вѣхъ бѣзи твой, Ісдо... Остр. вѣхъ, Быт. VIII. 1: и помани Бгъ Нѣа, и всѣ звѣри, и всѣ скоты... еліка вѣхъ съ нѣмъ въ ковчѣзѣ... Остр. вѣхъ, 1 Пар. VII. 19: вѣхъ же сынове Гемира: Аѣмъ, и Гвѣхемъ и т. д. Остр. вѣхъ и т. д.).

Какъ остатокъ старославянскаго имперфекта безъ контракціи можно бы разсматривать имперфектъ глагола *нмж*, *нмѣти*—*ймѣхъ* и т. д., встрѣчающійся нерѣдко въ печатныхъ текстахъ, но эти формы могутъ быть и результатами морфологической ассимиляціи къ основѣ настоящаго времени—*ймѣю*, *ймѣши* и т. д.

Примѣры такихъ формъ: 3 л. ед. *ймѣаше* (Быт. XXXIX. 5, Остр. *ймѣаше*, Первop. какъ въ Новой; *ibid.* VIII. 11, Остр.

ймѣаше, Первоп. какъ въ Новой; Плачь Іер. I. 7, Остр. ѳмѣаше, Первоп. какъ въ Новой; 1 Пар. XIII. 14, Остр. ѳмѣаше, Первоп. какъ въ Новой; 2 Пар. XXXIII. 6, Остр. ѳмѣаше, Первоп. какъ въ Новой), 3 л. мн. ѳмѣахѹ (Матѹ. XIII. 5, 6, три раза, Остр. два раза ѳмѣаше, ѳмѣахѹ, Первоп. ѳмѣаше, ѳмѣахѹ; Юд. VII. 21, Остр. другой текстъ; Прем. Сол. XVIII. 12, Остр. ѳмѣахѹ, Первоп. какъ въ Новой, Іов. IV. 21, Остр. ѳмѣахѹ и т. д.).

Иного происхожденія формы имперфекта (отъ глагола давати): 3 ед. даѣше (1 Макк. XIV. 8, 10, Остр. 8, даѣше, 10, даровахѹ), преподаѣше (2 Макк. I. 35, Остр. предаде), продаѣше (Быт. XLII. 56, Остр. такъ же); первое лицо множ. даѣхѹмъ (Исх. V. 13, Остр. даѣхѹ); третье множ. даѣхѹ (Іер. XXXVII. 21; Дан. XIV. 32, Остр. такъ же) и т. д. Изъ другихъ особенностей старославянскаго имперфекта, сохранившихся и въ печатномъ церковнославянскомъ, можно отмѣтить колебаніе у глаголовъ съ послѣднимъ согласнымъ основы (корня) губнымъ между формами ѣсъ л (развившимся изъ j) и формами безъ л. Формы съ л: ѡсквернавлѣхѹ (Іезек. XIII. 19, Остр. ѡсквернавлѣхѹ), глѣмлѣшесѣ (Іов. XXII. 19, Остр. такъ же), поглѣмлѣхѹсѣ (Пе. LXXVI. 4, Остр. глѣмлѣсѣ), разславлѣхѹ (Прем. С. XVII. 18, Остр. другой текстъ), пріемлѣхѹ (ibid. XIX. 13. 14, Остр. пріемлѣхѹ, вспріемлѣхѹ), ѡскорблѣхѹ (I. Сир. XLVI. 19, Остр. ѡскорблѣхѹ, Первоп. какъ въ Новой), гравлѣхѹ (Мих. II. 2, Остр. гравлѣхѹ, Первоп. какъ въ Новой), ѳавлѣше (1 Макк. IV. 20, Остр. такъ же), поздравлѣхѹ (ibid. VII. 29, Остр. поздравлѣхѹсѣ), люблѣше (Быт. XXV. 28, Остр. такъ же), давлѣше (1 Цств. XVI. 14, Остр. такъ же), оумерщвлѣхѹ, воспротивлѣшесѣ (ibid. XVII. 35, Остр. оумрщвлѣхѹ, воспротивлѣшесѣ, Первоп. какъ въ Остр.), люблѣхѹ (XVIII. 16, Остр. такъ же) и т. д. Формы безъ л: любѣше (3 Цств. V. 1, Быт. XXIX. 20, Остр. такъ же; 1 Цств. XIX. 1, Остр. оугѣденъ бѣше), направлѣхѣсѣ (Пе. CXIII. 128, Остр. направлѣхѣсѣ, Первоп. направлѣхѣсѣ), подобѣшесѣ (Іез. XLIII. 3, Остр. подобѣшесѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Послѣднія значительно рѣже первыхъ, имѣются уже въ

Острожской библии и, слѣдовательно, ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ памятниковъ. Въ церковнославянскомъ онѣ под- держивались также такими вторичными формами, какъ жива́хъ, жива́ше, жива́хъ и т. д. (см. выше, стр. 364).

Въ общемъ значеніе имперфекта не всегда строго выдержано. Нерѣдки случаи, когда формы имперфекта употребляются на ряду съ формами аориста (у глаголовъ вида несовершеннаго): Неем. III. 2 и слѣд.: „и близъ его созида́ша (Остр. сзидáша) мужіе Герихонетіи и близъ ихъ созида́ (О. сзидà) Закхурь... 3. Врата же рыбная созида́ша (О. сзидáша) сынове Асанаевы... 4. И близъ ихъ созида́ше (О. сзидà) изъ Рамооы сынъ Уріянь... и близъ его созида́ше (О. созидà) Мосолламъ... и близъ ихъ созида́ше (О. созидà) Садооъ... 5. И близъ ихъ созида́ша (О. создáша) Теокоимы... 6. И врата старая созида́ше (О. созидáше) Іоида... 7. созида́ша (О. созидáша), 8. созида́ (О. созидà), 9, 10, 11, 12, 14. созида́ше (О. созидà), 15. созида́ше (О. сзидà), 16. созида́ше (О. сзидà), 20, 21. созида́ше (О. сзидáше), 23. созида́ше (О. создà) и т. д. Острожская и Первопечатная библии въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе выдержанности. Безразличное употребленіе это коренится въ особенностяхъ живого русскаго языка, знающаго одно прошедшее (praeteritum) вообще и выражающаго болѣе тонкіе оттѣнки глагольнаго дѣйствія помощью такъ называемыхъ *видовъ*. Нѣкоторое смѣшеніе въ значеніи формъ аориста и имперфекта, наблюдаемое въ печатномъ церковнославянскомъ, сказывается и у грамматиковъ.

Л. Визаній обозначаетъ аористъ терминомъ „мимошедшее“: іавѣ, іавѣилъ єси, ла, ло и іавѣ, іавѣ, іавѣхъовѣ, ва; -ста, -ста, іавѣхѣ, іавѣсте, іавѣша (л. 57). Рядомъ у него имѣется имперфектъ въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей, обозначаемый терминомъ „протяженное“: іавлѣ, іавлѣлъ єси, ла, ло и іавлѣше, іавлѣше (2 и 3 л.); іавлѣхъовѣ, ва; іавлѣста, іавлѣхъ (л. 57) и 2) безъ контракціи, обозначенный терминомъ „пресовершенное“: іавлѣа, іавлѣалъ єси, іавлѣаше, іавлѣа, іавлѣахъовѣ, іавлѣаста, аста; іавлѣахѣ, іавлѣасте, іавлѣахъ, іавлѣаша. То же приблизительно находимъ и въ другихъ парадигмахъ Визанія, напр. въ „молитвенномъ протяженномъ“: даъ бы іавлѣ;

іавлѣ бы єсі, ла, ло. іавлѣшебы, да бы іавлѣховѣ, вабы. ставы. іавлѣста бы, да бы іавлѣхѣ, іавлѣсте бы, іавлѣхѣ бы (л. 58) и въ „молитвенномъ пресовершенномъ“: дабы іавлѣѣ, іавлѣѣбы єсі, ла, ло. іавлѣшебы. да бы іавлѣховѣ, хова; іавлѣстабы (bis), да іавлѣхѣ, іавлѣстебы, іавлѣхѣбы (тамъ же). Отъ глагола вѣставѣти „протяженное“ является въ такомъ видѣ: „вѣставѣхѣ, вѣставѣлѣ єсі, ла, ло, вѣставѣ, вѣставѣше, вѣставѣховѣ, ва, вѣставѣста, вѣста; вѣставѣхѣ, вѣставѣсте, вѣставѣхѣ, вѣставѣша“; „пресовершенное“ разнится только отсутствіемъ контракціи: вѣставѣ, вѣставѣховѣ, вѣставѣхомѣ (л. 67).

Въ то же время „мимошедшее“ (=аористу) представляетъ другую тему, а именно вида несовершеннаго: вѣстѣхѣ, вѣстѣховѣ, вѣстѣста, вѣстѣхомѣ и т. д. (л. 66 на об.). Какъ видно, и у Зизанія главную роль играютъ не спеціальныя формальныя особенности того или другого времени (въ имперфектѣ у него мы находимъ формы аориста, напр. въ 3 л. мн., а также и сложнаго прешедшаго), а извѣстныя формальныя отличія того или другого вида. У М. Смотрицкаго въ Моск. изданіи аористъ окрещенъ терминомъ „преходящее“, напр. чтѣхѣ, чѣлѣ, члѣ, члѣ, чтѣ; дв. м. и ср. чтѣхома (первое изд. чтѣхова), чтѣста, чтѣста, ж. чтѣхомѣ (первое изд. чтѣховѣ), стѣ, тѣ; множ. чтѣхомѣ, чтѣсте, чтѣша (л. 190 на об.).

Имперфектъ же, какъ и у Зизанія, является въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей подъ именемъ „прешедшаго“ (=„протяженному“ Зизанія): читѣхѣ, читѣлѣ, читѣла, ло, читѣше; дв. м. и ср. читѣхома (1-е изд. читѣхова) читѣста, ста, ж. читѣхомѣ (1-е изд. читѣховѣ), читѣстѣ, стѣ, множ. читѣхомѣ, читѣсте, читѣхѣ или читѣша, 2) безъ контракціи подъ именемъ „мимошедшаго“ (=„пресовершенному“ у Зизанія): читаѣхѣ, читаѣлѣ, читаѣла, читаѣло, читаѣше; дв. муж. и ср. читаѣхома (1-е изд. читаѣхова), читаѣста, читаѣста; ж. читаѣхомѣ (1-е изд. читаѣховѣ), читаѣстѣ (bis); множ. читаѣхомѣ, читаѣсте, читаѣхѣ или читаѣша (л. 191 на об.).

Какъ и у Зизанія, мы находимъ здѣсь смѣсь различныхъ формъ: аориста, имперфекта и сложнаго прешедшаго.

Главную роль играет *видъ*, а не временныя формальныя отличія. На чисто видовыхъ отличіяхъ основано и „непредѣльное“ время М. Смотрицкаго, представляющее собой въ большинствѣ формъ обыкновенный аористъ (сложный съ тематическимъ гласнымъ -о-): прочтѣхъ, прочѣлъ, ла, лѣ; прочтѣ, дв. м. и ср. прочтѣхома, прочтѣста, ста, ж. прочтѣхомѣ, прочтѣстѣ, стѣ; мн. ч. прочтѣхомъ, прочтѣсте, прочтѣша (л. 191 на об.—192) и т. д.

Такия же формы находимъ и у глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на и-: „совершеннаго вида преходящее“ (аористъ): творѣхъ, творѣлъ, ла, ло, творѣ; дв. муж. и сред. творѣхома, творѣста, ста, женск. творѣхомѣ, творѣстѣ, стѣ; множ. творѣхомъ, творѣсте, творѣша (л. 215 на об.); „учащательнаго вида прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): творѣхъ и проч. якоже читѣхъ; „мимошедшее“ (имперфектъ безъ контракціи): творѣхъ и проч. якоже читахъ (л. 216). Особенно пеструю смѣсь различныхъ формъ находимъ мы у глагола быти: „вида совершеннаго преходящее“ (аористъ): быхъ, былъ, лѣ, ло, вѣ, дв. муж. и ср. вѣхома, вѣсма, стѣ, стѣ, женск. вѣхомѣ или вѣсмѣ, вѣстѣ, стѣ, множ. вѣхѣ, вѣстѣ, вѣхѣ или вѣша (л. 235).

Здѣсь находимъ смѣсь формъ аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго. Таковую же смѣсь представляетъ и „прешедшее“ (имперфектъ съ контракціей): быхъ (аористъ), былъ, была, ло (сложное прошедшее), бысть (аористъ) или вѣше (имперфектъ); двойственное число муж. и средн. рода: быхома или бысма, ста, ста, женскаго быхомѣ или бысмѣ, быстѣ, вѣстѣ; множеств. быхомъ, стѣ (аористъ), вѣхѣ (имперфектъ) или быша (аористъ) (л. 235 на обѣихъ сторонахъ). „Мимошедшее“ образуется уже отъ „учащательнаго вида“: бывахъ, якоже, читахъ (л. 235 на обор.). Еще болѣе пестрый видъ представляютъ соответствующія парадигмы глагола вѣмь: „совершеннаго вида преходящее“—вѣдѣхъ, вѣдѣлъ, ла, ло, вѣдѣ, двойств. м. и ср. вѣдѣхома, вѣдѣсма, вѣдѣста, ста; женск. вѣдѣхомѣ, вѣдѣсмѣ, вѣдѣстѣ, вѣдѣстѣ; множ. вѣдѣхомъ, вѣдѣстѣ, вѣдѣхѣ или вѣдѣша (л. 238 на обор. и 239). „Прешедшее“ вѣдѣхъ (отчего не вѣдахъ?), вѣдѣлъ, ла, ло, вѣше; двойств. м. и ср. вѣдахома, вѣдѣсма, вѣдѣста, ста; ж. вѣдѣ-

хомѣ или вѣдѣсмѣ, ѡстѣ, стѣ; множ. вѣдѣхомъ, вѣдѣсте, вѣдѣхѣ или вѣдѣша (л. 239). Интересны и парадигмы глагола ѣмь, представляющія не мало новообразований — „преходящее совершеннаго вида“ (аористъ сложный второй) ѣдоухъ, ѣлъ, ла, ло, ѣдѣ; двойств. м. и ср. ѣдохома, ѣдоома, ѣдоота, доота; ж. р. ѣдохомѣ, ѣдоомѣ, стѣ; множ. ѣдоухѣ, ѣдооте, ѣдооша (л. 243). „Прешедшее“ (имперфектъ): ѣдохъ, ѣлъ, ла, ло, ѣдохе; двойств. м. и ср. ѣдохома, ста, доота; женск. ѣдохомѣ, ѣдохстѣ, стѣ; множ. ѣдохѣ, ѣдохте, ѣдохѣ (формы ѣдохѣ нѣтъ, хотя у глагола вѣмь находимъ вѣдѣхѣ, вѣдохѣ, рядомъ съ вѣдѣша, вѣдохѣ). „Мимолетное“ образовано уже отъ „учащательнаго вида“: ѣдохѣ, якоже читахѣ (л. 243 на обор.). Глаголь снѣмь имѣеть у М. Смотрицкаго двѣ формы сложнаго аориста („непредѣльное учащат. вида“): 1) вторую форму съ соединительнымъ гласнымъ -о-: снѣдохъ, снѣлъ, ла, ло, снѣдѣ; двойств. м. и ср. снѣдохома, снѣдоота, ста; жен. снѣдохомѣ, стѣ, стѣ; множ. снѣдохомъ, снѣдооте, дооша (л. 243 на обор. и 244) и 2) первую форму: снѣхъ, снѣлъ, ла, ло, снѣ; двойств. м. и ср. снѣома, снѣота, снѣота; ж. снѣомѣ, снѣотѣ, снѣотѣ; множ. снѣомъ, снѣотѣ, снѣоша. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, грамматика М. Смотрицкаго представляетъ не мало формъ, чуждыхъ библейскому тексту и являющихся результатами морфологической ассимиляціи къ разнымъ дѣйствительнымъ формамъ. Таковы, напр. оригинальныя формы 1 л. двойств. числа вѣома, вѣомѣ, вѣома, вѣомѣ, вѣдѣома, вѣдѣомѣ, вѣдѣома. -ѣ, ѣдоома, -ѣ, снѣома, -ѣ, вызванныя вліяніемъ втораго и третьяго лица того же числа: вѣота, вѣота, вѣдѣота и т. д. и въ библейскомъ текстѣ совсѣмъ не встрѣчающіяся. Новообразованіемъ является и форма третьяго лица ед. ч. аориста снѣ, рядомъ съ 1 л. снѣхъ, образованная по типу ѣмѣ, рядомъ съ 1 л. ѣмѣхъ, видѣ || видѣхъ и т. д. (стел. нмѣ || нмѣхъ). Смѣшеніе формъ имперфекта и аориста, имѣющееся въ нѣкоторыхъ парадигмахъ и указывающее на отсутствіе рѣзкаго различія между этими двумя временами, замѣчается не вездѣ. Такъ, рядомъ съ вѣдѣхѣ имѣется вѣдѣша и рядомъ съ вѣдохѣ—вѣдохѣ, хотя рядомъ съ ѣдохѣ нѣтъ аори-

стической формы. Какъ бы то ни было, грамматика М. Смотрицкаго также подтверждаетъ сказанное выше (на стр. 369) о паденіи специальныхъ аористическаго и имперфектнаго временныхъ отгѣнковъ.

§ 24. *Причастія прошедшаго времени.* Въ старославянскомъ имѣлись слѣдующія формы причастій прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: 1) причастіе прошедшее дѣйств. залога первое (= индоевроп. причастію перфекта дѣйств. з.), образуемое отъ основы неопредѣленнаго наклоненія при помощи суффиксовъ -ъс- (у основъ на согласный) и -къс- (у основъ на гласный); у глаголовъ четвертаго класса съ послѣднимъ гласнымъ основы въ неопредѣленномъ наклоненіи и настоящемъ времени -н возможны были и тѣ и другія образованія (хвалѣ и хвалнкъ); 2) причастіе прошедшее дѣйств. залога второе съ суффиксами -лъ, -ла, -ло, никогда не являющееся самостоятельно, а всегда въ сочетаніи съ разными формами вспомогательнаго глагола въ различнаго рода „описательныхъ“ временахъ.

Въ церковнославянскомъ всѣ эти образованія сохранились, но рядомъ являются и различныя новообразованія.

Исконныя формы причастія прошедшаго перваго: простыя— м. р. у основъ на согласный: вше́дз (Тов. VI. 15, Остр. другой текстъ), совлѣкз (2 Макк. IV. 38, Остр. 3 ед. аор.), всѣдз (Захар. I. 8, Остр. всѣдз), впрѣгз (Быт. XLVI. 29, Остр. впрѣгзже), ше́дз (ibid. 31, Остр. ж. р. въ значеніи мужскаго шедзши, Первоп. какъ въ Новой), проше́дз, ѡвше́дз (Тов. II. 2, Остр. ѡвхожь, прохѡждь), поѣмз (Быт. XII. 19, Остр. поѣмз), взѣмз (2 Макк. V. 5, Остр. 3 аор. взѣтъ), ѣмьса (2 Цств. I. 11, Остр. ѣмса, Первоп. ѣмса) и т. д. У основъ на гласный: вы́вз (2 Макк. I. 13, Остр. 3 ед. аор., V. 15, Остр. другой текстъ, ibid. 18, Остр. другой текстъ, Исх. II. 11, Остр. вывз), плѣнѣвз (ibid. VI. 20, Остр. и Первоп. прич. настоящ. ж. р. въ значеніи муж. плѣюци), разѣмѣвз (Исх. II. 11, Остр. разѣмѣв), поразивз (ibid. 12, Остр. оубивз), гавивса (Быт. XLVI. 29, Остр. 3 л. аор. показѣжеса), прикоснѣвса (Лев. V. 3, Остр. такъ же), растѣвз (Псалт. LVII. 9, Остр.

растала́), оу́тъшнвса (Ис. XXXVIII. 16, Остр. оу́тъшнвса) и т. д. У глаголовъ IV-го класса съ послѣднимъ гласнымъ основы неопред. наклоненія и настоящаго времени -и-: сотворѣ (2 Макк. VIII. 35, Остр. сятворѣ, Первоп. какъ въ Новой), составѣ (3 Макк. II. 5, Остр. 2 л. ед. аор. ѡстави, Первоп. ѡставѣ), исполнѣ (Пе. XXXII. 5, Остр. исполнѣ), ѡмочь (Іоан. XIII. 26, Остр. ѡмочь), пристѣпѣ (Матѣ. XXVII. 58, Остр. пристѣпѣ), погѣвѣ (Лук. XV. 4, Остр. погѣвѣ) и т. д. Подобныя формы въ общемъ рѣдки и иногда замѣняются въ Новой б. формами съ суффиксомъ -вз: ѡложивѣ (2 Макк. VIII. 35, Остр. ѡтложѣ, Первоп. ѡложѣ), сотворивѣ (Лук. X. 25, Остр. сятворивѣ, Зогр. сятворѣ), всадивѣ (ibid. 34, Остр. всадивѣже, Зогр. вѣсаждѣ) и т. д. Женск. рода: ѡтвѣрзши (Тов. VIII. 13, Остр. другой текетѣ), ѡшѣдши (ibid. 14, Остр. форма м. р. въ значеніи ж. р. ѡбрацса), пришѣдши (Руѣб II. 3, Остр. 3 л. аор. прінде), ѡзѣвши (Юд. XIII. 15, Остр. 3 л. ед. аор. ѡзѣтѣ), поимши (Быт. XVI. 3, Остр. такъ же), зачѣвши (ibid. IV. 1, Остр. такъ же), взѣвши (ibid. XXIV. 65, Остр. взѣши), воставши (ibid. 61, Остр. вставши), воззрѣвши (ibid. 64, Остр. воззрѣвшѣ какъ ж. р. Первоп. возрѣвши) и т. д. Изрѣдка формы ж. р. употребляются въ значеніи м. р.: поникши (I. Сир. XII. 11, врагъ пойдетъ —, Остр. и Первоп. такъ же), какъ въ современномъ русскомъ. Въ Острожской библии это употребленіе не много чаще, чѣмъ въ Новой. Въ ней встрѣчается также и имен. множеств. въ значеніи именит. ед. ж. р. Простыя формы средняго рода не встрѣчаются. Рядомъ съ простыми формами, имѣются сложныя, свойственныя и старославянскому: м. р. оумѣрый (3 Цетв. III. 22, Остр. оумрыи, Первоп. оумрыи, 2 Макк. VI. 26, Остр. скончѣ), оукрадый (Исх. XXII. 7, 8, Остр. оукрадыи, Первоп. оукрадый), положительный (2 Цетв. XXII. 34, 35, Остр. и Первоп. полагаѣ), возвративый (3 Цетв. XIII. 26, Остр. взвративыи), бывий (2 Макк. XIV. 3, Остр. бывыи, Втор. XXII. 29, Остр. другой текетѣ), оубивый (Исх. XXI. 13, Остр. оубивыи), прикоснѣвийса (ibid. XIX. 12, Остр. такъ же), ѡбѣщавый (Числ. VI. 18, Остр. ѡвѣщавыи), оуцѣлѣвый (I. Нав. X. 37, Остр.

другой текстъ), сповѣствовавый (ibid. XXIII. 3, Остр. ѿже по-
 може), пѣстивый (Тов. XXXIX. 5, Остр. пѣстивыи), создавый
 (Ис. XCIII. 9, Остр. сздáвыи), помнѣвый (Ис. LXIV. 7,
 Остр. другой текстъ), развѣавый (Перем. XXXI. 10, Остр.
 развѣавыи, Первоп. какъ въ Новой), оуслѣшавый (Лезев. XXXIII.
 4, Остр. слѣшавыи), поразивый (Дан. II. 35, Остр. ѿже раз-
 дрази), гавивыйсѧ (Быт. XXXI. 13, Остр. гавивыисѧ) и т. д.
 Женскаго рода: ѡстáвшасѧ (I. Нав. XIII. 2, Остр. ѡстáвлен-
 насѧ), вѣвшасѧ (Суд. XX. 12, Остр. вѣвшасѧ), пришѣдшасѧ (Руѡв
 II. 6, Остр. пришѣшасѧ), возлюбившасѧ (ibid. IV. 15, Остр.
 възлюбившасѧ), родившасѧ (Иер. L. 12, Остр. стар. им. ед. ро-
 дившѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Здѣсь, какъ и у прича-
 стій настоящаго времени (см. выше, стр. 342), замѣчается
 морфологическая ассимиляція къ сложнымъ именамъ прилагатель-
 нымъ или мѣстоименіямъ (стсл. довра-нѧ и т. д.), свойственная
 русскому языку. Исконная форма еще встрѣчается (весьма рѣдко)
 въ Острожской библии, но уже въ Первопечатной находимъ ука-
 занныя новообразованія (Иер. L. 12), исключительно господствую-
 щія въ Новой. Средній родъ имѣетъ только сложную форму:
 вѣвшее (3 Макк. I. 1, Остр. такъ же), ѡвѣтшесѧ (Быт.
 XLVII. 14, Остр. ѣже ѡвѣтѣ), пáдшее (Лук. VIII. 14, Остр.
 пáшее, Зогр. падъшее), носившее (ibid. XI. 27, Остр. такъ
 же, Зогр. ношышее) и т. д. Подъ вліяніемъ подобныхъ слож-
 ныхъ формъ, ж. и ср. р., имѣвшихся уже въ старославянскомъ,
 а также и косвенныхъ падежей, является вторичная форма им.
 ед. м. р. съ суффиксомъ -шій: оумѣршій (3 Цетв. III. 23, Остр.
 оумѣршѧи), шѣдшій (2 Пар. XVIII. 12, Остр. 3 л. ед. аор.
 ѡде), пошѣдшій (Тов. XI. 5, Остр. другой текстъ) постáвльшій
 (2 Макк. V. 22, Остр. р. ед. постáвльшаго), вѣвшій (1 Цетв.
 IV. 16, Остр. ѣсть), забывшій (Притчи С. II. 17, Остр. за-
 бывыи, Первоп. забывый), оумолкившій (Лез. XXVII. 32, Остр.
 оумолкии, Первоп. оумолкѧи) и т. д. Форма эта тождественна съ
 винит. ед. сложнаго причастія м. р. (свойственнымъ и старосла-
 вянекому), напр., нашѣдшій (Вар. IV. 9, Остр. нашѣшѧи) и т. д.,
 но въ значеніи им. ед. она встрѣчается главнымъ образомъ въ

Новой библии, а въ Острожской и Первпечатной находимъ на ея мѣстѣ или исконныя сложныя формы, или другіе обороты. У глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. наклоненія на и- находимъ сложныя формы, представляющія собою русскую окраску свойственныхъ и старославянскому исконныхъ формъ, въ родѣ хвалѣи, хвалѣи: рождѣйсѧ (Мате. II. 2, Остр. рождѣйсѧ), ѡбращѣйсѧ (вин. ед. Исх. VII. 15, Остр. ѡже вѣ ѡспровергльсѧ), насаждѣи (Ис. XСIII. 9, Остр. насаждѣи), оутверждѣи (Ис. XLII. 5, Остр. оутверждѣи), ѡзбавлѣи (ibid. XLIV. 6, Остр. ѡзбавлѣи), порождѣи (1 Петра I. 3, Остр. порождѣи) и т. д. Формы эти имѣются не только въ Острожской библии, но и въ болѣе древнихъ рукописныхъ памятникахъ.

Причастія прошедшаго времени съ суффиксами -лъ, -ла, -ло въ простой формѣ встрѣчаются только въ различныхъ описательныхъ временахъ: муж. рода, у основъ на гласный ѣль ѣси, пиль ѣси (3 Цетв. XIII. 22, Остр. такъ же), пользовалсѧ ѣси (Мр. VII. 11, Остр. пльзевалъ, Первоп. ползовалсѧ), возвесѣлсѧ вѣхъ (Л. XV. 29, Остр. възвесѣлльсѧ) и т. д.; у основъ на согласный: помогль ѣси (3 Макк. II. 10, Остр. 2 ед. аор. поможѣ), рѣкль ѣси (Исх. XXXII. 13, Остр. такъ же), нанѣслъ вы (Юд. VIII. 8, Остр. другой текеть), ѡблѣкль ѣси (Иов. X. 11, Остр. 2 л. ед. аор. облечѣ, Первоп. ѡблечѣ, на полѣ лъ ѣси), достѣгль ѣси (ibid. XI. 7, Остр. 2 л. аор. остѣви), навѣкль ѣси (ibid. XXXVIII. 18, Остр. оувѣси), погѣвлъ ѣси (Лезек. XXVI. 17, Остр. и Первоп. 2 л. аор. погѣве) и т. д. женскаго рода у основъ на гласный: пощадѣла, посѣбствовала ѣси (Юд. XIII. 20, Остр. другой текеть), оукрасиласѧ, оусладиласѧ ѣси (П. II. VII. 6, Остр. 2 л. ед. аор. оукрасилсѧ, осладилсѧ, Первоп. оукрасилсѧ, ѡсладилсѧ) и т. д.; у основъ на согласный: привлекла ѣси (ibid. IV. 9, Остр. другой текеть—оусрздны сѣтвори), ѡшла, пришла ѣси (Юд. XI. 3, Остр. 2 л. аор. ѡидѣ, Первоп. ѡидѣ, а на полѣ -шла ѣси) и т. д.; средняго рода: бѣше ѡстало (3 Езд. XI. 23, Остр. остало) и т. д.

Сложныя формы являются самостоятельно со значеніемъ именъ прилагательныхъ. какъ въ живомъ русскомъ языкѣ: м. р. ѡбст-

шáлый (зват. ед. Дан. XIII. 52, Остр. ѡвѣтшáлче, Первоп. ѡвѣтшáлче), смѣрзлый (Гов. VI. 17, Остр. причастіе прош. первое смѣрзсѣа, Первоп. смѣрзсѣа), и т. д. женск. рода: запѣстѣлаа (зват. ед. Перем. IV. 30, Остр. запѣстѣйна, Первоп. запѣстѣйна), созрѣлаа (Гов. V. 26, Остр. сзрѣла, Первоп. созрѣла) и т. д. Эти формы очень рѣдки и являются только въ Новой библіи; въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другія образованія или простыя формы.

Приблизительно такъ же представляются причастія дѣйств. прошедш. времени у грамматиковъ XVI и XVII вв.

Такъ у Л. Зизанія находимъ слѣдующія формы причастія прошедшаго перваго: 1) „мимошедшее“: гáвívы, гáвй, -вшáа, вшеє (л. 59). Здѣсь имѣемъ рядомъ формы сложныя и простыя (гáвívы), безъ всякой дифференціаціи; въ ж. р. та же морфологическая ассимиляція къ сложнымъ прилагательнымъ, о которой было сказано выше (стр. 375); вторичная сложная форма м. р. на -шій отсутствуетъ; 2) „непредѣльное“: м. р. гáвлш, гáвлъ, гáлэй, ж. р. гáвлши, -аа; ср. р. гáвлшеє (ibid.).

Тѣ же приблизительно отношенія находимъ на листѣ 68-мъ: 1) „мимошедшее“: м. р. спáсь'сѣа, спáсьсѣа (рядомъ простая и сложная формы, какъ выше); ж. р. спáшисѣа (одна простая форма, тогда какъ выше приводилась только одна сложная), средн. р. спáсьшеєсѣа; 2) „непредѣльное“: муж. р. спáсьшійсѣа (вторичная сложная форма на -шій), ж. р. спáсьшисѣа (одна простая форма); ср. р. спшшеє(сѣа).

Въ томъ же родѣ формы прошедшаго причастія перваго отъ глагола гласíti (л. 70): „мимошедшее“—гласívы, гласívз; гласívшáа; гласívшеє; „непредѣльное“: възгласívшій, възглáшз; възгласívши, възгласívшáа; възгласívшеє; отъ глагола бíti (л. 74): „мимошедшее“—бívый, бívшáа, бívши (простая и сложная формы рядомъ), бívшеє; „непредѣльное“—бívшій, бívши, бívшáа, бívшеє и т. д.

Приведенныхъ формъ достаточно, чтобы видѣть, что распредѣленіе различныхъ причастныхъ формъ по временамъ произведено у Л. Зизанія большею частью на основаніи однихъ видо-

выхъ отличій, и то далеко не послѣдовательно; попытки къ дифференціаціи различныхъ формъ по значенію наблюдаются (ср. „мимошедшее“ м. р. вѣвый, гласѣвы, спасѣса, гавѣвы, но „непредѣльное“ вѣвшій, възгласѣвшій, спасѣшійса, гавѣш и т. д.), но онѣ не могли быть проведены послѣдовательно (ср. „мимошедшее“ ж. р. вѣшла, вѣши, ср. р. вѣше и „непредѣльное“ вѣши, вѣшла, вѣше), что объясняется чисто „видовыми“ основаціями quasi временъ Зизанія. Противоположенія простыхъ формъ сложнымъ, какъ у Мелетія Смотрицкаго, мы здѣсь не находимъ. Второе причастіе прошедшее съ суффиксами -лъ, -ла, -ло у Зизанія не представляетъ никакихъ особенностей, такъ что приводитъ его примѣры является лишнимъ.

У Мелетія Смотрицкаго картина болѣе сложна. Какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 343) онъ противопоставляетъ другъ другу формы сложныя и простыя. Первые получаютъ названіе „причастій“, а вторыя „дѣепричастій“. Распредѣленіе различныхъ формъ по фиктивнымъ „временамъ“ основано, какъ и у Зизанія, на видовыхъ отгѣнкахъ. Такъ имѣются слѣдующія „причастія“: 1) „вида совершеннаго преходящее“ м. р. чтѣи или чѣтшіи; ж. р. чѣтшла; ср. р. чѣтше (л. 198 на обор.); 2) „вида учащательнаго прешедшее“—м. р. читѣвыи; ж. р. читѣшла; ср. р. читѣше; 3) „мимошедшее“—м. р. читаѣвыи; ж. р. читаѣшла; ср. р. читаѣше; 4) „непредѣльное“—м. р. прочтѣи или прочѣтшіи; ж. р. прочѣтшла; ср. р. прочѣтше (л. 199 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола творѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“—м. р. твѣрѣи или твѣршіи (л. 219 на об.), ж. р. твѣршла, ср. р. твѣрше или твѣрвыи, твѣршла, твѣрше; 2) „вида учащательнаго прешедшее“—твѣрвыи и прочая, якоже читѣвыи; 3) „мимошедшее“—твѣрѣвыи и прочая, якоже читаѣвыи; 4) „непредѣльное“—м. р. сотвѣрѣи или сотвѣршіи, ж. р. сотвѣршла, ср. р. сотвѣрше (л. 220 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола вѣти имѣется только 2) „вида совершеннаго прешедшее“—м. р. вѣвыи или вѣвшіи, ж. р. вѣшла; ср. р. вѣше (л. 237 на обор.); отъ вѣдѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“—м. р. вѣдѣвыи или вѣдѣвшіи, ж. р.

вѣдѣвшѡ, ср. р. вѣдѣвшее; 2) „прешедшее“ — м. р. вѣдѣи или вѣдѣши, жен. р. вѣдѣша, ср. р. вѣдѣше (по типу глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. накл. на и-); 4) „непредѣльное“ — м. р. оувѣдѣи, оувѣдѣши, ж. р. оувѣдѣша, ср. р. оувѣдѣше (л. 241 на обѣихъ стор.); отъ глагола ѣмѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ и 2) „прешедшее“ м. р. ѣмѣвыи или ѣмѣвши, ж. р. ѣмѣва, ср. р. ѣмѣше; 4) „непредѣльное“ — м. р. воѣмѣвыи, яко же ѣмѣвыи (л. 249) и т. д. Приведенныя формы представляютъ собой смѣсь дѣйствительныхъ съ чисто теоретическими или встрѣчающимися въ искусственомъ книжномъ языкѣ. Формы въ родѣ „мимошедшихъ“ причастій читаавыи, творавыи или „прешедшаго“ творавыи въ библейскихъ текстахъ не встрѣчаются. Извѣстныя „времена“, въ родѣ „непредѣльнаго“, представляютъ собой просто формы другого вида; на чисто видовыхъ отличіяхъ основано и различіе „преходящаго“ (напр. чтѣи или чтѣши) отъ „прешедшаго“ (читаавыи). Распредѣленіе формъ по различнымъ quasi временамъ не всегда послѣдовательно; такъ формы вѣдѣи и вѣдѣши и т. д., образованныя по типу творѣй, творѣши и т. д., отнесены къ „прешедшему“ (какъ творавыи, читаавыи), а формы вѣдѣвыи, вѣдѣвшии и т. д. (одинаковыя съ „прешедшими“ читаавыи и творавыи) къ „преходящему“. Свообразны формы творавыи (по типу читаавыи, а также подъ вліяніемъ основы имперфекта творавухъ) и читаавыи, творавыи (подъ вліяніемъ формъ имперфекта безъ контракціи).

Можно отмѣтить также, что вторичныя формы причастія им. ед. м. р. на -шій у глаголовъ чести, читати имѣются только въ „преходящемъ“ и „непредѣльномъ“, а въ „прешедшемъ“ и „мимошедшемъ“ ихъ нѣтъ. У другихъ глаголовъ, однако, находимъ эти формы и въ „прешедшемъ“ (вѣдѣшій). Простыя формы, или „дѣепричастія“, по терминологіи Смотрицкаго, представляютъ также нѣсколько новообразованій: „вида совершеннаго преходящее“ — м. р. чтѣтъ (стел. несть) или чтѣтъ; источникомъ послѣдней формы является винит. ед. (стел. нестьшь, ср. р. 2 Петра I, 18: ѣ сѣй глаасъ мы слышахомъ съ нѣсѣ сшѣдшъ... Остр. сшѣшъ.

Иез. XXVI. 19: *дѣмъ тѣмъ градъ ѡпѣстѣвшъ, Остр. ѡпѣстѣвшъ и т. д.*), ж. р. *чѣтши* (стел. *несъши*), ср. р. *чѣтше* (въ старославянскомъ *несъ*, какъ именит. м. р.; форма *несъше* употребляется только, какъ вин. ед.); „прешедшее учащательнаго вида“ — м. р. *читавъ* или *читавши*, ж. р. *читавши*, ср. р. *читавше*; „мимошедшее“ — м. р. *читаавъ* или *читаавши*, ж. р. *читаавши*, ср. р. *читаавше* (л. 200 на обѣихъ сторон.), „непредѣльное“ — м. р. *прочѣтъ* или *прочѣтши*, ж. р. *прочѣтши*, ср. р. *прочѣтше* (л. 201); отъ глагола творити „преходящее совершеннаго вида“ — м. р. *творъ*, ж. р. *твориши*, ср. р. *творше* (стел. *творъ*, *твориши*, *творъ*) или *творивъ*, ж. р. *творивши*, ср. р. *творивше*; „учащательнаго вида прешедшее“ — *творавъ*, „мимошедшее“ *творавъ*, „непредѣльное“ — м. р. *сотворъ*, ж. р. *сотвориши*, ср. р. *сотвориши* (л. 220 на об. и 221 на обѣихъ сторонахъ). Точно такія же формы имѣются и у глагола *быти*: „прешедшее совершеннаго вида“ — м. р. *бѣ*, ж. р. *бѣвши*, ср. р. *бѣше* (л. 238), у глагола *вѣдѣти*: „преходящее вида совершеннаго“ — м. р. *вѣдѣвъ* или *вѣдѣвши*, ж. р. *вѣдѣвши* (л. 242), ср. р. *вѣдѣше* (*ibid.* на оборотѣ); „прешедшее“ — м. р. *вѣдъ* (по типу стел. *творъ*) или *вѣдши*, ж. р. *вѣдши* (какъ стел. *несъши*), ср. р. *вѣдше* (какъ стел. винит. ед. *несъше*); „непредѣльное“ — *оувѣдъ* или *оувѣдши*, ж. р. *оувѣдши*, ср. р. *оувѣдше* (л. 242 на об. и 243) и т. д. Сказанное выше (стр. 378—79) о распредѣленіи „причастій“ Смотрицкаго по временамъ имѣеть силу и въ отношеніи его „дѣепричастій“. И здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто видовыми оттѣнками. Находимъ здѣсь также и образованія отъ основы имперфекта съ контракціей и безъ контракціи, совершенно отсутствующія въ библейскомъ текстѣ.

Причастія прошедшія страдательнаго залога, кромѣ обычныхъ старославянскихъ образованій съ суффиксами *-тъ, -та, -то, -енъ, -ена, -ено*, и *-нъ, -на, -но*, представляютъ также довольно часто новообразованія съ суффиксами *-енный, -нный*, чуждыя старославянскому. Примѣры этихъ сравнительно новыхъ формъ, ведущихъ свое начало еще изъ XIII-го вѣка и вызванныхъ вліяніемъ отпричастныхъ прилагательныхъ съ стел. суффиксомъ *-н-нъ* (ср. А. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2.

1891, стр. 235), довольно часты: 1) суффиксъ -еннз (=ен+ьнз); сосѹди, ѿ ѡлтáрь, ѿ дóмз... ѡсвáщенна вѣша (Юд. IV. 3, Остр. другой текстъ); дóмове ѿзмáченны вѣдѹтъ (Лер. LI. 33, Остр. друг. текстъ); падѹтъ ѿзвѣннїи... ѿзвеннїи (ibid. 4. Остр. ѿзвѣннїи, ѿзвеннїи, Первоп. ѿзвѣннїи, ѿзвеннїи); возстенѹтъ ѿзвеннїи твой (Лезек. XXVI. 15, Остр. ѿзвеннїи, Первоп. ѿзвеннїи), приносáше... ѿспецѹреннаѡ (ibid. XXVII. 24, Остр. другой текстъ); гради разорѣннїи, раскопаннїи, заврáлы оутверждѣннїи стаѡа (ibid. XXXVI. 35, Остр. оупствѣвшїи ѿ раскопаннїи, оутверждѣннїи, Перв. -ѣвшїи, -аннїи, -ени); возградїхъ разорѣннымъ ѿ насадїхъ погвѣленнымъ (ibid. 36, Остр. и Первоп. разорѣннымъ, погвѣшамъ); прїидеши на зѣмлю ѿзвращеннїю (ibid. XXXVIII. 8, Остр. и Первоп. ѡвращеннїю); оукрашенна была ѣсї (Лез. XVI. 13, Остр. и Перв. оутварѣна); ѿ трапѣза оукрашенна предъ лицѣмъ ѣѡ (ibid. XXIII. 41, Остр. оукрашенна); взѣмла сцѣненнымъ сосѹды ѿ ѿже ѡ ѿнїхъ царей положеннаѡ (2 Макк. V. 16, Остр. ѿже... вѣхѹ поставлена, Первоп. также поставлена); оущѣдрити... храмъ ѡ нечестивыхъ члѣвкз ѡсквереннїи (2 Макк. VIII. 2, Остр. осквернѣмый, Первоп. осквернѣмый); помїловати... разорѣннїи градъ (ibid. VIII. 3, Остр. оупствѣннїи, Первоп. ѡпствѣннїи); чáстными дщїцами ѡвложенными ѡ свѣта заключѣннїи вѣша (3 Макк. IV. 8, Остр. овлóжени); плáчите живѣщїи вз постѣченнїи (Соф. I. 11, Остр. впожженнїи, Первоп. впожженнїи); градъ ѡпредѣленнїи оубившѣмъ, Кедѣсз... (I. Нав. XXI. 32, Остр. нареченнїи); градъ ѡвлчѣннымъ (ibid. 27, Остр. наречѣнна, Перв. нареченнымъ); чáша ѡн-орáза предложѣннаѡ (Эеѡ. I. 8, Остр. предълежáща); ѿзможденна вѣдн крѣпость ѿхъ (Иов. V. 5, Остр. ѿзмождана, Первоп. ѿзмождана); речѣ раслáвленномъ (Лук. V. 24, Зогр. ослáвленномъ, Остр. и Первоп. раслáвленномъ); насыченнїи (Лук. VI. 25, Зогр. насыштѣннїи, Остр. и Первоп. насыченнїи); прокаженнїи (ibid. VII. 22, Зогр. прокжѣннїи Остр. и Первоп. прокаженнїи); рожденныхъ (ibid. 28. Зогр. рожденныхъ, Остр. вроженныхъ, Перв. врожденныхъ), и т. д.

Суффиксъ -нннн и т. д.: сотвори... кораблїи, ѿзвáннымъ (1 Макк. XIII. 29, Остр. ѿзвáнннн, Первоп. ѿзвáнннн); ѿкоже вѣ

Иліодоръ посланный (2 Макк. V. 18, Остр. посланыи, Первоп. посланный); вышєписанныхъ собравше... послати... оузами... шкованныхъ (3 Макк. III. 18, Остр. назнаменованныхъ, окованныхъ); оукоралз ѡ содѣланныхъ (ibid. VII. 6, Остр. ѡ вывшихъ); іаже... ѡбѣщанна сѣтъ (3 Езд. IV. 27, Остр. что ѡбѣщанна сѣтъ); блгвоніє ѡбонаніа неизслѣдованнаго (3 Езд. VI. 44, Остр. ѡбонаніє ѡбонанію неизслѣдованы); аще оубв архієрєй помазанный согрѣшитъ (Лев. IV. 3, Остр. помазанныи); сіа імена сынѡвъ Іарѡнихъ, жерцы помазанныа (Числ. III. 3, Остр. и Первоп. помазанныа); всі соглѣданныи Левіты (Числ. IV. 46, Остр. р. множ. еущ. сзгладаніи), и быша соглѣданныи 8580 (ibid. 48, Остр. им. множ. еущ. сзгладаніа); сѣдбы Гдні... ѡправданны (Пе. XVII. 10, Остр. ѡправданны)... возжеланны (ibid. 11, Остр. взжеланны); шкованныа ницєтѡю и желѣзомъ (Пе. CVI. 10, Остр. окованы, Первоп. какъ въ Новой); не поставлю тебѣ... въ грады нешвитанны (Іер. XXII. 6, Остр. неовитанны); постѣкѣтъ избранныа кєдры твоа (ibid. 7, Остр. избранныа); возми книгѣ сїѡ... запечатлѣннѣ и книгѣ прочтєнѣю (Іер. XXXII. 14, Остр. скѣпленыа, почтеныа, Первоп. скѣпленыа, почтєныа); дѡмы твоа вожеланныа разоритъ (Іер. XXVI. 12, Остр. похотныа, Первоп. похотныа); оуготѡвиса самъ ты и весь сѡнмъ твоѣ собраннѣй (ibid. XXXVIII. 7, Остр. сзбраныи, Первоп. собраннѣй); прїимѣ... іагостію ізліанною (ibid. XX. 34, Остр. разліанною, Первоп. разліанною); и въ іагости ізліаннѣй царствовати вѣдѣ... (ibid. 33, Остр. разліанѣ, Первоп. разліанѣ); по рѣкотворєніємъ вашиимъ растлѣннымъ (ibid. 44, Остр. расыпаннымъ, Первоп. разсыпаннымъ), званнымъ (Лук. XIV. 7, Зогр. зъванымъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); званными (ibid. 10, Зогр. зъванымн, Остр. и Первоп. званными), избранныхъ (ibid. 24, Зогр. нѣтъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); оупитанный (Лук. XV. 23, Зогр. оупитаны, Остр. оупитанныи), оупитанна (ibid. 27, Зогр. оупитаны, Остр. оупитанны) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что формы съ -п- (цел. -нн-) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но далеко не такъ часто, какъ въ Новой; Первопечатная въ этомъ отно-

шеніи лишь немного ближе къ послѣдней и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы съ -н-, что и Острожская. Можно замѣтить еще, что въ Острожской библии особенно рѣдки вторичныя формы съ суффиксомъ -енный, тогда какъ формы на -нный не рѣдки. Встрѣчаются рядомъ и сложныя, и простыя формы. На ряду съ этими новообразованиями безразлично употребляются исконныя формы на -енный, -ный: возми книгѣ сїю запечатлѣннѣ, и книгѣ прочтѣннѣю (Іер. XXXII. 14); не вѣ сѣрдце ѣгѣ совершено (3 Цств. XV. 3, Остр. свръшено, Первop. какъ въ Новой) и рядомъ сѣрдце Ясы вѣ совершенно (ibid. 14, Остр. свръшено, Первop. какъ въ Новой) и т. д. создано вѣсть (Лис. Сир. XL. 1), вѣше... свѣзанѣ (Іерем. XXXIII. 1) и вѣ Ялїодѣръ посланный (2 Макк. V. 18) и т. д.

Причастіе прошедшее страд. съ суффиксомъ -тъ встрѣчается также и въ простой, и въ сложной формѣ (послѣдняя въ значеніи имени прилагательнаго): ѣты вѣша (Іер. LI. 56, Остр. ѣзыма-ни), взѣтъ вѣсть (ibid. 31, Остр. взѣса), взѣта вѣсть (Быт. II. 23, Остр. взѣта) и т. д. ѣкоже пшенїца... пожѣта (Іов. V. 26, Остр. пѣжата, Первop. пожата), поворѣ рѣкою простѣртою (Іер. XXI. 5, Остр. в. ед. простѣртѣ) и т. д. Въ Острожской библии находимъ простыя формы.

У Лавр. Зизанїа находимъ только формы возвратно-страдательныя съ -са: „мимошедшее страд. залога“, м. р. спѣсѣса, спѣсѣса; ж. р. спѣсѣса, ср. р. спѣсѣса; „непредѣльное“ — м. р. спѣсѣшиса, ж. р. спѣсѣшиса, ср. р. спѣше (л. 68); „мимошедшее“ — бѣвѣса, бѣвѣса, бѣвѣса, „непредѣльное“ — бѣвѣшиса, бѣвѣшиса, бѣвѣса (л. 75 на об. и 76) и т. д. Исконныя формы на -тъ, -тый, -нѣ, -ный, -енѣ, -енный и вторичныя на -нный, -енный въ парадигмахъ у него не встрѣчается. Въ смыслѣ тематическаго образованїя возвратно-страдательныя формы Зизанїа ничѣмъ почти не отличаются отъ его причастїй „дѣйстви-тельнаго“ залога, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ.

У М. Смотрицкаго находимъ, какъ и у другихъ причастїй, разграниченїе на „причастїа“ и „дѣе-причастїа“ страдательныя (=сложныя и простыя формы). Распределенїе по временамъ имѣеть

извѣстный уже, главнымъ образомъ видовой, характеръ. „Причастія (сложныя формы)“: „вида учащательнаго, времени прешедшаго“: м. р. читáвыиса или чítаныи, ж. р. читáвшалса или чítанаа, средн. р. читáвшееса или чítаное; „мимошедшее“ того же вида—ш. р. читаáвыиса, читаáныи; ж. р. читаáвшалса, читаáнаа; ср. р. читаáвшееса, читаáное; „непредѣльное“ м. р.—прочтѣиса или прочѣтшииса, или прочтѣныи, ж. р. прочѣтшалса, прочтѣнаа, ср. р. прочѣтшееса, прочтѣное (л. 209 на об. и 210) и т. д. „Двѣпричастія (простыя формы): „вида совершеннаго преходящее“— м. р. чѣтса или чтѣнз, ж. р. чѣтшииса или чтѣна, ср. р. чѣтшесса или чтѣно (л. 210 на об.); „вида учащательнаго прешедшее“— м. р. читáвса или чítанз, ж. р. читáвшииса, чítана, ср. р. читáвшесса, чítано; „мимошедшее“— м. р. читаáвса или читаáнз, ж. р. читаáвшииса, читаáна, ср. р. читаáвшесса, читаáno; „непредѣльное“— м. р. прочѣтса, прочтѣнз, ж. р. прочѣтшииса, прочтѣна, ср. р. прочѣтшесса, прочтѣно (л. 211—212).

Подобныя же формы находимъ и въ другихъ парадигмахъ М. Смотрицкаго: „вида совершеннаго преходящее“— творѣйсá, творívвыиса или творѣныи; „вида учащательнаго прешедшее“— творáвыиса или творáвыи (очевидная опечатка вм. творáныи), „мимошедшее“—творáвыиса или творáвыи (опять опечатка), „непредѣльное“ сотворѣн или сотворѣныи якоже сотворѣн и прочтѣныи; „двѣпричастія“: „преходящее вида совершеннаго“ творса и творйса, или творѣнз; „вида учащательнаго прешедшее“— творáвса или творáнз, „мимошедшее“—творáвса или творáнз, „непредѣльное“—сотворьса или сотворѣнз (л. 226—228). Формы на -нный и -енный у М. Смотрицкаго не встрѣчаются, причастія на -тъ, -тый отнесены къ прилагательнымъ: „речѣнiа причастiемз подобнаа, iакw, пѣтыи, препѣтыи..., iаътыи, проклáтыи, преслáвныи, слáвныи, честныи... i сiмз подобнаа, Именá быти прилагательнымъ, а не причастiа“ (л. 269 на об.).

Многiя изъ вышеприведенныхъ формъ Смотрицкаго въ текстѣ библии не встрѣчаются и представляютъ собой чисто педантическiя измышленiя. Къ таковымъ относятся, напримѣръ, формы „мимошедшаго“, образованныя отъ основы имперфекта (безъ кон-

тракціи), въ родѣ чита́ныи, чита́вса, чита́нъ, или „*преходящаго*“, въ родѣ чѣтса и твѣрса.

§ 25. *Перифрастическія выраженія*. Церковнославянскій сохраняетъ всё почти перифрастическія выраженія старославянскаго, за исключеніемъ условнаго съ вспомогательнымъ бнмь, бн, бн, бнмь, бнсте, бж, замѣненнымъ формами аориста быхъ и т. д.

Сложное прошедшее (перфектъ), выражаемое посредствомъ причастія прошедшаго дѣйств. залога на -лъ и вспомогательнаго ѣсмь и т. д.: ꙗ́лъ ѣси (Быт. III. 12, Остр. ꙗ́лъ ѣси), расточили ѣстѣ (Пер. XXIII. 2, Остр. расточили ѣстѣ) пришѣлъ ѣси (Мр. I. 24, Зогр. пришѣлъ еси, Остр. пришѣлъ ѣси) и т. д.

Вспомогательный глаголь, главнымъ образомъ, въ третьемъ лицѣ ед. ч. пропускается весьма часто. Пропускъ этотъ, наблюдаемый въ русскомъ языкѣ во всѣхъ лицахъ и числахъ, ведетъ свое начало уже изъ XI—XII вв. (см. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русск. языка. Изд. 2, 1891, стр. 216—19). Въ библейскомъ текстѣ наблюдаются слѣдующіе случаи такого пропуска: 1) когда двѣ формы прошедшаго сложнаго стоятъ рядомъ, то вспомогательный глаголь стоитъ только въ одномъ (первомъ) случаѣ: раздрáлъ ѣси рѣзы твоѣ, и пла́каса предо мною (4 Цств. XXII. 19, Остр. раздрá ѣси, 2 ед. аор. пла́каса, Перв. тѣ же формы, что въ Остр.), не ты ли ѣси, ꙗ́же ѡстáлса (3 Езд. XI, 39, Остр. нили ты ѣси ꙗ́же найзвышилъ, Первоч. на ꙗ́звышилъ), ты ѣси, царю, ꙗ́кв возвелічлса ѣси и оу́крѣплъ (Дан. IV. 19, Остр. 2 л. аор. възвелічлса и оу́крѣплъ, Первоч. възвелічлса ѣси и оу́крѣплъ); ꙗ́кв не позвáлъ ѣси насъ, ꙗ́гда ходíлъ воєвати... (Суд. VIII. 1, Остр. 2 л. аор. пѡзва, пѡиде, Первоч. позвá, пѡиде) и т. д.—случай, возможный и въ старославянскомъ. При бѡльшемъ разстояніи между сложными выраженіями, вспомогательный глаголь можетъ и оставаться: ꙗ́кв оу́таилъ ѣси сѣѡ ѡ прѣмрухъ и разумныхъ, и ѡкрылъ ѣси тá млáнцемъ (Лук. X. 21. Зогр. оу́таилъ еси, открь=2 л. аор., Остр. оу́таилъ ѣси, ѡткрылъ ѣси) и т. д.

2) Когда, рядомъ со сложными выраженіями, въ сосѣднихъ предложеніяхъ встрѣчается *verbum finitum*: въ пѣть ѡца́ сво-

єгѡ... не ходілъ, но ѿ на горáхъ пожрѣ: ѿ женѢ вліжнагѡ сво-
єгѡ ѡсквернавилъ, ѿ оубогаго ѿ нищаго прешвѣдѣ, ѿ хищеніємъ
восхитилъ, ѿ залѡга не ѡдалъ, ѿ кз кмѣршмъ положи ѡчи свой,
беззакѡннѡ сотвори, Ѣз лихвою даде, ѿ сз примноженіємъ прѣалъ
(Ез. XVШ. 11, 12 и 13, Остр. ходи, жерлъ єсть, ѡсквер-
навилъ єсть, преѡвидѣлъ єсть, възхитилъ єсть, далъ єсть, поло-
жи, сзтвори, прѣалъ єсть, Первоп. такія же формы, какѣ въ
Остр.); вложи же нѡгѢ мою въ древо, ѿ надсмотрѣлъ пѣти моѣ
(Іов. XXXШ. 11, Остр. 3 ед. аор. вложи, сзхрани. Первоп. тѣ
же формы, что въ Остр.); ѿли ѡ нѣнависти поразилъ єгѡ рѣкою,
ѿ оумретъ... (Числ. XXXV. 21, Остр. оубилъ ѿ рѣкою); ѿ Гдѣ
оумлгчилъ сѣрдце моє, ѿ вседержитель потщасѡ ѡ мнѣ (Іов.
XXШ. 16, Остр. Гдѣ ѡнедѣжилъ); ѿмѣхѣ ѡшибы подобни скор-
пѣинымъ... ѿ ѿмѣли надъ собою царѣ... (Апок. ІХ. 11, Остр.
ѿмѣхѣ... ѿмѣли); рыдала Івдѣа, ѿ врата єѣ разрѣшишасѡ (Іер.
XIV. 2, Остр. стѣнала); ѿ речѣ Гезѣй: не ѿсходилъ рѣвъ твоѣй
никаможе. ѿ речѣ кз немѢ Елѣссѣй: не ходило ли сѣрдце моє
сз тобою (4 Цств. V. 25—26, Остр. не ѿсходилъ, нѣсть ли
ходило, Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); да ѿсполнитсѡ
слово твоє..., ты во менѣ сотворилъ царѣ... (2 Пар. І. 9, Остр.
сзтворилъ безъ єси); азъ вдахѣ ѿ въ рѣкѣ твою, ты же не далѡ
ѿмъ мѣлости (Ис. XLVІІ. 6, Остр. 2 л. аор. ты же не да,
Первоп. не далѡ); да не оувѣстсѡ, ѿкакъ приходила жена, (Р. Ш.
14, Остр. ѿкакъ приходила єси, Первоп. также сз вспомогат.
глаголомъ) и т. д.

3) Вспомогательный глаголь опускается въ придаточныхъ пред-
ложеніяхъ, соединенныхъ сз другими предложеніями большею ча-
стью относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ: ѿще оубѡ
архѣерѣй помазанный согрѣшитъ... ѿ да приведѣтъ ѡ грѣсѣ своємъ,
ѿмже согрѣшилъ (Лев. IV. 3, Остр. єже єсть сзгрѣшилъ, Перв.
также сз єсть); гдѣ єсть Гдѣ... преведѣй насъ... по землі, по
нѣйже не ходилъ мѣжъ никогдаже, ѿ не ѡбитѣлъ члѣвѣкъ тамъ
(Іер. II. 6, Остр. ѿсходи, ѡбитѣлъ; ѿ повѣда Рѣѡъ свекрѡви
своеѣй, гдѣ работала, ѿ речѣ... (Р. II. 19, Остр. гдѣ вѣсть,
Первоп. вѣсть) и т. д. ѿще же посѣгла за мѣжа (Числ. XXX.

7, Остр. посáгнѣ); ꙗкѡ... оуслышала дѡша моа (Пер. IV. 19, Остр. также безъ ѣсть); понѣже ѡпѡстѣла вса земля (ibid. 20, Остр. ѡпѡстѣнна ѣсть); ꙗще же посáгла за мѡжа (Числ. XXX. 7, Остр. посáгнѣ) и т. д.

Иногда вспомогательный глаголь опускается и въ главномъ, независимомъ предложеніи, внѣ указанныхъ условій: ѣнѣ же дѡша наша ѣзсѡхла, ничтѡже тѡчю мánна преѡ ѡчѣма нашими (Числ. XI. 6, Остр. ѣсхлá) и т. д. Болѣе подробное изслѣдованіе всѣхъ условій этого опущенія уже переходитъ въ область синтаксиса, котораго мы не намѣрены касаться въ настоящей работѣ. Однимъ изъ условій опущенія является также присутствіе личнаго мѣстоименія, дѣлающаго излишней форму вспомогательнаго *verbi finiti*. Какъ видно изъ примѣровъ, опущеніе вспомогательнаго глагола имѣется уже въ Острожской библіи (было и раньше), но далеко не такъ часто, какъ въ Новой. Пропуску Новой въ Острожской соотвѣтствуютъ большею частью или полныя перифрастическія выраженія, или какіе-нибудь другіе способы выраженія. Первопечатная библія въ этомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ не отличается отъ Острожской, хотя и приближается немного къ Новой. Въ Новой библіи особенно часты формы 2 л. ед., прошедшаго сложнаго, замѣняющія второе лицо ед. ч. аориста (см. выше, стр. 385).

У Лавр. Зизанія перифрастическое прошедшее совершенное является только въ формахъ 2-го и 3-го л. ед. ч.: „мимошедшее“ ꙗвѣлъ ѣсѣ, ла, ло; „протяженное“ ꙗвлѣлъ ѣсѣ, ла, ло (л. 57); „пресовершенное“ ꙗвлѣлъ ѣсѣ, (ꙗвлѣлъше), ꙗвлѣлъ (л. 57 на об.); или „протяженное“ вѣставѣлъ ѣсѣ, ла, ло, вѣставѣлъ (л. 67); „мимошедшее“ гласѣ, ѣсѣ (л. 68), глашаѣ, аалъ ѣсѣ, ла, ло; глашаалъ, глашааше (л. 69) и т. д. Формы эти приводятся въ составѣ парадигмъ другихъ временъ (съ окончаніями аориста), какъ равноправныя имъ (см. выше, стр. 369—70).

Можно отмѣтить здѣсь присутствіе вспомогательнаго глагола только во второмъ лицѣ, тогда какъ въ третьемъ оно опущено. У М. Смотрицкаго также формы сложнаго прошедшаго являются лишь въ составѣ иныхъ временъ (безъ болѣе точнаго обозначенія

нія лица, но только въ ед. числѣ, вѣроятно, во 2-мъ же лицѣ): „вида учащательнаго прешедшее“ читáхъ, читáлъ, читáла, ло, читáше, „мимошедшее“ читаáхъ, читаáлъ, читаáла, читаáло, читаáше, „непредѣльное“ прочтóхъ, прочéлъ, ла, лò, прочтè (л. 191 на об.); „вида совершеннаго преходящее“ — чтóхъ, чéлъ, члà, члò, чтè (л. 190 на об.). Вспомогательный глаголъ здѣсь опущенъ, какъ въ русскомъ языкѣ; полныя же формы приводятся ниже, но не какъ славянскія, а русскія (рòусска иногда ꙗзыка навѣкомъ... произносіма быти ѡбрѣтаемъ): „преходящее“ — чéлъ љсмь, чéлъ љси, члà, члò, чéлъ љсть, дв. ч. м. и ср. члà љсмà, члà љстà, ж. члѣ љсмѣ, члѣ љстѣ, члѣ љстѣ, мн. члì љсмь, члì љстè, члì соуть (сице прешедшее), читáлъ љсмь: ѡ прочаь, мимошедшее читаáлъ љсмь и т. д. (л. 192 на об.), такія же отношенія (за исключеніемъ полныхъ формъ съ љсмь) находимъ у М. Смотрицкаго и въ другихъ парадигмахъ (примѣры см. выше, стр. 371).

Давнопрошедшее, выражаемое причастіемъ прошедшаго вр. на -лъ и имперфектомъ вспомогательнаго глагола быти, сохранилось и въ церковнославянскомъ: вѣша пресóхли ѡ сплѣснѣли (I. Нав. IX. 5, Остр. вѣша пресхлì... ѡ сплєснѣли), вѣ ѡчисти-ласа (2 Цств. XI. 4, Остр. вѣ ѡчистиласа), вáхъ ѡубѣгли (Пер. XL. 12, Остр. вáхъ ѡубѣгли), вáхъ сложилса жидове (Іоан. IX. 22, Зогр. юже бо са вáхъ сложилн, Остр. ѡуже вòса вáхъ сложили) и т. д.

Рядомъ встрѣчается изрѣдка и другой видъ давнопрошедшаго, свойственный древнерусскому (см. А. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. 1891, стр. 145—46) и состоящій изъ прошедшаго сложнаго вспомогательнаго глагола былъ есмь и причастія прошедшаго на -лъ: былъ погубилъ љси (Ис. XLIX. 20, Остр. 2 л. аор. ѡхъже погуби, Первоп. погуби, а на полъ лъ љси) и т. д.

Грамматики Л. Зизанія и Смотрицкаго не знаютъ этихъ образованій и въ парадигмахъ своихъ не приводятъ. Рядомъ съ прошедшимъ сложнымъ и давнопрошедшимъ, имѣются и другія описательныя выраженія прошедшаго времени, свойственныя и старославянскому. Такъ встрѣчается причастіе настоящаго времени съ

аористомъ или имперфектомъ вспомогательнаго глагола, какъ и въ старославянскомъ: высть крестѣи (Мр. I, IV, Зогр, высть... крѣста, Остр. высть... крѣта, Первop. высть... крѣта), присѣдѣи выхъ (Гов. XXXI. 9, Остр. присѣда вы); выша предстоѣще (3 Цств. XXII. 6, Остр. вѣша прѣстоѣще) и т. д. вѣ во оуча (Мр. I. 22, Зогр. въ во оуѣа, Остр. вѣ во оуча), вѣ дѣлаи (Быт. IV. 2, Остр. вѣ дѣлаа, Первop. вѣ дѣлаа), восходѣще вѣхъ (Быт. XXXI. 10, Остр. другой текстъ), вѣше пасыи (Исх. III. 1, Остр. вѣше пасыи), вѣхъ... сѣдѣще (Мр. II. 6, Зогр. вѣхъ... сѣдѣште, Остр. вѣхъ... сѣдѣще) и т. д. Встрѣчается также соединеніе имперфекта съ прошедшимъ причастіемъ, напр., вѣше показѣи (Быт. IV. 21, Остр. вѣше показѣи) и т. д. Грамматики Зизанія и Смотрицкаго также не имѣють подобныхъ выраженій въ своихъ парадигмахъ.

Будущее перифрастическое въ старославянскомъ выражалось неопредѣленнымъ наклоненіемъ и настоящимъ временемъ вспомогат. глаголовъ *имамъ, хоштѣ, нахъмѣ*. Въ древнерусскомъ встрѣчалось также сложное будущее изъ неопред. наклоненія и формъ *буду*. Тѣ и другія формы находимъ изрѣдка и въ церковнославянскомъ: *имѣти ѣмаши* (Матѣ. XIX. 21), *ѣмате ѣсти* (Быт. VI. 21, Остр. ѣмате ѣсти), *извевати тѣ... ѣмамъ* (Апок. III. 16, Остр. извевати... ѣма), *воскресеніе хощетъ быти мѣртымъ* (Дѣян. XXIV. 15, Остр. хотѣще быти), *нерадѣти начнетъ* (Матѣ. VI. 24, Остр. такъ же) и т. д. Чаше встрѣчаются формы съ вѣдѣ: *ѣсти вѣдемъ* (Быт. III. 2, Остр. и Первop. да ѣмы, Ис. IV. 1, Остр. ѣсти вѣдемъ), *влюсти вѣдетъ, влюсти вѣдеши* (ibid. 15, Остр. влюде, влюдеши, Первop. влюдетъ, влюдеши), *ѡбладѣти вѣдетъ* (ibid. 16, Остр. ѡбладѣетъ, Первop. ѡбладѣетъ), *жити вѣдеши* (ibid. XXVII. 40, Остр. живъ вѣди), *имѣти вѣдеши* (Ис. III. 23, Остр. иначе—прѣимши), *кормѣти вѣдетъ* (Ис. VII. 22, Остр. вѣдетъ... кормѣи, 23. вѣдетъ... ѣсти), *пастѣса вѣдѣтъ* (ibid. XI. 6, 7, Остр. и Первop. напасѣтса, напасѣтса), *ѣсти вѣдетъ* (ibid. 7, Остр. зѡблета), *оуповати вѣдѣтъ* (ibid. 10, Остр. надѣютса, Первop. надѣютса), *ѣсти, пѣти вѣдѣтъ* (ibid. LXV. 13, Остр. напѣдѣса, напѣютса), *сѣдѣтиса вѣдетъ* (ibid. LXVI. 16, Остр. ѡсѣдѣса),

имѣти вѣдѣтъ (Іер. XXX. 6, Остр. имѣтъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, формы эти особенно часты въ Новой библии, тогда какъ въ Острожской и Первопечатной имѣются или другіе обороты, или формы настоящаго времени, и описательныя формы попадаются только единично, какъ напр., ꙗсти вѣдемъ (Ис. IV. 1, Остр.). Встрѣчается также и причастіе настоящаго или прошедшаго времени съ глаголомъ вѣдѣ въ значеніи будущаго: не вѣдетъ собираѣи (Ис. XIII. 14, Остр. не вѣдѣ собирающаго, Первоп. такой же оборотъ, какъ въ Остр.), не вѣдетъ оустрашаѣи (Іер. XXX. 10, Остр. не вѣдетъ оустрашаѣи) и т. д. вѣдетъ... ѿпадѣи (Ис. XXVIII. 4, Остр. вѣдетъ ѿпадѣи) и т. д.

Будущее совершенное, имѣвшееся въ старославянскомъ и выражавшееся причастіемъ прошедшимъ на -лъ и настоящимъ вѣдѣ, въ современномъ церковнославянскомъ не употребляется, хотя формы его встрѣчаются въ Остр. и Первоп. библияхъ и были свойственны древнерусскому (ср. А. Соболевскій, Лекціи по ист. русск. языка 2 изд. 1891, стр. 213): ѿ ꙗще грѣхѣи сотвориѣ ѣсть, ѿпѣстатсѣ ѣмѣ (Іак. V. 15, Остр. вѣдѣ сятвориѣ, Первоп. вѣдетъ сотвориѣ); ѿ оузрѣтъ жрѣцѣ, ѿ сѣ стрѣпѣ вѣлъ на кѣжи, ѿ сѣи ѿзмѣниѣ вѣлъсѣ вѣлъ... (Лев. XIII. 10, Остр. ѿзмѣниѣ вѣдетъ, Первоп. ѿзмѣниѣ вѣдетъ), ѿзмѣнитсѣ (ibid. 3, Остр. ѿзмѣниѣсѣ вѣдетъ, Первоп. ѿзмѣниѣсѣ вѣдѣ); да не кѣкъ ѿскѣсилъ вѣ ѿскѣшаѣи (1 Сол. III. 5, Остр. ѿскѣсилъ вѣ вѣдѣ, Первоп. ѿскѣсилъ вѣ вѣдетъ) и т. д. Въ Новой б. находимъ или замѣну настоящимъ въ значеніи будущаго (ѿзмѣнитсѣ), или прошедшимъ сложнымъ со вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него. Обыкновенно же функція будущаго вообще беретъ на себя настоящее время совершеннаго залога, какъ уже и въ старославянскомъ.

Сослагательное или условное (Conditionalis) наклоненіе, выражавшееся въ старославянскомъ и древнерусскомъ причастіемъ прош. вр. на -лъ и формами аориста вѣхъ, встрѣчается довольно часто въ современномъ церковнославянскомъ въ своемъ первичномъ видѣ: ед. ч. первое лицо—ѿще вѣхъ мѣчъ ѿмѣлъ вѣ рѣкѣ моѣю, провѣлъ вѣхъ тѣ (Числ. XXII. 29, Остр. ѿще вѣ мѣчъ ѿмѣлъ... провѣлъ тѣ вѣхъ), да вѣхъ вѣлъ (Іов. XXXI. 8, Остр. одинъ

аористъ вѣ), не оубѣилъ вѣхъ вѣсѣ (Суд. VШ. 19, Остр. оубѣилъ вѣхъ вѣсѣ); самъ вѣхъ себѣ оубѣилъ, молилъ вѣхъ (Іов. XXX. 24, Остр. самъ вѣ себѣ оубѣилъ, молилъ вѣхъ), да... возвесѣлилъ вѣхъ (Лук. XV. 29, Зогр. възвесѣлилъ вѣмъ, Остр. възвесѣлилъ вѣхъ), дѣлъ вѣхъ (Пе. I. 18, Остр. дѣлъ вѣмъ, Первоп. дѣлъ вѣхъ) и т. д.

Въ Острожской библіи встрѣчаются изрѣдка формы съ вѣмъ (примѣры см. ниже, стр. 395), вызванныя по всей вѣроятности вліяніемъ польскаго *być* (напр., *gdy być miał* и т. д.). Возможно, впрочемъ, что это вѣмъ есть не что иное, какъ самостоятельная передѣлка (путемъ аналогіи или морфологической ассимиляціи) старославянскаго *вѣмъ* подъ вліяніемъ аориста *вѣхъ* или другихъ формъ глагола *вѣти*, гдѣ имѣлось *ты*. Рядомъ съ подобными формами и казалось нелогичнымъ и было замѣнено *ы*. Въ Первопечатной на мѣстѣ вѣмъ находимъ вѣхъ, которое и въ Острожской библіи преобладаетъ.

Второе лицо въ старинной формѣ въ Новой библіи встрѣчается рѣдко, а обыкновенно представляетъ позднѣйшую съ *вы*, низшедшимъ уже на степень простой частицы, стоящей при формѣ прошедшаго сложнаго: *ѣще вы восхотѣлъ єси* (Пе. I. 18, Остр. *ѣще вы восхотѣлъ, Первоп. какъ въ Новой*), *страдат. зал. лишѣнъ вѣлъ вы єси* (3 Макк. V. 21, Остр. 3 л. ед. *гоньнѣлъ вы*), *давѣ... сохранилъ єси, скрылъ... вы єси* (Іов. XIV. 13, Остр. *ѣще... вы мѣ сохранилъ, скрылъ же мѣ вы, Первоп. также безъ єси*), *развѣлъ вы єси* (Іез. III. 6, Остр. *развѣеши*), *ѣгда вы єси вѣлъ ѡправдѣлъ* (3 Езд. IV. 18, Остр. *ѣгда вы єси вѣлъ, вы єси... ѡправдѣлъ*), *ѣще вы вѣдала єси* (Іоан. IV. 10, Остр. *ѣще вы вѣдала, Первоп. также безъ єси*) и т. д., но *ты вы просѣла, дѣлъ вы ти* (Іоан. IV. 10, Остр. *ты вы просѣла, дѣлъ ти вы*). Въ Острожской находимъ или другіе обороты, или болѣе древнія формы.

Третье лицо вполнѣ обыкновенно: *ѣкъ вы ѣще ктѣ видѣлъ* (Быт. XXXIII. 10, Остр. друг. текстъ *ѣкоже видѣтъ ктѣ*), *ѣще вы ктѣ възгѣлъ* (Исх. XXXIII. 11, Остр. *ѣкоже ктѣ възгѣтъ*), *ѣще вы ѡвѣссѣлъ живъ вѣлъ, право было вы* (2 Цств. XIX.

6, Остр. *ѣще вы авесоломъ живъ выльз, право естъ), ѣже вы не престало дѣло то* (1 Езд. VI. 8, Остр. *ѣжевы неоумедлѣло дѣло то*), *что было вы древо...* (Ез. XV. 2, Остр. *изъявит. что оубо древо лозное*), *ѣще ѿ міра сегѡ было вы цѣтво моѡ* (Іоан. XVII. 36, Остр. *было вы*) и т. д. *Случаевъ съ прибавкой вспомогат. ѣсть не встрѣчается.*

Первое лицо множ. числа имѣется довольно часто въ старинной формѣ: *Годѡма оубв выли выхомъ, Гоморрѡ оуподобилисѡ выхѡмъ* (Ис. I. 9, Остр. *такъ же*), *да выхомъ превыли, и вселѣлисѡ* (I. Нав. VII. 8, Остр. *ѣще выхомъ превыли, вселѣлисѡ*), *мѣртвы выхомъ были* (2 Цств. XIX. 6, Остр. *мѣтвы выхомъ были*) и т. д. Рядомъ имѣются позднѣйшія формы, состоящія изъ формъ прошедшаго сложнаго съ вы, ставшимъ уже частицей и отнесеннымъ къ союзу: *давы ѣсмъ не были* (3 Езд. IV. 12, Остр. *также давы ѣсмъ небыли*), а также изъ исконныхъ формъ съ прибавленіемъ вы къ союзу: *давы выхомъ ѣзмѣрли* (Исх. XVI. 3, Остр. *да выхомъ, ѣзмѣрли*, *Первоп. да выхомъ, ѣзмѣрли*), *давы оумѣрли выхомъ* (Числ. XIV. 3, Остр. *другой текстъ, XX. 3, Остр. да выхомъ ѣзмѣрли*, *Первоп. да выхѡмъ ѣзмѣрли*) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной имѣемъ или другой текстъ, или исконныя формы.

Второе лицо встрѣчается большею частью въ исконной формѣ: *ѣще высте живѣли* (Суд. VIII. 19, Остр. *такъ же*), *ѣще не высте ѡрали, не высте оувѣдали* (*ibid.* XIV. 18, Остр. *ѣще не высте принѣдали, такъ же*), *ѣще высте ѣмѣли, глаголали высте* (Л. XVII. 6, Остр. *такъ же, глѣли высте*) и т. д. Изрѣдка встрѣчается форма сложнаго прошедшаго съ частицей вы и вспомогательнымъ глаголомъ *ѣстѣ*: *давы воцрѣлисѡ ѣстѣ* (1 Коринѡ. IV. 8, Остр. *цѣтвѡвастѣ*).

Третье лицо является въ двухъ видахъ: *исконномъ* — *ѣще выша послѣшали* (Пе. LXXX. 14, Остр. *ѣще вышѡ... послѣшали*), *ѣще... выша ходѣли, ѡбрѣли оубв выша* (Пр. С. II. 20, Остр. *ѣще... вышѡ ходили, ѡбрѣли оубв вышѡ*), *послѣшали выша* (Ез. III. 6, Остр. *послѣшали выша*), *да выша оувѣдѣли* (Исх. XLV. 6, Остр. *давыша оувѣдѣли*), *слѣги мой оубв*

подвизáлиса вѣша (Іоан. XVIII. 36, Остр. подвизáлиса вѣша) и т. д. и вторичномъ съ частицей вы: препитáлиса вѣ (Быт. I. 20, Остр. дасá прекóрмаѣѣ, Первоп. дасѣ прекóрмаѣѣ), давы хваліли и исповѣдалиса и слѣжили (2 Пар. XXXI. 2, Остр. давы слѣжили и исповѣдалиса, и пѣли), аки вы принесли (Ис. LXVI. 20, Остр. іакоже принесóша), вз снѣже вы не пришли (Іер. XLIX. 36, Остр. не пріидѣѣѣѣ), давы ѡдавáли (Дан. VI. 2, Остр. другой текстъ повѣдаемѣѣ), аще вы тáтїе влѣзли (Авд. I. 5, Остр. аще тáтїе вѣша влѣзли, Первоп. вѣша влѣзли), давы имѣли, пріимáли (2 Макк. II. 26, Остр. другой текстъ), аки вы пріимáли (3 Макк. I. 25, Остр. другой текстъ—произволáхѣѣ), аще вѣли вы, оуготоваѣли вы (ibid. V. 21, Остр. сѣѣѣ, оуготоваѣша), то вѣли вы (Іов. VI. 3, Остр. вѣдѣѣѣѣ), аще вы не оуничтожили мѣ (Юд. XI. 2, Остр. аще не вѣ... оуничжиша, Первоп. аще не вѣша... оуничжиѣша) и т. д.

Изъ приведенныхъ случаевъ вторичныхъ формъ только одинъ имѣется уже въ Острожской (и Первопечатной); въ остальныхъ же находимъ въ Острожской библии или исконную форму (рѣдко), или совсѣмъ другіе обороты, замѣненные уже при позднѣйшей редакціи (Елисаветинской) новыми формами, перенесенными изъ современнаго живаго русскаго языка. Формы двойственнаго числа условнаго наклоненія не встрѣчаются.

Кромѣ указанныхъ выше образованій, изрѣдка встрѣчается соединеніе изъявительнаго наклоненія аориста съ формами вспомогательнаго глагола вѣхѣ: тогда наскочіхѣ вѣхѣ на вы словесы (Іов. XVI. 4, Остр. аще наскакѣ на вы словесы, Первоп. на-скакаѣхѣ), и вѣдѣѣѣѣ аки вы не ѡвратіхѣ іхѣ (Зах. X. 6, Остр. и вѣдѣѣѣѣ внѣже коварѣство не взвратіхѣ іхѣ, Первоп. возвра-тіхѣ) и т. д. Формы эти имѣются только въ Новой библии, а въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другіе обороты. Внесены онѣ въ текстъ уже впоследствии при послѣдней его редакціи.

Формы вспомогательнаго вѣхѣ нерѣдко сливаются въ написаніяхъ съ причастіемъ прошедшимъ, или съ союзами, что указываетъ на ихъ второстепенное значеніе; очевидно, онѣ чувствовались по-

чти какъ окончанія или суффиксы. Примѣромъ можетъ служить: оукрылыбыхса (Пс. LIV. 13, Остр. оукрылыбыхса, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Случаи слитнаго написанія вы съ союзомъ да (давы) см. выше (стр. 392).

Разсмотрѣнныя формы встрѣчаются и у грамматиковъ. У Л. Зизанія онѣ являются въ „молитвенномъ наклоненіи“ („образѣ“), представляющемъ слѣдующія подраздѣленія: „мимошедшее“ — дā гавилъвы, гавилъвы ѳси, гавилъвы. дā вы гавиховѣ, гавиस्ता вы, вы. дāвы гавихомъ, гависте вы, гавиша вы; „протяженное“ — дā вы гавлѣ, гавлѣ вы ѳси, ла, ло. гавлѣшевы. дā вы гавлѣховѣ, вабы. стабы. гавлѣстабы, дā вы гавлѣхѣ, гавлѣстебы, гавлѣхѣвы, „пресовершенное“ — дабы гавлѣ, гавлѣлѣвы ѳси, ла, ло. гавлѣшевы. дā вы гавлѣховѣ, хова; гавлѣстабы (bis), дā гавлѣхѣ, гавлѣстебы, гавлѣхѣвы (л. 58); приблизительно такія же формы находимъ у глагола гласити: „молитвеннаго мимошедшее“ — дā вы гласилъ, гласилъ вы ѳси, ла вы, ло вы. дабы гласиховѣ, гласиста вы (bis), множ. дā вы гласихѣ, систебы, шабы; „протяженное“ — дā вы глашѣ, глашалъ вы ѳси, ла вы, ло вы, шалъ вы, глашаше вы; дв. дā вы глашѣховѣ, стабы; дабы глашѣхѣ, стебы, хѣвы, шабы; „пресовершенное“ — дабы глашѣ, глашѣлѣвы ѳси, ла, ло, глашѣшевы, дв. дабы глашѣховѣ, шалѣстабы, стабы; дабы глашѣхѣ, шалѣстебы, хѣвы, шабы и пр. (л. 71 на об. и 72); отъ быти: „непредѣльное“ — дā выль вы, вы вы ѳси, вывы; дā вывыховѣ, ва; выста вы, выста вы; мн. дā вы выхѣ, выстебы, вышабы, вѣхѣ (л. 77) и т. д. Въ этихъ парадигмахъ мы находимъ смѣсь различныхъ формъ условнаго или сослагательнаго наклоненія: рядомъ съ исконными, въ родѣ 1 л. гавилъ, гласилъ выхъ, 3 л. гавилъ, гласилъ вы, имѣются вторичныя, представляющія или формы сложнаго прошедшаго съ прибавленіемъ частицы вы (2 л. гавилъ вы ѳси, ср. выше, стр. 391, гавлѣлѣ вы ѳси, гласилъ вы ѳси и т. д.), или формы изъявительнаго аориста и имперфекта также съ прибавленіемъ частицы вы: ед. ч. гавлѣше вы, глашаше вы и т. д., дв. ч. дā вы гавиховѣ, гавиस्ता, дā вы гавлѣховѣ, гавлѣста вы, дā вы гласиховѣ, гласиста вы и т. д. мн. ч. дā вы гавихомъ, да вы гласихомъ, гависте вы, гласисте вы, гавиша вы, гавлѣхѣ вы и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ формъ въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются только формы двойственнаго числа, а также и формы имперфекта (съ контракціей и безъ контракціи) съ частицей *вы*.

У М. Смотрицкаго мы находимъ занимающія насъ формы въ его „сослагательномъ наклоненіи“, которое у него представляетъ слѣдующіе временные отбѣнки: „вида совершеннаго: 1) настоящее“—*ѣще вымъ чѣлз, члѣ, члѣ* (ср. Острожской библии Пс. Е. 18, *далз вымъ, Первоп. далз выхъз; Остр. Пс. LXXX. 14, възложилъ вы, Первоп. възложилъ выхъз; Остр. Пс. LIV. 13, претерпѣлъ вымъ, Первоп. претерпѣлъ выхъз; въ Новой тѣ же формы, что и въ Первоп.); 2 л. ѣще вы еси чѣлз и т. д.* (какъ и у Зизанія и въ Новой, см. выше, стр. 391 и 394); 3 л. *ѣще вы чѣлз и т. д.* (исконная форма); въ двойственномъ и множественномъ замѣчается вліяніе польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ *byliśmy, byliście* и т. д.: дв., мн. и ср. *ѣще вы члѣсма, члѣста, члѣста; ж. р. ѣще вы члѣсмѣ, члѣстѣ, стѣ; мн. ч. ѣще вы члѣсмы, ѣще вы члѣсте, члѣи*. Формы эти въ библейскомъ текстѣ отсутствуютъ. Въ „преходящемъ“ того же вида находимъ—въ первомъ лицѣ ед. ч. форму съ *ыхъз*: *ѣще выхъз чѣлз* (исконную), во второмъ *ѣще вылз еси (чѣлз?)*; т. е. форму давнопрошедшаго, въ третьемъ (?)—*бѣше (чѣлз?)*; дв. ч. м. и ср. р. *ѣще высма члѣ, выста, ста, ж. р. ѣще высмѣ члѣ, выстѣ, стѣ* (не встрѣчаются въ текстахъ), множ. ч. *ѣще выхомъз члѣи, высте* (формы исконныя), *бѣхъ* или *выша* (т. е. члѣи). Формы имперфекта съ причастіемъ прошедшимъ на *-лъ*, находимыя здѣсь, языку Библии чужды. Въ томъ же родѣ и другія „времена“, напр. „вида учащательнаго настоящего“ *ѣще вымъ, ѣще вы еси, ѣще вы читалъ, ла, ло; дв. м. и ср. р. ѣще вы читаласма, читаласта, ста; ж. р. ѣщевы читалѣсмѣ, читалѣстѣ, стѣ; множ. ч. ѣще вы читалисмы, читалисте, читали*. Ближе къ исконнымъ формамъ „прешедшее“ М. Смотрицкаго: ед. ч. *ѣще выхъз читалъ, ла, ло; вылз еси, ла, ло; бѣше* (какое лицо?); дв. ч. м. и ср. р. *ѣще высма читала, выста, ста* (л. 194 на обѣихъ сторонахъ); ж. р. *ѣще высмѣ читалѣ, выстѣ, стѣ; множ. ч. ѣще выхомъз читали, высте, бѣхъ*, или *выша*; „мимошедшее“—*ѣще выхъз читаалъ, ла, ло, вылз еси, ла, ло, бѣше; дв. ч. м. и ср.*

ѣще вѣсма читаала, вѣста, ста; ж. р. ѣще вѣсмѣ читаалѣ, вѣстѣ, вѣстѣ; мн. ч. ѣще вѣхомъ читаали, вѣсте, вѣхѣ или вѣша; „непредѣльное“—ѣще вѣхъ прочелъ, члѣ, ло; вѣлъ ѣси, лѣ, ло; вѣше; дв. м. и ср. ѣще вѣсма прочлѣ, вѣста, ста; ж. р. ѣще вѣсмѣ прочлѣ, вѣстѣ, стѣ; множ. ѣще вѣхомъ прочлѣ, вѣсте(,) вѣхѣ, или вѣша и т. д. Въ этомъ же родѣ и „наклоненіе подчинительное“ Смотрицкаго, въ которомъ только находимъ другой союзъ дѣ: „преходящее“ да вѣхъ чѣлъ, вѣлъ ѣси, вѣше; дв. мн. и ср. да вѣсма члѣ, ж. да вѣсмѣ члѣ и т. д. (л. 195—196). Многія изъ приведенныхъ здѣсь формъ въ библейскомъ текстѣ вовсе не встрѣчаются и принадлежатъ, вѣроятно, самому Смотрицкому; таковы формы имперфекта съ частицей вѣ, нѣкоторыя формы, образованныя по типу польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ *chodziłem, chodziliśmu* и т. д. Быть можетъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ формъ, не встрѣчающихся въ церковнославянскомъ московскаго типа, употребляются въ смѣшанномъ югозападномъ церковнославянскомъ, разсмотрѣніе котораго не входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Отъ соответствующихъ парадигмовъ Л. Зизанія формы, находимыя у М. Смотрицкаго, отличаются въ общемъ незначительно. Общимъ характернымъ признакомъ является у тѣхъ и другихъ пестрое смѣшеніе разнокалиберныхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ формъ. У Смотрицкаго искусственного элемента больше, чѣмъ у Л. Зизанія.

§ 26. *Страдательный залогъ*, какъ и въ старославянскомъ выражается или формами возвратнаго залога, или описательными выраженіями. Употребленіе тѣхъ или другихъ формъ совсѣмъ безразлично и не связано ни съ какими оттѣнками значенія. Относительно первыхъ, т. е. возвратныхъ съ мѣстоименіемъ -сѣ, нужно замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе возвратное уже является въ качествѣ простого суффикса, сливагося съ глагольной формой; это морфологическое слияніе выражается и графически—слитными написаніями въ родѣ: *кѣщахѣсѣ* (Мр. I. 6, Остр. *кѣщахѣсѣ*), *свлюдѣтсѣ* (Лук. V. 38, Зогр. *свлюдѣтъ сѣ*, Остр. *свлюдѣтсѣ*) и т. д. Случаевъ, въ которыхъ сѣ было бы отдѣлено отъ своего глагола другими словами

или стояло бы впереди его, немного; въ первомъ случаѣ мы обыкновенно находимъ слитныя написанія, показывающія, что съ все же чувствуется второстепенной и неразрывной морфологической частью слова: оўсрамѣхвосѣ (2 Езд. VIII. 51, Остр. оўсрамѣвосѣ, Первоп. какъ въ Новой), оўкрылвыхсѣ (Пе. LIV. 13, Остр. оўкрылз высѣ, Первоп. какъ въ Новой), спасѣтлсѣ (Ис. XLIX. 24, Остр. сѣсетлѣсѣ, Первоп. спасѣтлсѣ), посмѣетемлсѣ (Иов. XXI. 3, Остр. непосмѣетемлсѣ, Первоп. какъ въ Новой), ѡставлѣюттлсѣ (Лук. V. 23, Остр. ѡставлѣюттлсѣ, Первоп. ѡставлѣюттлсѣ); не прикасѣютвосѣ (Иоан. IV. 9, Остр. неприкасѣютвосѣ, Первоп. неприкасѣютвосѣ), 3 ед: дивѣтлсѣ (Иов. XXXVI. 28, Остр. дивѣтлсѣ, Первоп. какъ въ Новой), ѣзмѣнѣетлсѣ (ibid. Остр. ѣзмѣнѣеттлсѣ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Примѣры второго случая встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библии: дасѣ ѣсправитз (Пе. СХV. 2, Первоп. и Нов. да ѣсправитсѣ) и т. д.

Перифрастическія же формы страдательнаго залога не представляютъ ничего особеннаго, сравнительно со старославянскими.

Настоящее время выражается причастіемъ настоящаго времени страдательнаго залога съ формами вспомогательнаго глагола ѣсмь: 3 л. мн. мѣчими сѣтъ (Исх. V. 16, Остр. мѣчими сѣтъ) и т. д.

Прошедшее время выражается также причастіемъ страдат. настоящимъ или прошедшимъ съ имперфектомъ, аористомъ или сложнымъ прошедшимъ вспомогательнаго глагола: бѣше хранима (Лев. XIX. 20), бѣше прослѣвленз (Исх. XXXIV. 30), ѡбвѣтъ бѣше (1 Цств. XXI. 9), бѣени выша (Исх. V. 14), слышаны выша (1 Цств. XVII. 31), оўкрашенна былѣ ѣси (Иез. XVI. 13), ѡслобленз былз ѣси (3 Цств. II. 26) и т. д. Причастіе прошедшее страдательнаго встрѣчается также съ настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола въ значеніи прошедшаго страдат. взѣтъ ѣси (Быт. III. 19, Остр. взѣтъ бысть) и т. д.

Сослагательное или условное наклоненіе также имѣется: ѣще выхомз сожѣни были (3 Езд. XII. 44) и т. д.

Будущее время выражается причастіемъ страдательнаго настоящаго или прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаго-

ломъ вѣдѣ: ѡбладáеми не вѣдемъ (Іер. II. 31), гатъ вѣдетъ (Исх. XXII. 4), познáнъ вѣдѣ (Исх. XXX. 6) и т. д.

У Зизанія страдательный залогъ имѣеть всегда возвратныя формы: гáвлѡса, гáвишиса, гáвитса, 1 л. множ. гáвимѡса (1 л. дѣйств. гáвимъ: л. 57 на об.), гáвитѣса, гáвѣтса и т. д. (л. 60) и т. д.

Тоже находимъ и у М. Смотрицкаго: наст. чтоу́са, чтѣшиса, чтѣтса; дв. чтѣмаса, чтѣмѣса, чтѣтаса, чтѣтѣса; мн. чтѣмса и т. д., но рядомъ у него приводятся и перифрастическія выраженія: чтѡмъ, ма, мо бывáю, еши, етъ; дв. чтѡма бывáема, чтѡмѣ бывáемѣ... мн. чтѡми, чтѡмы, чтѡма бывáемъ и т. д. (л. 201 на об.).

Въ такомъ видѣ проведено у него все страдательное спряженіе. Формальныя особенности, замѣчаемыя здѣсь, разсмотрѣны уже выше и новаго ничего не представляютъ.

§ 27. *Неопредѣленное наклоненіе и супинъ.* Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе ничѣмъ не отличается въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянскаго.

Суффиксомъ у глаголовъ съ основой на гласный и всѣ согласные, кромѣ заднеязычныхъ (к, г, х), служить -t'і (цслав. -ти), отвѣчающее стел. -ти, а у глаголовъ съ основой на заднеязычный согласный—š'č'і (цсл. -ши=стел. -шити). Формъ на -t' (цсл. -ть) въ Новой бібліи не встрѣчается. Формы эти имѣють также значеніе супина, совѣмъ не встрѣчающагося въ церковнославянскомъ, уже въ Острожской бібліи: снъ во члѣвѣскій не прійде дѣши члѣвѣскихъ погѣвити, но спасти (Л. IX. 56, Зогр. 55. погоубитъ нъ сънасть, Остр. погѣвити, нѡ сѣпті), послá Исѣсъ... соглáдати (І. Нав. II. 1, Остр. сзглáдати), свѣзати Гамуѡна прійдѡхомъ, ѡ сотвори́ти ѣмѣ... (Суд. XV. 10, Остр. свѣзати, сзтворити) и т. д. помощі (Вар. IV. 17), рещі (Быт. XXVI. 7) моцї, теци (М. Смотр. л. 215) и т. д. У Л. Зизанія и М. Смотрицкаго имѣются такія же формы. У послѣдняго можно отмѣтить фиктивныя формы неопред. наклоненія „мимошедшаго“ вр., какъ читаати (подъ вліяніемъ имперфекта безъ контракціи) или „непредѣльнаго“ и „будущаго“ прочесті и т. д. (л. 197 на обор.).

Формъ супина ни у того, ни у другого не встрѣчается, что вполне естественно въ виду его ранняго исчезновенія и въ русскомъ языкѣ.

З а б л ю ч е н і е .

Мы закончили нашъ бѣглый очеркъ фонетики и морфологіи церковнославянскаго языка московскаго или великорусскаго типа. Въ основу его положены нами три памятника, отдѣленные другъ отъ друга приблизительнымъ разстояніемъ около 80—90 лѣтъ: Острожская библия (1581 г.), Первопечатная Московская (1663 г.) и Новая, представляющая собой точную перепечатку Елизаветинской исправленной библии 1751 и 1756 гг. ¹⁾ Эти тексты взяты нами, во-первыхъ, какъ наиболѣе разнообразныя и богатые по языку, и, во-вторыхъ, какъ наиболѣе типичныя представители позднѣйшаго церковнославянскаго. Острожская библия, какъ извѣстно, основана на спискѣ, присланномъ князю Константину Острожскому изъ Москвы царемъ Иваномъ Грознымъ ²⁾ и очень близкомъ къ такъ называемому Геннадіевскому списку библии. Этотъ послѣдній составленъ въ самомъ концѣ XV в. (1499 г.) и представляетъ во всякомъ случаѣ въ значительной степени великорусскую переработку текстовъ, хотя бы первично и не русскаго извода ³⁾. Такъ какъ Острожская библия является резуль-

¹⁾ Изданія Елизаветинской библии 1751 и 1756 г. не отличаются ничѣмъ другъ отъ друга въ отношеніи текста и языка. Во второмъ только прибавлены гравюры въ началѣ каждой ветхозавѣтной книги (въ первомъ лишь въ началѣ книги Бытія); кромѣ того, въ немъ употреблены другія заставки и виньетки въ концѣ книгъ, большаго размѣра и изящества. Вообще второе изданіе отличается отъ перваго болѣе типичнымъ типографскимъ изяществомъ. Отъ современныхъ изданій (мы пользовались Московскимъ въ малую 8° 1879 г.) отличія ничтожны. Текстъ, формы, акцентуація, правописаніе тождественны. Уклоненія современныхъ изданій заключаются только въ исправленіи незначительныхъ опечатокъ и разрѣшеніи нѣкоторыхъ сокращеній или, наоборотъ, въ подведеніи подъ титла.

²⁾ См. Предисловіе къ Острожской библии.

³⁾ Объ этомъ спискѣ и его отношеніи къ Острожской библии, см. Описаніе рукописей Синод. бібліотеки 1855, стр. 1—164, а также Буслаевъ, Историческая Христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ,

татомъ извѣстной редакціонной обработки ¹⁾, а не простой перепечаткой присланнаго изъ Москвы рукописнаго списка, то, разумѣется, языкъ и текстъ этого послѣдняго должны были подвернуться нѣкоторымъ, хотя бы и не особенно значительнымъ, измѣненіямъ. Главнымъ дѣятелемъ при ея печатаніи былъ, какъ извѣстно, московскій первопечатникъ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ ²⁾. Такимъ образомъ, Острожская библія легко могла получить и дѣйствительно получила въ значительной степени великорусскую (московскую) окраску ³⁾, которая еще болѣе усилилась въ ея московской перепечаткѣ 1663 г.

Библія Скорины на 60 слишкомъ лѣтъ старше Острожской ⁴⁾, но представляетъ совсѣмъ другой (и довольно рѣдкій) типъ языка — смѣсь церковнославянскаго, польскаго, бѣлорусскаго и чешскаго, почему мы и оставили ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ имѣется уже довольно обстоятельное изслѣдованіе этого памятника со стороны языка въ только-что цитированной книгѣ проф. П. В. Владимірова. Нельзя, конечно, отрицать, что тексты, въ родѣ библіи Скорины или различныхъ произведеній югозападной русской литературы, писанные на польско-малорусско (или бѣлорусско-) церковнославянскомъ, обращались среди великоруссовъ и, слѣдовательно, оказывали извѣстное вліяніе на ихъ языкъ, но, съ другой стороны, мы также знаемъ, что не только на Москвѣ, но и у всѣхъ православныхъ славянъ въ борьбѣ за существованіе между нѣсколькими типами церковно-книжнаго языка одержалъ верхъ именно типъ великорусско-церковнославянскій, вполне опредѣленно сказавшійся уже въ Острожской библіи и сохранившій лишь незначительные остатки другихъ не русскихъ изводовъ

Москва, 1861, стр. 185—198; кромѣ того, Н. Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса, 1883, стр. 114—116, 120—123.

¹⁾ См. объ этомъ Предисловіе къ Острожской библіи.

²⁾ О дѣятельности Острожской типографіи см. М. А. Максимовича Книжная старина южно-русская во Временникѣ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Кн. I. 1849. Смѣсь, стр. 1—12; стр. 5—8.

³⁾ См. Владиміровъ, П. В., Докторъ Францъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888, стр. 204—205, 207.

⁴⁾ Объ отношеніи Острожской библіи къ Скорининской, см. цитир. сочин. Владимірова, стр. 211—218.

(болгарскаго и сербскаго), а также и слабыя слѣды малорусскаго вліянія. Очевидно, что побѣда досталась ему по праву, какъ болѣе сильному, т. е. болѣе распространенному, а также и поставленному въ лучшія условія существованія. Отсюда не будетъ тяжелой предположить, что и наибольшая доля вліянія на живой великорусскій языкъ должна была принадлежать именно этому книжному великорусско-церковнославянскому языку. Особенности и постепенныя измѣненія его лучше всего могутъ быть прослѣжены именно на трехъ вышеуказанныхъ библіяхъ, подвергавшихся въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій троскратному пересмотру и исправленію и представляющихъ какъ бы три послѣдовательныя стадіи на пути отъ средняго церковнославянскаго къ новому. Пересмотръ этотъ не проходилъ даромъ не только для текста, но и для языка, — напротивъ, замѣтно отражался на немъ. Благодаря этому, наблюдается довольно значительная разница между языкомъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ старославянскихъ рукописей или подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, на примѣръ, въ Елизаветинской редакціи, и такихъ, которыя были напечатаны съ болѣе позднихъ рукописей, сильно исправлены или совсѣмъ заново переведены для Елизаветинской библіи ¹⁾ Но такъ какъ главной цѣлью нашего вышепредложеннаго очерка было дать лишь общую характеристику позднѣйшаго церковнославянскаго, а не детальную и всестороннюю его исторію, то мы игнорировали хронологическія разницы между языкомъ, положимъ, книги Іова, Руѣи или Бытія и т. д. съ одной стороны и книгъ Маккавейскихъ, Юдиои, Эсѣири, Товита и т. д. съ другой. Мы считали себя въ правѣ сдѣлать это не только потому, что уже самый фактъ напечатанія ихъ рядомъ, такъ сказать, подводитъ ихъ подъ одинъ уровень и какъ бы дѣлаетъ не существующими хронологическія разницы между рукописными оригиналами-источниками печатнаго изданія, но также

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ Чистовича: Исправленіе Славянской Библіи (Православное Обзорніе. 1860, апрѣль, май), стр. 42, 54, а также въ статьѣ Лебедева, В. Къ исторіи кирилло-меодіевскаго славянскаго перевода Библіи на Руси (Страничъ 1885, томъ I, стр. 3—29, 201—230, 393—411, 584—589).

и потому, что для нашей главной цѣли—изслѣдованія церковно-славянскихъ элементовъ въ современномъ русскомъ языкѣ съ общесравнительной точки зрѣнія, какъ одного изъ проявленій процесса заимствованія въ языкѣ, вышеупомянутые вопросы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Поэтому же мы не даемъ здѣсь и историческаго очерка судьбъ старославянскаго языка на Руси съ его перваго въ ней появленія ¹⁾ до начала книгопечатанія (вторая половина XVI в.). Особенности рукописныхъ памятниковъ русской рецензіи уже достаточно изслѣдованы и общеизвѣстны; особенности же окончательно сложившагося и закрѣпленнаго Елизаветинской редакціей церковнославянскаго печатнаго языка до сихъ поръ не были представлены сколько-нибудь полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Единственная почти попытка этого рода—Грамматика Славяно-церковнаго языка новаго періода В. Класовскаго ²⁾ весьма неполна въ отношеніи матеріала и часто совсѣмъ недостоверна, ибо приводитъ не существующія формы безъ всякихъ доказательствъ. Мы далеки отъ мысли считать предложенный выше общій очеркъ церковнославянскаго языка новаго періода свободнымъ отъ всякихъ недостатковъ, но позволяемъ себѣ надѣяться, что, при отсутствіи въ научной литературѣ исчерпывающаго представленія этого предмета, наша попытка будетъ не совсѣмъ лишней. Вездѣ мы старались провести параллель между дѣйствительными фактами языка, находимыми въ библейскомъ текстѣ, и современной имъ грамматической теоріей, главными представителями которой являются Л. Зизаній и М. Смотрицкій ³⁾.

¹⁾ Краткій подобный очеркъ можно найти у А. И. Соболевскаго. Судьбы Церковно-Славянскаго языка. Лекціи (литогр. изданіе). Спб. 1891, стр. 21—31 и въ цитиров. уже книгѣ Засадкевича.

²⁾ Второе измѣн. изданіе 1867, Спб. 12^о, М. О. Вольфъ, пятое, безъ перемѣнъ 1887. Существуетъ еще школьный учебникъ Кузьмина: Грамматика церковнославянскаго языка, новаго періода. М. 1885.

³⁾ Что касается грамматики М. Смотрицкаго, то мы пользовались главнымъ образомъ ея вторымъ (точнѣе третьимъ) московскимъ изданіемъ 1648 г., ссылаясь на первое изданіе (Евю, 1619) только изрѣдка. При этомъ мы имѣли въ виду большую близость московскаго изданія (какъ извѣстно, довольно сильно измѣненнаго московскими справщиками) къ вырабатывавшемуся въ то время окончательному типу великорусско-церковнославянскаго

При этомъ довольно часто обнаруживалось несоотвѣтствіе между обѣими сторонами, не позволяющее намъ вполне согласиться съ тѣми учеными, которые, начиная съ покойнаго Григоровича ¹⁾, приписываютъ грамматикѣ Смотрицкаго особенно сильное, почти исключительное, вліяніе на окончательное образованіе церковно-славянскаго языка новаго періода. Намъ кажется, что грамматика Смотрицкаго была часто довольно независима отъ современныхъ ему образцовъ языка ²⁾, представляя нерѣдко чисто субъективные взгляды и желанія самого автора, и, въ свою очередь, языковое чутье справщиковъ и другихъ знатоковъ церковно-славянскаго, выработывавшихъ его не на одной грамматикѣ Смотрицкаго, но и на чтеніи разнаго рода текстовъ, довольно успѣшно боролось съ навязываемыми ему чуждыми или субъективными формами и правилами. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе Евюнскаго изданія 1619 г. съ московскимъ 1648 г. Какъ извѣстно уже, это послѣднее отличается отъ оригинальнаго. Отличія заключаются не только въ опущеніи оригинальнаго предисловія и замѣнѣ его собственнымъ, представляющимъ въ большей части выпиской изъ сочиненій Максима Грека, въ прибавкѣ послѣловія (также изъ сочиненій Максима Грека), въ опущеніи греческихъ и латинскихъ терминовъ, а также и имени ренегата-автора, которое могло бы

языка, а, слѣдовательно, и большее его значеніе для поставленной нами себѣ цѣли.

¹⁾ «... со времени, когда обращено было просвѣщенное вниманіе на исправленіе священныхъ книгъ, ученые въ опредѣленіи свойствъ и выговора Словянскаго языка рѣшительно руководствовались чувствомъ Русскаго языка. Наконецъ, послѣдовательность такого пониманія была навсегда утверждена полною теоріей сего языка въ знаменитой грамматикѣ М. Смотрицкаго. Отсебѣ правила этой грамматики служили послѣднимъ опредѣленіемъ Церковно-Словянскаго языка. Оставаясь примѣчательнѣйшимъ трудомъ ученаго XVII столѣтія, она есть результатъ всѣхъ измѣненій, какимъ подвергался у насъ въ Россіи Словянскій языкъ въ продолженіе семи столѣтій. вмѣстѣ съ этимъ, бывъ первымъ послѣдовательнымъ опредѣленіемъ языка, она изгладилла также послѣднія воспоминанія о древнѣйшемъ его характерѣ. И не только у насъ въ Россіи, но и у Сербовъ и Болгарь, даже у католическихъ Словянъ, употреблявшихъ глаголиту, она заставила забыть древніе звуки и формы Словянскаго языка и подчинила господствующему въ Россіи употребленію его» (Григоровичъ. Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. Казань, 1852, стр. 10—11).

²⁾ Ближе всего первое изданіе ея къ языку Острожской бібліи.

вызывать недоуверіе и подозрѣніе, но главнымъ образомъ въ измѣненіи самого грамматическаго матеріала. Московскіе издатели не оставили безъ исправленія ни одной почти формы, ни одной акцентуаціи, которыя имъ показались странными или непривычными. Такъ, въ склоненіяхъ московскаго изданія мы находимъ много позднѣйшихъ, чисто русскихъ формъ, на мѣстѣ которыхъ въ оригинальномъ имѣются древнія старославянскія или болѣе близкія къ нимъ; въ спряженіяхъ измѣненій меньше (такъ почему-то сохранены все образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но все онѣ сдѣланы въ пользу новѣйшихъ, позднѣйшихъ формъ. Особенно много измѣненій въ акцентуаціи, которая въ московскомъ изданіи поставлена по русскому образцу. Какъ образчикъ, мы приведемъ различія въ склоненіи бывшихъ основъ на ā-, jā-:

Гран. Словарь.
Е в ю. 1819

Москва. 1848

Дат. предл.	сноѣѣ	снохѣѣ
Дат. множ.	снохамъ	снохамъ
Творительный	снохами	снохами
Предложный	снохѣхъ	снохѣхъ
Родит. един.	мрѣжѣ	мрѣжи
Винительный	мрѣжѣ	мрѣжию
Им. множ.	} мрѣжѣ	мрѣжи
Винительный		мрѣжи
Звательный		мрѣжи
Винит. множ.	юношы и юношѣ	только юношы
Род. един.	} тогѣ пи́нницѣ	тогѣ и тоѣ пи́нницѣ
Д. пр. м. и ж.	пи́нницѣ	пи́нницѣѣ
Именит. множ.	ти́ пи́нницѣ, ти́ѣ пи́нницѣ	м. ж. пи́нницѣ
Род. ед. м.	ѡвръѣци, ж. ѡвръѣциѣ	м. ж. ѡвръѣци
Винит. множ.	захѣриѣ	захѣри
Родит. един.	лѣдиѣ	лоди
Дат. предл.	лѣди	лоди
Винительный	лѣдию	лодию

Им. вин. мн.	лѣдїѧ	лѣдїи
Родительный	лѣдїи	лѣдїи, їи
Родит. множ.	сѣдїи	сѣдїи, їи
Винительный	сѣдїѧ	сѣдїи
Именит. един.	самарѧныни	самарѧныиѧ
Родительный	самарѧныиѧ	самарѧныи
Дательный	самарѧныи	самарѧныиѧ
Предложный		самарѧныи и т. д.

При подробномъ сличеніи ¹⁾ этихъ двухъ изданій нетрудно убѣдиться, что не только грамматика Смотрицкаго (Евю 1619) не повліяла на церковнославянскій языкъ московскихъ ея издателей, но, наоборотъ, сама она подверглась передѣлкѣ въ ихъ рукахъ. Передѣлка эта совершилась подѣ несомнѣннымъ вліяніемъ живого великорусскаго языка, которое вызвало и извѣстныя особенности великорусскаго церковнославянскаго ²⁾. Такимъ образомъ, если говорить о вліяніи грамматики Смотрицкаго на позднѣйшій церковнославянскій, то только разумѣя ея московское изданіе, въ которое внесено много особенностей великорусскаго церковнославянскаго, развившихся въ немъ подѣ непосредственнымъ воздѣйствіемъ живого языка и независимо отъ какой бы то ни было грамматической теоріи. Выше однако мы видѣли, что и парадигмы московскаго изданія далеко не всегда согласуются съ формами, добытыми изъ самаго текста. Нѣкоторыхъ формъ, сохранныхъ и въ московскомъ изданіи (въ родѣ сослагательнаго въ польскомъ вкусѣ), въ библейскомъ текстѣ всетаки не встрѣчается. Отсюда намъ кажется, что, не отрицая вообще возможности влія-

¹⁾ Мы производили подобное сличеніе, но приводимъ выше лишь небольшой образецъ добытыхъ результатовъ.

²⁾ Мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Засадковичемъ (цит. сочиненіе, стр. 132—133), что причины измѣненій, произведенныхъ московскими издателями въ грамматику Смотрицкаго, заключались въ недовѣрїи къ ренегату-автору и боязни предѣ еретическими его ученіями. Эти мотивы могли ихъ заставить умолчать имя автора, замѣнить предисловіе новымъ и т. д. Измѣненія же въ парадигмахъ прямо вызывались далекостью оригинальнаго изданія Смотрицкаго отъ привычнаго издателямъ типа церковнославянскаго языка, сообразно съ которымъ они и измѣнили свой оригиналь.

нія граматики Смотрицкаго (особенно московскаго изданія) на новий церковнославянскій, слѣдуетъ, однако, говорить объ этомъ въ менѣ категоричномъ тонѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается.

К о н е ц ъ .

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>	
8	13	сверху	проязыка	праязыка
17	20	снизу	зѣимствованѣ	заимствовалѣ
21	6	—	сѣгласнѣ	сѣгласнѣ
27	10	сверху	¹⁾	²⁾
30	1	—	t'ylæfón	t'yl'æfón
32	13	снизу	имѣеть	имѣется
59	7	сверху	<i>приблужаго</i>	<i>приблужаю</i>
61	12	снизу	такон	такон
63	2	—	Moscoviticom	Moscoviticam
—	3	—	но	ко
82	12	сверху	Sasy	Sacy
105	11	—	чувствоватья	чувствоваться
143	1	снизу	slæ'zy	sl'æzy
144	9	—	dĕtĭn	dĕtĭn,
147	12	—	(=č')	=č'
150	18	—	(š)	š)
151	17	сверху	žd	žd
152	5	—	ž'd	žd

154 послѣ 18 — вставить: Въ первомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (Евю. 1619) различаются г и Г, первое для спиранта γ, второе для взрывного g. Въ московскомъ же изданіи находимъ только одинъ знакъ г, звуковое значеніе котораго неясно. Казались-ли два знака для такихъ близкихъ звуковъ, какъ γ и g, роскошью московскимъ издателямъ, или ихъ произношенію свойственъ былъ лишь одинъ (какой?) изъ этихъ звуковъ, рѣшить, разумѣется, нельзя.

<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
156	8 сверху	zz'z'	zz'z'
158	14 снизу	лежа	лежа
169	16 сверху	благостахъ	благостахъ
171	9 снизу	и-	и-
173	2 сверху	имене	ѣмене
174	8 —	удареніемъ	удареніемъ:
178	6 снизу	коло	кóло
187	5 —	двѣ	двѣ
204	9 —	рабѣини	рабѣинѣи
206	11 —	миг	миг
209	9 сверху	оюю	оюю
212	1 —	плевелы	плѣвелы
214	7 —	островѣвъ	островѣвъ
216	1 снизу	градовѣмъ	градовѣмъ
219	10 —	послѣми	послѣми
220	7 —	займствованныхъ	займствованнымъ
224	10 сверху	чада	чада
225	2 —	цѣствомъ	цѣствомъ
235	12 снизу	пещѣвъ	пѣщѣвъ
237	7 сверху	своѣ	своѣ
242	17 снизу	срцы	срцы
248	7 сверху	ісоусокомъ	ісоусокомъ
258	12 —	оно	оно
259	4 —	ономъ	ономъ
260	12 —	оной	оной
262	14 снизу	онѣмъ	онѣмъ
270	14 сверху	обѣ	обѣ
271	2 снизу	има	ѣма
273	15 сверху	очи	очи
—	18 —	своѣ	своѣ
275	3 —	слова: „Остр. и Перв. ваша“ перенести слѣдующую строку послѣ словъ: „Второз. III. 19“.	
277	6 сверху	ослѣтъ	ослѣтъ
—	7 снизу	краехъ	краехъ

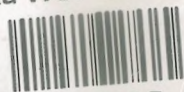
<i>Страница.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
278	10 сверху	Ѡ	Ѡ
283	11 —	Ме.	Ис.
303	12—13 снизу	хѠдѣйша,	хѠдѣйша),
305	7 сверху	слаше	слаше
306	10 снизу	тріе	тріе
309	13 —	Ѡсмію	Ѡсмію
313	14 сверху	оумрѣмз	оумрѣмз
319	— —	јадѠх	јадѠх
321	4 снизу	снѣте	снѣте
322	2 —	ѣгѠ	ѣгѠ
323	7 —	Ѡба	Ѡба
327	16 —	мои	мои
328	13 сверху	идемз	идемз
336	16 снизу	јазыки	јазыки
346	11 сверху	оудержимо	оудержимо
348	1 снизу	Эвю	Евю
351	1 сверху	сниде	сниде
352	16 сверху	вставить: Единственный примѣръ 1-го л. ед. аориста простого: ѡзъ... воздвѣгз (Дан. IV. 31, Остр. вздвѣгз, Перв. какъ въ Новой).	
—	16 снизу	совѣмз	почти совѣмз
—	послѣ 9 —	вставить: Единственный примѣръ 3 л. мн. на -са: ѣгда ѣсам тебѣ (Ез. XXIX. 7, Остр. ѣгдасѠ ѣша потѠ.	
356	7 сверху	работахз	работахз
369	9 снизу	јвѣховѣ	јвѣховѣ
373	3 —	поразивз	поразивз
378	10 —	творѣй	творѣй
381	14 сверху	оукрашенна	оукрашенна
382	1 —	ИлѠдѠрз	ИлѠдѠрз
—	7 —	ѡрхѣрѣй	ѡрхѣрѣй
384	13 снизу	творсѠ	творсѠ
—	8 —	причастіемз	причастіемз

№	Имя	Возраст	Состояние
1	Иван	10 лет	здоров
2	Михаил	11 —	—
3	Петр	12 —	здоров
4	Сергей	7 лет	здоров
5	Александр	10 лет	здоров
6	Владимир	13 —	—
7	Георгий	14 лет	здоров
8	Игорь	—	—
9	Юрий	4 лет	здоров
10	Андрей	5 —	—
11	Константин	7 —	—
12	Лев	10 —	—
13	Максим	13 лет	здоров
14	Николай	16 лет	здоров
15	Олег	11 лет	здоров
16	Павел	1 лет	здоров
17	Семён	1 лет	здоров
18	Тимофей	13 лет	здоров
19	Ульян	16 лет	здоров
20	Фёдор	11 лет	здоров
21	Харитон	1 лет	здоров
22	Церковный	13 лет	здоров
23	Домашний	10 лет	здоров
24	Служащий	9 —	здоров
25	Сторож	10 лет	здоров
26	Помощник	7 лет	здоров
27	Ученик	8 лет	здоров
28	Помощник	8 —	—
29	Сторож	10 —	—
30	Ученик	14 лет	здоров
31	Помощник	1 —	—
32	Сторож	7 —	—
33	Ученик	12 лет	здоров
34	Помощник	8 —	—

- Ч. XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи Е. Замысловскаго. 1884. Приложение: Матеріалы для ист.-геогр. атласа Россіи XVI в. 1884.
- » XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1884.
- » XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.) А. А. Барбашева. 1885.
- » XVI. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы И. П. Минаева. Томъ I. Вып. 1 и 2. 1887.
- » XVII. Серапионъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка, Евгенія Пѣтухова. 1888.
- » XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи А. Введенскаго. Часть первая. 1888.
- » XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка Н. Ланге. Часть первая. 1888.
- » XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ исторической источникъ. Н. М. Бубнова. 1890.
- » XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1889.
- » XXII. Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ Н. Д. Чечулина. 1889.
- » XXIII. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лапиданилевскаго. 1890.
- » XXIV. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709) И. А. Шляпкина. 1891.
- » XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. А. Сырку. 1891.
- » XXVI. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды В. К. Ернштедта. 1891.
- » XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth», какъ исторической источникъ. С. М. Середонина. 1891.
- » XXVIII. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами Вандилами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарий Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.
- » XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Феодора архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892.
- » XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.
- » XXXI. Акты и письма къ исторіи балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. Выпускъ второй. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Е. Прѣснякова. 1893.

Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского Универ-

Biblioteka WSP Kielce

0151185

- Ч. I. Прокопія Кесарійскаго Історія войнъ Римлянъ Вандилами и Готами. Переводъ съ греческаго Дестуниса, комментарий Гавріила Дестуниса, Історія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 1-ая. 1880.
- II. 1. Ioannis Vossacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій. 1876.
 2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ. 1876.
- III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка М. Бережкова. 1879.
- IV. Изъ древней исторіи Болгаръ Матвѣя Соколова. 1879.
- V. 1. Аеонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Тимоея Флоринскаго. 1880.
 2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.
- VI. Прокопія Кесарійскаго Історія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарий Гавріила Дестуниса. П. К. Історія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-ая. 1880. Приложение: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Атической Аеніѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. 1881.
- VII. Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни М. Владиславлева. Томы I и II. 1881.
- VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевского. 1881.
- IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. 1881.
- X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. 1-ый и 2-ой періоды жизни и дѣятельности (1799—1826) А. Незеленова. 1882.
- XI. Къ исторіи Аенскихъ драматическихъ состязаній П. Никитина. 1882.
- XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle par Vladimir Lamansky. 1884.